МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 3 2020

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 3 2020

Редакционный совет

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
Тетенькин А.В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 3 2020

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 3 2020

Editorial council

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (USA)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Teten'kin A.V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the catalog of JSC "Economic Newspaper" Publishing House
"The united catalog. Russian press. Newspapers and journals" – 41510 (OK+EC)
Address of JSC "Economic Newspaper" Publishing House: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2020

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 3 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Ташак В.И., Ковычев Е.В. Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) 9

Сергушева Е.А. Земледелие в позднем неолите юго-восточного Приморья, Дальний Восток России 32

Рассадников А.Ю. Оседлое скотоводство на рубеже III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье по археозоологическим материалам поселения Каменный Амбар 46

Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал) в XIII–XVII вв. 65

Дмитриев А.Г., Богданов А.В., Дмитриев А.А. Геофизические исследования при изучении мест захоронений жертв политических репрессий 94

ЭТНОЛОГИЯ

Бураева О.В., Бураева С.В. Нижнетунгусская этнографическая экспедиция 1930 г. (по материалам личного архива П.П. Хороших) 112

Новикова Н.И. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов Севера Сахалина 127

Терентьев В.И. Городская идентичность современных монгольских кочевников 141

ИСТОРИЯ

Трухин В.И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке 150

Багрин Е.А. Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию. 1 часть: переход Тобольск-Удинск (1686–1687 гг.) 162

Гаращенко А.Н., Гаращенко Л.В. Развитие сети казенных общеобразовательных учреждений в Иркутской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX в. 175

Урангуа Ж, Кузьмин Ю.В., Василенко В.А., Карасёв С.В. История мирового и российского монголоведения: национальные школы, проблемы, персоналии 188

Кискидосова Т.А. Сибирская пресса о проблемах нищенства в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века 197

Маджаров А.С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и ее историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и др.) 207

Бакшеев А.И., Бобылева О.М. Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века 220

МакНамара К.Дж. Русская «интернациональная» Гражданская война 230

Кургузов П.В. Последний бой генерала Левицкого (из истории Селенгинского похода Монголо-Бурятской конной бригады имени Зорикто Батора в январе 1920 г.) 242

Медведева Н.Н. Советский опыт волонтёрского движения (на примере Хакасии) 253

Миягашева С.Б. Подготовка кадров монгольского здравоохранения (на примере биографии первой женщины-министра МНР Д. Пунцаг) 266

Топчий И.А. Перспективы ввода китайских войск в Корею в 1970-е годы 279

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 3 2020

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Tashak V.I., Kovychev E.V. Bifacial tools of the stone industry of Sukhotino-4 site (Eastern Transbaikalia) 9

Sergusheva E.A. Agriculture in the Late Neolithic of the Southeastern Primorye, Far East of Russia 32

Rassadnikov A.Yu. The sedentary pastoralism at the turn of the III–II millennium BC in the Southern Trans-Urals based on archaeozoological materials of the settlement Kamennyi Ambar 46

Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Iron smelting in the Olkhon region (western coast of Lake Baikal) in the XIII–XVII centuries 65

Dmitriev A.G., Bogdanov A.V., Dmitriev A.A. Geophysical research in the study of burial places of victims of political repression 94

ETHNOLOGY

Buraeva O.V., Buraeva S.V. Lower Tunguska ethnographic expedition of 1930 (based on the personal archive of P.P. Khoroshikh) 112

Novikova N.I. Energy of entrepreneurship in traditional nature use of indigenous peoples of the Sakhalin North 127

Terentyev V.I. Urban identity of modern Mongolian nomads 141

HISTORY

Trukhin V.I. Administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian State in the 17th century 150

Bagrin E.A. Siberian regiments during F. Golovin campaign to Dauria. Part 1. The transition Tobolsk – Udinsk (1686–1687) 162

Garashchenko A.N., Garashchenko L.V. The development of a network of state educational institutions in the Irkutsk province in the late XVIII – first quarter of the XIX century 175

Urangua J., Kuzmin Yu.V., Vasilenko V.A., Karasev S.V. History of world and Russian Mongol studies: national schools, problems, personalities 188

Kiskidosova T.A. Siberian newspapers about the problems of begging in the late XIXth – early XXth centuries 197

Madzharov A.S. The doctrine of the split of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its historiographical sources (N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, etc.) 207

Baksheev A.I., Bobyleva O.M. An experience of state assistance to migrants to Siberia in the first decades of the XX century 220

McNamara K.J. Russia's "International" Civil War 230

Kurguzov P.V. The last battle of General Levitsky (from the history of the Selenginsky campaign of Mongol-Buryat cavalry brigade named after Zorikto Bator in January 1920) 242

Medvedeva N.N. Soviet experience of the volunteer movement (on the example of Khakassia) 253

Miyagasheva S.B. Training of Mongolian medical personnel (on the example of the biography of the first female minister D. Puntsag) 266

Topchiy I.A. Prospects for the entry of Chinese troops into Korea in the 1970s 279

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 3 2020

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 3 2020

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.21
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31

Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье)

© В.И. Ташак[a], Е.В. Ковычев[b]

[a] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
[b] Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация: Сухотино-4 – одно из крупнейших палеолитических поселений на западе Восточного Забайкалья, датируемое поздним этапом верхнего палеолита. В литологических уровнях археологического местонахождения выявлено 11 слоёв, содержащих артефакты. Многочисленные и разнообразные каменные артефакты поселения позволяют сделать его эталонным для изучения палеолитических культур региона, но только малая часть этих материалов была опубликована. Это стало причиной того, что в современных схемах развития палеолита Забайкалья и Восточной Азии Сухотино-4 рассматривается редко. Большую и типологически разнообразную группу изделий в Сухотино-4 составляют бифасы, которые использовались в качестве орудий. В нижних слоях многослойного поселения Сухотино-4 орудия с бифасиальной обработкой поверхности единичны. В верхних слоях их количество значительно увеличивается, что отражает тенденцию развития археологической индустрии. Во всех культурных слоях Сухотино-4 многочисленны заготовки клиновидных микронуклеусов, оформленных в виде бифасов, что указывает на существование техники изготовления бифасов на всем протяжении существования индустрии. На основании морфологического анализа выделяются несколько типов орудий бифасов. Результаты трасологического анализа бифасиальных орудий из Барун-Алана-1 – многослойного палеолитического поселения на востоке Западного Забайкалья, индустрия которого по многим параметрам аналогична Сухотино-4, позволяют определить большую часть бифасов как ножей для резки мяса. Другие группы изделий представляют: скрёбла, остроконечники, тесловидные орудия, листовидные бифасы. На Сухотино-4 в большом количестве представлены аналогичные по морфологии орудиям-бифасам орудия-унифасы. Полная идентичность орудий-бифасов из Барун-Алана-1 (слой 6) и Сухотино-4 позволяет поставить вопрос о культурной общности этих местонахождений.

Ключевые слова: археология, поздний этап верхнего палеолита, каменная индустрия, каменные орудия, бифасы, унифасы, Восточное Забайкалье, Западное Забайкалье, Сухотино-4, Барун-Алан-1

Благодарности: Работа выполнена в рамках программы Фундаментальных научных исследований Российской Академии наук «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № 0338-2016-0003.

Информация о статье: поступила в редакцию 30 июня 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 17 августа 2020 г.; принята к публикации 31 августа 2020 г.

Для цитирования: Ташак В.И., Ковычев Е.В. Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 9–31. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31

Bifacial tools of the stone industry of Sukhotino-4 site (Eastern Transbaikalia)

© Vasiliy I. Tashak[a], Evgeniy V. Kovychev[b]

[a] Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
[b] Transbaikal State University, Chita, Russia

Abstract: The Sukhotino-4 – one of the largest Palaeolithic settlements in the west of Eastern Transbaikal – is dated back to the late stage of the Upper Palaeolithic period. Lithological layers of the archaeological site contain 11 horizons with archaeological artifacts. Multiplicity and variety of the stone artifacts from this settlement make it etalon for the investigation of the Palaeo-

lithic cultures in the region, but only a small part of these materials was published. This caused the situation of rare using and consideration of the Sukhotino-4 materials in the contemporary development schemes devoted to the Transbaikal and East Asia Palaeolithic. Bifaces used as tools comprise a big and typologically various group of toolkit. Lower layers of the multilayered settlement the Sukhotino-4 contain few tools with bifacial treatment. The quantity of such tools considerably increases in the upper layers; this fact reflects the tendency of the archaeological industry development. All cultural layers at the Suhotino-4 site have yielded many preforms for wedge-shaped cores made in the form of bifaces; this indicates at the occurrence of the bifaces' production technology throughout the industry existence. Basing on the morphological analysis we divide bifaces into several types. Results of the use-wear analysis conducted for the bifacial tools from the Barun-Alan-1 (multilayered Palaeolithic site in the east of the Western Transbaikalia which stone industry from the 6th layer is similar to the Sukhotino-4 by many parameters) allow to define the most of bifaces as knives for meat cutting. Other groups of bifacial items are scrapers, points, adz-like tools and leaf-like bifaces. The Sukhotino-4 materials contain a great amount of unifacial tools analogous in the morphology to the bifacial tools. The full identity of the bifacial tools from the Barun-Alan-1 site (the 6th layer) and the Sukhotino-4 site allow to raise a question of these sites' cultural affinity.

Keywords: archaeology, Late Upper Palaeolithic, stone industry, stone tools, bifaces, unifaces, Eastern Transbaikalia, Western Transbaikalia, Sukhotino-4, Barun-Alan-1

Acknowledgements: The reported study was funded by the Fundamental Science Research Program of the Russian Academy of Sciences "Intercultural exchange, ethnic and socio-political processes in Central Asia", grant no. 0338-2016-0003.

Article info: received June 30, 2020; revised August 17, 2020; accepted August 31, 2020.

For citation: Tashak V.I., Kovychev E.V. (2020) Bifacial tools of the stone industry of Sukhotino-4 site (Eastern Transbaikalia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 9–31. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31

Введение

Начиная с первой публикации Г.П. Сосновского, где было заявлено о палеолите в Забайкалье (Сосновский, 1933), упоминаются орудия, обработанные с двух сторон, как один из характерных атрибутов этой эпохи. Поскольку основные материалы, послужившие Г.П. Сосновскому для обоснования палеолита в Забайкалье, были получены в результате подъёмных сборов на местонахождениях Западного Забайкалья, именно с этой территории и с этих местонахождений начато целенаправленное исследование палеолита всего Забайкалья. На всех палеолитических местонахождениях Западного Забайкалья с подъёмными материалами, изученными к концу 1950-х годов, было найдено около десятка бифасиально обработанных изделий, которые и были описаны в обобщающем очерке по палеолиту Забайкалья (Окладников, 1959). При этом подъёмные материалы, нередко собираемые выборочно, могли обеспечить весьма приблизительную оценку возраста археологических местонахождений и их культурной атрибуции. Активизировавшиеся с 1960-х годов раскопки палеолитических памятников в долинах Селенги и её притоков на российской территории не подтверждали наличия в них орудий бифасов. Изделия этой категории были крайне редки как в местонахождениях раннего этапа верхнего палеолита, так и в местонахождениях позднего верхнего палеолита Западного Забайкалья, но чаще всего такие изделия в них отсутствовали. Этот факт также не давал возможности связать немногочисленные бифасы-орудия из подъёмных сборов с конкретными литологическими или стратиграфическими слоями палеолитических местонахождений.

Ситуация несколько изменилась после исследования в первой половине 1990-х гг. местонахождения Аршан-Хундуй на юге Западного Забайкалья (Ташак, 2000). Местонахождение оказалось с поврежденным культурным горизонтом (горизонтами), но археологические материалы остались сконцентрированными в скоплениях, связанных с зольно-углистыми пятнами, что соответствовало концентрации археологических материалов в культурных горизонтах древних стоянок с инситным залеганием артефактов и позволяло рассматривать комплекс находок Аршан-Хундуя как условно единый. Анализ самих археологических материалов в

целом подтвердил такие выводы. Одними из важных компонентов археологических материалов Аршан-Хундуя стали орудия и заготовки горизонтально удлинённых клиновидных нуклеусов с двусторонней обработкой поверхности, что выделяло их из состава известных на тот момент палеолитических местонахождений Западного Забайкалья.

В 2004 г. начаты раскопочные работы на многослойном древнем поселении Барун-Алан-1, в бассейне р. Уды (восток Западного Забайкалья), где в подошве 6-го литологического слоя была выявлена концентрация археологических материалов с выразительным компонентом в виде двусторонне обработанных орудий (Ташак, 2011). В дальнейшем подобный комплекс археологических материалов с бифасами-орудиями был обнаружен в 500 м севернее Барун-Алана-1, в стоянке-мастерской, получившей наименование Слоистая Скала (Ташак, 2019). Каменная индустрия нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1 в рамках Западного Забайкалья оказалась без видимых временных и территориальных связей, её специфика позволила поставить вопрос о самостоятельной археологической культуре верхнего палеолита Западного Забайкалья (Ташак, 2010). Сравнение индустрий Барун-Алана-1 и Аршан-Хундуя указали на ряд различий. Во-первых, в Аршан-Хундуе широко представлены торцовые клиновидные нуклеусы, изготовленные на рассеченных вдоль бифасах и продукты такого расщепления, например, лыжевидные сколы, что отсутствует в Барун-Алане-1. Во-вторых, в Аршан-Хундуе отмечены только бифасы листовидных или близких к таковым форм. В индустрии нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1 представлены бифасиально обработанные орудия разнообразных форм. Значительную роль в рассматриваемой индустрии Барун-Алана-1 играли макроорудия и первичное расщепление, направленное на получение заготовок для таких орудий. В индустрии Аршан-Хундуя крупные орудия, за исключением бифасов, немногочисленны и являются второстепенными по отношению к мелким и микро орудиям, исходя из количественного соотношения этих составляющих в комплексе артефактов.

Решение проблемы территориальных и хронологических связей индустрии нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1 стало возможным после детального изучения коллекций каменных артефактов многослойного палеолитического поселения Сухотино-4, расположенного в окрестностях г. Чита (Восточное Забайкалье). В результате нашего анализа археологических материалов Сухотино-4 чётко обозначились категории артефактов, находящие аналогии в индустрии нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1. В данной статье предлагается к рассмотрению такая многочисленная категория артефактов Сухотино-4 как орудия с бифасиальной обработкой, которые по большинству параметров аналогичны бифасам Барун-Алана-1.

Материалы и методы

Изучение Сухотино-4 начато в 1972 г. и с перерывами продолжалось до 1989 г. (Черенщиков, 1998. С. 4)[1]. За это время выявлено 11 культурных слоёв, раскопанная площадь которых различна (Кириллов, 2003. С. 3). Археологические материалы верхних культурных слоёв (слои 1–3) Сухотино-4, изученных к концу 1970-х гг., кратко охарактеризованы в одной из обобщающих работ, где указывается на двустороннюю обработку при описании некоторых типов орудий (Окладников, Кириллов, 1980. С. 41–51). Вместе с тем в указанной монографии орудия Сухотино-4 распределены по типам согласно морфологии и предполагаемому функциональному использованию, вне зависимости от характера обработки поверхностей. Поэтому о бифасиально обработанных орудиях Сухотино-4 здесь можно получить только общую информацию: о наличии таковых и о некоторых типах орудий, среди которых есть бифасы.

В 1980-е годы раскопкам подвергались, в первую очередь, нижние культурные слои (6–11) Сухотино-4 при дополнительном исследовании верхних слоёв. Археологические материалы слоёв 6–11 детально охарактеризованы в диссертации О.Ю. Черенщикова, согласно которой в этих слоях бифасы

[1] Черенщиков О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в палеолите Северной Азии. Чита: дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. 1998. 215 с.

единичны (Черенщиков, 1998. С. 128)[1]. Увеличение количества такого типа изделий наблюдается только в верхних слоях (Там же. С. 103). В целом автор диссертации при описании орудийного набора Сухотино-4 придерживается подхода, выработанного предшественниками: описание различных категорий орудий с упоминанием о бифасиальной обработке некоторых из них. Иногда изделия не характеризуются как бифасы. Например, изделие из 10-го слоя, описанное как скребло «с фасиальной обработкой дорсала и эпизодической подправкой вентральной части» (Там же. С. 80, 81) является бифасом, поскольку большая часть его вентральной поверхности подтёсана, а по краю нанесена ретушь, что видно из морфо-типологического анализа самого орудия, а также по рисунку (Там же. С. 213. Табл. 64.9).

К настоящему исследованию нами были привлечены материалы Сухотино-4, хранящиеся в фондах Забайкальского государственного университета. Следует отметить, что не все бифасиально обработанные орудия, полученные в ходе раскопочных работ в предшествующие годы, оказались доступными для изучения по различным причинам. Например, некоторые из них находятся в выставочном фонде Забайкальского краеведческого музея. Тем не менее более 80 % всех бифасов-орудий Сухотино-4 было обследовано. Около трети орудий с бифасиальной обработкой из осмотренной коллекции не зашифрованы или с утраченными шифрами (стёрты или неразличимы), что не позволяет все из них распределить по культурным слоям. При этом единичные бифасы из слоёв 6–11, в той или иной степени описаны в диссертации О.Ю. Черенщикова (Черенщиков, 1998)[1] и вычленяются из общей массы подобных находок. Большая часть находок с сохранившимися шифрами происходит из слоёв 1–3, что и позволяет основную их массу связывать именно с этими слоями. Тем не менее помимо тех артефактов, которые найдены в слоях 6–11, остальные условно отнесены к слоям 1–5. Указание на то, что в статье рассматриваются бифасы-орудия не случайно, поскольку помимо этой категории артефактов в культурных слоях Сухотино-4 многочисленными сериями представлены бифасы как целенаправленные преформы торцовых клиновидных микронуклеусов для микропластин. Бифасы как преформы для микронуклеусов не рассматриваются в настоящей работе. Также здесь не рассматривались долотовидные орудия, среди которых многие несут признаки двусторонней обработки, за несколькими исключениями, которые составили специфические изделия. В данной статье бифасиальные орудия рассмотрены с позиций морфологии техники изготовления и переоформления, а также функционального применения, в тех случаях, когда для определённого типа изделий имеются аналогии из 6-го слоя Барун-Алана-1, подвергавшиеся трасологическим исследованиям.

Археологические материалы

Всего к исследованию привлечено 118 изделий с бифасиальной обработкой, часть из которых сломана. При этом следует учесть, что значительная часть повреждённых изделий может представлять собой результат намеренного фрагментирования. На такой вывод наводит детальное изучение фрагментированных изделий. В частности, ножевидные изделия с выпуклым лезвием и обушком, выделенные в отдельный тип орудий при изучении Барун-Алана-1 (Ташак, 2011. С. 133), находят многочисленные аналогии в материалах Сухотино-4. Среди таких изделий выделяется группа орудий с обушками, образованными при поломке или при намеренном фрагментировании крупных плоских бифасов. В индустрии Сухотино-4 выделено 15 орудий подобного типа, получивших наименование сегментовидные или бифас-сегмент. Форма сегментовидных изделий варьирует от сегмента идеального круга до сегментов овалоидов и угловатых фигур (рис. 1). Одно из этих орудий стало использоваться как нуклеус для получения микропластин (рис. 2.2). Следует заметить, что это единственный пример клиновидного торцового нуклеуса для микропластин горизонтально удлинённой формы, изготовленного из бифаса-орудия, выявленный нами в ходе изучения материалов Сухотино-4. О наличии подобных нуклеусов говорится в монографии, посвященной эпохе камня и ранней

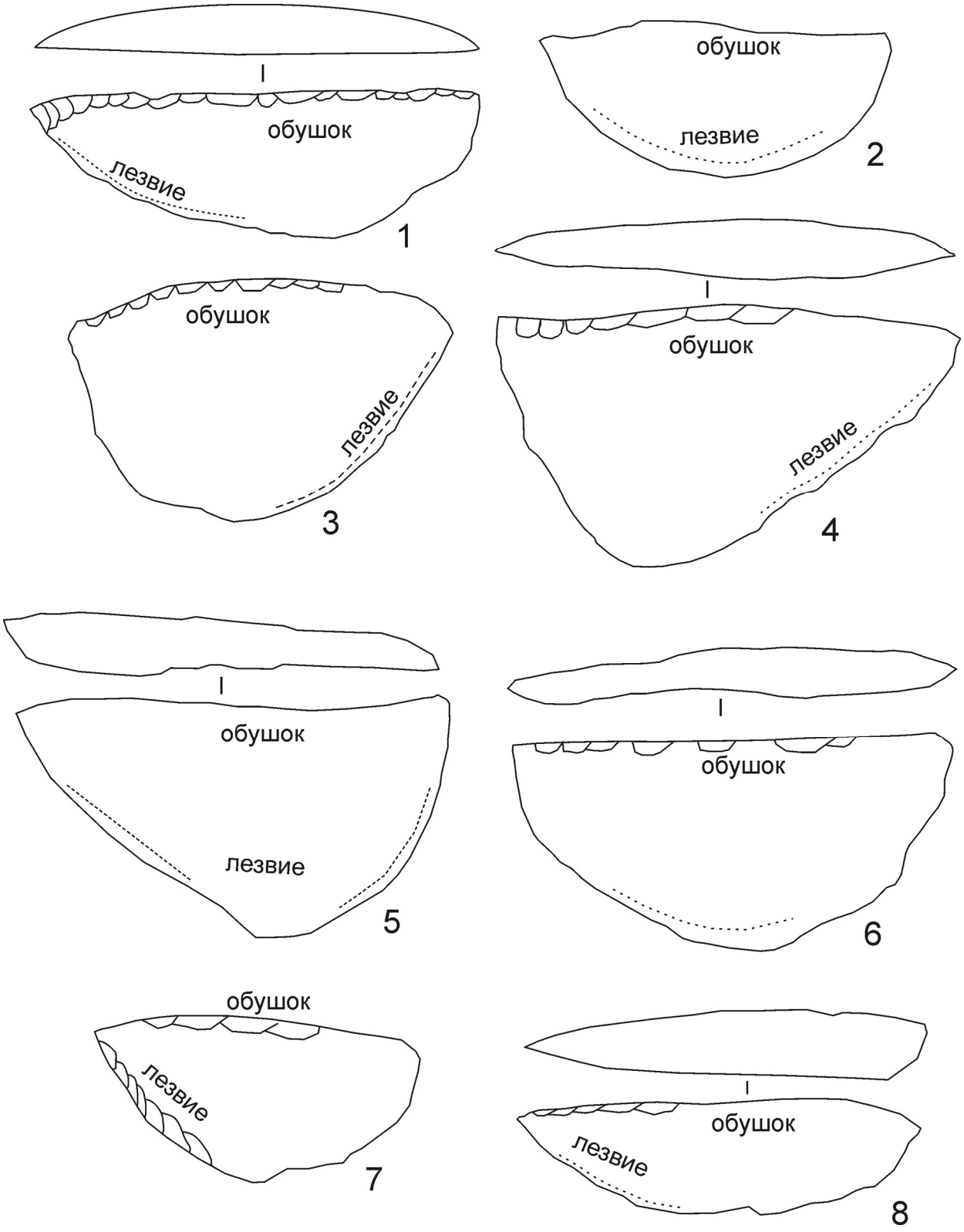

Рис. 1. Вариабельность форм сегментовидных бифасов. Схема
Fig. 1. Variability of segmental biface forms (bifacial backed knife). Scheme

Рис. 2. Бифасиальные орудия с разными обушками: *1 – элипсоидный бифас с естественным обушком; 2 – сегментовидный бифас с обушком на плоскости слома, переоформленный в микронуклеус; 3 – сегментовидный бифас с обушком на плоскости слома*

Fig. 2. Bifacial tools with different back edges: *1 – ellipsoide naturally-backed biface; 2 – segmental biface with backed on a surface of fracture, converted into microcore; 3 – segmental biface with backed on a surface of fracture*

бронзы Забайкалья (Окладников, Кириллов, 1980. С. 45), но в подвергавшихся изучению материалах подобные нуклеусы не обнаружены. В ходе трасологического изучения бифасов Барун-Алана-1, выполнявшегося П.В. Волковым, большинство подобных изделий было интерпретировано как ножи по мясу. На то, что это самостоятельные изделия указывает наличие подправки плоскостей слома (обушков) по краям, напоминающей подправку края ударной площадки нуклеуса при снятии карниза, нависающего над фронтальной поверхностью нуклеуса (Нехорошев, 1999. С. 14). Подправка могла осуществляться по обоим краям обушка или по одному; была частичная или сплошная. Встречаются орудия без подправки краёв обушка. Дополнительным критерием для выделения таких артефактов как самостоятельных изделий служит наличие ретушированного лезвия, оформленного поверх первичной подтёски, формирующей общий облик орудия. Лезвие у бифасов-сегментов оформлялось на различных участках дуги, но преимущественно на одном из участков дуги, прилегающем к какому-либо краю. В некоторых случаях у сегментовидных фрагментов бифасов оказывался отломанным один конец, тогда лезвие формировалось на сохранившемся участке дуги (рис. 2.3). Близки сегментовидным бифасам орудия, изготовленные из целых сколов-заготовок. В этом случае обушком служила естественная или подработанная ударная площадка или естественный обушок, образовавшийся на этапе получения отщепа-заготовки (рис. 3.1, 3).

Сегментовидные бифасы соответствуют исходным формам, при поломке которых наиболее пригодные их части переоформлялись в орудия. Края плоскости слома подрабатывались с целью формирования удобного обушка и у крупных бифасов с утраченными сегментами, из которых могли изготавливаться бифасы-сегменты (рис. 3.2).

Повторимся, большинство сегментовидных бифасов в индустрии Барун-Алана-1, согласно трасологическим исследованиям, являются ножами по мясу. Кроме сегментовидных бифасиальных ножей в индустрии Сухотино-4 выразительную группу составляют продолговатые плоско-выпуклые бифасы эллиптической формы с острыми или слегка скруглёнными концами (рис. 4). У данного типа орудий во всех случаях продольные края ретушированы по-разному – один край пологой стелющейся ретушью, противоположный край – крутой и полукрутой ретушью. Край с крутой и полукрутой ретушью в большинстве случаев подработан тщательно. Из-за этого морфологически орудия определяются как скрёбла, но согласно трасологическому анализу таких орудий из Барун-Алана-1, где они были выделены в отдельную группу (тип) бифасов (Ташак, 2011), это «мясные» ножи с обушком. Крутой ретушью оформлялся обушок, а пологой подтёской и ретушью – режущее лезвие. Для эллиптических бифасов-ножей с ретушным обушком, почти всегда обязательным, является плоско-выпуклое сечение, которое при необходимости достигалось тщательной подтёской обеих поверхностей (рис. 5.1, 2, 4); тщательной подтёской одной поверхности и частичной подтёской другой поверхности (рис. 5.5). Последний вариант оформления подобных ножей выводит их из категории бифасы – у них вентральная поверхность остаётся без обработки или с небольшим ретушированием, т. е. это унифасы, но по форме и функциональной нагрузке орудие остаётся аналогичным орудиям-бифасам (рис. 5.3). Отдельным подтипом выделяются эллипсоидные бифасы с обушком, представленным ударной площадкой или боковой гранью скола с естественной коркой (рис. 2.1) или обработанной поверхностью.

В целом рассмотренные три вида бифасиальных орудий составляют одну категорию орудий – это ножи с обушками. Основу их распределения на отдельные виды составляют обушки, точнее характер оформления обушков: обушок как плоскость слома после поломки более крупного бифасиального изделия чаще всего с последующей подработкой края или краёв слома; как остаточная ударная площадка, естественная или обработанная сколами; как естественная краевая грань на сколе; как полностью обработанный крутой или полукрутой ретушью край орудия противолежащий краю с лезвием.

Разнообразие форм бифасиальных орудий в первую очередь ножей дополнялось продолжением эксплуатации крупных фрагментов повреждён-

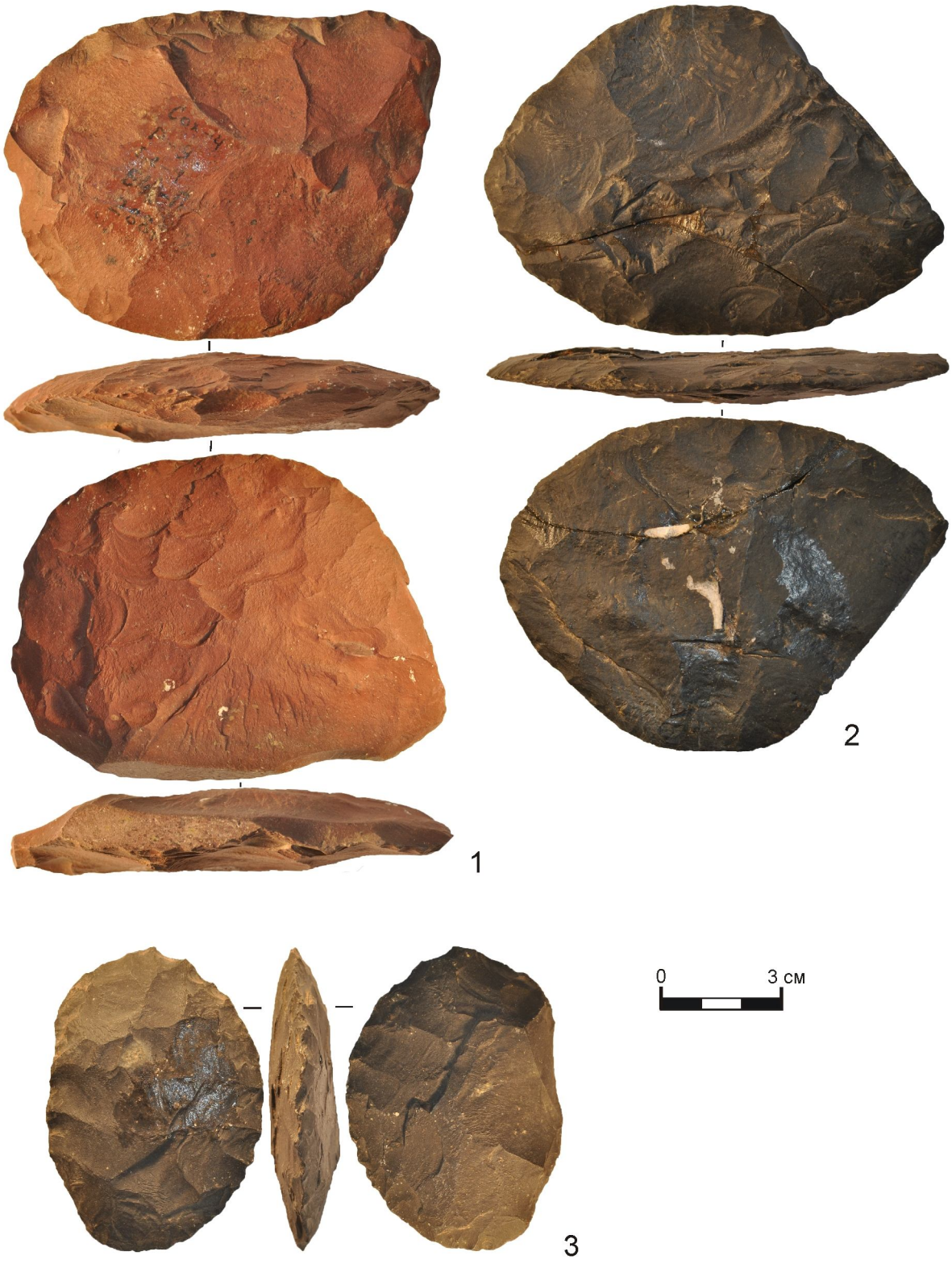

Рис. 3. Бифасы с обушком: *1, 3 – с естественным обушком; 2 – обушок на сломе*
Fig. 3. Bifaces with backed: *1, 3 – with naturally-backed; 2 – with backed on a surface of fracture*

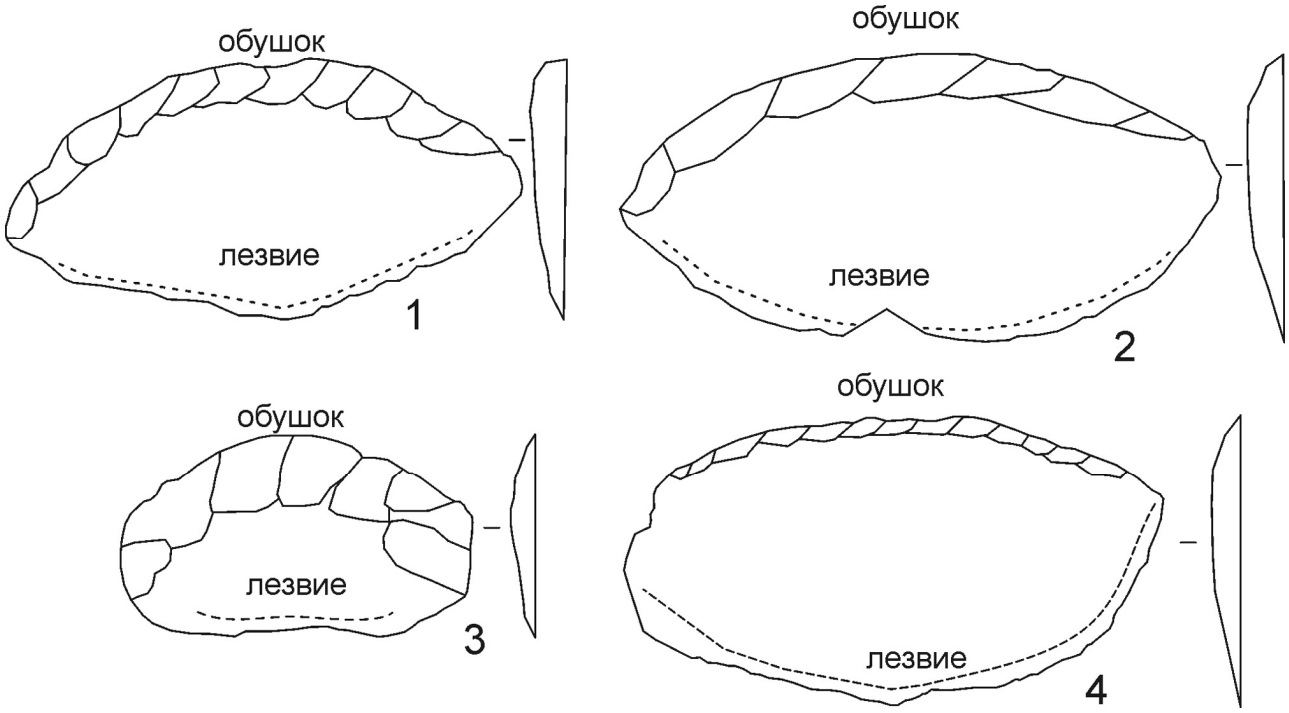

Рис. 4. Бифасы с ретушным обушком (эллипсоидные). Схема
Fig. 4. Bifaces with backed retouch (ellipsoide). Scheme

ных орудий: листовидных, округлых, эллипсоидных ножей с ретушным обушком. Как правило, такое продолжение эксплуатации предварялось обработкой краёв плоскостей слома, что приводило к формированию нового обушка, резко скошенного к лезвию и под углом с ним соприкасающегося (рис. 6.1, 2). Вместе с тем такой тип орудий мог формироваться изначально, обушком у них служила краевая грань с естественной поверхностью (рис. 6.3). Характер подправки краёв обушков был одинаков как на заготовках – повреждённых орудиях, так и на заготовках – отщепах: края обушков оббивались мелкими сколами, а сами грани обушков служили ударными площадками в этом процессе (см. рис. 6.1, 3).

Наряду с обушковыми ножами, образующими устойчивые серии, в индустрии Сухотино-4 представлены разнообразные морфологически и, вероятно, функционально бифасиально обработанные орудия. Например, к категории ножей могут быть отнесены уплощённые бифасы с пологими острыми краями по всему периметру или по большей его части. Наиболее выразительны среди них миндалевидные овалоиды с остриём на одном конце и закруглённием или прямым краем на другом конце (рис. 7). Среди крупных листовидных остроконечников встречаются изделия в целом завершённые, но сохраняющие на небольшом участке края тонкий обушок (рис. 8.4), который может рассматриваться как признак незавершённости изделия, но такие изделия не единичные и острый край на большей части периметра у них тщательно обработан. Если применить к этим изделиям терминологию, применяемую при описании наконечников, то широкий – базальный конец у них утончён, что характерно при оформлении насадов для крепления каменного орудия к рукояти или древку.

Настоящие наконечники – остроконечные каменные орудия, напоминающие некоторые наконечники, например, эпохи неолита, в индустрии Сухотино-4 также присутствуют. Способы их изготовления были разными: полная бифасиальная обработка обеих поверхностей (рис. 9.2, 4, 5, 6); полное бифасиальное краевое ретуширование (рис. 9.1); краевое дорсальное по одному краю и вентральное по другому, базальная часть обработана бифасиально (рис. 9.3); не входящие в категорию бифасов наконечники с дорсальным краевым

Рис. 5. Орудия эллипсоидные с ретушным обушком: *1, 2, 4, 5 – бифасы; 3 – унифас*
Fig. 5. Ellipsoide tools with backed retouch: *1, 2, 4, 5 – bifaces; 3 – uniface*

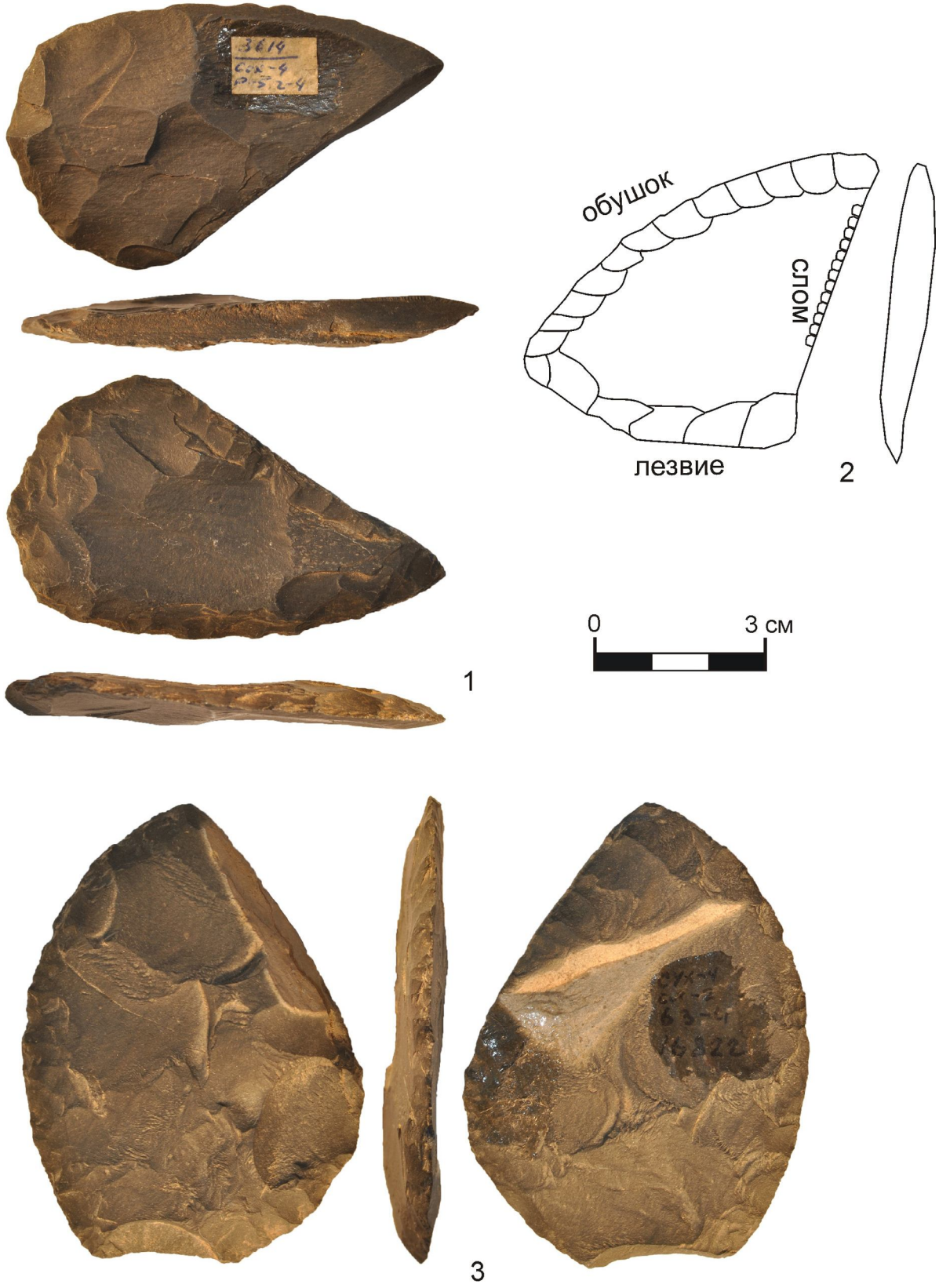

Рис. 6. Различные типы обушков у бифасиальных орудий: *1, 2 – бифасиальные орудия, изготовленные из сломанных бифасов; 3 – бифас с естественным обушком*

Fig. 6. Different types of bifacial tools' back edges: *1, 2 – bifacial tools made of broken bifaces; 3 – biface with naturally-backed*

Рис. 7. Бифасы миндалевидные, асимметричные
Fig. 7. Amygdaloid bifaces, asymmetric

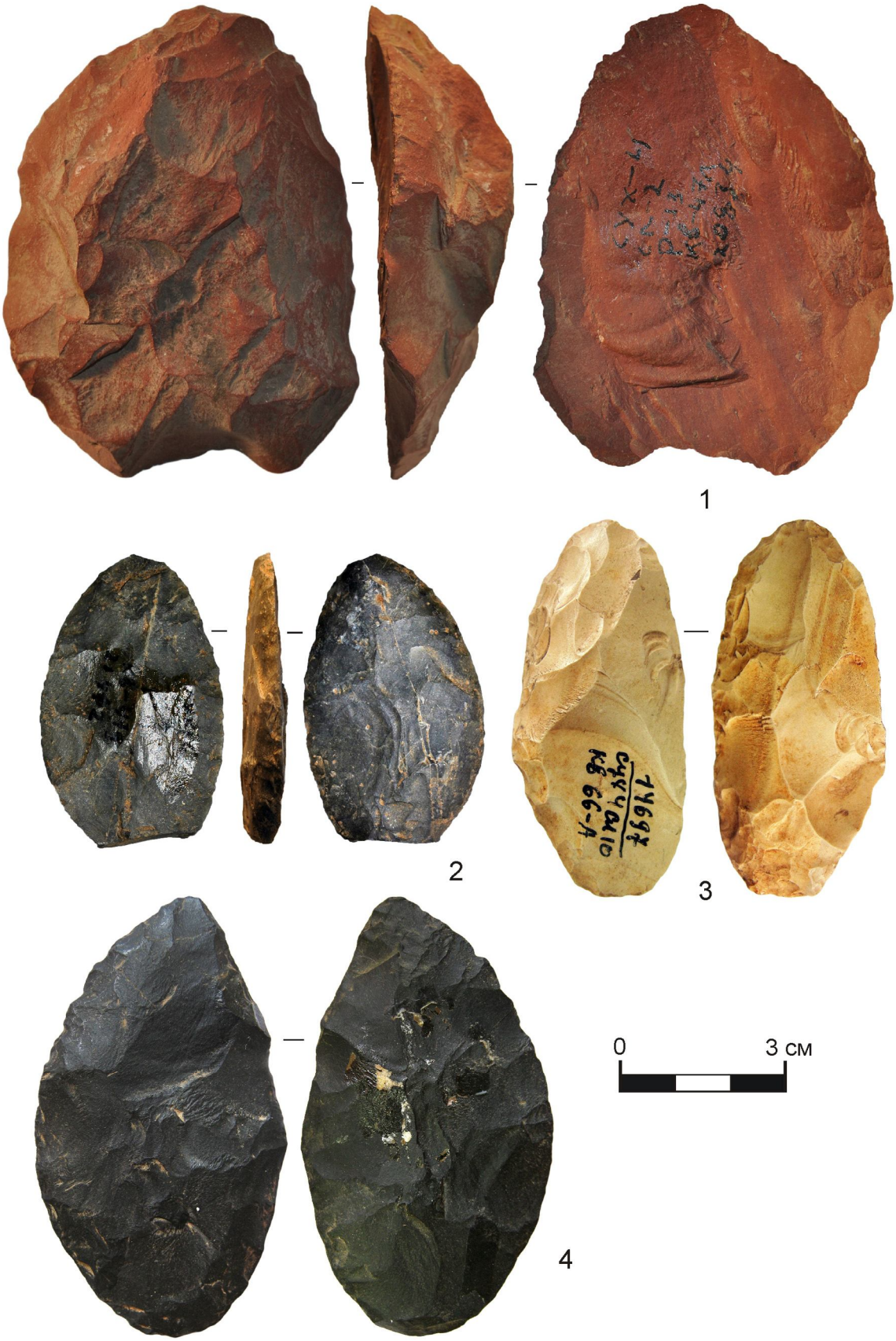

Рис. 8. Орудия бифасы: *1, 2 – скрёбла бифасы; 3 – эллипсоидный бифас; 4 – миндалевидный асимметричный бифас*
Fig. 8. Tools-bifaces: *1, 2 – scraper bifaces; 3 – ellipsoide biface; 4 – amygdaloid asymmetric biface*

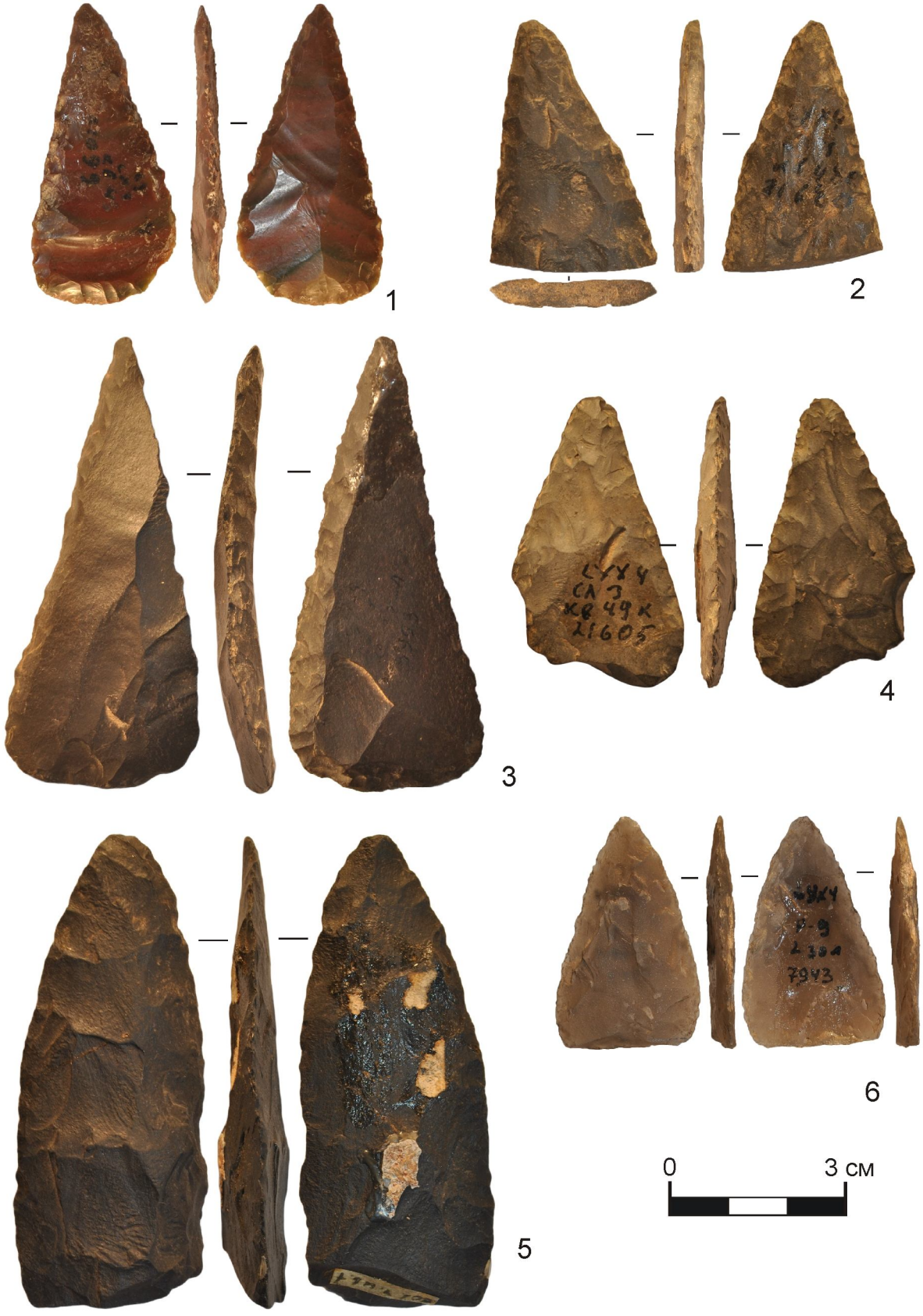

Рис. 9. Бифасиальные остроконечники
Fig. 9. Bifacial points

ретушированием (рис. 10.1, 2). Базальная часть в тех случаях, когда она сохранилась, у бифасиально обработанных наконечников и наконечников с бифасиальной ретушью, всегда подтёсана с вентральной и дорсальной поверхностей. Базальная часть у наконечников с дорсальным ретушированием также имеет вентральную подтёску, подобное утончение широкой базальной части наблюдается и у крупных унифасов овалоидной формы (рис. 10.3).

Некоторые бифасы с формой наконечника по краям имеют полукрутую и крутую ретушь, в связи с чем на морфологическом уровне могут быть классифицированы как скрёбла (рис. 8.2). Кроме этого у некоторых массивных в сечении скрёбел также обрабатывались обе поверхности (рис. 8.1).

Отдельной группой представлены дисковидные бифасы (рис. 11.1, 3), которые, судя по негативам оформляющим поверхность, не редко изготавливались из сработанных плоскостных нуклеусов. Начальная стадия переоформления в дисковидный бифас фиксируется на некоторых сработанных плоскостных нуклеусах (рис. 11.2). На этой стадии у них участками оформлены острые края, а до этого осуществлено утончение тела нуклеуса крупными сколами. Некоторые из законченных вариантов дисковидных бифасов имеют края, служившие режущими лезвиями, что установлено на основании изучения аналогичных изделий Барун-Алана-1. Значительная часть бифасов с обушками и ножевидными лезвиями, по форме напоминает дисковидные бифасы с прямолинейным отрезком периметра на участке обушка (см. рис. 3.1). Способ их оформления содержит элементы расщепления и подправки плоскостных нуклеусов – продольные сколы с плоских поверхностей и подправка краёв обушков короткими сколами, как указывалось, аналогичная снятию карниза при расщеплении нуклеусов.

Интересны ещё несколько орудий с бифасиальной обработкой, представляющие собой долотовидные или тесловидные изделия, форма которых удлинённая и узкая (рис. 12.1, 2, 3), поперечное сечение близко к овалу. Один конец таких изделий слегка оббит, но его ширина и толщина близки ширине и толщине тела орудия. Второй конец заужен и уплощён как типичное лезвие долотовидных или тесловидных изделий. Лезвия изделий несут чёткие следы работы в виде продольных полос и заполировки (рис. 12.3а).

Обсуждение

В каменной индустрии Сухотино-4 значительную роль играло производство орудий с бифасиально обработанными поверхностями. Обработка поверхностей осуществлялась с применением приёмов первичного расщепления – скалывание отщепов по длине или поперёк будущего изделия; подтёской и ретушированием. Наиболее массово представлены ножевидные бифасиальные изделия с пологим заострённым краем и участком аккомодации в виде обушка. В этой категории выделяется несколько типов орудий, среди которых наиболее многочисленны: сегментовидные (бифасы-сегменты), полученные из рассечённых крупных бифасов; эллипсоидные с широким выпуклым лезвием и противолежащим ему обушком, оформленным крутой и полукрутой ретушью. Типологически близки сегментовидным бифасам орудия, изготовленные из широких отщепов, по форме напоминающие полукруг, с естественной коркой на обушке. Бифасам-эллипсоидам типологически близки почти аналогичные изделия с обушками, подправленными одним-двумя сколами; сохраняющими естественную поверхность остаточной ударной площадки или боковой грани. Отдельный подтип ножей с обушками выделяется по характеру сочленения обушка с одним из продольных краёв – они сходятся под углом менее 90 градусов, отмечены экземпляры с углом схождения менее 45 градусов. Такие ножи изготавливались из диагонально рассечённых округлых или эллипсоидных бифасов и из крупных отщепов с естественной боковой гранью, на которой оформлялся обушок. Большую группу изделий составляют остроконечные орудия, среди которых фиксируются крупные изделия с конвергентным схождением краёв к одному концу. Противоположный конец подтёсан с дорсальной и вентральной сторон. Формально это массивные листовидные бифасы. Вторую группу

Рис. 10. Унифасы: *1, 2 – остроконечники унифасы; 3 – миндалевидный унифас*
Fig. 10. Unifaces: *1, 2 – unifacial points; 3 – amygdaloid uniface*

Рис. 11. Дисковидные бифасы: *1, 3 – готовые орудия; 2 – плоскофронтальный нуклеус на стадии переоформления в бифас*
Fig. 11. Discoidal bifaces: *1, 3 – finished tools; 2 – core with plane face of cleavage (rejuvenation for biface)*

составляют более мелкие острия, которые можно рассматривать как наконечники. У них также фиксируется двустороння подтёска базальной части. Бифасиальных изделий, которые можно интерпретировать как скрёбла, значительно меньше. Среди них скребковые изделия высокой формы с подтёсанными дорсальной и вентральной поверхностями.

В индустрии Сухотино-4 также широко распространены орудия унифасы, формально анало-

Рис. 12. Тесловидные (долотовидные) орудия: *1–3 – общий вид; 3а – часть орудия со следами износа от работы*
Fig. 12. Chisel tools: *1–3 – general view; 3a – part of the tool with microwear*

гичные бифасиальным орудиям, но с подработанной одной поверхностью, обычно, дорсальной. В частности, как раз в группе унифасов представлены скрёбла сегментовидной формы, у которых обушком служила плоскость слома или естественная краевая грань отщепа. Исходными заготовками для изготовления бифасов служили: крупные широкие отщепы; продолговатые пластинчатые отщепы;

плоские речные гальки; плитчатые обломки каменного сырья; сработанные плоскостные нуклеусы. Внутренним источником заготовок служили сами бифасы – при поломке крупного бифаса его фрагменты дорабатывались и становились самостоятельными орудиями. В этой связи мы полагаем, что некоторые крупные бифасы, преимущественно широкие, овальные и округлые, изначально изготавливались с целью их фрагментации в дальнейшем. Другими словами, широкие овальные и округлые бифасы не только использовались сами в качестве орудий, но и были своеобразным резервом для быстрого изготовления нескольких орудий, как правило, ножей.

Большинство бифасиальных орудий Сухотино-4 изготовлено из роговика или ороговикованных пород (Мороз, 2019; Мороз, Юргенсон, 2018), которые древнее население могло добывать на склонах горы на небольшом удалении от стоянки. Нередко бифасы изготавливались из различного цветного сырья: кремни, яшмоиды, кварцы; жёлтого, красного, коричневого цветов и пр.

Как указывалось ранее, в слоях 6–11 Сухотино-4 орудия с бифасиальной обработкой единичны. Согласно данным диссертации О.Ю. Черенщикова, в слое 7 выявлено два целых острия и один фрагмент, изготовленные на пластинчатых отщепах путем оббивки обеих поверхностей с последующим ретушированием краёв (Черенщиков, 1998. С. 67. Табл. 43.1, 2, 3)[1]. Целые острия можно охарактеризовать как листовидные бифасы с острым концом и закруглённой базой, которая дополнительно уплощена подтёской с дорсальной и вентральной поверхностей. В слое 10 описано одно изделие с обработкой вентральной и дорсальной поверхностей (Там же. С. 80, 81. Табл. 64.9), интерпретированное как скребло овальной формы. Но у этого орудия полукрутая ретушь нанесена с вентральной стороны, а противоположный край подработан пологой ретушью с дорсальной стороны (рис. 8.3), в связи с чем орудие напоминает обушковые ножи эллипсоидной формы. Кроме этих орудий в слоях 6–11 упоминаются долотовидные орудия, изготовленные из рассечённых торцовых микронуклеусов, которые по характеру обработки в большинстве являются бифасами, но клиновидные нуклеусы и большинство долотовидных изделий в данной работе не рассматриваются. Вместе с тем в нижних слоях распространены орудия-унифасы с полностью подработанной одной поверхностью, по форме это типичные сегментовидные ножи и скрёбла, а также унифасы листовидной и эллипсоидной форм.

Учитывая тенденцию увеличения числа орудий бифасов от нижних слоёв к верхним, можно предположить именно такой путь развития: от орудий-унифасов – к орудиям-бифасам. Слои 6–11 вскрывались на меньшей площади, чем слои 1–5. Тем не менее количество находок в слоях 7, 8, 9 значительно, например, около 5 тыс. экземпляров в слое 7 (Там же. С. 63), что позволяет считать предположение об увеличении числа орудий бифасов в верхних слоях реальной тенденцией в развитии культуры. Стоит заметить, что торцовые клиновидные нуклеусы, для которых заготовками были бифасы, изготовленные из плоских речных галек или отщепов, в слоях 6–11 представлены в большом количестве. Поэтому процесс изготовления бифасов в стоянках этих слоёв был налажен, но орудия-бифасы производились в меньшем количестве, чем в верхних слоях.

Возраст слоёв 6, 7, 8 характеризуется, соответственно, следующими радиоуглеродными датами: 15820 ± 300 л. н. – ЛЕ 3652; 16810 ± 390 л. н. – ЛЕ 3647; 16870 ± 700 л. н. – ЛЕ 3653 (Лисицын, Свеженцев, 1997). Первый слой Сухотино-4 датирован 11900 ± 130 л. н. – СОАН-841 (Окладников, Кириллов, 1980. С. 51). Все эти даты и совокупность естественнонаучных данных позволили датировать Сухотино-4 в хронологическом диапазоне 22–11 тыс. л. н. (Черенщиков, 1998. С. 3, 97)[1]. Поскольку орудия-бифасы зафиксированы, начиная с 10-го слоя, то следует полагать, что уже около 20 тыс. л. н. в Сухотино-4 изготавливались орудия-бифасы. Нет оснований полагать, что орудийные формы бифасов не производились в стоянке 11-го слоя, поскольку небольшое количество находок не позволяет дать полноценную характеристику индустрии: найдено всего 474 артефакта и из них всего 7 орудий (Там же. С. 81). Торцовые клиновидные мик-

ронуклеусы и снятые с них микропластины в 11-м слое наиболее массовая категория находок, после отходов первичного расщепления. Эти находки типичны для всей индустрии и демонстрируют бифасиальные формы (не орудия) в 11-м слое.

Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье единственное местонахождение с численно большим и разнообразным набором бифасиальных орудий. Значительно меньше таких орудий в индустрии Аршан-Хундуя (Ташак, 2000), и полной аналогии с индустрией Барун-Алана-1 здесь не наблюдается. В стоянках селенгинской археологической культуры (Ташак, 2005) – финала верхнего палеолита в Селенгинском среднегорье, на десятки тысяч артефактов пока не обнаружено ни одного бифасиально обработанного орудия.

Единичные бифасы обнаружены в культурных горизонтах Усть-Мензы-1 на крайнем юго-востоке Западного Забайкалья (Константинов, 1994). Два из них описаны детально: один из 14-го культурного горизонта (Мороз, 2008) и один из 25-го культурного горизонта (Мороз, Верещагин, 2019). Оба бифаса характеризуются как плоско-выпуклые. Бифас из 25-го культурного горизонта трасологическим и экспериментальным методами определён как нож по мясу (Мороз, Верещагин, 2019). Опубликованная там же фотография позволяет приблизительно рассматривать его как эллипсоидный нож с обушком. Бифас из 14 культурного горизонта также интерпретируется как нож (Мороз, 2014. С. 37), а морфологически он близок эллипсоидным ножам с обушком из Сухотино-4 и Барун-Алана-1. На основе анализа археологических материалов 14-го культурного горизонта Усть-Мензы-1 сделан вывод о производстве бифасов в рамках местной индустрии (Мороз, 2008).

В каменной индустрии многослойного местонахождения Студёное-1 (расположено на востоке Западного Забайкалья) также обнаружены единичные бифасиальные изделия, встречающиеся в некоторых культурных горизонтах. В целом эти изделия однотипные – сегментовидные орудия с естественным обушком, например, интерпретированное как скребло с обушком, орудие из 17 культурного горизонта (Константинов, 1994. С. 77. Рис. 56–5). Похожее изделие найдено в культурном горизонте 18/2 (Там же. Рис. 57–10). Наряду с единичными бифасиальными орудиями отмечены и унифасы. Вместе с тем все немногочисленные сегментовидные изделия Студёного-1 – с естественным обушком, и нет типичных для Барун-Алана-1 и Сухотино-4 изделий из фрагментированных крупных бифасов. Следует подчеркнуть, в усть-мензенских и студёновских местонахождениях на востоке Западного Забайкалья нет никаких признаков массового производства орудий бифасов, как это зафиксировано в Барун-Алане-1 и Сухотино-4.

Севернее Сухотино-4 и Барун-Алана-1 – Верхний и Средний Витим и далее на северо-восток, археологические местонахождения с орудиями-бифасами широко распространены. Наиболее разнообразны и многочисленны бифасиальные орудия в многослойном местонахождении Большой Якорь, где представлены многие их формы, характерные для Барун-Алана-1 и Сухотино-4 (Инешин, Тетенькин, 2006; Инешин, Тетенькин, 2010). На территории Якутии была выделена дюктайская археологическая культура, одной из отличительных черт которой является наличие бифасиально обработанных орудий (Мочанов, 1969). Таким образом, в восточном и северо-восточном направлении прослеживается наиболее выраженное сходство в бифасиальной составляющей индустрии Сухотино-4. При этом следует заметить, что путь распространения бифасиальных индустрий с северо-востока на юго-запад не очевиден. Как видно по хронологическим данным Сухотино-4, бифасы-орудия здесь появляются около 20 тыс. л. н. (это предварительные данные, вполне допустимы более древние даты), а бифасы как заготовки для микронуклеусов известны во всех культурных слоях. Большинство местонахождений бассейна Витима моложе стоянок нижних культурных слоёв Сухотино-4. Исходя из этого, Сухотино-4 и Барун-Алан-1 можно рассматривать в числе древнейших местонахождений, где формировалась индустрия с выраженной направленностью на производство бифасиально обработанных орудий.

Заключение

Сухотино-4 – один из крупнейших палеолитических комплексов, представляющий собой многослойное поселение, функционировавшее на протяжении почти всего сартанского похолодания в Забайкалье. Каменная индустрия Сухотино-4 на всем временном отрезке существования демонстрирует общность и своеобразие в отличие от ряда других палеолитических индустрий региона. Это своеобразие во многом определено ориентированием индустрии на массовое производство бифасиальных орудий. Совокупность бифасиальных орудий Сухотино-4, а особенно некоторые отдельные типы таких орудий можно рассматривать как ведущие и определяющие при выделении самостоятельной палеолитической культуры. Бифасы индустрии Сухотино-4 находят полные аналогии в индустрии, первоначально выделенной для нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1, бассейн реки Уда в Западном Забайкалье (Ташак, 2011). Почти полное совпадение бифасиальных орудий в индустриях двух местонахождений позволяет эти индустрии рассматривать как культурно близкие или аналогичные, что в свою очередь позволяет рассмотреть вопрос о территориальном распространении культуры и её взаимосвязях.

Библиографический список

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 120–158.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Кириллов И.И. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита: Поиск, 2003. С. 3–11.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: БНЦ СО РАН – Читинский государственный педагогический институт, 1994. 180 с.

Мороз П.В. Технология производства плосковыпуклых бифасов в индустрии Усть-Мензы 1 (Западное Забайкалье) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 145–149.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2014. 181 с.

Мороз П.В. Общий неутилитарный износ на сырьё из Титовской Сопки: экспериментальные данные // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 46–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-46-56

Мороз П.В., Верещагин С.Б. Функциональный анализ бифаса из дымчатого кварца (25 культурного горизонта поселения Усть-Менза-1) // Известия лаборатории

References

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2006) Stone and bone implements of the cultural horizons of site Bol'shoi Yakor' I: cases of morphological and functional definition. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of ancient technologies.* Iss. 4. P. 120–158. (In Russ.)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2010) Human and environment in the north of Baikalian Siberia in late Pleistocene. Archaeological site Bol'shoi Yakor' I. Novosibirsk: Nauka. 267 p. (In Russ.)

Kirillov I.I. (2003) Household units and some groups of artifacts as evidences of the spiritual culture development and the origination of the science knowledge in the Late Palaeolithic (on the example of the multilayered settlement Sukhotino-4). *Kul'turno-istoricheskie formy povedeniya cheloveka = Cultural and historical forms of human behavior*. Chita: Poisk. P. 3–11. (In Russ.)

Konstantinov M.V. (1994) The Stone Age of the Eastern Baikal Region. Ulan-Ude; Chita: BNTs SO RAN; Chitinskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Institut. 180 p. (In Russ.)

Moroz P.V. (2008) The technology of production of plano-convex bifaces in the industry of Ust-Mensa I site (Western Transbaikalia). *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences.* No. 54. P. 145–149. (In Russ.)

Moroz P.V. (2014) Lithic industries at the turn of Pleistocene-Holocene in Western Trans-Baikal. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. 181 p. (In Russ.)

Moroz P.V. (2019) General Non-utilitarian Wear on the Raw Materials from Titovskaya Sopka: Experimental Data. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*. Vol. 14. No. 6. P. 46–56. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-46-56

Moroz P.V., Vereshchagin S.B. (2019) The functional analysis of biface from a smoked quartz (25 cultural horizon of Ust-Menza-1 site). *Izvestiya Laboratorii drevnikh*

древних технологий. 2019. Т. 15. № 3 (32). С. 9–27. DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-9-27

Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Минеральное сырье Сухотинского геоархеологического района // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. № 7. С. 110–115.

Мочанов Ю.А. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса // Советская археология. 1969. № 4. С. 235–239.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999. 173 с.

Окладников А.П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ: БурГИЗ, 1959. Вып. 1. С. 2–26.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Сосновский Г.П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М.: АН СССР, 1933. Т. III. Вып. 1. С. 23–40.

Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии. В: Синицын А.А., Праслов Н.Д. (отв. ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. Санкт-Петербург: ИИМК РАН 1997. С. 67–108.

Ташак В.И. Местонахождение Аршан-Хундуй: (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Иркутский государственный педагогический университет, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 161–180.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2005. 130 с.

Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 8. Востоковедение. С. 234–241.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Уссурийский государственный педагогический институт, 2011. С. 130–140.

Ташак В.И. Археологическое местонахождение Слоистая Скала в Западном Забайкалье: новые данные о культуре хэнгэрэктэ // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 35–46. DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-03

tekhnologii = Journal of the Laboratory of ancient technologies. Vol. 15. No. 3 (32). P. 9–27. (In Russ.) DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-9-27

Moroz P.V., Yurgenson G.A. (2018) Mineral raw materials of the Sukhotinsky geoarchaeological region. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures.* No. 7. P. 110–115. (In Russ.)

Mochanov Yu.A. (1969) Ducktai Upper Palaeolithic culture and some aspects of its genesis. *Sovetskaya arheologiya = Sovet archaeology.* No. 4. P. 235–239. (In Russ.)

Nekhoroshev P.E. (1999) Technological approach to studying stone knapping in the Middle Palaeolithic. St. Petersburg. 173 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1959) Paleolithic of Transbaikalia. General Essay. *Arkheologicheskii sbornik = Archeological Digest*. Ulan-Ude: BurGIZ. Iss. 1. P. 2–26. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. (1980) South-Eastern Transbaikalia in Stone Age and Early Bronze Age. Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Sosnovskii G.P. (1933) The signs of human occupation in Transbaikal. *Trudy komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda = Proceedings of Quaternary Commission.* Moscow: AN SSSR. Vol. 3. Iss. 1. P. 23–40. (In Russ.)

Lisitsyn N.F., Svezhentsev Yu.S. (1997) Radiocarbone chronology of the Upper Palaeolithic of the Nothern Asia. *Radiouglerodnaya khronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii. Problemy i perspektivy = Radiocarbone chronology of the Palaeolithic of the Eastern Europe and Northern Asia. Problems and prospects.* St. Petersburg: IIMK RAN. P. 67–108. (In Russ.)

Tashak V.I. (2000) Site Arshan-Khuduy: (research and interpretation experience). *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikal Siberia in ancient times.* Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University. Iss. 2. Pt. 1. P. 161–180. (In Russ.)

Tashak V.I. (2005) Paleolithic and Mesolithic sites of Ust-Kyakhta. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 130 p. (In Russ.)

Tashak V.I. (2010) To the grounds of new archeological culture in Upper Palaeolithic of Zabaikalie. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Buryat State University*. Iss. 8. Oriental Studies. P. 234–241. (In Russ.)

Tashak V.I. (2011) Bifacial products in the Paleolithic of Transbaikalia. *Aktual'nye problemy arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka = Actual Problems of the Archaeology of Siberia and the Far East.* Ussurijsk: Ussuriiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. P. 130–140. (In Russ.)

Tashak V.I. (2019) Archaeological site Sloistaya Skala in the Western Transbaikalia: new data on the Khengerekte culture. *Teoriya I praktira arheologicheskih issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research.* No. 2 (26). P. 35–46. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-03

Критерии авторства

В.И. Ташак и Е.В. Ковычев выполнили исследовательскую работу, В.И. Ташак на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, авторы имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.I. Tashak and E.V. Kovychev made the research work, V.I. Tashak on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, authors own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: tvi1960@mail.ru
Ковычев Евгений Викторович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Забайкальский государственный университет,
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
✉ e-mail: kovychevevgenyi@mail.ru

Information about the authors

Vasiliy I. Tashak,
Cand. Sci. (History), Associate Professort, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: tvi1960@mail.ru

Evgeniy V. Kovychev,
Associate professor of the Department of history,
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya street, Chita 672039, Russia,
✉ e-mail: kovychevevgenyi@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 903’13(571.63)”-2”
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-32-45

Земледелие в позднем неолите юго-восточного Приморья, Дальний Восток России

© Е.А. Сергушева

Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Россия

Аннотация: Впервые для юго-восточного локально-хронологического варианта зайсановской культурной традиции (ок. 5000–3400 л. н.) позднего неолита Приморья предложена реконструкция использования растений его населением, осуществленная на основе анализа растительных остатков (семян) памятника Водопадное-7. Археоботаническая коллекция из отложений двух жилищ позднего неолита и одного жилища эпохи палеометалла получены с использованием водной ручной флотации. Профлотировано почти 700 л грунта и получено 66 проб. Но из-за вероятного смешения заполнений котлованов жилищ № 2 и 3 в результате наложения их друг на друга 44 пробы не изучались. Всего проанализировано 22 пробы, из которых 10 получены из отложений двух котлованов позднего неолита. Обнаружено всего 65 семян. Среди них семена культурного проса представлены 51 экз., а остальные – остатки дикорастущих, фоновых и неидентифицированных растений. Идентифицировано два вида культурного проса – обыкновенное (*Panicum miliaceum*) и итальянское (*Setaria italica*). Таким образом, для юго-восточного варианта зайсановской культурной традиции удалось доказать существование земледелия, основанного на выращивании двух видов проса. Это подтверждает предположение об обязательном присутствии просового земледелия в системах жизнеобеспечения населения всех локально-хронологических вариантов этой традиции. Совокупность археологических и археоботанических данных памятника приводит к выводу об укромном характере поселения и непродолжительном периоде его обитания. Малочисленность археоботанического материала не позволяет сделать вывод о ведущей роли земледелия в хозяйстве его обитателей. Археоботанические материалы памятника демонстрируют сходство в наборе культурных растений между юго-восточным и приханкайским вариантами зайсановской культурной традиции.

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, зайсановская культурная традиция, земледелие, Водопадное-7, водная флотация, археоботанический анализ, семена растений, культурное просо, *Panicum miliaceum*, *Setaria italica*

Благодарности: Автор выражает благодарность Н.А. Клюеву за предоставленную возможность работы с материалами памятника Водопадное-7, а также выражает особую признательность К. Лайпе (C. Leipe), Д.М. Белову и Е.Ю. Шаповалову за помощь в получении археоботанических материалов памятника, Н.А. Дорофеевой и И.В. Беловой за плодотворное обсуждение результатов исследования.

Информация о статье: поступила в редакцию 8 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 28 августа 2020 г.; принята к публикации 7 сентября 2020 г.

Для цитирования: Сергушева Е.А. Земледелие в позднем неолите юго-восточного Приморья, Дальний Восток России // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 32–45. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-32-45

Agriculture in the Late Neolithic of the Southeastern Primorye, Far East of Russia

© Elena A. Sergusheva

Institute of the History, Archaeology and Ethnology of Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Abstract: The article offers the first reconstruction of the use of plants by the population of the South-Eastern local-chronological variant of the Zaisanovka cultural tradition (ca. 5000–3400 BP) of the Primorye’s Late Neolithic. The reconstruction is based on the analysis of flotation samples taken from deposits of two semi-ground dwellings on the two-layer site

Vodopadnoye-7, located in a valley of Vodopadnaya River, flowing into Partizanskaya River, southeastern Primorye, Russian Far East. The Neolithic seeds collection of both pits dwellings contains 65 pcs (intact or fragmented) from 10 flotation samples. Seeds of two species of cultural millet (*Panicum miliaceum*, *Setaria italica*) are represented by 51 pcs, the remains of wild and weed plants are quite small. For the first time the local millets agriculture exist was proved for this variant with archaeobotanical data and artifacts' analyses both. The finds of namely two species of millets had demonstrated the similarity between the South-Eastern and Cis-Khanka variants of the Zaisanovka tradition in the set of cultivated plants. Our study has provided missing data for reconstruction of agriculture of the South-Eastern variant's habitants. Thereby assumption about the mandatory presence of millet farming in the life support systems of the populations of all local-chronological variants of the Zaisanovka tradition was confirmed.

Keywords: Primorye, Late Neolithic, Zaisanovka cultural tradition, agriculture, Vodopadnoye-7 site, water flotation, archaeobotanical analysis, seeds, broomcorn *(Panicum miliaceum)* and foxtail *(Setaria italica)* millets

Acknowledgements: The author is grateful to Cristian Leipe, Dmitry M. Belov and Eugene Yu. Shapovalov for the help in obtaining of archaeobotanical materials in Vodopadnoye-7 site, to Irina V. Belova and Nataliya A. Dorofeeva for the fruitful discussion of results of the archaeobotanical study. The author would like to say special gratitude to Nikolay A. Kluev for permission to work with materials of Vodopadnoye-7 site.

Article info: received August 8, 2020; revised August 28, 2020; accepted September 7, 2020.

For citation: Sergusheva E.A. (2020) Agriculture in the Late Neolithic of the Southeastern Primorye, Far East of Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 32–45. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-32-45

Введение

В начале XXI в. благодаря широкому использованию разнообразных методов естественнонаучных дисциплин в археологии произошла настоящая «информационная революция». Ее результатом стала возможность получения принципиально новых источников, анализ которых позволяет реконструировать ускользавшие ранее от исследователей аспекты жизни древних социумов, состояния их гео- и биоэкологического окружения, генетической истории человечества и др.

В последние десятилетия успешно и массово ведутся исследования, нацеленные на реконструкцию различных сторон жизнеобеспечения древних и средневековых сообществ посредством изучения различных категорий экофактов из отложений археологических памятников. Значительный информационный потенциал подобных исследований и их востребованность привели к тому, что в археологии оформились самостоятельные направления по изучению определенных видов источников. Одно из таких направлений – археоботаническое, реконструирующее различные стороны взаимодействия человека и мира растений посредством изучения растительных остатков из археологического контекста. Применение археоботанического подхода является особенно важным при решении разнообразных вопросов становления и эволюции земледелия.

Использование этого подхода в археологии юга Дальнего Востока, а именно Приморья, предоставило убедительные доказательства позднеолитического времени появления раннего земледелия на этой территории. Таким образом, была подтверждена гипотеза А.П. Окладникова о том, что земледелие на Дальнем Востоке появилось в неолите, не позднее III тысячелетия до н. э. (Окладников, 1960[1]; Окладников, 1962[2]; Окладников, Бродянский, 1969).

На сегодняшний день существование самого раннего земледелия в Приморье доказано находками семян культурных растений на памятниках

[1] Окладников А.П. Возникновение земледелия на Дальнем Востоке // Тез. докл. и сообщ. II науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток, 1960. С. 6–7.

[2] Окладников А.П. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока // Тез. докл. и сообщ. III науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре, 1962. С. 3–11.

позднего неолита. Археологические данные свидетельствуют, что просовое земледелие было принесено на эту территорию новым населением – носителями зайсановской культурной традиции (ЗКТ), мигрировавшим из соседних районов восточной и юго-восточной Маньчжурии (Клюев, Сергушева, Верховская, 2002; Вострецов, Сергушева, Комото, Миямото, Обата, 2003; Вострецов, 2005; Сергушева, 2008; Сергушева, 2013; Sergusheva, Vostretsov, 2009).

Приток этого населения не был единовременным событием, а происходил неоднократно. Причины этого процесса пока не установлены до конца, но считается, что его главным триггером были климатические изменения. Так, появление самых ранних памятников ЗКТ в западном Приморье (ранний горизонт обитания памятника Крауновка-1[3]) совпадает с ухудшением климата в конце атлантического периода (5400–5200 л. н.), а последующие волны расселения – с климатическими изменениями в период переходный к суббореалу и в начале суббореала (Вострецов, 2005; Вострецов, 2018).

Адаптируясь к локальным условиям и взаимодействуя с местными носителями этой же традиции (появившимися на этой территории раньше), вновь прибывающее население формировало новые культурные группы. Согласно общепринятой схеме, в основу которой положена археологическая типология керамических комплексов зайсановских памятников, в настоящее время на территории Приморья выделяется четыре локально-хронологических варианта ЗКТ: раннезайсановский (около 5000–4500 л. н.), хасанский (4100–3700 л. н.), приханкайский (4000–3400 л. н.), юго-восточный (II тыс. до н.э.[4]) (Яншина, Клюев, 2005; Вострецов, 2005; Морева, Батаршев, Дорофеева, Крутых, Малков, 2009; Крутых, 2012; Морева, Дорофеева, Рольгейзер, Малков, 2017).

Для трех первых вариантов на основе археоботанических данных было реконструировано использование растений их населением (Сергушева, 2008; Сергушева, 2013). Для юго-восточного варианта первые археоботанические данные были получены в 2016–2017 гг. при исследовании памятника Водопадное-7. В настоящей статье представлены итоги изучения этого материала, на основе которого предложена реконструкция использования растений носителями юго-восточного варианта ЗКТ. Эти данные интегрированы в существующие схемы динамики земледелия на юге Дальнего Востока России.

Археоботанические материалы периода позднего неолита с памятника Водопадное-7

Памятник Водопадное-7 является одним из немногих, на котором стационарными археологическими раскопками исследовано небольшое поселение юго-восточного локально-хронологического варианта ЗКТ позднего неолита, и первым памятником, где с применением методики водной флотации получены археоботанические материалы, позволившие приступить к реконструкции использования растений населением этого варианта.

Памятник находится на юго-востоке Приморья, в долине среднего течения р. Водопадная, в 10 км от ее впадения в р. Партизанская. По характеру течения это небольшая горная река, стекающая с западного склона Партизанского хребта. Ширина долины в месте расположения памятника не превышает 150 м. В 2016–2017 гг. экспедицией ИИАЭ ДВО РАН под руководством Н.А. Клюева на памятнике раскопаны две западины, в которых выявлены остатки трех углубленных жилищ. Два из них (№ 1, 2) существовали одновременно в позднем неолите. Третья постройка (№ 3) была сооружена в котловане одного из поздненеолитических жилищ (№ 2) и датируется эпохой палеометалла[5]. При ее постройке заполнение позднe-

[3] Самый ранний этап раннезайсановского локально-хронологического варианта зайсановской культурной традиции представлен пока ограниченным количеством археологических данных.

[4] Для этого варианта имеется слишком мало ^{14}C дат, что не позволяет надежно установить хронологические границы его существования.

[5] Термин используется в дальневосточной археологии для обозначения периода со второй половины II тыс. до

неолитического жилища было значительно переотложено. Стратиграфическая граница между обоими горизонтами обитания в этом котловане отсутствовала, а археологические материалы позднего неолита и палеометалла разделялись на основании типологического анализа, а также отдельных планиграфических и стратиграфических наблюдений. Котлован другого сооружения позднего неолита (№ 1) представлял собой замкнутый археологический комплекс, его материалы сохранились в непотревоженном состоянии. Коллекция артефактов из его отложений послужила матрицей, на основании которой были разделены смешанные материалы из другого котлована (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017; Дорофеева, Клюев, 2020).

Поздненеолитический комплекс поселения сходен с материалами памятников юго-восточного локально-хронологического варианта ЗКТ (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017. С. 203; Крутых, 2012. С. 150; Медведев, 2015). В нем также отмечено присутствие отдельных элементов, характерных для керамических комплексов хасанского и приханкайского локально-хронологических вариантов (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017. С. 203). Из поздненеолитических отложений памятника получены даты по семенам растений – 3885±35 л. н. (Poz-96977), 3925±30 л. н. (Poz-99526) (Leipe, Long, Sergusheva, Wagner, Tarasov, 2019) и по карбонизированной древесине – 4036±65 л. н. (ИМКЭС-14С1864), 4265±130 л.н. (ИМКЭС-14С1880) (Дорофеева, Клюев, 2020. С. 81).

При раскопках памятника Водопадное-7 применялась флотационная методика для получения карбонизированных макроостатков растений. Ручная водная флотация проводилась по стандартной методике с использованием почвенного сита с размером ячеи 0,5 мм (Pearsall, 2000). Для большинства проб отбирался стандартизованный объем грунта – 10 л, в соответствии с методическими разработками Е.Ю. Лебедевой (Лебедева, 2008; Лебедева, 2009). Общий объем профлотированного грунта составил почти 700 л. В итоге получена объемная коллекция, содержащая 66 флотационных проб. Из отложений жилища № 1 отбор флотационных материалов осуществлялся в тестовом режиме: профлотировано 60 л грунта из трех местонахождений на полу жилища, получено три пробы. Из нижней части заполнения второго котлована по всей его площади осуществлялась систематическая выборка археоботанического материала, получено 63 флотационных пробы. В дальнейшем место пробоотбора каждой из них было проанализировано с учетом распределения археологического материала, планиграфических и стратиграфических наблюдений. По результатам этого из последующего археоботанического анализа были исключены 44 пробы, как, вероятно, содержащие смешанные и хронологически неопределимые материалы. Из 63 флотационных проб из заполнения этого котлована более или менее надежно связать с одним из двух горизонтов обитания удалось всего 19 проб. Семь из них отнесены к поздненеолитическим отложениям, а остальные – к отложениям раннего палеометалла[6]. Флотационные пробы из отложений жилища № 2 отбирались по уровню залегания артефактов позднего неолита и рядом с ними, но это не гарантирует их принадлежность к раннему периоду заселения памятника. Такие мелкие экофакты, как семена растений в условиях отсутствия прослоек между археологическими отложениями помимо простого механического передвижения вместе с грунтом в результате деятельности человека, могут быть перемещены по корневым ходам, в результате жизнедеятельности различных почвенных животных и т. п. (Бобровский, 2010).

Всего с отложениями позднего неолита соотнесено 10 флотационных проб. Из них три пробы получены из замкнутого археологического комплекса в котловане жилища № 1, поэтому их принадлежность к поздненеолитическому этапу засе-

н. э. до начала I тыс. до н. э., когда на этой территории происходило начальное и очень ограниченное знакомство населения с металлом, практически не подтвержденное находками изделий из металла.

[6] В рамках данной статье археоботанические материалы эпохи палеометалла памятника Водопадное-7 не рассматриваются.

ления памятника не вызывает сомнений. Для одной пробы из жилища № 2 методом УМС получена ^{14}C дата, соответствующая этому же времени. Таким образом, четыре из 10 проб надежно соотносятся с неолитическими отложениями. Их данные использовались в качестве эталонных для верификации археоботанических материалов других проб из поздненеолитического жилища № 2.

Общий объем профлотированного грунта 10 проб составил 130 л (60 и 70 л из заполнений обоих жилищ). При этом результативными, т. е. содержащими карпоиды (семена и плоды растений), оказались семь проб. В них было обнаружено 65 семян, среди которых идентифицированы культурные, дикорастущие пищевые, сорные/фоновые[7] растения. Видовая принадлежность восьми карпоидов не установлена. Средняя насыщенность проанализированной коллекции (включая нерезультативные образцы), т. е. содержание карпоидов в одном литре грунта, составляет 0,5. Насыщенность большинства результативных проб не превышает 1,0. Лишь у двух образцов (взятых рядом с терочными плитами и курантами из обоих жилищ) этот показатель составляет 1,9 и 2,4.

Все три флотационные пробы из заполнения жилища № 1 содержали семена растений. Всего обнаружено 29 экз., среди которых идентифицированы семена культурных и сорных/фоновых растений. Два семени не удалось определить. Остатки культурных растений преобладают. Они зафиксированы в двух пробах и представлены 25 зерновками культурного проса двух видов. 16 из них надежно определены как семена проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*), а 7 зерновок – как просо итальянское (*Setaria italica*). Помимо этих зерновок обнаружены два фрагментированных экземпляра, предположительно отнесенные к культурному просу (cf. *P. miliaceum*/*S. italica*). Морфология, размеры и размерные соотношения сохранных семян (табл. 1, 2) типичны для указанных видов проса.

По нескольким зерновкам проса обыкновенного из отложений этого жилища (проба 3/1-2016, кв.В/5, 7 пл. из-под зернотерок) с использованием УМС метода получена дата – 3885±35 л. н. (Poz-96977) (Leipe, Long, Sergusheva, Wagner, Tarasov, 2019).

Остатки фоновых (сорных) видов представлены двумя семенами. Одно из них – зерновка, по-видимому, щетинника зелёного (cf. *S. viridis*). Другое семя фрагментировано, предварительно отнесено к растению семейства бобовых (Fabaceae), возможно, горошек (cf. *Vicia sp.*).

Из семи проб из отложений жилища № 2 результативными оказались четыре. В трех пробах семена не обнаружены. Всего в четырех пробах найдено 36 семян, среди которых идентифицированы остатки культурных и сорных (фоновых) растений, а также пищевых дикоросов.

Как и в пробах из котлована жилища № 1, доминируют семена двух видов культурного проса. Всего зафиксировано 26 зерновок, что соответствует почти 72 % от всех семян. Из них 11 зерновок принадлежат просу обыкновенному. Большинство их (7 экз.) получено из одного местонахождения рядом с курантами. Морфология зерновок сходна с аналогами из постройки № 1. Они сферической формы, с округлым профилем. Их зародышевая впадина не превышает половину длины зерновок, а рубчик – круглый, довольно крупный и глубокий. Среди зерновок две имеют более удлиненную в плане форму. У одной из них сохранился небольшой фрагмент цветковой чешуи с рисунком на поверхности характерным для проса обыкновенного. Размерные показатели и их соотношения представлены в таблице (табл. 3).

По зерновкам этого проса из флотационной пробы, отобранной рядом с курантами (проба 4/2-2017 из кв.Е/14, 6 пл.), получена ^{14}C дата – 3925±30 л. н. (Poz-99526) (Leipe, Long, Sergusheva,

[7] Сорные растения засоряют посевы, фоновые произрастают в естественных сообществах. Некоторые виды растений из естественных биоценозов легко переходят в антропогенные – засоряют посевы, растут рядом с жильем человека, на мусорных местах и т. п. Надежно разделить такие виды в археоботанических коллекциях тем сложнее, чем малочисленней материал. На археоботанических материалах памятника Водопадное-7 сделать это невозможно, поэтому эти категории растений объединены в одну.

Таблица 1. **Размеры зерновок проса обыкновенного (*P. miliaceum*) из заполнения поздненеолитической постройки № 1 памятника Водопадное-7**
Table 1. **Measurements of broomcorn millet (*P. miliaceum)* seeds from the Late Neolithic pit-dwelling No. 1 of Vodopadnoye-7 site**

№ п/п	Длина, L, в мм	Ширина, B, в мм	Толщина, T, в мм	Индекс L/Bx100	Индекс T/Bx100	№ пробы / № постройки-год раскопок
1	1,4	1,5	1,2	93,3	80,0	1 / 1-2016
2	1,64	1,46	1,3	112,3	89,0	3 / 1-2016
3	1,42	1,3	0,93	109,2	71,5	3 / 1-2016
4	1,36	1,36	1,1	100,0	80,9	3 / 1-2016
5	1,1	1,1	0,87	100,0	79,1	3 / 1-2016
6	1,5	1,28	1,15	117,2	89,8	3 / 1-2016
7	1,45	1,45	1,25	100,0	86,2	3 / 1-2016
8	1,32	1,25	1,1	105,6	88,0	3 / 1-2016
9	1,5	1,27	1	118,1	78,7	3 / 1-2016
10	1,58	1,43	1,3	110,5	90,9	3 / 1-2016
11	1,46	1,3	1,1	112,3	84,6	3 / 1-2016
среднее	1,43	1,34	1,12	106,7	83,6	

Таблица 2. **Размеры зерновок проса итальянского (*S. italica*) из заполнения поздненеолитической постройки № 1 памятника Водопадное-7**
Table 2. **Measurements of foxtail millet (*S. italica)* seeds from the Late Neolithic pit-dwelling No. 1 of Vodopadnoye-7 site**

№ п/п	Длина, L, в мм	Ширина, B, в мм	Толщина, T, в мм	Индекс L/Bx100	Индекс T/Bx100	№ пробы / № постройки-год раскопок	Примечание
1	1,0	0,85	X	117,6	X	3 / 1-2016	деформирована
2	1,0	0,9	X	111,1	X	3 / 1-2016	деформирована
3	1,15	0,95	0,8	121,1	84,2	3 / 1-2016	
4	1,0	0,95	X	105,3	X	3 / 1-2016	фрагментирована
5	1,35	1,13	0,76	119,5	66,4	3 / 1-2016	
среднее	1,10	0,96	0,77	114,6	80,2		

Примечание: X – замеры или вычисления не проводились из-за деформации зерновки.

Wagner, Tarasov, 2019), которая соответствует датировке проса из жилища № 1 и подтверждает поздненеолитический возраст этих семян.

14 зерновок проса итальянского найдены в двух пробах. У них типичная морфология и размеры (табл. 4). В одной из проб вместе с семенами этого проса найдены остатки проса обыкновенного, тогда как в другой присутствуют исключительно зерновки проса итальянского. Последняя проба отбиралась у стенки жилища и является в данной коллекции единственной пробой, в которой зафиксированы только остатки проса итальянского без сопровождения семян проса обыкновенного. Отметим, что в этой пробе содержится не типично большое для отложений, формирующихся рядом со стеной жилища (в зоне наименьшей хо-

Таблица 3. **Размерные показатели зерновок проса обыкновенного (*P. miliaceum*) из заполнения поздненеолитической постройки № 2 памятника Водопадное-7**
Table 3. **Measurements of broomcorn millet (*P. miliaceum)* seeds from the Late Neolithic pit-dwelling No. 2 of Vodopadnoye-7 site**

№ п/п	Длина, L, в мм	Ширина, B, в мм	Толщина, T, в мм	Индекс L/Bx100	Индекс T/Bx100	№ пробы / № постройки-год раскопок	Форма зерновки
1	1,35	1,15	1	117,4	87,0	3 / 2-2017	округлая
2	1,85	1,25	1,1	148,0	88,0	4 / 2-2017	удлинен.
3	1,65	1,2	>0,8	137,5	-	4 / 2-2017	удлинен.
4	1,7	1,5	1,2	113,3	80,0	4 / 2-2017	округлая
5	1,58	1,48	1,25	106,8	84,5	4 / 2-2017	округлая
6	1,4	1,4	1,05	100,0	75,0	4 / 2-2017	округлая
7	1,45	1,45	1,15	100,0	79,3	44 / 2-2017	округлая
среднее	1,57	1,35	1,12	116,30	82,96		

Таблица 4. **Размерные показатели зерновок проса итальянского (*S. italica*) из заполнения поздненеолитической постройки № 2 памятника Водопадное-7**
Table 4. **Measurements of foxtail millet (*S. italica*) seeds from the Late Neolithic pit-dwelling No. 2 of Vodopadnoye-7 site**

№ п/п	Длина, L, в мм	Ширина, B, в мм	Толщина, T, в мм	Индекс L/Bx100	Индекс T/Bx100	№ пробы / № постройки-год раскопок
1	1,15	1,15	0,9	100,0	78,3	4 / 2-2017
2	1,1	–	0,9	–	–	4 / 2-2017
3	1,15	1,03	0,75	111,7	72,8	4 / 2-2017
4	1,2	1,15	0,85	104,3	73,9	4 / 2-2017
5	1,15	1,1	0,8	104,5	72,7	4 / 2-2017
6	1,15	1,15	0,7	100,0	60,9	4 / 2-2017
7	1,18	0,95	0,75	124,2	78,9	13 / 2-2017
8	1,12	0,95	0,7	117,9	73,7	13 / 2-2017
9	1,2	1,05	0,77	114,3	73,3	13 / 2-2017
10	1,2	1,05	0,78	114,3	74,3	13 / 2-2017
11	0,98	0,9	0,6	108,9	66,7	13 / 2-2017
12	1,04	0,9	0,75	115,6	83,3	13 / 2-2017
13	1,1	0,98	–	112,2	–	13 / 2-2017
среднее	1,13	1,03	0,77	109,7	74,8	

зяйственной активности), число остатков культурных растений. Помимо этого состав культурных растений в этой пробе не имеет аналогий среди других флотационных материалов, включая эта лонные данные из сооружения № 1. На основании этих наблюдений принадлежность этой пробы к периоду позднего неолита не является бесспорной.

Еще одна зерновка проса предварительно определена, как напоминающая культурный вид (cf. *P. miliaceum*/*S. italica*). Ее морфология сходна с просом обыкновенным, а размеры характерны для проса итальянского (0,95–0,85–0,5 мм).

В одной пробе из отложений жилища № 2 найдены три мелких фрагмента скорлупы ореха лещины (*Corylus sp.*). Остатки фоновых растений представлены семенем растения из семейства яснотковые (Lamiaceae). Шесть карпоидов не удалось идентифицировать.

Обсуждение полученных результатов

Количество карпоидов, обнаруженных во флотационных пробах из поздненеолитических отложений памятника Водопадное-7, оказалось незначительным – всего 65 экз. Тем не менее их анализ позволил сделать несколько важных выводов как об использовании растений населением юго-восточного варианта ЗКТ, так и о самом поселении.

Главным результатом изучения этих материалов стало обнаружение остатков двух видов культурного проса – обыкновенного и итальянского. На сегодняшний день поселение Водопадное-7 является самым восточным из зайсановских памятников, на котором найдены остатки культурных растений. Эти находки в сочетании с многочисленными артефактами земледельческого облика – мотыги двух размерных групп (длиной 15–18 см и 25–30 см), куранты и терочные плиты со следами длительного использования (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017. С. 196–202; Дорофеева, Клюев, 2020) – доказывают существование просового земледелия у обитателей этого поселения и у носителей юго-восточного варианта ЗКТ.

Находки остатков культурного проса в поздненеолитических отложениях памятника Водопадное-7 были ожидаемы. Семена культурного проса обнаружены в отложениях всех памятников ЗКТ, на которых применялась водная флотация. Именно этот факт позволил сделать вывод об обязательном присутствии просового земледелия в системах жизнеобеспечения населения всех локально-хронологических вариантов ЗКТ. При этом небольшое количество остатков проса, обнаруженное на зайсановских памятниках, послужило основанием для предположения о незначительной роли земледелия в экономиках этого населения (Сергушева, 2008; Сергушева, 2013). Ранее существование земледелия у населения юго-восточного варианта ЗКТ предполагалось на основе находок орудий земледельческого облика (Медведев, 2015), но подтверждающие это археоботанические данные отсутствовали.

В сравнении с другими зайсановскими памятниками археоботанические материалы поселения Водопадное-7 выглядят своеобразно из-за высокого содержания остатков культурного проса – почти 78 % всех семян. Данные других первобытных памятников Приморья демонстрируют преобладание в археоботанических коллекциях остатков дикорастущих пищевых растений. Так, в материалах из заполнений двух жилищ поселения Кроуновка-1 раннезайсановского локально-хронологического варианта ЗКТ остаткам культурных растений принадлежат 2 и 13 %, а остаткам дикорастущих – 92 и 75 %, соответственно. В коллекции из жилища приханкайского варианта ЗКТ поселения Новоселище-4 эти показатели равны 30,7 и 54 % (Сергушева, 2008. С. 189). На поселении Ольга-10 маргаритовской культуры, относимой исследователями к финальному неолиту (Яншина, Клюев, 2005) или к начальной эпохе палеометалла (Батаршев, Сергушева, Морева, Дорофеева, Крутых, 2015; Вострецов, 2018. С. 59), остатки культурного проса представлены 18 %, а карпоиды дикорастущих растений – 50 % археоботанической коллекции (Батаршев, Сергушева, Морева, Дорофеева, Крутых, 2015. С. 31). Лишь на одном памятнике позднего неолита – поселении Реттиховка-Геологическая приханкайского варианта ЗКТ – выявлено преобладание семян культурных растений среди растительных остатков. Но в отличие от других памятников эта коллекция получена из заполнения хозяйственно-бытовой постройки, а не жилищного комплекса (Сергушева, 2006; Коломиец, Крутых, 2011).

Исходя из количественных данных археоботанической коллекции поселения Водопадное-7, логичным выглядит предположение о весомой роли земледелия в хозяйстве его населения. Но источниковедческий анализ этого материала показывает, что эти количественные показатели отражают наполненность остатками культурного проса отложений, сформировавшимися рядом с хозяйственными комплексами для переработки растительного сырья. Так, 40 зерновок культурного проса, т. е. 78,4 % всех остатков проса, были получены из четырех проб, отобранных рядом с терочными плитами и курантами. В заполнениях жилищ отмечены многочисленные находки специализированного инвентаря, связываемого с земледельческой деятельностью. Так. в котловане № 1 обнаружены четыре терочные плиты, два целых куранта и пять обломков, а также 10 мотыг, пять из которых имели длину от 25 до 30 см и были найдены в одном месте (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017. С. 201). Обилие подобных орудий косвенно свидетельствует о значимой роли земледелия и его продуктов для обитателей поселения.

Отмечается нетипично низкое содержание в изученной коллекции остатков пищевых дикорастущих, а также фоновых (сорных) растений. Значительную часть археоботанических материалов других памятников ЗКТ в Приморье составляют остатки дикоросов: фрагменты скорлупы орехов, семядолей желудей дуба, семена и плоды яблони, боярышника, амурского бархата, винограда и других пищевых растений. Такие находки и их количество убедительно свидетельствуют о значимой роли продуктов собирательства растений в системах жизнеобеспечения поздненеолитических обитателей этой территории (Сергушева, 2008. С. 186–188). Отсутствие сколько-нибудь значимого количества остатков пищевых дикорастущих растений и минимальное число семян фоновых и сорных растений в отложениях двух неолитических жилищ поселения Водопадное-7 свидетельствует, что они не успели накопиться в жилищах из-за непродолжительного времени их обитания. Это предположение подтверждают и археологические наблюдения. Так. в одном из жилищ[8] отсутствовал очаг (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017. С. 190). А анализ комплекса первичного расщепления показал, что большинство ретушированных и шлифованных орудий были принесены на памятник в готовом виде; на месте производилась только их подправка и переоформление (Дорофеева, Гридасова, Клюев, Слепцов, 2017. С. 196).

Вывод о непродолжительном периоде обитания требует отдельного пояснения. Судя по количеству находок культурного проса и специализированных орудий в отложениях поздненеолитического поселения, земледелие могло играть важную роль в системе жизнеобеспечения его населения. Но, с точки зрения занятия земледелием, нецелесообразным выглядит выбор места для поселка в узкой и относительно глубокой долине, которая в 3–4 км ниже по течению превращается в широкую и удобную для такой деятельности. По-видимому, на выбор места для постройки двух жилищ повлияли не экономические, а иные причины. Исходя из всего указанного, наиболее вероятным представляется, что основной такой причиной могла быть необходимость найти для проживания «укромное» место. Однако оба жилища просуществовали недолго и погибли, очевидно, в одном пожаре, при этом все артефакты в их отложениях остались на местах.

Остатки культурных растений в отложениях позднего неолита памятника представлены зерновками двух видов культурного проса – обыкновенного и итальянского. 51 зерновка обнаружена в отложениях обеих построек, но не во всех пробах. Так, семена проса обыкновенного зафиксированы в пяти пробах, а проса итальянского – в трех. При этом зерновки последнего в двух пробах найдены совместно с семенами проса обыкно-

[8] В котловане жилища № 2 очаг также не был обнаружен. Однако нельзя утверждать, что он отсутствовал там изначально, т. к. не исключено, что очаг был разрушен корневой системой крупного дерева, выросшего в его центральной части. Но то, что нам не удалось найти следы очага в замкнутом комплексе жилища № 1 однозначно демонстрирует его изначальное отсутствие там.

венного, а в одной пробе из постройки № 2 самостоятельно. Общее число находок зерновок двух видов примерно одинаково – 27 семян проса обыкновенного и 21 проса итальянского. Три зерновки культурного проса из-за плохой сохранности не были убедительно соотнесены ни с одним из этих видов. В части археоботанической коллекции из заполнения котлована № 1, принятой нами за эталон для поздненеолитического этапа заселения памятника, остатки двух видов проса зафиксированы в ином соотношении – 16 зерновок проса обыкновенного и 7 итальянского. Имеющиеся ограниченные данные не позволяют реконструировать существовавшее соотношение между этими видами проса. Предварительно можно предположить, что роль обоих видов могла быть сравнимой между собой.

К настоящему времени только на памятниках приханкайского варианта ЗКТ известны убедительные находки двух видов культурного проса. Тогда как в археоботанических материалах (впрочем, довольно немногочисленных) с памятников раннезайсановского и хасанского вариантов обнаружены остатки либо обыкновенного, либо итальянского проса. Вероятно, данный признак является культурозначимым (Сергушева, 2013). Находки двух видов культурного проса у поздненеолитических обитателей Водопадное-7 сближают юго-восточный и приханкайский варианты ЗКТ. О.В. Яншина выявила сходство керамических комплексов обоих вариантов, объяснив его тем, что юго-восточный вариант (именуемый ею «восточная группа приханкайских памятников») сформировался «в процессе продвижения собственно приханкайского населения из западной части Приморья на восток» (Яншина, 2003; Яншина, 2004. С. 75–85; Яншина, Клюев 2005. С. 197). Исходя из этого предположения и ^{14}С датировок памятников приханкайского варианта, а также в условиях отсутствия надежных данных по абсолютной хронологии памятников юго-восточного варианта, некоторые исследователи предполагают, что этот вариант появился не ранее 3400 л. н. (Вострецов, 2018. С. 58).

Для отложений юго-восточного варианта памятника Водопадное-7 получены четыре ^{14}С датировки – две по зерновкам проса обыкновенного (Leipe, Long, Sergusheva, Wagner, Tarasov, 2019), две по карбонизированной древесине (Дорофеева, Клюев, 2020. С. 81). Три из этих дат хорошо согласуются друг с другом и демонстрируют время существования поселения около 4000–3900 л. н.[9], т. е. синхронно времени бытование ранних приханкайских памятников Новоселище-4, Мустанг, Боголюбовка-1 (Гарковик, 1993; Гарковик, 2008; Клюев, Сергушева, Верховская, 2002). Таким образом, датировки неолитических отложений памятника Водопадное-7 не подтверждают предположение О.В. Яншиной и ставят на повестку вопросы происхождения юго-восточного варианта ЗКТ и истоков сходства его комплексов с материалами памятников приханкайского варианта.

Сходство состава культурных растений у населения двух вариантов ЗКТ представляет безусловный интерес и для решения вопроса о происхождении маргаритовской культуры. Ареал обитания ее населения находится на восточном побережье, а время существования приходится на интервал 3600–3300 л. н., т. е. хронологически она близка к поздним памятникам ЗКТ. В археоботанических материалах поселения Ольга-10 маргаритовской культуры были выявлены остатки двух видов культурного проса. Сравнение с аналогичными данными хронологически близких памятников привело к выводу о сходстве по данному признаку этой культуры с приханкайским вариантом ЗКТ и отличии от поселений эпохи палеометалла (Батаршев, Сергушева, Морева, Дорофеева, Крутых, 2015. С. 28–32). С учетом того, что археологические памятники юго-восточного варианта ЗКТ и маргаритовской культуры находятся в смежных районах восточного Приморья и хронологически следуют друг за другом, сходство в наборе культурных растений у их населения может представ-

[9] Дата ИМКЭС-14С1880 получена по древесине – 4265±130 ВР (Дорофеева, Клюев, 2020. С. 81), имеет большую поправку, из-за которой попадает в довольно широкий хронологический диапазон и выглядит древнее.

лять определенный интерес при поиске истоков происхождения последней.

Заключение

Анализ археоботанических материалов из отложений памятника Водопадное-7 предоставил убедительные данные о существовании просового земледелия у населения юго-восточного варианта ЗКТ. Список памятников ЗКТ позднего неолита, в отложениях которых зафиксированы прямые свидетельства существования земледелия, пополнился еще одним пунктом, причем самым восточным. Находки остатков двух видов культурного проса в коллекции памятника демонстрируют близость юго-восточного варианта ЗКТ и приханкайских памятников.

Библиографический список

Батаршев С.В., Сергушева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. Поселение Ольга-10 в Юго-Восточном Приморье: новые материалы к дискуссии о маргаритовской археологической культуре // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2015. № 1. С. 26–36.

Бобровский М.В. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 359 с.

Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы: монография. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

Вострецов Ю.Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2018. Т. 20: Археология. С. 40–65.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Крауновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: сб.ст. Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 373–378.

Гарковик А.В. Результаты раскопок на поселении Мустанг-1 в 1987 году // Археологические исследования на Дальнем Востоке России: сб.ст. Владивосток, 1993. С. 3–6.

Гарковик А.В. Боголюбовка 1 – памятник позднего неолита Приморья // Окно в неведомый мир: сб. ст. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 131–139.

Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Клюев Н.А., Слепцов И.Ю. Новые аспекты в изучении зайсановской куль-

References

Batarshev S.V., Sergusheva E.A., Moreva O.L., Dorofeeva N.A., Krutykh E.B. (2015) The Ol'ga-10 settlement in the southeastern Primorye: the new datum for discussion about the Margaritovka culture. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Vestnik archaeology, anthropology and ethnography. Tyumen'.* No. 1. P. 26–36. (In Russ.)

Bobrovsky M.V. (2010) Forest soil in European Russia: biotic and anthropogenic factors in pedogenesis. Moscow: KMK Scientific Press Ltd. 359 p. (In Russ.)

Vostretsov Yu.E. (2005) The interaction of marine and agricultural adaptations in the basin of the Sea of Japan. Rossiiskii Dal'nii v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy: monografiya. *Rossiiskii Dal`nii Vostok v drevnosti i srednevekov`e : otkrytiya, problemy, gipotezy = The Russian Far East in prehistory and the Medieval Ages: discoveries, problems and hypothesis.* Vladivostok: Dal`nauka. P. 159–186. (In Russ.)

Vostretsov Yu.E. (2018) Chronology and spatial distribution of sites of Zaisanovskaya cultural tradition in Primorye in context of changes of natural conditions. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. Vladivostok. Vol. 20. Archaeology. P. 40–65. (In Russ.)

Vostretsov Yu.E., Sergusheva E.A., Komoto M., Miyamoto K., Obata Kh. (2003) New data about the early agriculture in Primorye: the Neolithic complex in the Krounovka-1 site. *Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoi, Vostochnoi i Tsentral'noi Azii = Problems of archaeology and palaeoecology of Northern, Eastern and Central Asia*. Novosibirsk: Institute of archaeology and ethnography SO RAS. P. 373–378. (In Russ.)

Garkovik A.V. (1993) Results of the excavation of the Mustang-1 site in 1987. *Arkheologicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii = Archaeological studies in the Russian Far East.* Vladivostok. P. 3–6. (In Russ.)

Garkovik A.V. (2008) Bogolyubovka 1. The Late Neolithic site in Primorye. *Okno v nevedomyi mir = The window in an unknown world.* Novosibirsk: Institute of archaeology and ethnography SO RAS. P. 131–139. (In Russ.)

Dorofeeva N.A., Gridasova I.V., Klyuev N.A., Sleptsov I.Yu. (2017) New aspects for study of Zaisanovka

турной общности в Приморье (по итогам исследования памятника Водопадное-7) // Россия и АТР. Владивосток, 2017. № 3. С. 187–205.

Дорофеева Н.А., Клюев Н.А. Колчаны в неолитических жилищах памятника Водопадное-7 (Приморье) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2020. Т. 26. № 1. С. 71–81. DOI 10.24411/2658-5960-2020-10004

Клюев Н.А., Сергушева Е.А., Верховская Н.Б. Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище-4) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2002. Вып. 4. С. 102–126.

Коломиец С.А., Крутых Е.Б. Хозяйственно-бытовые сооружения в финальном неолите юга Дальнего Востока России // Россия и АТР. Владивосток, 2011. № 1. С. 95–106.

Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблемы интерпретации // Россия и АТР. Владивосток. 2012. № 1. С. 139–154.

Лебедева Е.Ю. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М.: Параллель, 2008. Вып. 6. С. 86–109.

Лебедева Е.Ю. Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Институт археологии РАН, 2009. Вып. 1. С. 258–267.

Медведев В.Е. Неолитическое поселение на Сопке Большой // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: материалы регион. науч. конф., Владивосток, 18–20 ноября 2013 г. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2015. С. 84–102.

Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. Предварительные результаты изучения памятника Гвоздево-4 в южном Приморье // От Монголии до Приморья и Сахалина: сб.ст. Владивосток. Дальневосточный университет, 2009. С. 52–110.

Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Рольгейзер Е.В., Малков С.С. Культурно-хронологические комплексы поселения Горный Хутор-11 в Черниговском районе Приморского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 5 частях.

cultural community in Primorye (to results of the Vodopadnoe-7 site investigations). *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific.* Vladivostok. No. 3. P. 187–205. (In Russ.)

Dorofeeva N.A., Klyuev N.A.(2020) Quivers in the Neolithic pit dwellings of the Vodopadnoe-7 site (Primorye). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS.* Vladivostok. Vol. 26. No. 1. P. 71–81. (In Russ.) DOI: 10.24411/2658-5960-2020-10004

Klyuev N.A., Sergusheva E.A., Verkhovskaya N.B. (2002) Agriculture in the Final Neolithic of Primorye according to the Novoselishche-4 site's data. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii = Traditional culture of the east of Asia*. Blagoveshchensk: Amursky State university. Iss. 4. P. 102–126. (In Russ.)

Kolomiets S.A., Krutykh E.B.(2011) The shed in the final Neolithic of the south of the Russian Far East. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific.* Vladivostok. No. 1. P. 95–106. (In Russ.)

Krutykh E.B. (2012) Zaisanovskaya archaeological culture: the problem of interpretation. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. Vladivostok. No. 1. P. 139–154. (In Russ.)

Lebedeva E.Yu. (2008) Archaeobotanical reconstruction of ancient agriculture (methodological criteria. *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii = OPUS: interdisciplinary studies in archaeology.* Moscow: Parallel`. Iss. 6. P. 86–109. (In Russ.)

Lebedeva E.Yu. (2009) Recommendations for the sampling materials for archaeobotanical analysis. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov = Analytical research of the laboratory of natural science methods.* Moscow: Institute of archaeology RAN. Iss. 1. P. 258–267. (In Russ.)

Medvedev V.E. (2015) The Neolithic settlement on the hill Sopka Bol'shaya. *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territorii Vostochnoi Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy region. nauch. konf., Vladivostok, 18–20 noyabrya 2013 g. = Prehistoric archaeology of the Far East of Russia and adjacent territories of East Asia: a moden condition and development prospects: materials of Regional Scientific Conference, Vladivostok, November, 18–20, 2013.* Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnolog FEB RAS. P. 84–102. (In Russ.)

Moreva O.L., Batarshev S.V., Dorofeeva N.A., Krutykh E.B., Malkov S.S. (2009) Preliminary results of the study of Gvozdevo-4 settlement. *Ot Mongolii do Primor'ya i Sakhalina = From Mongolia to Primorye and Sakhalin.* Vladivostok: Far Eastern University. P. 52–110. (In Russ.)

Moreva O.L., Dorofeeva N.A., Rol'geizer E.V., Malkov S.S. (2017) Cultural and chronological complexes of Gorny Khutor-11 settlement in Chernigovsk district of Primorye. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sci-*

Тамбов, 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 138–145.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия // Советская этнография. 1969. № 2. С. 3–14.

Сергушева Е.А. Семена и плоды с поздненеолитического поселения Реттиховка-Геологическая (предварительные результаты) // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia. Vol. 2. University of Kumamoto, 2006. Pp. 1–11.

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии: сб.ст. М.: Параллели, 2008. Вып. 6. С. 180–195.

Сергушева Е.А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2013. № 4. С. 155–162.

Яншина О.В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: Третья междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2003. С. 109–121.

Яншина О.В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2004. 212 с.

Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы: сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.

Leipe C., Long T., Sergusheva E.A., Wagner M., Tarasov P.E. Discontinuous spread of millet agriculture in eastern Asia and prehistoric population. *Science Advances.* 2019. 5. DOI: 10.1126/sciadv.aax6225

Pearsall D.M. Paleoethnobotany: A handbook of procedures. 2nd ed. Academic Press, San Diego, CA. 2000. 470 p.

Sergusheva E.A., Vostretsov Y.E. The advance of agriculture in the coastal zone of East Asia. In Andrew S. Fairbairn and Ehud Weiss (eds.), *From Foraging to Farming: Papers in Honour of Gordon C. Hillman*. Oxford: Oxbow Books, 2009. Pp. 205–219.

ences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov. No. 12 (86). In 5 pt. Pt. 2. P. 138–145. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Brodyanskii D.L. (1969) The Far Eastern core area of the ancient agriculture. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography.* No. 2. P. 3–14. (In Russ.)

Sergusheva E.A. (2006) Seeds and fruits of the Late Neolithic settlement Rettikhovka-Geologicheskaya (preliminary results). *Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia.* University of Kumamoto. Vol. 2. P. 1–11. (In Russ. and English)

Sergusheva E.A. (2008) Archaeobotanical studies of Late Neolithic sites in Primorye. *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii = OPUS: interdisciplinary studies in archaeology.* Moscow: Parallel`. Iss. 6. P. 180–195. (In Russ.)

Sergusheva E.A. (2013) Dynamic of agriculture in the Late Neolithic of Primorye according archaeobotanical datum. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography.* Tyumen'. No. 4. P. 155–162. (In Russ.)

Yanshina O.V. (2003) On the problem of the homogeneity of the Zaisanovka archaeological culture of Primorye. *Arkheologiya i sotsiokul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii: Tret'ya mezhdunar. nauch. konf. «Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh» = Archeology and socio-cultural anthropology of the Far East and adjacent territories: The third international scientific conference "Russia and China on the Far Eastern frontiers".* Blagoveshchensk: Blagoveshchenskiy pedagogical university. P. 109–121. (In Russ.)

Yanshina O.V. (2004) The problem of distinguishing the Bronze Age in the archeology of Primorye. St. Petersburg: Museum of anthropology and ethnography RAS. 212 p. (In Russ.)

Yanshina O.V., Klyuev N.A.(2005) Late Neolithic and Early Paleometal of Primorye: Criteria for identification and characteristics of archaeological complexes. *Rossiiskii Dal`nii Vostok v drevnosti i srednevekov`e:otkrytiya, problemy, gipotezy = The Russian Far East in prehistory and the Medieval Ages: discoveries, problems and hypothesis.* Vladivostok: Dal`nauka. P. 187–233. (In Russ.)

Leipe C., Long T., Sergusheva E. A., Wagner M., Tarasov P.E. Discontinuous spread of millet agriculture in eastern Asia and prehistoric population. Science Advances. 2019. 5. DOI: 10.1126/sciadv.aax6225

Pearsall D.M. Paleoethnobotany: A handbook of procedures. 2nd ed. Academic Press, San Diego, CA. 2000. 470 p.

Sergusheva E.A., Vostretsov Y.E. The advance of agriculture in the coastal zone of East Asia. In Andrew S. Fairbairn and Ehud Weiss (eds.), *From Foraging to Farming: Papers in Honour of Gordon C. Hillman*. Oxford: Oxbow Books, 2009. Pp. 205–219.

Критерии авторства

Е.А. Сергушева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.A. Sergusheva has got the research work, based on the obtained results made a compilation, prepared the manuscript for printing. She has copyrights on article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Сергушева Елена Альбертовна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
✉ e-mail: lenasergu@gmail.com

Information about the author

Elena A. Sergusheva,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Prehistoric Archaeology,
Institute of the History, Archaeology and Ethnology of Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya street, Vladivostok 690001, Russia,
✉ e-mail: lenasergu@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-46-64

Оседлое скотоводство на рубеже III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье по археозоологическим материалам поселения Каменный Амбар

© А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация: Работа посвящена анализу археозоологического материала одного из двух десятков укрепленных поселений среднего бронзового века, которые расположены компактной группой в степной зоне на границе России и Казахстана. Ранние строительные горизонты поселения Каменный Амбар связаны с синташтинской культурой. Второй этап функционирования поселка связан со срубно-алакульским периодом. По причине сильной перемешанности слоев животноводство обитателей поселка рассматривается в период с 2100–1700 cal BC. Целью статьи является уточнение ряда аспектов животноводства и реконструкция некоторых вопросов, которые ранее либо не рассматривались, либо носили предположительный характер. Источниками работы являются обширная археозоологическая коллекция из нескольких раскопов поселения и данные по характеристикам костного материала из современных загонов в долине реки Карагайлы-Аят. Сюда входят остеологические маркеры летних загонов, патологии современного скота, данные по остеофагии домашних копытных и результаты наблюдения за современным выпасом скота. Кости из поселения Каменный Амбар и современных загонов анализировались с помощью стандартных и общепринятых археозоологических методов. Анализ археозоологической коллекции позволил подтвердить скотоводческий характер поселка на всем протяжении его существования. Обитатели памятника комплексно эксплуатировали крупный рогатый скот, овец, коз и лошадей. Палеопатологический анализ позволяет реконструировать возможное рабочее использование быков, но для подобного заключения для лошади основания отсутствуют. Ряд прямых и косвенных свидетельств позволяет считать изучаемый памятник круглогодично обитаемым поселком оседлых скотоводов. Коллективы Каменного Амбара активно эксплуатировали ресурсы долины в радиусе до 15 км. Благоприятные условия долины реки Карагайлы-Аят позволили перейти на оседлую модель животноводства и, вероятно, улучшить размерные характеристики скота. Постройки использовались в качестве стойла не только в зимний, но, предположительно, и в летний период.

Ключевые слова: бронзовый век, синташтинская культура, скотоводство, археозоология, остеофагия, палеопатология, крупный рогатый скот, лошадь, рабочий скот

Благодарности: Автор выражает свою признательность команде Mark Benecke за консультации по вопросам модификаций костей насекомыми и сообществу ZOOARCH community за помощь по ряду аспектов и помощь в поиске литературы. Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда по гранту № 16-18-10332-П «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)».

Информация о статье: поступила в редакцию 6 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 28 августа 2020 г.; принята к публикации 7 сентября 2020 г.

Для цитирования: Рассадников А.Ю. Оседлое скотоводство на рубеже III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье по археозоологическим материалам поселения Каменный Амбар // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 46–64. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-46-64

The sedentary pastoralism at the turn of the III–II millennium BC in the Southern Trans-Urals based on archaeozoological materials of the settlement Kamennyi Ambar

© Alexey Iu. Rassadnikov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia,

Abstract: The work is devoted to the analysis of archaezooological material of one of two dozen fortified settlements of the Middle Bronze Age, which are located in a compact area in the steppe zone on the border of Russia and Kazakhstan. The early construction horizons of the Kamennyi Ambar settlement are associated with Sintashta culture. The second stage of the functioning of the settlement is associated with the Srubno-Alakul period. Due to the strong mixing of the layers, animal husbandry of the inhabitants of the settlement is considered in the period from 2100–1700 cal BC. The purpose of the article is to clarify a number of aspects of livestock farming and the reconstruction of some issues that previously either were not considered, or were of a hypothetical nature. Sources of work are an extensive archaezooological collection from several excavations of the settlement and data on the characteristics of bone material from modern enclosures in the Karagaily-Ayat river valley. This includes osteological markers of summer enclosures, pathologies of modern livestock, data on osteophagia of domestic ungulates, and results of observation of modern livestock grazing. Bones from the Kamennyi Ambar settlement and modern enclosures were analyzed using standard and generally accepted archaezooological methods. An analysis of the archaeozoological collection has confirmed the pastoralist character of the settlement throughout its existence. The inhabitants of the settlement complexly exploited cattle, sheep, goats and horses. Paleopathological analysis allows to reconstruct the possible working exploitation of bulls, but there is no reason for a horse to make such a conclusion. A number of direct and indirect evidence allows us to consider this archaeological site under study the year-round inhabited settlement of settled cattle breeders. Collectives of inhabitants of the Kamennyi Ambar actively exploited the resources of the valley within a radius of 15 km. Favorable conditions of the Karagaily-Ayat river valley made it possible to switch to a settled model of animal husbandry and supposedly improve the dimensional characteristics of livestock. The houses of the settlement were used as a stall not only in winter, but probably in summer.

Keywords: Bronze Age, Sintashta culture, pastoralism, archaeozoology, osteophagia, paleopathology, cattle, horse, draught cattle

Acknowledgements: The author would like to express his gratitude to the Mark Benecke team for advice on insect bone modification and the ZOOARCH community for assistance on a number of issues and assistance with literature searches. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation under the grant No. 16-18-10332-P “The lifestyle of the population of the Southern Trans-Urals in a diachronic perspective: from sedentary forms to mobility (based on the materials of the Karagaily-Ayat river basin)”.

Article info: received August 6, 2020; revised August 28, 2020; accepted September 7, 2020.

For citation: Rassadnikov A.Iu. (2020) The sedentary pastoralism at the turn of the III–II millennium BC in the Southern Trans-Urals based on archaeozoological materials of the settlement Kamennyi Ambar. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 46–64. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-46-64

Введение

Укрепленное поселение Каменный Амбар является одним из двух десятков поселков среднего бронзового века (2100–1700 cal BC) в Южном Зауралье. Памятник расположен в Карталинском районе Челябинской области вблизи деревни Варшавка. На участке долины реки Карагайлы-Аят протяженностью 20 км, где располагается рассматриваемый поселок, также находятся еще два укрепленных и хронологически синхронных поселения – Журумбай и Коноплянка (рис. 1). Поселение Каменный Амбар имеет относительно продолжительную историю изучения. Исследование памятника начато в 1982 г. Ю.В. Тарасовым. Немного позже, в конце 1980-х гг. с помощью дешифрирования аэрофотоснимков была выявлена

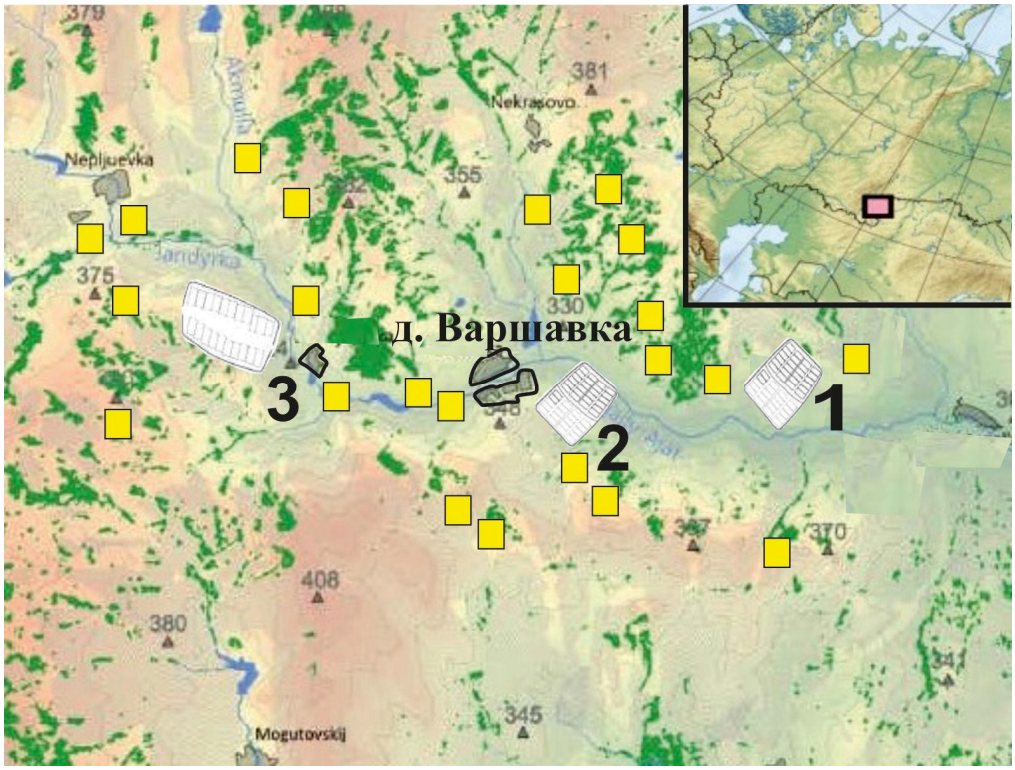

Рис. 1. Поселения бронзового века и современные загоны для скота в долине реки Карагайлы-Аят вблизи деревни Варшавка: *1 – поселение Каменный Амбар; 2 – поселение Журумбай; 3 – Коноплянка; желтые квадраты – современные загоны для КРС, МРС и лошади (преимущественно КРС), остеологический материал которых был изучен. Карта по D. Knoll (Knoll, 2014. P. 176)*

Fig. 1. Bronze Age settlements and modern livestock enclosures in the Karagaily-Ayat River valley near the village of Varshavka: *1 – settlement Kamennyi Ambar; 2 – settlement Zhurumbai; 3 – Konoplyanka; yellow squares – modern enclosures for cattle, caprines and horses (predominantly cattle), osteological material which has been studied. Map by D. Knoll (Knoll, 2014. P. 176)*

система фортификации и произведены тестовые раскопки небольшой площади Н.Б. Виноградовым. В 2005 году были начаты раскопки поселения институтом истории и археологии УрО РАН. С 2008 к исследованиям присоединились специалисты франкфуртского университета им. И.В. Гёте (Koryakova, Krause, 2013. P. 7–9). В рамках этого международного проекта также были произведены раскопки укрепленного поселения Коноплянка (Шарапова, Краузе, Молчанов и др., 2014). Первая фаза обитания этого и всех остальных поселений связана с синташтинской культурой, чье появление на рассматриваемой территории связывается с революционными сдвигами в развитии хозяйства и системы жизнеобеспечения. Считается, что именно коллективы синташтинских традиций принесли на рубеже III–II тыс. до н. э. на территорию Южного Зауралья оседлость и производящее хозяйство в виде комплексного животноводства. Состояние источниковой базы не позволяет оценить характер и уровень животноводства в период, предшествовавший синташтинской культуре (Епимахов, 2010. С. 33). Вторая фаза существования поселка относится к срубно-алакульскому периоду и также связана с комплексным животноводством.

Синташтинская археологическая культура знаменательна как своими укрепленными поселениями, так и погребальными комплексами, которые располагаются по соседству с поселениями. Отличительными особенностями синташтинских поселков являются наличие рядов построек внутри замкнутого пространства (внешняя стена и ров). Наиболее характерными чертами построек являются наличие нескольких помещений, колодцев, следов металлургического производства и

металлообработки, а также развитых ремесел в виде керамического производства, деревообработки и обработки шкур. Одной из самых ярких черт погребальной обрядности синташтинской культуры являются первые свидетельства использования лошади в качестве тяглового животного для колесниц. В некоторых погребениях обнаружены остатки колесниц и отпечатки спиц их колес (Stobbe, Gumnior, Ruhl, Schneider, 2016. P. 1692).

В области изучения животноводства и системы жизнеобеспечения обитателей укрепленных поселений рубежа III–II тыс. до н. э. Южного Зауралья существует ряд проблем, решение которых либо требует дополнительного обоснования, либо полноценного изучения по причине отсутствия современных реконструкций. Такими вопросами являются форма выпаса домашнего скота или тип скотоводства, место содержания стада, сезонность обитания поселков, вопрос наличия рабочего использования крупного рогатого скота (далее КРС) и роль лошади.

Целью статьи является реконструкция ряда аспектов системы жизнеобеспечения и животноводства обитателей, а также характера функционирования поселения Каменный Амбар на основании результатов анализа ранее неопубликованных археозоологических материалов и результатов изучения современной системы животноводства в долине реки Карагайлы-Аят. Результаты этих исследований также доступны в датасетах 3–5.

Результаты предыдущих археозоологических исследований

Предыдущими исследованиями изучен археозоологический материал из раскопов 1–5 и часть материала раскопа 6, включающего кости из ряда колодцев и жертвенника (Косинцев, Рассадников, Бачура и др., 2010. С. 67; Rassadnikov, Kosintsev, Koryakova, 2013. P. 282). Раскопы 1–5 охватили площадь поселка в его северо-восточной части (датасет#2. Рис. 4–5). На этом этапе работ были сделаны попытки разделения археозоологического материала на комплексы, относящиеся к разным этапам обитания поселка. Основными итогами работ стало выявление ведущей роли домашних копытных в получении продуктов питания, комплексного характера животноводства, незначительной роли продуктов охоты, реконструкция рабочего использования КРС на основании патологических изменений, стойлового содержания скота, реконструкция придомно-отгонного или отгонного скотоводства на основании результатов анализа сезона забоя домашних копытных (Косинцев, Рассадников, Бачура и др., 2010. С. 67; Rassadnikov, Kosintsev, Koryakova, 2013. P. 282; Bachura, 2013. P. 287). Принципиальных отличий в животноводстве между ранней и поздней фазами обитания поселка не обнаружено (Rassadnikov, Kosintsev, Koryakova, 2013. P. 282).

Материал

В работе анализируются 25128 костей, которые происходят из 4 раскопов. Самый большой археозоологический комплекс представлен материалами 6 раскопа – 13026 костей. Раскоп заложен в северо-западной части северной половины поселения и исследованы постройки 4–6, 14–16, частично их колодцы, фрагмент внешней стены и межжилищное пространство (датасет#2. Рис. 3–4). Общая картина по 6 раскопу свидетельствует о почти полном разрушении синташтинского горизонта на втором срубно-алакульском этапе обитания поселка (Пантелеева, 2018. С. 73)[1].

Материалы северной части поселения также представлены ранее неопубликованными данными раскопов 1–5 и насчитывают 2688 костей. Материал происходит из построек 1–2, 7 и фрагмента фортификации. Кости раскопов 1–5 и 6 соединены и представляют северную половину поселения.

Второй по численности археозоологический комплекс (9416 костей) происходит из южной половины поселения Каменный Амбар и представлен объединенными материалами раскопов 7 и 8. Раскоп 7 заложен по линии север – юг в западной части поселения (датасет#2. Рис. 6). Исследованы

[1] Пантелеева С.Е. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар в Карталинском районе Челябинской области в 2011 году. Екатеринбург, 2018 // Архив ИИА УрО РАН.

небольшая часть северной части поселения, фрагмент промежуточной стены и постройки 8–11. Первоначально при обработке материала из раскопа 7 были предприняты попытки разделения костей на хронологические комплексы, которые показали бесперспективность выделения синташтинского комплекса. Раскоп 8 заложен в месте смыкания фортификации северной и южной половин, а также захватывает фрагмент промежуточной стены в восточной части поселка (датасет#2. Рис. 8). Другими исследованными структурами являются фрагменты построек 12–13 и жертвенник в заполнении северного рва. Итоговая картина по южной половине поселка свидетельствует о том, что хозяйственная деятельность в срубно-алакульское время практически полностью уничтожила раннюю планировку южной половины, которая первоначально также имела ряды построек (Берсенева, 2014. С. 9)[2].

По причине сильной перемешанности материалов в обеих половинах поселения принято решение отказаться от разделения археозоологического материала на синташтинско-петровский и срубно-алакульский комплексы. Весь материал анализируется как единый комплекс и характеризует жизнь поселка в период 2045–1760 (2100–1650) ВС на основании радиоуглеродного датирования (Epimakhov, Krause, 2013. P. 139). Другой причиной, которая послужила основанием для разделения всего материала только на комплексы северной и южной половин поселка, стало большое количество нестратифицированного материала, возникшего по причине ошибок при занесении материала.

Методика

Возраст забоя КРС, мелкого рогатого скота (далее МРС) и лошади определялся по состоянию зубов и эпифизов (Silver, 1969). Видовое разделение костей мелкого рогатого скота на овцу и козу производилось по нескольким методикам (Prummel, Frisch, 1986; Zeder, Pilaar, 2010; Zeder, Lapham, 2010). Измерение костей посткраниального скелета КРС и МРС велось по методике A. von den Driesch (Von Den Driesch, 1976), костей лошади по методике V. Eisenmann et al. (Eisenmann, Alberdi, Giuli, Staesche, 1988). Нижние концы метаподий крупного рогатого скота измерялись по трем методикам (Von Den Driesch, 1976; Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997; Lin, Miracle, Barker, 2016). Разделение первых и вторых фаланг крупного рогатого скота на задние и передние производилось по методике E. Dottrens (Dottrens, 1946). Реконструкция примерного роста в холке КРС и МРС производилась на основании коэффициентов для метаподий и таранной кости (Цалкин, 1970. С. 162; Teichert, 1975. P. 68). Фиксация, описание и интерпретация патологических изменений осуществлялась на основании палеопатологической литературы (Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997; Zimmermann, Pollath, Ozbasaran, Peters, 2018). Каждой патологии присваивалась стадия от 1 до 4 согласно (Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997. P. 20). Депрессии суставной поверхности (ямки) классифицировались по R. Thomas и N. Johannsen (Thomas, Johannsen, 2011) и Y. Telldahl (Telldahl, 2012).

Результаты

Полученный остеологический спектр для обеих половин поселка относительно схож между собой. Общими чертами является превалирование костей КРС, МРС и лошади, и незначительное количество костей диких видов (табл.). Основное отличие между северной и южной половинами поселка является разное соотношение костей КРС и МРС. В связи с тем, что материалы сильно перемешаны, эту особенность сложно как-либо интерпретировать, кроме того, что мясо этих двух видов было основным компонентом диеты на всем протяжении существования поселения.

Все, единично представленные в таблице дикие виды животных, обитали на изучаемой территории в позднем голоцене (Бачура, Косинцев, 2010. С. 47). Другими общими компонентами спектра являются немногочисленные кости собаки и свиньи, а также единичные остатки птиц, рыб и

[2] Берсенева Н.А. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар в 2012 г. Челябинск, 2014 // Архив ИИА УрО РАН.

моллюсков. Большинство костей сурка и суслика не относятся ко времени существования памятника. Основу комплекса неопределимых костей составляют фрагменты от крупных копытных.

Таблица. **Соотношение видов животных и категорий материала на поселении Каменный Амбар**

Table. **Ratio of animal species and material categories on the settlement Kamennyi Ambar**

Виды животных и категории материала	Северная половина		Южная половина	
КРС	4998		3052	
МРС (овца/коза)	5757	6410	2138	2531
Овца	573		345	
Коза	80		48	
Лошадь	433		325	
Свинья	52		22	
Собака	135		40	
Косуля	1		1	
Лисица	28		6	
Волк	1		1	
Лось	1		0	
Медведь	2		0	
Благородный олень	0		1	
Сайга	0		1	
Бобр	2		1	
Хорек	1		0	
Сурок	349		70	
Суслик	5		3	
Тушканчик	1		1	
Человек	0		2	
Крупное копытное	2339		2683	
Мелкое копытное	849		531	
Млекопитающее	87		131	
Моллюск неопределимый	3		2	
Птица неопределимая	8		3	
Рыба неопределимая	8		9	
Всего костей, NISP	15713		9416	

Возраст забоя домашнего скота

Данные по зубной системе неполные по причине утери части информации, но в данном случае можно использовать уже опубликованные данные, свидетельствующие о мясомолочной эксплуатации КРС и МРС (Rassadnikov, Kosintsev, Koryakova, 2013. P. 256–258).

КРС. Наиболее полные данные представлены южной половиной, которая демонстрирует превалирование забоя после 2,5 лет. Присутствуют единичные случаи забоя телят полугода (датасет#2. Табл. 2). Вероятнее всего, это смерть от различных заболеваний, чем намеренный забой.

МРС. Данные свидетельствуют об активном забое как до 1,5–2 лет, так и более взрослых особей (датасет#2. Табл. 3). Принципиальных отличий между половинами поселения нет.

Данных по лошади мало. Забивались животные всех возрастных групп (датасет#2. Табл. 4).

Данные по состоянию эпифизов более многочисленны и полные в отличие от зубной системы.

КРС. Наиболее многочисленная серия по метаподиям свидетельствует о незначительном превалировании забоя до 2–2,5 лет. Активный забой также происходил между 2,5 и 3,5 годами жизни. Небольшое число животных забивалось в возрасте до 1,5 лет и после 4–5 лет (датасет#2. Табл. 5). Южная половина поселка отличается в серии по метаподиям и свидетельствует о превалировании забоя после 2–2,5 лет (датасет#2. Табл. 8).

МРС. Несмотря на то, что серия по позвонкам свидетельствует о преобладании забоя после 4–5 лет, основной забой происходил до достижения животными 2-х лет. Часть скота также забивалась до 3,5 лет. Небольшое количество животных забивалось в возрасте 3–4 и 5–7 месяцев (датасет#2. Табл. 6, 9). Данные по южной половине в целом идентичны северной части поселка.

Лошадь. Имеющиеся данные свидетельствуют о забое животных в возрасте до 1–2 лет и 3–3,5 лет и после 4–5 лет (датасет#2. Табл. 7, 10).

Максимальный возраст, до которого содержался КРС и МРС, составлял 8 и 7 лет соответственно (Bachura, 2013. P. 287).

Соотношение элементов и отделов скелета

Среди костей КРС, МРС и лошади в обоих комплексах присутствуют практически все элементы скелета (датасет#2. Табл. 11, 13). Среди отделов скелета КРС и лошади преобладают кости дистального отдела конечностей, у МРС проксимального отдела. Общим является относительно большое количество костей головы у всех трех видов домашних копытных (датасет#2. Табл. 12, 14).

Модификационные изменения костей

Оба анализируемых археозоологических комплекса относительно схожи в плане состава и соотношения видов модифицированных костей. Большая часть модификаций представлена костями, которые подверглись воздействию температуры (датасет#2. Табл. 15). Другие виды модификаций костей, связанные с деятельностью человека, представлены свидетельствами разделки и косторезного ремесла (датасет#2. Табл. 15; Рис. 49–69).

Большая часть костей, модифицированных домашними животными, представлена костями со следами погрыза и фрагментами, прошедшими через желудок собаки (датасет#2. Рис. 70–71). Неотъемлемой чертой обеих половин поселка является относительно большое количество костей со следами погрыза и костями из желудка крупного и мелкого рогатого скота (рис. 2; также датасет#2. Табл. 15; Рис. 72–93). Такие кости являются свидетельствами остеофагии скота. Кости, модифицированные лошадью, отсутствуют, так как по словам пастухов, лошадь не грызет кости). Изображения всех стадий погрыза костей домашним скотом, а также кости из желудка КРС (кости из желудка овец и коз не найдены) доступны в датасете#3.

Довольно интересной категорией изменений являются обнаруженные в обоих комплексах кости со следами предположительно от деятельности личинок жуков дерместидов (жуки-кожееды или падальщики) или бабочек подёнок (Ephemeroptera) (датасет#2. Табл. 15; Рис. 95–101). Модификация очень похожа на те, что уже описаны в литературе (Huchet, 2014). Следует отметить, что повреждения могли быть сделаны и после того как поселение перестало функционировать. Однако сам факт наличия таких костей является свидетельством теплого периода года. Зрелые личинки жуков начинают строительство камеры для окукливания при среднесуточной температуре от +15°. Для Карталинского района Челябинской области это середина мая. Подёнки могут воздействовать на кость с июня по август (Подёнки)[3].

При обработке коллекций удалось выявить ряд костей, которые, предположительно, подверглись продолжительной варке (датасет#2. Табл. 15). Модификация выглядит как результат выветрелости на отдельных участках костей. Источник модификации удалось выяснить благодаря тому, что при варке современных костей для очистки от связок образовались такие же участки.

Кости с неизвестным источником модификации представлены, прежде всего, фрагментами с различными залощенностями сколов и сработанностями, которые нельзя однозначно отнести ни к погрызу собаки или скотом, ни к деятельности человека (датасет#2. Рис. 102–103).

Косторезное ремесло

Выявлено несколько категорий костяных изделий, большая часть из которых относится к кожевенному ремеслу (датасет#1). Наиболее многочисленной группой являются лощила по коже и керамике из таранных костей козы и овцы (датасет#2. Рис. 104–215). К лощилам также относятся две таранные кости КРС и первая фаланга лошади (датасет#2. Рис. 278–286). Второй основной группой изделий являются тупики из нижних челюстей КРС и лошади (датасет#2. Рис. 216–270). Из единичных изделий найдено т. н. пряслице из головки бедренной кости КРС, несколько фрагментов, предположительно, рукоятей, трубочка из бедренной кости МРС и несколько первых фаланг КРС с отверстиями в диафизе (датасет#2. Рис. 287–314).

[3] Подёнки. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Подёнки (дата обращения 20.08.2020).

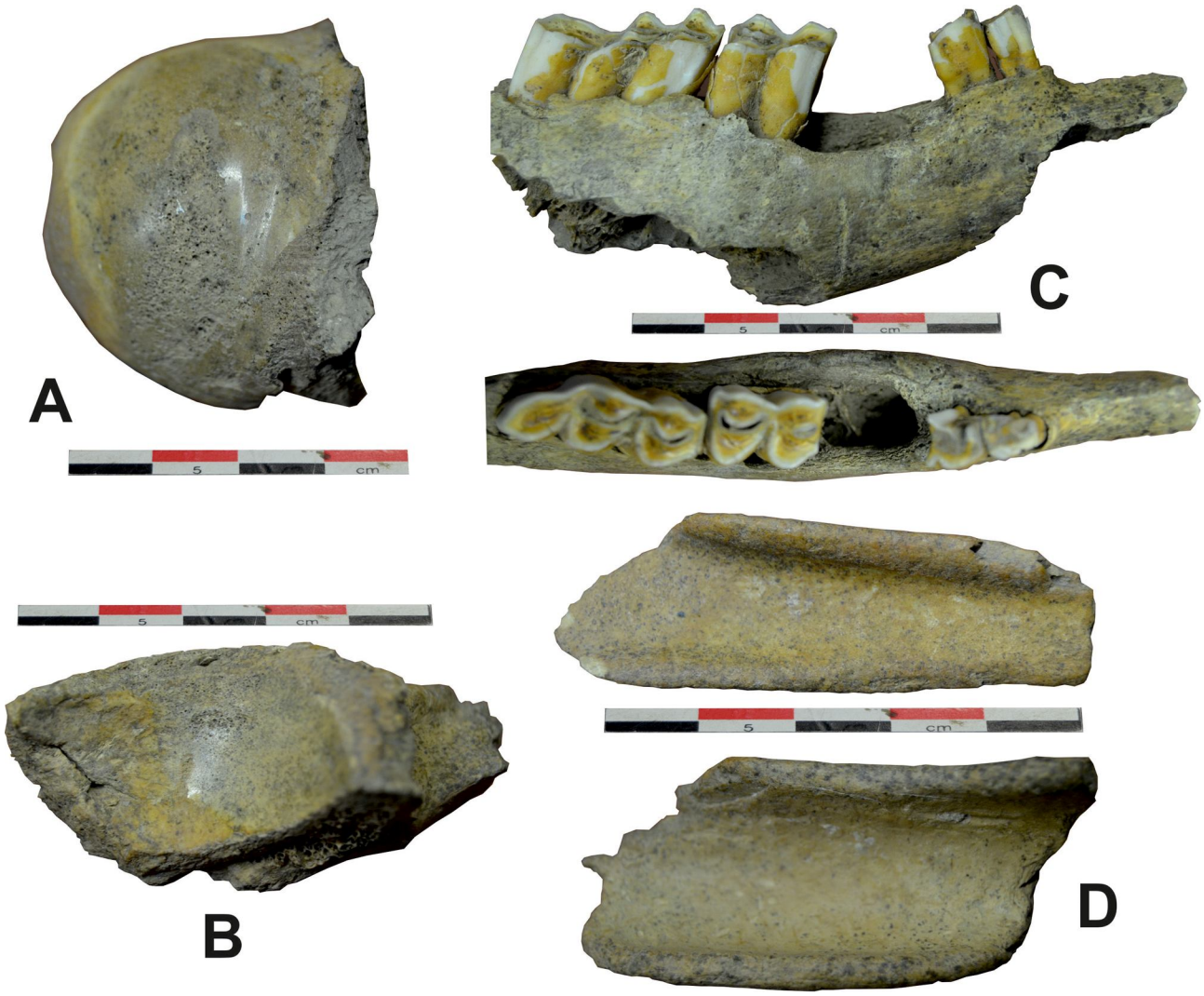

Рис. 2. Типичные патологии домашнего скота и модификационные изменения костей: *A – головка бедренной кости взрослой особи крупного рогатого скота с эбурнеацией. Bone no. 4266/716a; B – фрагмент суставной поверхности таза взрослой особи крупного рогатого скота с эбурнеацией. Bone no. 2002/717a; C – фрагмент нижней челюсти взрослой особи овцы с прижизненной потерей первого моляра вследствие воспалительного процесса Bone no. 7599/716a; D – фрагменты трубчатых костей мелкого рогатого скота, прошедшие через желудок крупного рогатого скота*

Fig 2. Typical pathologies of livestock and bone modifications: *A – femoral head of an adult cattle with eburnation. Bone no. 4266/716a; B – fragment of the acetabulum of adult cattle with eburnation. Bone no. 2002/717a; C – fragment of the lower jaw of an adult sheep with ante-mortem tooth-loss due to the inflammatory process. Bone no. 7599/716a; D – fragments of the tubular bones of caprines from the cattle stomach.*

Размеры домашнего скота

Для реконструкции размерных данных и половой структуры КРС и МРС доступно относительно большое количество костей (датасет#1).

КРС. Большинство полученных графиков относительно хорошо демонстрируют размеры коров и быков (датасет#2. Диаграммы 1–28). Среди ряда костей наблюдается ярко выраженный половой диморфизм (датасет#2. Рис. 47–48). Относительно большая серия таранных костей позволяет оценить размерные данные коров и быков. Среди забитого скота можно выделить небольшую группу мелких коров (рост в холке 109–111 см), коров среднего размера (113–114 см) и крупных коров (119–120 см). Среди быков также выделяются три группы – относительно мелкие быки (123–126 см),

животные средних размеров (127–129) и крупные быки (131–138 см). В коллекции присутствует одна таранная кость длиной 79,4 мм, которая отнесена к остаткам первобытного тура (Косинцев, Кисагулов, 2018. С. 51). Несмотря на то что длина этой таранной кости существенно больше основной массы этих костей, она также может принадлежать крупному быку или волу.

Данные по пястным костям позволяют реконструировать рост в холке от 98 до 128 см, данные по плюснам от 102 до 122 см (без разделения на пол). Для выявления костей волов по пястным костям недостаточно данных. Наиболее вероятно, что волы были в стаде Каменного Амбара, так как их метаподии традиционно фиксируются на других поселениях синташтинской культуры (Косинцев, 2000. С. 31; Косинцев, Бачура, 2013. С. 369).

Особый интерес представляют кости коров из жертвенника под полом постройки 4 синташтинского периода. Ряд параметров их метаподий лежат за пределами полученных графиков для остального поселенческого материала. Например, это касается ширины верхнего конца и ширины диафиза пястных костей. Такая же ситуация с шириной диафиза и нижнего конца плюсневых костей коров. Подавляющая часть костей коров из остального поселенческого материала немного превышает размеры коров из жертвенника (датасет#2. Диаграммы 23–28). Скорее всего кости мелких коров из жертвенника могут происходить от животных, с которыми коллективы поселка пришли на место его строительства.

МРС. В отличие от КРС графики по некоторым костям имеют одну вершину (датасет#2. Диаграммы 28–43). Скорее всего это может свидетельствовать о забое преимущественно молодых самцов. Рост в холке коз без разделения на пол варьируется от 60 до 75 см. Рост в холке овец варьируется от 62 до 85 см. Среди костей мелкого рогатого скота также присутствуют единичные фрагменты костей от очень крупных и массивных козлов и баранов. Найден один фрагмент рога от крупного и, вероятно, кастрированного барана.

Также, как и в случае с костями коров, особого внимания заслуживают размеры ряда костей коз из жертвенника под полом постройки 4. В нем присутствуют кости от мелких коз, ряд параметров которых меньше, чем аналогичные показатели для остального поселенческого материала (например, длина первых фаланг). По другим параметрам, кости коз из жертвенника соответствуют размерам самых маленьких животных этого вида для остального материала поселения.

Лошадь. Костей, которые пригодны для реконструкции размерных данных, немного (датасет#1). В целом можно констатировать, что размеры метаподий и фаланг соответствуют размерам лошадей из памятников восточноевропейского степного пространства бронзового века (Цалкин, 1970. С. 190).

Все размеры костей домашнего скота доступны в датасет#1.

Патологический анализ

Всего выявлено 314 костей: КРС (226 костей), МРС (79 костей), лошади (6 костей), 3 кости от крупного и мелкого копытного (без учета костей из жертвенника синташтинского времени – 58 костей КРС и 28 костей МРС) с различного рода изменениями (датасет#1). Формат статьи не позволяет подробно описать все зафиксированные патологии. В этом разделе будут рассмотрены только основные группы патологий костей домашнего скота.

Общим для всех видов домашнего скота из обоих половин поселка является относительно большое количество дефектов и депрессий суставной поверхности костей, которые являются остеохондротическими изменениями (датасет#2. Рис. 315–360). Для КРС и МРС такие дефекты составляют больше половины всех выявленных патологий. В число зафиксированных патологий суставной поверхности таранных костей коз и овец также входят 15 случаев *Laesio circumscripta tali*.

КРС. Наиболее характерными чертами этого вида являются незначительные деформации и расширение суставной поверхности (далее липпинг) и экзостозы метаподий и фаланг (датасет#2. Табл. 17; Диаграмма 44–47; Рис. 315–360). Другой яркой чертой обеих половин поселка является относительно большое количество случаев эбурнеа-

ции тазобедренного сустава и экстремальные стадии патологий фаланг взрослых коров (рис. 2; также датасет#2. Рис. 385–409; 575–578). Сравнение патологий скота бронзового века с патологиями современных животных, которые разводятся в этой же местности (датасет#4), показало полное перекрытие по ряду патологий. Но существует и ряд отличий. Прежде всего, это касается дистального липпинга метаподий 4 стадии и проксимального липпинга 4 стадии единичных первых и вторых фаланг. Другими отличиями является наличие выраженного дистального липпинга первых фаланг и дистально-боковых экзостоз вторых фаланг быков (рис. 3). Эти отличия от современных патологий дают основание для очень осторожного предположения, что такие кости могут происходить от рабочих животных. Однако они могут принадлежать и очень старым особям. Тяжелые формы патологий фаланг коров, вероятнее всего, являются результатом хронических травм различного рода. Их нельзя использовать для реконструкции рабочей эксплуатации.

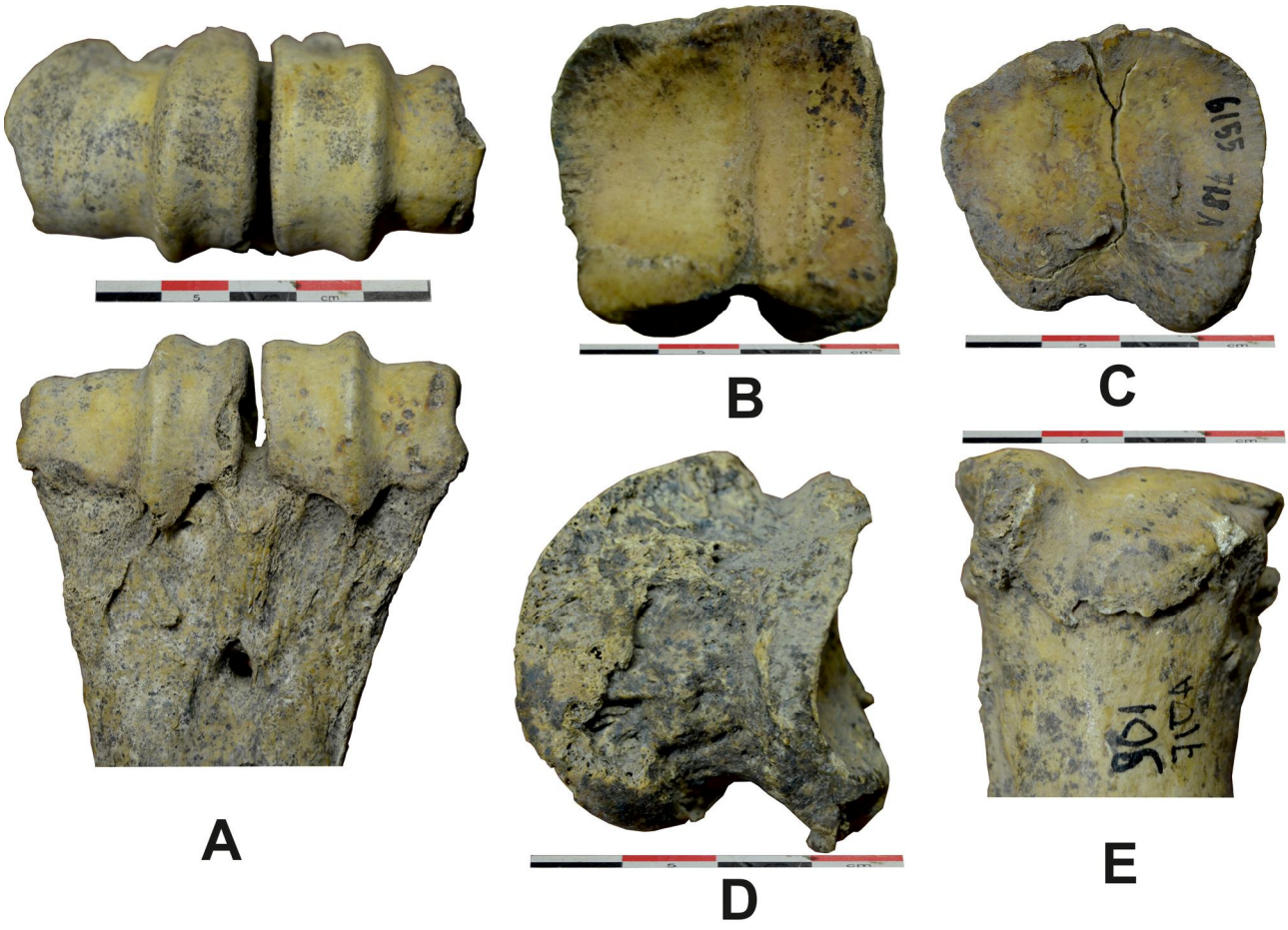

Рис. 3. Кости крупного рогатого скота от, предположительно, рабочих животных: *A – дистальная часть плюсны взрослого быка с липпингом 4 стадии, асимметрией и экзостозами 3 стадии. Кость № 6120/716а; B – передняя первая фаланга взрослого быка с проксимальным липпингом 4 стадии. Кость № 3352/716а; C – передняя вторая фаланга взрослого быка с проксимальным липпингом 4 стадии. Кость № 6155/718а; D – передняя вторая фаланга взрослого быка с дистально-латеральными экзостозами 3 стадии. Кость № 4577/715а; E – задняя первая фаланга взрослого быка с дистальным липпингом 2 стадии и экзостозами. Кость № 901/710а.*

Fig. 3. Cattle bones from allegedly working animals: *A – distal part of the metatarsal of an adult bull with 4 stage lipping, asymmetry and 3 stage exostosis. Bone no. 6120/716a; B – anterior first phalanx of an adult bull with proximal lipping of the 4 stage. Bone no. 3352/716a; C – anterior second phalanx of an adult bull with proximal lipping of the 4 stage. Bone no. 6155/718a; D – anterior second phalanx of an adult bull with distal-lateral exostosis of the 3 stage. Bone no. 4577/715a; E – posterior first phalanx of an adult bull with distal lipping and exostosis of the 2 stage. Bone no. 901/710a.*

МРС. Наиболее характерными патологиями овец и коз являются следы абсцессов, преждевременное стирание первого моляра и прижизненная потеря зубов на нижних челюстях (рис. 2; также датасет#2. Рис. 585–619), а также свидетельства воспалительных процессов в виде экзостоз на первых и вторых фалангах, прежде всего, коз (датасет#2. Рис. 670–687). Нельзя не упомянуть и о нескольких случаях аномалий развития суставов. Особый интерес представляют две плюсны от предположительно одной взрослой особи козы с обширными отверстиями в проксимальном суставе (датасет#2. Рис. 625–626). Недалеко от поселения Каменный Амбар найдена современная плюсна козы с таким же дефектом. Это позволяет предположить, что причиной патологии может служить сочетание условий окружающей среды и условий содержания.

Лошадь. Выявлено 6 костей с различными изменениями. Патологии, по большей части, являются нарушениями развития при формировании скелета (датасет#2. Рис. 701–706). Из южной половины происходит одна первая фаланга с незначительными (2 стадия) боковыми экзостозами и одна вторая фаланга с незначительным проксимальным липпингом (2 стадия). Эти изменения с большой долей вероятности являются возрастными и не могут использоваться как свидетельство рабочего использования как по причине малочисленности, так и по причине слабой выраженности.

Наиболее выразительной чертой костей из ритуальных комплексов является обилие остеохондротических дефектов на костях КРС и МРС (кроме костей взрослых коров) и патологии нижних конечностей коз (датасет#2. Рис. 360, 627). Обилие таких патологий на костях бычков из жертвенника под полом постройки 4 синташтинского времени дает основание предполагать, что это первое поколение скота, рожденное в долине реки Карагайлы-Аят. Остеохондротические дефекты являются типичной патологией современного скота, который разводится в этом же микрорайоне.

Современное животноводство в долине реки Карагайлы-Аят

Практически вся долина реки используется для выпаса КРС, МРС и лошадей (датасет#2. Рис. 35–42). Часть площади используется для выращивания различных культур (в том числе для зимнего содержания скота). Вдоль реки на разном удалении от нее и друг от друга расположены загоны для летнего выпаса преимущественно крупного рогатого скота породы Герефорд (датасет#2. Рис. 1; 30–34). Загоны являются т. н. летниками или летними стоянками. Скот распределяется по ним, начиная примерно с конца марта – начала апреля и до конца октября/начала ноября. Остальное время года животные проводят в зимних ангарах или частных подворьях. Примерная численность каждого стада составляет около 200–300 голов скота, которые на протяжении всего светового дня выпасаются на определенном секторе территории, которая закреплена за каждым летником (как правило, не дальше 3–4 км от загона). При продолжительной засухе стадо может выпасаться на большем удалении от загона для сохранения растительности на закрепленном участке. Ряд загонов может не использоваться для сохранения или восстановления растительности на своем секторе. По словам пастухов, состояние растительности на участках, которые закреплены за летниками с большими стадами (300 и более голов), находится в состоянии близком к перевыпасу. Крайне важным моментом является то, что скот породы Герефорд крупнее и массивнее скота бронзового века (датасет#2. Диаграмма 48–56; также датасет#5). Несмотря на большое количество скота, которое выпасается на довольно компактном участке долины реки, перевыпас отсутствует. Наблюдаются лишь отдельные участки с деградацией степной растительности.

Обсуждение

Остеологический спектр обеих половин поселения имеет относительно традиционное соотношение домашних и диких видов животных. Это преобладание трех видов домашних копытных и единичные кости диких животных. Другие укреп-

ленные поселения Южного Зауралья имеют практически идентичные спектры (Косинцев, 2000; Гайдученко, 2010; Косинцев, Бачура, 2013; Рассадников, 2019). Такие показатели спектра свидетельствуют об активной мясной и молочной эксплуатации КРС, МРС и лошади, что подтверждается возрастом забоя и результатами изотопного анализа (Ventresca Miller, Winter-Schuh, Usmanova et al., 2017. P. 3; Hanks, Ventresca Miller, Judd et al., 2018. P. 20). Продукция животноводства наряду с очень незначительной долей мяса диких видов, рыбы и дикорастущих злаков (Stobbe, 2013. P. 323) составляли основу питания коллективов поселка. Наличие в коллекции большого числа костяных изделий, связанных с кожевенным ремеслом, говорит об активном использовании шкур.

Одним из наиболее сложных вопросов при интерпретации полученных результатов является реконструкция роли лошади для всех поколений коллективов, которые обитали на поселении. Несмотря на находки псалиев (Molchanov, 2013. P. 151), остеологический спектр и возрастной состав свидетельствуют только о потреблении мяса животных всех возрастных групп. На костях лошади отсутствуют изменения, которые могут быть связаны с использованием ее в качестве верхового и тяглового животного (колесницы). Эта работа исходит из принципа, что любой вид регулярной физической эксплуатации должен оставлять специфические маркеры на костях (Levine, Bailey, Whitwell et al., 2000. P. 125). В случае Каменного Амбара они отсутствуют. В то же время, на костях современных лошадей, которые используются в качестве верхового и тяглового животного в долине реки Карагайлы-Аят, зафиксирован целый спектр маркеров, связанных с рабочим использованием (патологии позвонков и костей нижнего отдела конечностей). Интересным фактом является и отсутствие костей лошади в жертвенниках поселения (за исключением одной кости). Скорее всего роль лошади для обитателей поселения была существенно ниже, чем КРС, МРС и собаки, чьи кости являются основой ритуальных комплексов и поселенческого материала. Можно предположить, что лошадь с помощью тебеневки могла обеспечивать выпас остальных видов домашних копытных в зимний период (Outram, Kasparov, Stear et. Al., 2012. P. 2433). Однако опрос пастухов показывает, что зимний выпас КРС и МРС может происходить и без участия лошади.

Другим нерешенным вопросом остается роль свиньи для обитателей поселка. Если исходить из того, что кости свиньи происходят от домашней формы, то коллективы Каменного Амбара могли содержать небольшое количество свиней, которые периодически забивались на мясо. Более того в долине реки Карагайлы-Аят в наши дни зафиксирован как самостоятельный выпас свиньи (группа свиней ищет корнеплоды около загона), так и выпас свиней вместе с остальным скотом. Домашняя свинья в теплый период года способна самостоятельно добывать пищу вблизи стойла. Условия окружающей среды и способности свиней позволяют разводить этот вид животных в Южном Зауралье.

Роль КРС для обитателей поселения более понятна. Результаты патологического анализа костей КРС на предмет наличия рабочего использования быков позволяют с большой долей осторожности реконструировать факт физической эксплуатации быков. Тип работы, для которой привлекались животные, реконструировать невозможно. Серьезной проблемой является полное отсутствие остатков элементов бычьей упряжи (например, бронзовые кольца по: Reinhold, Gresky, Berezina et. al., 2017; Izbitser, 2018) и транспортных средств (4-х колесные повозки). Тем не менее у нас есть основание полагать, что коллективы Каменного Амбара могли быть знакомы с традицией тяглового использования быков, которая была широко распространена в более западных районах и хронологически раньше (Izbitser, 2018; Reinhold, Gresky, Berezina et. al., 2017). Одновременное присутствие патологических свидетельств тягловой эксплуатации и полное отсутствие иных свидетельств подобного использования быков является парадоксальной ситуацией и требует дальнейшего изучения.

Данные патологического анализа также позволяют сделать ряд заключений относительно

особенностей животноводческой практики на Каменном Амбаре. У всех домашних копытных зафиксировано относительно много остеохондротических дефектов, что, скорее всего, является отражением особенностей минерального состава почв долины (Кабыш, 1967). Данное предположение подтверждается обилием таких же дефектов у современного скота (датасет#4) и фактами поедания костей, пластика и земли скотом (датасет#3). Эбурнеация тазобедренного сустава у КРС, вероятнее всего, вызвана сочетанием стойлового содержания и минеральным составом почв долины. Дефекты зубочелюстной системы МРС напрямую связаны с остеофагией (поедание костей приводит к повреждениям слизистой ротовой полости и последующему воспалению с образованием абсцесса).

Патологии скота из жертвенника позволяют предположить, что кости коров могут принадлежать животным, которые провели начальные этапы жизни на других территориях (тот скот, с которым носители синташтинских традиций пришли на место Каменного Амбара), а кости быков принадлежат первому поколению скота, который родился и разводился в изучаемой долине ("остехондрозный скот"). На костях коров отсутствуют типичные для этого микрорайона дефекты суставной поверхности. Свидетельства воспалительных процессов фаланг коз могут быть вызваны содержанием в сыром стойле. Именно опасность различных инфекционных заболеваний и воспалений конечностей вынуждает современных фермеров в долине реки Карагайлы-Аят регулярно переносить места загона, чтобы предотвратить содержание МРС в сыром грунте, перемешанном с навозом. Если некоторые кости мелких коров и коз из жертвенника принадлежат скоту, с которым люди пришли на место строительства поселка, то можно сделать предположение, что такие тяжелые формы патологий конечностей коз являются ответом на новые и непривычные условия содержания (например, резкий переход от мобильного скотоводства к стойловому содержанию; или какие-либо проблемы с устройством стойла для МРС в начале функционирования поселка). Косвенным свидетельством стойлового содержания МРС может являться определенная группа дефектов суставной поверхности таранной кости – *Laesio circumscripta tali*. Стойловое содержание как форма ограничения работы сустава является одной из наиболее вероятных причин этой патологии (Zimmermann, Pollath, Ozbasaran, Peters, 2018. P. 22).

Наиболее интересной особенностью модификационных изменений костей, заслуживающей обсуждения, являются кости, которые модифицированы домашним скотом. Проявления остеофагии являются маркерами места содержания скота. Именно такие кости являются наиболее стабильным маркером современных загонов в изучаемой долине (датасет#3). Другим важным моментом является то, что косвенные данные по сезонности физиологического стресса у копытных (Niven, Egeland, Todd, 2004; Langman, 1978) и интервьюирование пастухов указывают на весенний и летний пики погрыза и поедания костей коровами и овцами. Однако на сегодняшний день неопровержимых доказательств отсутствия поедания костей в зимний период копытными нет (однако сама процедура доставания кости из мерзлого грунта представляется крайне сложной для копытных).

Наблюдения за современными летниками, данные палеоботанического анализа (Stobbe, 2013), проявления остеофагии и предварительные результаты изотопного анализа костей домашнего скота (Киселева, Корякова, Шарапова и др., 2017) дают основание для реконструкции оседлого скотоводства с круглогодичным использованием ресурсов долины реки Карагайлы-Аят. На мой взгляд, у коллективов поселения Каменный Амбар на всем протяжении его существования не было острой необходимости в кочевании. Вероятно, что самыми длинными передвижениями стад могли быть перемещения на пойменные луга долин соседних рек в условиях засушливого лета. О преимущественной эксплуатации ландшафта вблизи поселений свидетельствуют результаты изотопного анализа для могильника Каменный Амбар-5 и сравнительно недалеко расположенного (и хронологически синхронного) погребального ком-

плекса Бестамак (Ventresca Miller, Winter-Schuh, Usmanova et al., 2017. P. 11; Ventresca Miller, Spengler, Haruda et al., 2020. P. 6). Однако эти авторы допускают возможность использования более дальних пастбищ, в частности, для выпаса лошади (Ventresca Miller, Bragina, Abil et al., 2019. P. 2162). Для опровержения предложенной модели оседлого скотоводства необходимо проведение изотопного анализа (анализ большего количества образцов) и находки летних стоянок, которые бы относились к поселению Каменный Амбар. По аналогии с количеством голов на современных загонах наиболее вероятно реконструировать примерное количество КРС в 200–300 голов, МРС 300–400 и несколько десятков лошадей. Такое количество скота может без угрозы перевыпаса десятилетиями выпасаться на одном участке долины.

Обнаружение маркеров остеофагии в совокупности с данными фосфатного (Thiemeyer, Peters, Jedmowski, 2013. С. 33) и палеоботанического анализов (Stobbe, 2013) позволяют реконструировать использование части площади практически всех изученных построек поселения Каменный Амбар как загона для всего разводимого скота с заготовкой фуража на зиму (Stobbe, Gumnior, Ruhl, Schneider, 2016. P. 1706). На Каменном Амбаре найдены фрагменты бронзовых серпов, что может быть свидетельством заготовок кормов (Molchanov, 2013. P. 161). Все стадо копытных могло содержаться как в 2–3 постройках (площадь нескольких построек позволяет вместить то количество стада, выпас которого не приводил бы к деградации пастбищ вокруг поселка), так и распределяться по всем, имеющимся жилищам. Ранее уже выдвигались подобные реконструкции на основании не археозоологических свидетельств (Анисимов, 2009).

Заключение

По итогам изучения археозоологических материалов и современной системы животноводства в долине реки Карагайлы-Аят укрепленное поселение Каменный Амбар реконструируется как круглогодичный поселок оседлых скотоводов. Система жизнеобеспечения базировалась на комплексном и развитом животноводстве с опорой на разведение КРС, МРС и лошади. Поселок совмещал функцию проживания людей и загона для всего разводимого скота. Данные позволяют предположить, что поселение данного типа является одним из примеров наиболее раннего комплексного и оседлого животноводства на территории Южного Зауралья. Более ранние по хронологии примеры подобной животноводческой системы на изучаемой территории отсутствуют по причине недостатка источников (Епимахов, 2010. С. 33). Благоприятные условия для скотоводства в изучаемой долине позволили улучшить размерные данные разводимого скота по сравнению с животными, с которыми первые коллективы поселка пришли на место его строительства. Материалы жертвенника синташтинского времени позволяют предполагать, что Каменный Амбар может являться примером того, как мобильные группы скотоводов за короткий промежуток времени перешли на оседлую модель скотоводства.

Приложение

Ссылки на дополнительные материалы

Датасет#1 – Rassadnikov, Alexey (2020), “Dataset#1 The sedentary pastoralism at the turn of the III–II millennium BC in the Southern Trans-Urals based on archaeozoological materials of the settlement Kamennyi Ambar”, Mendeley Data, v1 http://dx.doi.org/10.17632/whk3v6z8fg.1

Датасет#2 – Rassadnikov, Alexey (2020), “Dataset#2 The sedentary pastoralism at the turn of the III–II millennium BC in the Southern Trans-Urals based on archaeozoological materials of the settlement Kamennyi Ambar”, Mendeley Data, v1 http://dx.doi.org/10.17632/4p82py3dw9.1

Датасет#3 – Rassadnikov, Alexey (2019), “Markers of seasonal pastoral campsites: results of an osteological study of present livestock enclosures in the valley of the Karagaily-Ayat River (Chelyabinsk Region, Russia)”, Mendeley Data, v1 http://dx.doi.org/10.17632/2y8ntzg3pm.1

Датасет#4 – Rassadnikov, Alexey (2020), “Dataset#4 Bone pathologies of modern non-working cat-

tle (Bos taurus) in the context of grazing systems and environmental influences (based on materials from the South Urals, Russia)", Mendeley Data, v1 http://dx.doi.org/10.17632/2y9cn687jn.1

Датасет#5 – Rassadnikov, Alexey (2020), "Dataset#5 Bone pathologies of modern non-working cattle (Bos taurus) in the context of grazing systems and environmental influences (based on materials from the South Urals, Russia)", Mendeley Data, v1 http://dx.doi.org/10.17632/krmdxh74z6.1

Библиографический список

Анисимов Н.П. Аркаим – страна кард: эмпирика пространства Зауральской степи // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. Вып. 2. С. 14–19.

Бачура О.П., Косинцев П.А. Фауны млекопитающих в позднем плейстоцене и голоцене на Южном Урале // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 12 (118). С. 42–48.

Гайдученко Л.Л. Биологические остатки из укрепленных поселений «Страны городов» Южного Зауралья // Аркаим-Синташта: Древнее население южного Урала. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2010. Ч. 2. С. 96–108.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала: экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 31–37.

Кабыш А.А. Эндемическая остеодистрофия крупного рогатого скота на почве недостатка микроэлементов. Челябинск: Южо-Уральское книжное издательство, 1967. 371 с.

Киселева Д.В., Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Косинцев П.А., Зайцева М.В., Стрелецкая М.В., Чередниченко Н.В., Фокина А.К., Шагалов Е.С. Определение микроэлементного и изотопного состава SR в образцах костной зубной ткани человека и животных из археологических памятников Южного Урала эпохи бронзы // Геоархеология и археологическая минералогия. 2017. № 4. С. 41–46.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 17–44.

Косинцев П.А., Рассадников А.Ю., Бачура О.П., Занина О.Г., Корона О.М. Историко-экологические исследования поселения Каменный Амбар // Андроновский мир: сборник статей. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2010. С. 55–69.

References

Anisimov N.P. (2009) Arkaim is the land of the cards. Empiricism of the Trans-Ural Steppe Space. *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN = Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN.* Iss. 2. P. 14–19. (In Russ.)

Bachura O.P., Kosintsev P.A. (2010) Fauna of mammals in the Late Pleistocene and Holocene in the Southern Urals. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. No. 12 (118). P. 42–48. (In Russ.)

Gaiduchenko L.L. (2010) Biological residues from the fortified settlements "Country of cities" of the South Trans-Urals. Chelyabinsk: Chelyabinsk Staty University. Pt. 2. P. 96–108. (In Russ.)

Epimakhov A.V. (2010) The Bronze Age of the Southern Urals: Economic and Social Evolution. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*. No. 2. P. 31–37. (In Russ.)

Kabysh A.A. (1967) Endemic osteodystrophy of cattle due to lack of trace elements. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. 371 p. (In Russ.)

Kiseleva D.V., Koryakova L.N., Sharapova S.V., Kosintsev P.A., Zaitseva M.V., Streletskaya M.V., Cherednichenko N.V., Fokina A.K., Shagalov E.S. (2017) Determination of the trace element and isotope composition of Sr in samples of bone dental tissue of humans and animals from archaeological sites of the Southern Urals of the Bronze Age. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya = Geoarcheology and Archaeological Mineralogy*. No. 4. P. 41–46. (In Russ.)

Kosintsev P.A. (2000) Bone remains of animals from the fortified settlement Arkaim. *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologii. Trudy muzeya-zapovednika Arkaim = Archaeological source and modeling of ancient technologies. Proceedings of the Arkaim Museum-Reserve.* Chelyabinsk: Institut istorii i arkheologii UrO RAN. P. 17–44. (In Russ.)

Kosintsev P.A., Rassadnikov A.Yu., Bachura O.P., Zanina O.G., Korona O.M. (2010) Historical and environmental studies of the settlement of Kamennyi Ambar. *Andronovskii mir: sbornik statei* = Andronov's World: collection of articles. Tyumen': University of Tyumen. P. 55–69. (In Russ.)

Косинцев П.А., Бачура О.П. Костные остатки животных из поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 363–387.

Косинцев П.А., Кисагулов А.В. Костные остатки тура и крупного рогатого скота из голоценовых местонахождений Южного Зауралья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 44–55.

Рассадников А.Ю. Результаты археозоологических исследований на поселении бронзового века Коноплянка в Южном Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 2 (47). С. 33–39. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.2.033-039

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 279 с.

Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: предварительные результаты // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 101–109.

Bachura O.P. Season and age of the slaughter of cattle (Bos taurus) and sheep (Ovis aries) // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 285–291.

Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history. Tervuren: Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale. Sciences Zoologiques, 1997. 147 p.

Dottrens E. Etude preliminaire: Les phalanges osseuses de Bos taurus domesticus // Rev. Suisse de Zool. 1946. № 53 (33), P. 739–774.

Eisenmann V., Alberdi M.T., Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. Pt. 1. Methodology. // Collected Papers after the "New York International Hipparion Conference 1981. Leiden: Brill, 1988. P. 1–71.

Epimakhov A., Krause R. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 129–147.

Hanks B., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A.V., Razhev D., Privat K. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotopes Data from the Steppes of Central Eurasia (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018. № 97. P. 14–25. https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.06.006.

Huchet J.-B. Insect remains and their traces: relevant fossil witnesses in the reconstruction of past funerary practices // Anthropologie. 2014. LII/3. P. 329–346.

Izbitser E. Bulls and wagons: an "innovative" approach to representing archaeological data // Tyragetia. 2018. № XII [XXVII], P. 115–120.

Kosintsev P.A., Bachura O.P. (2013) Bone remains of animals from the Ust'ye settlement. Ancient Ust'e: fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. Chelyabinsk: Abris. P. 363–387. (In Russ.)

Kosintsev P.A., Kisagulov A.V. (2018) Bone remains of tur and cattle from Holocene localities of the Southern Trans-Urals. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University.* No. 1 (25). P. 44–55. (In Russ.)

Rassadnikov A.Yu. (2019) Archaeozoological studies at Konoplyanka, the Southern Trans-Urals. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* No. 2 (47). P. 33–39. (In Russ.) https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.2.033-039

Tsalkin V.I. (1970) The oldest livestock in Eastern Europe. Moscow: Nauka. 279 p. (In Russ.)

Sharapova S.V., Krauze R., Molchanov I.V., Shtobbe A., Soldatkin N.V. (2014) Interdisciplinary studies of the settlement of Konoplyanka in the Southern Trans-Urals: preliminary results. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History, Philology.* Vol. 13. Iss. 3. P. 101–109. (In Russ.)

Bachura O.P. Season and age of the slaughter of cattle (Bos taurus) and sheep (Ovis aries) // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 285–291.

Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history. Tervuren: Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale. Sciences Zoologiques, 1997. 147 p.

Dottrens E. Etude preliminaire: Les phalanges osseuses de Bos taurus domesticus // Rev. Suisse de Zool. 1946. № 53 (33), P. 739–774.

Eisenmann V., Alberdi M.T., Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. Pt. 1. Methodology. // Collected Papers after the "New York International Hipparion Conference 1981. Leiden: Brill, 1988. P. 1–71.

Epimakhov A., Krause R. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 129–147.

Hanks B., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A.V., Razhev D., Privat K. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotopes Data from the Steppes of Central Eurasia (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018. № 97. P. 14–25. https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.06.006.

Huchet J.-B. Insect remains and their traces: relevant fossil witnesses in the reconstruction of past funerary practices // Anthropologie. 2014. LII/3. P. 329–346.

Izbitser E. Bulls and wagons: an "innovative" approach to representing archaeological data // Tyragetia. 2018. № XII [XXVII], P. 115–120.

Knoll D. Siedlungs- und landschaftsarchäologische Untersuchungen zu den befestigten Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural // Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2014. P. 139–198.

Koryakova L., Krause R. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 1–21.

Langman V. Giraffe pica behavior and pathology as indicators of nutritional stress // Journal of Wildlife Management. 1978. № 42 (1). P. 141–147.

Levine M.A., Bailey G.N., Whitwell K.E., Jeffcott L.B. Palaepathology and horse domestication: the case of some Iron Age horses from the Altai Mountains, Siberia // Human Ecodynamics. Oxford: Oxbow Books, 2000. P. 123–133.

Lin M., Miracle P., Barker G. Towards the identification of the exploitation of cattle labour from distal metapodials // Journal of Archaeological Science. 2016. № 66, P. 44–56. http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.12.006.

Molchanov I.V. Inventory of small finds // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 147–169.

Niven L.B., Egeland C.P., Todd L.C. An inter-site comparison of enamel hypoplasia occurrence in Bison: Implications for paleoecology and modeling Late Plains Archaic subsistence // Journal of Archaeological Science. 2004. № 31. P. 1783–1794.

Outram A.K., Kasparov A., Stear N.A., Varfolomeev V., Usmanova E., Evershed R.P. Patterns of pastoralism in later Bronze Age Kazakhstan: new evidence from faunal and lipid residue analyses // Journal of Archaeological Science. 2012. № 30 (7). P. 2424–2435. DOI: 10.1016/J.JAS.2012.02.009.

Prummel W., Frisch H.J. A Guide for the Distinction of Species, Sex and Body Side in Bones of Sheep and Goat // Journal of Archaeological Science. 1986. № 13. P. 567–577.

Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 239–285.

Reinhold S., Gresky J., Berezina N., Kantorovich A.R., Knipper C., Maslov V.E., Petrenko V.G., Alt K.W., Belinsky A.B. Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond // Appropriating Innovations: Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–150 BCE. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 78–97.

Silver I. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. London: Thames and Hudson, 1969. P. 283–302.

Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia):

Knoll D. Siedlungs- und landschaftsarchäologische Untersuchungen zu den befestigten Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural // Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2014. P. 139–198.

Koryakova L., Krause R. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 1–21.

Langman V. Giraffe pica behavior and pathology as indicators of nutritional stress // Journal of Wildlife Management. 1978. № 42 (1). P. 141–147.

Levine M.A., Bailey G.N., Whitwell K.E., Jeffcott L.B. Palaepathology and horse domestication: the case of some Iron Age horses from the Altai Mountains, Siberia // Human Ecodynamics. Oxford: Oxbow Books, 2000. P. 123–133.

Lin M., Miracle P., Barker G. Towards the identification of the exploitation of cattle labour from distal metapodials // Journal of Archaeological Science. 2016. № 66, P. 44–56. http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.12.006.

Molchanov I.V. Inventory of small finds // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 147–169.

Niven L.B., Egeland C.P., Todd L.C. An inter-site comparison of enamel hypoplasia occurrence in Bison: Implications for paleoecology and modeling Late Plains Archaic subsistence // Journal of Archaeological Science. 2004. № 31. P. 1783–1794.

Outram A.K., Kasparov A., Stear N.A., Varfolomeev V., Usmanova E., Evershed R.P. Patterns of pastoralism in later Bronze Age Kazakhstan: new evidence from faunal and lipid residue analyses // Journal of Archaeological Science. 2012. № 30 (7). P. 2424–2435. DOI: 10.1016/J.JAS.2012.02.009.

Prummel W., Frisch H.J. A Guide for the Distinction of Species, Sex and Body Side in Bones of Sheep and Goat // Journal of Archaeological Science. 1986. № 13. P. 567–577.

Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 239–285.

Reinhold S., Gresky J., Berezina N., Kantorovich A.R., Knipper C., Maslov V.E., Petrenko V.G., Alt K.W., Belinsky A.B. Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond // Appropriating Innovations: Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–150 BCE. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 78–97.

Silver I. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. London: Thames and Hudson, 1969. P. 283–302.

Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia):

Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 305–327.

Stobbe A., Gumnior M., Ruhl L., Schneider H. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia – Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // The Holocene. 2016. № 26 (10). P. 1692–1710. DOI: 10.1177/0959683616641740.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhohe bei Schafen // Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974). Amsterdam, Oxford, 1975. P. 51–69.

Telldahl, Y. Skeletal changes in lower limb bones in domestic cattle from Eketorp ringfort on the Öland Island in Sweden // International Journal of Paleopathology. 2012. № 2. P. 208–216. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2012.09.002.

Thiemeyer H., Peters S., Jedmowski L. Landscape evolution and soil formation in the Karagaily-Ayat region // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 21–36.

Thomas R., Johannsen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // International Journal of Paleopathology. 2011. № 1. P. 43–54. doi: 10.1016/j.ijpp.2011.02.007.

Ventresca Miller A., Winter-Schuh C., Usmanova E., Logvin A., Shevnina I., Makarewicz C. Pastoralist Mobility in Bronze Age Landscapes of Northern Kazakhstan: 87 Sr/ 86 Sr and δ 18 O Analyses of Human Dentition from Bestamak and Lisakovsk // Environmental Archaeology. 2017. P. 1–15. http://dx.doi.org/10.1080/14614103.2017.1390031.

Ventresca Miller A.R., Bragina T.M., Abil Y.A., Rulyova M.M., Makarewicz C.A. Pasture usage by ancient pastoralists in the northern Kazakh steppe informed by carbon and nitrogen isoscapes of contemporary floral biomes // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. 11. P. 2151–2166. https://doi.org/10.1007/s12520-018-0660-4.

Ventresca Miller A., Spengler R., Haruda A., Miller B., Wilkin S., Robinson S., Roberts P., Boivin N. Ecosystem Engineering Among Ancient Pastoralists in Northern Central Asia // Frontiers in Earth Science. 2020. № 8. P. 1–14. https://doi.org/10.3389/feart.2020.00168.

Von Den Driesch A. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Cambridge: Peabody Museum Bulletin 1, Harvard University, 1976. 137 p.

Zeder M., Pilaar S. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 225–242. doi:10.1016/j.jas.2009.10.002.

Zeder M., Lapham H. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 2887–2905. doi:10.1016/j.jas.2010.06.032.

Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 305–327.

Stobbe A., Gumnior M., Ruhl L., Schneider H. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia – Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // The Holocene. 2016. № 26 (10). P. 1692–1710. DOI: 10.1177/0959683616641740.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhohe bei Schafen // Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974). Amsterdam, Oxford, 1975. P. 51–69.

Telldahl, Y. Skeletal changes in lower limb bones in domestic cattle from Eketorp ringfort on the Öland Island in Sweden // International Journal of Paleopathology. 2012. № 2. P. 208–216. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2012.09.002.

Thiemeyer H., Peters S., Jedmowski L. Landscape evolution and soil formation in the Karagaily-Ayat region // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh, 2013. P. 21–36.

Thomas R., Johannsen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // International Journal of Paleopathology. 2011. № 1. P. 43–54. doi: 10.1016/j.ijpp.2011.02.007.

Ventresca Miller A., Winter-Schuh C., Usmanova E., Logvin A., Shevnina I., Makarewicz C. Pastoralist Mobility in Bronze Age Landscapes of Northern Kazakhstan: 87 Sr/ 86 Sr and δ 18 O Analyses of Human Dentition from Bestamak and Lisakovsk // Environmental Archaeology. 2017. P. 1–15. http://dx.doi.org/10.1080/14614103.2017.1390031.

Ventresca Miller A.R., Bragina T.M., Abil Y.A., Rulyova M.M., Makarewicz C.A. Pasture usage by ancient pastoralists in the northern Kazakh steppe informed by carbon and nitrogen isoscapes of contemporary floral biomes // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. 11. P. 2151–2166. https://doi.org/10.1007/s12520-018-0660-4.

Ventresca Miller A., Spengler R., Haruda A., Miller B., Wilkin S., Robinson S., Roberts P., Boivin N. Ecosystem Engineering Among Ancient Pastoralists in Northern Central Asia // Frontiers in Earth Science. 2020. № 8. P. 1–14. https://doi.org/10.3389/feart.2020.00168.

Von Den Driesch A. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Cambridge: Peabody Museum Bulletin 1, Harvard University, 1976. 137 p.

Zeder M., Pilaar S. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 225–242. doi:10.1016/j.jas.2009.10.002.

Zeder M., Lapham H. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 2887–2905. doi:10.1016/j.jas.2010.06.032.

Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. Joint health in free-ranging and confined small bovids – Implications for early stage caprine management // Journal of Archaeological Science. 2018. N. 92. P. 13–27. https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004

Критерии авторства

А.Ю. Рассадников выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Рассадников Алексей Юрьевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований,
Институт истории и археологии УрО РАН,
620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16, Россия,
✉ e-mail: ralu87@mail.ru

Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. Joint health in free-ranging and confined small bovids – Implications for early stage caprine management // Journal of Archaeological Science. 2018. N. 92. P. 13–27. https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004

Attribution criteria

A. Iu. Rassadnikov performed research, on the basis of the obtained results made the generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Alexey Iu. Rassadnikov,
Cand. Sci. (History), researcher of the Laboratory for Interdisciplinary Humanities Research,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS,
16, S. Kovalevskoy street, Ekaterinburg 620990, Russia,
✉ e-mail: ralu87@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-65-93

Производство железа на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал) в XIII–XVII вв.

© А.В. Харинский[a], С.В. Снопков[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В XIII–XVII вв. на территории Байкальского региона происходят важные геополитические изменения. В начале XIII в. его южная часть входит в состав Монгольской империи. В регионе появляются группы населения, принесшие с собой новые культурные традиции, проявляющиеся во всех сферах жизни от погребального ритуала до технологии получения железа из руды. Отмеченные изменения лучше всего фиксируются по материалам, полученным в Приольхонье – районе на западном побережье озера Байкал, где к настоящему времени исследована целая серия археологических объектов, обладающих разной функциональной и хронологической спецификой. Вместо ямных воронкообразных и дугообразных горнов, которые использовались в Приольхонье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. для восстановления железа из руды, в XIII–XVII вв. на западном берегу Байкала распространяются четырехугольные горны, нижняя часть которых располагалась в яме, а верхняя возвышалась над землей. Яма имела прямоугольную форму. Вдоль ее стенок устанавливались каменные плиты, щели между которыми замазывались глиной. Снаружи стенки горнов дополнительно крепились обожженными глиняными бордюрами. В нерабочем состоянии у горнов отсутствовала передняя стенка и крышка. Перед началом процесса восстановления железа рабочая камера горна сверху накрывалась каменными плитами, а спереди закрывалась глиняными валиками или каменными плитами. В передней стенке камеры оставалось отверстие, в которое вставлялось сопло. Через него с помощью мехов в горн подавался воздух, улучшающий процесс горения угля. Горны подобной конструкции продолжали использоваться в Приольхонье до его вхождения в состав Русского государства. В XVIII в. производство железа в этой части Байкальского региона сосредоточилось в руках Ф.А. Ланина, который не только снабжал железом жителей байкальского побережья, но и вывозил его в другие районы Прибайкалья.

Ключевые слова: производство древнего железа, озеро Байкал, Приольхонье, магнитная съемка, археологические изыскания, горн, железный шлак, сопло, химический анализ, Монгольская империя

Информация о статье: поступила в редакцию 17 июля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 30 июля 2020 г.; принята к публикации 10 августа 2020 г.

Для цитирования: Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал) в XIII–XVII вв. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 65–93. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-65-93

Iron smelting in the Olkhon region (western coast of Lake Baikal) in the XIII–XVII centuries

© Artur V. Kharinsky[a], Sergey V. Snopkov[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: In the XIII–XVII centuries important geopolitical changes are taking place on the territory of the Baikal region. At the beginning of the XIII century its southern part became a part of the Mongol Empire. Population groups had appeared in the region, and brought new cultural traditions that are manifested in all spheres of life from burial ritual to the technology of obtaining iron from ore. These changes are best recorded on the basis of materials obtained in the Olkhon region – an area on the

western coast of Lake Baikal, where a whole series of archaeological objects with various functional and chronological specificity have been studied so far. Instead of the pit funnel-shaped and arched furnaces, which were used in the Olkhon region at the end of the 1st millennium BC – 1st millennium AD for the recovery of iron from ore, in the XIII–XVII centuries on the western shore of Lake Baikal there are quadrangular furnace, the lower part of which was located in a pit, and the upper one rose above the ground. The pit was rectangular. Stone slabs were installed along its walls, the gaps between which were covered with clay. Outside, the walls of the furnaces were additionally fastened with burnt clay borders. When inoperative, the furnaces had no front wall and cover. Before the start of the iron restoration process, the working chamber of the hearth was covered with stone slabs from above, and in front it was closed with clay rollers or stone slabs. A hole remained in the front wall of the chamber, into which the nozzle was inserted. Through it air was supplied to the forge, which improves the process of coal combustion. Horns of a similar design continued to be used in the Olkhon region until it became part of the Russian State. In the XVIII century iron production in this part of the Baikal region was concentrated in the hands of F.A. Lanin, who not only supplied iron to the inhabitants of the Baikal coast, but also exported it to other regions of the Baikal region.

Keywords: ancient iron smelting, Lake Baikal, Olkhon region, magnetic survey, archaeological prospection, furnace, iron slag, nozzle, chemical analysis, Mongol Empire

Article info: received July 17, 2020; revised July 30, 2020; accepted August 10, 2020.

For citation: Kharinsky A.V., Snopkov S.V. (2020) Iron smelting in the Olkhon region (western coast of Lake Baikal) in the XIII–XVII centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 65–93. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-65-93

Введение

С середины I тыс. лет до н. э. изделия из железа начинают входить в обиход жителей байкальского побережья. К концу тысячелетия они вытесняют бронзу из сферы производства основных орудий, использовавшихся в хозяйственной деятельности, оставив за ней лишь приоритет в области изготовления всякого рода украшений. Потребность в железе к этому времени становится значительной и, чтобы ее каким-то образом восполнить, жители байкальских берегов начинают активно включаться в процесс производства этого металла. Начало активного использования железа было обусловлено, помимо его более высокой твердости по сравнению с бронзой, еще и наличием значительного количество рудных месторождений этого металла на территории Прибайкалья.

К числу наиболее изученных в археологическом отношении районов Прибайкалья относится Приольхонье. К настоящему времени здесь известно более 70 местонахождений, на которых зафиксированы свидетельства производства железа. На 7 из них были предприняты археологические раскопки. Наиболее крупные металлургические центры располагались к западу от с. Шара-Тагот (Черноруд) – Барун-Хал 2 и Барун-Хал 3, а так же к северу от с. Курма – Курма 28 и Курминское озеро 1. Самые ранние из железовосстановительных горнов, исследованных на них, раскопаны на Барун-Хале 2 и Курминском озере 1. Они датируются серединой IV в. до н. э. – II в. н. э. При этом, помимо горнов, относящихся к этому периоду, здесь встречены и печи, датирующиеся серединой I тыс. н. э. Синхронные им конструкции зафиксированы на металлургических центрах Барун-Хал 3 и Курма 28 (Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Харинский, 1998; Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Никифоров, Снопков, Харинский, 2000; Кожевников, Харинский, 2003; Харинский, Снопков, 2004; Харинский, Снопков, Казанский, Матасова, Кожевников, Амано, 2013; Kozhevnikov N.O, Kozhevnikov O.K., Kharinsky, 2001; Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2019).

Значительная часть приольхонских центров по производству железа была выявлена в результате магниторазведки, но археологические раскопки на них не предпринимались. Несмотря на существенно пополнившуюся за два последних десятилетия источниковую базу по древней металлургии Приольхонья, сведенья, касающиеся производства железа в начале – середине II тыс., в ней отсутствовали. Ситуация изменилась в последние три года, когда были открыты, а затем и раскопаны железовосстановительные горны, относящиеся к XIII–

XVII вв., в трех пунктах западного побережья Байкала – Черноруд 2, Шракшура 10 и Онтхэ 2 (рис. 1). Материалы с этих археологических объектов существенно дополняют представления о древней металлургии Предбайкалья и, вместе с данными с других металлургических центров, позволили реконструировать процесс становления и развития производства железа в регионе до момента включения его территории в состав Российского государства.

Черноруд 2

Археологический объект Черноруд 2 располагается в центральной части Ольхонского района Иркутской области, в 3,8 км к юго-западу от Мухорского (Мухур) залива озера Байкал. Памятник локализуется в восточной части урочища Бул-Дурун, на левом берегу р. Кучелга. С противоположной от урочища стороны долины Кучелги располагается село Шара-Тагот, иногда именуемое Чернорудом.

Первые сведения о памятнике Черноруд 2 получены в 1985 г. от преподавателя Иркутского государственного технического университета Ю.Г. Попова. В том же году местонахождение осмотрено О.И. Горюновой. На нем зафиксированы 3 каменные кладки шатрового типа. Размеры основания кладок 0,67 х 0,98 м. В плане – сооружения овальные. О.И. Горюнова характеризует Черноруд 2 как ритуальный комплекс и датирует V–X вв. н. э. (Горюнова, Свинин, 1996. С. 128).

В 2019 г. исследования на археологическом объекте Черноруд 2 были продолжены. В ходе работ выяснилось, что на памятнике отсутствуют шатровые конструкции. Каменные кладки Черноруда 2 – курганной или плоской формы с расположенными по их периметру или в центре крупными камнями. Зафиксировано 19 искусственных конструкций из камней. Так как ни одна из них пока не раскапывалась, то однозначно определить их функциональное назначение сложно. Не исключено, что они имели хозяйственное-утилитарное назначение, являясь кучками камней, которые убирали с территории пашен и лугов для облегчения сбора сельхозпродукции. О том, что территория памятника использовалась для выращивания сельскохозяйственных культур, свидетельствует и наличие рядом с ней ирригационного канала (рис. 2), вода в который попадала самотеком из ручья в пади Доньша.

Раскопки 2019 г. на Чернoруде 2 носили спасательный характер. В 2016 г. при проведении противопожарных работ с юга на север через территорию Чернoруда 2 была прорыта противопожарная траншея шириной 2 м (рис. 3.1). Ею разрушена верхняя часть рыхлых отложений памятника на глубину до 40 см. Во время осмотра траншеи в этом же году В.В. Снопковым собрано несколько фрагментов обожженной глиняной обмазки и железные шлаки. В северной части памятника траншеей было вскрыто крупное пятно прокала земли, включавшее куски шлака и обмазки. При его зачистке выяснилось, что в этом месте располагаются остатки железовосстановительного горна.

На участке 7 х 10 м, в центре которого располагался горн, была проведена магнитная съемка. Измерения магнитного поля проводились протонным магнитометром ММП-203 по сети 0,5 х 0,5 м при высоте расположения датчика 0,5 м. По результатам измерений была выявлена локальная контрастная аномалия напряженности магнитного поля, размером 1,5 х 2 м, интенсивностью до 45 нТл. (рис. 3.2). Аномалия магнитного поля полностью соответствует местоположению горна. Аномалия преимущественно вызвана высокой остаточной намагниченностью обожженных пород, примыкающих к рабочей камере горна и, частично, магнитными свойствами металлургических шлаков, рассеянных вблизи горна. Площадь рассеяния магнитного материала (шлаки, куски обожженных горных пород) составила 2 х 3 м. Магнитная съемка показала, что за пределами этого ореола другие скопления отходов железного производства или конструкции, связанные с ним, отсутствуют.

На месте обнажившегося горна в 2019 г. заложен раскоп размером 3 х 3 м, ориентированный стенками по сторонам света. После того как был снят дерн, в центральной части раскопа, на площади 1,3 х 2 м, были проведены измерения магнитной восприимчивости (каппаметрия) грунтов. Каппаметрические измерения проводились по сети

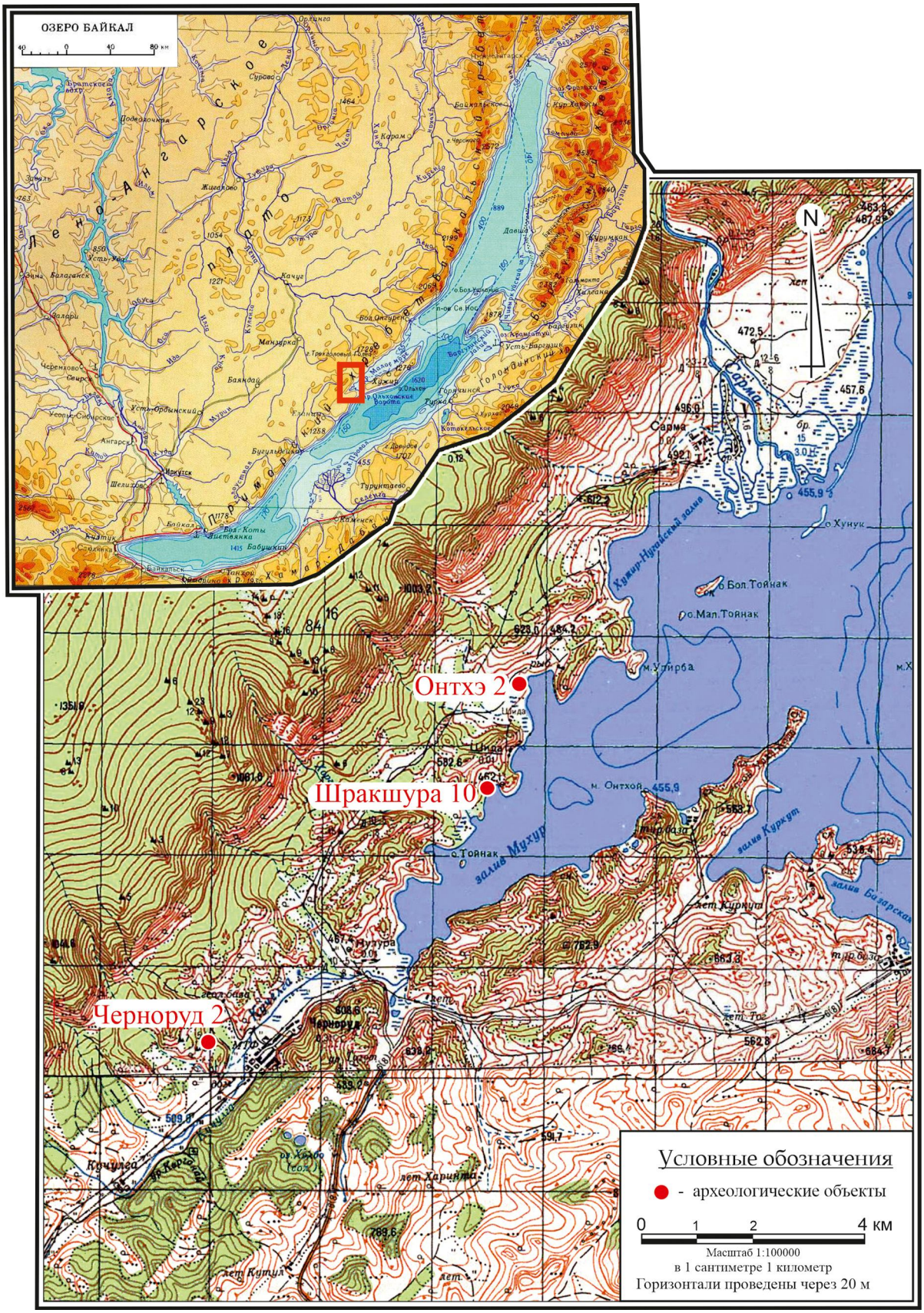

Рис. 1. Карта расположения металлургических центров Чернорудъ 2, Шракшура 10 и Онтхэ 2
Fig. 1. Location map of metallurgical centers Chernorud 2, Shrakshura 10 and Ontkhe 2

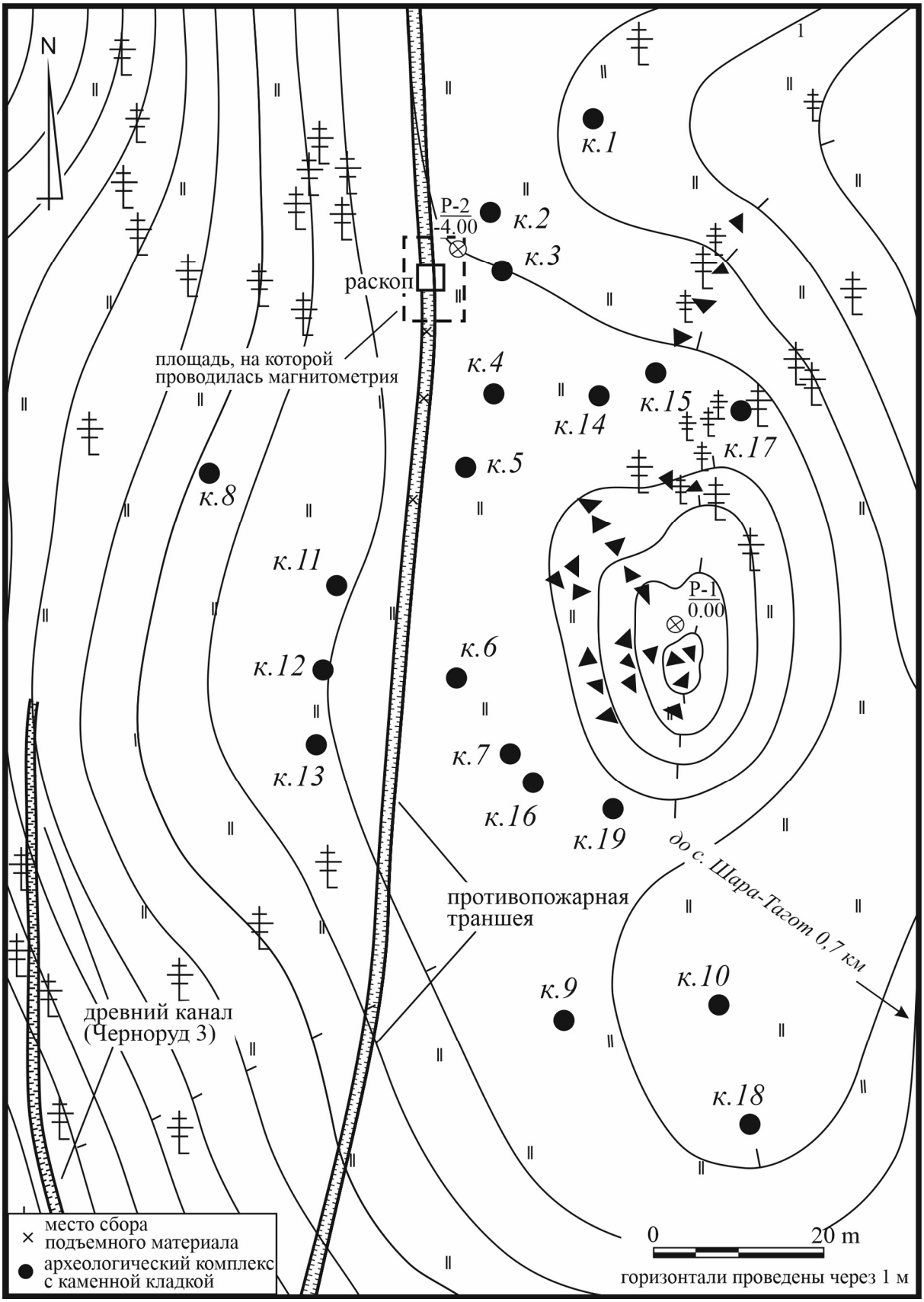
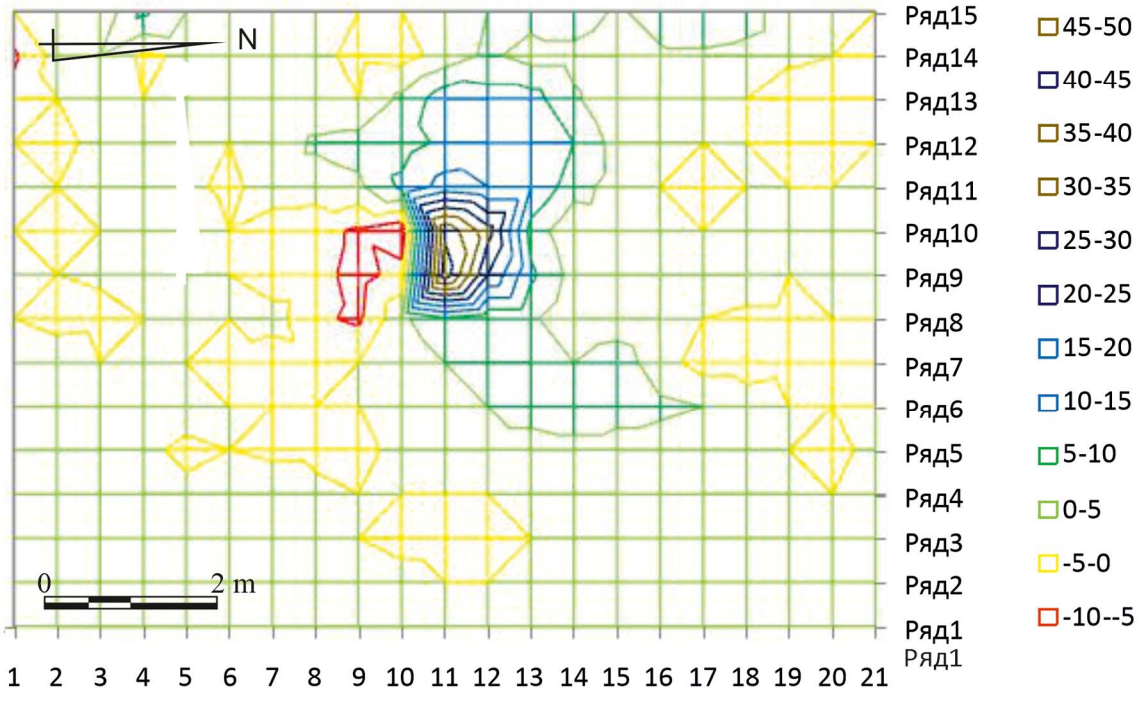

Рис. 2. Топографический план поселения Черноруд 2
Fig. 2. Topographic plan of the settlement of Chernorud 2

1

2

Рис. 3. Черноруд 2, противопожарная траншея: *1 – вид с северо-востока на поверхностную зачистку места сбора железных шлаков и глиняной обмазки; 2 – результаты магнитометрии на месте зачистки*

Fig. 3. Chernorud 2, fire-fighting trench: *1 – view from the north-east to the surface cleaning of the place where iron slag and clay coating were collected; 2 – results of magnetometry at the stripping site*

10 х 10 см полевым каппаметром КТ-5. На фоне низких значений магнитной восприимчивости вмещающих рыхлых пород (супесь) – менее 1 милиед. СИ, продукты металлургического производства – шлаки, обмазка, прокаленные и оплавленные породы – выделяются аномалиями до 10 милиед. СИ (рис. 4.1). Повышенные значения магнитной восприимчивости (до 3 милиед. СИ) грунтов, непосредственно примыкающих к стенкам горна, свидетельствуют о том, что горные породы на расстояние до 20–30 см подвергались длительному высокотемпературному воздействию. Наиболее значительное повышение магнитной восприимчивости грунтов наблюдается вблизи предполагаемого места расположения воздуходувных сопел, а также в районе выхода газообразных продуктов горения.

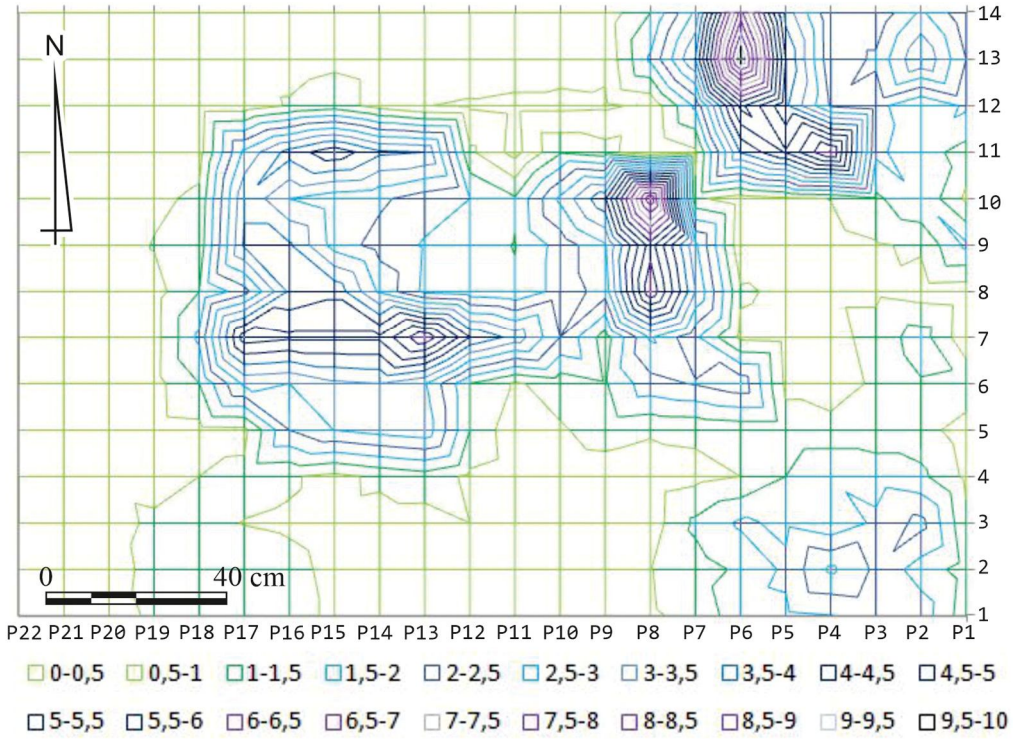
Раскопом был вскрыт железовосстановительный горн и расположенная в 70 см к востоку от него небольшая конструкция из вкопанных в землю каменных плит (рис. 4.2). Цвет земли в районе этих двух конструкций отличается от окружающего пространства. Он темно-серого цвета с включением мелких частичек угля. Заполнение горна имеет оранжевый цвет, что свидетельствует о высоких температурах в этом месте, приведших к прокалу земли.

Горн располагался в северо-западной части раскопа. Он состоял из 6 вертикально установленных гнейсовых плит, образующих четырехугольную оградку размером 40 х 60 см, ориентированную по линии с азимутом 120°, и открытую с юго-восточной стороны (рис. 5). Высота рабочей камеры горна в северо-западной части составляла 26 см, в юго-восточной – 15 см. Ее размеры 30 х 60 см. Для ее сооружения в земле выкапывалась четырехугольная яма, по бокам которой устанавливались каменные плиты. Плиты могли размещаться друг над другом в 2–3 яруса. Толщина плит составляла 3–4 см. Западная стенка была образована каменной плитой длинной 46 см и высотой 13 см. Северо-западная стенка образована двумя стыкующимися друг с другом плитами. Юго-западная из них длиной 12 см и высотой 11 см. Длина северо-восточной плиты 21 см, высота 10 см. Снизу обе плиты подпираются еще одной плитой длиной 26 см и высотой 15 см. Западный угол каменного ящика, образующего рабочую камеру горна, дополнительно фиксируется двумя плитками длиной по 18 см и шириной около 10 см. Верхний свод северо-восточной стенки состоит из трех плит. Длина северо-западной из них 21 см, средней 32 см, юго-восточной 14 см. Средняя и юго-восточная плиты между собой не стыкуются. Между ними находится камень размером 10 х 11 х 13 см. Высота северо-западной и юго-восточной плиты 10 см. Средняя плита высотой 14 см. На ее северо-западном конце сверху установлена северо-западная плита, оформляющая верхний свод рабочей камеры. Продольные стенки горна установлены наклонно, соответствуя понижению склона в этом месте с северо-запада на юго-восток. Северо-западный край северо-восточной стенки горна находится на 10 см выше, чем юго-восточный, а у юго-западной стенки разница в высоте между краями составляет 13 см.

Снаружи плиты рабочей камеры горна закреплялись с помощью глиняных бордюров, подвергшихся обжигу. В разрезе они имели форму сегмента, прямой угол которого занимал пространство между стенкой горна и поверхностью земли. Ширина бордюра в основании у боковых стенок составляла 26–28 см, у торцевой 10 см, высота соответственно 13–14 см и 5 см (рис. 5.1, 3).

Рыхлые отложения во внутреннем пространстве рабочей камеры горна сверху имели оранжевую окраску – следы прокала мощностью 3–4 см. Полоса прокала выходит и за пределы горна в юго-восточном направлении, протянувшись на 76 см. С юго-восточной стороны на пятне прокала располагался камень размером 5 х 12 х 24 см (рис. 5.3).

В 70 см к востоку от плит горна располагалась конструкция из камней, нижняя часть которых находилась в круглой яме диаметром 60 см (рис. 5.2). С юго-восточной стороны ямы располагалась вертикальная плита шириной 7 см, длиной 29 см и высотой 17 см. С северо-восточной стороны ямы установлена плита шириной 5, длиной 23 см и высотой 14 см. С северо-западной стороны ямы расположено два камня размером 6 х 13 х 20 см и 11 х 13

1

2

Рис. 4. Чернорyд 2, раскоп: *1 – площадь, на которой проводились каппаметрические измерения; 2 – железовосстановительный горн и сопутствующая ему каменная конструкция после расчистки, вид с востока*
Fig. 4. Chernorud 2, excavation: *1 – area where kappametric measurements were carried out; 2 – iron recovery furnace and its accompanying stone structure after clearing, view from the east*

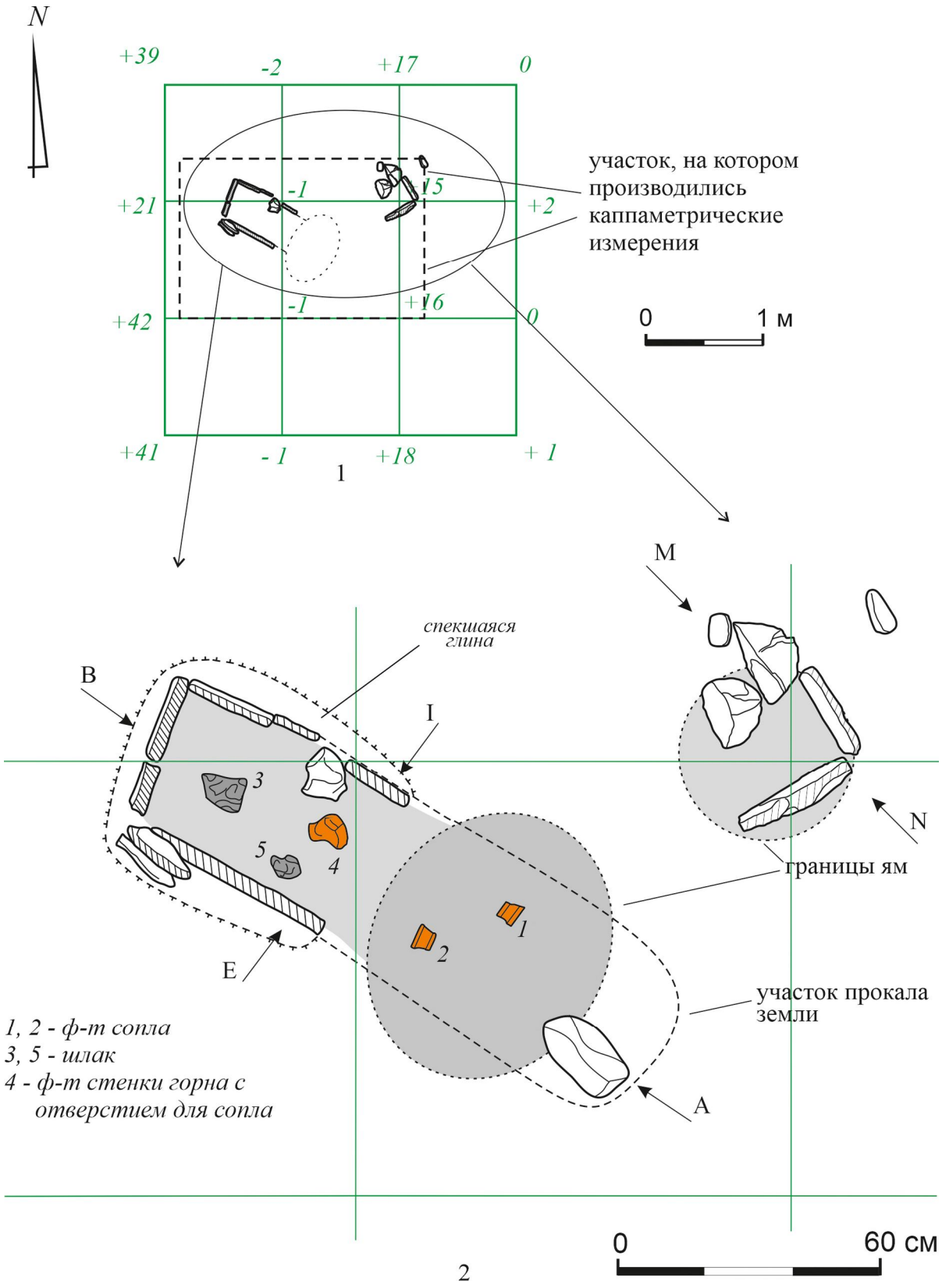

Рис. 5. Чернoруд 2, раскоп: *1 – план раскопа с нивелировочными отметками поверхности земли; 2 – железовосстановительный горн и сопутствующая ему каменная конструкция после расчистки*
Fig. 5. Chernorud 2, excavation: *1 – plan of the excavation with leveling marks of the earth's surface; 2 – iron recovery furnace and its accompanying stone structure after clearing*

х 15 см. К северо-западу от них, за пределами ямы, располагался камень размером 5 х 8 см. Глубина ямы была более 15 см. Она имела вертикальные стенки. Вероятно, яма использовалась для установки деревянного столба, к которому крепились меха, с помощью которых шла подача в горн воздуха для лучшего горения угля и поддерживания высокой температуры. Для устойчивости столб по периметру ямы забутовывался камнями. К моменту раскопок яма была заполнена темно-серой супесью.

В рабочей камере горна под слоем прокала располагалась темно-серая супесь с углем, мелкими шлаками и фрагментами глиняной обмазки. Такое же заполнение фиксировалось и в яме овальной формы, находящейся перед горном. Размер ямы 40 х 60 см, глубина 20 см, ориентация по линии юго-запад – северо-восток. Сверху она перекрывалась слоем прокала (супесь оранжевого цвета). В разрезе яма имела блюдцеобразную форму. От рабочей камеры горна ее отделял небольшой земляной уступчик высотой 3–4 см.

В районе раскопа отмечена достаточно однообразная стратиграфическая ситуация, которая в результате сооружения горна и последующей прокладки противопожарной траншеи была частично нарушена (рис. 6.1–3). В разрезе траншея имела блюдцеобразную форму. Вниз по склону от траншеи фиксируется отвал земли, образующий насыпь, тянущуюся вдоль траншеи с восточной стороны.

Во время расчистки горна, в его верхней части обнаружены два крупных железных шлака и керамический фрагмент стенки горна с отверстием для сопла с прикипевшими к его поверхности шлаками. Толщина стенки около 6,5 см, диаметр отверстия 4,3 см. В это отверстие вставлялось керамическое сопло, два фрагмента которого были обнаружены в яме перед горном (рис. 6.4). Внутренний диаметр сопла 2,9 см, внешний диаметр 4,2 см.

В ходе осмотра противопожарной траншеи, к югу от раскопа обнаружено еще 7 фрагментов керамического сопла. У 4 фрагментов удалось установить внутренний диаметр. У трех фрагментов он составляет 2,2 см (рис. 6.5, 7) и у одного фрагмента 2,9 см (рис. 6.6). После завершения земляных работ раскоп был засыпан, а территория возле него рекультивирована.

Помимо находок, относящихся к железовосстановительному производству, – глиняной обмазки горнов и железных шлаков, на территории памятника были найдены фрагменты керамических сосудов, костей животных и металлических изделий. Судя по ним, археологический объект Чернoруд 2 можно характеризовать как хозяйственно-бытовой комплекс, включающий стационарное поселение с горнами для производства железа и расположенное возле него орошаемое поле. Поле очищалось от камней, которые складывались в отдельные кучи.

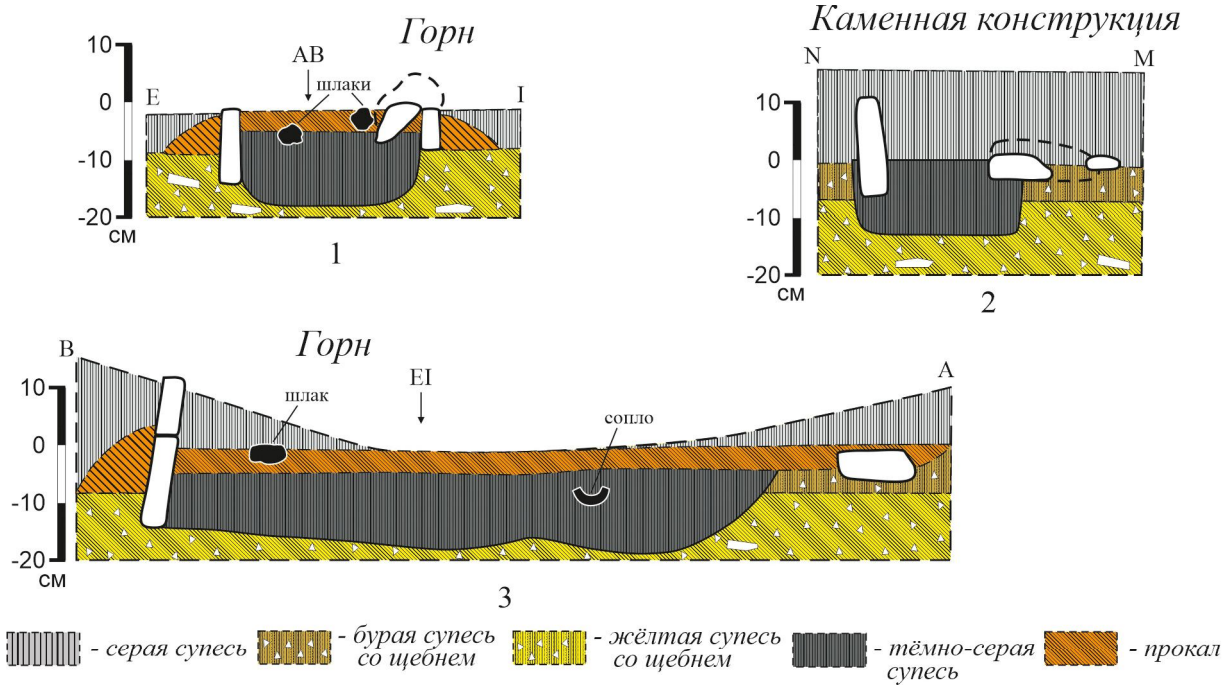
Определить возраст железовосстановительного горна из Чернoруда 2, как и поселения в целом, позволяет радиоуглеродная дата, полученная по углю из рабочей камеры горна – 690±40 л. н. (Le-11450). С учетом калибровки при вероятности 95,4 %, она соответствует временному диапазону с 1250 г. по 1400 г.[1], то есть середине XIII–XIV вв. Такой датировке поселения не противоречат и другие археологические материалы, обнаруженные на Чернoруде 1.

Шракшура 10

Одиночный железовосстановительный горн Шракшура 10 находился в 100 м к юго-западу от пос. Шида, на берегу Мухорского залива озера Байкал, с северо-западной стороны основания мыса Шракшура. В районе памятника берег пологий, поросший степными и луговыми растениями. Вдоль него проходит проселочная дорога, соединяющая пос. Шида с устьем р. Харгой.

В 2016 г. во время проведения археологической разведки в районе м. Шракшура С.В. Снопковым в колее проселочной дороги, проходящей вдоль берега Мухорского залива, обнаружена обнажившаяся верхняя часть железовосстановительного горна. Чтобы избежать его полного разрушения под колесами автомобилей, в 2020 г. горн ре-

[1] Даты и их промежутки погрешностей калиброваны в программе Oxcal 4.3 (Bronk Ramsey, 2017) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer et all, 2013).

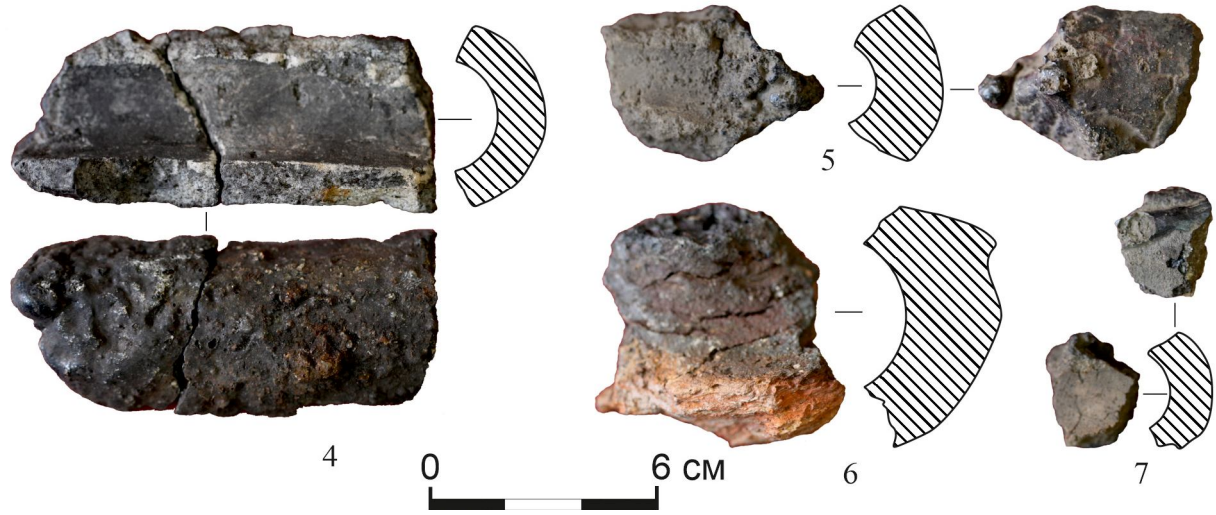

Рис. 6. Чернорудь 2, раскоп: *1–3 – разрезы горна и каменной конструкции; 4–7 – фрагменты керамических сопел: 4, 6 – раскоп; 5, 7 – подъемный материал*

Fig. 6. Chernorud 2, excavation*: 1–3 – sections of the furnace and stone structure; 4–7 – fragments of ceramic nozzles: 4, 6 – excavation; 5, 7 – lifting material*

шено было вскрыть. На месте, где обнажилась верхняя часть рабочей камеры горна, заложен раскоп размером 2 х 3 м, ориентированный длинной стороной по линии север-юг, поперек дороги (рис. 7). Отсчет высот во время раскопок горна производился от поверхности земли в северо-западном углу раскопа.

Горн состоял из 4-х вертикально установленных гнейсовых плит, образующих четырехугольную оградку размером 50 х 63 см, ориентированную по линии север-юг, и открытую с южной стороны (рис. 8.1). Толщина плит составляла 4–6 см. Западная стенка была образована двумя стыкующимися друг с другом плитами. Длина северной из них

1

2

Рис. 7. Шракшура 10, раскоп, вид с запада: *1 – железовосстановительный горн до расчистки; 2 – горн после расчистки верхней части*
Fig. 7. Shrakshura 10, excavation, view from the west: *1 – iron recovery furnace before clearing; 2 – furnace after clearing the upper part*

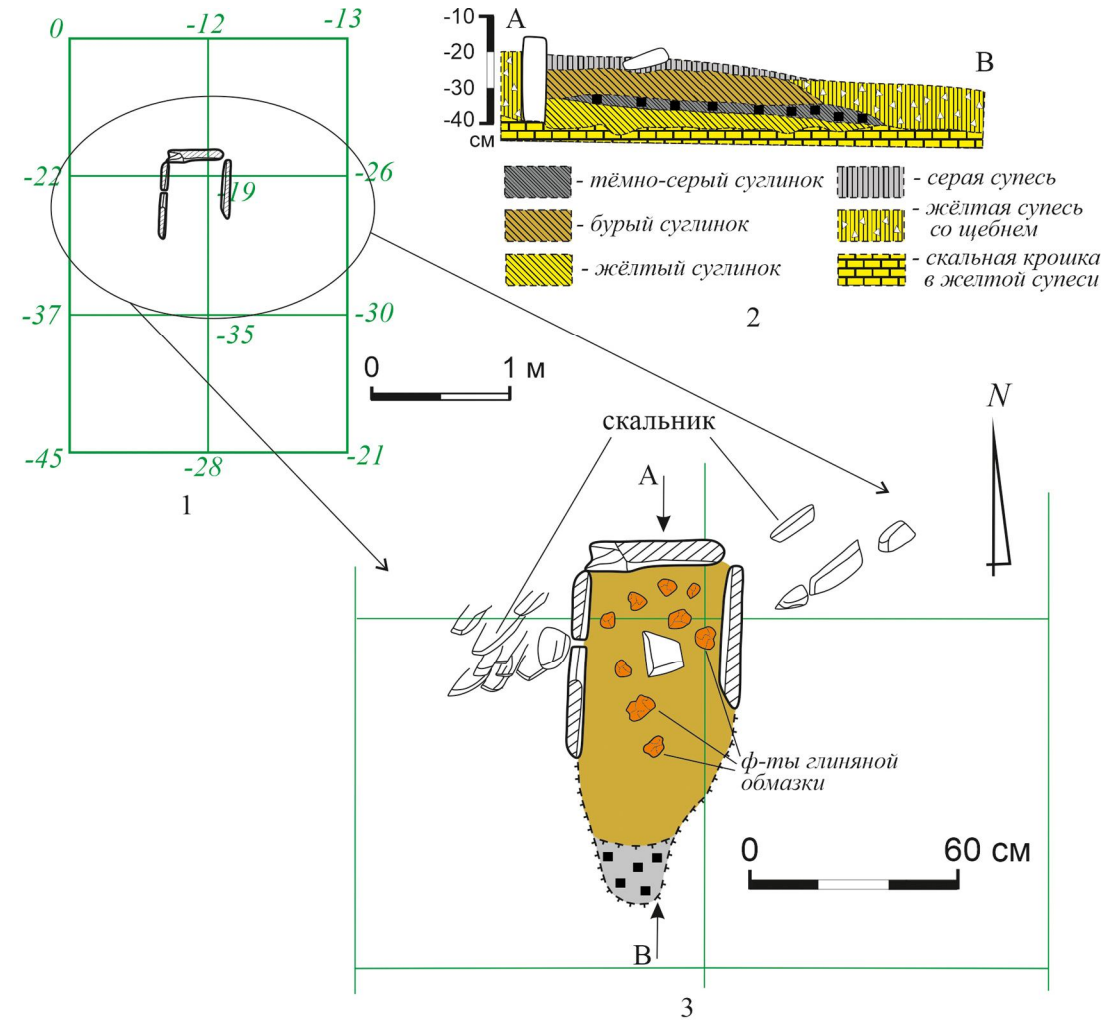

Рис. 8. Шракшура 10: *1 – план раскопа с нивелировочными отметками поверхности земли; 2 – разрез горна по линии север-юг; 3 – горн после расчистки верхней части; 4 – горн после полной расчистки, вид с запада*

Fig. 8. Shrakshura 10: *1 – plan of the excavation with leveling marks of the earth's surface; 2 – section of the furnace along the north-south line; 3 – furnace after clearing the upper part; 4 – furnace after full clearing, view from the west*

15 см, высота 21 см, южной – 33 см и 22 см соответственно. Северная стенка состоит из одной плиты длиной 37 см и высотой 24 см. Восточная – представлена одной плитой, длина которой составляет 40 см, высота 24 см.

Плиты, образующие рабочую камеру, устанавливались по краям специально вырытой ямы четырехугольной формы глубиной 20 см, возвышаясь над ней на 3–5 см. Размер рабочей камеры горна 40 х 55 см. Её высота 25 см. Снаружи плит, образующих рабочую камеру горна, не отмечено дополнительных элементов крепления в виде камней или глиняных бордюров. Рыхлые отложения во внутреннем пространстве рабочей камеры горна сверху перекрывались слоем серой супеси со шлаками и фрагментами обмазки, мощность которого составляла 2–3 см. Под ней находился слой бурого (кирпичного) суглинка мощностью 7–9 см со шлаками и фрагментами обмазки. Ниже него располагалась прослойка темно-серого суглинка толщиной до 3 см с углем. Её подстилал слой плотного желтого суглинка, лежавший на скальном основании. Каменные плиты, образующие стенки рабочей камеры, были установлены на скальнике (рис. 8.2).

Выходы суглинков в окрестностях Шракшуры 10 не отмечены. Вероятно, его приносили из более отдаленных мест. С помощью желтого суглинка выравнивалось дно рабочей камеры и закреплялось основание ее каменных стенок. Правда, следов обжига глиняного пола рабочей камеры, как и её стенок, не зафиксировано. В районе горна так же отсутствуют следы прокала. В связи с этим возникает вопрос, откуда внутри горна образовалась прослойка темно-серого суглинка с углем, которая в виде языка тянется за пределы рабочей камеры на 40 см (рис. 8.3). Может быть, в рабочей камере проводили лишь работы по подготовке горна к процессу получения железа. И эта подготовка была связана с разведением в ней огня, следы которого были обнаружены во время раскопок. Впоследствии горн был законсервирован. Рабочую камеру засыпали суглинком с кусочками шлака. Возможно, он первоначально имел желтый цвет, но под воздействием высоких температур приобрел бурый оттенок. Откуда брали суглинок со шлаками для заполнения рабочей камеры горна, на данном этапе исследований судить сложно. Не исключено, что где-то поблизости от него находится еще один горн, в котором проходил процесс получения железа. В процессе его чистки, отходы производства могли использовать для консервации раскопанного нами в 2020 г. горна. Из него же могли быть извлечены и фрагменты глиняной обмазки. В раскопанном горне следов глиняной обмазки на стенках рабочей камеры не отмечено.

Онтхэ 2

Археологический объект Онтхэ 2 локализуется в седловине, расположенной между двумя холмами, на северо-западном берегу бухты Шида Мухорского (Мухур) залива озера Байкал, в северо-восточной части поселка Шида (рис. 9). Памятник открыт в 2016 г. В.А. Харинским. В колее проселочной дороги (улица Онтхэ) им собраны железные шлаки и фрагменты глиняной обмазки железовосстановительных горнов. На основе полученных археологических материалов новый объект охарактеризован как металлургический центр.

Расположение металлургического центра Онтхэ 2 вдоль проселочной дороги (улица Онтхэ) приводило к разрушению покровной части памятника, чему способствовали также и эрозионные процессы, усиливавшиеся в дождливые годы. Опасность разрушения памятника под воздействием климатических, зоогенных и антропогенных факторов требовала проведения раскопочных работ, благодаря которым его можно было исследовать и сохранить от полного уничтожения. Поэтому в 2019 г. на месте концентрации железных шлаков на Онтхэ 2 были произведены раскопки. На дороге, пересекающей памятник, заложен раскоп размером 3 х 3 м, ориентированный стенками по сторонам света.

После расчистки дороги выяснилось, что скопление шлаков, зафиксированное еще до начала раскопок, вероятно, является выбросом из железовосстановительного горна. Шлаки образовывали вытянутое скопление размером 32 х 86 см. Они находились между уложенных вокруг них камней. Одна крупная каменная плита размером 48 х 83 см

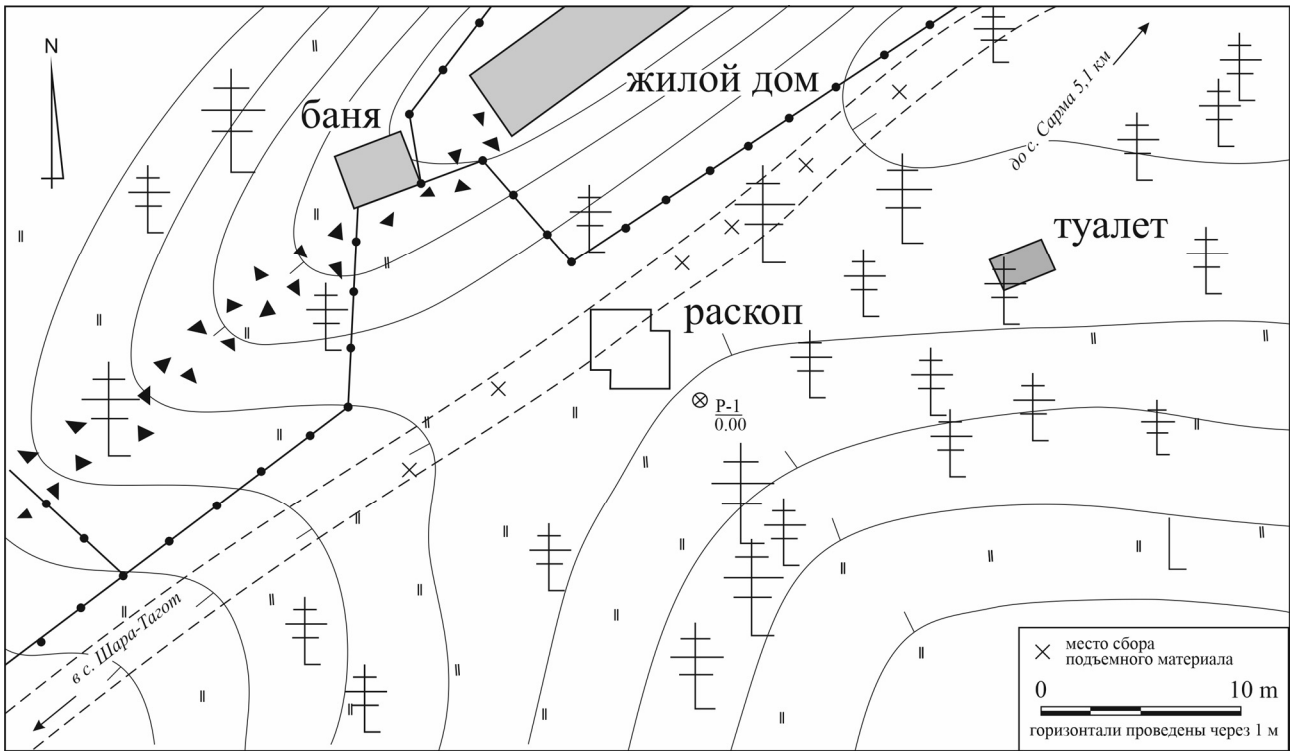

Рис. 9. Топографический план металлургического центра Онтхэ 2
Fig. 9. Topographic plan of the Ontkhe 2 metallurgical center

локализовалась к юго-востоку от шлаков, а другая, размером 30 х 85 см, находилась к северо-западу от них и была наклонно установлена. К северу от скопления шлаков находилась еще одна установленная наклонно к ним плита размером 30 х 55 см. К югу от шлаков располагалась горизонтально уложенная плита размером 30 х 64 см. Под шлаками выявлено несколько небольших горизонтально лежащих плит. Беспорядочные скопления камней также были зафиксированы в северной и южной частях раскопа (рис. 10).

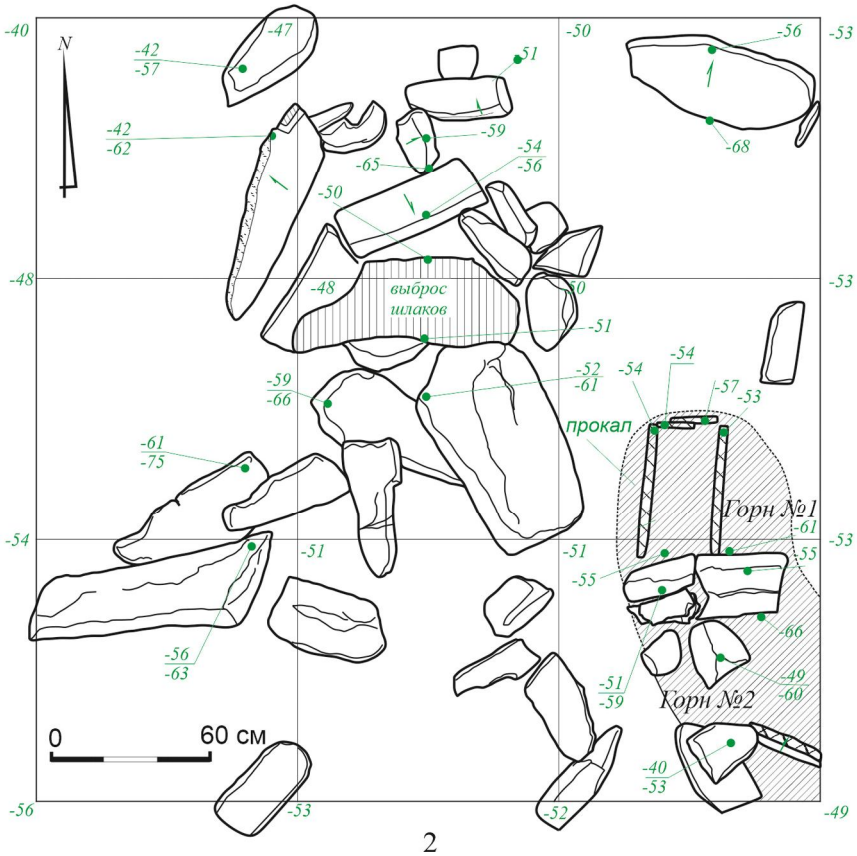
В юго-восточной части раскопа зафиксировано вытянутое пятно прокала, находившееся на глубине 5–9 см от поверхности земли. Сверху оно перекрывалось беспорядочно расположенными камнями, под которыми просматривались конструкции из вертикально установленных плит, оказавшиеся остатками железовосстановительных горнов. Один из них – горн № 1 находился в восточной части раскопа. Другой – горн № 2 располагался в юго-восточной части раскопа, при этом большая часть его конструкции уходила за пределы вскрытой площади.

После того как с площади раскопа были удалены камни, располагавшиеся под дерном, стало понятно, что в его северо-западной части находится яма (рис. 11.1). Большая часть ямы уходила за пределы раскопа в северо-западном направлении. Был вскрыт только ее юго-восточный край. Яма имела округлую форму и блюдцеобразное дно. Ее глубина составляла около 35 см. В восточной части ямы обнаружено 6 каменных плит, располагавшихся в 3 слоя. Археологический материал в яме обнаружен не был. Полностью вскрыть яму не удалось. Большая ее часть уходила за пределы раскопа. Расчищенная часть ямы была засыпана, как и вся северо-западная часть раскопа. По ней проходила дорога и надолго перекрыть ее было невозможно.

В юго-восточной части раскопа были убраны камни, перекрывавшие железовосстановительные горны. После расчистки их верхней части выяснилось, что без расширения вскрываемых площадей проводить их дальнейшее исследование будет невозможно. В связи с этим к его юго-восточной части раскопа было прирезано еще 5 квадратов (рис. 11.1).

1

2

Рис. 10. Онтхэ 2, раскоп после расчистки верхнего уровня камней: *1 – вид с юго-востока; 2 – план раскопа*
Fig. 10. Ontkhe 2, excavation after clearing the upper level of stones: *1 – view from the south-east; 2 – plan of the excavation*

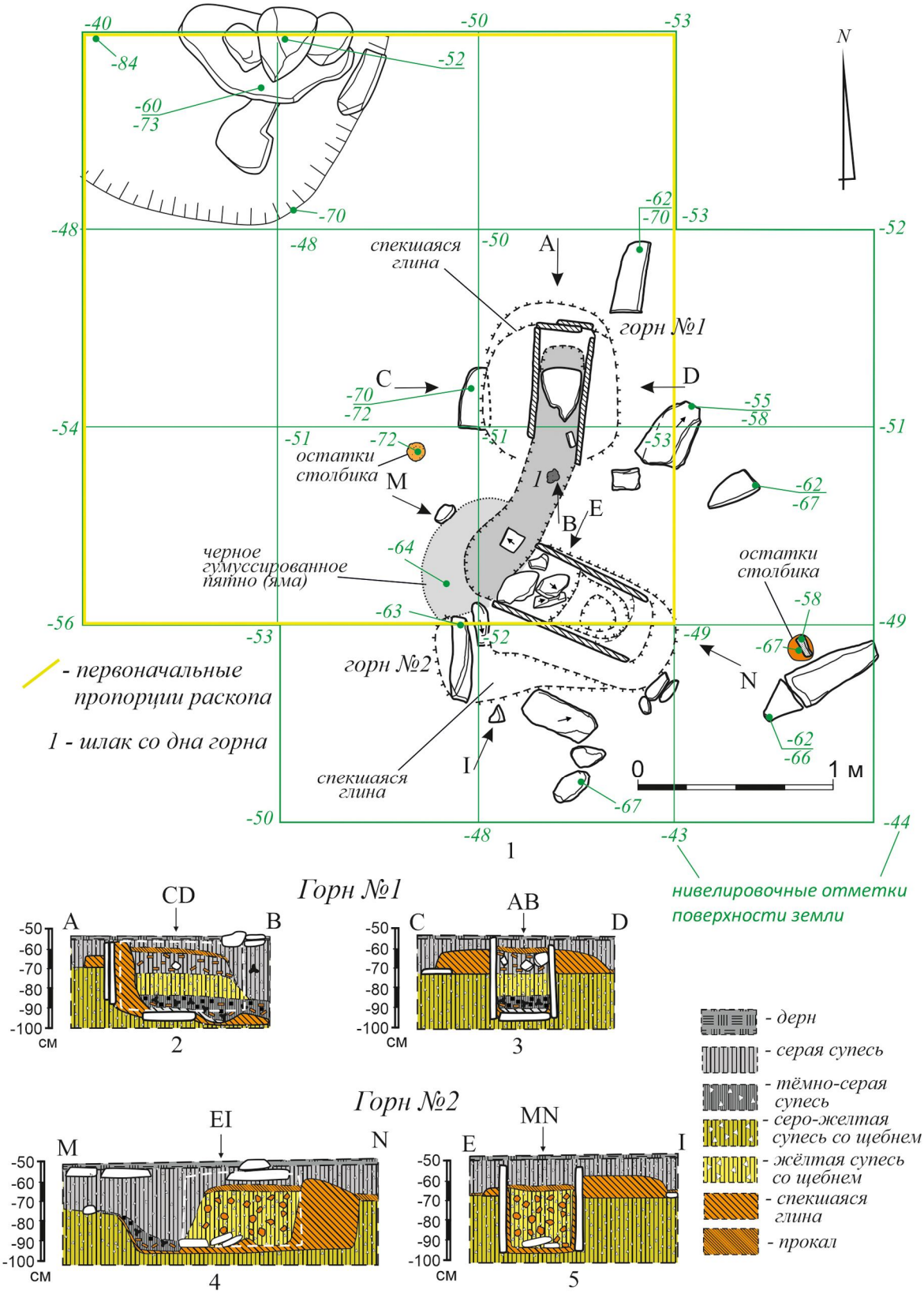

Рис. 11. Онтхэ 2: *1 – план раскопа с горнами № 1 и № 2 после расчистки; 2, 3 – продольный и поперечный разрезы горна № 1; 4, 5 – продольный и поперечный разрезы горна № 2*

Fig. 11. Ontkhe 2: *1 – plan of the excavation with furnaces # 1 and # 2 after clearing; 2, 3 – longitudinal and transverse sections of furnace # 1; 4, 5 – longitudinal and transverse sections of furnace # 2*

Горн № 1 состоял из 6 вертикально установленных гнейсовых плит, образующих четырехугольную оградку размером 27 х 70 см, ориентированную по линии с азимутом 5° и открытую с южной стороны (рис. 11.2, 3). Толщина плит составляла 3–4 см. Западная стенка горна образована каменной плитой длинной 56 см и высотой 43 см. Северная стенка образована двумя плитами, заходящими одна за другую. Западная из них длиной 14 см и высотой 31 см. Длина восточной плиты 13 см, высота 29 см. Её западный край с севера заходит за восточную плиту. Восточная стенка образована каменной плитой длиной 65 см и высотой 37 см. Плиты северной и восточной стенки вплотную не прилегают друг к другу. Между ними имеется зазор шириной 4 см.

Снаружи плиты рабочей камеры горна крепились с помощью глиняных бордюров, подвергшихся обжигу. В разрезе они имели форму сегмента, прямой угол которого занимал пространство между стенкой горна и поверхностью земли. Ширина бордюров в основании у боковых стенок составляла 9–12 см, у торцевой 12 см, высота соответственно 6–7 см и 13 см. Под западным бордюром находился плоский камень размером 20 х 30 см, его западный край выступал из-под бордюра. Сверху рыхлые отложения в рабочей камере горна имели оранжевую окраску, которая являлась следствием прокала, мощность которого составляла 2–4 см.

В 53 см к западу от южного края плиты западной стенки горна зафиксировано круглое гумусированное пятно с древесиной и мелкими шлаками. Диаметр пятна 9 см. Оно на 5 см уходило вниз и, вероятно, являлось остатками деревянного столбика или кола. В 15 см к северо-востоку от северо-восточного угла каменной конструкции горна располагалась каменная плита размером 8 х 15 х 38 см, ориентированная по линии север-юг. В 27 см к востоку от восточной стенки горна зафиксирована каменная плита размером 4 х 25 х 40 см. Она наклонно установлена и ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. В 5 см к юго-западу от нее обнаружен камень размером 3 х 10 х 13 см, ориентированный по линии запад-восток. Еще один камень располагался в 20 см к юго-востоку от плиты. Его размеры 5 х 13 х 26 см. В 3 см к югу от рабочей камеры горна найден крупный кусок шлака.

Рабочая камера горна № 1 заполнена несколькими слоями рыхлых отложений, имевших разный цвет и структуру. Под слоем прокала располагалась серая супесь с кусками обмазки. Мощность слоя 10–12 см. Под ней залегал слой ярко-желтой супеси со щебнем мощностью 10–11 см. Ниже располагался слой темно-серой супеси с углями, мелкими шлаками и фрагментами обмазки мощностью 5–6 см. В самом низу рабочей камеры горна находилась прослойка известковой крошки мощностью 2–3 см.

Высота рабочей камеры горна № 1 составляла 35 см. Ее размеры 22 х 66 см. Для ее сооружения в земле выкапывалась четырехугольная яма, вдоль стенок которой устанавливались каменные плиты. Снаружи плиты крепились с помощью глиняного бордюра, который впоследствии подвергался обжигу. На дне рабочей камеры горна находилась каменная плита размером 4 х 21 х 30 см. Ее стыки с плитами, образующими стенки камеры, промазывались глиной. Северная часть плиты обмазана глиной. Торцевая и нижняя часть боковых стенок камеры обмазаны глиной. Обмазка наложена на камни тонким ровным слоем.

В передней части горна, на дне, к югу от каменной плиты, имелось углубление шириной 21 см с пологими стенками. Его глубина 5 см. К югу от него находится небольшой бордюрчик, отделяющий пространство рабочей камеры от канала, расположенного к югу от горна и соединяющегося с таким же каналом, следующим от горна № 1. Подходя к горну № 1, канал слегка поднимался вверх. Его стенки практически вертикальные.

Горн № 2 состоял из 2-х вертикально установленных гнейсовых плит, расположенных параллельно друг другу и замыкающих пространство размером 40 х 80 см, ориентированное по линии с азимутом 115°. Юго-восточная стенка, являвшаяся у горна № 2 торцевой, вместо каменной плиты была образована бордюром из обожженной глины. Его высота 35 см, ширина 32 см. С северо-западной стороны рабочая камера горна была открыта

(рис. 11.4, 5). Толщина плит составляла 3–4 см. Юго-западная стенка горна образована каменной плитой длинной 70 см и высотой 40 см. Северо-восточная стенка состоит из одной плиты длиной 58 см и высотой 44 см.

Снаружи плиты рабочей камеры горна закреплялись с помощью глиняного бордюра, подвергшегося обжигу. В разрезе они имели форму сегмента, прямой угол которого занимал пространство между каменной стенкой горна и поверхностью земли. Ширина бордюра в основании у северо-восточной стены составляла 8 см, высота 4 см, у юго-западной стены ширина 43 см, высота 12 см.

Стенки и дно рабочей камеры горна № 2 обмазаны обожженной глиной с прикипевшими к ней шлаками. Они образуют прослойку толщиной 2–3 см. Внутреннее пространство рабочей камеры заполнено желтой супесью со щебнем и кусками слабо обожженной глины. Высота рабочей камеры горна № 2 составляла 40 см. Ее размеры 30 х 65 см. Для ее сооружения в земле выкапывалась четырехугольная яма, вдоль длинных стенок которой устанавливались каменные плиты. Снаружи плиты закреплялись с помощью глиняного бордюра, который впоследствии подвергался обжигу. В юго-восточной части рабочей камеры, где поддерживалась наиболее высокая температура, на дне имеется углубление округлой формы, диаметром около 20 см. К северо-западу от него располагается небольшой бордюрчик. За ним, на дне рабочей камеры горна находилось 4 камня, вероятно, попавших в горн случайно и не имевших отношение к его работе. Яма перед горном № 2 имела пологий северо-западный край. Ширина канала, соединявшего горны № 1 и 2, – 22 см, глубина около 15–20 см.

В 80 см к юго-востоку от юго-восточного конца юго-западной плиты рабочей камеры горна располагался крупный камень, расколовшийся на две части. Его размеры 5 х 20 х 65 см. Он ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. С северо-западной стороны от камня располагалась круглая яма диаметром 13 см. В ней обнаружены остатки деревянного столбика. В яме также зафиксирован вертикально установленный камень размером 5 х 9 х 11 см. Глубина ямы была более 10 см. Она имела вертикальные стенки. Вероятно, к столбу, установленному в яме, крепились меха, с помощью которых шла подача в горн воздуха для лучшего горения древесного угля.

К югу от горна № 2 располагалось несколько камней. Часть из них примыкала к бордюру из обожженной глины, а часть из них была включена в него. Два таких камня находились к юго-западу от юго-западного края рабочей камеры горна. Оба они установлены на боковую грань и ориентированы по линии север-юг. Ближе к стенке горна располагается камень размером 7 х 22 см. К юго-западу от него был установлен камень размером 11 х 42 см. К западу от рабочей камеры горна, напротив его передней части, располагалась яма, воспринимавшаяся до расчистки как черное гумусированное пятно овальной формы размером 40 х 65 см (рис. 12).

Во время раскопок возле горнов были обнаружены фрагменты керамических изделий, напоминающие валики. Уплощенной частью, имеющей пористую структуру, они крепились к какой-то плоскости, вероятней всего, к каменным плитам. Противоположная сторона валиков округлая и гладкая. Её цвет свидетельствует о воздействии высоких температур. Можно предположить, что обнаруженные керамические валики использовались для крепления и теплоизоляции каменных плит, которыми закрывалась рабочая камера горна сверху и спереди во время процесса восстановления железа из руды. После того как процесс заканчивался верхние и торцевая плиты убирались, а крепившие их валики разбивались и выбрасывались. Всего обнаружено 58 фрагментов валиков. Их толщина колебалась от 3 до 4,5 см, ширина 4,5–5,0 см. Валики в отличие от слоя глиняной обмазки подвергаются меньшому растрескиванию при высоких температурах. Вероятно, эта устойчивость к высоким температурам и способствовала использованию глиняных валиков в конструкции горнов.

Встречаются как прямые, так и выгнутые валики (рис. 13.2, 3). Это указывает на то, что они крепились не только на прямые плоскости, но и на поверхности, имеющие изгиб, при этом во внут-

1

2

Рис. 12. Онтхэ 2, раскоп, горн № 1 и горн № 2 после расчистки: *1 – вид с запада; 2 – вид с северо-запада*
Fig. 12. Ontkhe 2, excavation, furnace # 1 and furnace # 2 after clearing: *1 – view from the west; 2 – view from the north-west*

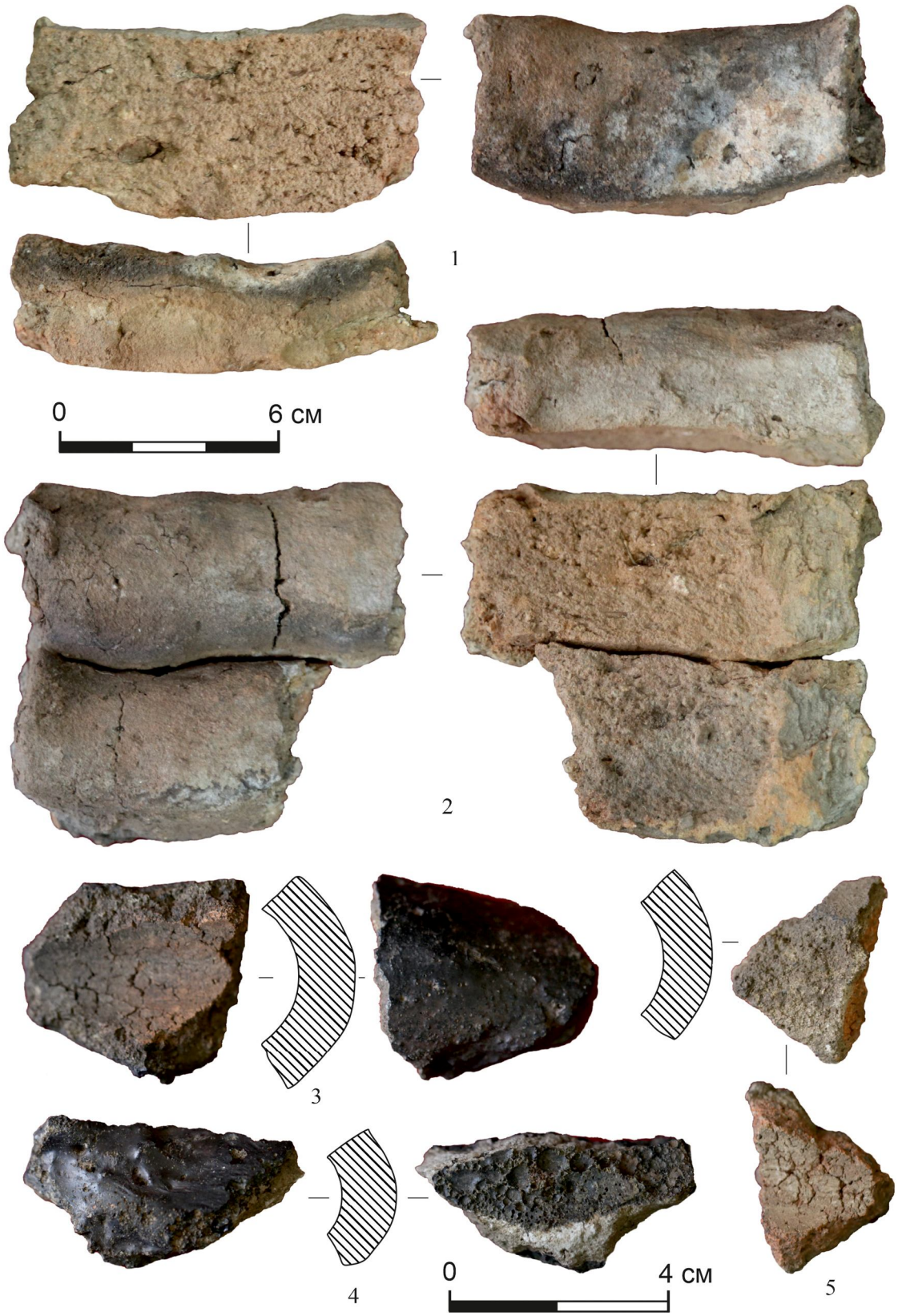

Рис. 13. Онтхэ 2, керамика: *1, 2 – раскоп, обмазочные валики; 3–5 – подъемный материал: 3, 5 – фрагмент сопла с внутренним диаметром 2,9 см; 4 – фрагмент сопла с внутренним диаметром 2,2 см*

Fig. 13. Ontkhe 2, ceramics: *1, 2 – excavation, coating rollers; 3–5 – lifting material: 3, 5 – nozzle fragment with an internal diameter of 2.9 cm; 4 – nozzle fragment with an internal diameter of 2.2 cm*

ренней части конструкции, внутри которой были высокие температуры. С внешней, нижней и верхней сторон валиков видны оттиски пальцев, свидетельствующие о том, что их крепление к стенкам горна происходило при помощи усиленного давления рук. Среди находок отмечены как одинарные, так и двойные валики. Последние, вероятно, использовались для более надежного крепления конструкции горна.

За пределами раскопа, в колее проселочной дороги (улица Онтхэ) было найдено 4 фрагмента керамических сопел. У трех фрагментов удалось установить внутренний диаметр. У двух из них он составляет 2,9 см (рис. 13.3, 5) и у одного – 2,2 см (рис. 13. 4).

Два горна, исследованных на металлургическом центре Онтхэ 2, не работали одновременно. Вероятно, более ранним является горн № 1. Сооруженный после него горн № 2 перекрыл возможность подачи в него воздуха и свободного извлечения крицы. Оба горна были вычищены после завершающей операции по получению железа. Из горна № 2 были полностью удалены шлаки и уголь. В горне № 1 они сохранились на самом дне, образуя прослойку темно-серой супеси с углями, мелкими шлаками и фрагментами обмазки мощностью 5–6 см. Впоследствии рабочая камера горна была специально засыпана более чем на половину яркой желтой супесью со щебнем. Толщина засыпки составила 10–11 см. Возможно, земля для засыпки извлекалась из ямки, которую планировали использовать для рабочей камеры горна № 2. Верхняя часть заполнения рабочей камеры горна № 1 – слой серой супеси с кусками обмазки мощностью 10–12 см, вероятно, сформировался уже после того, как начал работать горн № 2. Извлеченное из него содержимое, частично было засыпано в рабочую камеру горна № 1, а частично в канавку, расположенную перед горном № 2. В отличие от рабочей камеры горна № 1, рабочая камера горна № 2 перед консервацией была полностью вычищена, а затем полностью засыпана желтой супесью со щебнем и кусками слабо обожженной глины. Извлеченные из горна шлаки складывались в отдельную кучку к северо-западу от горна № 1. Сверху над обоими горнами фиксируются следы прокала. Возможно, он образовался при разведении костра в этом месте уже после консервации горнов, а, может быть, является выбросом неостывшего заполнения из рабочей камеры еще не обнаруженного на Онтхэ 2 горна.

Во время исследований на Онтхэ 2 не были обнаружены артефакты, на основании которых можно бы было определить возраст этого памятника. Выяснить время существования металлургического центра Онтхэ 2 позволила радиоуглеродная дата, полученная по углю из ямы, расположенной к юго-востоку от горна № 2 – 270±100 л. н. (Le-11451). С учетом калибровки при вероятности 95,4 %, она соответствует временному диапазону с 1400 г. по 2000 г.[2], то есть XV–XX вв.

Обсуждение

На трех археологических объектах Черноруд 2, Шракшура 10 и Онтхэ 2, расположенных в Приольхонье, были исследованы горны, предназначавшиеся для восстановления железа из руды. По своим конструктивным особенностям они походят друг на друга, что может свидетельствовать о хронологической близости этих сооружений. Радиоуглеродная дата, полученная по углю из горна Черноруда 2, позволяет соотнести время его использования с серединой XIII–XIV вв. В отличие от нее, дата, сделанная по углю из ямы, в которой находился столб с металлургического центра Онтхэ 2, имеет значительный доверительный интервал, охватывающий сто лет. Поэтому в процессе ее калибровки при вероятности в 95,4 %, ей соответствует широкий хронологический диапазон – XV–XX вв. Если же взять более низкий уровень достоверности калибровки даты, соответствующий 56,1 %, то возраст проанализированной органики и металлургического центра в целом может быть соотнесен 1470–1680 гг. На наш взгляд, этот временной диапазон больше соответствует действительности. Конструкции горнов с двух археологических объектов очень похожи и, вероятно, они были

[2] Даты и их промежутки погрешностей калиброваны в программе Oxcal 4.3 (Bronk Ramsey, 2017) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer et all, 2013).

сооружены в близкие по времени периоды. В связи с этим металлургический центр Онтхэ 2 предлагается предварительно датировать XV–XVII вв. Схожесть горна с Шракшуры 10 с горнами с Чернору да 2 и Онтхэ 2 позволяет считать их сооружениями, выполненными по одинаковым конструктивным и технологическим принципам, господствовавшим в определенный хронологический период. Он соответствует XIII–XVII вв. Этим временем и предлагается датировать Шракшуру 10. С появлением новых материалов датировка этого археологического объекта может быть скорректирована.

Рабочие камеры горнов с Чернору да 2, Шракшуры 10 и Онтхэ 2 четырехугольной формы размером 22–40 х 55–66 см (табл.). Их основу составляла яма, которая выкапывалась в земле. Её глубина варьировала от 10 до 30 см. Вдоль стенок ямы или вдоль ее края устанавливались каменные плиты, образующие конструкцию, напоминающую оградку из камней, одна из торцовых стенок которой отсутствовала. Высота рабочей камеры горнов составляла 15–40 см. Через незакрытую верхнюю часть в горн засыпалась измельченная железная руда и древесный уголь. Когда горн был готов к работе, верхняя часть его камеры закрывалась каменными плитами, стыки между которыми замазывались глиной. Сверху рабочей камеры оставалось не закрытым лишь небольшое отверстие, через которое выходил дым, и в которое можно было, в случае необходимости, подсыпать уголь и руду.

В отличие от задней стенки горна, его передняя стенка сооружалась лишь перед началом процесса восстановления железа из руды. Для ее возведения могли использоваться каменные плиты или глиняные валики. В стенке оставалось отверстие для подачи воздуха, в которое вставлялось глиняное сопло. Благодаря регулярной подаче воздуха в рабочей камере горна поддерживалась высокая температура горения угля, и процесс восстановлении железа происходил более активно. Исследованные нами горны имеют разную ориентировку. Два из них ориентированы задней стенкой на север, один на северо-запад и еще один на юго-восток (табл.).

Во время раскопок в горнах или возле них лишь в небольшом количестве были обнаружены выпускные шлаки. Вероятно, в ходе восстановительного процесса шлаки не выпускались из рабочей камеры. Они извлекались оттуда уже после того, как восстановительный процесс завершался и камера остывала. Древние металлурги ломали переднюю стенку горна, вытаскивали из рабочей камеры крицу, а через некоторое время приступали к чистке горна. Для того чтобы формирование крицы происходило вблизи с передней стенкой, перед ней в дне рабочей камеры делали небольшое углубление.

От передней стенки горна отходил канал или яма, в которую выгребали содержимое рабочей камеры после того, как завершался восстановительный процесс. Возле горнов в Чернору де 2 и Онтхэ 2 были обнаружены округлые ямки, в которые устанавливались деревянные столбы. Вероятно, к этим столбам крепился центр деревянного рычага, один конец которого соединялся с верхней частью воздуходувных мехов. Другой конец рычага держал человек, качавший воздух. При движении вверх-вниз меха расширялись, а затем сжимались. Воздух под напором проходил через керамические сопла и попадал в рабочую камеру горна, усиливая горение угля. Ямы со столбиками находились в

Таблица. **Параметры железовосстановительных горнов XIII–XVII вв. из Приольхонья**
Table. **Parameters of bloomer of the XIII–XVII centuries from Olkhon region**

№	Наименование	Размер рабочей камеры, см	Глубина ямы, см	Высота рабочей камеры, см	Ориентировка
1	Чернору д 2, горн № 1	30х60	10	15–26	303°
2	Шракшура 10, горн № 1	40х55	20	25	3°
3	Онтхэ 2, горн № 1	22х66	25	35	5°
4	Онтхэ 2, горн № 2	30х65	30	40	112°

0,7–1,6 м от передней стенки горна, располагаясь под углом к ней.

Исследованные в Чернoруде 2, Шракшуре 10 и Онтхэ 2 железовосстановительные горны существенно отличаются от горнов, использовавшихся в Приольхонье в более раннее время. В период, охватывающий конец I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. на западном берегу Байкала использовались ямные горны (Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Харинский, 1998; Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Никифоров, Снопков, Харинский, 2000; Кожевников, Харинский, 2003; Харинский, Снопков, 2004; Харинский, Снопков, Казанский, Матасова, Кожевников, Амано, 2013; Kozhevnikov N.O, Kozhevnikov O.K., Kharinsky, 2001; Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2019). По своей форме они напоминали воронку, соединяющуюся узкой частью с пригорновой ямой или траншеей. Возле ямы или траншеи сосредотачивалось несколько горнов. При этом более ранним временем датируются горны, располагающиеся возле ям, и более поздним горны – возле траншей.

Как и в Приольхонье, все ранние формы горнов (конец I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.), известные к настоящему времени в Байкальском регионе, Монголии и Минусинской котловине, являлись ямными (Сунчугашев, 1979. С. 168; Гладилин, 1985; Ишцэрэн, Сасада, 2014; Sasada, Amartuvshin, 2014; Амзараков, 2015; Ишцэрэн, 2015; Ишцэрэн и др., 2019; Амартүвшин и др., 2019). Как указывает Я.И. Сунчугашев, «Ямные сыродутные горны Хакасско-Минусинской котловины, являвшиеся основным типом горнов в течение более семи столетий, сменились примерно в конце таштыкской эпохи горнами, сооруженных из каменных плит в виде ящиков» (Сунчугашев. 1979. С. 169). При этом, наблюдая процесс развития металлургии железа в регионе, автор отмечает, что объем четырехугольных горнов, возвышавшихся над землей, в VII–XII вв., по сравнению с предшествующим периодом, увеличился почти в два раза (Сунчугашев, 1979. С. 171).

В Северном Приангарье, в отличие от побережья Байкала и Минусинской котловины, в начале–середине II тыс. н. э. не сооружали ямно-наземные горны четырехугольной формы со стенками из каменных плит, возвышающихся над поверхностью земли. Здесь фиксируются горны иных типов. А.В. Гладилин считает, что для Средней Ангары во второй половины I тыс. н. э. и на протяжении всего II тыс. н. э. характерны печи на фундаменте с увеличенной плавильной камерой, т. е. наземные. Горн такой формы был обнаружен в с. Пашино. Он цилиндрической формы, стенки и основание (фундамент) выложены из каменных плит, т. е. первоначально была выкопана яма, стенки и дно которой обложили плитами траппа и обмазали глиной. На поверхности земли стены имели продолжение и увеличивали объем рабочей камеры, размеры которой 36 х 37 см. Горн имел два сопла с внутренним диаметром трубок 3,5 см, расположенных с противоположных сторон для встречной подачи воздуха (Гладилин, 1985).

Для археологического комплекса Проспихинская Шивере IV (Нижнее Приангарье) П.О. Сенотрусова вместе с соавторами выделяет два типа горнов, которые встречаются и в других частях Ангарской долины. К первому типу относятся горны с камерой цилиндрической формы, стенки которой толщиной 4–5 см выполнены из глины. Большая часть рабочей камеры этих горнов, диаметр которой варьировал от 10–12 см до 25 см, располагалась в яме (Мандрыка, Титова, Князева, Сенотрусова, 2012. С. 41; Тимощенко, 2015). Ко второму типу относятся квадратные в плане горны с камерой кубической формы, большая часть которой находилась в яме. Стенки нижней части камер полностью или частично построены из камней, щели между которыми замазаны глиной. Рабочая камера соединялась с пригорновой ямой (Гладилин, 1985. С. 171; Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010. С. 510; Абдулов А.Т., Абдулов Т.А., Алтухов, 2013. С. 9). П.О. Сенотрусова вместе с соавторами датирует горны первого типа последней третью I тыс. до н. э. – развитым средневековьем, а, может, и более поздним периодом времени. Горны второго типа соотносятся со второй половины I тыс. н. э. – XIII–XIV вв., а может быть, и с более поздним временем (Сенотрусова, Самородский, Мандрыка, 2016).

Разные конструкции горнов, отмеченные, с одной стороны, в Приольхонье, а с другой стороны, в Северном Приангарье, свидетельствуют о двух разных традициях в сооружении горнов для восстановления железа из руды в середине II тыс. н. э., существовавшие на территории Восточной Сибири. В Северном Приангарье для этих целей использовались вертикальные горны круглые или квадратные в поперечном сечении, четырехугольные в продольном сечении, иногда имеющие округлое дно. Большая часть рабочей камеры горна располагалась в специально вырытой яме, и лишь верхушка возвышалась над землей. Стенки горна лепились из глины. Иногда в основании рабочей камеры вдоль стенок располагались каменные плиты или кора. Воздух в горн подавался посредством одного или двух сопел.

В Приольхонье в середине II тыс. н. э. сооружались горизонтальные горны, четырехугольные как в поперечном, так и в продольном сечении. Нижняя часть рабочей камеры горнов находилась в специально вырытой яме. Вдоль её стенок устанавливались каменные плиты, стыки между которыми скреплялись с помощью глины. Верхняя часть каменных плит возвышалась над поверхностью земли. Во время восстановительного процесса рабочая камера горна, как и передняя стенка, закрывались каменными плитами, крепившимися с помощью глины и глиняных валиков. Через отверстие в передней стенке в горн по соплу подавался воздух.

На современном этапе исследования сложно определить, где именно проходила граница между районами с вышеописанными металлургическими традициями. Ни в Южном Приангарье, ни на Верхней Лене к настоящему времени не обнаружены железовосстановительные горны середины II тыс. н. э. Не исключено, что в этих районах существовали свои представления о наиболее универсальной конструкции металлургических горнов, сведения о которых можно будет получить лишь в ходе дальнейших археологических исследований.

Заключение

Данные, полученные в результате исследования железовосстановительных горнов на трех археологических объектах Приольхонья Черноруд 2, Шракшура 10 и Онтхэ 2, существенно дополнили представления о развитии производства железа на территории Предбайкалья в древности. До их раскопок на западном берегу Байкала были исследованы лишь железовосстановительные горны, датирующиеся в пределах конца I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Новые исследования ввели в круг археологических источников материалы по горнам, датирующимся серединой II тыс. н. э., которые позволили выстроить схему становления и развития черной металлургии на территории Приольхонья, преимущественно базирующейся на изменениях в конструкции горнов.

Основываясь на данных радиоуглеродного датирования, можно утверждать, что наиболее ранние горны в Приольхонье появляются в III–II вв. до н. э. Они группировались вокруг пригорновой ямы диаметром не менее 2 м и глубиной не менее 1 м, которая выкапывалась в плотном суглинке. Стенки ямы подвергались обжигу. В результате чего суглинок спекался, становясь твердым и более устойчивым к разрушению. Вокруг ямы располагались горны, конструкция которых напоминала воронку. Горловина горна (фурма) выходила в пригорновую яму. Его стенки обмазывались глиной, предохранявшей горны от разрушения. В горн послойно загружали железную руду и древесный уголь. Перед началом работы загрузочное отверстие и фурма закладывались кирпичами и замазывались глиной. Сверху горна оставалось небольшое отверстие для выхода дыма и подсыпки измельченной руды и угля. В нижней части горна со стороны пригорновой ямы оставалось отверстие для подачи в рабочую камеру воздуха для лучшего горения угля.

Со II в. н. э. вместо пригорновых ям начинают сооружаться траншеи, вокруг которых располагались воронкообразные горны. Конструкция горнов в это время не претерпела значительных изменений. Лишь в середине I тыс. появляются дугообразные горны, имевшие горизонтальное дно. Внешняя часть фурмы горна не спускается вниз к яме или

траншее, а поднимается вверх, образуя пригорновое углубление. В продольном сечении эти горны напоминают дугу, один из концов которой образует рабочая камера, а другой – пригорновое углубление. Средняя часть горна представлена соединительным каналом (фурмой), через который в рабочую камеру подавался воздух и извлекалась крица. Объем рабочей камеры дугообразных горнов был меньше, чем у воронкообразных, а процесс их сооружения стал легче. Теперь не надо было выкапывать пригорновую яму или канал, с которыми соединялись горны. Помимо дугообразных железовосстановительных горнов в это же время в Приольхонье распространяются и кузнечные горны такой же формы, но меньших размеров.

Период, включающий конец I – начало II тыс. н. э., в истории металлургии железа Приольхонья остается слабоизученным. Железовосстановительные горны, относящиеся к этому времени, пока не выявлены. Но уже сейчас становится понятным его важность. На западном побережье Байкала распространяются новые представления о конструкции металлургических горнов и процессе более эффективного получения железа. С XIII в., а может быть, и несколько раньше здесь начинают сооружаться четырехугольные ямно-наземные горны, существенно отличающиеся по своей конструкции от горнов конца I тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э.

Технологические новшества в производстве железа в Приольхонье сопровождались и геополитическими изменениями. Вместе со значительной частью Прибайкалья оно вошло в состав Монгольской империи. В регионе появляются группы населения, принесшие с собой новые культурные традиции, проявляющиеся во всех сферах жизни – от погребального ритуала до технологии получения железа из руды. Вместо ямных воронкообразных и дугообразных горнов, которые использовались в Приольхонье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н. э. для восстановления железа из руды, в XIII–XVII вв. на западном берегу Байкала распространяются четырехугольные горны, нижняя часть которых располагалась в яме, а верхняя возвышалась над землей. Яма имела прямоугольную форму. Вдоль ее стенок устанавливались каменные плиты, щели между которыми замазывались глиной. Снаружи стенки горнов дополнительно крепились обожженными глиняными бордюрами. Горны подобной конструкции продолжали использоваться в Приольхонье до его вхождения в состав Русского государства. В XVIII в. производство железа в этой части Байкальского региона сосредоточилось в руках Ф.А. Ланина. Он построил на берегу р. Анга завод. Железом, производившимся на нем, снабжались не только жители байкальского побережья, но и население других районов Прибайкалья (Артемьев, 1926. С. 6; Жидель, 2018).

Библиографический список

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов В.В. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Отико II // Евразия в Кайнозое. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2013. С. 7–18.

Амзараков П.Б. Предварительные итоги исследования памятника древней металлургии железа таштыкской эпохи «Толчея». Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии / под ред. Я. Мураками и Ю. Есина. Абакан-Эхимэ: Изд-во университета Эхимэ, 2015. Т. 1. С. 95–106.

Артемьев Б.Н. Очерк геологического строения и полезных ископаемых Ольхонского края. Отдельный оттиск из т. LII Известий Восточно-Сибирского Отдела Госуд. Русского Географ. Общества. Очерки по Землеведению Восточной Сибири. Вып. III. Иркутск, 1926. 78 с.

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Си-

References

Abdulov T.A., Abdulov A.T., Altukhov V.V. (2013) The results of rescue archaeological work at the multilayer geoarchaeological site Otico II. *Evraziya v Kainozoe = Eurasia in Cenozoic*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 7–18. (In Russ.)

Amzarakov P.B. (2015) Preliminary results of the study of the site of ancient iron metallurgy of the Tashtyk era “Tolcheya”. Ancient metallurgy of Sayan-Altai and East Asia. Abakan-Ekhime: Un-t Ekhime.Vol. 1. P. 95–106. (In Russ.)

Artem'ev B.N. (1926) Sketch of the geological structure and minerals of the Olkhon region. A separate reprint from vol. LII Izvestia of the East Siberian Department of the State. Russian Geographer Society. Essays on the Geography of Eastern Siberia. Irkutsk. Iss. III. 78 p. (In Russ.)

Gladilin A.V. (1985) Metallurgy of the Middle Angara. *Arkheologicheskie issledovaniya v raionakh novostroek Sibiri*

бири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 167–180.

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 509–514.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Археология Ольхонского района. Материковый участок: от мыса Елохин до мыса Улан. Иркутск, 1996. Ч. 2. 213 с.

Жидель И.В. «Железной заводъ» на реке Анге. Край родной – Прибайкалье. Материалы научнопросветительских чтений им. Б.И. Дыбовского. Юбилейный сборник / сост. Н.Г. Репина, С.В. Снопков. Иркутск: Репроцентр А1, 2018. С. 71–85.

Ишцэрэн Л. Железоплавильни хунну на территории Монголии. Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Т. 1. / под ред. Я. Муроками и Ю. Есина. Абакан-Эхимэ: Изд-во ун-та Эхимэ, 2015. С. 107–116.

Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Харинский А.В. Как поиски решения геофизической проблемы привели к открытию археологического памятника // Геофизика. 1998. № 6. С. 48–60.

Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Никифоров С.П., Снопков С.В., Харинский А.В. Древний центр металлургии железа в пади Барун-Хал // Байкальская Сибирь в древности: сб. научн. трудов. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 166–195.

Кожевников Н.О., Харинский А.В. Памятник древней металлургии Барун-Хал III // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее : материалы региональной научно-практической конференции. 12–15 ноября 2003 г. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2003. С. 81–86.

Мандрыка П.В., Титова Ю.А., Князева Е.В., Сенотрусова П.О. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. Вып. V. С. 31–42.

Сенотрусова П.О., Самородский П.Н., Мандрыка П.В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 136–147.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа / отв. ред. Л.Р. Кызласов. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1979. 192 с.

= Archaeological research in the areas of new buildings in Siberia. Novosibirsk: Nauka. P. 167–180. (In Russ.)

Grevtsov Yu.A., Lysenko D.N., Galukhin L.L. (2010) Rescue excavations of the Beryamba detachment of the Boguchansk archaeological expedition of the IAET SB RAS in 2010. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories.* Novosibirsk: IAET SO RAN. Vol. 16. P. 509–514. (In Russ.)

Goryunova O.I., Svinin V.V. (1996) Archeology of the Olkhon district. Continental section: from Cape Elokhin to Cape Ulan. Irkutsk. Pt. 2. 213 p. (In Russ.)

Zhidel' I.V. (2018) “Iron Factory” on the Anga River. Native land – Baikal region. *Materialy nauchnoprosvetitel'skikh chtenii im. B.I. Dybovskogo. Yubileinyi sbornik = Proceedings of scientific and educational readings named after B.I. Dybowski. Jubilee collection.* Irkutsk: Reprotsentr A1. P. 71–85. (In Russ.)

Ishtseren L. (2015) Xiongnu iron smelters in Mongolia. Ancient metallurgy of Sayan-Altai and East Asia. Abakan-Ekhime: Un-t Ekhime. Vol. 1. P. 107–116. (In Russ.)

Kozhevnikov N.O., Kozhevnikov O.K., Kharinskii A.V. (1998) How the search for a solution to a geophysical problem led to the discovery of an archaeological site. *Geofizika = Geophysics*. No. 6. P. 48–60. (In Russ.)

Kozhevnikov N.O., Kozhevnikov O.K., Nikiforov S.P., Snopkov S.V., Kharinskii A.V. (2000) [Ancient center of iron metallurgy in the Barun-Khal valley. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti. Sb. nauchn. Trudov = Baikal Siberia in antiquity: collection of scientific articles*. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University. Iss. 2. Pt. 2. P. 166–195. (In Russ.)

Kozhevnikov N.O., Kharinskii A.V. (2003) Site of the ancient metallurgy Barun-Khal III. *Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 12–15 noyabrya 2003 g. = Sociogenesis of North Asia: past, present, future: Proceedings of the regional scientific-practical conference. November, 12–15, 2003.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 81–86. (In Russ.)

Mandryka P.V., Titova Yu.A., Knyazeva E.V., Senotrusova P.O. (2012) Settlement Prospikhinskaya Shivera-I on the Angara River. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri = Antiquities of the Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Iss. V. P. 31–42. (In Russ.)

Senotrusova P.O., Samorodskii P.N., Mandryka P.V. (2016) Materials on ferrous metallurgy at the Prospikhinskaya Shivera IV complex in the Lower Angara region. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History, philology*. Vol. 15. No. 5. Arkheologiya i etnografiya. P. 136–147. (In Russ.)

Sunchugashev Ya.I. (1979) Drevnyaya metallurgiya Khakasii: Epokha zheleza Ancient metallurgy of Khakassia: The Iron Age. Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie. 192 p. (In Russ.)

Тимощенко А.А. Металлургическая площадка железного века на местонахождении Каменный (60 км) I в Северном Приангарье (результаты спасательных работ 2012 г.). Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Т. 1. / под ред. Я. Мураками и Ю. Есина. Абакан-Эхимэ: Изд-во университета Эхимэ, 2015. С. 133–136.

Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2004. Вып. 2. С. 167–187.

Харинский А.В., Снопков С.В., Казанский А.Ю., Матасова Г.Г., Кожевников Н.О., Амано Т. Металлургический центр Курма 28 (Приольхонье) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст./ отв. ред. А.А.Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. С. 117–120.

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2), 2017, 1809–1833.

Kozhevnikov N.O, Kozhevnikov O.K., Kharinsky A.B. An accidental geophysical discovery of an Iron Age arhaeological site on the western shore of Lake Baikal // Journal of Applied Geophysics. – 2001. – № 47. – P. 107–122.

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). Archaeological Prospection. Volume 26, Number 2, 1 April 2019, pp. 103–119(17).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.

Sasada T., Amartuvshin C. Iron Smelting in the Nomadic Empire of Xiongnu in Ancient Mongolia. ISIJ International, Vol. 54 (2014), No. 5, pp. 1017–1023.

Амартүвшин Ч., Ишцэрэн Л., Галдан Г., Адьяа М., Сасада Т., Үсүки И., Мүраками Я., Шоожи Т., Кияма К., Сагава М., Янагимото Т., Үчида Т., Накамүра Д., Хонзава О., Күрибаяши С., Гүүдман Д., Хигаши Н. «Эртний Монголчуудын үйлдвэрлэлийн түүх» төслийн 2019 оны малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс. Монголын археологи – 2019. Улаанбаатар хот, 2019. С. 333–336.

Ишцэрэн Л., Сасада Т. Хүннүгийн төмрийн хүдэр хайлуулах зуунхны судалгааны зарим асуудал. Studia archaeologica. T.XXXIV, F. 20, 2014. С. 254–258.

Timoshchenko A.A. (2015) Iron Age metallurgical site at the Kamenny site (60 km) I in the Northern Angara region (results of rescue operations in 2012). *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoi Azii = Ancient metallurgy of Sayan-Altai and East Asia.* Abakan-Ekhime: Un-t Ekhime. Vol. 1. P. 133–136. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Snopkov S.V. (2004) Iron smelting by the population of the Olkhon region in the Elga time. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 167–187. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Snopkov S.V., Kazanskii A.Yu., Matasova G.G., Kozhevnikov N.O., Amano T. (2013) Metallurgical center Kurma 28 (Olkhon district). *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii: sb. nauch. st. =* Modern solutions to pressing problems of Eurasian archeology: Collection of scientific articles. Barnaul: Altai State University. P. 117–120. (In Russ.)

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2), 2017, 1809–1833.

Kozhevnikov N.O, Kozhevnikov O.K., Kharinsky A.B. An accidental geophysical discovery of an Iron Age arhaeological site on the western shore of Lake Baikal // Journal of Applied Geophysics. – 2001. – № 47. – P. 107–122.

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). *Archaeological Prospection*. Volume 26, Number 2, 1 April 2019, pp. 103–119(17).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.

Sasada T., Amartuvshin C. Iron Smelting in the Nomadic Empire of Xiongnu in Ancient Mongolia. ISIJ International, Vol. 54 (2014), No. 5, pp. 1017–1023.

Amartүvshin Ch., Ishtseren L., Galdan G., Ad'yaa M., Sasada T., Үsүki I., Mүrakami Ya., Shoozhi T., Kiyama K., Sagava M., Yanagimoto T., Үchida T., Nakamүra D., Khonzava O., Kүribayashi S., Gүүdman D., Khigashi N. «Ertnii Mongolchuudyn үildverleliin tүүkh» tөsliin 2019 ony maltlaga sudalgaany ur'dchilsan үr dүngees. Mongolyn arkheologi – 2019. Ulaanbaatar khot, 2019. S. 333–336.

Ishtseren L., Sasada T. Khүnnүgiin tөmriin khүder khailuulakh zuunkhny sudalgaany zarim asuudal. Studia archaeologica. T.XXXIV, F. 20, 2014. С. 254–258.

Ишцэрэн Л., Кияма К., Сасада Т., Гэрэлбадрах Ж., Сагава М., Шоожи Т. Улз голын хөндийд хийсэн археологийн малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс. Монголын археологи – 2019. Улаанбаатар хот, 2019. С. 333–336.

Ishtseren L., Kiyama K., Sasada T., Gerelbadrakh Zh., Sagava M., Shoozhi T. Ulz golyn khөndiid khiisen arkheologiin maltlaga sudalgaany ur'dchilsan үr dүngees. Mongolyn arkheologi – 2019. Ulaanbaatar khot, 2019. S. 333–336.

Критерии авторства

А.В. Харинский и С.В. Снопков провели полевые и аналитические исследования, написали текст статьи.

Attribution criteria

A.V. Kharinsky and S.V. Snopkov conducted field and analytical research and wrote the text of the article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: kharinsky@mail.ru

Снопков Сергей Викторович,
кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры нефти и газа, геологический факультет,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: snopkov_serg@mail.ru

Information about the authors

Artur V. Kharinsky,
Dr. Sci. (History), professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontova street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kharinsky@mail.ru

Sergey V. Snopkov,
Cand. Sci. (Geological and Mineralogical), associate professor of the Department of Oil and Fas, Faculty of Geology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: snopkov_serg@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 550.8:903
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-94-111

Геофизические исследования при изучении мест захоронений жертв политических репрессий

© А.Г. Дмитриев, А.В. Богданов, А.А. Дмитриев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы использования комплексных геофизических исследований при изучении захоронений на мемориале жертв политических репрессий в районе пос. Пивовариха под Иркутском. В 1989 г. после возбуждения прокуратурой СССР уголовного дела были произведены археологические изыскания методом шурфования по выявлению рвов-накопителей и останков жертв политических репрессий. Всего было обнаружено 4 рва различных размеров, в которых, по оценкам экспертов, могло быть захоронено значительно меньше тел, чем свидетельствуют архивные данные НКВД. В связи с этим для дальнейших изысканий были намечены 3 участка общей площадью свыше 40 кв. км. Учитывая большую площадь, отведенную под первоочередные исследования, в пределах основного мемориала были проведены экспрессные профильные высокоточные магнитометрические и георадиолокационные наблюдения, биолитогеохимическое опробование, а также электрические зондирования методами частотного электромагнитного и вертикального электрического зондирования. Определены эффективность, разрешающая способность и достоверность каждого метода. Сформулированы требования, рациональный комплекс, методика и последовательность проведения исследований, нацеленных на выявление рвов-накопителей. В качестве основных методов широкого спектра действия, которые рекомендуется проводить по всей площади мемориала, предлагаются мобильные, высокопроизводительные ЧЭМЗ и магнитная съемка в градиентометрической модификации. Оба метода выполняются в движении и обеспечивают экспрессное выявление участков переуглублений, а также наличие неглубоко залегающих ферромагнитных материалов. Участки совпадений линейных зон повышенной проводимости в верхней части разреза с локальными магнитными аномалиями определяются под детальные исследования. На выделенных аномалиях по сгущенной сети целесообразно проведение детализационных герадиолокационных и литогеохимических исследований, уточняющих реальные границы и глубину рвов-накопителей. Подобная методика обеспечивает значительное снижение объемов горных работ за счет целенаправленного заложения точечных археологических раскопов.

Ключевые слова: история, мемориал, захоронения, жертвы политических репрессий, рвы, геофизика, магнитометрия, электрические зондирования, георадиолокация, литогеохимия, биолитогеохимия

Благодарности: авторы выражают благодарность за участие и помощь в проведении работ А.Ю. Ескину (Институт Земной Коры СО РАН), Е.М. Инешину (Иркутский государственный университет) и И.Г. Татькову (Геологический Институт СО РАН).

Информация о статье: поступила в редакцию 23 апреля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 12 мая 2020 г.; принята к публикации 1 июня 2020 г.

Для цитирования: Дмитриев А.Г., Богданов А.В., Дмитриев А.А. Геофизические исследования при изучении мест захоронений жертв политических репрессий // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 94–111. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-94-111

Geophysical research in the study of burial places of victims of political repression

© Aleksandr G. Dmitriev, Andrei V. Bogdanov, Aleksei A. Dmitriev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article deals with the use of complex geophysical research in the study of graves at the Memorial of Victims of Political Repression near Irkutsk. In 1989, after a criminal investigation initiated by the USSR Prosecutor's Office, archaeological investigations were carried out using the method of drilling to identify storage ditches and the remains of victims of political repression. In total, 4 ditches of various sizes were found, in which experts estimated that significantly fewer bodies could have been buried than the NKVD archive data indicate. In this regard, 3 plots with a total area of more than 40 square km were planned for further research. Taking into account the large area allocated for primary research, express profile high-precision magnetometric and GPR observations, biolithochemical testing, as well as electric sounding by frequency electromagnetic and vertical electric sounding methods were carried out within the main Memorial. The efficiency, resolution, and reliability of each method are determined. The requirements, rational complex, methodology and sequence of research aimed at identifying burial ditches are formulated. As the main methods of a wide spectrum of actions that are recommended for the entire area of the Memorial, mobile, high-performance FEMZ and magnetic surveys in gradiometric modification are offered. Both methods are performed in motion and provide rapid detection of areas of deepening, as well as the presence of shallow-lying ferromagnetic materials. Areas of coincidence of linear zones of high conductivity in the upper part of the section with local magnetic anomalies are determined for detailed research. On the identified anomalies in the thickened network, it is advisable to conduct detailed GRB and lithogeochemical studies that clarify the real boundaries and depth of the burial ditches. This method provides a significant reduction in the volume of mining operations due to the purposeful laying of point archaeological excavations.

Keywords: history, Memorial, burial sites, victims of political repression, moats, Geophysics, magnetometry, electric sounding, GRB, lithogeochemistry, biolithogeochemistry

Acknowledgements: The author is gratitude for participation and assistance in the work of A.U. Eskin (Institute of the Earth's Crust, Sibirian Branch of the Russian Academy of Sciences), E.M. Ineshin (Irkutsk State University) and I.G. Tat'kov (Geological Institute, Sibirian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Article info: received April 23, 2020; revised May 12, 2020; accepted June 1, 2020.

For citation: Dmitriev A.G., Bogdanov A.V., Dmitriev A.A. (2020) Geophysical research in the study of burial places of victims of political repression. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 94–111. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-94-111

В 30-х годах прошлого века в пригородах г. Иркутска существовало 2 полигона НКВД – возле д. Разводная и в районе пос. Пивовариха, где производились захоронения жертв политических репрессий. Первый полигон в 1959 г. был затоплен водами Иркутского водохранилища. На втором в 1989 г., после возбуждения прокуратурой СССР уголовного дела, следственной группой областной прокуратуры под руководством следователя по особо важным делам В.А. Ермака и прокурора – криминалиста Н.В. Ерастова были произведены археологические изыскания методом шурфования по выявлению рвов-накопителей и частичному перезахоронению останков жертв политических репрессий. Всего было обнаружено 4 рва различных размеров, в которых по оценкам экспертов могло быть захоронено значительно меньше тел, чем свидетельствуют архивные данные НКВД. В результате работ к дальнейшим изысканиям были намечены 3 участка первой очереди общей площадью свыше 40 кв. км (рис. 1). В 1990 г. следствие было приостановлено, а работы – прекращены. В 2010 г. при правительстве Иркутской области создается комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий и встает вопрос о продолжении работ по изучению мемориала.

За 75 лет существования полигона – ныне мемориала, ландшафтные условия неоднократно менялись. В 40-х годах на месте захоронений был лес, в 60-х годах картофельное поле, в 70-х – пионерский лагерь. В 90-х годах прошлого века мемориал начинает принимать свой современный вид (рис. 2). В 2019 году принимается проект плана мероприятий по реализации на территории Иркутской области концепции государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий и формированию проекта реконструкции мемориала. В связи с этим на участке «Мемориал», по заказу службы по охране культурного

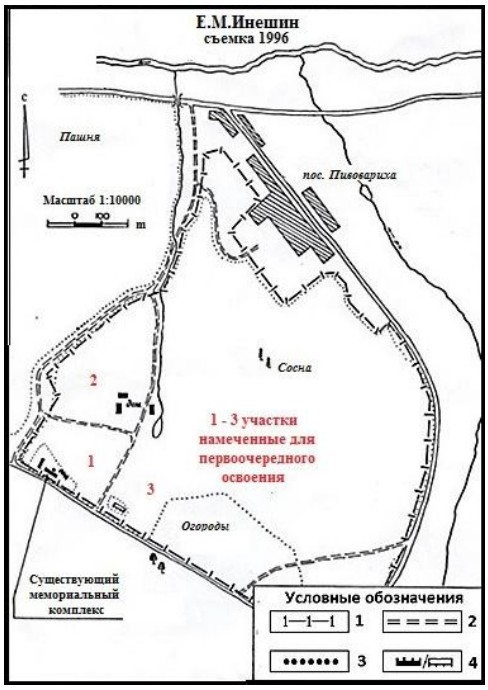

Рис. 1. Схема мемориала по работам 1989–1996 годов: *1 – контуры мемориала; 2 – дороги; 3 – границы леса; 4 – рвы-накопители: выявленные/предполагаемые*

Fig. 1. Diagram of the Memorial for the works of 1989–1996: *1 – memorial contours; 2 – roads; 3 – forest borders; 4 – storage ditches: identified/suspected*

наследия Иркутской области, в пределах выявленных рвов, с целью определения эффективности и выработки рационального комплекса исследований при решении подобных задач были проведены опытно-методические геофизические работы.

Археологическая геофизика (Мартынов, Шер, 1989; Станюкович, 1996) изучает скрытые объекты историко-культурного наследия: археологические артефакты и комплексы, содержащиеся в культурных напластованиях; археологические памятники, утратившие внешние отличительные признаки (могильники, фундаменты несохранившихся сооружений и т. п.). Геофизические методы исследований, в отличие от археологических, являются неразрушающими (Дмитриев, 2015). Актуальность их проведения особенно возрастает при экстренных исследованиях территорий перед застройкой, там, где раскопки не запланированы или по каким-либо причинам затруднены или невозможны. При невозможности проведения раскопок на всей территории в зоне строительства, такая геофизическая информация может оказаться единственным источником знаний. Для изучения археологических объектов могут применяться многие дистанцион-

Рис. 2. Вид на первый и второй рвы-накопители мемориала
Fig. 2. View of the first and second storage ditches of the Memorial

ные методы исследований: аэрофотосъемка, лидарометрия; литогеохимическая и инфракрасная съемка; сейсморазведка и ядерно-геофизические методы; гравимагнитные и электрометрические исследования (Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2019; Мартынов, Шер, 1989; Станюкович, 1997). Наиболее информативными при выявлении и изучении мест захоронений являются сейсмоакустические (Глазунов, Гоц, Кроль, Самбуев, 1981), частотные электромагнитные зондирования – ЧЭМЗ (Базаров Б.А., Татьков И.Г., Базаров А.Д., 2015), гравитационные съемки (Дмитриев, 2019), а также георадиолокационные зондирования, положительный опыт применения которых достаточно ярко продемонстрирован при изучении захоронений жертв политических репрессий в районе пос. Бутово (Старовойтов, 2008).

Для проведения работ на территории основного мемориала на участке размером около 2500 м^2 была разбита через 5 м топосеть из 9 профилей длиной 48–50 м увязанных двумя магистралями (рис. 3). Начальные и конечные пикеты магистралей были закреплены с помощью GPS. Магнитометрические измерения вдоль профилей осуществлялись по мерной ленте с шагом 1 м, а георадиолокационные измерения и ЧЭМЗ осуществлялись непрерывно в движении с привязкой на точках пересечения с магистралями.

Магнитометрические работы проводились в 2 этапа. Первоначально цифровым магнитометром «GSM-19» были изучены вариации магнитного поля. Как показали измерения (рис. 4), за счет помех преимущественно промышленного происхождения, колеблемость магнитного поля превышала 200 нТл. При этом имели место как высоко градиентные, так и плавно изменяющиеся вариации. Причиной такой изменчивости поля является работа радиолокатора ближнего привода аэропорта Иркутск, прохождение на малой высоте над мемориалом самолетов при взлете и посадке, а также линии ЛЭП.

В связи с высоким уровнем помех были сформированы две петромагнитные модели объекта исследований. Первая – котлован рва в виде полуцилиндра радиусом 3 м. Полуцилиндр переотложенных рыхлых отложений и вмещающий неизмененные грунты характеризуется практически одинаковой, от $5{\cdot}10^{-6}$ до $40{\cdot}10^{-6}$ ед. СГС магнитной восприимчивостью (Физические свойства горных пород…, 1976), но различной намагниченностью, поскольку намагниченность небольших доменов в результате перемещений грунта имеет различную направленность и в сумме стремится к нулю. Теоретические расчеты показывают, что подобная дифференциация обеспечивает уменьшение полного вектора магнитного поля $\boldsymbol{T_a}$ на 0.03–0.05нТл (Зинченко, 2005). Однако в условиях интенсивных промышленных помех и существующей аппаратурной погрешности подобные аномалии не позволяют в явном виде выделять рвы по данным магнитометрии.

Вторая модель аппроксимирует скопления ферромагнитных материалов, находящихся на небольшой глубине, обусловленных наличием определенного количества металлических предметов: посуда, гвозди, пряжки от ремней, пуговицы, металлические зубные протезы, значки и т. п. Теоретические расчеты показывают, что аномалии полного вектора магнитного поля $\boldsymbol{T_a}$ от шара диаметром до 5 см, залегающего на глубине 1 м, составляет 0,09 нТл.

В связи с этим для достижения требуемой точности, измерения пришлось проводить с учетом введения поправок за вариации путем их регистрации вторым магнитометром «Минимаг». Однако отсутствие взаимной синхронизации приборов через GPS позволило добиться погрешности измерения полного вектора магнитного поля $\boldsymbol{T_a}$ только в 1,2 нТл, чего явно недостаточно для решения поставленных задач. Несмотря на это, в пределах полигона выявлен ряд цепочечных мозаичных аномалий, имеющих пространственное совпадение с контурами рвов-накопителей (рис. 5). Вероятней всего, это мультипликативные аномалии, обусловленные наличием групп металлических предметов или предметов, находящихся на глубине менее метра, т. е. непосредственно в подпочвенном слое.

По данным бурения, проведенного ВостСибТИСИЗом на территории аэропорта, в верхней части разреза наблюдается однородная толща элю-

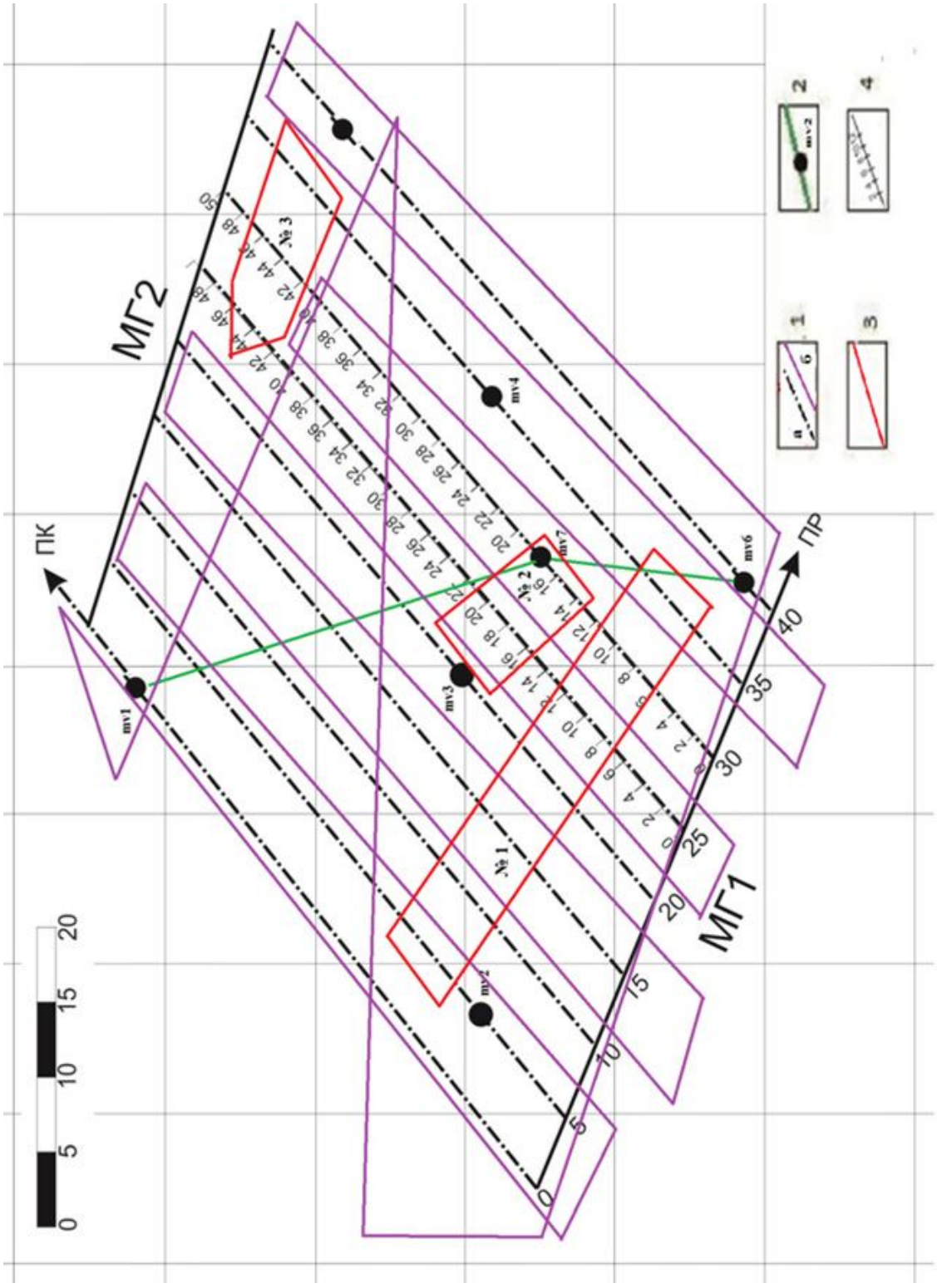

Рис. 3. Схема расположения рвов-накопителей и геофизических профилей: *1 – профиля: а – магниторазведочные, б – ЧЭМЗ; 2 – точки, их номера и профиль ВЭЗ; 3 – контуры рвов-накопителей и их номера; 4 – профиля и пикеты отбора литогеохимических проб*

Fig. 3. Layout of storage ditches and geophysical profiles: *1 – profiles: a – magnetic exploration, b – FEMZ; 2 – points, their numbers and the profile of the VEZ; 3 – contours of storage ditches and their numbers; 4 – profiles and pickets of lithogeochemical sampling*

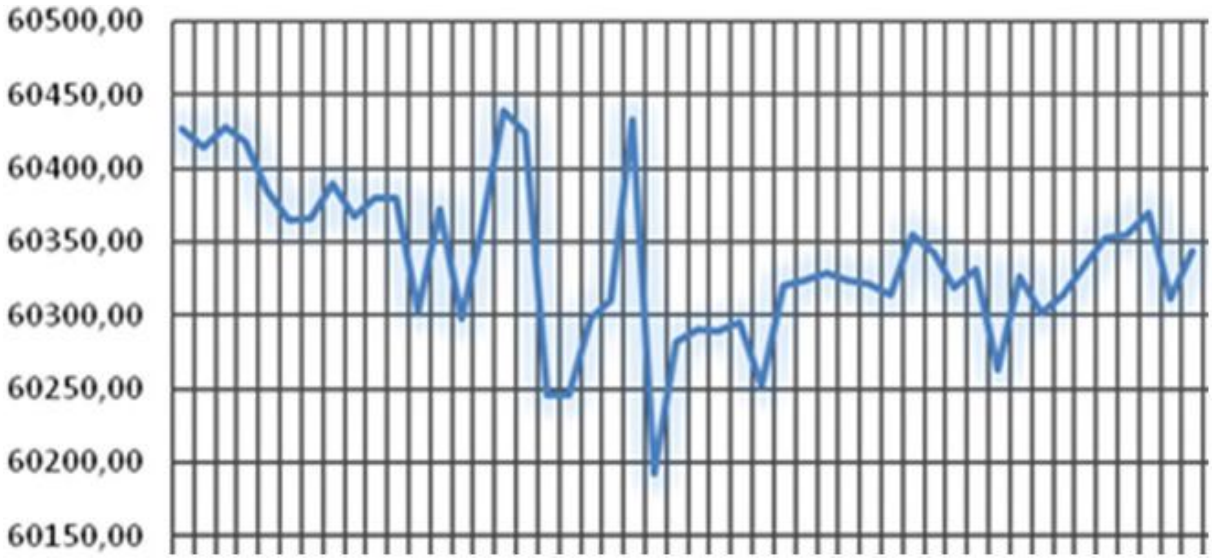

Рис. 4. Вариации магнитного поля T_a в районе мемориала
Fig. 4. Variations of magnetic field T_a in the area of the Memorial

виальных легких песчанистых просадочных суглинков – лёссов при глубине залегания уровня грунтовых вод 10–12 метров. По измерениям на образцах суглинки при естественной влажности характеризуются высокой пластичностью и пониженными до 17–19 Ом·м, значениями удельного электрического сопротивления и, как следствие, высокой диэлектрической проницаемостью.

Вертикальные электрические зондирования были проведены с использованием регистратора «Электротест» в семи точках в пределах основного полигона микроустановкой Винера с максимальными полуразносами AB/2 – 40 м. Обработка осуществлялась в программной среде IPI-2VIN (рис. 6). Разрез низкоомный, все кривые имеют ярко выраженный трехслойный характер и свидетельствуют о субгоризонтальном залегании пород. Опорный горизонт сопротивлением 850–1000 Ом·м залегает на глубине 15–20 м и, вероятно, обусловлен коренными песчаниками черемховской свиты. Выше залегают песчано-глинистые рыхлые отложения повышенной проводимости. Перекрывает их почвенно-растительный слой мощностью до 0,3 м, сопротивление которого определяется погодными условиями. Однако чувствительности и разрешающей способности методу ВЭЗ в данной модификации явно не хватает для решения поставленных задач. В связи с этим данные ВЭЗ в основном использовались при интерпретации данных ЧЭМЗ и георадиолокации для введения масштабирующих поправок.

Аппаратурно-программный комплекс «Немфис», работающий по методу индукционного частотного электромагнитного зондирования (ЧЭМЗ), обеспечивает высокую производительность благодаря возможности изучения геоэлектрических особенностей разреза в движении (Базаров Б.А., Татьков И.Г., Базаров А.Д., 2015). Метод наиболее эффективен при изучении верхней части геологического разреза в условиях повышенной глинистости. При инженерно-геологических изысканиях основными объектами ЧЭМЗ являются приповерхностные проводящие геологические неоднородности, связанные с определением морфологии погребенного рельефа, литологическое расчленение разреза и разбраковка приповерхностных аномальных объектов.

При проведении работ ЧЭМЗ для изучения целевых глубин от 1 до 8 метров, использовался набор испускаемых источником электромагнитных импульсов на 14 частотах от 2,5 до 250 кГц, регистрируемых на 2-х приемниках с одновременной фазовой селекцией сигнала. В пределах мемориала были выполнены площадные (см. рис. 3) зондирования в режиме непрерывной записи с регистрацией GPS метки координат. Обработка данных

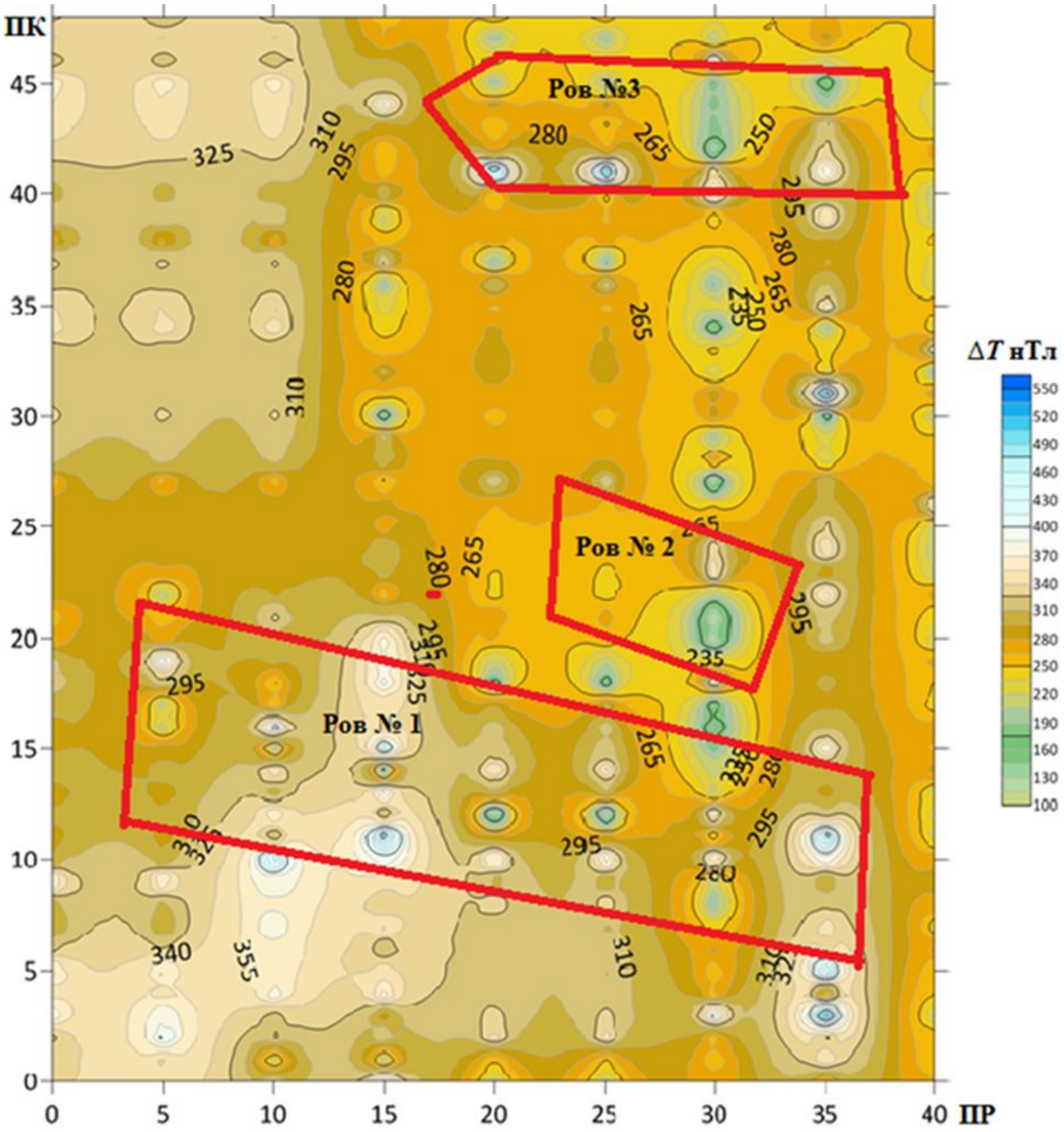

Рис. 5. План изодинам приращений полного вектора магнитного поля ΔT
Fig. 5. Plan of isodynamic increments of the full magnetic field vector ΔT

проводилась в программе Nemfis-1D. Программа предназначена для одномерной интерпретации данных, полученных с аппаратурой Немфис. Благодаря простоте и гибкости интерфейса, высокой скорости работы, программа позволяет быстро и эффективно визуализировать с учетом геометрии измерений результаты как профильных, так и площадных измерений. Особенностью метода является необходимость для снижения вариативности результатов исследований привязки результатов ЧЭМЗ по глубине. Для этого необходимо использовать данные ВЭЗ и георадиолокации. По результатам работ были построены разрезы и объемные модели эффективного сопротивления (рис. 7). При-

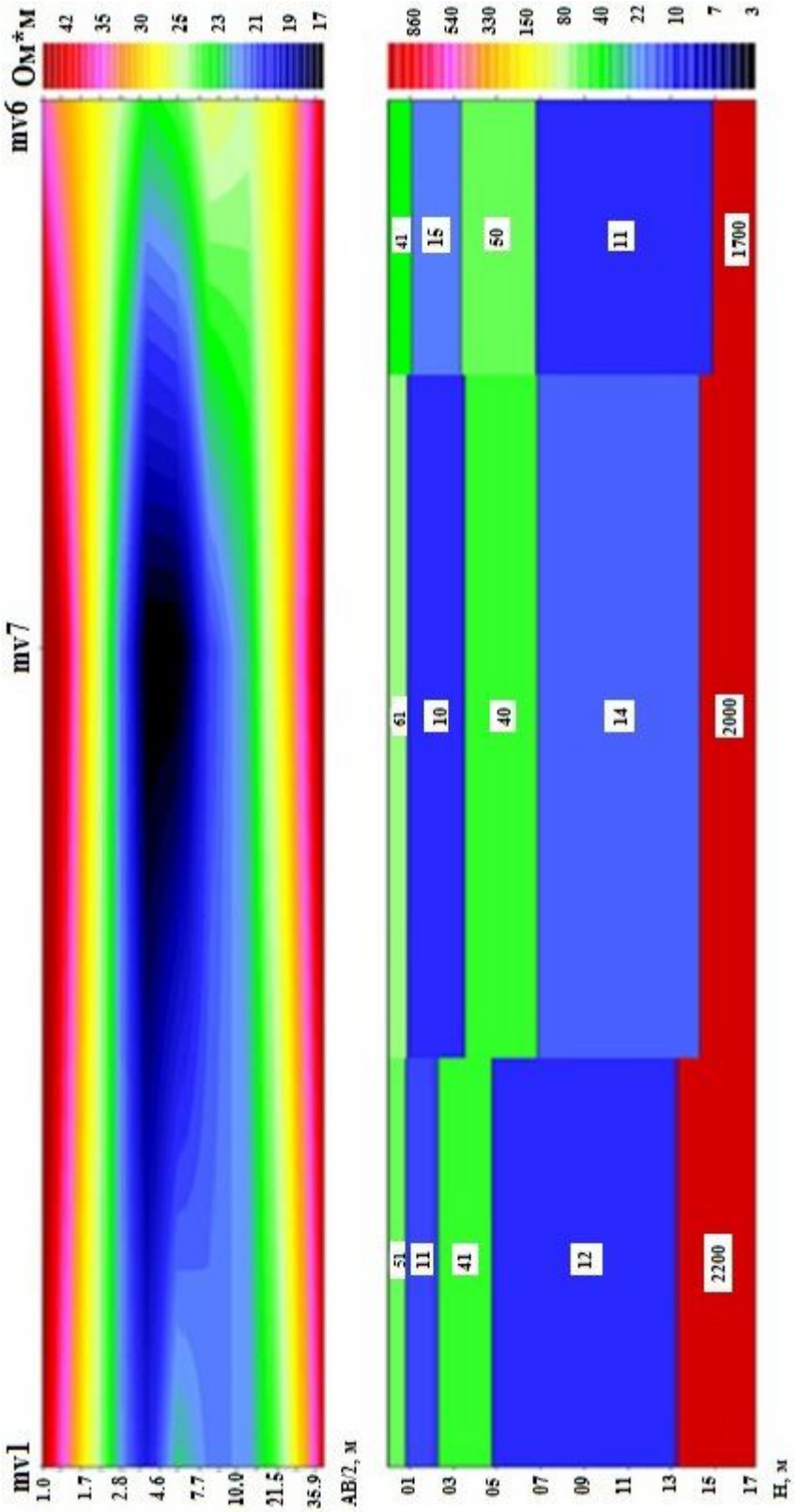

Рис. 6. Разрез изоом $\rho_к$ и геоэлектрический разрез по методу ВЭЗ
Fig. 6. Cut izoom $\rho_к$ and geoelectric section along VES method

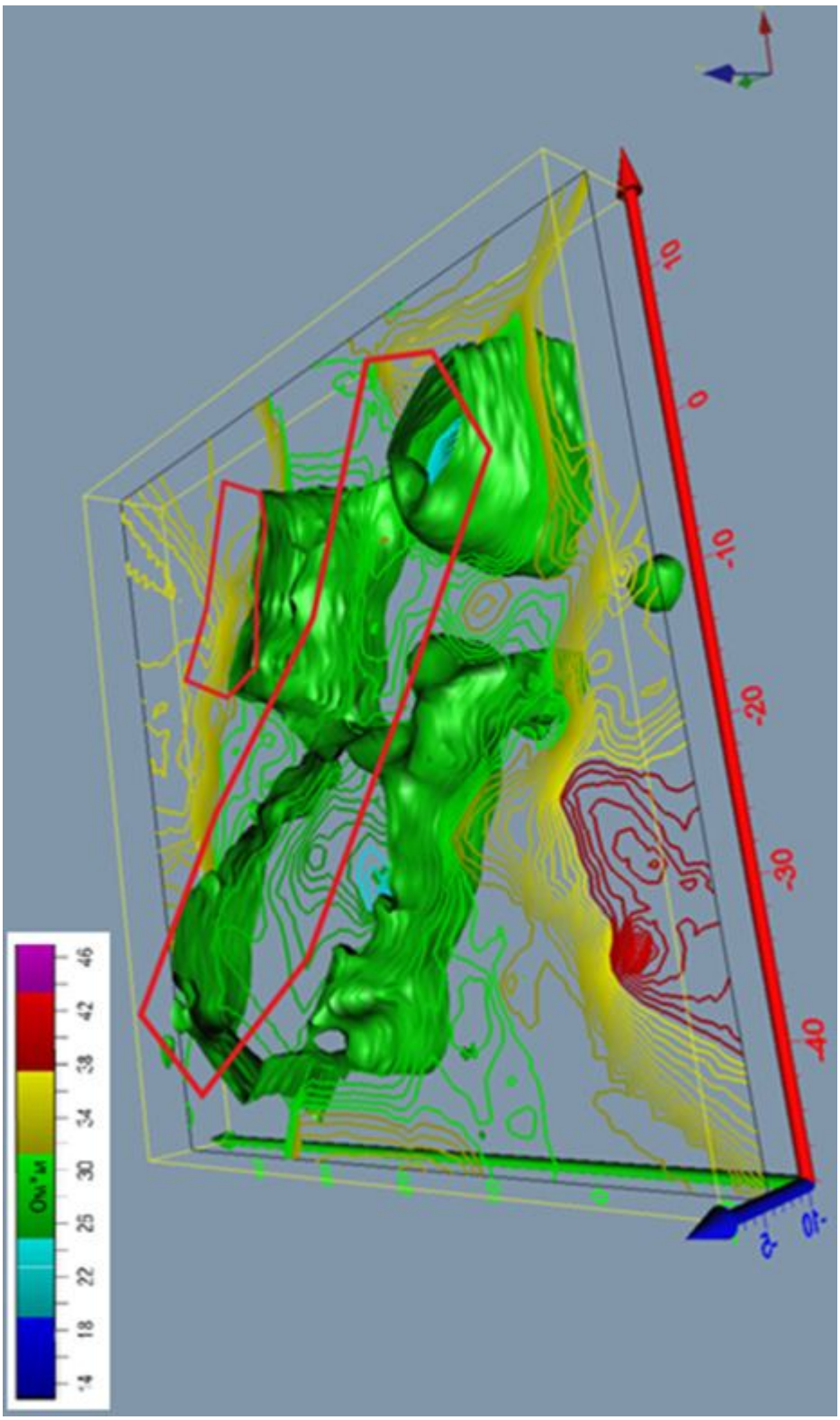

Рис. 7. Объемная модель эффективных сопротивлений $\rho_{эф}$ ЧЭМЗ центральной части мемориала
Fig. 7. Three-dimensional model of the effective resistance $\rho_{эф}$ of FEMZ central part of the Memorial

менение ЧЭМЗ позволило выявить различия по проводимости между ненарушенными и переотложенными грунтами. Аномалий, непосредственно связанных с захоронениями, не обнаружено. Основным критерием поисков является относительное уменьшение значений кажущегося сопротивления в пределах рвов-накопителей, связанное с изменением консистенции грунтов при их перемещении. Поскольку рвы проходились взрывным способом, потом заполнялись телами и засыпались грунтом, естественно, что их очертания по данным георадиолокации и ЧЭМЗ не совпадают с ныне существующими (см. рис. 2; рис. 7) прямолинейными контурами ограждений рвов. Следует отметить, что интерфейс трехмерного изображения материалов ЧЭМЗ в программе Nemfis-1D не очень корректен и может использоваться только в качестве иллюстративной графики, но ни в коем случае, как отчетные цифровые материалы. В связи с этим для трансформации данных ЧЭМЗ в количественные характеристики частотные зондирования необходимо комплексировать с георадиолокацией.

Георадиолокационные измерения были проведены по 9 продольным и 1 связующему профилям в пределах основной площади мемориала (см. рис. 3) и ряду профилей через ров № 4 георадиолокатором ОКО-2 с антенной 250 МГц при синхронизации зондирующих импульсов с помощью мерного колеса диаметром 213 мм. Обработка радарограмм осуществлялась в формате обрабатывающей системы «GeoScan-32». Обработка включала традиционные процедуры: редактирование, программную и мгновенную регулировку амплитуд, полосовую фильтрацию и деконволюцию (Старовойтов, 2008). Это позволило обеспечить глубинность исследований 3–5 м. Практически на всех радарограммах с различной степенью контрастности выделяются переуглубления, обусловленные рвами. Переуглубления имеют различную выраженность и конфигурацию, что обусловлено разной степенью сохранности и изменениями формы рвов со временем. Следует отметить практически идеальные поверхностные условия для проведения георадиолокационных работ (см. рис. 2): ровный рельеф, отсутствие подземных (корни, валуны, коммуникации и т. п.) и надземных (деревья, строения) помех. Единственной сложностью являлись высокие значения диэлектрической проницаемости и проводимости пород верхней части разреза, что вело к аномальной интенсивности затухания сигналов и снижению эффективности ГРЛЗ. Кроме того, однородность поверхностных отложений и отсутствие маркирующих отражающих горизонтов затрудняет выявление зон нарушения корреляции, которые являются основным диагностическим признаком изменений в рыхлых отложениях. Несмотря на это, особенно четко переуглубление фиксируется на поперечном профиле в пределах рва № 4. Это обусловлено большой (6 метров) шириной и глубиной рва, а также наличием на поверхности высокоомной насыпной щебенки. По результатам ЧЭМЗ, в разрезе изоом $\boldsymbol{\rho_{эф}}$ так же выделена зона повышенной, относительно вмещающей толщи проводимости, которая однозначно корреспондируется с поверхностными контурами рва и данными георадиолокации (рис. 8).

Однако, несмотря на всю представительность комплексных геофизических исследований, они всё-таки являются косвенными. В связи с этим были проведены опытные литогехимические исследования. Данный метод предназначен для выявления ореолов рассеяния химических элементов, типоморфных минеральных новообразований, а также зон развития аномальных значений физико-химических параметров среды и физических свойств пород, обусловленных естественной миграцией химических элементов и их соединений (Перельман, 1965). Метод реализуется путем отбора и исследования проб пород, грунтов, почв и растительности с применением методов физико-химических, ядерно-физических, спектрофотометрических и других видов анализа вещественного состава и физических свойств горных пород. Литогеохимические исследования применяются на региональном, поисковом и разведочном этапах геологоразведочных работ на различные виды полезных ископаемых и осуществляются в виде мелко-, средне- и крупномасштабных съемок, нацеленных на выявление и подготовку объектов к поисковому бурению (Левинсон, 1976).

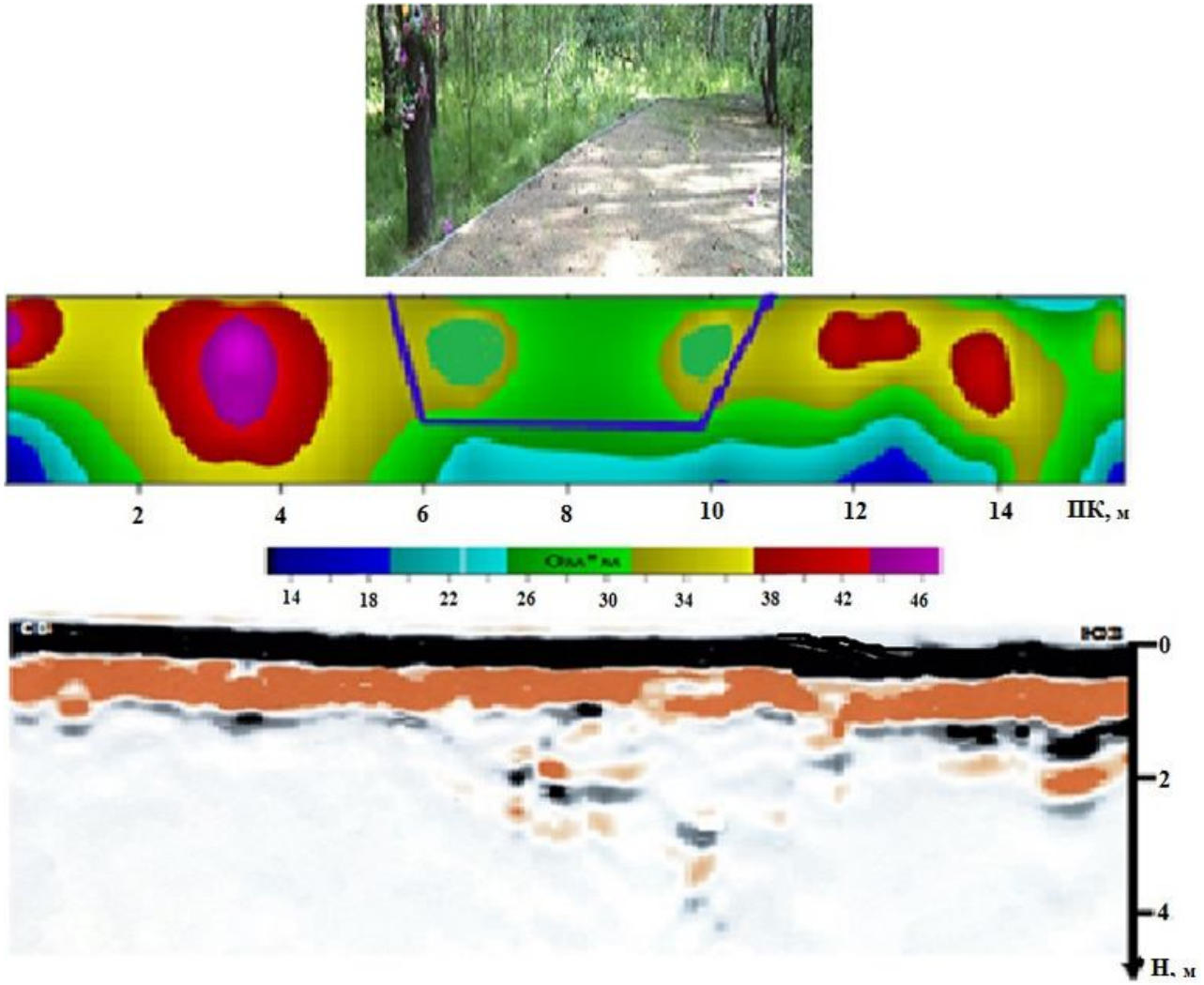

Рис. 8. Разрез изоом $\rho_{эф}$ по ЧЭМЗ (а) и георадиолокационный (б) разрез по профилю через ров № 4
Fig. 8. Cut izoom $\rho_{эф}$ by FEMZ (a) and GPR (b) split the profile across the ditch No 4

В последние годы рядом исследователей интенсифицировались применения литогеохими при изучении захоронений. В качестве основного индикатора наличия захоронений практически всеми исследователями используется фосфор. В России метод фосфатного анализа начал применяться при почвенных исследованиях еще в 30-х годах прошлого века (Штобе, 1959). Конкретные результаты эффективности фосфатного анализа были получены при изучении древних поселений на территории Псковской области (Микляев, Герасимова, 1968), а так же могильника второй Камчатской экспедиции Беринга (Станюкович, 1994)[1]. При этом все исследователи связывали повышение содержания фосфора с окультуриванием почв.

Несколько иную точку зрения имеют зарубежные учение, которые считают причиной повышения содержания фосфора костные остатки. В лаборатории Британского Национального музея содержание фосфора определялось в почвах ряда шотландских могильных археологических памятников, где не было видимых телесных останков или человеческой деятельности. По существу, метод заключается в определении содержание фосфора в почвах археологически значимых объектов и сравне-

[1] Станюкович А.К. Открытие могильника второй Камчатской экспедиции Беринга методом фосфатного анализа грунта // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. Сб. тез. докл. СПб., 1994. Ч. II. С. 174–175.

ние их с фоновыми контрольными образцами (McCawley, Kerrell, 1971).

Фосфор в составе живых организмов относится к разряду макроэлементов со средним содержанием 0,7, при кларковом содержании в земной коре 0,12 вес. % (12мг/кг). При этом фосфор характеризуется чрезвычайно высоким энергетическим коэффициентом биологического накопления, что обеспечивает формирование так называемых биогеохимических ореолов рассеяния. На поверхности почвы фосфорсодержащие минералы подвержены атмосферным воздействиям и воздействию микроорганизмов, что приводит к выбросу фосфора, главным образом в виде ортофосфатов (Na_2HPO_4; K_3PO_4; и др.), которые могут вымываться, либо поглощаться растениями. Последний фактор не приводит к безвозвратной потере, так как мертвые растения его отдают и с опадающей листвой и стеблями фосфор возвращается обратно в почву. Содержание P_2O_5 в песчано-глинистых породах довольно постоянно и колеблется в пределах от 0,08 до 0,17 вес. % (Войткевич, Мирошников, Поваренных, 1970). Более высокие концентрации на поверхности обычно связаны с человеческой деятельностью. В основном фосфор поступает в почвы:

- из костных останков захоронений;
- с мочой и фекалиями человека и животных вокруг жилья;
- от пищевого мусора;
- из фосфора на основе химических веществ, используемых в качестве удобрений и современных чистящих средств.

Костная ткань представляет собой поликристаллический материал, состоящий из неорганических и органических компонентов. Неорганическая фракция, составляя примерно три четверти кости и свыше 90 % зубной эмали, состоит в основном из фосфор-содержащего минерального гидроксиаппатита – $K_{10}(PO_4)_6(OH)_2$. Органический материал костей, ткани плоти и т. п., содержит фосфора значительно меньше, поэтому основным источником фосфатов в погребениях являются скелетные кости. По данным W.R.Fernan – из 630 г фосфора, содержащегося в теле 11 человек, 80 % находилось в скелете (Fearon, 1948).

Исследования Британских ученых (Holliday, Gartner, 2007) свидетельствуют, что фосфаты сохраняются в большинстве почв. Прочные нерастворимые соединения, имеющие ограниченную мобильность, быстро связываются со многими почвенными компонентами и формируют устойчивые вторичные ореолы рассеяния. Количество фосфора зависит от типа почвы, ее кислотности, температуры, наличия влаги, концентрации таких элементов как железо, алюминий и кальций, а также от времени, прошедшего с момента захоронения. На рисунке 9 приведены результаты литогеохимического опробования на ряде захоронений Шотландии. В районе первых трех захоронений концентрации фосфора в несколько раз выше фоновых. В четвертом, несмотря на наличие костных остатков, контрольные значения соизмеримы, либо даже превышают фоновые концентрации в контрольных пробах (McCawley, Kerrell, 1971). Это может быть связано либо с обширной доисторической или, что более вероятно, с современными загрязнениями (скот, моющие средства, фосфатные удобрения и т. д.). Это привело к стиранию различий, которые следовало бы ожидать.

Для оценки возможностей литогеохимического метода при выявлении современных захоронений было произведено опробование с последующим определением методом рентгено-флюорисцентного анализа содержания оксида фосфора (P_2O_5) в приповерхностных песчано-глинистых элювиальных отложениях. Подобные исследования широко применяются при изучении древних могильников (Holliday, Gartner, 2007), однако для выявления объектов возраста, подобного захоронениям в пределах мемориала, литогеохимические исследования не использовались.

Работы были проведены по профилям № 25 и 30, которые пересекали рвы № 1, 2 и 3 (см. рис. 3). Пробы навеской 50–70 г отбирались с шагом 2 м пробоотборником из подпочвенного слоя, потом сушились, просеивались на миллиметровом сите, а затем измельчались и прессовались в таблетки диаметром 15 мм и толщиной 10 мм. Всего было отобрано 100 проб. Анализ химического состава определялся на рентгено-флюорисцентном анали-

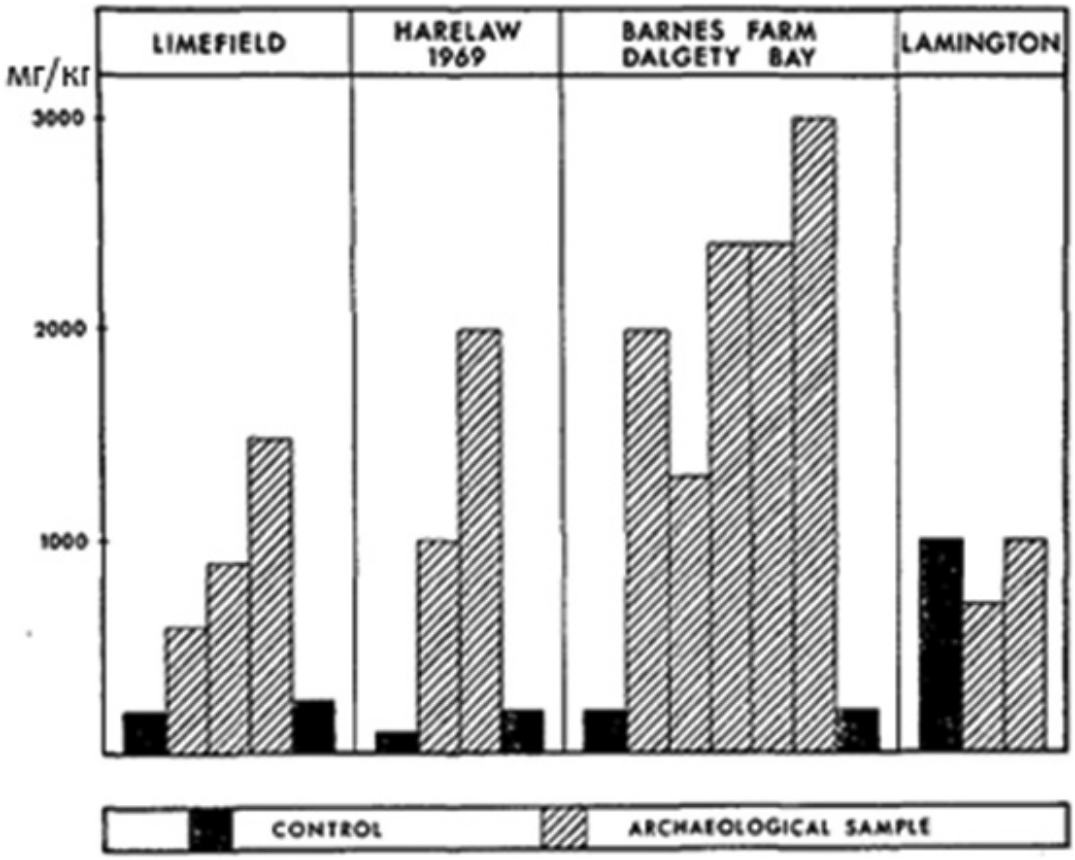

Рис. 9. Гистограммы содержания фосфора в пробах почв в Шотландских захоронениях (McCawley, Kerrell, 1971)
Fig. 9. Histograms of phosphorus in soil samples in Scottish graves (McCawley, Kerrell, 1971)

заторе «Спектроскан МАКС – GV», который обеспечивает погрешность измерений 1,8 %. В пределах 4-го рва, засыпанного слоем современной щебенки толщиной 30–40 см, которая предотвратила образование ореолов рассеяния, пробы отобрать не удалось. Результаты литогеохимических работ по профилю № 30 приведены на рисунке 10.

При фоновых содержаниях 20–30 мг/кг (0,2–0,3 вес. %) в пределах всех трех рвов на обоих профилях наблюдается 5–8 кратное увеличение концентрации P_2O_5 (мг/кг), что подтверждает тесную взаимосвязь фосфора с захоронениями (рис. 10). Однако концентрация P_2O_5 в пределах аномалий в районе мемориала почти на порядок меньше чем в Шотладских захоронениях (см. рис. 9). Вероятней всего это обусловлено значительно меньшим возрастом захоронений и неоднократными изменениями почвенно-растительного слоя территории, что естественно замедляло накопление фосфора и формирование полноценных вторичных ореолов рассеяния.

Дополнительно все пробы были проанализированы на концентрации некоторых тяжелых металлов: Fe_2O_3, Zn, Pb, Cu. Результаты анализов свидетельствуют об отсутствии каких-либо связей между Zn, Pb, Cu и захоронениями. В то же время содержание Fe_2O_3 практически однозначно (коэффициент корреляции 0,89) корреспондируется с концентрацией фосфора (см. рис. 10). Причины такого парагенезиса требуют дальнейших исследований.

Высокая стоимость анализов при большом объеме проб затрудняет широкое внедрение литогеохимического опробования. В связи с этим была сделана попытка определения возможностей биогеохимического метода, поскольку корневая система деревьев обеспечивает сбор фосфатов со значительно большей площади, чем единичная проба. На первом этапе для определения возраста деревьев в пределах мемориала и оценки возможностей биогеохимического метода было проведено дендрохронологическое опробование 10 деревьев, находящихся в непосредственной близости от рвов

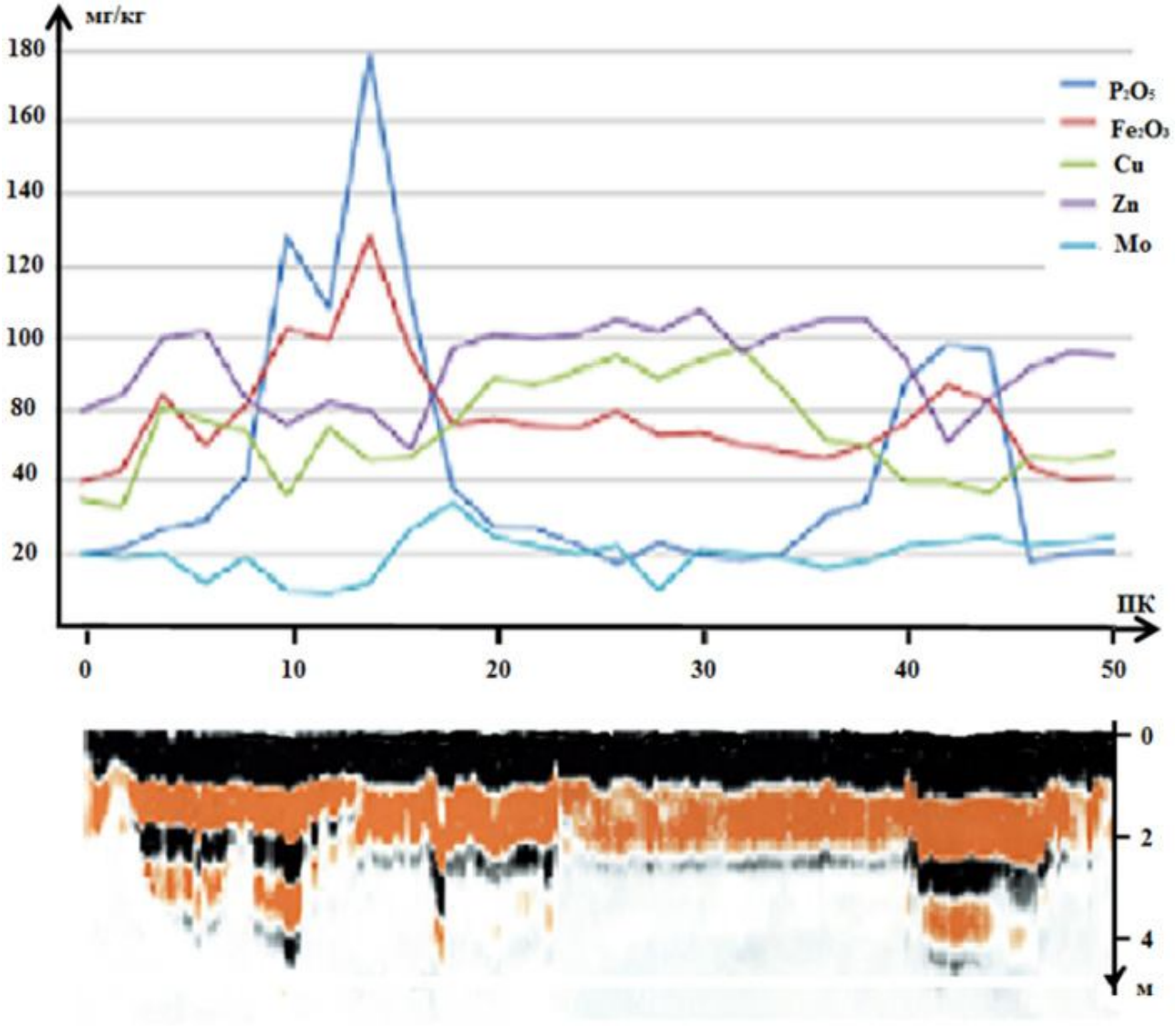

Рис. 10. Результаты литогеохимического опробования и георадиолокации по профилю 30
Fig. 10. The results of lithogeochemical sampling and GPR profile 30

(рис. 11). Измерения концентрации фосфора осуществлялись методом спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой, который основан на переводе элементов из твердых объектов в раствор смесью сильных кислот и окислителей с последующим измерением интенсивности спектральной линии излучения атома определяемого элемента, переведенного в возбужденное состояние (Количественный химический анализ почв, 1998)[2]. Интенсивность излучения зависит от значения массовой концентрации элемента в растворе анализируемой пробы. В высокочастотную индуктивно связанную аргоновую плазму, поддерживаемую в горелке при атмосферном давлении, при помощи перистальтического насоса вводится жидкая проба в аэрозольном состоянии. В плазменном факеле горелки происходит полное испарение микрокапель аэрозоля и термическая диссоциация вещества пробы на молекулы и атомы. Возбуждение и ионизация атомов весьма глубокие и для большинства элементов оказываются близки к 100 %. После 2–3 мс нахождения в плазме атомы или мо-

[2] Количественный химический анализ почв. Методика выполнения измерений содержания металлов в твердых объектах методом спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // ПНД Ф 16.1:2.3:3.11-98. – 126 с.

Рис. 11. Отбор проб в непосредственной близости от рва № 4 и дендрохронологические пробы
Fig. 11. Samples in the vicinity of the ditch No 4 and dendrochronological samples

лекулы при переходе из возбужденного в основное состояние излучают свет на длине волны, характерной для определяемого элемента. Этот эффект и используется в методе атомно-эмиссионной спектрометрии.

Навеска анализируемой растительности пробы (см. рис. 11) в воздушно-сухом, однородном и измельченном состоянии массой 1,0–2,0 г помещалась в стакан, заливалась 20 $см^3$ концентрированной азотной кислоты, перемешивалась и, избегая бурного кипения, постепенно нагревалась до температуры 95 °С. При уменьшении объема пробы до 10 $см^3$ – проба охлаждалась, добавлялось 2 $см^3$ 33 %-ной перекиси водорода, а затем снова нагревалась до состояния «влажных солей». После охлаждения к пробе добавлялось 5 $см^3$ концентрированной азотной кислоты и около 20 $см^3$ бидистиллированной или деионизированной воды. Затем раствор выщелачивался при слабом нагревании до растворения солей. После охлаждения анализируемый раствор доводился бидистиллированной или деионизированной водой до объема 100 $см^3$. Далее расчет массовой концентрации определяемых элементов проводился при помощи программного обеспечения прибора на основании его градуировочной характеристики.

Отбор и анализ дендрохронологических проб показывал, что несмотря на большой диаметр (см. рис. 2; 11), возраст всех деревьев колеблется от 27 до 48 лет. Это свидетельствует о том, что они выросли значительно позднее проведения захоронений. Несмотря на это практически во всех пробах отмечается повышенное, до 340 мг/кг (3,4 вес. %) содержание P_2O_5, при фоновых концентрациях не превышающих 15 мг/кг (0,15 вес. %). Следует отметить выявленную зональность распределения фосфора по диаметру стволов деревьев. Максимальные, до 813 мг/кг (8,13 вес. %), концентрации P_2O_5, отмечаются во внешней, подкоровой части древесины, при постепенном снижении до 20–25 мг/кг к центральной части стволов.

Несмотря на столь сложную, на первый взгляд, методику, производительность данного способа, по сравнению с колориметрическим методом, использовавшимся при изучении древних поселений в Псковской области (Микляев, Герасимова, 1968), почти в 30 раз выше и достигает 200 проб в смену. Это позволяет использовать данный

метод в промышленных масштабах, особенно при изучении геохимических особенностей территорий по потокам рассеяния, особенно в залесённой местности. Однако не следует забывать, что локальность биолитогеохимического метода значительно ниже точечного литогеохимического опробования.

Результаты опытных геофизических работ позволяют сформулировать основные элементы методики, рациональный комплекс (Комплексирование методов …, 1984) и последовательность геофизических исследований при изучении захоронений жертв политических репрессий. В качестве основных методов широкого спектра действия, которые рекомендуется проводить по всей площади мемориала, предлагаются мобильные, высокопроизводительные ЧЭМЗ и магнитная съемка, желательно в градиентометрическом варианте. Градиентометрия характеризуется более высокой производительностью, значительно большей информативностью и высокой помехоустойчивостью. При использовании градиентометрии возможна регистрация сразу 5 параметров магнитного поля. При этом погрешность градиентометрической магнитометрии не превышает 0,03 нТл. Оба метода могут выполняться в движении с расстоянием между профилями не более 5 метров, что обеспечит 100 % выявление переуглублений шириной свыше 5 м, а также наличие неглубоко залегающих ферромагнитных материалов в полосе 2–2,5 м.

Недостатком ЧЭМЗ и градиентометрии является невозможность количественной обработки и интерпретации данных. Поэтому выделенные на этапе качественной интерпретации участки совпадений линейных зон повышенной проводимости в верхней части разреза с локальными магнитными аномалиями определяются под детальные исследования. На выделенных аномалиях по сгущенной сети 2 × 2 м целесообразно проведение детализационных георадиолокационных и, в случае глубокого – свыше 1,5 м захоронения тел – литогеохимических исследований, уточняющих реальные природу, границы и глубину рвов-накопителей.

Библиографический список

Базаров Б.А., Татьков И.Г., Базаров А.Д. Применение методов геофизической разведки в археологии: опыт опережающего изучения памятников Хуннской культуры Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культура. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 47–57.

Войткевич Г.В., Мирошников А.Е., Поваренных А.С. Краткий справочник по геохимии. М.: Недра, 1970. 280 с.

Глазунов В.В., Гоц И.А., Кроль Б.И., Самбуев Б.С. Методика поиска склепов Херсонесского некрополя с помощью сейсморазведки // Региональная геология некоторых районов СССР. М., 1981. Вып. 5. С. 93–99.

Дмитриев А.А. Применение георадиолокационных технологий при решении археологических задач // Вестник Иркутского государственного технического университета. Иркутск. 2015. № 7. С. 12–18.

Дмитриев А.Г. Геофизическое обеспечение археологического обследования территории бывшего лютеранского кладбища в г. Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий, 2019. Т. 15. № 3. С. 103–114.

Зинченко В.С. Петрофизические основы гидрогеологической и инженерно геологической интерпретации

References

Bazarov B.A., Tat'kov I.G., Bazarov A.D. (2015) The use of geophysical exploration methods in archeology: the experience of the advance study of the Hunnu Culture sites of Transbaikalia. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tura = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 47–57. (In Russ.)

Voitkevich G.V., Miroshnikov A.E., Povarennykh A.S. (1970) Geochemistry Quick Reference. Moscow: Nedra. 280 p. (In Russ.)

Glazunov V.V., Gots I.A., Krol' B.I., Sambuev B.S. (1981) A technique for searching for the crypts of the Kherson necropolis using seismic exploration. *Regional'naya geologiya nekotorykh raionov SSSR = Regional Geology of Some Areas of the USSR*. Moscow. Iss. 5. P. 93–99. (In Russ.)

Dmitriev A.A. (2015) The use of georadar technologies in solving archaeological problems. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. Irkutsk. No. 7. P. 12–18. (In Russ.)

Dmitriev A.G.(2019) Geophysical support of the archaeological survey of the territory of the former Lutheran cemetery in the city of Irkutsk. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 15. No. 3. P. 103–114. (In Russ.)

Zinchenko V.S. (2005) Petrophysical fundamentals of hydrogeological and engineering geological interpretation

геофизических данных. М.: Изд-во АИС, 2005. 392 с.

Комплексирование методов разведочной геофизики. М.: Недра, 1984. 365 с.

Левинсон А.Ф. Введение в поисковую геохимию. М.: Мир, 1976. 500 с.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1989. 223 с.

Микляев А.М., Герасимова Н.Г. Опыт применения метода фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области // Советская археология. 1968. № 3. С. 251–254.

Перельман А.И. Геохимия эпигенетических процессов. М.: Недра, 1965. 272 с.

Станюкович А.К. Археологическая геофизика в России // Геофизика. 1996. № 2. С. 57–64.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. 1997. Вып. 1. С. 19–42.

Старовойтов А.В. Интерпретация георадиолокационных данных. М.: Изд-во МГУ, 2008. 192 с.

Физические свойства горных пород и полезных ископаемых (петрофизика). Справочник геофизика. М.: Недра, 1976. 527 с.

Штобе Г.Г. Применение метода почвенных исследований в археологии // Советская археология. 1959. № 4. С. 135–139.

Fearon, W.R. An Introduction to Biochemistry, William Heinemanns Medical Books Ltd., 1948, pp. 569.

Holliday, VT & Gartner, WG 2007, 'Methods of soil P analysis in archaeology', *Journal of Archaeological Science*, vol. 34, no. 2, pp. 301-333. https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.05.004

Kozhevnikov, N.O., Kharinsky, A.V., Snopkov, S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). Archaeological Prospection. 2019; 26: 103–119. https://doi.org/10.1002/arp.1727

McCawley J.C., McKerrell H. Soil phosphorus levels at archaeological sites // Proceedings of the society. 1971, № 2. Pp. 301–306.

Критерии авторства

А.Г. Дмитриев, А.В. Богданов, А.А. Дмитриев подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

of geophysical data. Moscow: Izd-vo AIS. 392 p. (In Russ.)

(1984) Integration of exploration geophysics methods. Moscow: Nedra. 365 p. (In Russ.)

Levinson A.F. (1976) Introduction to exploratory geochemistry. Moscow: Mir. 500 p. (In Russ.)

Martynov A.I., Sher Ya.A.(1989) Methods of archaeological research. Moscow: Vysshaya shkola. 223 p. (In Russ.)

Miklyaev A.M., Gerasimova N.G. (1968) The experience of applying the method of phosphate analysis in the exploration of ancient settlements in the Pskov region. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archaeology.* No. 3. P. 251–254. (In Russ.)

Perel'man A.I. (1965) Geochemistry of epigenetic processes. Moscow: Nedra. 272 p. (In Russ.)

Stanyukovich A.K. (1996) Archaeological Geophysics in Russia. *Geofizika = Geophysics.* No. 2. P. 57–64. (In Russ.)

Stanyukovich A.K. (1997) The main methods of field archaeological geophysics. *Estestvenno-nauchnye metody v polevoi arkheologii = Natural scientific methods in field archeology.* Iss. 1. P. 19–42. (In Russ.)

Starovoitov A.V. (2008) Interpretation of GPR data. Moscow: Moscow State University. 192 p. (In Russ.)

(1976) Physical properties of rocks and minerals (petrophysics). *Spravochnik geofizika = Geophysics Reference.* Moscow: Nedra. 527 p. (In Russ.)

Shtobe G.G. (1959) Application of the method of soil research in archeology. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology.* No. 4. P. 135–139. (In Russ.)

Fearon, W.R. An Introduction to Biochemistry, William Heinemanns Medical Books Ltd., 1948, pp. 569.

Holliday, VT & Gartner, WG 2007, 'Methods of soil P analysis in archaeology', *Journal of Archaeological Science*, vol. 34, no. 2, pp. 301-333. https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.05.004

Kozhevnikov, N.O., Kharinsky, A.V., Snopkov, S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). Archaeological Prospection. 2019; 26: 103–119. https://doi.org/10.1002/arp.1727

McCawley J.C., McKerrell H. Soil phosphorus levels at archaeological sites // Proceedings of the society. 1971, № 2. Pp. 301–306.

Attribution criteria

A.G. Dmitriev, A.V. Bogdanov, A.A. Dmitriev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Дмитриев Александр Георгиевич,
доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры прикладной геологии, геофизики и геоинформационных систем,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: dmitriev@ex.istu.edu

Богданов Андрей Викторович,
доктор технических наук, профессор кафедры обогащения полезных ископаемых и охраны окружающей среды,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: bogdanov.lab@istu.edu

Дмитриев Алексей Александрович,
старший преподаватель кафедры радиоэлектроники и телекоммуникационных систем,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: dmtaa77@gmail.com

Information about the authors

Alexander G. Dmitriev,
Dr. Sci. (Geophysics), Professor of the Department of Applied of Geology, Geophysics and GIS,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: dmitriev@ex.istu.edu

Andrei V. Bogdanov,
Dr. Sci. (Engineering), Professor of Department of Mineral Processing and Environmental Protection,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: bogdanov.lab@istu.edu

Aleksei A. Dmitriev,
Lecturer of the Department of Electronic and Telecommunication Systems,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: dmtaa77@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-112-126

Нижнетунгусская этнографическая экспедиция 1930 г. (по материалам личного архива П.П. Хороших)

© О.В. Бураева, С.В. Бураева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Статья вводит в научный оборот письменные и визуальные материалы из архивных фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, связанные с экспедицией 1930 г. к эвенкам Нижней Тунгуски. В составе экспедиции работали этнографы из Иркутска П.Г. Полтораднев и П.П. Хороших. В личном архиве последнего выявлены карта-схема маршрута, полевые записи о материальной, обрядовой и бытовой культуре эвенков, черновики статей по итогам экспедиции, а также фотоматериалы и рисунки с пояснениями автора. Впервые публикуется текст путевых заметок «Под полярным кругом», составленный в хронологическом порядке посещения стойбищ и местностей и раскрывающий разнообразные подробности сложного и длительного путешествия. Тематика выявленных материалов в полной мере отражает как задачи, поставленные перед экспедицией, так и профессиональные интересы членов отряда – это сведения о расселении родов, особенностях изготовления жилищ (чумов), лодок, утвари, одежды, промыслов, проведения обрядов и пр. Собранные сведения дополнены многочисленными фотографиями аборигенов края, объектов и местностей, а также рисунками и схемами расположения предметов с указанием размеров, ориентации по сторонам света, местоположением относительно друг друга, эвенкийских названий и перевода на русский язык. Авторами сформулированы вопросы, ответы на которые в архивных материалах пока не найдены, – о дальнейшей судьбе собранных коллекций, о действительном распределении обязанностей в экспедиции, о незначительном числе публикаций по ее результатам.

Ключевые слова: этнографические исследования, экспедиция, эвенки, Нижняя Тунгуска, П.П. Хороших, П.Г. Полтораднев, архивный фонд, нарративные источники, фотоматериалы, изобразительные источники

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9; проект XII.187.1.4. Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310267-5).

Информация о статье: поступила в редакцию 29 июля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 18 августа 2020 г.; принята к публикации 31 августа 2020 г.

Для цитирования: Бураева О.В., Бураева С.В. Нижнетунгусская этнографическая экспедиция 1930 г. (по материалам личного архива П.П. Хороших) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 112–126. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-112-126

Lower Tunguska ethnographic expedition of 1930 (based on the personal archive of P.P. Khoroshikh)

© Olga V. Buraeva, Svetlana V. Buraeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article introduces written and visual materials from the center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS archival collections related to the 1930 expedition to the Evenks of Lower Tunguska. Ethnographers Poltoradnev P.G. and P.P. Khoroshikh from Irkutsk worked as the members of the

expedition. In the personal archive of P.P. Khoroshikh a map-scheme of the route, field records about the material, ritual and everyday culture of the Evenks, drafts of articles on the results of the expedition, as well as photographs and drawings with explanations by the author were revealed. The narrative part of the travel diary is compiled in chronological order of visiting camps and localities, contains various details of a complex and long journey. For the first time, the text of travel notes "Under the Arctic circle" is published, compiled in chronological order of visiting camps and localities and revealing various details of a complex and long journey. The subject matter of the identified materials fully reflects both the tasks set for the expedition and the professional interests of the team members – this is an information about the settlement of families, the peculiarities of making homes (chums), boats, utensils, clothing, crafts, rituals, etc. The collected information is supplemented by numerous photos of the region's aborigines, objects and localities, as well as drawings and diagrams of the location of objects with dimensions, orientation to the cardinal directions, location relative to each other, Evenk names and translation into Russian. The authors have formulated the questions, the answers to which have not yet been found in the archive materials – about the future fate of the collected collections, about the actual distribution of the responsibilities in the expedition, about a small number of publications on its results.

Keywords: ethnographic research, expedition, Evenki, lower Tunguska, P.P. Khoroshikh, P.G. Poltoradnev, archive fund, narrative sources, photographic materials, pictorial sources

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment (project XII.191.1.1. "The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society", № АААА-А17-117021310269-9; project XII.187.1.4. "Cultural heritage of the Transbaikalian peoples and contiguous regions of East Asia in the system of spiritual values of Russia", № АААА-А17-117021310267-5).

Article info: received July 29, 2020; revised August 18, 2020; accepted August 31, 2020.

For citation: Buraeva O.V., Buraeva S.V. (2020) Lower Tunguska ethnographic expedition of 1930 (based on the personal archive of P.P. Khoroshikh). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 112–126. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-112-126

Введение

В 1920–1930-х гг. молодое советское государство переживало социально-экономический кризис. Начавшиеся процессы коллективизации и индустриализации требовали серьезных финансовых вложений и поиска неординарных путей для их получения. Одним из способов получения валюты стала попытка организации продажи культурных ценностей за границу. Для этого была создана контора «Новоэкспорт» (Вдовин, Гуляева, 2001). В конце 1929 г. было решено привлечь к работе краеведческие организации. Были подготовлены и отправлены несколько отрядов в разные районы Сибири. Активное обсуждение этой проблематики отражено в многочисленных публикациях, одновременных с организацией экспедиций (Адлер, 1930; Березовский, 1930; Новый этап…, 1930; О содействии экспорту, 1930; Экспедиции…, 1930). В советской исторической науке эта тема не освещалась. С 2001 г. вышло несколько статей об организации экспедиций «Новоэкспортом» (Вдовин, Гуляева, 2001; Акулич, 2002; Грищенко, 2005; Вдовин, Китова, 2010; Китова, Вдовин, 2015), о Минусинско-Хакасской археологической экспедиции (Вдовин, Китова, Кочкина, Конохов, 2017), о Нижнетунгусской этнографической экспедиции в контексте развития этнографических исследований в Иркутске в 1920-е гг. (Манушкина, Сирина, 2006; Сирина, Акулич, 2009; Сирина, 2013а). Публикаций, специально посвященных Нижнетунгусской этнографической экспедиции, практически не было; именно это обстоятельство, а также обнаруженный существенный массив архивных материалов убедили нас в актуальности и возможности обращения к истории отряда. По материалам этой экспедиции в 2018–2019 гг. нами были опубликованы статьи об орнаменте и пространстве шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (Бураева, Бураева, 2018; Бураева, Бураева, 2019).

Источники исследования

В Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) хранится личный фонд П.П. Хороших. В его составе нами выявлен

корпус дел, в которых собраны материалы экспедиции 1930 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 551, 554а). Выявлены карта-схема маршрута, рукописный и более поздний машинописный варианты текста путевых заметок «Под полярным кругом», полевые записи о материальной, обрядовой и бытовой культуре эвенков, черновики статей по итогам экспедиции, а также фотоматериалы и рисунки с пояснениями. Тематика выявленных материалов охватывает сведения о расселении родов, особенностях изготовления жилищ (чумов), лодок, утвари, одежды, орнаментов, промыслов, проведения обрядов и пр. Собранные сведения дополнены многочисленными фотографиями аборигенов края, объектов и местностей, а также рисунками и схемами расположения предметов с указанием размеров, ориентации по сторонам света, местоположением относительно друг друга, эвенкийских названий и перевода на русский язык. Материалы рукописные и машинописные, большинство записей и рисунков сделано карандашом. Хронологические рамки материалов 1930–1969 гг.

Организация экспедиции

Как известно, в конце 1929 г. Наркомторгом РСФСР была организована особая контора по розыску новых видов различных товаров для экспорта с учреждением в ней особой музейно-коллекционной группы. При Академии наук была организована особая комиссия по экспорту под председательством академика В.Л. Комарова. В Москву поступили, помимо других, докладные записки представителей Общества по изучению Сибири – Н.К. Ауэрбаха, Е.Н. Орловой (Китова, Вдовин, 2015. С. 45).

9 мая 1930 г. в Новосибирске состоялось заседание экспортной комиссии Общества изучения Сибири. Было решено снарядить 5 этнографических и 5 археологических экспедиций. Руководителем каждой экспедиции мог быть только квалифицированный научный работник, причем ему предоставлялось право научной обработки собранных материалов и публикация результатов исследований. Конечным сроком представления коллекций в Сибторг было установлено 1 декабря 1930 г. Ориентировочно были распределены средства для сбора коллекций: на археологию – 20 тыс. руб., на этнографию – 50 тыс. руб. (Китова, Вдовин, 2015. С. 12).

С докладом «Этнографические коллекции как новый вид экспорта для Сибкрая» выступила заведующая отделом этнологии Новосибирского музея Е.Н. Орлова. Каждая экспедиция должна была собрать 5 комплектов коллекций (примерно 600 предметов и 1500 фотографий). Время полевой работы экспедиции 3 месяца, поэтому было предложено начать работы не позднее 1 июля и закончить 1 октября. Все экспонаты и фотографии с соответствующей их научной обработкой должны были быть представлены в Общество изучения Сибири к 1 ноября.

Было подчеркнуто, что сбор коллекций для экспорта может производиться только специалистами-этнографами, которые на местах могут в помощь себе инструктировать имеющиеся организации административные, хозяйственные, кооперативные, а также и отдельных лиц (См. подробнее: Китова, Вдовин, 2015. С. 46–57).

В Иркутске, который был выбран одним из пунктов организации экспедиций, базовым учреждением стал Иркутский краеведческий музей. В состав каждой экспедиции должны были входить один научный работник (этнограф) и 1 технический помощник и фотограф-художник (Китова, Вдовин, 2015. С. 50). К эвенкам р. Нижней Тунгуски отправились этнографы, музееведы П.П. Хороших и П.Г. Полтораднев. Выбор кандидатур представляется вполне оправданным, достаточно обратиться к их биографиям (Дамешек, 2013. С. 18, 50[1]; Сирина, 2013b; Сирина, 2013c; Хороших Павел Павлович…, 2008; Хороших Павел Павлович, 2011; Савельев, Пержакова, 2009).

Экспедиция следовала по маршруту: Киренск – Нижнее Карелино – Заволок – Лиственичное (53 км) – Соснино (107 км) – Логашина (148 км) – Гажина (172 км) – Непа (195 км) – Данилова (244 км) – Потемкина (267 км) – В. Калинино (307 км) – Преображенское (324 км) – Мога (336 км) – Жданово

[1] Дамешек Л.М. Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 82 с.

(355 км) – Б. Ерема (397 км) – Лужки (407 км) – Оськина (477 км) – Н. Анкула – Ербогачен (562 км) – Аян (609 км) – Лаврушка (633 км) – Кочема – Уашкит – Огит – Аякан – Анаун (Анавунь) – Накана – Аппха – Кономо (Когномо) – Гулама – Инаригда – порог Хининг – Кулинда – Туруханск. Подробные карты-схемы отрезков пути, выполненные карандашом на отдельных листах, хранятся в архиве П.П. Хороших (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 544).

Экспедиционная хроника

Ход экспедиции изложен в уникальном документе – путевых заметках «Под полярным кругом», написанный от руки, карандашом. Заметим, что в него по большей части включены бытовые подробности пути и описания местностей, посещенных отрядом, включая картины нового советского образа жизни аборигенов края. Основные сведения об этнографической составляющей путешествия можно почерпнуть в полевых записях, комментариях и подписях к фотографиям, схемам и рисункам, находящихся в делах фонда П.П. Хороших.

Из большого объема полевых материалов в архиве П.П. Хороших мы выбрали путевые заметки, текст которых публикуется впервые.

«л. 1»

«2 июля мы на пароходе прибыли в Киренск. После необходимых сборов и доклада в Комитете Севера – наша экспедиция 5 июля рано утром двинулась на Н. Тунгусску.

В тот день мы верхами перевалили невысокий хребет и к вечеру спустились в долину реки Н. Тунгусска, в том месте, где расположена небольшая деревушка – Нижне Карелино, приблизительно в верстах 100 от истока реки (рис. 1).

Н. Карелино является исходным пунктом для всех экспедиций, отправляющихся по Н. Тунгусске.

В поселке всего 20 дворов, население русское, занимается промысло[м,] имеет скот, слабо развито земледелие. Несколько дворов занимается изготовлением лодок «шитиков».

Еще два дня сборов, приспособление лодки и 7 июля мы двигаемся на север. В задачу экспедиции входило: общее географическое описание долины реки Н. Тунгусски, изучение хозяйства и быта русского и тунгусского населения и сбор коллекций для экспорта (рис. 2).

В верхнем течении Н. Тунгусски еще небольшая реченка, с частыми мелями, перекатами и только после впадения в нее левого притока Поймыги она становится более полноводной и более удобной для сплава.

На другой день мы проплывали места лесозаготовок. Плоты с прекрасным сосновым лесом для экспорта уже ушли ранней весной, сразу после вскрытия реки, остались только два запоздалых плота. В этом году по Н. Тунгусске проводился первый опыт порубки и сплава леса, и он, как мы уже узнаем ниже, вполне удался. Мы медленно продвигались среди вековой тайги по узкому зеркальному коридору. Высокий сосновый лес частым частоколом подходит почти к самому берегу, оставляя лишь небольшую полоску, поросшую ивой и ковром разнообразных душистых цветов. Изредка мелькают узкие просветы лугов и болот, окаймленные высокими стройными стреловидными елями. Горные ручьи с шумом вливают свои воды, их пение разнообразно. Во многих местах вода реки настолько прозрачна, что видно движение рыб.

«л. 2»

10 июля на закате солнца мы пристали к поселку «Заволок» (Подволочное). Не доезжая поселка вблизи Васильевской шиверы нами открыта доисторическая стоянка ново-каменного периода.

В поселке Логашино мы встретили первое тунгусское семейство. Стали появляться отмели. Белоснежные чайки с криком поднимались с песчаных кос и долго преследовали нашу лодку. Три ночи мы провели среди дремучей тайги. Ночи собственно не было совсем. Солнце только ненадолго скрывалось за горизонтом и вскоре снова появлялось.

Непа – административный центр, объединяющий тунгусов В. Кандогирского (Кондо(а)гирского. – *авт.*) Туземного Совета, обитающих как на самой реке Непе, так и по её притокам. Здесь же административный центр и для русского населения. В Непе была организована первая тунгусская коммуна.

Жданово. Здесь нами открыта интересная доисторическая стоянка ново-каменного периода. Найдены различные орудия из кремня, халцедона, бе-

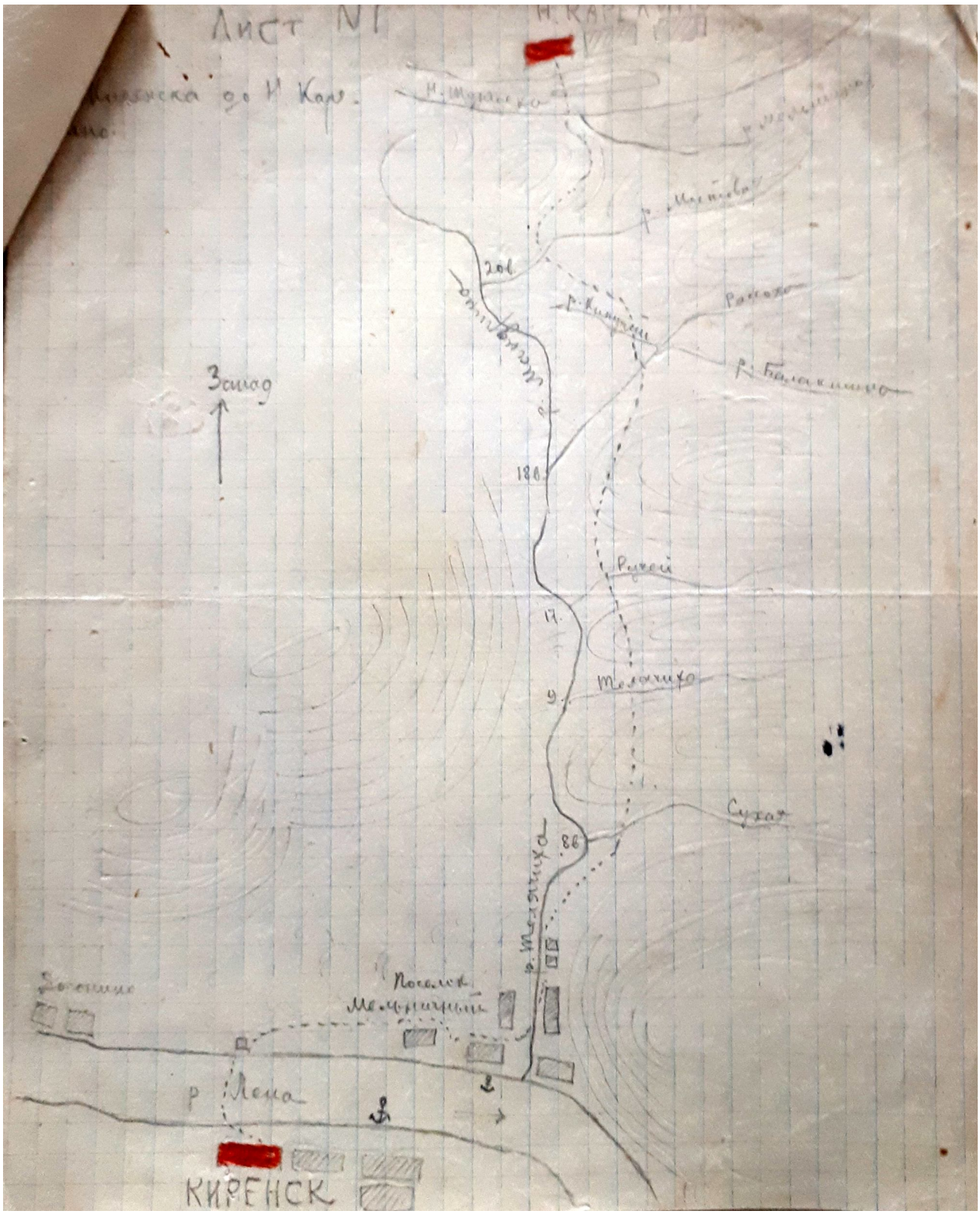

Рис. 1. Карта. Начало маршрута этнографической экспедиции (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 544)
Fig. 1. Map. Start of the ethnographic Expedition route (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 544)

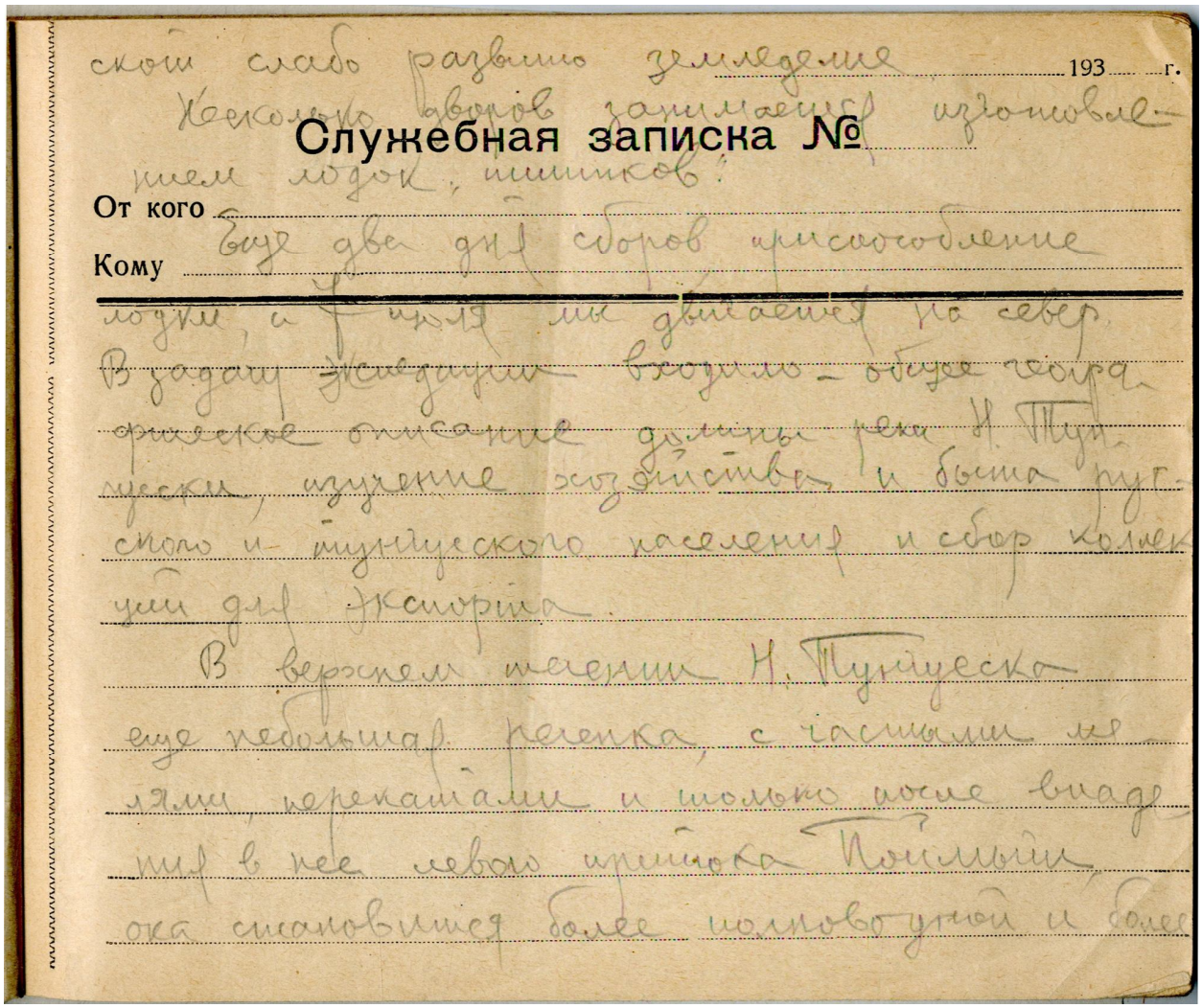

Рис. 2. Страница путевых заметок П.П. Хороших «Под полярным кругом» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 544)
Fig. 2. Page of the travel notes of P.P. Khoroshikh «Under the Arctic circle» (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 544)

реговой гальки. Здесь же найден бронзовый нож типа Мисунской (Минусинской. – *авт.*) бронзовой культуры. По-видимому, древние насельники Н. Тунгусски имели культурные связи с более южными народностями. Говорить о возможности существования бронзового периода в таёжной полосе Н. Тунгусски не приходится. Бронзовая культура свойственна степям.

Эрбогачен. Поселок расположен на правом берегу Н. Тунгусски, на невысоком склоне горы. Это – главный центр административного и хозяйственного управления над тунгусским населением верхнего и среднего течения Н. Тунгусски.

Здесь сосредоточен Туземный райисполком, милиция, ветеринарный пункт, врачебный пункт, больница, школа-интернат. Название Эрбогачен получил от тунгусского слова «Эрбаколо**».**

«л. 3»

Место, где расположен поселок, было обитаемо еще в доисторический период, т. к. на береговой трассе были найдены различные каменные орудия, оставленные человеком новокаменного периода.

– Вот и Наканна! – радостно воскликнул наш проводник – тунгус Увачан.

В лучах заходящего приполярного солнца на высоком живописном берегу реки, среди тайги красовались большие деревянные постройки, а вокруг небольшие новые русские избы.

Еще издали в начале излучины реки виднелись высокие мачты радиоустановок с кроваво-красными

флажками на концах. Слышен был стук топоров, пение пил, перезвон наковален и оживленный смех детей. Все говорило за то, что здесь кипит жизнь, идет спешная стройка! Пробуждается новый человек.

Здесь тунгусская коммуна «Омакта-Икинит» (Новая жизнь) (Омакта Инкит. – *авт.*) – хорошо работает она! – как-то особенно радостно заметил Увачан и стал рассказывать о зарождении коммуны и о тех трудностях, какие были у ней в первое время. – Я сам уже давно задумал переселиться сюда со всем семейством, да трудно из-за дальности перевезти по реке постройки. Осенью, думаю, переехать сюда. Увачан среди тунгусов носит прозвище «Серебряный». Прозвище свое он получил за то, что ранее работал на приисках. Он – активный советский работник, уважаемый населением, грамотный, хорошо говорит по-русски. «Серебряный» хорошо знает все таежные дороги и тропинки. Прекрасно ему знакома и Н. Тунгусска с её опасными порогами.

Несмотря на свой 60-летний возраст, он до сих пор еще считается лучшим охотником.

– Ну вскоре и пристанем! – сказал Увачан, еще сильнее прилег на весла, и наша лодка тихо подошла к берегу. С берега был слышен звон колокола и оживленный разговор – это конец дневных работ в коммуне.

«л. 4»

На берегу нас встретили столпившиеся коммунары. Таежное радио передало им о нашем приезде. Жизнерадостные, загорелые лица спешили помочь нам разгрузить лодку, перенести багаж и коллекции. Вскоре нас поместили в небольшом домике во дворе школы-интерната. Из окон домика мы прекрасно могли наблюдать за жизнью школы и работой в коммуне. И так в движении на север нами пройдено до 1500 километров трудного водного пути. Мы рады были после 45-дневной водной жизни перейти на отдых, пополнить наши запасы и освежиться. Вскоре мы познакомились с активом коммуны и поздно вечером с высокого берега реки обозревали окрестности Наканы, дружески беседуя о работе коммуны, о богатствах края и их использовании.

Накана со всех сторон окружена непроходимой тайгой и только с востока ее охватили небольшие березовые перелески. Налево блестящим серпом виднелось небольшое озеро, здесь осенью проводится лов рыбы. За необъятным простором тайги вдали синевой виднелись высокие горы, а за ними уже – полярный круг… Еще 15–20 дней водного пути и мы будем вблизи этих гор.

Далее идет тундра, бесконечная, безлесная тундра с ее своеобразной жизнью с топкими болотами и озерами. За рекой медленно двигалось стадо оленей, это обобществленное стадо коммуны. Вот один олень, по-видимому, вожак, медленно спустился к реке и поплыл. Сразу же все стадо приблизилось к реке и двинулось за ним. Темные точки разбрелись по всей реке, то там слышны фырканье оленей, крики малых оленят. Но этот шум и плеск воды заглушают другие крики – веселый смех детей-учеников школы, которые в лодке из-за реки возвращаются с сенокоса.

Школа провела первый опыт организованной косьбы сена, оказав товарищескую помощь коммуне. Теперь коммуна обеспечена сеном. На встречу школьникам бодро шла группа пионеров. Темнеет.

«л. 5»

Новые тени появились на широкой реке – друг за другом длинной вереницей по реке тянутся плоты леса. Во время нашего путешествия мы часто днем и ночью обгоняли такие плавучие поселки с наскоро сколоченными из коры избушками. В бурную погоду мы неоднократно находили на них приют.

По земле стелился дым – коммунары готовили ужин. Мы попрощались с коммунарами. Пора на отдых.

Во дворе школы веселилась молодежь, слышались национальные песни. Часть молодежи танцевала национальный танец.

Уже занималась заря. Но мы все еще не заснули. Душно. Безжалостно едят комары. С берега все еще доносятся крики «левей», «левей»! – это крики сплавщиков. Вода в реке за день сильно поднялась, течение стало быстрее, мели исчезли, и плотовщики стремились использовать это.

Местность Накана, где расположена коммуна, избрана Комитетом Севера год тому назад. Здесь намечено создать центр культурного и хозяйственного строительства среди тунгусского населения среднего течения реки Н. Тунгусски.

Накана еще не была отмечена на географической карте, теперь она будет среди других населенных пунктов севера.

В первый же день нашего знакомства с коммуной резко бросились в глаза те трудности, которые пришлось перенести коммунарам, прежде чем отвоевать у тайги небольшой участок земли под новое строительство.

Только под напором коллективного труда, дружной сплоченности коммунаров – постепенно исчезали вековые ели и сосны, выкорчевывались бесчисленные пни, высыхали топкие болота. Приполярное солнце слабо помогало вести тяжелую неустанную борьбу с вечной мерзлотой. Но с каждым днем меняется облик тайги. Тайга и хотя медленно, но покорно уступает свои просторы новому пришельцу.

«л. 6»

В трудных условиях протекало зарождение коммуны. Шла ожесточенная классовая борьба. Крепкая воля коммунаров поборола все нападки со стороны кулачества. Кулачество кое-где имело помощников в лице шаманов. Однако за последнее время среди шаманов произошел большой перелом в сторону отречения от своих функций.

Величайшим тормозом в деле развития коллективизации до сего времени являются поголовная безграмотность населения и разбросанность тунгусских стойбищ на пространстве тайги. Тунгусы Н. Тунгусски делятся на несколько отдельных родов. Несколько родов уже вымерло, часть переселилось в другие районы. В данное время известны следующие роды: [далее текст обрывается. Сведения об эвенкийских родах приведены в полевых записях и подготовленной к печати статье П.П. Хороших (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 535, 536)] (рис. 3).

Шаманство. В тесной связи с образом жизни и занятием тунгусов в их шаманстве отобразился и культ животных и рыболовства. Среди почитаемых животных главное место занимает медведь. Охота на медведя сопровождается различными обрядами. Шаманство среди тунгусов ранее было сильно развито. На шаманство тунгусов, по-видимому, повлияло шаманство их соседей якутов.

Ясли в коммуне. Ясли в коммуне еще молодое учреждение. Они основаны всего два месяца тому назад. В яслях дети постепенно приучаются к первым требованиям санитарного минимума – чистоте, опрятности, уходу за телом, здоровым навыкам. Вместе с тем ясли освобождают женщин-коммунарок от различных работ по уходу за детьми, в особенности в период полевых работ, промысла. Для каждого ребенка в яслях имеются деревянные кроватки, подушка, одеяльце, простыня. Постельные принадлежности большей частью приносятся в ясли родителями детей. Постельное белье, обувь, полотенце и головные уборы приносятся родителями. Распорядок дня в яслях таков: ясли открываются в 8 часов утра. Дети в ясли приносятся родителями, более взрослые – приходят сами.

«л. 7»

В 12 дня – обед, после которого наступает мертвый час. Затем происходят игры, прогулка. В 7 часов вечера дети разносятся родителями по домам. Дети проявляют большой интерес к рисованию, наши занятия с ними подтвердили это. К сожалению, ни ясли, ни школа не обеспечены письменными принадлежностями.

В отношении питания следует отметить недостаточность разнообразия продуктов пищи. Пища состоит большей частью из… [далее текст обрывается. Сведения о пище приведены в полевых записях (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 535, 539)].

В общем, ясли и школы-интернаты являются первой ступенью развития среди детей чувства общественности.

Положение женщины. Ранее женщины находились в полном подчинении, даже порабощении у мужчин. Тунгусская женщина постепенно раскрепощается от бытовых и религиозных предрассудков. Параллельно с этим идет ликвидация неграмотности среди женщин. Женщины принимают активное участие в ликбезе. Сейчас уже много женщин-туземок принимают участие в советском строитель-

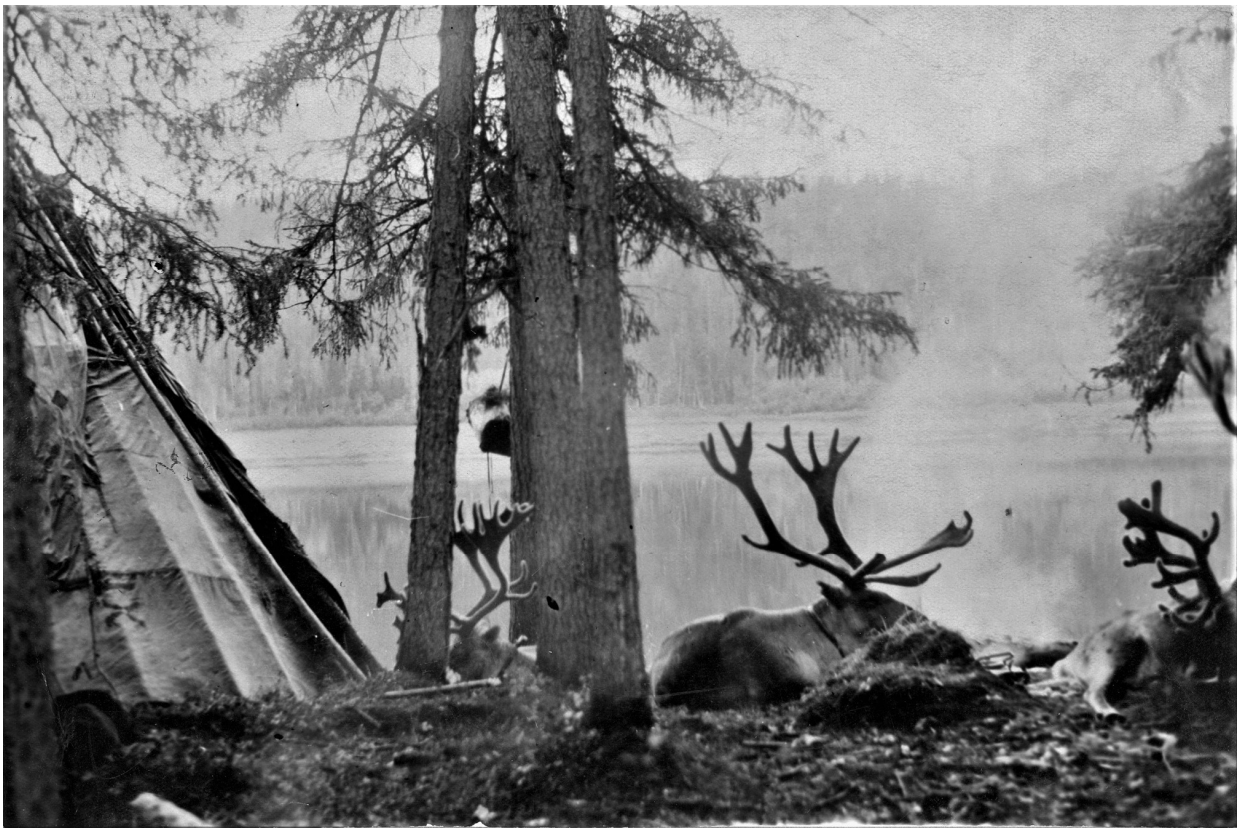

Рис. 3. Стойбище эвенков на р. Нижней Тунгуске. Фото П.П. Хороших, 1930 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551)
Fig. 3. The camp of Evenks of Lower Tunguska River. Photo of P.P. Khoroshikh, 1930 (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 551)

стве, занимая места членов и председателей советов.

На пятый день мы оставили гостеприимную коммуну.

Нам предстоял впереди еще более трудный путь. Не успели мы отплыть и двух километров, как пришлось сделать остановку – сели на мель.

Быстро сняты сапоги, брюки и все в воду. Лодка снята, плывем дальше. Чем далее двигаемся на север, тем все реже и реже стали попадаться тунгусские стойбища. Только небольшие домики факторий, одиноко стоящие по обеим сторонам реки, напоминали, что сюда изредка из глубины тайги и тундры, заходят промысловики, чтобы взять продукты, сдать свой пушной улов, послушать радио, т. к. почти во всех факториях имеются радиоустановки. Тунгусы охотно слушают радио.

Последние дни шли дожди. Ручьи и реки вышли из берегов и бурными потоками вливались в Н. Тунгусску. Река с каждым [днем] заметно полнела, течение делалось быстрее, несло целые горы коряг. То тут, то там с страшным шумом падали в воду деревья-великаны. Мели хотя и исчезали, но шиверы сделались более бурными и опасными, их не всегда стало заметно. Лодка часто задевала за подводные камни.

«л. 8»

Все это затрудняло движение лодки. Ночью приходилось делать остановки.

Наступал сентябрь. Берега реки постепенно опоясывались, то золотистыми, то оранжевыми, то темно-коричневыми полосами. То тут, то там на вершинах гор стали появляться белые полоски снега. Мы подходили к полярному кругу. Становилось все холоднее. Ночные морозы делали немало неприятностей. Туман замедлял движение по реке. Мы рисковали опоздать к последнему пароходу в Туруханске.

Пришлось в лодке поставить железную печь, что значительно способствовало нашему передвижению, мы имели возможность целый день плыть по реке, не делая остановки для приготовления пищи (рис. 4).

Нашим продовольствием стала не рыба, а птица. Выбор птицы большой – утки, гуси, чайки, боровая дичь. Особенно удачно мы охотились за тетеревами и глухарями.

10 сентября мы подплывали к Туринской базе. На пространстве Илимпея-Тура мы встретили только одно тунгусское стойбище. Плыли день и ночь. База расположена на правом берегу реки Н. Тунгусска вблизи впадения в нее реки Туры. База спешно обрастает новыми постройками культурного и хозяйственного характера. Однако местонахождение для базы выбрано неудачно, постройки сооружены на вечной мерзлоте.

Холодный ветреный день. Небо сумрачно. Подплываем к Большому Порогу – самому опасному на р. Н. Тунгусске. Река здесь прорывает мрачные трастовые обнажения и бурно стремится через высокие валуны. Предварительно делаем остановку в Пьяной Курье.

«л. 9»

Несколько выше остановились плоты. Сплавщики совещаются, как лучше спуститься через порог. Несчастья при спуске через порог были неоднократно. После просмотра порога спускаем лодку на бечеве. Условия спуска самые тяжелые, берег сплошь усеян огромными валунами. Бредем вблизи берега, постоянно спотыкаемся об острые камни, с трудом сдерживаем лодку. Мошка залепляет лицо, лезет в глаза, а руки заняты и сетка снята. Мучительная боль. Такое путешествие длилось недолго. Почти перед самым порогом быстрым течением настолько сильно потянуло лодку в середину течения, что не было возможности сдержать её. Перескакиваем с камня на камень, неоднократно принимаем холодную ванну. Силы слабеют. Цепляемся за острый валун, набрасываем веревку, сами в воду. Лодка остановлена, но борта её беспрестанно бьются о камни. Волны начинают захлестывать лодку.

В эту трудную минуту нам неожиданно приходит помощь – один из отставших рабочих, идущих по берегу, видит нашу беду и вовремя выручает нас. С его помощью мы постепенно заводим лодку в тихую заводь. Мы уже против порога, но сам порог теперь нам не опасен, опасны подводные камни, ниже порога опасны водовороты.

Решаемся сплыть. Часть участников садится в лодку, часть идет берегом. Лодку быстро подхваты-

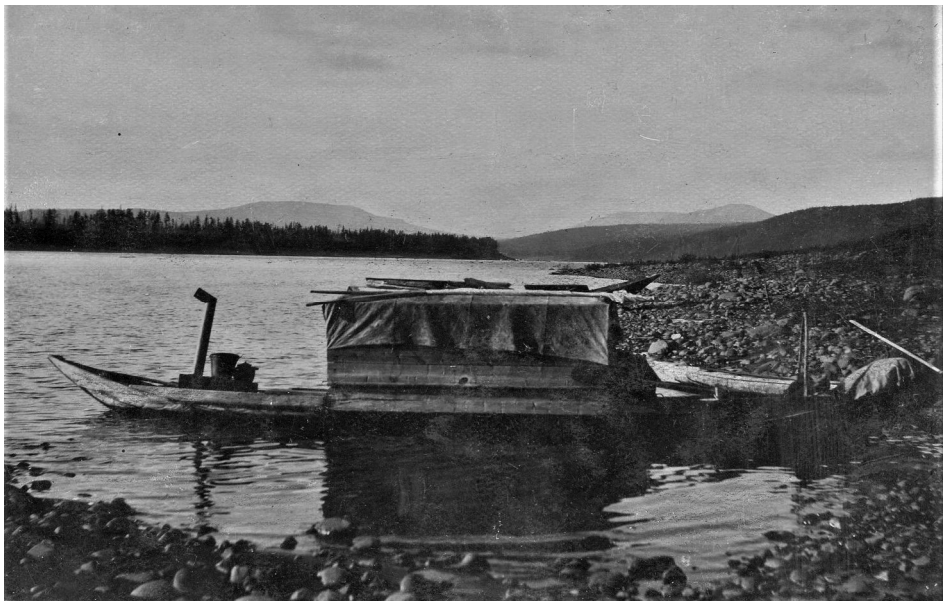

Рис. 4. Лодка, в которой совершалось путешествие по р. Нижней Тунгуске. Фото П.П. Хороших, 1930 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551)
Fig. 4. The boat that was used for the trip along the Lower Tunguska River. Photo of P.P. Khoroshikh 1930 г. (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 551)

вает течением и тащит на камни, но умелой рукой нашего лоцмана, члена экспедиции П.Г. Полторадневa, лодка ловко проскакивает среди выдающихся валунов и разрезывая высокие валы, вскоре плавно пристает к берегу ниже порога. Здесь уже остановились плоты. Вечером жирной осетриной мы отпраздновали нашу победу над водной стихией.

Темная ночь. Мы осторожно подплываем к порогу «Виви». Лодка быстро несется течением. Шум порога уже слышен.

«л. 10»

Плоты остановились опасно, но решили сплыть. Вдруг совсем близко послышался страшный шум, лодку закачало и снова стало тихо. Мы удачно попали в более широкое русло и незаметно спустились через порог.

Вскоре на правом высоком берегу реки показались слабые огоньки и темные силуэты построек и острых елей – фактория «Виви». Здесь же впадает река Виви. После непродолжительной остановки, расспросов о работе фактории и передачи почты, мы двинулись далее.

Появилась луна. Подул свежий ветер. Скоро будет светать. После порога природа постепенно переменилась. Появились высокие скалы, низкие корявые сосны и ели.

Ниже фактории «Большой Порог» река оцеплена с обеих сторон высокими отвесными скалами, образуя узкий проход и ряд небольших, но опасных порогов, шивер и водоворотов. Осторожно проплываем. Все чаще и чаще по ночам наблюдается северное сияние. Северное сияние обыкновенно начинается с полуночи и всегда бывает разнообразно. Первоначально на северной части неба кривая узкая полоса бледно-зеленого цвета, которая все время изменяя свое положение постепенно образует полукруг. От полукруга медленно расходятся вверх прямые лучи светло-зеленого и светло-желтого цвета и постепенно образуется яркая корона с лучами. Иногда северное сияние имеет вид отдельных зигзагообразных постоянно колеблющихся полос или ряд прямых столбов светло-зеленого желто-голубого цвета.

23 сентября. Вчера был теплый солнечный день. Сегодня холодно и пасмурно. Снег большими хлопьями устилает землю, дует сильный встречный ветер. Медленно борясь за каждый шаг, лодку бросало как щепку, парус снят. Мы подходим к устью Н. Тунгусски, к Туруханску.

«л. 11»

Проплыли высокие гранитные скалы, напоминающие средневековые замки, осторожно обошли знаменитый водоворот, где, по словам населения, погибло немало лодок, и – вдруг неожиданно перед нами открылось целое море воды. Н. Тунгусска вливала свои воды в Енисей.

Направо на склоне гор виднелись постройки питомника пушных зверей, а далее на стрелке постройки Туруханска. Мощные мачты радиостанции резко выделялись на горизонте и указывали, что после 100-дневного путешествия мы теперь имеем возможность связаться с культурным миром.

Лесные массивы Н. Тунгусски чрезвычайно велики, проплыв всю долину реки, мы наглядно и реально убедились в этом богатстве, совершенно еще нетронутом. Только в некоторых местах главным образом в верхнем течении реки. Вблизи селения лес тронут человеком, но уже за версту от берега тайга трудно проходима, безлюдна, полна зверей.

В Туруханске оживление. Устье реки сплошь заполнено плотами. На берегу группами столпились рыбачьи лодки, остяки разбили свой берестяные чумы. Здесь мы встретили наших друзей-сплавщиков, они с честью выполнили свое задание, доставив более 20000 куб. м прекрасного соснового леса. Первый опыт сплава леса по Н. Тунгусске проведен успешно и эксплуатация лесных массивов теперь обеспечена.

Небольшие буксирные пароходики беспрестанно увозят плоты в порт «Правда» (бывшая Игарка). Здесь лес распиливается в стандартном виде, грузится на большие иностранные и русские лесовозы и северным морским путем идет заграницу. В обмен «на далекое сибирское золото» мы получаем различные машины и оборудование, необходимые для развития индустрии страны и стройки гигантов. Сейчас по Северному морскому пути идет беспрестанный поток судов, груженных различным сибирским сырьем.

«л. 12»

В 1930 г. в морском порту грузилось более 25 иностранных пароходов, вдвое больше 1929 г.

Медленно продвигаются среди бесконечного ледяного поля наши ледоколы «Ленин» и «Малыгин», разбивая своими мощными корпусами ледяные горы и оставляя за собой узкие полосы чистых вод, по которым вереницей тянутся иностранные и русские суда. Путь их облегчают постоянные рейсы наших самолетов, и беспрестанные наблюдения метеорологических пунктов и радиостанций. Царским правительством вопрос о возможности вывоза сибирского сырья северным морским путем только разрабатывался, но в жизнь эта проблема была проведена лишь после 1920 года при Советской власти.

25 сентября вечером раздался протяжный свист парохода «Спартак» и через два часа мы покидали Туруханск. Вместе с нами отплывали плотовщики; им предстоял длинный кругосветный путь через Красноярск, Иркутск пробраться на Лену и оттуда вернуться на Н. Тунгусску в свои родные села и деревни. Сейчас у всех сплавщиков одна забота – поспеть домой к найму промысла, так как они все охотники, и промысел имеет большое значение в их хозяйстве» (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 544).

Итоги экспедиции

Результаты Нижнетунгусской экспедиции оценить весьма сложно. История ее полна неясностей и загадок. Имеется обширный нарративный материал и визуальный ряд, подробно отражающий материальную культуру и верования эвенков. Фотоколлекции находятся в Иркутском областном краеведческом музее и ЦВРК ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ), вещевые коллекции – пока неизвестно. Есть сведения, что экспедиция сдала собранные материалы в факторию, находящуюся в Туруханске; однако в Иркутск коллекции не прибыли, дальнейшая их судьба в документах не отражена. По архивным материалам, «участники экспедиции собрали более 400 отдельных предметов по хозяйственному быту тунгусов р. Нижняя Тунгуска, наиболее ценные предметы – по охоте и оленеводству. Было сделано 275 фотоснимков. …Собранные коллекции были упакованы в 15 ящиков общим весом более 500 кг и переданы в фактории Госторга в Ербогачене и в Наканно по накладной для отправки их в Иркутск зимним путем. В дальнейшем на запросы из Новосибирска иркутяне-музейщики и всорговцы ничего не могли ответить» (Сирина, 2013а. С. 33–34).

Ряд исследователей пишет, что часть сибирских археологических и этнографических коллекций была продана в Турцию, однако большая часть из них оказалась невостребованной и поступила в Центральный музей народоведения, МАЭ, Государственный Эрмитаж и др. (Вдовин, Китова, Кочкина, Конохов, 2017. С. 33). По данным исследователей, в собрании РЭМ также хранится значительный комплекс предметов, собранных в 1930-е гг., фондообразователь которых до сих пор не определен (На грани миров, 2006. С. 24).

Как в реальности были распределены обязанности между членами отряда? С одной стороны, вроде бы руководителем-ученым должен был быть П.Г. Полтораднев как заведующий этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея (П.П. Хороших в это время являлся преподавателем ИГУ, сотрудником ВСОРГО). Кроме того, технический сотрудник должен был выполнять рисунки и фотографировать, а все эти материалы в архиве подписаны П.П. Хороших. По данным 1930 г., руководителем Нижнетунгусской этнографической экспедиции являлся этнограф П.П. Хороших (Экспедиции…, 1930). С другой стороны, П.Г. Полтораднев за 6 лет (до ареста) выпустил единственную публикацию по итогам экспедиции – об оленеводстве (Полтораднев, 1932), а вот в архиве П.П. Хороших сохранились записи по всему спектру задач, выполненных во время экспедиционных работ 1930 г. Однако вызывает удивление, что и П.П. Хороших опубликовал лишь небольшую часть собранных сведений и то спустя много лет (Хороших, 1950).

Каким образом экспедиционные материалы оказались не только в Иркутске, но и в Бурятии? Ответов на эти и другие вопросы пока найти не удалось.

После проведения экспедиций в 1930 г. многие их участники были репрессированы; в том числе 18 февраля 1931 г. был арестован и осужден П.П. Хороших, а 16 октября 1937 г. арестован

П.Г. Полтораднев (расстрелян в 1938 г.). На рубеже 1931/1932 гг. деятельность по сбору коллекций для «Новоэкспорта» получила негативную политическую оценку и была свернута. Возможно, поэтому о судьбе экспонатов и экспедиций долгое время не вспоминали и этот эпизод не исследовали. В настоящее время серьезно изучена лишь история Минусинско-Хакасской археологической экспедиции (Вдовин, Китова, Кочкина, Конохов, 2017). Загадки же Нижнетунгусской экспедиции еще ждут своего исследователя.

Библиографический список

Адлер Б.Ф. Экспорт госторга и его значение в деле изучения человека и быта // Северная Азия. 1930. № 3–4. С. 219–220.

Акулич О.А. Иркутский областной краеведческий музей и власть: 1930-е годы // Краеведческие записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: ИГ СО РАН, 2002. Вып. 9. С. 33–46.

Березовский А. Об увеличении экспорта // Советское краеведение. 1930. № 1–2. С. 27–30.

Бураева О.В., Бураева С.В. Орнамент эвенков в исторической ретроспективе (по материалам фонда П.П. Хороших) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 200–206.

Бураева О.В., Бураева С.В. Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П.П. Хороших) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 88–103.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П. Деятельность «Новоэкспорта» в Сибири // Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии: сб. материалов науч.-практ. конф. Красноярск, 2001. С. 26–28.

Вдовин А.С., Китова Л.Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 2. С. 171–182.

Вдовин А.С., Китова Л.Ю., Кочкина Е.И., Конохов В.А. Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 30–35.

Грищенко Л.Н. К вопросу о заготовке и экспорте предметов этнографии и археологии в Сибири в 1930-е годы // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сб. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 100-

References

Adler B.F. (1930) Export of Gostorg and its importance in the study of man and life. *Severnaya Aziya = Northern Asia*. No. 3–4. P. 219–220. (In Russ.)

Akulich O.A.(2002) Irkutsk Regional Museum of Local History and Power: 1930s. *Kraevedcheskie zapiski Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya = Regional history notes of the Irkutsk Regional Museum of Local History.* Irkutsk: IG SO RAN. Iss. 9. P. 33–46. (In Russ.)

Berezovskii A. (1930) On increasing exports. *Sovetskoe kraevedenie = Soviet local history.* No. 1–2. P. 27–30. (In Russ.)

Buraeva O.V., Buraeva S.V.(2018) Ornament of Evenks in a historical retrospective (based on materials from the P.P. Khoroshikh Foundation). *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*. No. 6. P. 200–206. (In Russ.)

Buraeva O.V., Buraeva S.V. (2019) The space of the shamanic ritual among the Evenks of Lower Tunguska (based on materials from the personal archive of P.P. Khoroshikh). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 15. No. 4. P. 88–103. (In Russ.)

Vdovin A.S., Gulyaeva N.P. (2001) Activity of "Novoexport" in Siberia. *Problemy bor'by s provedeniem nezakonnykh raskopok i nezakonnym oborotom predmetov arkheologii, mineralogii i paleontologii: sb. materialov nauch.-prakt. konf. = Problems of combating illegal excavations and illegal circulation of archeological, mineralogy and paleontological objects: proceedings of the scientific and practical conference.* Krasnoyarsk. P. 26–28. (In Russ.)

Vdovin A.S., Kitova L.Yu. (2010) About the sale abroad of Siberian archaeological and ethnographic collections in the 20-30s. XX century. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of the V.P. Astaf'ev Krasnoyarsk State Pedagogical University*. No. 2. P. 171–182. (In Russ.)

Vdovin A.S., Kitova L.Yu., Kochkina E.I., Konokhov V.A. (2017) Minusinsk-Khakass archaeological expedition in 1930 for "Novoexport". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University.* No. 4. P. 30–35. (In Russ.)

Grishchenko L.N. (2005) On the issue of procurement and export of ethnographic and archeological objects in Siberia in the 1930s. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: idei, metody, otkrytiya: sb. dokl. mezhdunar. nauch. konf., pos-*

летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С.В. Киселева (Минусинск, 20–26 июня 2005 г.). Красноярск, 2005. С. 267–268.

Китова Л.Ю., Вдовин А.С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири (Из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы). Кемерово, 2015. 92 с.

Манушкина С.Г., Сирина А.А. Международный проект «Архивы в опасности: некоторые итоги работы с фотоколлекциями ИОКМ» // Краеведческие записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: ИГ СО РАН, 2006. Вып. 13. С. 35–50.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея. Альбом). М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. 296 с.

Новый этап в краеведении // Советское краеведение. 1930. № 1–2. С. 1–2.

О содействии экспорту // Советское краеведение. 1930. № 7–8. С. 52–53.

Полтораднев П.Г. Оленеводство тунгусов. М.; Иркутск, 1932. 64 с.

Савельев Н.А., Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии. Павел Павлович Хороших (1890–1977 гг.). Жизненный путь // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа (1918–1937 гг.): Материалы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Амтера, 2009. С. 89–98.

Сирина А.А. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., автор вступ. ст. и библиогр. словаря Сирина А.А. М.; Иркутск, 2013a. С. 7–48.

Сирина А.А. Полтораднев Павел Григорьевич // Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., автор вступ. ст. и библиогр. словаря Сирина А.А. М.; Иркутск, 2013b. С. 417–418.

Сирина А.А. Хороших Павел Павлович // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., автор вступ. ст. и библиогр. словаря Сирина А.А. М.; Иркутск, 2013c. С. 431–433.

Сирина А.А., Акулич О.А. Иркутский центр этногра-

vyashch. 100-letiyu so dnya rozhd. chl.-korr. RAN S.V. Kiseleva (Minusinsk, 20–26 iyunya 2005 g.) = Archeology of Southern Siberia: ideas, methods, discoveries: proceedings of the International Scientific. Conference Dedicated to 100th anniversary of the birth of Corresponding Member RAS S.V. Kiselev (Minusinsk, June 20–26, 2005). Krasnoyarsk. P. 267–268. (In Russ.)

Kitova L.Yu., Vdovin A.S. (2015) The fate of the historical and cultural heritage of the peoples of Siberia (From the history of organizing the export of archaeological and ethnographic collections in 1920–1930). Kemerovo. 92 p. (In Russ.)

Manushkina S.G., Sirina A.A. (2006) International project "Archives in Danger: Some Results of Working with Irkutsk Museum of Local History Photo Collections". *Kraevedcheskie zapiski Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya = Regional history notes of the Irkutsk Regional Museum of Local History.* Irkutsk: IG SO RAN. Iss. 13. P. 35–50. (In Russ.)

(2006) On the edge of the worlds. Shamanism of the peoples of Siberia (from the collection of the Russian Ethnographic Museum. Album). Moscow: Khudozhnik i kniga. 296 p. (In Russ.)

(1930) A new stage in local history. *Sovetskoe kraevedenie = Soviet Local History Studies.* No. 1–2. P. 1–2. (In Russ.)

(1930) On export promotion. *Sovetskoe kraevedenie = Soviet Local History Studies.* No. 7–8. P. 52–53. (In Russ.)

Poltoradnev P.G. (1932) Tungus reindeer husbandry. Moscow; Irkutsk. 64 p. (In Russ.)

Savel'ev N.A., Perzhakova A.S. (2009) Irkutsk School of Paleoethnology. Pavel Pavlovich Khoroshikh (1890–1977). Life path. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola (1918–1937 gg.). Materialy Vserossiiskogo seminara, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri. Irkutsk, 3–6 maya 2009 g. = University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk school (1918–1937). Proceedings of the All-Russian Seminar dedicated to the 125th anniversary of Bernhard Eduardovich Petri.* Irkutsk, *May 3–6, 2009*. Irkutsk: Amtera. P. 89–98. (In Russ.)

Sirina A.A. (2013a) "Provincial" science: ethnography in Irkutsk in the 1920s. *"Provintsial'naya" nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-e gody = "Provincial" science: ethnography in Irkutsk in the 1920s.* Moscow; Irkutsk. P. 7–48. (In Russ.)

Sirina A.A. (2013b) Pavel Grigorievich Poltoradnev. *"Provintsial'naya" nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-e gody = "Provincial" science: ethnography in Irkutsk in the 1920s.* Moscow; Irkutsk. P. 417–418. (In Russ.)

Sirina A.A. (2013c) Khoroshikh Pavel Pavlovich. *"Provintsial'naya" nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-e gody = "Provincial" science: ethnography in Irkutsk in the 1920s.* Moscow; Irkutsk. P. 431–433. (In Russ.)

Sirina A.A., Akulich O.A. (2009) Irkutsk Center for Eth-

фических исследований в 1920-е годы: люди, труды, судьбы // Вузовская научная археология и этнология. Иркутск, 2009. С. 340–342.

Хороших П.П. Путевые знаки эвенков-охотников // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1950. Вып. 10. С. 56–60.

Хороших Павел Павлович (1890–1977). Кандидат исторических наук, доцент // История и историки. 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 181–183.

Хороших Павел Павлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6192 (дата обращения: 10.02.2020)

Экспедиции Восточно-Сибирского географического общества // Советская Азия. 1930. № 5–6 (35–36). С. 351–352.

Критерии авторства

О.В. Бураева, С.В. Бураева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Бураева Ольга Владимировна,
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: olgaburaeva@mail.ru
Бураева Светлана Валерьевна,
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия
✉ e-mail: ladys@inbox.ru

nographic Research in the 1920s: people, works, destinies. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya = University scientific archeology and ethnology.* Irkutsk. P. 340–342. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1950) Trail signs of Evenk hunters. *Kratkie soobshcheniya In-ta etnografii AN SSSR = Brief Reports of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR.* Iss. 10. P. 56–60. (In Russ.)

(2008) Khoroshikh Pavel Pavlovich (1890–1977). Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. *Istoriya i istoriki. 90 let istoricheskoi shkole Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = History and historians. 90 years of the historical school of Irkutsk State University.* Irkutsk: Ottisk. P. 181–183. (In Russ.)

Geniatulin R.F. (2011) Khoroshikh Pavel Pavlovich. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya = Small Encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka.* 368 p. (In Russ.) URL: http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6192 (data obrashcheniya: 10.02.2020)

(1930) Expeditions of the East Siberian Geographical Society. *Sovetskaya Aziya = Soviet Asia.* No. 5–6 (35–36). P. 351–352. (In Russ.)

Attribution criteria

Buraeva O.V., Buraeva S.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Olga V. Buraeva,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the department of history, ethnology and sociology,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sachyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: olgaburaeva@mail.ru
Svetlana V. Buraeva,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the center of Oriental manuscripts and xylographs,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sachyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: ladys@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140

Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов Севера Сахалина

© Н.И. Новикова

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются формы социальной организации коренных народов Севера Сахалина и применяемые ими технологии в сфере традиционного рыболовства и предпринимательства в контексте правового плюрализма. Этот метод позволяет анализировать сосуществование государственного и обычного права, моральных норм и принципов социального предпринимательства. Для анализа используются методы юридической и социальной антропологии. В исследовании применены подходы Экспертного механизма по правам коренных народов ООН. Изучаемые процессы и явления интерпретируются в академическом и аборигенном дискурсах. Федеральное и региональное законодательство оцениваются через изучение локальных практик рыболовства и предпринимательства. Проведено исследование влияния новых социальных институтов на техническое оснащение и внутреннее правовое регулирование хозяйственной деятельности, форм взаимодействия рыбаков и коммерческих предприятий, противоречий между аборигенным рыболовством и официальной экологией. Статья написана на основании полевых материалов (наблюдений и экспертных интервью), собранных среди коренного населения острова Сахалин (г. Южно-Сахалинск, Поронайский, Ногликский и Охинский районы) в 2014 и 2019 гг. Изучены причины занятия предпринимательской деятельностью. Дана оценка современного аборигенного рыболовства, опирающегося как на традиционные знания и навыки, так и на современные технологии. В статье исследуются особенности предпринимательства коренных народов, в котором сочетаются коммерческие и социальные цели, реципрокные и рыночные отношения. Специальное внимание уделено оценке браконьерства и обычно-правового регулирования рыболовства. Аборигенное предпринимательство рассматривается как средство устойчивого развития и борьбы с бедностью. В заключение предлагаются меры правового регулирования аборигенного рыболовства и рекомендации, выработанные в ходе консультаций с руководителями рыболовецких организаций.

Ключевые слова: рыболовство, коренные малочисленные народы Севера, Сахалин, традиционное природопользование, аборигенное предпринимательство, права коренных народов, обычно-правовое регулирование, моральное право, устойчивое развитие, бизнес для бедных

Благодарности: Автор выражает благодарность многочисленным информантам, с которыми я работала на Сахалине, особенно Л.М. Курмангужиновой – председателю национальной хозяйственной артели «Абориген», председателю Совета родовых общин и национальных предприятий Поронайского района, члену Совета при Губернаторе Сахалинской области, члену Сахалинского рыбохозяйственного совета за участие и помощь в проведении работ. Исследование осуществлено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Информация о статье: поступила в редакцию 15 июня 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 8 июля 2020 г.; принята к публикации 27 июля 2020 г.

Для цитирования: Новикова Н.И. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов Севера Сахалина // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 127–140. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140

Energy of entrepreneurship in traditional nature use of indigenous peoples of the Sakhalin North

© Natalya I. Novikova

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article examines the forms of social organization of the small-numbered indigenous peoples of the North of Sakhalin in the field of traditional fisheries and entrepreneurship in the context of legal pluralism. This method allows us to analyze the coexistence of state and customary law, moral norms and the principles of social entrepreneurship. Methods of legal and social anthropology are used. The study uses the approaches of the UN Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples. Field materials are interpreted in academic and aboriginal discourses. Federal and regional legislation are evaluated through the study of local practices. A study of the impact of new social institutions on technical equipment and internal legal regulation of economic activities, forms of interaction between fishermen and commercial enterprises, contradictions between aboriginal fisheries and the official environment was conducted. The article is written on the basis of observations and expert interviews collected on Sakhalin Island (Yuzhno-Sakhalinsk, Poronaysky, Noglik, Okhinsky districts) in 2014 and 2019. The reasons for doing business were studied. An assessment is given of modern aboriginal fisheries, based on both traditional knowledge and skills, as well as modern technologies. The article explores the characteristics of indigenous entrepreneurship, which combines commercial and social goals, exchange of gifts and market relationships. Special attention is paid to the evaluation of poaching. Aboriginal entrepreneurship is seen as a means of sustainable development and poverty alleviation. The conclusion proposes measures for the legal regulation of aboriginal fisheries and recommendations developed during consultations with leaders of fishing organizations.

Keywords: fisheries, small-numbered indigenous peoples of the North, Sakhalin, traditional nature use, indigenous entrepreneurship, indigenous rights, customary law, moral law, sustainable development, business for the poor

Acknowledgements: I would like to express my thanks to all the many respondents I engaged with in the field on Sakhalin. I am very grateful to L.M. Kurmanguzhinova – chairman of the indigenous business organization (artel) "Aboriginal", chairman of the Council of clan communities and indigenous enterprises of the Poronai district, member of the Council under the Governor of the Sakhalin Region, member of the Sakhalin Fisheries Council for the participation and assistance in my work. This research was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR, grant 18-05-60040) written in the framework of the project "New technologies and social institutions among Indigenous peoples of the Russian Arctic: Opportunities and risks".

Article info: received June 15, 2020; revised July 8, 2020; accepted July 27, 2020.

For citation: Novikova N.I. (2020) Energy of entrepreneurship in traditional nature use of indigenous peoples of the Sakhalin North. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 127–140. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140

«Богатый других не кормит,
а состоятельный поделится».
Из интервью 2019 г., г. Южно-Сахалинск

Введение

В 2019 г. в с. Некрасовка Охинского района Сахалинской области мне рассказали такую сказку:

«*Сахалин был един с материком. Парень полюбил девушку из рода врагов. Они на смерть воевали, нельзя было договориться. Они почти все погибли. Тогда один шаманствующий разбил землю и сказал: «Будет две земли». Он сказал, что пока не помирятся, будет отдельно. Он с небес вызвал силу, которая разделила землю, а их землю сделал на рыбу похожей. Сказал: «Соединитесь, если найдете силу, чтобы помириться. Захотите, выживите, поплывете. Не захотите, на берег выброситесь». Люди решили выживать и до сих пор плывут, называя себя нивхами*» (ПМА, 2019)[1].

В данной статье я хочу попытаться ответить на вопросы, что помогает этим людям «плыть» и что мешает «помириться». Я хочу рассмотреть, как скла-

[1] Полевые материалы автора, 2019.

дывается судьба тех представителей коренных народов, которые хотят и работают как предприниматели, под свою ответственность, обеспечивая или не обеспечивая свои семьи за счет рыбалки, что им помогает и что их ограничивает. В современных условиях приведенный в начале статьи миф может быть интерпретирован как разделение традиционного природопользования и предпринимательства, строящихся на использовании водных биологических ресурсов. В статье исследуются вопросы: что делает традиционное природопользование предпринимательством? Почему люди идут в самостоятельный бизнес? Какие цели они при этом ставят? Что дает использование уникальных ресурсов и технологий? Какие проблемы возникают в современных условиях в правовой и политической сферах у аборигенов-предпринимателей? Как предпринимательство и используемые для него новые технологии интерпретируются коренным и местным населением и влияют на образ аборигена в современном обществе?

Описание методов и материалов

В сентябре – октябре 2019 г. я проводила полевые исследования в Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск, Поронайск, пгт. Ноглики, п. Некрасовка) среди представителей коренных народов Севера. Несмотря на то что площадь острова невелика и на нем проживает сравнительно немного аборигенов, важно проводить изучение локальных практик, так как ситуация довольно значительно различается в районах области. Общая численность коренных малочисленных народов немногим более 4 тысяч, они проживают в 7 районах. Мои полевые исследования охватывают три: Поронайский, Охинский, Ногликский и центральный город области. В аборигенном сообществе принято делить остров на юг области, к которому относится Южно-Сахалинск, и северные районы. Поронайск в этой ментальной карте занимает промежуточное положение, и в представлениях многих аборигенов ближе югу. На острове жизнь всего населения связана с рыболовством, водными биологическими ресурсами, поэтому собранные наблюдения и интервью записаны также с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, участниками научных и общественных мероприятий, проходивших на Сахалине в 2019 г. Во время интервью всем информантам задавались как минимум одинаковые вопросы, что позволяет представить общее мнение по рассматриваемой теме. Кроме того, все участники исследования были ознакомлены с «прикладной повесткой», так как после возвращения в Москву я должна была принять участие в нескольких мероприятиях, посвященных традиционному рыболовству в структурах государственной власти. Всего записано 36 интервью (представители коренных народов – 11 мужчин, 17 женщин, представители других народов – 5 мужчин, 3 женщины). В анализе материалов использованы также 6 интервью, записанные в 2014 году (1 мужчина, 1 женщина – работники органов власти; 1 мужчина, 1 женщина – представители коренных народов; 2 мужчины – представители крупного рыболовецкого предприятия)[2].

От всех участников исследования получено согласие на использование материалов в печати. Так как я веду полевые работы на Сахалине с 2000 года, меня многие знают на острове и это облегчает организацию исследования. Кроме того, в этой экспедиции вместе со мной ездила и помогала в работе Л.М. Курмангужинова – известный специалист и общественный деятель. Для интервью мы обращались именно к тем людям, которые уже имеют опыт не только в рыболовстве, обладая знаниями как о водных биоресурсах, так и об организации промысла, но и во взаимодействии с органами власти, другими предпринимателями. Материалы собирались методами включенного наблюдения и полуструктурированных, в значительной степени экспертных интервью. Данная работа выполнена в рамках более широкого проекта и является продолжением уже опубликованной статьи, посвященной этой теме (Новикова, 2019). Важное значение для интерпретации предпринимательства коренных народов Сахалина имеет характеристика, данная Экспертным механизмом ООН, в докладе 2017 г., где специально подчеркивается: «В экономических системах коренных народов при всем их значительном разнообразии делается большой упор на получении социальной и экономи-

[2] Полевые материалы автора, 2014.

ческой отдачи в интересах общин. В концепциях предпринимательской деятельности коренных народов успех определяется не столько размером выручennой прибыли, сколько той пользой, которую то или иное дело может принести семьям и общинам коренных народов» (Передовая практика и вызовы…)[3].

Теоретической рамкой исследования выбраны правовой плюрализм и инклюзивная модель бизнеса, как наиболее соответствующие изучаемой теме. Для анализа собранных материалов руководящим принципом является правовой плюрализм как сосуществование различных правовых режимов в одном социальном поле, когда поведение человека соответствует более чем одному правопорядку (Griffiths, 1986; Development and Customary Law, 2010; Benda-Beckmann & Bertram, 2018), причем при анализе предпринимательства особенно очевидным становится положение о полуавтономном характере этих правовых режимов (Moor, 1973). Иногда на границе этих миров (в данном случае государственного и обычного права) складываются «местные нормы», которым подчиняется ежедневная хозяйственная деятельность.

Стоит обратить внимание на «ускользающую реальность» при занятиях рыболовством тем более предпринимательством. В этой сфере правовое регулирование неизменно не может быть очень жестким, при аборигенном природопользовании сочетаются государственное и обычное право, моральные нормы и принципы социального предпринимательства. Важным аспектом изучения в дальнейшем станет анализ деятельности правоохранительных органов на Сахалине и других районах Севера и проблема «аборигенного браконьерства», которые в большей степени пока рассматриваются по научной литературе (Wilson 2002; Месштыб, 2006; Simonova, Davidov, 2016; Пивнева 2019; Рахманова, 2019). С другой стороны, аборигенное предпринимательство и традиционное природопользование роднит самостоятельность и ответственность акторов. Люди, работающие в этой сфере, могут полагаться только на свои силы, а успех не гарантирован.

Методологии изучения аборигенного предпринимательства, предлагаемой в данной статье, близки подходы к арктическому предпринимательству как инновационному, когда критерием его выделения становится творческая активность по поиску более эффективных путей использования ресурсов (Пилясов, Замятина, 2016). А также обоснование коренными народами их морального права на добычу и реализацию рыбы (Wilson, 2002; ПМА, 2014[4]; ПМА, 2019[5]).

Социальные институты коренных народов в рыболовстве

Хотя все население островной области в значительной степени зависит от моря и его ресурсов, аборигенное природопользование имеет свою специфику. Для большинства информантов рыболовство является основой жизнеобеспечения. Они считают, что должны иметь первоочередной доступ к ресурсам, пользоваться ими в течение года на всех участках, кроме запрещенных по экологическим соображениям, как нерестовых. Именно благодаря водным биологическим ресурсам они могут содержать себя и свои семьи, так как других ресурсов, другой возможности заработать у них нет. Для экономически активного населения как в городах, так и в сельской местности рыболовство это не только и может быть не столько образ жизни, сколько сфера занятости. Приведу фрагмент интервью: «Я рыбак по принуждению, на спиннинг не ловлю. Для нас в каждый период вся рыба значима в какой период идет. Когда мало красной рыбы, мы другую ловим. От моря все брали, после шторма все собирали. Капусту, ракушки пока не ограничивают. Гребешок, ракушки все меньше становится, года 2–3 последние очень мало. У людей опыт

[3] Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11–29 сентября 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53 (дата обращения 31.03.2020).

[4] Полевые материалы автора, 2014.

[5] Полевые материалы автора, 2019.

есть, что можно есть. Это все само собой напрашивается» (ПМА, 2019[6], г. Поронайск).

До конца XIX века рыболовство коренных народов носило в основном потребительский характер. Товарные отношения стали особенно быстро развиваться в 1920–1930-х годах с созданием артелей и затем колхозов, по сути, их хозяйственная деятельность мало отличалось от традиционной. Но укрупнение хозяйств и рост промышленного рыболовства на Сахалине привели к вытеснению из колхозов местного населения (Народы Северо-Востока Сибири, 2010. С. 388–391). В названиях крупных рыболовецких предприятий слово колхоз сохраняется до сегодняшнего дня. В начале 1980-х годов этот факт для Ногликского и Охинского районов отмечала А.В. Смоляк: «С каждым годом под разными предлогами нивхи все больше оттесняются от работ, связанных с рыболовством, им предоставляют малооплачиваемые участки колхозного труда (Смоляк, 2006. С. 176). Сходные процессы наблюдались и в других районах Дальнего Востока (Тураев, 2017). Вытеснение аборигенов из предприятий, созданных на основе колхозов, сохраняется и в современных условиях. Во время проведения исследований последних лет мне приходилось слышать о конфликтах и увольнениях, сопровождавшихся взаимными претензиями. В период моей работы все (и руководители, и работники хозяйств, и чиновники в районе и области) рассказывали о конфликте между предприятием «Новая Заря» и местными рыбаками в Некрасовке. На сходе была достигнута договоренность о том, что местные рыбаки будут участвовать в путине, но в назначенное время никто не вышел на работу. В результате предприятие понесло большие убытки и было вынуждено искать и привозить рабочих-рыбаков с материка. Полевые материалы позволяют предположить, что этот трудовой конфликт имеет большую историю и строится на долговременных «обидах» коренного населения.

И привязанности, и претензии аборигенов основываются на представлении о колхозах, как «своих» предприятиях. Эта ситуация похожа на то, как коренные народы относились к автономным округам как к собственной государственности. Такие формы политической и хозяйственной организации воспринимались как созданные государством именно для этих народов, и аборигены ждали защиты своих прав и в колхозах, и в автономных округах. Рассказы современных информантов содержат много сведений о такой обиде на колхозы, хотя сегодня все понимают, что это обычные коммерческие рыболовецкие предприятия. Сегодня они сохранили не только названия, но и, некоторые из них, аборигенные рыбацкие бригады. В 2014 г. была изучена деятельность колхоза «Новая заря» на Рыбновском побережье. Там стационарно работала бригада, на 60 % состоящая из нивхов. Колхоз объединял несколько предприятий, обладал технологическим оборудованием, являясь крупнейшим рыболовным предприятием Охинского района. Бригада использовала заездок (вариант запорного рыболовства), что являлось уникальным для Сахалина. Эти места богаты ресурсами, но в последние годы уловы сокращаются, а значит, сокращаются и заработки рыбаков. В целом такая форма организации труда была удобной и для руководителя предприятия, и для рыбаков, которых обеспечивала легальным ловом и зарплатой. Чаще отношения между рыбаками и «новыми колхозами» строятся как конфликтные. Во многих местных семьях рассказывают истории о том, как когда-то в колхозах работали именно нивхи, но потом потеряли работу из-за приезжих, получивших лучшие места и возможности зарабатывать. В целом эти отношения балансируют от сотрудничества к конфликту в зависимости от личных качеств руководителей и требуют особых усилий с обеих сторон.

В 1990-е году в Поронайске сложилась устойчивая и эффективная система организации труда и жизни местного населения благодаря выделенной для родовых хозяйств зоне рыболовства в заливе Терпения. Ее успешность подтверждается тем, что уровень оплаты труда в аборигенных хозяйствах был сопоставим с уровнем доходов других рыбопромышленников (Новикова, 2006)[7]. Важно отметить, что эти хозяй-

[6] Полевые материалы автора, 2019.

[7] Новикова Н.И. Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область // Серия «Исследования по прикладной и неотложной

ства смогли организовать свою деятельность благодаря согласованию с колхозом «Дружба» 26 километровой полосы по побережью, на которой были выделены 2-х километровые промысловые участки. Почти сразу стали возникать конфликты из-за того, что участков мало, а желающих их получить много (Миссонова, 2003. С. 18–19)[8]. Вместе с тем мои полевые материалы показывают, что руководителей действующих хозяйств отличают деловые качества предпринимателей, умение договориться с соседями и представителями органов власти, с крупными промышленниками и благодаря этому создать устойчивые и технически оснащенные предприятия. Важным фактором успешности хозяйств стала система неформального самоуправления, строящаяся на созданных руководителями хозяйств правилах (Новикова, 2006)[7]. Создание и работа этих хозяйств по-разному оцениваются исследователями. Как возможность выживания (Миссонова, 2003)[8] или как потенциал не только для роста благосостояния, но и создания базы для развития культуры, опираясь на собственные силы, помимо промышленных компаний. Первоначально эти хозяйства не были вовлечены в программы Плана содействия развитию коренных народов Сахалина, осуществляемого на деньги Сахалин энерджи (Новикова, 2014. С. 238–242).

Важнейшим инструментом осуществления властных полномочий со стороны Совета родовых хозяйств стало распределение лимитов на вылов рыбы. Совет хозяйств решал вопрос о сокращении или лишении лимитов на основании не предоставления отчетности, нарушения правил рыболовства три и более раз, не привлечения на работу аборигенов, не внесения взноса, не освоения выделенных лимитов. Совет следил также за уплатой налогов. Интересно отметить, что в этих правилах отмечается презумпция обязательности нарушения правил рыболовства. Но здесь соблюдается мера – нарушения не должны быть злостными и их не должно быть слишком много (Новикова, 2006. С. 15)[7]. Родовые хозяйства юридически оформлены, но отношения внутри них и между нами строятся чаще всего на личных отношениях. А трудовая и деловая этика – на культурных основаниях, традициях и обычаях коренных народов. Деловые отношения принимают личностную окраску, которые влияют на процесс принятия решений (Радаев, 1999).

Социальная основа аборигенного предпринимательства строится как на финансовом обеспечении семей и семейных общин, так и на предоставлении рабочих мест для коренных народов. В последнем направлении ситуация ухудшается год от года. В Поронайске особенно неблагоприятная ситуация на о. Южный (Сачи). Отсутствие моста и регулярного сообщения с городом привело к росту безработицы. У самих аборигенов многие годы возникают различные проекты по обустройству острова, созданию там предприятий, поддержке школы-интерната (в прошлом лицея), но у них не хватает на это финансовых возможностей, а органы власти бездействуют.

Для чего же в современных условиях аборигены занимаются предпринимательством? Определяющим в организации предпринимательства в рыболовстве являются водные биологические ресурсы. При их сокращении или отсутствии никакие умения, знания, энергия помочь не могут. Интересной особенностью предпринимательства на Сахалине является его «интернациональный характер», почти все хозяйственные организации коренных народов объединяют все народы Сахалина, причем в большинстве коренные, но и включают часто корейцев и русских. Мне приходилось неоднократно слышать, что технологии рыболовства у всех местные и самые успешные хозяева владеют ими в совершенстве. Нивхи, уйльта, нанайцы и другие коренные народы осваивают эти навыки с детства. А вот необходимые для предпринимательства технологии социального взаимодействия, организации добычи, переработки, реализации продукции рыболовства они приобретают уже во взрослой жизни, в том числе и в межэтническом взаимодействии.

Внутри аборигенного сообщества сохраняется советское представление о бизнесе как явлении как минимум недостойном или криминальном. Тем бо-

этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 187. М., 2006. 19 с.

[8] Миссонова Л.И. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов) // Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 162. М., 2003. 27 с.

лее, что на Сахалине криминальная история есть у многих крупных рыбопромышленников. Сегодня появляются высказывания о том, что предпринимательство – это не для народов Севера, поэтому, например, в Ногликах как центре традиционной культуры оно меньше развито, чем в Поронайске. Такие мысли высказываются и исследователями, которые видят смысл современного развития коренных народов в первую очередь не в улучшении их жизни, а в сохранении традиционного образа жизни, не видя в нем потенций для развития (Южаков, 2017).

Однако полевые исследования показали, что эти представления не являются всеобщими и определяющими. Более того, «прорабы предпринимательства» именно в нем видят основания для изменения и жизни людей, и образа аборигена в современном мире. Впервые я с таким подходом столкнулась в начале 2000-х гг. в Поронайске, где благодаря усилиям Л.М. Курмангужиновой, Н.В. Джаббаровой, С.М. Резник, В.С. Кимура и других руководителей родовых хозяйств не только организовали хозяйственную деятельность, но и действенную систему самоуправления и как результат поддержку культурных инициатив и праздника Кормления моря (Новикова, 2006)[7]. Первый такой праздник, на котором мне посчастливилось побывать, был действительно народным, впоследствии он утратил многие самобытные черты и стал более формальным, устраиваемым на деньги администрации и по государственным канонам.

Цели экономического и культурного развития, создания нового образа коренных народов и отношения к ним как к равным остаются актуальными и сегодня. В 2019 г. я записала характерное высказывание: «Я хочу настоящий цех сделать, чтобы к народам Севера по-другому относились». Для многих аборигенов очевидно, чтобы достойно содержать свои семьи, они должны иметь и хорошее оборудование для лова, хранения и переработки. Сегодня работа по принципу – поймал рыбу – продал дает уже слишком маленький доход и подходит лишь для самых неорганизованных и бедных слоев населения. Вместе с тем сдерживающим фактором является также отказ от «обогащения». Всем моим информантам нравится рыбу раздавать. Типичны такие высказывания: «Мне нравится рыбу ловить, солить, раздавать». Многие женщины проявляют большое мастерство в приготовлении рыбных блюд. Для аборигенов есть очень тесная связь между ловом рыбы и результатом своей деятельности, именно из-за того, что «поймал и кому-то польза» они и занимаются рыбалкой, поэтому их годовой цикл состоит из подготовки к рыбалке и самой рыбалки. Они хотят, чтобы этот процесс строился на их наблюдениях и знаниях. Эти знания носят традиционный характер, так как они передаются внутри сообщества и их инновационность может быть достигнута благодаря новым технологиям, но определяющим в их применении являются именно постоянные наблюдения за природой и анализ этих многолетних наблюдений. Именно на таком подходе строится их неприятие и критика «научных» выводов и государственного регулирования.

Важной чертой предприятий коренных народов является обеспечение ими рынка труда и ответственность за нанятых работников, оплаты труда и страховых взносов. Таким образом они выходят за рамки семейного бизнеса, ведь дети вырастая хотят иметь свои собственные хозяйства. Хотя семейные традиции сохраняются, но молодые бизнесмены часто не развивают бизнес родителей, а создают свой, и в качестве стартового капитала имеют только будущие рыбные ресурсы.

Правовое и местное регулирование рыболовства

Для обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации гражданам из их числа и их организациям должны предоставляться все виды водных биологических ресурсов, доступных в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности за исключением добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов. Исторически традиционное природопользование строится именно на таком рыболовстве, когда люди имеют возможность в течение года заниматься выловом различных видов биоресурсов и благодаря этому достигается неистощительный характер их хозяйст-

венной деятельности и минимизируется ущерб окружающей среде и ресурсам.

В Федеральном законе «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»[9] специально выделена статья о традиционном рыболовстве, которое может осуществляться без предоставления промыслового участка (ст. 25). Кроме того, в этом законе подчеркивается, что одним из его принципов, согласно ст. 2, является учет интересов населения, для которого рыболовство является основой существования, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, согласно которому им должен быть обеспечен доступ к водным биоресурсам для обеспечения жизнедеятельности населения.

Рыболовство на государственном уровне регулируется специальным федеральным законом и правилами для Дальневосточного бассейна, которые предоставляют коренным малочисленным народам достаточно широкие права. Также доступ к ресурсам представляется законами «О животном мире» (ст. 49) и «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Важно также отметить, что в принятом Правительством перечне традиционных видов деятельности отмечается, что к ним относятся не только само рыболовство, но переработка и реализация водных биологических ресурсов (Распоряжение Правительства РФ)[10]. На практике почему-то все эти нормы подвергаются сомнению, как правоохранительными органами, так и многими исследователями (Мамонтова, 2012. С. 135), которые вслед за аборигенами продолжают повторять, что традиционное природопользование не включает продажу рыбы. На практике вопросы реализации продукции сталкиваются с такими препятствиями, которые далеко не все хозяйства могут преодолеть. Один из руководителей общины сказал: «Наше непонимание законов приводит к тому, что возникают несовместимые вещи. Если есть право ловить, то должно быть право продать» (ПМА, 2019)[11]. Причем речь идет не о разовой продаже нескольких килограммов, а реализации продукции аборигенных предприятий, которые должны преодолеть слишком много преград на пути их легального оформления. Существенные преграды на пути к рынку аборигенов-рыбопромысловиков создают и различные системы сертификации и контроля (Меркурий и другие), которым они обязаны подчиняться.

О сложностях оформления разрешения на вылов рыбы говорят все информанты. У них вызывает недоумение необходимость подавать заявки в определенные сроки, хотя достаточно было бы просто имеющихся у органов местного самоуправления списков. Трудности и конфликты возникают не только с органами рыбоохраны, но и с пограничниками. Сейчас необходимо оформлять: «регистрацию плавсредств у пограничников, регистрацию в маломерных судах, техосмотр (сейчас бесплатно). Ежедневное уведомление о выходе в море. Охотское море стало закрытым, на выход разрешение надо. На руках надо удостоверение личности – паспорт, потом разрешили копию, хотя есть другие документы с фотографией на плавсредство. Лист учета. И должны отчитываться: какой и сколько рыбы поймал в конце путины. Все эти документы нужно оформить на того, кто отвечает за рыбалку. А еще должно быть физическое пребывание именно этого лица, как приложение к документу. Листы учета выдают по свидетельству о рождении» (ПМА, 2019)[11].

Часто ограничения касались квотного лова анадромных пород для личного потребления. Сейчас ситуация изменилась. На Сахалине установлен лимит анадромных в 300 кг на человека (до этого было 100), в последнюю путину такое количество смогли выловить немногие, так как в разрешенные сроки просто не было столько рыбы. В последнее время ввели

[9] Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901918398 (дата обращения 31.03.2020).

[10] Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95535 (дата обращения 31.03.2020).

[11] Полевые материалы автора, 2019.

много ограничений и на так называемую черную рыбы, поэтому, по словам рыбаков, «если работать по закону, вообще на еду не хватит, в день можно 2–3 штуки ловить».

Предлагаемые государственными органами власти ограничения не учитывают локальных особенностей рыболовства. Так сети должны быть длиной 30 м, а высота стенки 3 м, что приводит к тому, что рыба просто может обойти такую сетку. Все местные рыбаки снасти готовят сами, даже если покупают, то потом адаптируют к своим условиям. Одна руководитель хозяйства на вопрос о препятствиях для развития отметила: «Сети ограничены 30 м, а должны быть 150, а ширина не 3 м, а 5. Диалог нужно найти, поправки внести по регионам, а в области по районам. Кто в море, кто по заливам. Мы ловим на чужих участках и вынуждены дальше в море выходить. У нас нужны гибкие требования» (ПМА, 2019[11], Ноглики). Возникают большие дебаты вокруг «проходных дней». Экологи и чиновники настаивают на их необходимости. Аборигены выступают против, получая обвинения в стремлении к браконьерству.

Вопрос об аборигенном браконьерстве является сложным для анализа. Если рыба составляет основу жизнеобеспечения, питания, занятости, то как ее добыча может быть криминальной? Рыболовство и реализация водных биологических ресурсов относится к числу видов традиционной хозяйственной деятельности, а значит, право на него должно быть гарантировано государством. Нужно отметить, что по мнению коренных рыбаков вылов необходимой им для питания рыбы подчиняется их моральным нормам (Wilson, 2002), кроме того, легальные предприниматели платят налоги, обеспечивают занятость (правда не только коренного населения). Аборигены-предприниматели стремятся совершенствовать техническое обустройство своих предприятий, вкладывают в это средства и заинтересованы, чтобы их продукция была некриминальной, иначе они не смогут ее продавать. Азарт многих из них как раз и строится на реализации продукции, причем в этот процесс включены и дарообменные отношения, некоторые информанты говорят: «Я не люблю рыбу продавать, я ее люблю солить, раздавать», «русским продаем, своим раздаем». Нивхи и в рыночных отношениях сохраняют традиционное отношение к качеству рыбы. Сейчас на Сахалине работают рыборазводные заводы. Местное население отрицательно оценивает их деятельность, так как считается, что искусственная рыба хуже по вкусовым качествам, и во время путины ждут «серебрянку», считая, что только дикая кета обладает положительными свойствами. На это обращали внимание и другие авторы, работавшие на Сахалине (Simonova, Davidov, 2016). По моим полевым материалам, то, что называется аборигенным браконьерством часто является нарушением или непринятием местными рыбаками тех ограничений, которые устанавливает государство по непонятным для них причинам. Каждый год устанавливаются лимиты и сроки вылова, но многие опытные рыбаки не согласны с ними не только из-за стремления добывать больше рыбы, но и из-за недоверия к проводимым научным исследованиям. Они считают необходимым сделать эти данные прозрачными для населения, требуют, чтобы профильные научные учреждения осуществляли мониторинг количества рыбы и в зависимости от актуальной ситуации устанавливали научно обоснованные лимиты. Большая дискуссия на острове ведется из-за «проходных дней», когда запрещен лов рыбы. Такие дни всегда регулировались обычным правом коренных народов. В последние пять лет рыбы на острове становится все меньше, хорошие выловы сохраняются только на севере. В условиях сокращения рыбных запасов, проходные дни часто чередуются со штормами и люди остаются ни с чем. А у них нет других средств обеспечить свои семьи. В современных условиях рыбаки-предприниматели ведут свой учет рыбы как на предприятиях, так и в мелких общинах. У них большие претензии и к заводам, и к ученым, и к крупным промышленникам. Возникает конфликт с экологами, так как независимо от изменений законодательства, коренные народы уверены в допустимости своего права на приоритетный доступ к местным ресурсам. Рыбаки-предприниматели стремятся заниматься переработкой своей продукции, справедливо подчеркивая, что она менее криминальна, так как более технологична, требует больше усилий и более выгодна в легальном поле. В последнее время намечаются некоторые изменения в отношении к рыборазвод-

ным заводам, что было отмечено на заседании в Правительстве Сахалинской области 13 марта 2020 г. Общественная организация «Экологическая вахта Сахалина» сообщает в Facebook: «Это означает, что большая часть о. Сахалин будет свободна от искусственного разведения лосося, и в реках будут воспроизводиться только дикие популяции горбуши и кеты. Новые ЛРЗ можно будет строить только в южной части острова, где рыбы почти не осталось» (Клуб друзей Экологической вахты Сахалина)[12].

И, наконец, нужно сказать о саморегуляции и традиционного природопользования и аборигенного предпринимательства. Многие информанты говорили о том, что нивхи не убегают от рыбконтроля, так как считают, что лов рыбы – это их законное право, некоторые из них не очень разбираются в тонкостях ограничений и так понимают закон. Конечно, необходимо их правовое образование, но этим на острове никто не занимается и люди сами просто читают документы и действуют на свой страх и риск. Кроме того, они видят, насколько много браконьеров, которые легко уходят от ответственности. От организованных хозяйств зависят многие социально незащищенные аборигены и руководители таких организаций должны их обеспечивать, именно в этом они видят свою социальную ответственность. Например, записаны такие высказывания: «Для меня человек превыше всего. Я могу через закон преступить, если человек нуждается. Если есть муж, я отказываю, только нуждающимся. Не могу сделать коммерческую организацию». «Мы в сильно богатые не рвемся, на себя хватает. Я все должен в своих руках держать. Выловили мало, а вложили много». «Богатый других не кормит, а состоятельный поделится. У нас всегда обмен был» (ПМА, 2019)[11]. Подобное типичное высказывание было записано Н. Мамонтовой в 2009 г.: «Дело не в том, что я не могу иметь промысловой базы – я не хочу иметь. Мне необходим уровень самодостаточности, и выше прыгать я не хочу. Я не хочу на традиционной экономике делать технологический уровень, чтобы он приносил богатства. Я хочу, прежде всего, чтобы все хозяйства вышли на достаточный уровень. Если коренные народы выйдут за рамки уровня достатка, то они будут вести себя, как и пришлые, – они будут уничтожать природу (Мамонтова, 2012. С. 138).

Е.А. Крейновичем были записаны предания нивхов, которые я предлагаю интерпретировать как «мифологический правовой порядок» (Рулан, 1999)[13] рыболовства. В работе Крейновича они описаны как необходимость бережно относиться к ресурсам, рыбу и морского зверя ловить, но гуманными методами, а за новыми ресурсами отправляться, когда запасы уже закончатся (Крейнович, 2001. С. 138–145). Ключевым понятие в такой обычно-правовой системе является соблюдение меры. Соблюдение реципрокных отношений способствует таким правовым нормам, иногда включая в них и отношения с сверхъестественными существами (Березницкий, 2020). Эти представления в самом общем виде характерны для аборигенного природопользования / предпринимательства и в современных условиях. И именно нарушение меры в рыболовстве вызывает негативную оценку всего рыболовецкого сообщества Сахалина. Все мои информанты на острове отмечали необходимость борьбы с браконьерством, а аборигены готовы и сами участвовать в этом при обеспечении их безопасности. Экологичность и устойчивость аборигенных хозяйств отличает их от крупного бизнеса и объемом вылова, и количеством, и моральным правом обеспечивать свои насущные потребности, ведь это не извлечение сверхприбылей, а борьба с бедностью (Creating value for all…)[14]. Целесообразно было бы в будущем распространить действие федерального правового регулирования ресурсов на территориях традиционного природопользования на все, используемые коренными народами: «Использование природных ресурсов, находящихся на территориях традиционного

[12] Клуб друзей Экологической вахты Сахалина. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/pages/Экологическая-Вахта-Сахалина/1767283410160152 (дата обращения 31.03.2020).

[13] Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 1999. 310 с.

[14] Creating value for all: strategies for doing business with poor. Available from: http://growinginclusivemarkets.org/wp3/en/wordpress/wp-content/uploads/2010/04/gim-report_executive-summary_English.pdf (Accessed 31.03.2020).

природопользования, для обеспечения ведения традиционного образа жизни осуществляется лицами, относящимися к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также обычаями малочисленных народов» (статья 13 ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»)[15].

В современных условиях противостояние закона и обычного права может быть рассмотрено в рамках юридико-либертарного правопонимания, разграничения права и закона (Нерсесянц, 2001. С. 36–38)[16]. Возможно с такой ситуацией мы сталкиваемся при анализе аборигенного браконьерства, когда именно общественно признанные, справедливые в рамках аборигенного сообщества нормы могли бы апеллировать к правовому закону, потому что только он общеобязателен. Государственные правила не вызывают доверия именно ввиду их несоответствия жизненным интересам коренных народов, исторически выверенным нормам их природопользования.

Выводы

Аборигенное предпринимательство в сфере рыболовства – это специфический вид деятельности, строящийся на местных ресурсах, знаниях и навыках коренных народов. За последние 30 лет накоплен уже определенный навык ведения такого бизнеса, он доказал свою устойчивость и подчас безальтернативность для островного региона. Его развитие зависит от количества и качества водных биологических ресурсов и обеспечения доступа к ним коренных народов. Аборигенные хозяйства обеспечивают занятость, причем не только своих постоянных работников, но и нанимаемых на путину. В современных условиях они балансируют на грани выживания. Сложность предпринимательства аборигенов связана с отсутствием целенаправленной государственной поддержки и кредитования, отсутствием должной инфраструктуры и определенными ограничениями спроса, так как рыболовством занимается все население, а реализация рыбы окружена многочисленными запретами и выход на новые рынки ограничен. Из всех сфер деятельности коренных народов особенно острая конкуренция в рыболовстве, так как именно там возможно извлечение большей прибыли и аборигенам оказывается сложно конкурировать с технически и финансово оснащенными крупными предприятиями. Но, с другой стороны, именно в этой сфере могут складываться и новые альянсы с крупным рыболовецким бизнесом, строящиеся на совместном использовании оборудования, а также выработке общих требований/ предложений в законодательство и политику государства (как, например, иногда происходит на Сахалине).

Общины по закону – некоммерческие организации, это приводят сегодня к тому, что аборигены стремятся создавать иные формы кооперации для занятия бизнесом, даже теряя при этом государственную поддержку в рамках финансирования для коренных народов. Предложения лидеров и организаций этих народов создать режимы, благоприятные для свободного самобытного развития коренных народов через предпринимательство, пока не получают поддержки органов государственной власти. Право на традиционное рыболовство, с одной стороны, гарантируется государством и определено федеральным законодательством. С другой стороны, именно жесткая коннотация «коренные народы – традиционное природопользование» создает дополнительные трудности и ограничения. Однако сегодня аборигенное/ традиционное природопользование более современно, чем промышленное. Конечно, не по технологии, но по идеологии. Именно поэтому в международных документах есть призыв к национальным государствам по его поддержке. Более того, предпринимательство на основании традиционного природопользования служит важнейшим социальным целям устойчивого развития, в первую очередь борьбе с бедностью и экологическим задачам. Его правовое регулирование, на мой взгляд, должно мак-

[15] Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: http://base.garant.ru/12122856/4d6cc5b8235f826b2c67847b967f8695/#ixzz6INAaJqTN (дата обращения 31.03.2020).

[16] Нерсесянц В.С. Философия права. М., Норма, 2001. 241 с.

симально учитывать значение этого вида деятельности для благосостояния населения и поэтому поддерживаться государством, причем как на федеральном, так и региональном уровне. В отношении аборигенного предпринимательства его поддержка со стороны государства следует из его инклюзивного социального характера. Конечно, все рыболовство и традиционное, и промышленное зависит от возобновляемых водных биоресурсов. Все рыболовы заинтересованы в той или иной степени в их устойчивости, но у аборигенов оно основывается на добровольном ограничении своих доходов как бизнесе для бедных. При оценке легальности традиционного рыболовства и аборигенного предпринимательства нужно исходить из возможностей их регулирования «местным правом», как сочетанием государственного, обычно-правового регулирования и моральных норм защиты семей от голода и бедности.

В ходе полевых исследований в сентябре – октябре 2019 года на Сахалине были выработаны рекомендации, которые позднее еще обсуждались в социальных сетях и по телефону. Они носят локальный характер и рекомендованы именно для этого региона. Опыт подсказывает, что регулирование рыболовства, а тем более предпринимательства в этой сфере всегда лучше ограничивать узкой территорией. Важно также подчеркнуть, что руководители общин и рыболовных предприятий подчеркивали важность научного обоснования всех ограничений и мониторинга происходящих изменений. В современных условиях конструктивный подход будет заключаться в соединении знаний и практических навыков местного населения и научных работников. Острые дискуссии в сфере рыболовства лишь подчеркивают важность такого диалога для органов власти и контроля за использованием водных биологических ресурсов.

Рекомендации

1. Обеспечение свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на решение вопросов распределения возобновляемых природных ресурсов и организации рыболовства в Сахалинской области. Осознанное согласие может быть обеспечено при прозрачности и доступности для широкой общественности анализа принимаемых в течение последних лет ограничительных мер (проходные дни, размеры рыболовных сетей, ограничения мест вылова и т. п.).

2. Обеспечение правового и административного регулирования участия коренных малочисленных народов, их представителей в общественном контроле на нерестовых реках во время путины, в работе Штабов путины и других форм самоорганизации граждан для борьбы с незаконными выловами. Обеспечение гарантий безопасности для представителей коренных малочисленных народов со стороны правоохранительных органов.

3. Правовая и административная помощь коренным малочисленным народам в организации общин и других форм коммерческих и некоммерческих организаций для занятия рыболовством, охотой и собирательством.

4. Правовая и административная помощь (в том числе через знакомство с опытом других регионов) в организации территорий традиционного природопользования.

5. Рекомендация для Сахалинского научного института рыбного хозяйства и океанографии по учету традиционных знаний коренных народов Сахалина при регулировании рыболовства.

6. Убрать заявочный принцип получения лимитов вылова водно-биологических ресурсов (ВБР) на личное потребление коренных малочисленных народов. Из-за отдаленности мест проживания, а также трудностей в заполнении документов для некоторых категорий граждан незащищенные слои населения (дети-сироты, пенсионеры, инвалиды и т. д.) зачастую не могут своевременно и грамотно оформить лимиты на ВБР. Объемы лимитов на каждого человека и все виды, выделяемых ВБР в регионах, зафиксированы и утверждены, следовательно необходимости в подаче заявок нет.

7. Для развития родовых общин, находящихся на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов необходимы фиксированные лимиты на вылов ВБР. Эти лимиты должны выделяться независимо от наличия закрепленного рыболовного (рыбопромыслового) участка. На время путины им должен быть предоставлен участок для обеспечения их деятельности.

8. Необходимо обеспечить выделение участков для ведения традиционного рыболовства в непосредственной близости от мест проживания коренных малочисленных народов.

9. При полном или частичном запрете лова в лососевую путину в области и районах разрешить вылов для традиционного природопользования коренных малочисленных народов, чтобы обеспечить их ежедневные потребности в питании.

Библиографический список

Березницкий С. В. Реципрокные связи в промысловых технологиях коренных народов Амуро-Сахалинского региона // Кунсткамера. 2020. №1. С. 127–134.

Крейнович Е.А. Нивхгу. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2001. 520 с.

Мамонтова Н.А. Традиционная экономика нивхов Сахалина: между устойчивостью и развитием // Этнографическое обозрение, 2012, № 1. С. 133–150.

Месштыб Н.А. Охотники и рыболовы Нижнего Амура в условиях рынка // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 91–115.

Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А.Тураев. М.: Наука, 2010. 773 с.

Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.

Новикова Н.И. Аборигенное предпринимательство в России: ресурсы, технологии и социальные институты // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 5–18.

Пивнева Е.А. «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // Вестник антропологии. 2019. № 2. С. 86–102.

Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4 (24). С. 4–15.

Радаев В.В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 35–60.

Рахманова Л.Я. Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 45–60.

Тураев В.А. Традиционное рыболовство как конфликт интересов аборигенных сообществ, бизнеса и власти// Россия и АТР. 2017. № 2. С. 177–194.

References

Bereznitskii S.V. (2020) Recycling links in the fishing technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region. *Kunstkamera = Kunstkamera*. No. 1. P. 127–134. (In Russ.)

Kreinovich E.A. (2001) Nivkhgu. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 520 p. (In Russ.)

Mamontova N.A. (2012) The traditional economy of Sakhalin Nivkhgu: between sustainability and development. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review.* No. 1. P. 133–150. (In Russ.)

Messhtyb N.A. (2006) Hunters and fishermen of Lower Amur in market conditions. *Praktika postsovetskikh adaptatsii narodov Sibiri = Practice of post-Soviet adaptation of the peoples of Siberia*. Moscow: IEA RAN. P. 91–115. (In Russ.)

Bat'yanova E.P., Turaev V.A. (2010) People of the Northeast of Siberia. Moscow: Nauka. 773 p. (In Russ.)

Novikova N.I. (2014) Hunters and oil industry workers. Study on legal anthropology. Moscow: Nauka. 407 p. (In Russ.)

Novikova N.I. (2019) Aboriginal entrepreneurship in Russia: resources, technology and social institutions. *Vestnik antropologii = Bulletin of Anthropology.* No. 2 (46). P. 5–18. (In Russ.)

Pivneva E.A. (2019) “How much does the fish tail weigh?”: ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North. *Vestnik antropologii = Bulletin of Anthropology*. No. 2. P. 86–102. (In Russ.)

Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. (2016) Arctic Entrepreneurship: Conditions and opportunities for development. *Arktika: ekologiya i ekonomika = Arctic: Ecology and economy.* No. 4 (24). P. 4–15. (In Russ.)

Radaev V.V. (1999) Informal economy and out-of-contract relations in Russian business. Approaches to research into the informal economy. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir = Informal economy. Russia and the World.* Moscow: Logos. P. 35–60. (In Russ.)

Rakhmanova L.Ya. (2019) Fishermen and controlling authorities on Obi: enforcement in the shadow of local rules of the game. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. No. 4. P. 45–60. (In Russ.)

Turaev V.A. (2017) Traditional fishing as a conflict of interest for Aboriginal communities, businesses and authorities. *Rossiya i ATR = Russia and Asian-Pacific Region*. No. 2. P. 177–194. (In Russ.)

Смоляк А.В. О взаимоотношениях народов Севера Сахалина и Хабаровского края с окружающим населением. 1981 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России 1981–1984 гг. / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М., 2006. С. 176–180.

Южаков А.А. Северное оленеводство в XXI в.: генетический ресурс, культурное наследие и бизнес // Арктика: экология и экономика. 2017. № 2 (26). С. 131–137. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-2-131-137.

Benda-Beckmann, K. & Bertram, T.B. (2018) Legal pluralism, social theory, and the state. *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, *50*(3), 255–274.

Development and Customary Law. Indigenous Affairs, 1-2, 2010, 94 p.

Griffiths J. What is legal pluralism? The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. Volume 18, 1986 – Issue 24. Pp. 1–55. DOI: https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387

Moor Sally F. Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // Law and Society Review. 1973. 7(4): 719–746.

Simonova V.V., Davydov V.N. Non-compliance with Fishery Regulation in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery // International Journal of Humanities and Cultural Studies. 2016. Volume 3. Issue 3. Pp. 232–245.

Wilson, E. 2002. Est' zakon, est' i svoi zakony: legal and moral entitlements to the fish resources of Niski Bay, North-Eastern Sakhalin. In: Erich Kasten (editor). People and the Law. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia, Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 149–168.

Критерии авторства

Н.И. Новикова выполнила исследовательскую работу, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Новикова Наталья Ивановна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии РАН,
119991, г. Москва, Ленинский пр., 32А, Россия,
✉ e-mail: natinovikova@gmail.com

Smolyak A.V. (2006) About relations between the peoples of the North of Sakhalin and Khabarovsk Krai with the surrounding population. 1981. *Etnologicheskaya ekspertiza. Narody Severa Rossii 1981–1984 gg. = Ethnographic Expertise. Peoples of the North of Russia, 1981–1984.* Moscow. P. 176–180. (In Russ.)

Yuzhakov A.A. (2017) Reindeer husbandry in XXI century: genetic resource, cultural heritage and business. *Arktika: ekologiya i ekonomika = Arctic: Ecology and economy*. No. 2 (26). P. 131–137. (In Russ.) DOI: 10.25283/2223-4594-2017-2-131-137.

Benda-Beckmann, K. & Bertram, T.B. (2018) Legal pluralism, social theory, and the state. *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, *50*(3), 255–274.

Development and Customary Law. Indigenous Affairs, 1-2, 2010, 94 p.

Griffiths J. What is legal pluralism? The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. Volume 18, 1986 – Issue 24. Pp. 1–55. DOI: https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387

Moor Sally F. Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // Law and Society Review. 1973. 7(4): 719–746.

Simonova V.V., Davydov V.N. Non-compliance with Fishery Regulation in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery // International Journal of Humanities and Cultural Studies. 2016. Volume 3. Issue 3. Pp. 232–245.

Wilson, E. 2002. Est' zakon, est' i svoi zakony: legal and moral entitlements to the fish resources of Niski Bay, North-Eastern Sakhalin. In: Erich Kasten (editor). People and the Law. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia, Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 149–168.

Attribution criteria

N.I. Novikova completed research work, prepared the manuscript for publication, has copyright on the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Natalya I. Novikova,
Dr. Sci. (History), leading research fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences,
32A, Leninskiy Avenue, Moscow 119991, Russia,
✉ e-mail: natinovikova@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 394.014+391
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149

Городская идентичность современных монгольских кочевников

© В.И. Терентьев

Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация: В представленной статье рассматривается феномен Улан-Батора – города, фактически вмещающего в себя все внешние представления о Монголии, одновременно, по своей сути, не являющегося Монголией и представляющего собой в социокультурном пространстве страны своеобразный отдельный город-государство. Определяется значение столичного этнокультурного наполнения, его образов и смыслов в самоидентификационных практиках современных монголов. Предлагается краткий исторический обзор градостроительной традиции монголов, демонстрирующий активное внешнее влияние и практически полное отсутствие индигенного характера в этом процессе. Подобное не является уникальным для кочевой культуры, вся сущность которой отрицает любую оседлость, статичность и неподвижность, наполняющую город. На основании социологических опросов и качественных наблюдений обращается внимание на одну важную парадоксальность современного монгольского социума. Она сводится, с одной стороны, к устойчивому обращению представителей старшего поколения к кочевым, скотоводческим традициям как основе существования современной монгольской нации и цивилизации, с другой стороны – к стремлению организовать жизнь своим потомкам в городе, а не передавать им ценности номадического общества. В заключение делается вывод, согласно которому именно город дает возможность бывшему монголу-степняку, переехавшему сюда на потенциальное постоянное место жительства, прочувствовать во всей своей полноте идентичность кочевника, не скованную рамками животноводческого хозяйственного комплекса, но наполненную переосмысленными в условиях урбанистического окружения образами и представлениями о собственной традиционной культуре. Именно представления о своей собственной культуре, выражающиеся чаще всего в понимания кочевничества как мобильном, подвижном времяпрепровождении, определяют актуальную этничность монголов.

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, кочевничество, город, столица, идентичность, самосознание, этничность, молодежь

Информация о статье: поступила в редакцию 15 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 28 августа 2020 г.; принята к публикации 7 сентября 2020 г.

Для цитирования: Терентьев В.И. Городская идентичность современных монгольских кочевников // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 141–149. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149

Urban identity of modern Mongolian nomads

© Vladislav I. Terentyev

Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract: This article examines the Ulaanbaatar phenomenon. The capital city of Mongolia actually contains all the external ideas about the country, but in essence it is not Mongolia, being a kind of city-state that exists separately in the country's sociocultural space. The author defines the significance of the metropolitan ethnocultural space, its images and meanings in the self-identification practices of modern Mongols. A brief historical overview of the urban planning tradition of the Mongols is offered, which shows an active external influence and an almost complete absence of local character in this process. This is not unique to the nomadic culture, which denies any urban settlement, static and immobile. Based on opinion polls and qualitative observations, attention is drawn to one important paradox of the modern Mongolian society. It boils down, on the one hand, to the stable appeal of the older generation to nomadic, pastoral traditions as the basis for the existence of the modern Mongolian nation and civilization. On the other hand, it is associated with the desire to organize the life of their descendants in the

city and not pass on to them the values of the nomadic society. In conclusion, it is summed up that it is the city that enables the former Mongolian steppe, who moved here to a potential permanent residence, to feel in its entirety the identity of a nomad, not limited by the framework of livestock farming, but filled with images and ideas about their own traditional culture. These are the ideas about their culture, expressed most often in the understanding of nomadism as a mobile pastime, that determine the current ethnicity of the Mongols.

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, nomadism, city, capital city, identity, self-consciousness, ethnicity, youth

Article info: received August 15, 2020; revised August 28, 2020; accepted September 7, 2020.

For citation: Terentyev V.I. (2020) Urban identity of modern Mongolian nomads. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 141–149. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149

В Монголии существует два противоречивых друг другу культурно-смысловых пространства: столица и степь[1]. Известные штампы о разнонаправленных процессах развития столицы и провинции и фактически о вечном социокультурном параллелизме центра и периферии в Монголии гиперболизируются и принимают гротескные формы.

В провинции кажущиеся новации, такие как спутниковая и мобильная связь, солнечные батареи, мото- и автотранспорт перекрываются тысячелетним неизменяемым способом выпаса скота, получения и переработки мясомолочной продукции и всей системой кочевой животноводческой жизнедеятельности. При желании в такой сумме разногласий можно увидеть черты неотрадиционализма (Неотрадиционализм…, 2019; Попков, Тюгашев, 2020) – сложно применимой к монгольским реалиям концепции, призванной в российской антропологической традиции объяснять современное возрождение этнической культуры у аборигенных сибирских народов, которое в ряде случаев несет в себе элементы театрализации и, по сути, не восстанавливает условную традиционную культуру, но конструирует иную.

Монголы-степняки не занимаются созданием и проектированием новых культурных пространств и мифов. Они продолжают транслировать исконно установленный образ жизни через кочевую традицию. Отмеченные выше новации не меняют содержания номадического мироощущения и времяпрепровождения. Монгол-кочевник живет тем, что для горожанина утеряно, но, несмотря на окружающие его урбанистические виды, продолжает быть точкой и перспективой, к которой направлены все пути поиска собственного «я». Значительная часть образов Монголии, распространенных в массовом сознании иностранцев, связана со степной кочевой культурой и историей страны и практически не проявляет в себе городское пространство Улан-Батора. Тем не менее именно в столице протекают все ключевые этнонациональные процессы (об этом более подробно см: Терентьев, 2014). Здесь воплощается в конкретной символике и механизмах национальная идеология.

Кочевничество не только как форма ведения хозяйства, но как компонент этничности, является одной из ключевых составляющих современной монгольской идентичности. Исследователи, констатирующие кризис номадизма в Монголии и ставящие вопросы о конце подобного рода производства (Humphrey, Sneath, 1999; Sneath, 2018), рассматривают преимущественно только внешнюю экономическую сторону явления. Особо отмечается постсоциалистическая реальность рыночной Монголии, в которой приватизация степных угодий и последовавшие за этим деление и огораживание мест традиционного выпаса сковало свободу передвижения животноводов – саму

[1] В лексиконе современных монголов словом «город» (монг. *хот*) всегда обозначается Улан-Батор, по этой причине в нашем повествование «город» и «столица» всегда являются синонимами, а слова «провинция», «сельская местность» (монг. *хөдөө*) и производное, русифицированное от последнего – «худон» служат синонимами слов «степь» и «кочевье».

основу существования номадизма (Myadar, 2011; Myadar, 2020).

Такие выводы о кризисе номадизма как формы хозяйствования присущи традиционному подходу к проблеме. В философских исследованиях в связи с постструктуралистским подходом изучаются «средовые условия формирования номадического образа жизни в культуре постмодерна», сам номадизм рассматривается как «культурная оппозиция любому порядку, власти» (Шляков, 2019. С. 5)[2]. Важно обратить внимание на понимание номадизма (с точки зрения традиционных для модерна понятий блага и пользы) как бесполезное и асоциальное явление (Жакупбекова, 2018. С. 143).

Кочевничество противоречит здравому смыслу земледельца, кажется ему чем-то отсталым в его эволюционном воображении. Такое положение дел было концептуализировано еще А. Тойнби, согласно которому у кочевников нет ни будущего (при условии прекращения движения), ни истории (Тойнби, 2010). В некоторых случаях в последнее время подобное мышление, навязанное монголам общемировой модернизацией и глобализацией, начинает определять классический скотоводческий кочевой образ жизни как ретроградность, несоответствующую имиджу современной Монголии. Постмодернистская парадигма (Делез, Гваттари, 2010) в номадологии сводит на нет подобные рассуждения, отмечая несовместимость движения и статики и определяя кочевника как часть пространства.

Ментальные аспекты в антропологических исследованиях по Монголии остаются за пределами перечисленных публикаций. В отдельных случаях говорится о ключевой роли кочевой культуры в процессе выстраивания сегодняшней монгольской национальной идентичности (Szilagyi, 2016). Также отмечаются факторы, поддерживающие существование номадизма в современной Монголии: природно-климатический, демографический, экономический, зоологический, технологический, экологический и духовный (Жамбалова, 2017).

Изучая современный монгольский номадизм, учитывая всю хозяйственно-экономическую риторику, мы сконцентрируемся исключительно на самовосприятии монголов как нации кочевников. В определенных ситуациях данная идентичность становится доминирующей в самосознании, что позволяет отдельным представителям монгольской интеллигенции выбирать кочевничество в качестве собственной национальности (Барсболдт, 2019)[3] и транслировать эту мысль вовне, конструируя и/или подпитывая у представителя иной культуры, проживающего за границей, облик Монголии как страны кочевников.

Столица является простором для генерирования различных образов, объектов и метафор, вступающих в конфронтацию с ценностями и нормами кочевой повседневности. Это говорит о разногласии кочевого существования и оседлого, навязываемого городом. Сама кочевая культура отрицает, обессмысливает и исключает городскую оседлость, статику и неподвижность. Кочевники традиционно «отрицательно относились к городскому образу жизни», который «вызывает дискомфорт у привыкшего к вольнице номада» (Города средневековых империй, 2018. С. 281). В обозначенных условиях представление о монголах как о «нации горожан» (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 131) довольно условно. Возможно, статистика, согласно которой примерно 70 % населения страны «большую часть года проживают в городах» (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 154), а половина всех граждан Монголии сезонно находится в Улан-Баторе, не подтверждает наше предположение. В то же время качественные наблюдения и антропологическое изучение кочевничества как «состояние души, как суммы образов и представлений обо всех элементах кочевой культуры, перешедших на уровень самосознания» (Терентьев,

[2] Шляков А.В. Феномен номадизма в культуре постмодерна: дис. … д-ра философ. наук. Тюмень: ТИУ, 2019. 328 с.

[3] Барсболдт Д. По национальности – кочевник // Сайт «Радио Свобода». 10.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.svoboda.org/a/29926555.html (Дата обращения 04.08.2020)

2019. С. 52) и установки большинства монголов на движение/мобильность позволяют несколько расширить выводы (Боталов, 2009; Дугаров, Голых, 2009; Терентьев, 2015) о городской идентичности монгольских кочевников.

Исторически города в Монголии не возникали автохтонно и в своем происхождении всегда имели внешнее влияние. Первый крупный город в истории монголов – столица империи Карокорум (монг. *Хархорин*) – создавался во 2-й четверти XIV в. именно как центр государства, геополитически столь необходимый в условиях доминирования над оседлыми цивилизациями. Уже сам основатель Хархорина и преемник Чингисхана Угэдэй не слишком радовал столицу своим присутствием, выбирая в качестве наиболее частого места пребывания сезонные пастбища. Кочевую традицию соблюдали и ханы-наследники: Гуюк и Мункэ (Города средневековых империй, 2018. С. 291). После переноса столицы на территорию нынешнего Китая в 1260 г. Хархорин приходит постепенно в запустение и теряет свой статус.

Другие заметные городские поселения, такие как Ховд и Улиастай (монг. *Улясутай*), возникшие в 1 половине XVIII в., являлись китайскими крепостями, ставшими со временем центрами торговли. Современные авторы справедливо отмечают, что данные города «так и не стали монгольскими…, оставаясь …китайскими в представлениях …народа и по составу проживавшего в них населения (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 133).

Из этого ряда выпадает Урга (от монг. *Өргөө* – «Ставка») – будущий Улан-Батор. История Урги красочно воплощает два по своим смыслам разнонаправленных способа постижения («доместикации») пространства: мобильности и седентеризации. На начальном этапе город служил кочевой ставкой религиозного лидера Монголии – Богдогэгэна. Урга оседает по мере формирования провинциальной государственности и возникновения у цинских властей потребности в административно-политическом центре.

Создаваемые при социализме центры аймаков (крупнейших территориальных единиц в стране) условно можно отнести к категории городов. На их фоне выделяются гг. Дархан и Эрдэнэт – промышленные центры и крупнейшие по численности населения пункты после Улан-Батора, – возникшие в 1960 –1970-е гг.

Итак, градостроительство Монголии было всегда обусловлено внешними факторами: в имперский период непродолжительная столичная история Хархорина связана с выражением власти и политико-государственной атрибутивностью, известные города цинского периода (и существующие по ныне) – результат китайской колониальной политики, социалистические города – результат вторичного, промышленного освоения и административного деления территории страны.

Город разрушает структуру идентичности монгола-степняка, но желание к переселению в столицу сформировано аксиологическими параметрами. Городская идентичность, отягощенная столичным статусом Улан-Батора, становится более престижной и желанной, чем удел жителя худона. Кроме этого, стремление к переезду в город обусловлено конкретно-бытовыми обстоятельствами: доступным образованием, медицинским обслуживанием и разнообразной сферой досуга. Последняя, кстати, довольно часто сводится к коллективному посещению караоке, что можно связывать с возрождением в городских условиях общественных и/или семейно-родственных празднеств-найров (монг. *найр* – «пир, веселье, торжество»), которые обязательно наполняются совместным исполнением общеизвестных песнопений. В этом сюжете как раз видно проявление кочевничества или постномадизма как ментальной составляющей.

Если представители взрослого поколения не желают переселяться в город, то будущее своих детей им видится исключительно в столице, в единичных случаях – в Эрдэнэте. Это подтверждается как нашими полевыми исследованиями в Западной Монголии в 2008–2014 гг., так и материалами коллег из Бурятии (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 83–87). Монголы в аймаках всегда гордятся своими родственниками, выехавшими в город и/или за границу и до-

бившимися там определенных социальных успехов, охотно рассказывают про них и демонстрируют фотографии. К слову, подобные повествования часто резюмируются и объединяются одной мыслью, объясняющей причину склонности к переездам, кочевой натурой монголов.

Профессия скотовода также не пользуется популярностью среди монгольских подростков: только 1,7 % опрошенной Д.В. Ушаковым провинциальной молодежи видит себя занятыми в сельском хозяйстве (Кимеев, Ушаков, Акулова и др., 2013. С. 56). В городе эта цифра равна менее 0,5 % (Ушаков, 2016. С. 234). Парадоксальность, связанная с традиционной установкой на кочевой образ жизни и нежеланием передачи подобной модели существования потомкам, ведет к стремлению переехать на постоянное место жительства в Улан-Батор, в котором генерируется дух современной монгольской идентичности – кочевничество.

Город своим навязчивым космополитизмом вступает в противоречие с ценностями монгольского общества, традиционной культурой вообще и с каждым приехавшим из провинции монголом, вся индигенная идентичность которого направлена в прошлое, к мифологическим истокам своего народа. Отказ от социалистического архитектурного наследия, игнорирование музейного потенциала столичного пространства и фактически заполнение площадей одноликой застройкой, зачастую являющейся многотиражными китайскими высотками, порождает не-место и новую траекторию смыслов, далеких от тех, которыми до недавнего времени жила доминирующая часть монгольской нации.

Действительно, на фоне степного размеренного пейзажа столичный ландшафт поражает своей эклектичностью, в которой смешиваются частично музеефицированные буддийские монастырские комплексы (в охранной зоне некоторых из них возведены стеклянные высотные постройки), типовые жилые кварталы, возведенные не без советского влияния, современные паназиатские небоскребы, традиционные юрты и хаотичный кирпично-бетонный самострой на городской периферии.

В этом новом квазикультурном окружении происходит активизация самопознания, изменяется структура национальной идентичности у каждого индивида, причем в зависимости от возраста это имеет свои особенности. Благодаря расположению в столице подавляющего числа учреждений высшего образования, студенческая молодежь и близкие к ним по возрасту подростки составляют большую часть горожан (по разным оценкам, до 60–70 % населения столицы). Они не стремятся к презентации в Улан-Баторе элементов традиционной материальной культуры, вливаясь в общечеловеческие модернизационные процессы, которые все чаще в последнее время развиваются по корейско-японскому сценарию, а не только по американскому, как это было раньше.

Молодежь игнорирует и не особо восторгается авторскими песнями (монг. *зохиолын дуу*), в которых воспевается малая родина автора. Соответственно, эти песни не пользуются среди молодых монголов популярностью в караоке. Данные произведения считаются признаком принадлежности худону. Именно в этом случае слово «худон» переводится как «деревня» / «деревенщина», вмещая в себя все возможные негативные коннотации, синонимичные отсталости и бескультурью.

Помимо песенной традиции, очень важной чертой реанимации кочевой культуры в Улан-Баторе является облачение в традиционную одежду (монг. *дээл*), как минимум, во время празднования Нового года по лунному календарю (монг. *Цагаан сар*). Сегодня подростки в столице не испытывают особой этнической страсти к поддержанию этого обычая. По этой причине Правительство страны и активная общественность, настроенная на поддержание традиций, организует разнообразные флешмобы, призванные разжечь интерес у подростков к собственной культуре. Так, во время выборов в Великий государственный хурал 24 июня 2020 г. в интернете пропагандировалась идея посещения избирательных участков в национальных костюмах с последующим обяза-

тельным размещением фотоотчета на своих личных страницах в социальных сетях. Причем в глаза бросались встречающиеся несоответствия монгольского халата спортивной обуви и довольно распространенные стилизации под национальную одежду. Проблема эксплуатации национальной одежды в городе заключается в ее унификации и в периодичности облачения в *дээл*. Стандартизация фасона приводит, за редким исключением, к уничтожению этнических особенностей, по которым в традиционное время довольно легко можно было определить представителя той или иной этнической общности. Классические *дээл* становятся музейными экспонатами. Многие современные варианты далеки от аутентичности и больше похожи на сценические костюмы.

Также новой практикой становится празднование Цагаан сара молодыми семьями, что противоречит традиции. Ведь центральный сюжет Нового года сводится к посещению младшими старших, сопровождающемуся ритуальными приветствиями, преподнесениями подарков-отдарков, совместным вкушением пищи и распитием напитков. Но кто может прийти в семью, возраст старших представителей которой едва достиг 30-35 лет?

Главная причина, по которой вчерашние подростки организуют стол в Белый месяц – это красивые фотографии для социальных сетей, поскольку обычно на всю семью специально к празднику заказывают новые *дээл*, которые в остальное время года практически не используются. Демонстрация псевдотрадиционности во всемирной сети есть процесс создания для самих себя образа номадической культуры – фактически того кочевничества, которое становится стержнем самосознания.

Особую сложность вызывает трансляция идентичности среди поколения, родившегося в городе в постсоциалистическую эпоху и не имеющего комплексного представления о кочевой культуре. Поскольку государственный проект нациестроительства в последнее время также направлен на активное внедрение в национальную идентичность образов кочевой культуры, в школы Монголии введен предмет «Гражданское образование» (монг. *Иргэний боловсрол*). На уроках данного предмета ученики с 1-го по 9-й класс изучают этническую (фактически – национальную) культуру (включающую праздники, пищу, одежду, жилище и т. д.), традиционный этикет и правила поведения в современном обществе. Культура монголов преподается фактически без выделения региональных особенностей различных этнических общностей. Максимальный акцент делается на общем – на кочевой культуре, которая объединяет всех граждан страны.

Кроме того, все учебные заведения общего образования в стране (в т. ч. частные и организующие обучение по иностранным образовательным программам) (вне зависимости от учредителя, владельца и куратора) должны иметь в своей программе монгольский язык, монгольскую литературу, старомонгольскую письменность и историю Монголии. Данные дисциплины входят в состав Единого вступительного экзамена, который ученики государственных школ сдают в обязательном порядке, а ученики частных иностранных школ – по желанию. Так, у школьников, которые, вероятнее всего, не обратятся к номадическому образу жизни, формируется представление о кочевничестве.

***

Улан-Батор по своему смысловому содержанию становится суверенным городом-государством. Замкнутый в своем синкретизме и космополитизме, он противопоставляет себя степи – пространству кочевых традиций, воплощенных в конкретном образе жизни. Точечная застройка, нарушение всех планов и перспектив по оптимизации городской среды, вечное движение монгола к кочевничеству, тоска по малой родине, интеллектуальный фон, рисуемый интеллигенцией, давно оторванной от традиции, а также иностранное влияние, навязывающее Монголии извне образ страны номадов – все это генерирует нынешнюю монгольскую идентичность. Она в последнее время все чаще обращается не только и не сколько к образам имперского периода исто-

рии страны, но преимущественно – к компонентам кочевой культуры, переосмысленным в условиях городской среды.

Многие молодые монголы приезжают в столицу из степи, нацеленные на дальнейший выезд за рубеж. Но уже в результате переселения в Улан-Батор они становятся кочевниками онтологически, в абсолютном смысле, превращаясь в номадов не по способу хозяйственной деятельности, но по своему ментальному бытованию и мироощущению. Этот процесс схож с тем, что происходит в самоидентификации казахов, проживающих в культурно-языковом анклаве Баян-Ульгийского аймака на западе страны. При переезде в город они начинают постигать монгольский язык и становятся постепенно частью монгольской нации, а не национальным меньшинством, затерянным на периферии русско-монгольского пограничья. Возможно, единственное обстоятельство, сдерживающее окончательную интеграцию в состав монгольской нации, по представлению этнического большинства, является отличительный антропологический тип казахов, демонстрирующий заметную внешнюю непохожесть на монголов.

Именно в городе у недавно живших традиционными ценностями монголов, но оказавшимися в категорически иных культурных условиях начинается активный процесс самоидентификации. В этой связи стоит поставить вопрос о необходимости выделения, условно говоря, идеального образца монгольскости, существующего в реальности, а не только в воображении горожан. Безусловно, основными слагаемыми современной монгольской идентичности будут не только миражи кочевой культуры, застывшие на горизонте сознания монгола XXI в., активно вовлеченного в модернизационные процессы, которые, к слову, в последнее время протекают в азиатском ключе. В новую монгольскость добавятся буддийская религия, язык, исторические мифы и реалии. Очевидно, что время испытает новую идентичность, и в результате гипотетической смены вероисповедания, трансформации и/или утери родного языка, окончательной мифологизации исторического сознания только очертания родной кочевой культуры будут прочно ассоциироваться в представлении мобильного монгола со своим собственным «я», связывающим его со своей родиной и своим народом.

Библиографический список

Города средневековых империй Дальнего Востока / ответственный редактор Н.Н. Крадин; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Москва : Издательство восточной литературы, 2018. 367 с.

Бадараев Д.Д., Бреславский А.С., Гомбожапов А.Д., Жамбалова С.Г., Цыбенов Б.Д. Кочевничество и миграции в современной Монголии, Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2017. 168 с.

Боталов С.Г. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Вып. 34. № 28 (166). История. С. 13–19.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 895 с.

Дугаров В.Д., Голых А.В. Развитие монгольского кочевого города: история и проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 130–133.

References

Kradin N.N. (2018) Cities of medieval empires of the Far East. *Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN = Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 367 p. (In Russ.)

Badaraev D.D., Breslavskii A.S., Gombozhapov A.D., Zhambalova S.G., Tsybenov B.D. (2017) Nomadism and migration in modern Mongolia. Ulan-Ude : BNTs SO RAN. 168 p. (In Russ.)

Botalov S.G. (2009) Nomadic city as a special cultural phenomenon of the nomadic civilization of Eurasia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Chelyabinsk State University. History.* Iss. 34. No. 28 (166). P. 13–19. (In Russ.)

Delez Zh., Gvattari F. (2010) Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. 895 p. (In Russ.)

Dugarov V.D., Golykh A.V. (2009) Development of the Mongolian nomadic city: history and problems. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University.* No. 7. P. 130–133. (In Russ.)

Жакупбекова Д.А. Понятие бесполезности в концептуализации номадизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3. С. 143–151.

Жамбалова С.Г. Феномен кочевого образа жизни в Монголии XXI в.: структура и факторы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 48–58.

Кимеев В.М., Ушаков Д.В., Акулова А.С., Терентьев В.И., Батсуурь Лхагвасурэн. Очерки Западной Монголии. Т. 2. Этнокультурные взаимодействия народов Западной Монголии и Российского Саяно-Алтая. Кемерово : Офсет, 2013. 199 с.

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. СПб. : Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : НГТУ, 2020. 256 с.

Терентьев В.И. Монголия: современные механизмы национальной консолидации // Азия и Африка сегодня. 2014. № 5. С. 20–26.

Терентьев В.И. Монголия. Кочевники в городе // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 25–29.

Терентьев В.И. Улан-Батор как не-место // Азия и Африка сегодня. 2019. № 4. С. 51–56. DOI: 10.31857/S032150750004384-4

Тойнби А.Дж. Постижение истории. М. : Айрис-пресс, 2010. 640 с.

Ушаков Д.В. Этносоциальный портрет молодежи Улан-Батора и российско-монгольские отношения // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 222–238.

Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia. Cambridge-Durham : Duke University Press., 1999. 356 p.

Myadar O. Imaginary Nomads: Deconstructing the Representation of Mongolia as a Land of Nomads // Inner Asia. 2011. Vol. 13. № 2. P. 335–362.

Myadar O. Mobility and Displacement: Nomadism, Identity and Postcolonial Narratives in Mongolia. London : Routledge Press., 2020. 136 p.

Sneath D. Mongolia Remade: Post-socialist National Culture, Political Economy, and Cosmopolitics, Amsterdam : Amsterdam University Press, 2018. 226 p.

Szilagyi Z. Lingering Nomad Ideology in 21st Century Mongolia // Acta Ethnographica Hungarica. 2016. № 61 (1). P. 197–212.

Zhakupbekova D.A. (2018) The concept of uselessness in the conceptualization of nomadism. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 3. Social Sciences.* Vol. 13. No. 3. P. 143–151. (In Russ.)

Zhambalova S.G. (2017) The phenomenon of the nomadic way of life in Mongolia in the XXI century: structure and factors. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of social and economic development of Siberia.* No. 3 (29). P. 48–58. (In Russ.)

Kimeev V.M., Ushakov D.V., Akulova A.S., Terent'ev V.I., Batsuur' Lkhagvasuren. (2013) Essays on Western Mongolia. Vol. 2. Ethnocultural interactions between the peoples of Western Mongolia and the Russian Sayano-Altai. Kemerovo: Ofset. 199 p. (In Russ.)

(2019) Neotraditionalism: an archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes. St. Petersburg: Tsentr informatizatsii obrazovaniya “KIO”. 320 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2020) Ethnocultural neotraditionalism and identity in contemporary sociocultural transformations. Novosibirsk: NGTU. 256 p. (In Russ.)

Terent'ev V.I. (2014) Mongolia: modern mechanisms of national consolidation. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today.* No. 5. P. 20–26. (In Russ.)

Terent'ev V.I. (2015) Mongolia. Nomads in the city. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today.* No. 3. P. 25–29. (In Russ.)

Terent'ev V.I. (2019) Ulaanbaatar as a non-place. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today.* No. 4. P. 51–56. DOI: 10.31857/S032150750004384-4 (In Russ.)

Toinbi A.Dzh. (2010) Comprehension of history. Moscow: Airis-press. 640 p. (In Russ.)

Ushakov D.V. (2016) Ethnosocial portrait of Ulan Bator youth and Russian-Mongolian relations. *Sibirskii filosofskii zhurnal = Siberian Philosophical Journal.* Vol. 14. No. 3. P. 222–238. (In Russ.)

Humphrey C., Sneath D. (1999) The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia. Cambridge-Durham : Duke University Press. 356 p. (In Eng.)

Myadar O. (2011) Imaginary Nomads: Deconstructing the representation of Mongolia as a Land of Nomads. *Inner Asia*. Vol. 13, № 2. P. 335–362. (In Eng.)

Myadar O. (2020) Mobility and Displacement: Nomadism, Identity and Postcolonial Narratives in Mongolia. London : Routledge Press.136 p. (In Eng.)

Sneath D. (2018) Mongolia Remade: Post-socialist National Culture, Political Economy, and Cosmopolitics, Amsterdam : Amsterdam University Press. 226 p. (In Eng.)

Szilagyi Z. (2016) Lingering Nomad Ideology in 21st Century Mongolia. *Acta Ethnographica Hungarica*. № 61 (1). P. 197–212. (In Eng.)

Критерии авторства

В.И. Терентьев выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.I. Terentyev performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Терентьев Владислав Игоревич,
кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
210351, Улан-Батор, пр. Мира, 131, Монголия,
✉ e-mail: vlad33@bk.ru

Information about the author

Vladislav I. Terentyev,
Cand. Sci. (History), Senior Lecturer,
Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch,
131, Peace Avenue, Ulaanbaatar 210351, Mongolia,
✉ e-mail: vlad33@bk.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).047,94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-150-161

Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке

© В.И. Трухин

Независимый исследователь, г. Благовещенск, Россия

Аннотация: В статье на основании ранее опубликованных и впервые вводимых в научный оборот документов прослеживается изменение административно-территориального устройства Приамурья в составе Русского государства в XVII веке. В течение этого периода принципы организации административного управления и территориального деления Приамурских земель, с одной стороны, оставались идентичными другим, уже освоенным сибирским территориям, с другой стороны, принимали в административном отношении исключительные формы. Большей частью такие формы определялись складывающейся внешнеполитической обстановкой вокруг этого пограничного района и принимались вынужденно. Причем такие компромиссы были инициированы не только центральным государственным аппаратом, но и властями на местах. Индикатором таких изменений стали названия самого уезда и должностей его приказных людей. Поскольку большую часть времени Приамурские земли входили в состав Даурского (Нерчинского) уезда и воеводства, в статье определен список его воевод и приказных людей. Детально рассмотрены этапы формирования Албазинского уезда и причины, способствовавшие его отделению от Нерчинского уезда. Высказано предположение о том, что Албазинский уезд был сформирован как самостоятельная административная единица в 1679 году. На финальном этапе присоединения Приамурских земель к русскому государству в XVII веке на территории Албазинского уезда было создано самостоятельное Албазинское воеводство. Поэтому в рамках этой работы прослежена история организации Албазинского воеводства во взаимосвязи с реформой Енисейского разряда. На основании архивных документов доказано, что дата создания Албазинского воеводства, приводимая в ряде научных работ, неверна. Она может быть отнесена к периоду между 2 апреля и 31 августа 1683 года.

Ключевые слова: Приамурье, XVII век, воевода, Албазинское воеводство, Даурия, приказной человек, административно-территориального устройство, Сибирский приказ, Нерчинск

Информация о статье: поступила в редакцию 3 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 26 августа 2020 г.; принята к публикации 7 сентября 2020 г.

Для цитирования: Трухин В.И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 150–161. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-150-161

Administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian State in the 17th century

© Vladimir I. Trukhin

Independent researcher, Blagoveshchensk, Russia

Abstract: The paper traces the change in the administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian State in the 17th century on the basis of documents previously published and introduced into scientific circulation for the first time. Throughout this period, the principles of organizing administrative management and territorial division of the Amur lands, on the one hand, remained identical to other already mastered Siberian regions, and on the other hand, they took exceptional forms in administrative terms. For the most part, such forms were determined by the emerging foreign policy situation around this border region and were forced to be adopted. Moreover, such compromises were initiated not only by the central state apparatus, but also by local authorities. The names of the region and the positions of its commanding people became an indica-

tor of such changes. Since most of the time, the Amur lands were part of the Daursky (Nerchinsky) uyezd (district) and voevodstvo (province), the article defines a list of voivods and command personnel of this region. The stages of formation of the Albazinsky uyezd (district) and the reasons for its separation from the Nerchinsky uyezd (district) are considered in detail. It is suggested that the Albazinsky uyezd (district) was formed as an independent administrative unit in 1679. At the final stage of annexation of the Amur lands to the Russian State in the XVII century on the territory of Albazin uyezd (district) an independent Albazinskoye voivodstvo (voivodeship) was created. Therefore, this work traces the history of organization of the Albazin Voivodeship in conjunction with the reform of Yenisei razrjad (regional voivodeship). On the basis of archival documents, it was proved that the date of creation of the Albazinskoye voivodship, cited in several scientific papers, is not correct. It can be attributed to the period between April 2 and August 31, 1683.

Keywords: Priamurye (Amur lands), XVII century, voivoda, Albazin voevodstvo (province), Dauriya, commanding man, administrative-territorial structure, Siberian Prikaz, Nerchinsk

Article info: received August 3, 2020; revised August 26, 2020; accepted September 7, 2020.

For citation: Trukhin V.I. (2020) Administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian State in the 17th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 150–161. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-150-161

К моменту, когда русским первопроходцам стало известно о существовании обширных земель вдоль реки Амур, управление Сибирью осуществлялось Сибирским приказом. Как отмечал М.О. Акишин, «в XVII веке Сибирский приказ играл определяющую роль в кадровой политике и контроле за деятельностью сибирских воевод: в нем проводились назначения воевод, в него регулярно поступали подробные отчеты о состоянии дел в Сибири, из него посылались сыщики для расследования деятельности сибирской администрации и т. д.» (Акишин, 1999. С. 43). И хотя в целом управление Сибирью соответствовало общероссийской модели, на подконтрольных территориях на него так же был возложен сбор ясака, исполнение военных, таможенных задач и даже отдельных дипломатических поручений.

Изучению вопросов Административного устройства Приамурских территорий посвящен ряд фундаментальных научных трудов (Бахрушин, 1925; Яковлева, 1958; Мелихов, 1974; Беспрозванных, 1983; Александров, 1984; Мясников, 1987; Албазинский острог…, 2019). Отдельные аспекты административного управления в Даурии были изложены в специальных исследованиях (Берх, 1821; Барсуков, 1902; Зуев, 2000; Артемьев, 1993; Артемьев, 1997; Артемьев, 1998; Артемьев, 1999; Артемьев, 2006; Красноштанов, 2008; Трухин, 2018; Трухин, 2019; Трухин, 2020) Однако до сих пор многие вопросы, связанные с формированием Албазинского уезда и воеводства, остаются неизученными или требуют уточнения.

Основной административно-территориальной единицей в XVII веке в Сибири были уезды. Уезды формировались вокруг одного крупного укрепленного города-крепости и ряда административно подчиненных ему острогов, сел, деревень и ясачных зимовий. В уездах в свою очередь могли формироваться ясачные волости. В случае если уезд объединял значительную территорию, на которой имелась сеть подчиненных уездному городу острожков и зимовий, а на подконтрольных им территориях были сформированы ясачные волости, в уезде могло быть создано воеводство. В этом случае возглавлял воеводство назначаемый царским указом воевода. Однако одновременно существовали и воеводства, объединяющие несколько уездов. Такие воеводства назывались «Разрядом» и управлялись разрядным воеводой. В этом случае уездом руководил «приказной человек» – городовой приказчик, который мог назначаться как царем, так и разрядным воеводой. В состав разрядных воеводств наряду с уездами могли входить и отдельные воеводства. В таких случаях они имели двойное подчинение. Во внутреннее управление ясачных волостей русская администрация, как правило, не вмешивалась, оно

строилось на основе обычного права коренного населения.

Административно-территориальное устройство Приамурья в составе Русского государства в XVII веке в значительной степени изменялось в зависимости от степени его заселения российскими подданными, экономического освоения и приведения к шерти местного населения, но в целом оставалось идентичным другим, уже освоенным районам Сибири.

Первое включение ряда приамурских территорий в состав Русского государства можно соотнести с периодом пребывания на Амуре отряда Е.П. Хабарова в 1649–1653 годах. Именно тогда земли вдоль течения реки Амур получили название «новой Даурской земли», а Е.П. Хабаров стал ее первым «приказным человеком» (Исторические акты…, 1840. С. 116–120)[1]. Поскольку поход отряда Е. Хабарова на Амур был санкционирован Якутским воеводой, то и административно на этом этапе эти земли были отнесены к Якутскому воеводству.

Направляя Ерофея Хабарова на Амур, Якутский воевода Д.А. Францбеков дал ему наказные памяти, в которых на вновь присоединенных землях закреплялись его полномочия по приведению в российское подданство местных народов, осуществлению некоторых функций судебной власти, сбору ясака, полицейских и даже военных действий (Исторические акты…, 1840. С. 93–97)[1]. Для осуществления международных контактов и переговоров Хабарову были даны отдельные наказные памяти (Исторические акты…, 1840. С. 99–104)[1]. Для их подготовки Д.А. Францбеков использовал полученный в свое время им самим царский указ для ведения переговоров в Стокгольме (Леонтьева, 1991. С. 132).

В административном отношении назначение Е.П. Хабарова сразу же приняло исключительные формы, что вызвало их неприятие у бывшего дьяка Якутского воеводства Петра Стеншина, о чем он не преминул уведомить царя и Сибирский приказ (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Ст. 338. Л. 262–265; Леонтьева, 1991. С. 131–134). Прежде всего, его возмутила фигура назначенного «приказного человека» – самого Е. Хабарова. Как правило руководителями отрядов для «проведывания новых землиц» назначались «служилые люди». Это могли быть дети боярские, казачьи атаманы и головы, пятидесятники, десятники и даже рядовые казаки, но отнюдь не крестьяне. Петр Стеншин именно так определил социальный статус Е. Хабарова: «Дмитрей Францбеков и дьяк Осип Степанов Ленского ж уезду с хлебных заимок с Киренги послал по той нашей дороге в Даурскую землю пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова устюжанина» (Леонтьева, 1991. С. 131). Мало того, что назначенный «приказным человеком» был крестьянином, так и по статусу в наказных памятях он был уравнен с воеводой. Как писал в своей челобитной Петр Стеншин «без твоего, государева, указу написали ему, Ярофейку, целым именем с "вичом" – "Ярофею Павловичу"» (Леонтьева, 1991. С. 131). Такая вольность, видимо, по мнению дьяка, была запредельной, поскольку прерогатива назначать воевод, после чего они в документах назывались «целым именем», принадлежала исключительно царю. Не менее интересной особенностью этого назначения стало назначение Е. Хабарова «приказным человеком» еще не сформированного в административном отношении района – «Даурской земли». Как отмечалось выше «приказной человек» был по существу «городовым приказчиком» – самостоятельным приказным человеком в городе (уездном центре) до создания в нем воеводства и назначения туда воеводы (Энциклопедический словарь…, 1893. С. 314)[2]. Поскольку в данном случае на территории, куда назначался «приказчик», еще не было городов и острогов, то он был назначен «приказным человеком новой Даурской земли».

Осуществляя свою деятельность в Приамурье, Ерофей Хабаров вел полноценную докумен-

[1] Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. / Публ. Н. Полевого // Сын Отечества. СПб., 1840. Т. 1. С. 85–126.

[2] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1890–1907. Т. IX. 1893: Гоа–Гравер. 496 с.

тацию. Служилые люди учитывались «росписными» списками. Учет сбора ясака осуществлялся по «белым и черным» книгам. Однако различные злоупотребления, допущенные Хабаровым в ходе присоединения Приамурских земель, привели к его отстранению от должности и отправке в Москву для следствия.

После Е. Хабарова распоряжением специально посланного в Приамурье царского воеводы Д.И. Зиновьева приказным человеком «новой Даурской земли» был назначен Онуфрий Степанов (Кузнец). Надо отметить, что, по мнению О. Степанова, смена Хабарова, с административной точки зрения, была проведена не корректно. В своей отписке якутскому воеводе М.С. Лодыженскому О. Степанов писал, что ему меж служилых людей Д.И. Зиновьев «... велел росправу чинить и наказную память дал в неволю. А в государеве казне, пороху и свинцу и в снарядех, и ни в какой государеве казне с приказным человеком Ярофеем Хабаровым росписку ни в чем не дал и служилым людей росписи не дал же. А которые были служилые люди розных понизовных сибирских городов с ним, Дмитреем Ивановичем, в провожатых, и тех служилых людей оставил на великой реке Амуре, а в прием их мне, Онофрейку, не дал же. А ясачные зборные белые и черные книги он, Дмитрей Иванович, увез с собою, и аманатов, и переводчика, и ныне на Великой реке Амуре с ясачных людей государева ясаку имать стало не по чему без книг...» (РКО, 1969. С. 192–196)[3].

Кроме злоупотреблений, проверка деятельности Е. Хабарова, проведенная Д.И. Зиновьевым, выявила существенное упущение, допущенное Хабаровым на Амуре. Е. Хабаров на подконтрольных ему Приамурских землях не создал долговременных опорных пунктов. Поэтому, покидая приамурские земли, Д.И. Зиновьев поставил остававшемуся на Амуре О. Степанову задачу «поставити на Шилке реке, на усть реки Зии, да на усть реки Урки, под Даурским волоком, для приходу государевых людей остроги» (Наказ…, 1894. С. 4)[4]. Однако Онуфрий Степанов справиться с этой задачей не смог, в результате чего потеря этих земель стала закономерной. Исправить эту стратегическую ошибку Сибирский приказ предполагал созданием Даурского воеводства во главе с воеводой А. Пашковым. В наказе на воеводство Афанасию Пашкову прямо предписывалось: «по сю сторону Шилки реки на усть Урки речки, или в Лавкаевых улусех и в Албазине городище, росмотря где пригоже, где не чает приходу воинских богдойских людей поставити острог, и всякими крепостми укрепити» (Наказ …, 1894. С. 5)[4].

Даурское воеводство и уезд были созданы 20 июня 1654 года (РГАДА. Ф. 214. Ст. 453. Л. 2, 3). Первоначально, как и в случае с Е. Хабаровым, на территории вновь созданного воеводства не было городов, и А. Пашков был назначен «в Даурской земле быти воеводою» (Наказ …, 1894. С. 5)[4]. Его административным центром постепенно стал Нерчинский острог, в то время как в первые годы существования Даурского воеводства воевода А. Пашков выбрал своей резиденцией Иргенский острог, а его преемник Л. Толбузин – Теленбинский. Кроме Нерчинского Иргенского и Телембинского (ДАИ. Т. IV. 1851. С. 320)[5] острогов, в состав Даурского воеводства вошли земли, расположенные по Амуру и присоединенные к Российскому государству отрядом Хабарова и Степанова. Этот отряд, так же был переподчинен А. Пашкову (Наказ …, 1894. С. 7)[4], однако их объединение не произошло. Возглавляемые О. Степановым русские казаки 30 июня 1658 года попали в засаду и были разгромлены маньчжурами. В результате уничтожения этого отряда контроль над Приамурскими землями был утрачен. По существу, присоединение Амурских земель к Нерчинскому воеводству не состоялось. Территория, фактически

[3] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы (РКО). В 2 т. / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1969. Т. 1. 613 с.; 1972. Т. 2. 835 с.

[4] Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле. 1655 / под ред. А.Н. Труворова // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. 37 с.

[5] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (ДАИ). В 12 т. СПб., 1846–1872; 1851 Т. IV. 452 с.; 1857. Т. VI. 518 с.; 1859. Т. VII. 400 с.; 1862.Т. VIII. 372 с.; 1867. Т. X. 516 с.; 1872. Т. XII. 469 с.

контролируемая из Нерчинска, сократилась до западного Забайкалья. Поэтому в дальнейшем в административном отношении статус Даурского воеводства был понижен до уезда в составе воеводства. Все приемники А. Пашкова уже не имели звания воеводы, а были приказными людьми. Название их должностей по времени варьировалось в первую очередь в зависимости от статуса Нерчинского острога. Они были приказными людьми «Даурской земли»[6], «Даурских острогов»[7], «Нерчинских острогов»[8] и «Нерчинского острога»[9]. Ими поочередно были: Л.Б. Толбузин (12.05.1662[10] – не ранее 27.01.1669[11]), Д.Д. Аршинский (ранее 10.04.1669[12] – 31.11.1673[13]), П.Я. Шульгин (31.11.1673 – 17.04.1678)[14], А.Л. Толбузин (17.04.1678 – 17.10.1678)[15], А.В. Строганов (17.10.1678 – не ранее 17.07.1679)[16], Н.П. Сенотрусов (не ранее 17.07.1679 – ранее 28.02.1681)[17]. Интересно, что основным документом, регламентирующим их деятельность, Нерчинские приказчики должны были считать царский наказ, данный при отправлении на службу воеводе А.Ф. Пашкову. Вновь прибывший приказчик обязан был сделать с него себе копию и исполнять все его предписания. Вот как об этом в своей отписке в Сибирский приказ писал П.Я. Шульгин: «… Велено мне холопу вашему взять ваши великих г(о)с(у)д(а)рей указные грамоты и ваш великих г(о)с(у)д(а)рей наказ каков от вас великих г(о)с(у)д(а)рей послан к Офанасью Пашкову с Москвы за дьячьею приписью или с тово вашего великих г(о)с(у)д(а)рей наказу список за ево Даниловою рукою…взяв в том во всем с ним Данилом Аршинским … росписатца… И с Афонасьева наказу Пашкова список за Ларионовою рукою Толбузина принял и во всем с ним Данилом росписался…» (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 124. Л. 7–9).

Следующий этап в истории присоединения Приамурских земель начался в 1665–1666 гг. Убившие Илимского воеводу Л. Обухова беглые крестьяне и казаки, возглавляемые Н. Черниговским (Красноштанов, 2008. С. 75) обосновались на Албазинском городище, где поставили острожок. Первоначально они планировали поставить острог гораздо ближе к Нерчинску на Лавкаевом лугу (Красноштанов, 2008. С. 117), но вступив в контакт с приказным человеком Даурской земли Л.Б. Толбузиным (Красноштанов, 2008. С. 127) в обмен на обещанную им поддержку, возвели свой острожек значительно ниже по Амуру, а Лавкаев луг был определен как восточная граница территории, контролируемой приказчиком Даурской земли[18].

С этого момента на Приамурских землях сложилась парадоксальная ситуация, когда с одной стороны беглецы отряда Черниговского в Илимском и Ленском уездах считались преступниками, а в Нерчинском уезде служилыми людьми. В связи с этим формы управления Амурскими территориями подконтрольными Албазинскому острогу приняли соответствующий уникальный характер.

В построенном остроге «самоохотной» атаман Никифор Черниговский сохранил за собой

[6] ДАИ. Т. IV. 1851. С. 320–327.
[7] ДАИ. Т. VI. 1857. С. 353.
[8] РКО. Т. 1. 1969. С. 479.
[9] Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией (АИ). В 5 т. с доп. и указ. СПб., 1841–1872. Т. IV. 1842. С. 481–482; ДАИ. Т. VI. 1857. С. 175–177; ДАИ. Т. VII. 1859. С. 371–374; ДАИ. Т. VIII. 1862. С. 346; Российская национальная библиотека. Опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. V. № 4617, Л. 1; РКО. Т. 1. 1969. С. 301.
[10] ДАИ. Т. IV. 1851. С. 272–273.
[11] РГАДА. Ф. 214. Ст. 813. Л. 13–16.
[12] РГАДА. Ф. 214. Ст. 813. Л. 13–16.
[13] РГАДА. Ф.1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9.
[14] Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 23. Док. № 305. Л. 336 об.
[15] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. № 29. Л. 66.
[16] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. № 29. Л. 64.
[17] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[18] Нерчинский приказчик Л. Толбузин послал в 176 (1667/1668) году в Сибирский приказ отписку, где говорил о своих планах посадить на пашню крестьян в Нерчинске и на Лавкаевом лугу. Одновременно подчеркивая, что на Лавкаевом лугу и в Албазинском остроге пашенных мест много, однако размещение нерчинских пашенных крестьян в Албазинском остроге он не планировал (РГАДА. Ф. 214. Ст. 1659. Л. 23–24, 26).

общее руководство[19]. Для придания Албазинскому острогу статуса государственного несмотря на то, что таковым он не являлся, Никифор Черниговский отправлял приказным людям Даурских острогов Л.Б. Толбузину и Д.Д. Аршинскому отписки о своей деятельности[20], а не позднее 1670 года и ясак (Красноштанов, 2008. С. 158). Стремясь, по существу, получить помилование за совершенное ими убийство воеводы Л. Обухова, Албазинцы через Л. Толбузина и Д. Аршинского неоднократно обращались к царю с просьбой их «по Албазинскому острогу приверстать в казачью службу». Интересно, что в своей челобитной Албазинские казаки писали: «С прошлого, великие государи, со 174 [1665] и по нынешний по 179 год приходили мы, холопи ваши, ис сибирских городов своею охотою, гулящим и промышленным числом, при Ларионе Толбузине и ныне при Даниле Аршинском. И били челом вам, великим государем, а в Нерчинском остроге в Росправной избе подавали зарушные свои челобитные, чтобы вы, великие государи, нас, холопей своих, пожаловали: велели по Албазинскому острогу приверстать в казачью службу. И по вашему великих государей указу Ларион Толбузин и Данило Аршинский нас, холопей ваших, в вашу, великих государей, службу в розных годех по Албазинскому острогу приверстали» (Красноштанов, 2008. С. 158), то есть зачислили на государственную службу. Поверстать на государственную службу разыскиваемых за убийство воеводы беглецов самостоятельно, приказные Даурских острогов Л. Толбузин и Д. Аршинский вряд ли могли. Даже если бы один из них взял на себя смелость сделать это, совсем не обязательно, что это надо было делать и другому. Но они оба это делали. Возможно, они верстали их условно, как тогда было принято писать: «до государева указу». Принимали челобитную, временно от имени царя зачисляли челобитчиков в службу, посылали в Сибирский приказ отписку и ждали царского указа. Это позволяло воеводам, с одной стороны, не нести ни каких расходов на жалование албазинцев и ответственности за их действия. С другой стороны, они получали от них собранный ясак, а выдвинув их на самую границу контролируемых территорий, были дополнительно защищены от нападения вероятного противника. Такое положение дел в какой-то мере устраивало и Албазинцев: они числились на службе, но управляли Албазинским острогом самостоятельно, отдавали в Нерчинск часть собранных в ясак мехов, но не платили десятинную пошлину с выращенного зерна. На какое-то время и Сибирский приказ так же избрал тактику игнорирования данного административного казуса.

Только в 1674 году с прибытием в Нерчинск на приказ П.Я Шульгина по царскому указу Албазинский острог был официально включен в состав Даурских острогов и административно подчинен приказному человеку Нерчинского острога (Трухин, 2018. С. 182).

Однако возникший в 1676/1677 годах конфликт между Нерчинским приказчиком П. Шульгиным и частью служилых людей этого острога привел к новому административному казусу. Нерчинские служилые люди, недовольные действиями П. Шульгина подали в Енисейский острог на него челобитную (ДАИ. Т. VII. 1859. С. 371–374)[5]. Доставил ее в Енисейск один из неформальных лидеров этого движения Нерчинский сын боярский Г. Лоншаков. Чтобы снять остроту возникшего конфликта, Енисейские воеводы назначили Г. Лоншакова приказчиком Албазинского острога (Красноштанов, 2008. С. 236), оставив в Нерчинске на приказе Павла Шульгина. Возможно, еще одной причиной, побудившей Енисейских воевод сделать это, стали сведения об обнаружении в районе реки Аргуни серебросвинцовых руд (Управление святителя…, 1864. С. 334–338)[21]. Этот

[19] В своей отписке в Сибирский приказ, написанной в 1666/1667 годах, приказной человек Даурских острогов Иларион Толбузин называет Н. Черниговского «приказным человеком» Албазинского острога (РГАДА. Ф. 214. Ст. 1659. Л. 23).

[20] О получении одной из отписок Н. Черниговского сообщает в Сибирский приказ приказной человек Даурских острогов Иларион Толбузин (РГАДА. Ф. 214. Ст. 1659. Л. 23).

[21] Управление святителя Иннокентия (1729 год). // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. № 20 16 мая 1864 г. С. 334–338.

район тогда контролировался из Албазинского острога[22] и поэтому среди поставленных Г. Лоншакову задач, был наказ об организации «г(о)с(у)д(а)р(е)ва дела прииску и проведыванья золотой и серебряной медной и оловянной руды» (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 23. Док. № 302. Л. 334). Тем самым Енисейск как разрядный центр решил два важных вопроса. С одной стороны, убрал из Нерчинска одного из зачинщиков конфликта, с другой стороны, назначил опытного служилого человека к поиску серебряной руды. Вместе с тем этими действиями Енисейские воеводы как бы перенесли конфликт приказного человека П. Шульгина и нерчинских казаков на Албазинский острог, в результате чего в дальнейшем приказчик Албазинского острога Григорий Лоншаков весьма прохладно относился к указным памятям, присылаемым уже новым приказчиком Нерчинского острога А. Строгановым (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. № 29. Л. 63 об.–66 об.). В период пребывания на приказе в Нерчинске А. Строганова, Албазинский острог если и был подчинен Нерчинску, то лишь формально. Получив назначение в Енисейске, Г. Лоншаков, видимо, считал себя равным Нерчинскому приказчику и все отчеты о своей деятельности направлял исключительно Енисейским воеводам.

Вместе с тем эти действия имели и положительный эффект. Получив большую самостоятельность, албазинцы более активно стали продвигаться на восток. В 1678 году вслед за поставленным в 1676 году Гилюйским зимовьем (Поездка…, 1844. С. 140–142)[23] албазинскими казаками был поставлен Верхозейский острожек[24]. В 1679 году – Селенбинское ясачное зимовье[25]. К 1680 году они взяли под свой контроль значительную часть бассейна левого притока Амура – реки Зея. Чтобы закрепить полученные результаты, в 1680 году статус Албазинского острога, видимо, был повышен, и туда одновременно с Нерчинским приказным человеком был назначен свой, подчиняющийся непосредственно Енисейску, приказчик – Енисейский сын боярский Яков Евсевьев. Как отмечал в своей челобитной основатель Албазинского Спасского монастыря черный поп Ермоген, Я. Евсевьев прибыл в Албазин по «великого г(о)с(у)д(а)ря, указу … из Енисейска» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 450. Ч. 1. Л. 8). Самостоятельность, с которой действовал Албазинский приказной человек, вероятно, говорит о том, что Приамурские земли уже были выделены в уезд, подчиненный Енисейскому воеводе.

Однако вскоре в Сибирском приказе это решение посчитали преждевременным, и в Забайкалье и Приамурье было возобновлено Нерчинское воеводство, объединившее эти уезды.

В 1680 во вновь воссозданное Нерчинское воеводство воеводами были назначены стольник Федор Дементьевич Воейков и его старший сын

[22] Сведения о походе, совершенном не позднее апреля 1676 года Албазинскими казаками на реку Аргунь, содержатся в отписке приказчика Албазинского острога Федора Евсиева приказчику Нерчинских острогов Павлу Яковлевичу Шульгину «об отпуске из государевых житниц "семенного хлеба" новоприсыльным пашенным крестьянам, и т. д.» (РНБ. Опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. V. № 4611). Поскольку в ходе похода были захвачены тунгусские женщины и дети «которых погромил Василей Терентьев» целью похода видимо приведение в ясачный платеж какого-то не покорившегося русским рода тунгусов.

[23] Поездка в Забайкальский край. История города Албазина: извлечено из сочинений г. Миллера, дополнено с сохранившихся до ныне устных преданий, с присовокуплением официальных бумаг, изображающих подробности истории города Албазина и дела русских на реке Амуре с 1654 по 1687 год, или до времени мирнаго торговаго договора, заключеннаго с китайцами в г. Нерчинске / [Василий Паршин] // Москва: в типографии Николая Степанова, 1844. 208 с.

[24] В 1678 году 8 марта Г. Лоншаков отпустил на реку Зею «казачья десятника Федора Евъсивьева да толмача Игнатья Бирюцкого а с ними казаков пятьдесят ч(е)л(о)в(е)к да охочих ис промышленых людей двацать один ч(е)л(о)в(е)к» для постройки острога (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. № 23. Л. 57–57об.). В мае 1679 года Верхозейский острог числится построенным (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. № 30. Л. 67–68).

[25] В июне 1679 года для постройки на Селемдже ясачного зимовья на дощанике был отправлен отряд из тридцати двух человек во главе с Гаврилой Фроловым.

Андрей (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 6–7). Не позднее 28 февраля 1681 года Воейковы уже были в Нерчинске. Одновременно с прибытием в Нерчинск Ф.Д. Воейков получил указание собрать всю доступную информацию о землях в районе рек Зеи и Селемджи, поставить там еще один острог (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 14). Есть сведения о том, что Ф.Д. Воейковым предпринималось попытка направить группу охочих людей вниз по течению Амура вплоть до его устья[26]. В административном отношении Воейков также действовал решительно. Воспользовавшись формальным предлогом, он отстранил от занимаемой должности Я. Евсевьева и назначил на его место своего сына Андрея (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 6–8 об.).

На то что Албазинский уезд к моменту возобновления Нерчинского воеводства был уже был сформирован, может указывать то, что в приказной переписке Нерчинских воевод появляется термин «Албазинские уезды», ранее никогда не использовавшийся (Поездка…, 1844. С. 146–147)[23]. Несмотря на то, что объединение забайкальских и приамурских земель в единое воеводство было свершившимся фактом, сами Албазинцы с таким положением дел не смирились и считали действия воеводы Ф.Д. Воейкова по отстранению назначенного из Енисейска приказчика Албазинского острога Я. Евсевьева нелегитимными. И несмотря на то, что на некоторое время с назначением на приказ в Албазинский острог второго Нерчинского воеводы А. Воейкова они смирились, но как только между Албазинскими казаками и Ф.Д. Воейковым возник конфликт, они обвинили его в том, что Андрея Воейкова «сына де своего он Федор Воейков посылал в Албазинской острог без указу великих государей» и в дальнейшем «указные памяти из Нерчинского от столника и воеводы от Федора Воейкова в Албазинской … не слушали, и Нерчинских детей боярских на приказ себе не приимали» (ДАИ. Т. XII. 1872. С. 2–8)[5].

Маньчжурская угроза, нависшая в начале 80-х годов над восточными границами Русского государства, заставила Сибирский приказ провести административно-территориальные преобразования в структуре управления Восточной Сибири, которые напрямую затронули Албазинский уезд.

В начале 1683 года Енисейский разряд, куда кроме Енисейского входили Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и Албазинский уезды, возглавил князь Константин Осипович Щербатов. В указе по поводу его назначения подчеркивалась именно военно-оборонительная цель перестройки управления: «А велено ему Селенгинской и все Байкаловские и Даурские остроги и иные городы и остроги, которые мочно, оберегать» (АИ. Т. V. 1842. С. 183) [27]. 17 февраля 1683 года вторым воеводой к К.О. Щербатову в Енисейское воеводство был назначен воеводствовавший в это время в Селенгинске Иван Остафьевич Власов: «…А тебе Ивану указали мы великие г(о)с(у)д(а)ри быть с ним боярином н(а)шим и воеводою со кн(я)зем Костянтином Осиповичем в товарыщах…». Несмотря на то, что в соответствии с царским указом он получил звание второго Енисейского воеводы, место службы ему было определено в Нерчинске с обязанностью управления Нерчинским, Албазинским и всеми остальными Даурскими острогами (РГАДА. Ф. 1121 Оп. 1. Д. 42. Ст. 660. Л. 40–44).

В исторических исследованиях, посвященных Албазинскому острогу, 1682 год утвердился как год образования Албазинского воеводства, а также как год назначения Тобольского дворянина по выбору Алексея Ларионовича Толбузина первым Албазинским воеводой. Как правило, эти сведения приводятся без отсылки к первоисточникам. Вероятно, что они были почерпнуты из фундаментального исследования П.Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 года» где, приводя эти сведения, автор сделала ссылку на первую

[26] В СПбФ АРАН сохранилась копия челобитной Албазинского казачьего десятника Афонки Байгашина, Максимки Каргаполова «с товарищи 18 человек» с просьбой отпустить их на государеву службу с Нерчинским сыном боярским Никифором Сенотрусовым «на новую Хамун реку, и на море и на Малемкан и на многие реки которые устьями пали в море с Алдану и с Ламскую сторону» (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 29. Док. № 24. Л. 32).

[27] Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией (АИ). В 5 т. с доп. и указ. СПб., 1841–1872; 1842. Т. IV. 608 с.; 1842. Т. V. 580 с.

часть столбца № 913 (л. 54) Сибирского приказа, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (Яковлева, 1958. С. 119). Однако при подготовке текста книги или при ее печати, видимо, была допущена ошибка и эта ссылка направлена на документ, несвязанный с образованием Албазинского воеводства.

Как видим, даже если такое решение и было принято, то, как минимум, до февраля 1683 года оно реализовано не было. Албазинский уезд, как и Нерчинский, перешел под прямое управление второго Енисейского воеводы. Это может говорить о том, что Нерчинское воеводство в 1683 году опять было расформировано.

Что касается А.Л. Толбузина, согласно его отписке, в Албазинский острог он был послан только 8 марта 1683 года для проведения сыска, а Албазинский острог он должен был принять только на период с момента начала сыска и до особого царского распоряжения (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. 194. Л. 305 об.–306). В грамоте, отправленной 2 апреля 1683 года К.О. Щербатому «об отправлении в Албазинской острог Алексея Толбузина для следствия» (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. 114. Л. 166 об.–167 об.) подчеркивается, что он направляется туда исключительно для расследования причин возникновения конфликта между Федором Воейковым и Албазинскими казаками. То есть и к апрелю 1683 года решения об образовании отдельного Албазинского воеводства и о назначении туда первым Албазинским воеводой А.Л. Толбузина все еще не были реализованы.

Важно отметить, что царской грамотой на период проведения следствия, по просьбе Албазинских казаков, К.О Щербатову и И.О. Власову запрещалось производить замену Албазинского приказчика.

Назвать точную дату образования Албазинского воеводства пока нельзя. Однако можно однозначно утверждать, что создано оно было в период между 2 апреля и 31 августа 1683 года. Благодаря грамоте, отправленной в Енисейск К.О. Щербатову, «об отправлении в Албазин новой печати» (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. 184. Л. 279–279 об.) можно однозначно утверждать, что к 31 августа 1683 года А.Л. Толбузин уже был назначен Албазинским воеводой. Это самый ранний из известных на сегодняшний день документ, где он был назван воеводой в Албазинском остроге.

Несмотря на то, что решения о реорганизации системы управления в Даурии принимались с некоторым временным разрывом, их реализация на местах отставала и в связи с этим все они не могли быть своевременно исполнены. Так назначенный 17 февраля 1683 года руководителем Нерчинского и Албазинского уездов Иван Власов был вынужден ожидать ехавшего ему на перемену Л. Кислянского и в феврале 1684 года еще был в Иркутске[28]. Только 20 апреля 1684 года по пути в Нерчинск он проехал Селенгинск (ДАИ. Т. X. 1867. С. 242–243)[5], и не позднее 16 мая (Там же. С. 328)[5] этого же года приступил к своим обязанностям в Нерчинске. Почти одновременно с ним 18 мая 1684 года в Албазинский острог прибыл и А.Л. Толбузин (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 25. Док. 269. Л. 412–415), поэтому принять под свое управление Албазинский уезд Власов уже не успел. К этому времени Албазинский уезд уже был выведен из его непосредственного подчинения. Знал ли А.Л. Толбузин, принимая Албазинский острог, что он уже назначен Албазинским воеводой, сказать сложно. Но вполне возможно, что эта информация уже могла до него дойти.

Албазинское воеводство просуществовало до июля 1686 года. В ответ на отписку А. Толбузина, посланную им в Сибирский приказ о взятии Албазинского острога, 15 июля 1686 года в Нерчинский острог поступила царская грамота об отстранении А. Толбузина от должности, передаче им всех дел И.О. Власову и отправке его в Енисейск (ДАИ. Т. X. 1867. С. 257–258)[5]. Однако к этому времени Алексей Толбузин уже находился во вновь построенной на месте Албазинского острога крепости, где по наказной памяти, данной ему вторым Енисей-

[28] Передача дел от И.О. Власова Л.Л. Кислянскому произошла в феврале 1684 года, поскольку этим месяцем датируются документы, посланные из Иркутска Енисейскому воеводе К. О Щербатому ими подписанные.

ским воеводой И.Е. Власовым продолжал исполнять обязанности Албазинского воеводы (ДАИ. Т. X. 1867. С. 257–258)[5]. Полученное решение об отстранении А.Л. Толбузина от должности Власов исполнить уже не смог, а Алексей Толбузин скорее всего о нем даже не узнал. 7 июля 1686 года Албазинская крепость снова была осаждена маньчжурами, а на пятый день обороны он был смертельно ранен влетевшим в башню ядром, после чего через три дня скончался (РКО, 1972. С. 108)[3].

После смерти А. Толбузина Албазинскую крепость возглавил казачий голова Афанасий Иванович Бейтон (РКО, 1972. С. 108)[3] и она перешла в непосредственное подчинение второго Енисейского воеводы И.О. Власова. На период русско-маньчжурских переговоров Албазинская крепость, как и все города и уезды Восточной Сибири, в административно-военном отношении была подчинена Даурскому разрядному шатру, возглавляемому окольничим и полномочным послом на переговорах с маньчжурами Ф.А. Головиным[29]. Такое положение дел сохранялось до полного разрушения Албазинской крепости в 1689 году (Поездка…, 1844. С. 196–199)[23], когда по условиям Нерчинского договора приамурские земли были отторгнуты от России.

[29] Полномочия Ф.А. Головина «о посылке с ним ратных людей, и о всяком ратном строение, и о строенье городов и острожков от приходу китайского хана к реке Амуру» были определены наказом данным ему из Сибирского приказа (РКО. Т. 2. 1972. С. 763).

Библиографический список

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Акишин М.О. Сибирский приказ в системе управления Сибирью в 1730–1763 годах // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II чтений памяти проф. Т.П. Коржихиной (Москва, 26–27 мая 1999 г.). М., 1999. С. 41–47.

Артемьев А.Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века // Отечественная история. 2006. №. 2. С. 3–10.

Артемьев А.Р. Военно-административные функции и этапы становления городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. // Губернаторское управление в России: история, современность, будущность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток. 1997. С. 23–26.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. Владивосток. 1999. 335 с.

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 348 p. (In Russ.)

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.)

Akishin M.O. (1999) Siberian Prikaz in the government system of Siberia in 1730–1763. *Rossiiskaya gosudarstvennost': traditsii, preemstvennost', perspektivy: Materialy II Chtenii pamyati prof. T.P. Korzhikhinoi (Moskva, 26–27 maya 1999 g.) = Russian statehood: traditions, continuity, prospects: Materials of the II Readings in memory of prof. T.P. Korzhikhina (Moscow, May 26–27, 1999).* Moscow. P. 41–47. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (2006) Warriors and customers of the Nerchinsky and Albazinsky districts in the second half of the XVII century. *Otechestvennaya istoriya = National History.* No. 2. P. 3–10. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1997) Military-administrative functions and stages of the formation of cities and forts of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries *Gubernatorskoe upravlenie v Rossii: istoriya, sovremennost', budushchnost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Governor's Office in Russia: History, Present, Future. Materials of the All-Russian scientific-practical conference.* Vladivostok. P. 23–26. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1999) Cities and fortresses of Transbaikalia and Amur Region in the second half of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok. 335 p. (In Russ.)

Артемьев А.Р. Печать Албазинского острога // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 1993. № 1. С. 118–119.

Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. М. 1998. № 5. С. 140–147.

Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства в XVII столетии. СПб., 1902. 611 с.

Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. Л., 1925. 120 с.

Берх В.Н. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян на берегах Амура // Сын отечества. М., 1821. Т. 68. №. 12. С. 197–205.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII–середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.

Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 173–183.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 378 с.

Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.: Просвещение, 1991. 144 с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII век). М.: Наука, 1974. 248 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.

Трухин В.И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // Сборник Президентской библиотеки. Сер. Электронный архив. 2020. Вып. 5. С. 200–215.

Трухин В.И. Первая Даурская служба Алексея Толбузина // XII Дорохинские чтения. Албазино. 2019 URL: http://museumamur.org/uploads/Konference/Dorohinskie/19/%D0%92.%D0%98.%20%D0%A2%D1%80%D1%83%D1%85%D0%B8%D0%BD.docx (дата обращения 02.08.2020).

Трухин В.И. «Росписной список» Албазинского острога 1674 года // Сборник Президентской библиотеки. Сер. Электронный архив. 2018. Вып. 3. С. 178–188.

Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 213 с.

Artem'ev A.R. (1993) Seal of Fort Albazin. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii Nauk = Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.* No. 1. P. 118–119. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1998) Building of cities and forts in Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIIIcenturies and types of defensive structures. *Otechestvennaya istoriya = National history.* Moscow. No. 5. P. 140–147. (In Russ.)

Barsukov A.P. (1902) Lists of the city governors and other persons of the Provincial Administration of the Moscow State of the XVII. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich. 611 p. (In Russ.)

Bakhrushin S.V. (1925) Cossacks on the Amur. Leningrad. 120 p. (In Russ.)

Berh V.N. (1821) The exploits of the boyar son Erofei Khabarov and the placement of Russians on the banks of the Amur. *Syn otechestva = The Son of the Fatherland.* Vol. 68. No. 12. Moscow. P. 197–205. (In Russ.)

Besprozvannykh E.L. (1983) Priamurye in the system of Russian-Chinese relations, XVII – mid. XIX century. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.)

Zuev A.S. (2000) Forgotten hero: touches to the biography of Afanasy Ivanovich Beyton. *Nemeckijj ehtnos v Sibiri: Al'manakh gumanitarnykh issledovanijj = German Ethnos in Siberia: Almanac of Humanitarian Studies.* Novosibirsk. Iss. 2. P. 173–183. (In Russ.)

Krasnoshtanov G.B. (2008) Nikifor Romanov Chernigovsky: documentary narration. Irkutsk. 378 p. (In Russ.)

Leontyeva G.A. (1991) Pioneer Erofei Pavlovich Khabarov. Moscow: Prosveshchenie. 144 p. (In Russ.)

Melihov G.V. (1974) Manchurian in the North-East (XVII century). Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.)

Myasnikov V.S. (1987) Qing Empire and the Russian State in the XVII century. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 514 p. (In Russ.)

Trukhin V.I. (2020) Albazin Ostrog: from one “Description Lists” to another “Description Lists”. *Sbornik Prezidentskoi biblioteki. Ser. “Elektronnyi arkhiv” = Collection of the Presidential Library. Series Electronic Archive*. St. Petersburg. Iss. 5. P. 200–215. (In Russ.)

Trukhin V.I. (2019) First Daurian service of Alexey Tolbuzin. *XII Dorokhinskie chteniya =* Dorokhin’s Readings. Albazino. Available at: URL: http://museumamur.org/uploads/Konference/Dorohinskie/19/%D0%92.%D0%98.%20%D0%A2%D1%80%D1%83%D1%85%D0%B8%D0%BD.docx (Accessed 08.02.2020) (In Russ.)

Trukhin V.I. (2018) List" of the Albazin fortress of 1674. *Sbornik Prezidentskoi biblioteki. Ser. Elektronnyi arkhiv = Collection of the Presidential Library. Ser. Electronic Archive.* St. Petersburg. Iss. 3. P. 178–188. (In Russ.)

Yakovleva P.T. (1958) The first Russian-Chinese Treaty of 1689. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 213 p. (In Russ.)

Критерии авторства

В.И. Трухин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.I. Trukhin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Трухин Владимир Ильич,
независимый исследователь,
675000, г. Благовещенск, пер. Рёлочный, д. 4, кв. 10, Россия,
✉ e-mail: trukhin@amurnc.ru

Information about the author

Vladimir I. Trukhin
Independent researcher,
10, 4, Rjolochnyj lane, Blagoveshchensk 675000, Russia,
✉ e-mail: trukhin@amurnc.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-162-174

Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию 1 часть: переход Тобольск – Удинск (1686–1687 гг.)

© Е.А. Багрин

Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье, на основе опубликованных и не опубликованных источников, рассматривается переход сибирских полков в составе «посольского» войска Ф.А. Головина из Тобольска до Удинска в 1686–1687 гг. В Тобольске были сформированы 2 полка под командованием полковников Павла Грабова и Антона Смаленберга, составившие 2/3 состава всего войска. В этих подразделениях руководящие офицерские должности занимали офицеры-иностранцы солдатских полков нового строя. Это обеспечило единоначалие во время похода среди сибиряков, представлявших военные корпорации разных городов и острогов. Поход выявил недостатки административной системы управления Сибирью, неготовой обеспечить беспрепятственное продвижение войск от Западной Сибири до Даурии. Сибирские служилые люди показали более высокую эффективность в передвижении, чем стрельцы Московского полка, составлявшие треть войска. Сибиряки знали тонкости использования транспортных путей на территории уездов, по которым они передвигались. Это позволяло войску двигаться в условиях нехватки проводников. На сибирских ратников легла основная нагрузка во время похода, т. к. на них возлагались почти все тяжелые работы, в то время как московских стрельцов, «гвардию» посла, по возможности, берегли. Принимая во внимание медленный темп передвижения войска, Ф.А. Головин отправил в Даурию авангардные части. Подполковник московских стрельцов С. Богатырев и отданные ему в подчинение офицеры полков П. Грабова и А. Смаленберга, привели в Забайкалье около 370 ратников, включая новобранцев, оружие и боеприпасы. Эти силы позволили усилить гарнизон Нерчинска и Албазина. Полк А. Смаленберга, отправленный вперед с той же целью, не выполнил свою задачу. В целом переброска военного контингента из Западной Сибири на Дальний Восток, занявшая почти 1 год и 4 месяца, показала, что Россия была не готова начать войну с Цинской империей.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, Сибирь, Даурия, Тобольск, Ф.А. Головин, XVII век, родословная

Информация о статье: поступила в редакцию 20 июля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 17 августа 2020 г.; принята к публикации 31 августа 2020 г.

Для цитирования: Багрин Е.А. Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию. 1 часть: переход Тобольск – Удинск (1686–1687 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 162–174. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-162-174

Siberian regiments during F. Golovin campaign to Dauria Part 1. The transition Tobolsk – Udinsk (1686–1687)

© Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the transition of Siberian regiments as part of “ambassadorial” troops by F.A. Golovin from Tobolsk to Udinsk in 1686–1687. Two regiments were formed in Tobolsk under the command of colonels Pavel Grabov and Anton Smalenberg made up 2/3 of the entire army. The leading officer positions were occupied in these units by foreign officers of the soldiers' regiments of the new order. This ensured one-man command during the campaign among the Siberians, who represented military units from different towns and forts. Two thirds of Siberian warriors (their most battle worthy part) consisted of P. Grabov's regiment. The campaign revealed the weakness of Siberia administrative system, which was not ready to ensure the unopposed advance of troops from Western Siberia to Dauria. The army run up against the unpreparedness to supply its

transition with the necessary transport and people. Siberian warriors demonstrated higher efficiency in transition than Moscow regiment shooters, who accounted for a third of the army. Siberians knew the special aspects of using transportation routes on the territory of districts they traveled. This allowed the troops to move in conditions of absence of guides. The main burden fell on Siberian warriors during the campaign. They were entrusted with almost all the hard work, while the Moscow shooters were protected as the "the ambassador's "guard". Taking into account the slow pace of troops transition, F.A. Golovin sent the avant-garde units to Dauria. The colonel of Moscow shooters S. Bogatyrev and the officers of the regiments by P. Grabov and A. Smalenberg, brought about 370 warriors to Transbaikalye, including recruits, weapons and ammunition. These forces made it possible to strengthen Nerchinsk and Albazyn garrisons. A. Smalenberg's regiment sent forward with the same purpose had not carried out the task. In general, the transfer of the military contingent from Western Siberia to the Far East, which took almost 1 year and 4 months, showed that Russia was not ready to start the war with the Qing Empire.

Keywords: troops, Cossacks, Streltsy, Siberia, Dauria, Tobolsk, Feodor Alekseyevich Golovin, XVII century, genealogy

Article info: received July 20, 2020; revised August 17, 2020; accepted August 31, 2020.

For citation: Bagrin E.A. (2020) Siberian regiments during F. Golovin campaign to Dauria. Part 1. The transition Tobolsk – Udinsk (1686–1687). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 162–174. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-162-174

В 1689 г. в Даурии была установлена первая официальная граница между Русским государством и Цинской империей, а условия разграничения закреплены Нерчинским договором. Этому важному событию в истории России и Китая посвящено множество исследований, всесторонне рассматривающих процесс переговоров и их результаты (Яковлева, 1958; Мелихов, 1974; Беспрозванных, 1983; Мясников, 1987; Артемьев, 2002 и др.). В значительной части работ концентрируется внимание на политических обстоятельствах и последствиях заключения Нерчинского договора, в то время как исследований, освящающих военные аспекты происходившего, значительно меньше (Александров, 1984). Тем не менее они заслуживают самого подробного изучения. Ф.А. Головин – посол, представлявший интересы России, прибыл к месту «посольского съезда» вместе с войском, состоявшим из Московского и двух «сибирских» полков. Эти силы значительно увеличили военный контингент на восточной границе, остановили вторжение монголов в Забайкалье и позволили вести переговоры с китайцами, опираясь на возможность немедленного вступления в военный конфликт при навязывании неприемлемых условий.

Одним из наиболее важных моментов, произошедших в этот период, с точки зрения военной истории, является передвижение «посольского войска» из Тобольска в Даурию к месту встречи с китайскими представителями. Этот переход показал реальную готовность России к переброске войск в самые отдаленные регионы государства и, как следствие, возможность вести войну с таким мощным соседом как Цинская империя. В данной статье мы сконцентрируем внимание на силах, сформированных для даурского похода в Сибири, т. к. правительство рассчитывало решить проблему конфликта с Китаем в первую очередь за счет сибирских ресурсов.

Состав «сибирских» полков П. Грабова и А. Смаленберга. 20 января 1686 г. царским указом в Даурию для «договоров и успокоения ссор китайского бугдыхана» направлялось посольство во главе с Ф.А. Головиным. Из Москвы с послом отправились 509 чел. московских стрельцов и военных специалистов, руководимых подполковником С. Богатыревым и полковником Ф. Скрипицыным. В Сибири к моменту прибытия туда Ф.А. Головина для похода должны были сформировать военный контингент в 1400 чел.[1] Посол прибыл в Тобольск 24 марта 1686 г. Через 4 дня туда прибыл полк московских стрельцов. Для руководства сибирскими ратниками из Европейской России за Урал были

[1] В итоге в Тобольске, Тюмени, Томске, Енисейске, Илимске, Нарыме и Верхоленске были набраны только 933 чел. из «окладных» служилых людей и их детей, братьев и племянников и 202 чел. новоприборных стрельцов из Иркутского уезда и Енисейска.

направлены офицеры солдатского строя – полковник Павел Грабов и 11 чел. начальных людей из его полка. Они прибыли в Тобольск 10 апреля 1686 г. До мая 1686 г. Ф. Головин ждал сбора ратников тобольского разряда, деньги на жалованье и «подъем» сибирским служилым людям. 16 мая дьяк Семен Корницкий привез казну и приказ включить в состав полка полковника солдатского строя Антона фон Смаленберга и его начальных людей. За год до этого они были посланы в Сибирь и находились в Тобольске. Таким образом, сибирские ратники распределились между 2-мя полками: П. Грабова и А. Смаленберга (РКО[2]. 1972. С. 71, 73–75).

Подробно о составе полков П. Грабова и А. Смаленберга можно узнать из именной росписи личного состава в 1690 г. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 302–327; Багрин, 2020a; Багрин, 2020b). Эти данные отражают заключительный этап существования полков без учета боевых и не боевых потерь в период 1686–1690 гг. Однако они позволяют понять то, как силы были распределены в самом начале похода.

В 1690 г. в состав полка П. Грабова входили: 1) тобольские ратники «литовского списка», новокрещены, литва и конные казаки «из рейтар», конные и пешие казаки, стрельцы и их дети, братья и племянники (303 чел.); 2) часть драгунов из Исецких слобод Тобольского разряда в т. ч. из Арамильской, Беляковской, Красномыской, Шадринской слобод, Калчаданского и Катайского острогов (85 чел.); 3) тюменские стрельцы и пешие казаки (95 чел.); 4) нарымские казачьи дети (29 чел.); 5) часть томских казачьих детей (20 чел.); 6) часть енисейских стрельцов, казаков и казачьих детей (94 чел.). Всего: не менее[3] 626 чел.

В полку А. Смаленберга состояли: 1) часть драгунов из Исецких слобод (130 чел.); 2) часть томских казачьих детей (74 чел.); 3) илимские пешие казаки и их родственники (в списке отмечено 24 чел., однако число ратников должно быть около 100 чел.[4]). Эта часть ратников вошла в полк не раньше осени – зимы 1687 г. т. к. илимцы пришли в Даурию с передовым отрядом С. Богатырева; 4) часть енисейских служилых людей и красноярцы, казачьи дети (5 чел.). На несколько должностей пятидесятников были назначены тобольские конные казаки и стрелец. Всего – не менее 309 чел. Кроме того, в полк вошла часть новоприборных стрельцов из Иркутского уезда и Енисейска.

Таким образом, мы видим, что основные силы находились в полку П. Грабова. В него вошли примерно 67 % от всех набранных ратников. Здесь же были сконцентрированы «окладные» служилые люди – наиболее опытная и боеспособная часть «сибирского» войска. Полк А. Смаленберга больше чем на 2/3 состоял из казацких детей и драгунов, имевших, по замечанию А.В. Дмитриева, невысокие боевые качества (Дмитриев, 2008. С. 176).

Впервые в истории Сибири с ее западной границы на южную единовременно перебрасывался военный контингент порядка 1000 чел.[5] (Александров, 1984. С. 157). Высшие руководящие должности в нем заняли офицеры «иноземного списку» из солдатских полков нового строя (часть из них приведена в таблице). Всего в обоих полках были: 2 полковника, 1 майор, 11 капитанов, 6 поручиков и 4 прапорщика (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 30).

[2] Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.

[3] Естественно, что это не абсолютные цифры. В документах этого же периода встречаются фамилии, неупомянутые в именном списке состава полка в 1690 г. (Багрин, 2020b).

[4] В Илимске должны были набрать 170 чел., однако илимский воевода смог послать только 120 чел. из которых 16 не явились (Леонтьева, 2012. С. 49–50).

[5] Перед этим в Даурию был отправлен полк, состоявший из 600 ратников из Тобольска, Туринска, Верхотурья, Тюмени. Выйдя из Тобольска весной 1684 г., ратники прибыли в Забайкалье через год ранней весной 1685 г. По пути полк «отличился» конфликтом с енисейским воеводой и грабежами местного населения. В Енисейске полк возглавил сын боярский Афонасий Бейтон. Большая часть полка была распределена в Албазин и там погибла во время осады (Зуев, 2000).

Таблица. **Начальные люди полков Павла Грабова и Антона Смаленберга (частичный список) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 27, 180, 217 об., 221 об., 224 об., 226 об., 261 об., 302–327; РКО. 1972. С. 102, 110, 113, 123, 198, 201, 212, 218, 230, 232 об., 251, 257, 451, 456, 459, 610)[61]**
Table. **Officers in the regiments of Pavel Grabov and Anton Smalenberg**

1. Полк Павла Грабова
Начальные люди солдатского строя
полковник
Павел Грабов
майор
Петерсон Яков
капитаны
Демедериус Иван[71] Я.
Камаль Мартын Мартынов сын
Стахорский Федор М.
поручики
Волошенин Василей И.
Грененберг Иван И.
Жданов Г.Д.
Камаль Р.М.
Селунец Иван К.
прапорщик
Нейтер Лаврентий
Начальные люди из сибирских полков
сотенные
Беднягин Васка (стрельцы, Тюмень)
Посевской (Посельской) Максимка, «пятисотной» (стрельцы, Тюмень)
Рогозинников Микишка (стрельцы, Тобольск)
Якимов Якушко Федоров (стрельцы, Енисейск)
пятидесятники
Дюков Левка (литовский список, Тобольск)
Енгусаев Борис (стрельцы)
Залеской Васка (литовский список, Тобольск)
Киселев Мишка Балин (конные казаки, Тобольск)
Клепалов Ивашка (конные казаки, Тобольск)
Корнилов Федка, пятидесятник (конные казаки из рейтар, Тобольск)
Митрохин Якушко (конные казаки из рейтар, Тобольск)
Парафеев Мишка (стрельцы, Енисейск)
Полуторной Андрюшка (литва из рейтар, Тобольск)
Поступинской Максимка (литовский список, Тобольск)
Рублевской Петрушка (литовский список, Тобольск)
Трофимов Ивашка (пешие казаки, Тобольск)

[6] В таблице поименно указана только часть начальных людей, известная автору. Также некоторые из них в одних источниках указаны как капитаны, а в других как поручики.
[7] Капитан Иван Демедериус умер в ноябре 1689 г. в Удинске, сразу после прибытия из Нерчинска (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 212–212 об.).

Урбанов Ивашка (литовский список, Тобольск)
Хмелин Никулка (литовский список, Тобольск)
Чюдинов Афонка (конные казаки, Тобольск)
Шипицын Никифор (литовский список, Тобольск)
Широкой Ивашко (литовский список, Тобольск)
Ясырев Куземка (конные казаки, Тобольск)
Полк Антона фон Смаленберга
полковник
Антон фон Смаленберг
капитаны
Бецальд Иоганн (Иван)
Блитловский Назар
поручики
Грот Петр
Касимов Никита
Шмаленберг Григорий
прапорщики
Кучумов Василий
Разичка Петр[8]
Начальные люди сибирских полков
пятидесятники
Баландин Сидор, у Исецких драгун (конные казаки, Тобольск)
Брагин Андрюшка, пятидесятник (служилые люди, Илимск)
Булгуда Ивашко, у илимских стенных (конные казаки, Тобольск)
Обрядов Афонка, у Исецких драгун (конные казаки, Тобольск)
Оспипов Васка, у Исецких драгун (конные казаки, Тобольск)
Сенотрусов Сенка, пятидесятник (служилые люди, Илимск)
Чичагов Афанасей у Исецких драгун (стрельцы, Тобольск)

Переход от Тобольска до Удинска. 29 мая 1686 г – начало октября 1687 гг. В течение мая 1686 г. в полки собрались тобольские и тюменские ратники[9] (в этот период А. Смаленберг получил в командование только томских казачьих детей и часть исецких драгунов). Они получили по 10 руб. на жалованье и «подъем», и 29 мая 1686 г. на судах[10] выдвинулись из Тобольска. По рекам плыли гребным ходом и парусами. По Иртышу и Оби отряд 18 июня 1686 г. дошел до Сургута. Здесь на дощаники московских стрельцов и тобольских ратников были взяты «вожи» – сургуткие служилые люди, по одному на корабль (РКО. 1972. С. 75–77, 79).

[8] 29 августа 1688 г. отправлен из Удинска в Москву с отпиской (РКО. 1972. С. 351).

[9] Тобольских 499 чел.: литва, конные казаки, новокрещены – 62 чел., стрельцы – 71 чел., пешие казаки – 47 чел., драгуны исецких слобод – 200 чел. (по данным А.В. Дмитриева – 197 чел.). Из Тюмени прибыло 98 чел. (часто в отписках пишут округленно 100 чел.) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 157–158, 160; Дмитриев, 2008. С. 173).

[10] Войска передвигались на дощаниках – палубных плоскодонных речных судах, предназначенных для транспортно-грузовых перевозок. Западная Сибирь была крупнейшим центром судостроения, поэтому недостатка в кораблях для отправки войска не было. Однако по мере продвижения по сибирским рекам большинство из них относительно быстро приходило в негодность и требовало замены. В Восточной Сибири центром судостроения был Енисейск, здесь войска могли получить новые корабли (Вершинин, 2001).

В Нарым войска прибыли 2–3 июля 1686 г. Перед подходом основных сил в острог приехал прапорщик полка П. Грабова Лаврентий Нейтер с приказом дать в поход ратников. «Выбор ратных людей» производился до 9 июля 1686 г[11]. Здесь было отмечено преимущество сибирских войск перед московскими стрельцами в передвижении по рекам. Ф.А. Головин в отписках отмечал, что «московские стрельцы итти водяным путем не заобычны». Поэтому «Московского полку многие дощаники, идучи к Нарыму из Сургута, розносило по протокам великими погодами», и их пришлось долго ждать. В связи с этим, 7 июля 1686 г., не дожидаясь общего выхода, полк П. Грабова отправился к Маковскому волоку[12]. Его задачей было начать переправлять пушки, «гранатную и пороховую казну» к моменту прихода посла и остальных ратников. Также Ф.А. Головин распорядился взять на свои дощаники 30 чел. тобольских служилых людей (РКО. 1972. С. 78–80).

Прапорщик Л. Нейтер снова был отправлен в Енисейск впереди полков, чтобы известить стольника и воеводу Степана Афанасьевича Собакина о подходе Ф.А. Головина. В Енисейске к этому моменту уже находился тобольский сын боярский Андрей Клепиков, задачей которого был сбор в поход енисейских ратников. Также здесь должны были сделать 120 дощаников. Когда в середине августа посол и московские стрельцы прибыли к Маковскому волоку, оказалось, что полк П. Грабова стоял там несколько дней, но не успел ничего переправить, т. к. из Енисейска не выделили подводы. После того как прибыло 70 лошадей «самых плохих», то на них вьюками и волоком[13] через «грязи великие», болота и реки отправили 23 бочки пороха и 30 гирь свинца. Охранял караван Петр Разичка, прапорщик полка А. Смаленберга, и 25 чел. из разных полков. В последствии грузы сопровождали начальные люди полка П. Грабова – поручики Василей Волошенин и Иван Грененберх, прапорщик Лаврентий Нейтер. Передвижение осуществлялось «с превеликую трудностию». Подобным образом постепенно, партиями переправляли и остальные грузы[14]. Отпускал грузы Л. Нейтер и сотенной московских стрельцов С. Соколов, а сопровождал полковник П. Грабов и 100 чел. стрельцов. С ним были отправлены 8 пушек и по 20 чел. от каждого полка для приема хлебных запасов в Енисейске. 22 августа 1686 г. с Маковского волока на санях 10-ю подводами отправили 12 пушек и «пушка верховая» (мортира)[15]. В войско для перехода выделили 1 вьючную лошадь на 3 человек. Из-за нехватки гужевого транспорта 8 пушек и часть казны оставили на волоке под охраной Якова Петерсона, майора полка П. Грабова. По другим данным, в Маковском остроге у сына боярского Степана Сурвилова осталось «10 пищалей медных, 8 станков окованых с ушми железными, 20 колес окованых» (РКО. 1972. С. 76, 80–82, 86, 89, 95, 97–98).

Подводы, направляемые к Маковскому волоку в течение августа и начала сентября 1686 г., прибывали медленно и не все, т. к. их хозяева – пашенные крестьяне – попросту убегали, не имея желания выполнять тяжелую работу. Этому способствовало то, что воевода С.А. Собакин не выделял для их сопровождения служилых людей. Наконец он совсем отказал полковнику П. Грабову и другим просителям в выделении подвод. Мирские старосты Енисейского уезда не хотели больше возить грузы под предлогом того, что «повытья свои в подводах … загоняли». Сменивший Собакина воевода Григорий Новосильцев, обещал решить проблему, воздействуя на старост, и вскоре собрал 60 подвод и наладил дальнейшую работу под присмотром енисейских детей боярских. Трудности с

[11] Всего в Нарыме было набрано 30 чел. из казачьих детей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 157–158, 160).

[12] Преодоление волоков, по мнению Н.И. Никитина, представляло наибольшую сложность передвижения в Сибири (Никитин, 1987. С. 47–48).

[13] По сведениям Ф. Головина, одна лошадь поднимала не более 5 пудов груза, а путь через волок в Енисейск занимал больше 4-х дней (РКО. 1972. С. 86).

[14] «пороховую и денежную и свинцовую казны, и гранатные малые и пушечные ядра, и фитиль, и полковые всякие припасы, и подкопные снасти, и ружье» (РКО. 1976. С. 86).

[15] Верховую пушку и припасы к ней сопровождал гранатчик Андрюшка Полуектов, присланный из Москвы. К войскам он присоединился 8 мая 1686 г. в Тобольске (РКО. 1972. С. 75).

обеспечением транспортировки грузов были и до этого. В Сургуте и Нарыме не могли найти гребцов. Остяки, на которых рассчитывали в сопровождении подвод, разбежались, так что в Сургуте их нашлось только 20 чел., а в Нарыме 31 чел[16]. (РКО. 1972. С. 77, 80, 88–89, 91–92, 95).

«Посольское» войско стояло в Устькемской деревне в устье р. Кеми, где была судовая пристань и 38 енисейских кораблей для похода. Многие «дощаники без починки в ход были не годны и не покрыты, и на многих щеглы были не подняты». Кроме того, новых парусов было прислано всего 18 штук, поэтому полковые люди делали «парусы ис старых парусов, которыми шли из Тобольска, также и снасти клали старые». Не хватало также бечевы для «верхового ходу». Полк П. Грабова получил 12 дощаников, а полк А. Смаленберга – 5. К 25 августа 1686 г. Ф.А. Головин, получивший вести о состоянии дел в Албазине и Нерчинске, принял решение отправить туда на легких судах подполковника С. Богатырева и стрельцов из разных полков. Однако воевода С.А. Собакин известил о том, что кораблей нет ни в казне, ни у торговых людей и выдал только 2 каюка[17] без снастей и не годных к плаванью без починки. Из Устькемской деревни для ремонта кораблей были отправлены 6 плотников и десятник нерчинских конных казаков Карпушка Юдин (РКО. 1972. С. 88–89, 91, 95).

6 сентября 1686 г. из устья р. Кеми посол направился в Енисейск на судах с полками П. Грабова и А. Смаленберга, т. к. московские стрельцы отставали и не успели все переправится через волок. С ними также была небольшая часть людей из полка П. Грабова под командованием капитана Федора Стахорскова. По пути в Енисейск утонул дощаник роты Мартына Камаля – капитана полка П. Грабова. Попавших в воду ратников, спасли, забрав на лодки. В Енисейске воевода Г. Новосильцев предоставил в войско 75 чел. гулящих людей, которые были распределены по судам в качестве «вожей». 9 сентября 1686 г. в Даурию отправился С. Богатырев, взяв 27 чел. новоприборных енисейских ратников[18]. В это же время, впереди войска отправился полк А. Смаленберга, включавший 200 ратных людей (исецкие драгуны и томские казачьи дети). Они должны были дойти до устья р. Илим и дальше из Илимска пешим путем в Иркутск (РКО. 1972. С. 92–94).

12 сентября 1686 г. полки Ф. Головина были в сборе и отправились по р. Енисею. Однако многие суда начали течь и их пришлось вытащить на берег, конопатить и чинить. 24 сентября 1686 г. полки прибыли в Рыбинский острог на р. Ангаре и стали чинить корабли, поврежденные на Стрельном пороге и шиверах (участки реки с выступающими из воды камнями). Сибирские служилые и московские стрельцы били челом о том, что продолжать путь опасно, т. к. река замерзает. Енисейские стрельцы и представлявший их Данилко Москвитинов, имевшие опыт передвижения на этом участке реки, предупредили о том, что идти нужно еще несколько недель по безлюдным местам, а река вот-вот замерзнет. Действительно 27 сентября 1686 г. по р. Ангаре пошел «великий лед». В это же время к Ф.А. Головину прибыл от А. Смаленберга поручик Петр Грот, доложивший, что его полк встал у деревни Каменка в 3-х днях от Рыбинского острога, т. к. их дощаники сильно повреждены и не годятся для дальнейшего похода. Посол приказал готовиться к зимовке, строить избы и зимовья для ратников и землянки для грузов. Корабли поставили в затон, чтобы их не разломало льдом весной (РКО. 1972. С. 96–101).

15 ноября 1686 г. в Иркутск вслед за отрядом С. Богатырева на 30 подводах санями отправили 103 пуда пороха, 280 пищалей з замками, 100 ядер гранатных ручных, 6 пуд 3 чети свинцу, 2 пуда фи-

[16] При этом, по данным Б.О. Долгих, к концу XVII в. в Сургутском уезде было 864 чел. плательщика ясака (т. е. взрослых мужчин), а в Нарымском уезде – около 220 чел. (Долгих, 1960. С. 81, 88).

[17] Каюк – парусно-гребная беспалубная крытая лодка. Торговые каюки могли быть больших размеров: около 15 метров диной и грузоподъемностью 300 пудов (Вершинин, 2001).

[18] По приказу Ф. Головина отряд С. Богатырева должен был пополниться в Илимске 170 «выборными» служилыми людьми и 100 «новоприборными» в Иркутске (РКО. 1972. С. 92).

тиля. Сопровождали груз нартами на лыжах[19] 74 драгуна из полка А. Смаленберга с капитаном И. Бецальдом и 75 стрельцов полка П. Грабова[20] с прапорщиком Л. Нейтером.[21] В декабре отряд С. Богатырева, пополнившийся илимскими служилыми людьми, подошел к Иркутску, а караван с оружием к Илимску. Всего подполковнику удалось собрать 220 чел. илимских, иркутских и енисейских ратников. Богатырев первым пришел в Нерчинск 17 марта 1687 г., в то время как Нейтер и Бецальд были в Яравинском остроге. К Нерчинску они пошли на плотах по р. Шилке. Других сил на помощь даурским острогам посол отсылать не стал. Зимой это было невозможно. От Рыбинского острога до Илимского волока зимой «за превеликими снегами и пустотою и за дальностию» можно было пройти только по 2–3 человека на нартах, настом по «первому зимнему пути», который занимал больше 5 недель. В войске к этому моменту осталось 1140 чел. (РКО. 1972. С.101, 107, 112–113, 147, 150–151, 352; Багрин, 2020a; Багрин, 2020b).

15 мая 1687 г., отстояв в церкви Рыбинского острога литургию, починив и повторно проконопатив суда, войско выдвинулось по направлению Илимска. Корабли – 36 дощаников шли парусами и бечевой, пройдя по р. Ангаре несколько шивер и порогов. Там, где было мелко, суда «таскали … на себе». Енисейский воевода прислал 49 чел. гребцов из числа ссыльных. Они были распределены на посольские дощаники, кроме 7 чел., которые «воры были великие и у многих уши и носы были обрезаны и руки выломаны». Кроме них Ф.А. Головин взял к себе на корабль 30 чел. из полка П. Грабова, а дьяк С. Корницкий 11 чел. Во время перехода ратники полка П. Грабова снимали дощаник с полковой казной, выброшенный «на камень». 13 июня 1687 г. войско пришло в Илимское устье, а 15 июня к Шаманскому порогу. Здесь можно было провести только пустые корабли, а грузы перевозились кругом горы, путем более 3 верст. Боеприпасы и оружие были отправлены на 13 подводах, собранных в ближайших деревнях Илимского уезда, а хлеб ратники переносили на себе. Илимский воевода Федор Михайлович Павлов отказал в сборе подвод для войска Ф.А. Головина, объяснив это отсутствием прямого указания в проезжих грамотах. Послу пришлось объяснять, что следуя им, помощь должны оказывать все места, через которые будет пролегать путь «посольского» посла и, если из-за нерадения воеводы произойдет замедление, он напишет об этом в Москву. Дальше войско прошло Долгий порог[22] и на Падунском снова дощаники разгрузили и за 5 дней перевезли грузы с помощью 30 пашенных крестьян Братского уезда, заранее прибывших к Падуну с 80-ю лошадями с волоками. Через пороги проходили с помощью присланных из Иркутска письменным головой Алексеем Синявиным 3-х больших подчалов длиной по 80 сажен и 6 новых бечев, в то время как снасти, выданные в Енисейске, были плохие и многие из них изорвались (РКО. 1972. 142–143, 152, 155–156, 165).

8 июля 1687 г. посол в сопровождении роты Мартына Камаля – капитана полка П. Грабова, пришел в Братский острог. Полковники Грабов и

[19] Лыжи являлись одной из главных частей снаряжения служилых и промышленных людей за Уралом в конце XVI – нач. XVIII в. Здесь русские военные отряды перемещались на лыжах на значительные расстояния, перевозя на себе нартами продовольствие, припасы и вооружение (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 63, 67).

[20] Прапорщик Л. Нейтер или Нейтгард был потомственным литейщиком, рудознатцем и инженером. Его отец, Андреас Нейтгард, более 40 лет лил пушки в Москве. Поэтому кроме военных поручений ему была дана «наказная память особо» в Нерчинске, «где присмотрит или обыщет рудоплавные места серебряных, медяных и свинцовых и оловянных руд, и учиня ему опыт малое число и осмотря подлинных жил, о том писать к великому и полномочному послу». Прапорщик оправдал доверие. Уже 1 августа 1867 г. через 2 дня после прибытия в Иркутск, Ф.А. Головин получил с посланцем из Нерчинска «серебряного опыту» 13 золотников с полузолотником чистого серебра, выплавленного Нейтером (Трухин, 2012. С. 33–35; РКО. 1972. С. 102, 167).

[21] Всего было послано 150 чел. В другом документе Ф. Головин пишет о 170 чел. Вероятно, им были учтены 27 енисейских новобранцев, ушедших вместе с С. Богатыревым.

[22] На Долгом пороге один из «посольских» кораблей «подорвав подчал, разбило о камень, и многие запасы потопило, а дощаник, разбив, бросило на камень». Этот корабль сожгли, т. к. он перегородил путь остальным, а снять его было невозможно (РКО. 1972. С. 166).

Скрипицын задержались на Падунском пороге еще на 3–4 дня, причем дощаник П. Грабова разбился о камни. В Братском войска догнали полк А. Смаленберга, т. к. он не мог двигаться дальше, не получив хлебных припасов. Прикащик Братского острога Иван Почирский, не имея «указных енисейских памятей», отказывался выдавать хлеб до прихода посла. Получив все необходимое, 11 июля 1687 г. полк А. Смаленберга снова выдвинулся впереди основных сил в Иркутск с целью подготовки дощаников к переходу через Байкал. В этот же период нерчинский воевода Иван Власов сообщил Ф.А. Головину о том, что он послал в июне 1687 г., для усиления гарнизона Албазина, 10 чел. из роты Нейтера и 10 чел. роты Бецальда, и 9 албазинских новоприборных казаков (РКО. 1972. 156, 158, 160).

14 июля 1687 г., получив в Братском остроге хлебные припасы и купив каюк, принадлежавший Спасскому монастырю для полковника П. Грабова, полки двинулись в деревню Кежмы. Здесь посол и его ближайшее окружение пересели на подводы и, пройдя через Яндинский, Балаганский и Ыдинский остроги «сухим путем», пришли в Иркутск 29 июля 1687 г. Через день туда прибыл полк А. Смаленберга, а 2 августа полк П. Грабова и московские стрельцы. В этот же день они торжественно встречали посольство тайши Далай Цеценноена. Московские стрельцы стояли с обеих сторон посольского двора, полк П. Грабова справа, А. Смаленберга слева. А. Кислянский дал в полк П. Грабова 4 дощаника и 2 – в полк А. Смаленберга. Готовясь к переходу через Байкал, корабли оснащались для «морского хода»: на них грузились хлебные и прочие запасы, в т. ч. колеса для пушек. Часть оружия и боеприпасов оставили в Иркутске, чтобы перевезти их позднее. Целовальники, иркуцкие посадские люди приняли в казенный погреб 1074 пуда 7 фунтов пороха для пушек и ружей «з деревом, с рогожи и с повяски», 374 пуда 15 фунтов свинца, 50 пудов 15 фунтов фитиля, 8 пищалей медных. Вместо 7-ми негодных к «морскому ходу» енисейских кораблей были взяты иркутские дощаники казенные и у торговых людей. А. Кислянский выделил также 60 гребцов и 24 чел. промышленных людей в «вожи» для полков. Больше людей, которых могли задействовать в походе, в Иркутске не было. 25 августа 1687 г. войска поплыли к устью Ангары и 3 сентября[23] вышли в оз. Байкал (РКО. 1972. 166–167, 169, 172, 190).

Полки отправились через Байкал раздельно. Устье р. Селенги было мелким и сложным для прохода, войти туда можно было только небольшими группами судов. Однако корабли все равно скопились в заливах перед входом в реку из-за плохой погоды. Во время перехода разбило три дощаника роты майора Якова Петерсона и один дощаник роты капитана Федора Стахорского полка П. Грабова. Часть хлебных припасов утонула. Ратники спаслись, доплыв до берега. Разбитые корабли оставили на берегу, а для полка взяли дощаники «у рыбных ловель», чтобы дойти до Удинского острога. Во время попутного ветра войска парусами вошли в устье Селенги и 16–17 сентября 1687 г. собрались в Удинском остроге. Посол приказал готовить телеги для ратников и станки к пушкам, чтобы идти за волок для похода в Нерчинск. В Иркутск за хлебными припасами на 5 дощаниках отправились поручик Василий Волошенин и 100 стрельцов полка П. Грабова (РКО. 1972. С. 172, 173, 191).

Московские стрельцы полка Федора Скрипицына должны были перевезти 139 пудов 34 фунта «ручного и пушечного» пороха, 50 пудов свинца, 5 пудов фитиля, 5 пищалей медных. В полк П. Грабова распределили 130–139 пудов 17–30 фунтов пороха для ружей и пушек, 50 пудов 20–23 фунта свинца, 5 пудов фитиля, 150 спис (пик), 5 пищалей медных. Полк А. Смаленберга получил 20 пудов 13 фунтов пороха, 15 пудов свинца, 5 пудов фитилю, 100 спис, 2 пищали медных. Кроме того в Иркутске временно были оставлены 1074 пуда 7 фунтов пороха для пушек и ружей «з деревом, с рогожи и с повяски», 374 пуда 15 фунтов свинца, 50 пудов 15 фунтов фитиля, 8 пищалей медных (РКО. 1972. С. 190, 191).

К концу сентября 1687 г. Ф.А. Головин принимает решение зимовать в Удинске, потому что в Нерчинске мало хлебных запасов и зимний путь туда очень трудный «чрез камень» верблюдами на

[23]В другом документе соответственно 29 августа и 4 сентября 1687 г. (РКО. 1972. С. 190).

вьюках. Следующей весной предстояло дойти до «плодбища», а оттуда до Нерчинского острога плотами. В начале октября 1687 г. московские стрельцы были отправлены в Ильинскую слободу охранять подходы к ясачным брацким людям. Кроме того, в Удинске, где полки П. Грабова и А. Смаленберга стали строить избы для зимовки, было мало места. Полк Ф. Скрипицына в слободе должен был действовать только во взаимодействии с «сибирскими ратными людьми», «вдаль самому не ходить и служилых людей не посылать, чтоб от того над служилыми людьми какова дурна не учинилось» (РКО. 1972. С. 196–198). На этом поход Тобольск – Даурия можно считать завершенным. В целом, он занял 1 год и 4 месяца.

Характеристика переброски войск с западной на восточную границу Сибири

Как мы уже отмечали, переход войска Ф.А. Головина до Даурии показал реальную возможность России вести крупномасштабную войну на Дальнем Востоке. В дальнейшем, в ходе переговоров в Нерчинске в 1689 г. иезуиты, представлявшие китайскую сторону, отметили, что они «наслышались от изменников руских людей … каково споможение даурским острогом чинить трудно руским людем за дальностию пути». На это Ф.А. Головин ответил что из «Тобольска скорым ходом мочно ранее 4 месяцев поспеть ратным людем в Даурскую землю». Он добавлял, что если случится вести войну с Китаем, то «безо всякой трудности не то, что с Москвы, и из сибирских городов ратных людей множество привести мочно в Даурскую землю» (РКО. 1972. С. 602). Оба утверждения посла объективно были далеки от правды.

Во-первых, сибирские остроги не могли дать значительного числа ратников, помимо тех, кто ушел в Даурию в 1686 г. В поход отправилось порядка 10 % всех вооруженных сил Сибири. Это был максимум того, что без ущерба для своей боеспособности могли отдать сибирские крепости. В большинстве из них, людей в гарнизонах было столько, что они едва справлялись с задачами, возлагаемыми на них государством (Никитин, 1988. С. 97). Кроме того, почти во всех уездах Сибири сохранялась опасность столкновения как с ясачным населением, так и с кочевниками из южных приграничных районов. Поэтому общая тенденция развития вооруженных сил в Сибири сводилась к постепенному наращиванию военного потенциала. Ослабление гарнизонов могло повлечь за собой начало военных действий и, как следствие, большие проблемы с доставкой на Дальний Восток не только людей, но и оружия, боеприпасов, продовольствия и жалованья.

Во-вторых, отдаленность Дальнего Востока действительно не позволяла туда быстро перемещать значительные силы, но это было не главное препятствие. Поход Ф.А. Головина показал, что в Сибири отсутствует строгая административная система, пригодная для обеспечения таких мероприятий. Несмотря на то, что о передвижении «посольского войска» было известно задолго до его начала, оно встречалось с проблемами в почти каждом узловом пункте на своем маршруте. Неподготовленность и недостаточность транспортных средств, их сопровождения, привели к тому, что переход до Иркутска растянулся более чем на год. Это было «заслугой» сибирских воевод, не подготовившихся к предоставлению войскам всего необходимого. Боле того в Енисейске, Илимске и Братске администрация по разным причинам саботировала и не выполняла возложенные на нее функции по содействию даурскому походу. Единственным исключением было содействие А. Кислянского в Иркутске, который изначально был связан с посольством.

Естественным образом в условиях Сибири сибирские служилые люди показали более высокую эффективность в передвижении, чем стрельцы Московского полка. Это отметил Ф.А. Головин. Таким образом, выбор правительства на 2/3 составившего «посольский полк» из сибиряков был правильным. Служилые люди из разных крепостей знали тонкости использования транспортных путей на территории уездов, которые они контролировали. Это позволяло войску двигаться в условиях нехватки проводников. Можно отметить, что все тяжелые работы, связанные с перевозом грузов через пороги и т. п., в первую очередь, возлагались на ратников, прибранных в Сибири, а московские стрельцы по

возможности береглись, т. к. очевидно, что посол считал их своеобразной «гвардией», силы которой требовалось сохранить.

В целом оправдало себя назначение в сибирские полки офицеров солдатского строя, обеспечившее единоначалие во время похода среди людей, представлявших военные корпорации разных городов и острогов.

Ф.А. Головин, принимая во внимание медленный темп передвижения войска, отправил перед собой авангардные подразделения. С одной стороны, эта тактика была успешной. Подполковник московских стрельцов С. Богатырев и отданные ему в подчинение капитан полка А. Смаленберга И. Бецальд и прапорщик полка П. Грабова Л. Нейтер сумели 2-мя отрядами привести в Даурию около 370 ратников, включая новобранцев, боеприпасы и оружие. Это пополнение за несколько месяцев до прихода Ф.А. Головина в Забакалье усилило гарнизоны Нерчинска и Албазина. С другой стороны, стало очевидным, что относительно быстро на большие расстояния могут передвигаться только маленькие отряды. В тоже время полк А. Смаленберга, в котором осенью 1686 г. было всего около 200 чел., отправленный вперед, не смог уйти далеко вперед от основных сил, то же повторилось и весной 1687 г.

Вопрос о достаточности сил, направленных на восток, где могла разгореться полномасштабная война с Китаем, дискуссионный. На стороне русского войска была высокая обеспеченность ручным огнестрельным оружием и эффективная тактика его применения. Оснащение войска оружием и боеприпасами было достаточно высоким: 20 полковых пушек и мортира[24], более 1374 пудов пороха (вместе с тарой) и 490 пудов свинца. Однако китайские войска могли создать паритет в артиллерии и численное преимущество в 3–5 и более раз. Опыт первой осады Албазина показал, что «классические» деревянные крепости Сибири, имеющие усиление стен засыпкой из грунта, не могут противостоять китайским пушкам (Артемьев, 1999; Трухин, Багрин, 2019). Поэтому нельзя было рассчитывать обойтись без полевых сражений, в которых вопрос о численности войска выходил на первый план. При этом опыт переброски большого войска через всю Сибирь на восточные границы показал, что быстро нарастить здесь военный контингент не удастся.

[24] Полковые пушки и мортира оставались в Забайкалье до конца XIX в. после чего их как исторические экспонаты перевезли в Европейскую часть России. В настоящее время значительная часть из них хранится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге (Вышенков, Маковская, Сидоренко, 1961. С. 88, 90–96, 143; Багрин, 2013. С. 146).

Библиографический список

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.

Артемьев А.Р. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии Наук. 2002. № 1 (101). С. 7–22.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История. 2013. 288 с.

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1999) Towns and Forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (2002) Some controversial issues of border demarcation between Russia and China under the Nerchinsk Treaty of 1689. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii Nauk = Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (101). P. 7–22. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2013) Warfare of the Russians on the Eastern Border Lands of Russia in the 17th century: Tactics and Weapons of the Service People in the Baikal, Trans-Baikal and Amur Regions. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 288 p. (In Russ.)

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020a. Т. 16. № 1. С. 161–175.

Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 16. № 2. 2020b. С. 90–119.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев в XVI–XVII вв. Часть II. М.: Наука, 1981. 148 с.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII–середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.

Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.

Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. 424 с.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. 240 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва: Академия наук СССР. 1960. 622 с.

Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований: Философия, социология, право, история, филология и др. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. Вып. 2. С. 173–183.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Москоский педагогический государственный университет, 2012. 321 с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в.). Москва: Наука, 1974. 246 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.

Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.

Трухин В.И. О «бедном» Нейдгарте замолвите слово // Родина. 2012. № 12. С. 33–37.

Bagrin E.A. (2020a) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2020b) Siberian “vybornye” troops in the regiment headed by F. Golovin in the period 1686–1690: number and membership (including list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 2. P. 90–119. (In Russ.)

Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. (1981) Mangazeya material culture of Russian polar seafarers and explorers in the XVI–XVII centuries. Pt. II. Moscow: Nauka. 148 p. (In Russ.)

Besprozvannykh E.L. (1983) Priamurye in the system of Russian – Chinese relations, XVII – mid XIX century. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.)

Vershinin E.V. (2001) Doshchanik and koch in Western Siberia (XVII century). *Problemy istorii Rossii = Problems of the History of Russia.* Ekaterinburg: Volot. Iss. 4. *Evraziiskoe pogranich'e = Eurasian borderland*. P. 87–131. (In Russ.)

Vyshenkov V.P., Makovskaya L.K., Sidorenko E.G. (1961) Catalog of the material of domestic artillery. Leningrad. 424 p. (In Russ.)

Dmitriev A.V. (2008) Troops of the “new system” in Siberia in the second half of the 17th century. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 240 p. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1960) Tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century. Moscow: USSR Academy of Sciences. 622 p. (In Russ.)

Zuev A.S. (2000) Forgotten hero: touches on the biography of Athanasius Ivanovich Beiton. *Nemetskii etnos v Sibiri: Al'm. gumanit. issled. Filosofiya, sotsiologiya, pravo, istoriya, filologiya i dr. = German Ethnos in Siberia: Humanitarian Research Almanac. Philosophy, Sociology, Law, History, Philology, etc.* Iss. 2. Novosibirsk: Gumanitarnye tekhnologii. P. 173–183. (In Russ.)

Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University. 321 p. (In Russ.)

Melikhov G.V. (1974) Manchu in the north-east of China (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.)

Myasnikov V.S. (1987) Qing Empire and the Russian State in the XVII century. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 514 p. (In Russ.)

Nikitin N.I. Nikitin N.I. (1987) Siberian epic of the XVII century (the beginning of the development of Siberia by Russian people). Moscow: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Nikitin N.I. (1988) Service people in Western Siberia. Novosibirsk: Nauka. 256 p. (In Russ.)

Trukhin V.I. (2012) Say the word about the “poor” Neidgart. Rodina. No. 12. P. 33–37. (In Russ.)

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. <http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin> (12.05.2020).

Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Академия наук СССР, 1958. 213 с.

Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) Albazin fortress in 1665–1689: its fortification and defenders (historical reconstruction) [Electronic issue]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki = History of Military Art: Researches and Sources.* Vol. X. P. 385–431. (In Russ.) <http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin> (20.05.2020)

Yakovleva P.T. (1958) The first Russian – Chinese Treaty of 1689. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 213 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Е.А. Багрин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.A. Bagrin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Information about the author

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 373(571.53)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-175-187

Развитие сети казенных общеобразовательных учреждений в Иркутской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX в.

© А.Н. Гаращенко[a], Л.В. Гаращенко[b]

[a] Музей истории города Иркутска имени А.М. Сибирякова, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена почти не изученной теме – истории становления и развития сети казенных общеобразовательных заведений на обширной территории Иркутской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX в. Весомый вклад в учреждение и поддержание деятельности общеобразовательных школ внесли иркутский гражданский губернатор Николай Иванович Трескин и директора училищ Иркутской губернии Иван Егорович Миллер и Петр Андреевич Словцов. Особой их заслугой стало открытие училищ в сельских поселениях, в том числе в бурятских стойбищах. Деятельное участие в финансировании новых очагов народного просвещения приняли меценаты из всех слоев местного населения: купцы, крестьяне, чиновники. Приведены примеры конкретных пожертвований: на постройку училищных домов или их аренду, ремонт помещений, закуп мебели, учебных пособий и заведение библиотеки, выплату учителям жалования, отопление и освещение училищ. На основе выявленных данных определены количество созданных в Иркутской губернии учебных заведений (гимназий, уездных училищ и приходских школ), примерный период их существования, контингент учащихся на момент открытия. Рассмотрен вопрос подготовки учительских кадров. Исследование позволило прийти к выводу, что первая четверть XIX в. была периодом подъема в процессе создания учебных заведений низшего разряда. В дальнейшем произошел спад, число приходских училищ по разным причинам сократилось. Авторы вводят в научный оборот ранее не использовавшиеся архивные документы и материалы периодической печати того времени, в частности публикации в газете «Казанские известия».

Ключевые слова: история образования, учебные заведения, приходские училища, уездные училища, губернская гимназия, частные школы, Н.И. Трескин, П.А. Словцов, Иркутск, Иркутская губерния, «Казанские известия»

Информация о статье: поступила в редакцию 3 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 17 августа 2020 г.; принята к публикации 31 августа 2020 г.

Для цитирования: Гаращенко А.Н., Гаращенко Л.В. Развитие сети казенных общеобразовательных учреждений в Иркутской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX в. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 175–187. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-175-187

The development of a network of state educational institutions in the Irkutsk province in the late XVIII – first quarter of the XIX century

© Aleksey N. Garashchenko[a], Liubov V. Garashchenko[b]

[a] Museum of Irkutsk City named for A.M. Sibiryakov, Irkutsk, Russia
[b] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to an almost unexplored topic – the formation and development of a network of state-owned general education institutions in the vast territory of the Irkutsk province in the late XVIII – first quarter of the XIX century. Irkutsk civil governor N.I. Treskin and the directors of schools of the Irkutsk province I.E. Miller and P.A. Slovtsov made a significant contribution to the establishment and maintenance of general education schools. Their special merit was the opening of schools in rural settlements, including in Buryat camps. Patrons from all sectors of the local population took an active part in financing new centers of public education: merchants, peasants, officials. Examples of specific donations are given. Based on the identified data, the number of educational institutions created in the Irkutsk province, the approximate period of their exis-

tence, the contingent of students at the time of opening were determined. The issue of teacher training is considered. The study made it possible to conclude that the first quarter of the XIX century was a period of recovery in the process of creating educational institutions of the lower category. Further there was a decline, the number of parish schools for various reasons decreased. The authors introduce into scientific circulation previously unused archival documents and materials of the periodic press of that time, in particular publications in the newspaper Kazan News.

Keywords: history of education, educational institutions, parish schools, county schools, provincial gymnasium, private schools, N.I. Treskin, P.A. Slovtsov, Irkutsk, Irkutsk province, Kazan News

Article info: received August 3, 2020; revised August 17, 2020; accepted August 31, 2020.

For citation: Garashchenko A.N., Garashchenko L.V. (2020) The development of a network of state educational institutions in the Irkutsk province in the late XVIII – first quarter of the XIX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 175–187. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-175-187

В последней четверти XVIII – начале XIX в. в Российской империи издается ряд законов, которые в целом формируют единую государственную систему народного образования. Отправной точкой можно считать документ «Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ»[1] от 7 сентября 1782 г. Перед комиссией стояла приоритетная задача – учреждение в стране народной школы. Для этого требовалось сделать многое: подготовить и издать учебники, разработать планы и программы для учебных заведений. Создание народных школ намечалось начать со столичной губернии. Одним из результатов деятельности этой комиссии стал «Устав народным училищам в Российской империи»[2] (утвержден 5 августа 1786 г.).

По Уставу система общего образования включала главные и малые училища. В каждом из губернских городов предполагались к открытию главные училища. Они состояли из четырех классов; в первых трех обучались в течение одного года, а в четвертом – два. Малые училища следовало открывать не только в уездных городах, но и в губернских, если там, при наличии главного училища, имелся дефицит мест для желавших получить образование детей. Решать, какое городу нужно училище, должны были Приказы общественного призрения. Малые училища соответствовали двум первым классам главных. Утверждалась классно-урочная система. Были установлены конкретные сроки начала и окончания занятий, а также введены обязательные испытания по результатам обучения. Занятия и в малых, и в главных училищах велись бесплатно и на родном языке. Управление училищами на местах, в губерниях вверялось губернаторам под высшим наблюдением генерал-губернаторов. Губернатор являлся попечителем народных училищ. Обязанность содержать училища и заботиться об их материальном благосостоянии поручалась Приказам общественного призрения. Они должны были изыскивать денежные средства, находить помещения для училищ, содержать учителей, закупать учебники. На финансирование главного училища назначалось по штату 2 500 р. в год, а малого – 500 р. В каждой губернии руководство учебной частью поручалось директору народных училищ. В уездном городе функции смотрителя выполнял один из граждан, утвержденный попечителем народных училищ.

Как бы высоко закон 1786 г. ни ставил дело народного образования, принципы всеобщности и обязательности начального обучения им приняты не были.

В 1786 и 1789 гг. последовало массовое открытие главных училищ по всей империи. В Иркутске главное народное училище было открыто

[1] Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXI. 1781–1783 гг. (15.507). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 663–664.

[2] Устав народным училищам в Российской империи // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXII. 1784–1788 гг. (16.421). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 646–669.

22 сентября 1789 г. – созданная в 1781 г. градская школа была переименована, получив «несколько более расширенную» учебную программу (Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири, 1891. С. 220). Для его размещения городская дума выделила каменный дом «близ Тихвинской церкви» (Кротов, 2013. С. 98) и представила «на первый случай на вспоможение Приказу общественного призрения в содержание училища» 500 р. и обязалась сверх того доставлять по 200 р. ежегодно (Рождественский, 1910. С. 361). Не обошлось и без пожертвований частных лиц.

К началу правления Александра I народные училища по Уставу 1786 г. появились почти во всех губерниях, но только в городах. И говорить о повсеместности их распространения не приходится. В Иркутской губернии действовали только два заведения: главное народное училище в Иркутске, где пять учителей обучали 120 учеников, а также малое народное училище, открытое в 1795 г. в уездном городе Верхнеудинске (Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, 1827. Стб. 61), в котором содержались 18 учеников и один учитель (Сборник материалов для истории просвещения в России, 1902. С. 13; Корейша, 1910. С. 11). В других тринадцати городах огромного края училищ не было. Для сравнения, еще меньше училищ – по одному – имели Киевская, Саратовская и Эстляндская губернии (Рождественский, 1912. С. 606). В целом же по России школы существовали только в 254 из 500 городов империи (Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II, 1910. С. 146).

Значимым событием в развитии общего образования России стало создание в 1802 г. Министерства народного просвещения. Впервые в стране появился центр управления делами народного образования – «могущественный орган <…> распространения знаний» (Сухомлинов, 1889. С. 4), который координировал деятельность всех образовательных (за исключением заведений ведомства императрицы Марии) и научных учреждений страны, а также музеев, библиотек, издательств, типографий. Одновременно император подписал указ «О должности Комиссии училищ»[3], состоявшей под управлением министра народного просвещения. Членам комиссии предписывалось радеть обо всех учебных заведениях, заниматься проблемами их развития и всем, что могло быть связано с задачами распространения образования. В 1803 г. комиссия была преобразована в совет министра под названием «Главное управление училищ». Это подразделение приступило к пересмотру школьного дела и разработке нового училищного устава.

В качестве одного из промежуточных результатов его работы можно рассматривать именной указ от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ»[4], которым были утверждены предварительные правила организации народного просвещения. Документ декларировал уже не три, а четыре типа учебных заведений: приходские, уездные, губернские училища или гимназии, университеты. При этом новая система поглотила существовавшие малые и главные училища. Приходская школа давала знания, которые ранее дети получали в первых классах малого или главного училищ. В уездное училище был передан второй класс этих заведений, и курс обучения дополнился еще одним классом. Структура гимназии была такой: первый и второй классы образовались из третьего и четвертого классов главного училища плюс появились два новых старших класса. Таким образом, курс общего образования увеличился до семи лет: год в приходском училище, два – в уездном и четыре – в гимназии. К прежней цепи были прибавлены три новых звена. Последней ступенью системы образования становился университет, преемственно связанный с гимназией.

[3] О должности Комиссии училищ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVII. 1802–1803 гг. (20.407). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 248–249.

[4] Об устройстве училищ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVII. 1802–1803 гг. (20.597). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 437–442.

Вышедшие в период 1803–1804 гг. документы (Указ «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний»[5], уставы университетов, «Устав учебных заведений, подведомых университетам»[6]) определили вектор дальнейшего развития российских учебных заведений. Эти документы, кроме прочего, определяли взаимоотношения вузов с гимназиями, уездными и приходскими училищами, чему в уставах университетов была посвящена глава «Об управлении и надзирании училищ».

В соответствии с этими нормативно-правовыми актами стали создаваться и реорганизовываться училища в Иркутской губернии, которая вошла в округ Казанского университета. Именно поэтому в «Казанских известиях» точечно отложилась информация по истории образования в Иркутской губернии, представляющая интерес для нашего исследования.

По имеющимся сведениям, в 1804 г. открылось первое училище в Балаганске (Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, 1827. Стб. 65). В 1805 г. Иркутское главное народное училище было преобразовано в губернскую гимназию. Учебный процесс начался 16 октября, торжества же по случаю открытия гимназии состоялись 12 ноября (Корейша, 1915. С. 11).

Согласно штату, в Иркутской губернии планировалось открыть 15 уездных училищ, дабы утолить возраставшую нужду «в познании российской грамоты» (Загорский, 1912. С. 758). На каждое заведение из казны выделялось 1 600 р. Большая часть средств шла на жалование персоналу (смотрителю, законоучителю и двум учителям), 400 р. – на содержание здания и прочие нужды (Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова), 1911. С. 194–195). Образованы были только семь училищ: в 1805 г. – иркутское, в 1806 г. – верхнеудинское, в 1808 г. – якутское, в 1811 г. – нерчинское, в 1812 г. – троицкосавское, в 1814 г. – киренское, в 1817 г. – нижнеудинское.

Важную роль в открытии и поддержании училищ сыграли учебное начальство Иркутской губернии и гражданский губернатор Н.И. Трескин, человек противоречивый в своей деятельности, но в целом радевший за образование (Гаращенко, 2014. С. 149–151). Удачнее других проявили себя директора губернской гимназии Иван Егорович Миллер и Петр Андреевич Словцов – «Сибирский Карамзин», по образному выражению одного из его почитателей (Дубровский, 1914. С. 203).

В период деятельности И.Е. Миллера (руководил гимназией с 14 (18) ноября 1809 г. до 16 декабря 1814 г.), благодаря его энергии, были созданы три уездных и два приходских училища. Причем в дальнейшем только одно из них – олекминское – 1 мая 1825 г. прекратило свое существование (Корейша, 1915. С. 256). И.Е. Миллер принимал личное участие в церемониях открытия Нерчинского (30 августа 1811 г.) и Киренского (5 июля 1814 г.) уездных училищ, а на последнее пожертвовал 10 р. при празднествах в торжественный день (Нерчинск, от 31 октября // Казанские известия. 1811. 20 дек. С. 2–3; Иркутск, 20-го июля // Казанские известия. 1814. 3 окт. С. 513).

Приведем описание одного из торжеств: «Господин иркутских училищ директор Миллер в городе Киренске открыл 5 июля с приличною церемониею уездное училище, для заведения коего тамошние жители еще в 1811 г. собрали чрез добровольную подписку 1 342 р. 85 к. Из числа сих денег 1 000 р. употреблены на покупку удобнаго для училища дома и 55 р. на разныя поправки в оном. <…> Поутру в 8 часов собрались в училищный дом учители и ученики, а потом прибыли господа чиновники и знатнейшие граждане. По прочтении главнейших параграфов из устава учебных заведений, учитель 1-го класса Петелин говорил речь, на сей случай им сочиненную, и законоучитель протоиерей Кирилов изъяснил ученикам Евангелие.

[5] Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVII. 1802–1803 гг. (20.598). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 442.

[6] Устав учебных заведений, подведомых университетам // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. (21.501). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 626–647.

Потом ученики в сопровождении всех присутствовавших пошли в соборную церковь. Обедню совершал Киренского Троицкого монастыря игумен Вениамин с прочим киренским духовенством; по совершении коей начался крестный ход в училищный дом. <…> пожертвовано было: купеческим обществом портрет Его Императорского Величества, стоющий 50 р., на заведение библиотеки при училище 347 р., кои деньги и вручены пожертвователями для закупки книг господину директору, и сверх того от разных лиц книгами на российском и латинском языках. Учеников на первой случай поступило 25 человек, каковое число, однако ж, вслед за открытием приумножилось <…>» (Иркутск, 20-го июля // Казанские известия. 1814. 3 окт. С. 511–513). Далее прилагался список всех жертвователей с указанием переданных ими сумм.

В отношении киренского училища нужно отметить и активность тамошнего земского исправника Шевелева, принявшего на свое попечение отстройку дома и собравшего «на сей предмет» 3351 р. 33 к. (По ведомству Министерства народного просвещения учинены в течение 1816-го года следующие пожертвования // Казанские известия. 1817. 15 авг. С. 273).

Но в большей мере исполнению указа «Об устройстве училищ» способствовало назначение в 1815 г. директором иркутских училищ П.А. Словцова, который состоял в этой должности с 21 июня 1815 г. (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 211. Л. 344 об.) до 1 ноября 1820 г. Его стараниями улучшалось положение иркутской гимназии и уже существовавших в губернии училищ, а к концу 1815 г. их было восемь: приходское и уездное в Иркутске, уездные в Киренске, Нерчинске, Верхнеудинске, Якутске и Троицкосавской крепости, приходское в Олекминском комиссарстве. Особой заботой стало учреждение новых заведений: в 1816 г. происходило открытие сельских училищ. Таких не имелось тогда и в самой России, где в селениях государственных крестьян они были образованы не ранее сороковых годов.

Хотя инициатива в открытии учебных заведений и принадлежала по должности П.А. Словцову, здесь необходимо было одобрение со стороны губернского начальства. Благодаря дружному взаимодействию учебного руководства и местной администрации удалось достичь значительных успехов. Гражданский губернатор Н.И. Трескин не только согласился, но и со свойственной ему энергией быстро принял все меры к немедленному открытию и устройству училищ. Он продумал систему финансирования и не приступал к открытию, пока не были решены вопросы как денежного обеспечения, так и подготовки учительских кадров. О причинах своего интереса в этом губернатор писал в отчете за 1816 г.: «Чрезвычайная обширность Иркутской губернии – недостаток в учебных заведениях <…> так же неимение между поселянами и иноверцами грамотных людей, способных к отправлению общественных должностей, особенно писарских, для коих по необходимости нанимают они партикулярных людей, большею частью самых неблагонадежных и при том за непомерную плату – все сие было главнейшим побуждением моим к приглашению городских, сельских и инородческих обществ в рассуждении учреждения в местах их жительств приходских училищ». Это обращение последовало в 1815 г. Причем оно было настолько «убедительным», что многие частные лица добровольно согласились на свои средства построить училищные дома, «завести при оных нужную мебель и все необходимые учебные пособия, как то: книги, аспидные доски, перочинные ножички и тому подобное» (РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 88–89, 90), приняли при этом на себя и само содержание училищ в течение нескольких лет: отопление и освещение, выплату жалования учителям и прочие расходы. Со стороны же самих обществ следовало добровольное согласие на то, что они по истечении назначенного частными людьми срока содержания на личный счет училищ примут их уже на свое попечение. А те общества, которые решались на заведение у себя училищ на собственные средства, должны были представлять к гражданскому губернатору через земские суды мирские приговоры с подробным объяснением, на каких условиях должны существовать эти училища. Такие приговоры, включавшие в себя вопросы относительно по-

стройки училищных домов, их поддержания, закупа учебных пособий, выплаты учителям жалованья, утверждались губернским правительством. Губернатором было разработано и положение о приходских училищах.

Как отмечали «Казанские известия» в ноябре 1816 г., «ни в одной губернии, округе Казанского университета составляющих, не прилагается в нынешнем году со стороны гражданского начальства такого деятельного попечения к улучшению и заведению учебных заведений, как в губернии Иркутской <…> Тамошний гражданский губернатор <…> успел уже весьма многие [сельские] общества склонить завести у себя училища и на их устроение пожертвовать значительные суммы» (Пожертвования по Министерству просвещения // Казанские известия. 1816. 22 нояб. С. 432–433). К числу таких вновь заводимых училищ относились *по Иркутскому уезду*: 1) Оёкской волости в Оёкской слободе; 2) Манзурской волости в Бирюльской слободе; 3) в той же волости в Манзурской слободе; 4) Верхоленской волости в Верхоленской слободе; 5) Илгинской волости в Знаменской слободе; 6) Бадайской волости в Мальтинской слободе; 7) Черемховской волости в Черемховской слободе; 8) Идинской волости в Евсеевском селении; *в бурятских стойбищах*: 9) Аларских; 10) Балаганских; 11) Идинских; 12) Кудинских; 13) Тункинской волости у Тункинских бурят в Тункинской слободе; 14) Верхнеудинского уезда в стойбищах Селенгинских бурят; *по Киренскому уезду*: 15) Макаровской волости в Макаровском погосте; 16) Нижнеилимской волости в Нижнеилимском погосте; 17) Подкаменской волости в Петропавловском погосте; 18) Якутской области в Нижнеколымской крепости.

Для этих училищ частными лицами были сделаны следующие пожертвования:

– крестьянин Оёкской волости Сергей Новоселов, изъявив желание учредить училище, принял на себя обязательство построить для него дом, а до момента окончания строительства нанимать частный дом, и содержать училище в течение пяти лет с ежегодным взносом по 565 р.; сверх того он пожертвовал 492 р. 40 к. на приобретение школьных пособий (по истечении пятилетнего срока содержание училища принимало на себя сельское общество);

– Балаганский тайша Назаров, согласившийся на учреждение училища, пожертвовал на пятилетнее его содержание по 565 р. в год и 433 р. 40 к. на пособия (по прошествии пяти лет общество принимало училище на свое попечение);

– Идинский главный тайша Партас Чечурин принял на себя учреждение училища, на его содержание в течение шести лет пожертвовал 2200 р., а еще 1000 р. на постройку дома (по истечении шестилетнего срока содержание училища принимало на себя сельское общество);

– тункинский главный тайша Хамаков с помощником Атуем Халтаковым приняли на себя учреждение училища в Тункинской слободе, пожертвовав купленный ими дом стоимостью 3000 р. и 492 р. на учебные пособия, а также выдавали на содержание по 565 р. ежегодно в течение пяти лет (в дальнейшем содержание принимали на себя крестьяне и буряты Тункинской волости вместе с тамошними казаками);

– Нижнеудинский земский исправник Лоскутов, узнав о предположении начальства относительно учреждения в городе Нижнеудинске уездного училища, согласился добровольно построить на собственный свой счет училищный дом и пожертвовал 200 р., еще по его «убеждению» доброхотными дателями было собрано 330 р. 50 к.;

– Нижнеколымский частный комиссар Ширшиков принял на себя постройку училищного дома, а также обязался подпиской, «доколе пробудет там при настоящей должности», вносить ежегодно по 158 р. из своего жалования в пользу училища (Пожертвования по Министерству просвещения // Казанские известия. 1816. 22 нояб. С. 433).

Мы не располагаем данными о том, все ли из обещанного жертвователями было выполнено, но известно, что П.А. Словцов так оценивал деятельность губернатора Н.И. Трескина: «Удовольствие ускорять в мыслях успехи народного образования обязывает здесь упомянуть об учебных заведениях, которые покровительством и содействием начальника губернии водворяются посреди селений, и вместе с тем училища уездные пользуются при-

личным вниманием» (Описание открытия Марковского и Петропавловского приходских училищ в Иркутской губернии // Казанские известия. 1817. 10 февр. С. 48). При активном содействии губернатора к июлю 1817 г. было собрано на них 18 272 р. 80 к. (Историческая записка о Казанском университете с июля 1816 до июля 1817 года, читанная в торжественном собрании онаго 5-го числа июля сего года // Казанские известия. 1817. 2 июля. С. 249, 250). Интересны формулировки из сообщений о пожертвованиях, указывающие на непосредственное воздействие со стороны губернатора: «В пользу Верхнеудинского училища. На поправку дома собрано при содействии г. городничего Измайлова 710 р., сверх того по отношению директора училищ к г. гражданскому губернатору (подчеркнуто нами. – *Авт.*) общество обязалось внести в продолжение трех лет 600 р. ...» или «В пользу Троицко-Савского училища. При публичном испытании, бывшем 4 июля, пожертвовано 770 р.; сверх того, по отношению директора к г. губернатору, некоторые из тамошних чиновников обязались вносить ежегодно 235 р.» (Пожертвования в пользу училищ Иркутской губернии в течение первой половины сего 1816 года учиненныя // Казанские известия. 1816. 25 окт. С. 398).

Как видно, для многих учебных заведений были выстроены общественные дома, все училища снабжены учебными пособиями. Для содержания их был установлен постоянный сбор. Но, как отмечал И. Калашников, кроме учебного начальства, училища были часто посещаемы земскими властями, а внимание их придавало этим заведениям особенное значение «в понятии крестьян. Столько благоприятствуемые обстоятельствами, училища начали развиваться и уже имели значительный успех. Как вдруг холодный ветер неприязни со стороны губернского начальства подул на них неожиданно со всею силою!»

В декабре 1816 г. сельские училища были открыты, а в июле 1817 г., по словам того же И. Калашникова, Трескин, «как бы испугавшись своего прекрасного и полезного дела», предписал земской власти остановить постройку училищных домов, а выстроенные обратить под помещение волостных правлений. Затем через полтора года и совсем «подрыл» главное основание училищ: прекратил сбор на их содержание и отнес его на добровольное пожертвование, то есть предоставил их в жертву крестьянам. Одумавшись месяца через три, губернатор возобновил постоянный сбор, но сами общества, «единожды потрясенные в своих убеждениях, сочли уже этот сбор тягостию и решительно от него отказались» (Калашников, 1990. С. 367–368).

Насколько это соответствовало действительности, судить сложно. Из отчета самого Н.И. Трескина за 1817–1818 гг. следовало, что было открыто еще четыре приходских училища: в ведомстве начальника Нерчинских тунгусов князя Гантимурова – на 10 учеников, у Балаганских бурят – на 29 детей, у Селенгинских бурят – на 20, в городе Нерчинске – на 25. Для этих училищ были отстроены и собственные дома. Из прежде созданных приходских училищ состоялся выпуск успешно окончивших курс: в Иркутском уезде – 37 учеников, в Киренском – 52 (РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 432 об.). Из других источников известно, что 8 ноября 1817 г. также было образовано уездное училище в Нижнеудинске (Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, 1827. С. 81).

Сведения о количестве открытых в это время училищ в Иркутской губернии в разных источниках разнятся: И. Калашников указывает, что всего в селах Иркутского и Нижнеудинского уездов 16 приходских училищ, а «Иркутская летопись» свидетельствует об открытии в бытность губернатора Трескина 17 приходских училищ (Калашников, 1990. С. 367; Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова), 1911. С. 220). По нашим подсчетам, в губернии в период 1816–1819 гг. были образованы 16 приходских училищ и одно уездное (подробнее о составе училищ см. табл.). Но нужно отметить, что к 1816 г. некоторые из училищ были, вероятно, закрыты, поскольку о них нет упоминаний в отчете губернатора за 1816 г. (РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 88–88 об.).

Таблица. **Учебные заведения Иркутской губернии, находившие в ведении Министерства народного просвещения**[7] (серым цветом выделены учреждения, продолжавшие существовать к концу 1820-х гг.)
Table. **Educational institutions of the Irkutsk province, which were under the jurisdiction of the Ministry of Public Education**[7] (institutions that continued to exist by the end of the 1820s are highlighted in gray)

Дата открытия	Место	Учебное заведение	Кол-во уч-ся	Кол-во учителей	На чьи средства основано
			на момент открытия		
1789 г. 22 сент.	Иркутск (губернский город)	главное народное училище, 12 ноября 1805 г. преобразовано в губернскую гимназию	120 32	5 2	казенные, городского общественного правления, частные пожертвования
1795	Верхнеудинск (уездный город)	малое народное училище, 22 июля 1806 г. преобразовано в уездное	18	1 2	казенные, частные пожертвования
1804[8]	Балаганск (уездный город)	иноверческое училище			
1805 г. 12 нояб.	Иркутск	уездное училище	52	2	
1805 г.	Иркутск	Воскресенское мужское приходское училище	53 (43)	1	
1806 г. 24 янв.[9]	Онинск, Верхнеудинский уезд (на реке Оне при бурятской конторе)	бурятское приходское училище			
1808 г. 3 февр.	Якутск (уездный город)	уездное училище			
1811 г. 30 авг.	Нерчинск	уездное училище	25		
1812 г. 15 сент.	Троицкосавская крепость, Верхнеудинский уезд	уездное училище	59 (по другим данным 63)		частные пожертвования[10]

[7] Таблица составлена по: РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 88–88 об., 432–432 об.; Там же. Ф. 733. Оп. 83. Д. 38. Л. 1; Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, 1827. С. 59, 61, 65, 67, 69, 70, 74, 75, 77, 79, 81, 82, 83, 92; Казанские известия. 1813. 4 окт. С. 4–6; 1814. 3 окт. С. 511–513; 1817. 10 февр. С. 45–46; 17 февр. С. 53–54; Корейша, 1915. С. 256; Кузнецова, 2000. С. 187, 188.
[8] В отчете губернатора за 1816 г. не упоминается.
[9] В отчете губернатора за 1816 г. не упоминается, но в 1831 г. фигурирует в отчете губернатора.
[10] Кяхтинским купцом А. Кожиным пожертвован хорошо отстроенный дом стоимостью 5 500 р. и другими частными лицами 2686 р., для бедных учеников книгами на 500 р. В день открытия еще пожертвовано 206 р. (по другим данным – 335 р.).

1812 7 июля (закрыто 1 мая 1825 г.	Олекминск, Якутский уезд	приходское училище (для обучения русскому языку «и первоначальным наукам» якутских детей)	10	1	частные пожертвования[11]
1812 г. 3 дек.[12]	Тункинское (в Тункинском остроге)	малое казачье училище	34		«На содержании местных жителей».
1814 г. 5 июля	Киренск (уездный город)	уездное училище	25	3	казенные средства, пожертвования местных жителей: 1342 р. 85 к. + 347 р. на библиотеку
1816 г. 13 дек.	Бирюльское село, Иркутский уезд	приходское училище			
1816 1 дек.	Идинский острог, Иркутский уезд	Идинское бурятское училище			
1816 26 дек.	Тункинское, Иркутский уезд	приходское училище			
1816 3 дек.	Черемховское село	приходское училище			
1816 4 дек.	Мальтинское село, Иркутский уезд	приходское училище			
1816	Верхоленск, Иркутский уезд	приходское училище			
1816	Знаменское	приходское училище			
1816	Манзурское, Иркутский уезд	приходское училище			
1816	Оёкское, Иркутский уезд	приходское училище			
1816 г. 10 дек.	Марковское, Иркутский уезд	приходское училище	32		частные пожертвования 800 р.
1816 17 декабря	Петропавловское, Иркутский уезд	приходское училище	34		частные пожертвования 314 р. 50 к.
1817 г. 8 нояб.	Нижнеудинск	уездное училище			
1818 г. 2 апр.	Селенгинск, Верхнеудинский уезд	бурятское приходское училище	20		
1818	Турга, Нерчинский уезд	приходское училище			

[11] На счет процентов с капитала, пожертвованного в 1806 г. чиновниками, купцами, мещанами и якутами на заведение училища и больницы.
[12] В отчете губернатора за 1816 г. не упоминается.

1817–1818	Нерчинск	Воскресенское приходское училище			
1817–1818	в ведомстве начальника Нерчинских тунгусов князя Гантимурова	приходское училище	10		
1819 г. 11 мая	Балаганск	бурятское приходское училище	29		
дата неизвестна	Каменское	приходское училище			
дата неизвестна	Киренское	приходское училище при уездном училище			
дата неизвестна	Троицкосавск	Николаевское приходское училище			
дата неизвестна	Якутское Приображенское	приходское училище			

В 1817 г. в Иркутской губернии были открыты 18 уездных училищ, и при активном содействии губернатора на них собрано 18 272 р. 80 к. пожертвований (Историческая записка о Казанском университете с июля 1816 до июля 1817 года, читанная в торжественном собрании онаго 5-го числа июля сего года // Казанские известия. 1817. 2 июля. С. 249, 250).

Необходимо отметить важную особенность, сопутствовавшую торжественным открытиям: на этом событии обязательно делались дарения как в пользу самих училищ, так и в пользу учителей, которым предстояло трудиться в училище.

Весомый вклад в формирование сети образовательных заведений в Иркутской губернии внесли меценаты. Сведения о жертвователях и суммах, внесенных ими на содержание и поддержку учебных заведений, постоянно публиковались в «Казанских известиях» – газете, которая с 1811 по 1820 г. находилась в ведении Казанского университета и много внимания уделяла вопросам Казанского учебного округа (Ученые известия // Казанские известия. 1815. 3 нояб. С. 503; По Иркутской губернии // Там же. 1816. 15 апр. С. 163–164; В Киренске (декабря 6 дня 1815 года) // Там же. 1816. 3 июня. С. 228–229; Описание открытия Марковского и Петропавловского приходских училищ в Иркутской губернии // Там же. 1817. 10 февр. С. 45–46; Обряд открытия в Иркутской губернии сельских приходских училищ: Идинского, Братского, Черемховского и Мальтинского 1816 года // Там же. 17 февр. С. 53–54; Пожертвования в пользу училищ // Там же. 1818. 30 янв. С. 40–41).

Для успешной деятельности открывавшихся заведений требовались учителя, которых в то время в губернии не хватало. Местные власти выпустили положение, по которому предоставлено было самим обществам выбирать людей, «знающих и с хорошим поведением», из свободных чиновников, разночинцев и даже из своих общественников для определения учителями «по надлежащем испытании и при уготовлении в здешней губернской гимназии». Из таких местных «общественников» были назначены учителя для балаганских, иденских, аларских и селенгинских бурят, также в Верхоленскую и Илгинскую волости. Но этого было недостаточно. В отношении остальных территорий гражданский губернатор предоставил право директору гимназии П.А. Словцову сделать следующее: запросить из здешней духовной семинарии несколько человек воспитанников и, избрав «способных и достойных молодых людей из обучавшихся собственно в гимназии геодезистов», готовить их к занятию учительских должностей от трех до четырех месяцев, содержа их при гимназии за счет обществ, к которым они должны были поступить, полагая на каждаго по 20 р. в месяц (РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 97 об.–98). Как вторит ему

И. Калашников, для замещения учительских должностей в городских и сельских училищах были «испрошены у духовного начальства лучшие из учеников семинарии, которые сперва приучались к учительской должности» в иркутских училищах под личным руководством Словцова (Калашников, 1990. С. 367). Только после этого, как следует из «Отчета гражданского губернатора о состоянии губернии за 1816 г.», когда все было в совершенной готовности – училищные дома, учебные пособия и молодые люди, могущие занять учительские должности, произошло открытие в конце 1816 г. десяти приходских училищ в Иркутском уезде и трех в Киренском (РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 98).

Нельзя не сказать о том, что, помимо гражданских, в Восточной Сибири существовали школы других ведомств – духовного, военного, горного. Имелись и частные учебные заведения. Например, по сведениям полиции, в 1809 г. в Иркутске 19 горожан содержали частные училища, где обучали русской грамоте 135 детей – 116 мальчиков (для приготовления в гимназию) и 19 девочек (для которых вообще не было никакого публичного училища) (Гаращенко, 2018. С. 14). Все эти очаги просвещения существовали нелегально, и, как полагал директор иркутской гимназии, их следовало «уничтожить», а обучавшихся там ребят «доставить» в училища, состоявшие под наблюдением начальства (РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 115. Л. 2).

Подведем итог. Иркутская губерния в первой четверти XIX в. включала в себя территорию Якутской области и все Забайкалье вплоть до Тихого океана. На этой огромной площади в 2 850 000 кв. км к 1826 г., по данным Я. Корейши, было всего 27 училищ (по нашим подсчетам – более 30, но нам неизвестны даты закрытия училищ, поэтому мы не утверждаем, что Я. Корейша ошибается), большая часть из которых являлись приходскими. Тем не менее это был период подъема в процессе создания учебных заведений низшего уровня, так как в дальнейшем (после 1826 г.) их количество по разным причинам уменьшилось, по нашим подсчетам, до 15. И. Калашников отмечал, что при генерал-губернаторе Восточной Сибири А.С. Лавинском они «потерпели новое крушение» и окончательно закрылись (Калашников, 1990. С. 368). Это произошло из-за того, что в 1824 г. Главное управление Восточной Сибири отменило сбор на их содержание (Копылов, Малышева, 1977. С. 93).

Сохранились все уездные училища, чье финансирование осуществлялось за счет государства, а перестали существовать приходские, содержание которых ложилось на плечи сельских обществ. Среди причин были как нехватка средств на содержание училищ, особенно приходских, деньги на которые выделялись городскими и сельскими обществами, так и непоследовательное отношение к их судьбам со стороны местного губернского и уездного начальства, недостаток учительских кадров и, как считал П.А. Словцов, равнодушие учеников и их родителей к наукам (Корейша, 1915. С. 41, 43). Тем не менее число обучавшихся в школах Министерства народного просвещения в 1820 г. составило 862 человека, а в 1830 г. – 1 029 (Иркутский край. Четыре века, 2012. С. 199).

Разным было и отношение к просветительским реформам Александра I в начале и к концу его правления у российской власти и общества. Это ярко просматривается на примере Н.М. Карамзина, автора «Истории государства российского», одного из образованнейших людей своего времени. Если в первые годы правления нового императора он восторженно хвалил все его начинания, а план народного просвещения называл «бессмертным» (Пыпин, 1918. С. 225), то всего через несколько лет суждения историографа резко изменились. По его мнению, император Александр, «гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ… К сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для отечества». Так негативно отзывается он о реформах в своей «Записке о древней и новой России» (1811 г.) (Карамзин, 1991. С. 65–66). И если таким образом воспринимал просветительскую политику столь известный ученый, представитель российского общества, то легко представить отношение к проводимым реформам со стороны менее культурной части населения.

Библиографический список

Гаращенко А.Н. Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск : Оттиск, 2014. 400 с.

Гаращенко Л.В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX в.): монография. Иркутск : Оттиск, 2018. 672 с.

Дубровский К. «Сибирский Карамзин» (Петр Андр. Словцов) // Сибирский архив. 1914. № 5. С. 203–220.

Загорский В. Из начальной истории приходских училищ в Иркутской губернии // Сибирский архив. 1912. № 10. С. 754–761.

Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири: Очерк, редактированный и изданный городским головой В.П. Сукачевым. М. : Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1891. 271 с.

Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова. Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1911. 418 с.

Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А.В. Гимельштейн, Л.М. Дамешек, Ю.А. Зуляр и др. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.

Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1990. С. 255–396.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. 128 с.

Копылов А.Н., Малышева М.П. Декабристы и просвещение Сибири в первой половине XIX в. // Сибирь и декабристы. Новосибирск : Наука, 1977. С. 89–108.

Корейша Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). Иркутское главное народное училище (1789–1805). Иркутск : Губернская типография, 1910. Вып. 1. 75 с.

Корейша Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). Губернская гимназия с 1805–1829 г. Иркутск : Типо-литография штаба Иркутского военного округа, 1915. Вып. 2. 304 с.

Кротов В.А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. Иркутск : Сибирская книга, 2013. 448 с.

Кузнецова М.В. Иркутская школа (XVIII – первая половина XIX века). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2000. 200 с.

Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, членом разных ученых обществ. СПб. : Типография Карла Крайя, 1827. Вып. 3. 260 с.

References

Garashchenko A.N. (2014) Treskin and Zeidler – Irkutsk civil governors of the first half of the XIX century. Irkutsk: Ottisk. 400 p. (In Russ.)

Garashchenko L.V. (2018) Private educational institutions of Irkutsk (mid XIX – early XX century). Irkutsk: Ottisk. 672 p. (In Russ.)

Dubrovskii K. (1914) “Siberian Karamzin” (Pyotr Andr. Slovtsov). *Sibirskii arkhiv = Siberian archive*. No. 5. P. 203–220. (In Russ.)

Zagorskii V. (1912) From the initial history of parish schools in the Irkutsk province. *Sibirskii arkhiv = Siberian archive*. No. 10. P. 754–761. (In Russ.)

(1981) Irkutsk. Its place and significance in the history and cultural development of Eastern Siberia: An essay edited and published by the mayor V.P. Sukachev. Moscow : Typo-lithography of The Partnership of I. N. Kushnerev and C°. 271 p. (In Russ.)

(1911) The Irkutsk Chronicle: The Chronicles of P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov. With the foreword, additions and footnote of I.I. Serebrennikov. Irkutsk: Steam printing house I.P. Kazantseva. 418 p. (In Russ.)

Gimel'shtein A.V. (2012) Irkutsk Territory. Four centuries: History of the Irkutsk province (region) of the XVII–XXI centuries. Irkutsk: Vostsibkniga. 800 p. (In Russ.)

Kalashnikov I. (1990) Notes of an Irkutsk resident. Notes of Irkutsk residents. Irkutsk: East Siberian book. P. 255–396. (In Russ.)

Karamzin N.M. (1991) Note on ancient and new Russia in its political and civil relations. Moscow: Main editorial office of Eastern literature. 128 p. (In Russ.)

Kopylov A.N., Malysheva M.P. (1977) The Decembrists and the Enlightenment of Siberia in the First Half of the 19th Century. *Sibir' i dekabristy = Siberia and the Decembrists*. Novosibirsk: Publishing house “Science”. P. 89–108. (In Russ.)

Koreisha Ya. (1910) Historical sketch of the Irkutsk provincial gymnasium (1789–1905). Irkutsk main public school (1789–1805). Irkutsk: Provincial printing house. Iss. 1. 75 p. (In Russ.)

Koreisha Ya. (1915) Historical sketch of the Irkutsk provincial gymnasium (1789–1905). Provincial gymnasium from 1805–1829 g. Irkutsk: Typographic lithograph of the headquarters of the Irkutsk Military District. Iss. 2. 304 p. (In Russ.)

Krotov V.A. (2013) Chronicle of the city of Irkutsk. 1652–1856. Irkutsk: Siberian book. 448 p. (In Russ.)

Kuznetsova M.V. (2000) Irkutsk school (XVIII – first half of XIX century). Irkutsk: Irkutsk State University. 200 p. (In Russ.)

(1827) Materials for the history of enlightenment in Russia, collected by Peter Keppen, a member of various scientific societies. St. Petersburg: Karl Kraya typography. Iss. 3. 260 p. (In Russ.)

Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов; под ред. проф. С.В. Рождественского. М. : Польза, В. Антик и К°, 1910. 240 с.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Петроград : Огни, 1918. 544 с.

Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках (Приложение к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках». / сост. С.В. Рождественский при участии В.Г. Соломина и П.П. Тодорского. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1910. Т. 1. 397 с.

Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб. : Типография М.А. Александрова, 1912. Т. 1. 680 с.

Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1902. Отд. 1. Т. 4. Вып. 1. 359 с.

Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1889. Т. 1. 671 с.

Knyazkov S.A. and Serbs N.I. (1910) Essay on the history of public education in Russia before the era of reforms of Alexander II. Moscow: Benefit, V. Antik and K°. 240 p. (In Russ.)

Pypin A.N. (1918) Social movement in Russia under Alexander I. Petrograd: Ogni. 544 p. (In Russ.)

Rozhdestvenskii S.V. (1910) Materials for the history of educational reforms in Russia in the XVIII–XIX centuries (Appendix to “Essays on the History of Public Education Systems in Russia in the XVIII–XIX centuries”). St. Petersburg: Printing house of the partnership “Public Benefit”. Vol. 1. 397 p. (In Russ.)

Rozhdestvenskii S.V. (1912) Essays on the history of public education systems in Russia in the 18th – 19th centuries. St. Petersburg : Printing house M.A. Alexandrov. Vol. 1. 680 p. (In Russ.)

(1902) A collection of materials for the history of education in Russia, extracted from the archive of the Ministry of Education. St. Petersburg : Printing house of P.P. Soikin. Sect. 1. Vol. 4. Iss. 1. 359 p. (In Russ.)

Sukhomlinov M.I. (1889) Research and articles on Russian literature and education. St. Petersburg : Printing house A.S. Suvorin. Vol. 1. 671 p. (In Russ.)

Критерии авторства

А.Н. Гаращенко и Л.В. Гаращенко выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

A.N. Garashchenko and L.V. Garashchenko have carried out research work, examined the results, prepared their manuscript for the press, own the copyright for the article and are fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Гаращенко Алексей Николаевич,
историк, старший научный сотрудник,
Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова,
664007, Иркутск, ул. Франк-Каменецкого, 16а, Россия,
✉ e-mail: ieditor@yandex.ru
Гаращенко Любовь Витальевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: glovevita@mail.ru

Information about the authors

Aleksey N. Garashchenko,
Historian, Senior Researcher,
Museum of Irkutsk City named for A.M. Sibiryakov,
16a, Frank-Kamenetsky street, Irkutsk 664007, Russia,
✉ e-mail: ieditor@yandex.ru
Liubov V. Garashchenko,
Cand. Sci (Pedagogical), Associate Professor of the Chair Pedagogics,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: glovevita@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 930(517.53)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-188-196

History of world and Russian Mongol studies: national schools, problems, personalities

© Jamsran Urangua[a], Yuri V. Kuzmin[b], Viktoria A. Vasilenko[c], Sergey V. Karasev[d]

[a] National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia
[b] Baikal state University, Irkutsk, Russia
[c] Irkutsk branch of State Institute of cinematography named after S.A. Gerasimov
[d] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The relevance of the scientific problem lies in the fact that at present the Eastern vector of Russia's foreign policy is becoming very important. At the present stage, relations in various areas of cooperation with the Eastern States, especially with China and Mongolia, are being resumed. World and Russian Mongolian studies are an important part of world Oriental studies. Mongol studies was created by the joint efforts of Russian, French, German, and British researchers of the nomadic Mongolian civilization, its original culture, and the Mongolian language. Mongol studies was formed and developed as a complex science of the Mongolian Sciences, since for a long time there was no division into Mongolian linguistics, Ethnology, history, source studies and historiography. To date, a huge amount of scientific material has been accumulated on the history, economy, politics, and international relations of the history of Mongolia. Russian Mongol studies were formed in the XVIII century by the scientific works of Ya. Schmidt, N.Ya. Bichurin, A.V. Igumnov, O. Kovalevsky, D. Banzarov, G. Gomboev, A.M. Pozdneev, V.L. Kotvich, B.Ya. Vladimirtsov, T.S. Zhamtsarano, and others scientists, came to the forefront of the world of Oriental science. The heyday of the Russian school of Mongol studies dates back to the second half of the XIX – early XX centuries. During this period, the Russian school of Mongolian studies is being formed on an international basis. Mongol scholars, sinologists, turkologists, historians, linguists, ethnologists, archaeologists and other narrow specialists participated in its formation. Particularly close ties existed with the Chinese studies.

Keywords: bibliography, Mongol studies, Mongolia, national schools, historiography, history of science, personalities, problems of Mongol studies, China, Russian Mongol studies, geopolitical situation

Acknowledgements: The research was carried out at the Baikal State University in Irkutsk with the support of the Russian Foundation for basic research. Grant RFBR 20-59-4408 «World and Russian Mongolian studies: national schools, concepts, personalities.

Article info: received June 10, 2020; revised June 27, 2020; accepted July 6, 2020.

For citation: Urangua J., Kuzmin Yu.V., Vasilenko V.A., Karasev S.V. (2020)History of world and Russian Mongol studies: national schools, problems, personalities. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 188–196. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-188-196

История мирового и российского монголоведения: национальные школы, проблемы, персоналии

© Ж. Урангуа[a], Ю.В. Кузьмин[b], В. А. Василенко[c], С.В. Карасёв[d]

[a] Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия
[b] Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[c] Иркутский филиал Всероссийского Государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, г. Иркутск, Россия
[d] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Актуальность научной проблемы заключается в том, что в настоящее время восточный вектор внешней политики России приобретает все большее значение. На современном этапе возобновляются отношения по различным

направлениям сотрудничества с Восточными государствами, особенно с Китаем и Монголией. Мировое и российское монголоведение является важной частью мирового востоковедения. Монголоведение было создано совместными усилиями русских, французских, немецких и британских исследователей кочевой монгольской цивилизации, ее самобытной культуры и монгольского языка. Монголоведение формировалось и развивалось как комплексная наука монгольских наук, поскольку долгое время не существовало разделения на монгольское языкознание, этнологию, историю, источниковедение и историографию. К настоящему времени накоплен огромный научный материал по истории, экономике, политике и международным отношениям Монголии. Русское монголоведение сформировалось в XVIII веке благодаря научным трудам Я. Шмидта, Н.Я. Бичурина, А.В. Игумнова, О. Ковалевского, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Б.Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано, других ученых и вышло на передовые позиции в мировой Восточной науке. Расцвет русской школы монголоведения приходится на вторую половину XIX – начало XX века. В этот период на международной основе формируется российская школа монголоведения. В её формировании принимали участие монгольские ученые, синологи, тюркологи, историки, лингвисты, этнологи, археологи и другие узкие специалисты. Особенно тесные связи существовали с китаеведами.

Ключевые слова: библиография, геополитическая ситуация, история науки, Китай, личность, Монголия, монголоведение, национальные школы, историография, проблемы монголоведения, российское монголоведение

Благодарности: Научная работа выполнена в Байкальском Государственном университете г. Иркутска при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант РФФИ 20-59-4408 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

Информация о статье: поступила в редакцию 10 июня 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 27 июня 2020 г.; принята к публикации 6 июля 2020 г.

Для цитирования: Урангуа Ж, Кузьмин Ю.В., Василенко В.А., Карасёв С.В. История мирового и российского монголоведения: национальные школы, проблемы, персоналии // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 188–196. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-188-196

The heyday of the Russian school of Mongol studies dates back to the second half of the XIX – early XX centuries. During this period, the Russian school of Mongolian studies is being formed on an international basis. Mongol scholars, sinologists, turkologists, historians, linguists, ethnologists, archaeologists and other narrow specialists participated in its formation. Particularly close ties existed with the Chinese.

The geographical proximity of the Mongols, the presence of Mongol-speaking peoples (Buryats, Kalmyks) on the territory of Russia, and the appearance of the first translators and Mongol scholars from their environment were undoubtedly a favorable factor in the development of Russian Mongol studies (Iorish, 1966).

In Russia, Orthodox missionaries of Eastern Siberia, school teachers, interpreters, travelers, Siberian officials, and merchants studied the Mongols, the Mongolian language, and culture. Therefore, Russian Mongol studies had favorable conditions for collecting ethnographic, archaeological, and folklore material in Mongolia. During the Soviet period of development of Oriental and Mongolian studies (1917–1991), there was a break with traditional Oriental studies, which was restored in the post-Soviet period.

Western Mongolian studies also have deep scientific roots. French and German Mongol studies were based on Mongolian sources of Russian origin, and were closely linked by personal scientific ties with prominent Russian scientists. In turn, a number of Russian scientists were of foreign origin (J.I. Schmidt, I. Iering, O.M. Kovalevsky, V.V. Radlov etc.). They made a great contribution to world Oriental studies.

The formation of historical scientific schools in Russia, Mongolia, France, Germany, great Britain, Poland, the Czech Republic, Hungary, and the United States is impossible without studying the scientific contribution of the world's outstanding Mongolian scientists. Currently, there are scientific works on the historiography of individual national schools of Mongolian studies in an overview form, and there are no generalizing studies devoted to scientific relations, interaction and mutual influence of scientific ideas, concepts and discussion problems of the history of Mongolia, major

Mongolian scientists. The bibliography of individual Russian, Mongolian, and foreign Mongol scholars is published in Ulaanbaatar in the annual Bulletin of the International Association of Mongol scholars.

Questions of history of national and world Mongolian studies considered in studies of Goleman M.I., Sh. Bira, B.V. Bazarov, T. Estorga, Z. Longido, J. Urangua, V.V. Graivoronsky, D.V. Dugarova, O.N. Polyanskaya, Y.V. Kuzmin, L.V. Kuras C.P. Vanchikova, W.B. Chimitdorzhiev, A.D. Candinas, I.V. Kulhánek From, Datsyshen V.G., V.S. Myasnikov, S.D. Miliband, A.N. Kononova, S.G. Klyashtorny, N.N. Krajina, V.V. Pork, A.N. Khokhlova, Ulymzhiev etc.

Modern oriental and Mongolian studies have done a great deal of research on the scientific contribution of Russian scientists to world science. This area of scientific research has become especially active in the last thirty years. The Mongolian studies of our country returned to the traditional Russian Mongol studies, restored continuity in science, and restored broken ties. At present, the national Mongolian studies at a new scientific level successfully studies the history, Ethnology, culture, economy, politics, and history of international relations of Mongolia.

Mongol studies are an integral part of Russian Oriental studies, especially significant are the successes of Russian Sinology, which employs a significant number of Russian Orientalists. To date, studies on the history of Russian Oriental studies have been published, which also show the formation and development of Russian Mongolian studies as a related industry (Miliband, 1995b).

An important stage in rethinking the scientific heritage of Russian Oriental and Mongolian studies was the collective monographs «History of Russian Oriental studies to the middle of the 19th century» (History of Russian Oriental studies…, 1990), «History of Russian Oriental studies from the mid. 19th century to 1917» (Vigasin, Shastitko, Baziyants, 1997), prepared by leading Russian Orientalists.

Updated and reprinted «Bibliographic dictionary of Russian Orientalists» in two volumes by S.D. Miliband – one of the fundamental works of national Oriental studies (Miliband, 1995a, Miliband, 1995b). E.V. Boikova published «Bibliography on Mongol studies» (Boikova, 2005).

In the 1900s and 2000s, scientific conferences were held on major Russian Mongol scholars: «Tsybikov readings», «Banzarov readings», «Khangal readings», «Ulymzhiev readings», «Vladimirtsovsky readings», «Katanov readings», which presented a modern assessment of the scientific activities of domestic Mongol scholars, introduced previously unpublished works of famous Russian scientists, archival documents, documents of personal origin.

Special contributions were made by scientists from the Institute of Mongol studies, Buddhology and Tibetology of the SB RAS, The Institute of Oriental Studies of the RAS, The Institute of Oriental manuscripts of the RAS, Buryat state University, the Eastern faculty of St. Petersburg University, Irkutsk and Baikal state universities (Irkutsk). Famous Russian Oriental and Mongolian B.V. Bazarov, M.I. Golman, W.B. Chimitdorzhiev, V.S. Myasnikov, N.N. Kradin, A.N. Khokhlov, A.S. Zheleznyakov, A.D. Andina, I.V. Popov, I.V. Kulhánek From L.V. Kuras, V.M. Alpatov and V.G. Datsyshen, O.N. Polyanskaya, V.D. Dugarov his research was devoted to some topical issues of the history and historiography of Mongolia.

A unique scientific phenomenon in the history of the study of Russian Mongol studies was the publication of the periodical «Mongolika» (Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief I.V. Kulganek), whose issues are dedicated to the scientific heritage of outstanding Russian Mongol scholars: B. Ya. Vladimirtsov, S.A. Kozin, K.F. Golstunsky, A. Pozdneev, A.V. Burdukov, D. Natsagdorzh, TS. Damdinsuren, M.I. Golman, L.G. Skorodumova, V.V. Grayvoronsky, K.N. Yatskovskaya.

Professor Sh.B. Chimitdorjiev collected, analyzed and published creative biographies of major Buryat scientists-Mongol scholars in the collective work «Outstanding Buryat figures» (Ulan-Ude, 2010). In this monograph ,biographies of both famous Buryat scientists-Mongol scholars and biographies of little-known researchers who also made a serious contribution to the study of the Mongolian peoples were published (Outstanding Buryat figures, 2009; Chimitdorzhiev, 2005).

A well-known sinologist from Krasnoyarsk, Professor V.G. Datsyshen continued the historiographical research of sinologists P.E. Skachkov, V.S. Myasnikov, and L.A. Berezny, and published major monographs «History of Chinese language studying in the Russian Empire» (Datsyshen, 2000), «History of Russian Sinology» (Datsyshen, 2015), «Studying Chinese history in the Russian Empire» (Datsyshen, 2016), which contain valuable material about sinologists who studied the history of Mongolia and the Mongolian people's.

Russian Mongol scholars published a collective work «Russian Mongol scholars (XVII – early XX centuries)», which briefly described the creative biographies of A.V. Igumnov, N.Ya. Bichurin, O.M. Kovalevsky, A.V. Popov, K.F. Golstunsky, P.A. Badmaev, A. Dorzhiev, M.N. Khangalov, V.L. Kotvich, G. Tsybikov, A.D. Rudnev, S.A. Kozin, T.S. Zhamtsarano, E. Rinchino, B.Y. Vladimirtsova and others (Russian Mongol scholars…, 1997).

Russian ethnographers published a unique publication «Repressed ethnographers (issue 1, 1999)», which presents the tragic fate of 12 repressed Russian ethnographers, including creative biographies of B.E. Petri (author A.A. Sirina), N.N. Kozmin (a.m. Reshetov), who made an important contribution to the study of the history and Ethnology of the peoples of Central Asia and Mongolia (Repressed ethnographers, 1999). In 2003, the «Second Oriental readings» were held in Irkutsk, dedicated to the famous historian, ethnographer, and economist N.N. Kozmin, and a collection of articles was published (Second Oriental readings, 2003)[1].

In 2006, the work of Yu.V. Kuzmin «Professor N.N. Kozmin: historian and economist» (Kuzmin, 2006)[2] was published, where the creative biography of the Siberian researcher of the history of Mongolia and Central Asia is most fully presented, personal documents and a complete bibliography of the scientist are published for the first time.

In 2001–2019, the center for the study of Mongolia of Baikal state University held nine international scientific conferences dedicated to famous Mongolian scientists: N.N. Kozmin, N.P. Shastina, P.A. Badmaev, E.M. Darevskaya, V.V. Svinin and major historical events in Mongolia: the national revolution of 1911, the Mongolian revolution of 1921, the war on Khalkhin Gol in 1939, and others (Sukhodolov, Kuz'min, 2018; Sukhodolov, Kuz'min, 2016).

«Bibliography of Russian works on Mongol studies 1946–2000» (Boikova, 2005), prepared by E.V. Boikova and published by The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, was introduced into scientific circulation. Bibliographies of individual regions (Buryatia, Irkutsk region, etc.) were published (Mongolia in the works, 1988). A significant contribution to the study of Russian Mongol studies was made by the works of Professor D.B. Ulymzhiev of Buryat state University, dedicated to all major Russian Mongol scholars (Ulymzhiev, 1994; Ulymzhiev, 1997).

The study of the history of Russian Mongol studies was continued by Professor V.D. Dugarov of Buryat state University, who published major studies: «Russian historiography of the history of Mongolia» (Dugarov, 2014), a number of articles on the topic under study.

Associate Professor of Buryat state University O.N. Polyanskaya has published a number of monographs on the history of Russian Mongol studies: «Mongol Studies in Russia in the first half of the XIX century: O.M. Kovalevsky and A.V. Popov» (Polyanskaya, 2019), «Professor O.M. Kovalevsky and Buryatia (1 half of the 19th century)» (Polyanskaya, 2001), «Epistolary and diary heritage of the Mongol scholar O.M. Kovalevsky (1828–1833)» (Epistolary and diary heritage…, 2008) and a series of articles devoted to heritage of outstanding Mongol scholars of Russia.

The history of Mongolian and Russian Mongol studies is the subject of constant scientific publications of Professor Yu.V. Kuzmin: «Mongolia, Russian-Mongolian relations and the "Mongolian question" in the socio-political thought of Russia at the beginning of the 20th century» (Kuzmin, 2016), «Mongolia and China in the assessments of Russian military intelligence» (Kuzmin, 2007), «Irkutsk school of Mongol studies of the XVIII–XX centuries» (Kuzmin, 2014), Mongolia and

[1] Вторые востоковедные чтения БГУЭП. Материалы научной конференции от 2 апреля 2003 г. Иркутск, 2003.

[2] Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист : учеб. пособие // Байкальский государственный университет экономики и права; Иркутский государственный педагогический университет. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права, 2006. 67 с.

Russian-Mongolian relations. Problems of history and historiography» (Sukhodolov, Kuz'min, 2016), «The History of Mongolia and its international relations in the twentieth century in the works of Mongolian and Russian researchers» (Sukhodolov, Kuz'min, 2018), which present the main concepts of modern Russian and Mongolian Mongol scholars.

M.I. Gol'man, a major Russian Mongol scholar at the Institute of Oriental Studies, has been studying the history of Mongolia in the West and the United States for more than 50 years. He is the author of major monographs «Mongolian Studies in the West (centers, cadres, societies). 50s – mid. 90s of the XX century » (Gol'man, 2004), «Modern Mongolia in the assessments of Western authors» (Gol'man, 2009). These works provide an in-depth analysis of the current state of the study of Mongolia in the West and the United States, as well as the characteristics of major Western Mongol scholars and the main centers of Mongol studies (Gol'man, 2019).

History of the Russian Academy of Sciences in the study of the Mongolian scientific contacts with Mongolian research organizations – special topic of study doctor of historical Sciences T.I. Yusupova «The Soviet-Mongolian scientific cooperation. Formation, development and main results of 1921–1961» (Yusupova, 2018). Ulan-Ude published the documents «Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929)» (Buryat-Mongolian…, 2017)[3], which presents documents on Mongolian-Buryat scientific relations.

In Moscow, a reference book «Russian military Orientalists. Biobibliographical reference book» of M.K. Baskhanov (Baskhanov, 2005), which presents creative biographies and a list of works of military Mongol scientists.

The works of Russian military Mongol scholars deserve special attention, as this is one of the most promising areas for study. The activities of Russian military travelers and their views on the solution of the «Mongolian» issue in Russian and world geopolitics are considered in the works of M.K. Baskhanov, E.V. Boikova, A.I. Kolesnikov, Yu.V. Kuzmin. Published a book by E.V. Boikova, dedicated to the famous Russian traveler who studied Mongolia. Published diaries, biography of P.K. Kozlov (authors A.I. Andreev, T.I. Yusupova).

The problem of solving the «uriankhai question» in the system of trilateral relations between Russia, China and Mongolia is relevant for Russian and world Mongolian studies. In Russian historiography, this problem is covered in the works of E.A. Belov (Russia and Mongolia, 1997), V.G. Datsyshen, Yu.V. Kuzmin, S.G. Luzyanin, N.M. Mollerov and other scientists.

These works were written on the basis of materials from Russian archives, many of which were introduced into scientific circulation for the first time. The solution of the «barginsky question» in the system of Russia-China-Mongolia relations after 1911 deserves special consideration. This problem is one of the poorly studied topics of world and Russian Mongolian studies.

Mongolia is the world center of Mongolian studies, there are major scientific centers for the study of history, Economics, Ethnology, geography and culture of the country, such as the Institute of history, Mongolian Academy of Sciences, Institute of international relations of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolian state University, Institute of Mongolian studies Mongu, Institute of nomadic civilizations UNESCO. In Mongolia, Ulaanbaatar is home to the international Association of Mongol studies, periodical scientific and informational publications are published, and new books of the world's Mongol studies are received. The national libraries of Mongolia have the most comprehensive book collections on the history and culture of Mongolia, published in the leading centers of Mongolian studies.

The modern Mongolian historical science has developed an original historiographical school, whose major representatives are historians Sh. Bira, N. Hishigt, B. Punsaldulam, J. Urangua, L. Longid, T.S. Ishdorj, who published a number of source studies and historiographical studies.

Introduction of the scientific results of these authors into the scientific circulation of the world Mongol studies is an urgent task of modern science. Professor of the Mongolian state University J. Urangua in 2016 participated and acted as an active participant and moderator of the project a two-volume monograph

[3] Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 247 с.

«World Mongol studies» was published (Urangua, 2016).

Published a creative biography and epistolary legacy of the famous Finnish Mongol scholar G. Ramsted. The Historian B. Punsaldulam has published monographs on the historiography of the history of Mongolia during the Autonomous period: «Historiography of the history of the Mongolian revolution of 1911 (1911–2003) (Punsaldulam, 2006)».

In may 2017, J. Urangua made a report «The Formation and development of European Mongol studies in the XVIII–XIX centuries» at the international conference on Mongol studies at the University of Warsaw.

Despite the obvious success, there are many areas in the study of the history of Mongolia and Mongolian studies that need to be improved. For example, existing review articles on the history and current state of Mongolian studies in individual countries do not meet the requirements of the time and urgently require a qualitative analysis of national schools of Mongolian studies and the state of humanitarian scientific thought in various countries.

Today, competition between foreign countries and TNCs for control over the country's mineral resources is increasing on the territory of Mongolia. Competition between the United States and China for greater geopolitical influence in Central Asia and Mongolia itself is growing. In this regard, the preservation of Russia's position in a neighboring friendly country convincingly requires complete and accurate information about the state of world Mongolian studies.

The history of Russian Mongol studies also needs a modern and analytical assessment, since existing publications are of an overview nature and do not reflect all the issues of the formation and development of this field of Oriental studies. Three times in its history (1917, 1930–1939, 1986–1991), Russian Mongol studies have changed the ideological directions and methodology of research, which has affected the features of the modern development of Russian Mongol studies.

The complex and contradictory process of formation of Russian Mongol studies and the interaction of Russian and foreign Mongol scholars have not yet been studied objectively and comprehensively. The current state of Russian Mongolian studies, which has returned to the traditional Russian Oriental and Mongolian studies, requires a modern assessment of the state of scientific thought, the dynamics of its development over more than 300 years, and the need to show the role and place of national Mongolian studies in the world science of the East.

A comparative analysis of the history of the formation and development of Russian Mongol studies in the context of world Oriental science and Mongol studies will allow for a more qualitative and professional characterization of not only world, but also Russian Mongol studies.

Distortion and direct falsification of the role of Russian Orientalists and Mongol scholars in the study of the countries of the East and Mongolia require a close study of the Russian heritage, its full introduction into scientific circulation and a modern assessment of the scientific activities of Russian scientists in the context of world scientific thought.

Mongolian scientists are increasingly focused on the Western centers of Mongolian studies: the United States, great Britain, Germany, the Czech Republic, Hungary, Poland, and the East: Japan, South Korea, China, where there is a more serious material and financial base, as well as more opportunities to pass scientific training and receive grants. Russia does not have enough information on the development of Mongolian studies in China, Japan, South Korea, and Hungary.

The current geopolitical situation, especially the efforts of the United States to increase its influence in Mongolia, urgently require strengthening the scientific study of world Mongolian studies and coordination of Russian centers of national Mongolian studies (Moscow, St. Petersburg, Ulan-Ude, Kyzyl, Irkutsk, Chita). There is a need to create a generalizing historiographical work by joint efforts of Mongol scholars from various countries of the world. This joint research project of Russian and Mongolian scientists will strengthen and strengthen scientific cooperation between Russia and Mongolia, and better study the state and scientific results of foreign Mongolian studies. The successful implementation of the Russian-Mongolian project will undoubtedly increase the prestige of Russian and Mongolian Mongolian studies.

Thus, the topic of the history of world and Russian Mongol studies is studied in Russian and Mongolian historiography.

However, unfortunately, the Genesis and evolution of Russian Mongol studies, its scientific connections with world Mongol studies, as well as the interaction and mutual influence of various scientific schools are poorly represented. Insufficiently summarized the scientific material scientific conceptions of the world Mongolian studies: the ethnogenesis of Mongolian peoples, the Mongolian nomadic civilization, features of international relations in the Russia-Mongolia-China, radical reforms of the Mongolian society and the state in the twentieth century, especially the relations between the state and the Buddhist Church of Mongolia for a long period of development.

The isolated study of Western, Russian, and Mongolian historiography of the history of Mongolia must be overcome and present a complete comprehensive picture of the study of the history, Ethnology, and culture of Mongolia in the world of Mongol studies.

References

Baskhanov M.K. (2005) Russian military orientalists before 1917. Bibliographic reference book. Moscow: Vostochnaya literatura. 296 p. (In Russ.)

Boikova E.V. (2005) Bibliography of domestic works on Mongol studies 1946–2000. Moscow: Vostochnaya literatura. 687 p. (In Russ.)

Vigasin A.A., Shastitko P.I., Baziyants A.P. (1997) History of Russian Oriental studies from the middle of the XIX century to 1917. Moscow: Vostochnaya literatura. 534 p. (In Russ.)

(2009) Outstanding Buryat figures. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2. Iss. 5–8. 328 p. (In Russ.)

Gol'man M.I. (2019) Mongolia through the eyes of a Mongol scholar (60–70-ies of the XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. 285 p. (In Russ.)

Gol'man M.I. (2009) Modern Mongolia in the assessments of Western authors. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. 192 p. (In Russ.)

Gol'man M.I. (2004) Mongol Studies in the West (centers, cadres, societies). 50s – mid-90s of the XX century. Moscow: Science. 333 p. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2016) Studying Chinese history in the Russian Empire. Moscow: Prospekt. 192 p. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2000) History of Chinese language studying in the Russian Empire. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 110 p. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2015) History of Russian Sinology. 1917–1945. Moscow: Ves' mir. 352 p. (In Russ.)

Dugarov V.D. (2014) Russian historiography of the history of Mongolii. Ulan-Ude: Buryat State University. 376 p. (In Russ.)

Iorish I.I. (1966) Materials about Mongols, Kalmyks and Buryats in the archives of Leningrad. Moscow: Science. 207 p. (In Russ.)

(1990) History of Russian Oriental studies to the middle of the XIX century. Moscow: Science. 439 p. (In Russ.)

Kuz'min Yu.V. (2014) Irkutsk school of Mongol studies (XVIII–XX centuries). Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi

Библиографический список

Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 296 с.

Бойкова Е.В. Библиография отечественных работ по монголоведению, 1946–2000 гг. М.: Восточная литература, 2005. 687 с.

Вигасин А.А., Шаститко П.И., Базиянц А.П. и др. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Восточная литература, 1997. 534 с.

Выдающиеся бурятские деятели. 2-е изд. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2009. Т. 2. Вып. 5–8. 328 с.

Гольман М.И. Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века). М. : Институт востоковедения РАН, 2019. 285 с.

Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 192 с.

Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х годов XX века. М.: Наука, 2004. 333 с.

Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2016. 192 с.

Дацышен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000. 110 с.

Дацышен В.Г. История русского китаеведения 1917–1945 гг. М.: Весь мир, 2015. 352 с.

Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2014. 376 с.

Иориш И.И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. М.: Наука, 1966. 207 с.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. : Наука, 1990. 439 с.

Кузьмин Ю.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.): монография. Иркутск: Байкальский госу-

universitet ekonomiki i prava. 438 p. (In Russ.)

Kuz'min Yu.V. (2007) Mongolia and China in the assessments of Russian military intelligence. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. (In Russ.)

Kuz'min Yu.V. (2016) Mongolia, Russian-Mongolian relations and the "Mongolian question" in the socio-political thought of Russia at the beginning of the 20th century. *Kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii v pervoi polovine XX veka = Conceptual issues of Russian-Mongolian relations in the first half of the XX century.* Ulan-Bator; Irkutsk: Baikal State University. P. 286–312. (In Russ.)

Miliband S.D. (1995a) Biobibliographical dictionary of Russian Orientalists since 1917. Moscow: Science. Book 1. A-L. 701 p. (In Russ.)

Miliband S.D. (1995b) Biobibliographical dictionary of Russian Orientalists since 1917. Moscow: Science. Book 2. M-Ya. 763 p. (In Russ.)

(1988) Mongolia in the works of Eastern Siberia. Bibliographic index (1974–1982). Irkutsk: Irkutsk State University. 139 p. (In Russ.)

Polyanskaya O.N. (2019) Mongol Studies in Russia in the first half of the X1X century: O.M. Kovalevsky and A.V. Popov. Ulan-Ude: Buryat State University. 321 p. (In Russ.)

Polyanskaya O.N. (2001) Professor O.M. Kovalevsky and Buryatia (1 half of the 19th century. Ulan-Ude: Poligraficheskii kompleks VSGAKI. 140 p. (In Russ.)

Tumarkin D.D. (1999) Repressed ethnographers. Moscow: Vostochnaya literatura. 343 p. (In Russ.)

(1997) Russian Mongol scholars (XVIII–XX centuries). Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 163 p.(In Russ.)

Sukhodolov A.P., Kuz'min Yu.V. (2018) The history of Mongolia and its international relations in the twentieth century in the works of Mongolian and Russian researchers. Irkutsk: Baikal State University. 232 p. (In Russ.)

Sukhodolov A.R., Kuz'min Yu.V. (2016) Mongolia and Russian-Mongolian relations of the first half of the twentieth century. Problems of history and historiography. Irkutsk: Baikal State University. 312 p. (In Russ.)

Ulymzhiev D.B. (1994) Pages of domestic Mongolian studies. The Kazan school of Mongolian studies. Ulan-Ude: Buryat State University. 107 p. (In Russ.)

Ulymzhiev D.B. (1997) Mongol Studies in Russia in the second half of the XIX – early XX century. Petersburg school of Mongolian studies. Ulan-Ude: Buryat State University. 216 p. (In Russ.)

Chimitdorzhiev Shirap Bodievich. (2005) Academician Bimbin Rinchen was an outstanding scientist and writer (1905–1977). Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 95 p. (In Russ.)

Polyanskaya O.N. (2008) Epistolary and diary heritage of the Mongol scholar O.M. Kovalevsky (1828–1833). Ulan-

дарственный университет экономики и права, 2014. 438 с.

Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки: монография. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического института, 2007.

Кузьмин Ю.В. Монголия, русско-монгольские отношения и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России начала XX века // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2016. С. 286–312.

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь русских востоковедов с 1917 года. М.: Наука, 1995a. Кн. 1. А-Л. 701 с.

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь русских востоковедов с 1917 года. М.: Наука, 1995b. Кн. 2. М-Я. 763 с.

Монголия в трудах ученых Восточной Сибири: Библиогр. указ. (1974–1982). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1988. 139 с.

Полянская О.Н. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О.М. Ковалевский и А.В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2019. 321 с.

Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). Улан-Удэ : Полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. 140 с.

Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М. : Восточная литература, 1999. 343 с.

Российские монголоведы (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.– 163 с.

Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В. История Монголии и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2018. 232 с.

Суходолов А.Р., Кузьмин Ю.В. Монголия и Русско-Монгольские отношения первой половины XX: Проблемы истории и историографии. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2016. 312 с.

Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведения: Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1994. 107 с.

Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.: Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1997. 216 с.

Чимитдоржиев Ширап Бодиевич. Академик Бимбын Ринчен – выдающийся ученый и писатель (1905–1977). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2005. 95 с.

Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / подгот. к изд.,

Ude: Buryat State University. 227 p. (In Russ.)

Yusupova T.I. (2018) Soviet-Mongolian scientific cooperation: formation, development and main results (1921–1961). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p. (In Russ.)

Urangua J. World Mongol studies. In 2 vols. Ulaanbaatar, 2016.

Punsaldulam, 1911 ony Mongolyn ündėsnij huvsgalyn tüüh bičlėg (1911–2003). Ulaanbaatar, 2006. 170 p.

Attribution criteria

J. Urangua, Yu.V. Kuzmin, V.A. Vasilenko, S.V. Karasev completed the research work, based on the results obtained, conducted a completed the research work, based on the results obtained, conducted a synthesis, prepared a manuscript for publication, have copyright on the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Jamsran Urangua,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of history of Mongolia,
National University of Mongolia,
Ikh Surguuliin gudamj – 1, Baga toiruu , Sukhbaatar district, Ulaanbaatar city, Mongolia,
✉ e-mail: uranguakhereid@gmail.com
Yuri V. Kuzmin,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of world economy and economic security,
Baikal State University,
11, Lenin street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: kuzminuv@yandex.ru
Viktoria A. Vasilenko,
Cand. Sci. (History), Researcher,
Irkutsk branch of the State Institute of cinematography named after S.A. Gerasimov,
170, Rosa Luxemburg street, Irkutsk 664040, Russia,
✉ e-mail: vgikinfo3000@yandex.ru
Sergey V. Karasev
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of history and philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: s.karasev@bk.ru

предисл., коммент. и указ. О.Н. Полянской. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. 227 с.

Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты, 1921–1961. СПб.: Нестор-История, 2018. 316 с.

Urangua J. World Mongol studies. In 2 vols. Ulaanbaatar, 2016.

Punsaldulam, 1911 ony Mongolyn ündėsnij huvsgalyn tüüh bičlėg (1911–2003). Ulaanbaatar, 2006. 170 p.

Критерии авторства

Ж. Урангуа, Ю.В. Кузьмин, В.А. Василенко, С.В. Карасёв выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Урангуа Жамсран,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории, факультет истории,
Монгольский государственный университет,
151600, Улан-Батор SPO Box-31, Монголия,
✉ e-mail: uranguakhereid@gmail.com

Кузьмин Юрий Васильевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности,
Байкальский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11, Россия,
✉ e-mail: kuzminuv@yandex.ru
Василенко Виктория Александровна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Иркутский филиал Всероссийского Государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова,
664040, Иркутск, ул. Розы Люксембург, 170, Россия,
✉ e-mail: vgikinfo3000@yandex.ru
Карасёв Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: s.karasev@bk.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)08(571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-197-206

Сибирская пресса о проблемах нищенства в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века

© Т.А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме нищенства и борьбе с ней в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. Автор проанализировал материалы региональной прессы, посвященные данной теме. В сибирских газетах рассматривались основные причины бедности и источники пополнения нищенства. Рост бедности и появление нищенства в городах были связаны с модернизационными процессами, происходившими в стране. Основными источниками пополнения нищих в городах Енисейской губернии стали ссыльные и обедневшие переселенцы. Существенную роль в обеднении местного населения сыграл кризис в золотодобывающей промышленности. Практически все публицисты признавали нищенство неотъемлемой частью городского социума. В местной прессе в основном публиковали материалы о повседневной жизни нищих и способах их выживания. Выявлено неоднозначное отношение прессы к нищим и бродягам: от презрения до жалости. Основная цель газетных публикаций была привлечь общественность к нуждам беднейших слоев населения. Материальную поддержку нищим оказывали городские власти, благотворительные организации и отдельно взятые горожане. Журналисты обратили внимание читателей на действительно нищих и тунеядцев, превративших попрошайничество в прибыльное дело. Периодическая печать, освещая благотворительную деятельность обществ и отдельных лиц, указывала на положительные и негативные последствия решения проблем нищенства. Автор приходит к выводу, что региональной прессе удалось отразить будни и нужды беднейших слоев городского населения. В целом сибирские газеты являются уникальным и важным источником в изучении социальной истории города в дореволюционный период.

Ключевые слова: Енисейская губерния, региональная пресса, газета, город, журналисты, нищенство, бедность, благотворительность, повседневная жизнь

Информация о статье: поступила в редакцию 29 апреля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 10 мая 2020 г.; принята к публикации 1 июня 2020 г.

Для цитирования: Кискидосова Т.А. Сибирская пресса о проблемах нищенства в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 197–206. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-197-206

Siberian newspapers about the problems of begging in the late XIXth – early XXth centuries

© Tatyana A. Kiskidosova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

Abstract: The article is devoted to the problems of begging and the fight against it in the cities of the Yenisey province in the late XIXth – early XXth centuries. The author analyzed the materials of regional press devoted to this topic. The Siberian newspapers considered the main causes of poverty and sources of replenishment of begging. The growth of poverty in cities were associated with the modernization processes taking place in the country. The main sources of replenishment of beggars in the cities of the Yenisey province were exiles and impoverished migrants. The crisis in the gold mining industry played a significant role in impoverishing of the local population. Almost all publicists recognized begging as an integral part of urban society. The local press mainly published materials about the daily life of the poor and their ways of survival. The ambiguous attitude of press to beggars vagabonds is revealed: from contempt to pity. The main purpose of newspaper publications was to attract the

public to the needs of the poorest segments of the population. Material support for the poor was provided by the city authorities, charitable organizations and individual citizens. Journalists drew reader's attention to the really poor and parasites who turned begging into a profitable business. The periodical press, covering the charitable activities of public organizations and negative consequences for solving the problems of begging. The author concludes that the regional press managed well to reflect the everyday life and needs of the poorest segments of the population. In general, Siberian newspapers appears to be an unique and important source for studying the social history of a provincial city in the pre-Revolution period.

Keywords: Yenisei province, regional press, newspaper, city, journalists, poverty, begging, charity, everyday life

Article info: received April 29, 2020; revised May 10, 2020; accepted June 1, 2020.

For citation: Kiskidosova T.A. (2020) Siberian newspapers about the problems of begging in the late XIXth – early XXth centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 197–206. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-197-206

На современном этапе человеческого развития одной из острых социальных проблем остается нищенство. Резкое расслоение населения, рост бедности и невозможность разрешить данную социальную проблему вызвали интерес к историческому прошлому. Вопросы бедности и нищенства в провинциальных российских городах в дореволюционный период были рассмотрены в работах А.А. Быкова, А.Н. Жеравиной, Ж.В. Соболевой, Д.И. Тушканова, И.В. Максимовой и др. (Голосенко, 1996; Быков, 2004; Соболева, 2015[1]; Тушканов, 2018[2]; Максимова, 2018; Максимова, 2019 и др.). Исследователей интересуют такие аспекты, как причины обеднения масс, источники пополнения нищих, повседневность обитателей трущоб, меры борьбы с бедностью и нищенством и др. Одним из исторических источников, который наглядно и подробно освещает проблему нищенства, является газетная периодика. И.В. Максимова справедливо заметила, что «газета как исторический источник характеризуется оперативностью обнародования общественно значимой информации и многоплановостью содержания» (Максимова, 2019. С. 19). Периодическая печать являлась отражением повседневности населения в пореформенную эпоху, где нищенство было одним из составляющих жизни городского социума. Цель данной статьи – рассмотреть проблемы нищенства в городах Енисейской губернии на основе материалов региональной прессы.

В последние годы в сибирской исторической науке усилился интерес к такому виду исторического источника как периодическая печать. Материалы региональной прессы можно по праву отнести к одному из популярных источников. Историю возникновения и развития периодической печати Сибири и Енисейской губернии в дореволюционную эпоху исследовал ряд авторов (Чмыхало, 1976; Бердников, 1995; Гонина, 1998; Миханев, 1999; Броднева, 2002; Тюльканова, 2006; Жеравина, 2010; Симонова, 2012; Храмцов, 2014; Шевцов, 2014; Шевцов, 2015 и др.). Ученые ввели материалы изданий выходивших в Енисейской губернии в широкий научный оборот. Значительная часть научных публикаций посвящена городам Енисейской губернии в пореформенный период по материалам региональной прессы (Кискидосова, 2012; 2017; 2019; Комлева, 2016; Миханев, 2003 и др.).

Редакторы сибирских газет дореволюционного периода, учитывая интересы и настроения читательской аудитории, стремились опубликовать материалы по самым актуальным и злободневным вопросам. В периодической печати часто встречаются материалы, освещающие социальные проблемы: это алкоголизм, проституция, бедность, преступность и др. Публикации о бедности и ее крайнем проявлении – нищенстве можно встретить в газетных рубриках: «Местная жизнь», «Хроника»,

[1] Соболева Ж.В. Борьба с нищенством в Курской губернии в условиях индустриальной модернизации конца XIX – начала XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2015. 26 с.

[2] Тушканов Д.И. Отражение в провинциальной периодической печати социокультурных процессов конца XIX – начала XX в. (на примере Саратовской губернии): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград, 2018. 248 с.

«Местная хроника», «Корреспонденции» и т. п. Как правило, региональные новости публиковались в неофициальной части, на второй или третьей страницах газет, уступая первую страницу информации о событиях в столице и стране.

Нищенство являлось постоянной социальной проблемой российских городов. Особенно оно было распространено в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Курск, Орел, Саратов, Царицын, Одесса, Харьков, Киев. С конца 1870-х гг. в городах Сибири появились свои нищие и образовалось многочисленное «дно» (Соболева, 2015. С. 17)[1]. Исследователи отметили, что в Сибири, как и в целом в России, были те же экономические и психологические условия для развития бедности в крайней форме своего проявления – нищенстве. Особенностью сибирского края была ссылка, которая способствовала прибытию массы ссыльных без занятий, склонных к бродяжничеству и нищенству (Быков, 2004. С. 27). Из Центральной России ссылали в Сибирь злостных нищих и бродяг. Таким образом, ссылка регионально раздвигала границы нищенства. В сибирских городах местные власти не были готовы к стремительному росту нищих в городах, а предпринимаемые действия не имели успеха. Например, в 1873 г. в Енисейске городские власти не предпринимали решительных мер для борьбы с нищенством. Согласно предписаниям городской думы часть бродяг выдворялась из города, другая часть – отправлялась в тюрьму (Кытманов, 2016. С. 493).

На рубеже XIX–XX вв. ряды нищих в сибирских городах пополняли обедневшие и не сумевшие устроиться переселенцы, а также местные жители. Экономические причины привели к обеднению части населения. Нищую братию стали пополнять взрослые и дети окружных деревень. Начавшийся в Енисейске кризис в золотопромышленности оставил массу людей без заработка (Письма из Енисейска // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск. 1886. 1 мая). Журналист красноярской газеты «Сибирская мысль» попытался выяснить причину увеличения количества нищих в сибирских городах. Одна из причин роста числа нищих была связана с неурожаями в европейской части России и в некоторых губерниях Сибири. Выходцы из неурожайных мест пополняли группу нищей братии. Оставшись без средств к существованию, они были вынуждены заниматься бродяжничеством и «христарадничать» (Хроника // Сибирская мысль. Красноярск. 1912. 15 февр.).

В пореформенное время нищие и обездоленные стали неотъемлемой частью городского общества. Часть из них были городскими жителями, часть – сельчанами, другие – бродягами, не имевшими определенного местожительства. На страницах местных газет широко обсуждались проблемы нищенства. Чаще всего публицисты рассматривали проблему бедности и нищенства населения не напрямую, а опосредованно, как некий фон повседневной жизни городских обывателей (Максимова, 2019. С. 20). Общество неоднозначно относилось к нищим: от сострадания и стремления подать милостыню, оказать помощь всем нуждавшимся – до равнодушия, осуждения и пренебрежительного отношения.

В газетных заметках и отдельных статьях была ярко представлена картина дна городского общества. Корреспонденты писали о нищих, заполонивших города и прозванных в народе «кучешниками». Они были разного пола и возраста и представляли пеструю толпу, состоявшую из детей, взрослых, стариков, хромых, слепых, калек, паралитиков, отставных солдат, переселенцев, пригородных крестьян. «Кучешники» просили милостыню на улицах или заходили в магазины, учреждения или дома горожан за подаянием. В Красноярске большая часть нищих обитала возле губернского правления, квартиры губернатора и окружного суда (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1902. 24 мая). Чаще всего их можно было встретить на базаре, где «кучешники» назойливо приставали к прохожим с просьбой: «Подайте Христа ради несчастненьким». В весеннее время городские улицы заполняли толпы бродяг, состоявшие преимущественно из ссыльных и бежавших с каторги. Такие попрошайки держали в страхе всех сибирских жителей. Если бродягам не подавали милостыню или заявляли на них в полицию, то, как утверждал обыватель, «Они непременно отомстят

красным петухом, или ножом, или кражей» (Корреспонденции «Восточного обозрения» // Восточное обозрение. Томск. 1884. 12 июля). В Енисейске с наступлением весны в любое время суток масса «жиганов» разгуливала по улицам в одних рубахах и портах. «Жиганами» местные жители называли людей, нанявшихся на прииски, но уклонившихся от явки туда. Обычно они пополняли ряды нищих, занимались попрошайничеством, создавали криминальную обстановку в городах (Корреспонденции «Восточного обозрения». Енисейск // Восточное обозрение. Томск. 1887. 2 июля).

Газетные обозреватели стремились осветить обыденную жизнь дна городского общества. Публикации на данную тему вызывали следующие вопросы: Каким способом нищие выживали? Где они находили средства к существованию? Судя по заметкам, обычно «кучешники» в летнее время ночевали на окраине города на навозных кучах, зимой они обитали в пустых кузницах, брошенных караулках и нежилых ветхих избушках. Все они, одетые в лохмотья и часто без обуви, оказавшись в зимнее время на улице, могли замерзнуть на улице. В зимнее время «кучешники» вели праздную жизнь, летом они нанимались на поденные работы в кирпичные сараи (Местная жизнь // Красноярец. Красноярск. 1908. 4 сент.). Как правило, нищие отказывались искать постоянную работу, например, пойти в услужение к домохозяину. Они предпочитали быть периодически занятыми, т. е. иметь выбор работать или не работать. В основном это были молодые люди, многие из них являлись ссыльными и имели семьи. Девочки-подростки попрошайничали и просили подаяния, иногда они находили какую-либо постоянную работу, но большая часть предпочитала зарабатывать легкий хлеб. Если им не удавалось пристроиться «в люди», то переходили к отрытому разврату, становясь проститутками. Когда мальчиков от 10 до 15 лет спрашивали о том, почему они стоят на базаре с протянутой рукой, а не идут в услужение, ответ был следующим: «Кому нужно крапивное семя? Никто не берет» (И.Б. Красноярский пролетариат // Сибирь. Иркутск. 1877. 4 сент.). Просивших подаяние детей можно было встретить повсюду. Они умудрялись проникнуть даже в городской сад, не заплатив за вход. Там они приставали к гуляющей публике, выпрашивая копеечку «на фатеру», или на «лекарство для маменьки» (Корреспонденция «Енисея». Красноярск // Енисей. Красноярск. 1902. 7 июня).

Для многих нищих основным источником доходов было попрошайничество. Многие из них существовали за счет милостынь и подаяний. Попрошайничество на улицах было обычным явлением. В Красноярске по пятницам вереница нищих передвигалась по Воскресенской улице, по пути они заходили в магазины за подаянием (Местная жизнь // Красноярец. Красноярск. 1908. 10 нояб.). В бедственном положении находились переселенцы, оказавшиеся в Сибири и не сумевшие приспособиться к местным условиям. Толпы мужчин и женщин с детьми выпрашивали у прохожих подаяние на дорогу. В большинстве случаев горожане не обращали внимание на их просьбы и мольбы (Корреспонденция «Енисея». Красноярск // Енисей. Красноярск. 1901. 4 марта). Среди нищих, просивших милостыню, встречались те, которые действительно испытывали сильную нужду. Часть нищих притворялась слепыми, глухими, инвалидами с целью получить деньги на выпивку. В то же время в городах было много стариков, которые по причине дряхлости и слабости здоровья не могли ходить за милостыней и голодали.

Нередко нищие врывались в передние домов с назойливыми просьбами. Горожане недоверчиво относились к нищей братии, которая, по их мнению, стремилась, что-нибудь украсть. По красноярским улицам в дневное время бродили толпы нищих, порой они заходили во двор или стучались в дом, спрашивали выдуманных лиц. По этому поводу обыватель заметил: «Наш город находится буквально в осадном положении от воров. В последние дни произошло несколько нахальных краж» (Корреспонденции «Восточного обозрения». Красноярск // Восточное обозрение. Томск. 1884. 25 окт.). Журналист «Енисея» заметил, что в Красноярске «много сброда шляется по улицам города и протягивает руку то на ночлег, то на кусок хлеба, и это сейчас, когда столько нужно всюду рабочих рук. Эта ватага, если не профессиональные воры,

то мелкие воришки» (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1896. 5 июня). В Канске также было значительное количество нищих и бродяг. Они толпами ходили по домам, христарадничали, а порой занимались мелким воровством, «прихватывая, что попадет под руку» (Корреспонденции «Восточного обозрения». Канск // Восточное обозрение. Томск. 1887. 15 окт.). В начале XX в. в Красноярске по домам ходила юродивая Матренушка, пользовавшаяся популярностью у некоторых горожан. По словам обывателей, она была не прочь осведомиться «на счет того, что лежало плохо». В газете «Енисей» читателей предупреждали: «Помогая бедным, надо быть внимательным и не смешивать нуждающихся с тунеядцами, которых в нашем городе, лишенном правильной организации помощи неимущим, – весьма достаточно» (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1902. 19 июля).

Но далеко не всегда «кучешник» просил хлеб или ночлег. Корреспондент «Енисея» привел наглядный пример: «На днях на кухню одной квартиры заявился нищий. Находившаяся в то время в кухне хозяйка отрезала нищему большой каравай хлеба и подала. Но последний не принял и заявил: «Ты брось его собаке. На что мне хлеб? Я – странник: мне деньги нужны…» Хозяйка растерялась и подала гривенник» (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1902. 25 окт.).

Не все попрошайки находились в безвыходном положении и испытывали нужду. И.А. Голосенко отмечал, что следует различать понятия «нищенство» и «попрошайничество». Все нищие прибегали к попрошайничеству как единственному способу выживания, но не все попрошайки действительно нуждались. Среди попрошаек получила распространение социальная мимикрия под крайнюю степень бедности (Голосенко, 1996. С. 28). В материалах прессы приведены разнообразные примеры профессионального нищенства. Например, корреспондент «Красноярца» писал об одном нищем-слепце, который в день с подаяния зарабатывал по 5–6 руб. В то же время он имел приличную квартиру на Теребиловке и даже обзавелся подругой жизни. В праздничные дни этот попрошайка позволял накрывать себе стол с закусками и выпивкой. Для него прошение милостыни стало средством безбедной жизни (Местная жизнь // Красноярец. Красноярск. 1908. 10 нояб.). Другой просивший подаяние, на деле оказался здоровым и сравнительно не старым казаком, имевшим собственный дом и взрослых сыновей. Однако он предпочитал специально заниматься попрошайничеством» (Н. Кто у нас нищенствует? // Енисейский справочный листок (ЕСЛ). Красноярск. 1892. 24 мая).

В газетах часто приводились сведения о профессиональных нищих в среде молодых и здоровых людей, способных найти занятия и заработать средства на жизнь. Чаще всего авторы газетных заметок осуждали опустившихся молодых людей, превратившихся в попрошаек: «Проследите, кто у нас нищенствует? Некий К. – детина 27–28 лет, рослый, краснощекий со спокойной совестью. Он работал писцом в присутственных местах, но запьянствовал, опустился и предпочитает нищенствовать, чем работать. Однажды нам пришлось встретить совсем молодую нищенку (16–17 лет). Совершенно здоровую, обленившуюся и развращенную особу. Она сроднилась с нищенством, и конечно, с самыми развеселыми ночными оргиями в притоне красноярской «Шипки»» (Местная хроника // Енисейский листок. Красноярск. 1893. 26 апр.). При этом современники замечали рост количества нищих в городах. С возмущением отзывались обыватели о «нахальном требовании милостыни какого-нибудь верзилы или здоровой бабы, которые из-за лени не желали работать» (Местная хроника // Енисейский листок. Красноярск. 1893. 27 июня). Нередки были случаи, когда пьяные попрошайки беспрестанно стучали в двери домов, надоедая обывателям. Они выпрашивали помощь для освободившихся из тюрьмы и т. д. В случае отказа такие господа пускались в далеко «неизящную словесность» (Хроника // Енисейский край. Красноярск. 1906. 13 сент.). Подобные примеры позволяли современникам прийти к выводу, что везде есть масса нищих не по необходимости, по лености и сравнительной прибыльности. «В каждом городе хватало тунеядцев, – заметил коррес-

пондент «Енисейского справочного листка», – даже хорошо обеспеченных. Общество содержит их, давая им пособие …» (Местная хроника // Енисейский справочный листок (ЕСЛ). Красноярск. 1892. 24 мая).

Повседневным пристанищем красноярских нищих и бродяг были питейные заведения по Песочной улице и на Кучках. Там можно было встретить этих опустившихся людей в лохмотьях с хриплыми от пьянства голосами (Корреспонденции «Восточного обозрения». Красноярск // Восточное обозрение. 1884. 26 июля). В Красноярске конце XIX в. еврейское кладбище стало прибежищем для бродяг и нищих. После того как полиция стала устраивать облавы на харчевни, кирпичные сараи и другие места, где собирались нищие, бездомные и неизвестно чем занимавшиеся темные личности, часто беспаспортные или мелкие воры устраивались на работу караульными. Перед праздником красноярская полиция устроила облаву на еврейском кладбище. В результате было арестовано 8 чел., «принадлежавших к самым низким подонкам общества, без паспортов» (Местная хроника // Справочный листок Енисейской губернии (СЛЕГ). Красноярск. 1890. 7 янв.).

В сибирских городах в дореволюционный период использовались разнообразные способы борьбы с нищенством. От подачи милостыни до организации обществ попечения, устройства домов призрения и богаделен. Благотворительная помощь оказывалась в основном за счет частных лиц и общественных организаций. Роль государства в оказании поддержки населению, оказавшемуся за чертой бедности, была минимальной. Газеты, освещая злободневную проблему бедности на своих страницах, имели цель привлечь общественные силы на борьбу с нищенством. Признавая проблему нищенства, журналист «Енисея» писал: «Нищенство также старо, как старый мир. Происхождение нищенства есть неизбежный результат бедности». Далее он предлагал в деле борьбы с нищенством открывать городские и волостные попечительства, которые регистрировали бы всех бедняков. «С введением особых органов значительно облегчится борьба с профессиональным нищенством, – рассуждал автор, – тем, более, что последние ютятся, преимущественно в городах» (Корреспонденции «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1900. 5 янв.). Со стороны общественности, поступали предложения молодых и совершенно здоровых попрошаек отправлять в работные дома. Считалось, что там от них будет большая польза обществу (Местная хроника // Енисейский листок. Красноярск. 1893. 26 апр.).

Благотворительные учреждения в виде домов призрения и богаделен появились в пореформенное время за счет частных и общественных средств. На богоугодные дела жертвовали как отдельные лица, так и благотворительные организации. Частные лица жертвовали собственные дома, выделяли финансовые средства, занимались бесплатной раздачей продуктов питания, одежды, обуви и т. д. Крупные предприниматели могли пожертвовать солидные суммы для открытия и содержания богаделен. В 1887 г. енисейский купец П.Е. Фунтосов пожертвовал Енисейску большой каменный дом по Береговой улице напротив Воскресенской церкви. На первом этаже разместили богадельню для неимущих и престарелых граждан. На содержание богадельни меценат выделил 40 тыс. руб. (Корреспонденции «Восточного обозрения». Енисейск // Восточное обозрение. Томск. 1887. 2 июля). К концу XIX в. в городах Енисейской губернии насчитывалось 5 городских богаделен. В Красноярске и Енисейске были дома призрения для бедных детей (А.С. Статистический очерк Енисейской губернии в 1884 // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск. 1885. 24 дек.). На богоугодные дела жертвовали как отдельные лица, так и благотворительные организации. Н.К. Переплетчиков делал крупные пожертвования Синельниковскому благотворительному обществу, Обществу попечения начального образования, за его счет содержался ночлежный приют и др. (Местная хроника // Енисейский справочный листок (ЕСЛ). Красноярск. 1892. 29 марта).

Городские власти и общественность боролись с нищенством. Они принимали активное участие в открытии работных домов, богаделен, приютов, столовых, чайных, ночлежных домов и других по-

добных заведений. В 1880-е гг. в таких крупных городах как Иркутск устраивались дешевые столовые, там за несколько копеек голодный бедняк мог получить горячий обед. В Красноярске не было подобной столовой, хотя была острая необходимость. В ночлежном доме за 3–5 коп. можно было провести ночь. Если не было денег, то нищим приходилось провести свой ночлег на навозных кучах (М. Корреспонденции из Красноярска // Сибирь. Иркутск. 1885. 1 янв.).

В начале XX в. с целью поддержки беднейших слоев населения в Красноярске открылась бесплатная столовая. Она содержалась за счет Синельниковского благотворительного общества и городского бюджета. В 1902 г. на годовое содержание столовой было выделено всего 1200 руб. Однако выделенных средств хватило только до октября и Синельниковское благотворительное общество обратилось с ходатайством к городским властям о поддержке столовой. Городская дума смогла выделить всего 125 руб. на следующий месяц (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1902. 26 апр.). В это время в Енисейске было несколько благотворительных обществ. Примерно на 1 тыс. чел. приходилось по одному благотворительному обществу. Общество пособия бедным под председательством Е.С. Захаровой организовывало бесплатные обеды для бедных и ночлежные приюты для бездомных (Местная жизнь // Красноярец. Красноярск. 1908. 11 дек.).

Во всех сибирских городах для бездомных устраивались ночлежные приюты. В дешевых ночлежках постоялец испытывал массу неудобств. Как правило, в тесной комнатке на полу и небольших нарах без подстилки и покрывал лежали 30 человек, прикрытые собственными лохмотьями. Трактиры, харчевни и подобные заведения становились пристанищем для бесприютных людей. При полицейском обыске красноярской харчевни на Песочной улице было выявлено, что завсегдатаями данного заведения являлись ссыльные и опустившиеся личности. Приют в харчевне находили обнищавшие мещане и чернорабочие, а также чиновники, потерявшие службу из-за злоупотребления алкоголем. Как правило, местных мещан отправляли в полицейский участок для выяснения личности. В 1888 г. красноярская полиция запретила харчевникам устраивать ночлег (Корреспонденции «Восточного обозрения». Красноярск // Восточное обозрение. Томск. 1888. 4 дек.).

Некоторые ночлежные дома пользовались дурной репутацией и находились под контролем полиции. В Енисейске нищие находили себе приют в грязном притоне при доме Дементьева, а также в грязных кабаках, помещенных в общественных домах. Эти притоны располагались на Набережной улице, позади гостиного двора напротив публичной библиотеки и музея. Все лица, не имевшие определенных занятий и крова, целыми днями толпились в этих притонах и кабаках. Местные жители заметили, что «где бы ни случилась кража, грабеж и убийство, прежде всего едут с поисками сюда» (Корреспонденции «Восточного обозрения». Енисейск // Восточное обозрение. Томск. 1887. 2 июля). Поповский ночлежный дом за р. Кача в Красноярске стал «гнездом распутства и сбора шайки мошенников». Некто Терских арендовал у Попова дома и работал у него же целовальником в питейном заведении. Ночлег предлагался всего за 5 коп. Обычно в этой ночлежке собирались подозрительные личности, которых никуда не пускали ночевать. Всю ночь они могли провести в пьянстве или за игрой в карты. Ночные посиделки не обходились без женщин – «кабачных сильфид». Хотя Терских рекламировал приют как «дешевый и уютный», гарантий, что гостей там не ограбят, он не давал. В питейном доме принимались ворованные вещи и деньги. Терских благоволил ночлежникам и отпускал водку или пиво круглосуточно, не взирая на то, что в 10 часов вечера питейные заведения должны быть закрыты (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1902. 20 окт.).

Часто дешевые ночлежные приюты превращались в притон «пьяной голытьбы и женщин легкого поведения». Многие нищие находили там себе постоянный приют, «превратив временный ночлег в постоянные квартиры» (Корреспонденция «Енисея» // Енисей. Красноярск. 1898. 23 сент.). Подобным ночлежкам постоянно сопутствовали пьянство, ругань и драки. Обыватель отмечал, что

«трезвому безработному люду, пользующемуся такими ночлежками, становится небезопасно (Местная хроника // Красноярский вестник. Красноярск. 1910. 8 янв.). Количество завсегдатаев в ночлежках было сезонным. Постояльцы ночлежек, прибывшие из деревень, в холодные зимние дни промышляли подаянием, а ночи проводили в ночлежках. В летнее время крестьяне отправлялись в деревню на сенокос. В городе оставались только горькие пьяницы и лентяи. В ночлежках сразу становилось меньше постояльцев. Так, например, в ночлежном доме А. Петрова в зимнее время ночевало не менее 50 чел., летом – 20 чел. Там подавали бесплатный кипяток. Комнаты содержались чисто и опрятно, в течение дня помещения проветривали. Женщины редко пользовались приютом ночлежных заведений (Местная жизнь // Красноярец. Красноярск. 1908. 1 авг.).

В целом, в дореволюционное время такие социальные проблемы общества как бедность и нищета получили широкое освещение в сибирской прессе. Исходя из газетных публикаций, можно сделать вывод о том, что нищенство стало неотъемлемой частью повседневной жизни городов Енисейской губернии в рассматриваемый период. Журналисты, описывая будни социального дна городского общества, призывали читателей не оставаться безучастными к судьбе обездоленных и нуждавшихся слоев населения. Периодическая печать, обращая внимание на нужды бедняков, разграничивала действительно обездоленных от профессиональных нищих, сделавших попрошайничество средством легкой наживы.

Библиографический список

Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995. 320 с.

Броднева А.В. Из истории красноярской журналистики XIX – начала XX вв. // Енисейской губернии – 180 лет. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2002. С. 156–160.

Быков А.А. Нищенство в Сибири как социокультурное явление: причины и способы предотвращения (XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 27–30.

Голосенко И.А. Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социс. 1996. № 7. С. 27–35.

Гонина Н.В. Периодическая печать г. Красноярска как исторический источник (1857–1917 гг.) // Духовно-исторические чтения. Красноярск: КрасГАСА, 1998. С. 53–57.

Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2010. 402 с.

Кискидосова Т.А. «Есть город золотой…»: Повседневная жизнь Енисейска на страницах сибирских газет во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 109–113.

References

Berdnikov L.P. (1995) All Krasnoyarsk power: essays on the history of local government and self-government. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk book publishing house. 320 p. (In Russ.)

Brodneva A.V. (2002) From the history of Krasnoyarsk journalism. *Eniseiskoi provincii – 180 let: materially IV kraevedcheskih chtenii = The Yenisei Provinse – 180 years old: materials of local history readings.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. P. 156–160. (In Russ.)

Bykov A.A. (2004) Begging in Siberia as a socio-cultural phenomenon: causes and methods of prevention (XIXth – early XXth century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University.* No. 281. P. 27–30. (In Russ.)

Golosenko I.A. (1996) Poverty as a social problem (from the history of pre-revolutionary sociology of poverty). *Sotsialogicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 7. P. 27–35. (In Russ.)

Gonina N.V. (1998) Periodical press of Krasnoyarsk as a historical source. *Duhovno-istoricheskie chteniya = Religious and historical life.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk agricultural academy. P. 53–57. (In Russ.)

Zheravina A.N. (2010) Tomsk in the second half of the XIXth – early XX century (in the pre-revolutionary press). Tomsk: Tomsk State University. 402 p. (In Russ.)

Kiskidosova T.A. (2017) “There is a gold town”: Everyday life of Yeniseisk on the pages of Siberian newspapers in the second half of the XIX – early XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University.* No. 421. P. 109–113. (In Russ.)

Кискидосова Т.А. Материалы местной периодической печати как источник по истории повседневной жизни горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2019. С. 150–155.

Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Абакан: Бригантина-ООО Журналист, 2012. 312 с.

Комлева Е.В. «Уголок безжизненный и мрачный»: повседневная жизнь Туруханска по материалам периодических изданий Восточной Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Экономическое развитие Сибири: материалы сибирского исторического форума. Красноярск: Резонанс, 2016. С. 112–117.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1593 гг. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 888 с.

Максимова И.В. «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет»: освещение проблемы бедности в прессе г. Царицына конца XIX в. // История: Факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 18–26.

Максимова И.В. Царицынские трущобы и их обитатели на страницах газеты «Волжско-Донской листок» (Очерки с натуры) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сборник материалов Междунар. науч. конф. СПб.: Культурно-просветительское тов-во, 2018. С. 197–202.

Миханев А.П. Красноярск: интересная история! Очерки обыденной жизни. Красноярск: Сибирь-Медиа, 2003. 64 с.

Миханев А.П. Периодическая печать Красноярска во второй половине XIX – начале XX века. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1999. 122 с.

Симонова Н.Б. Информационное пространство Сибири второй половины XIX века: особенности формирования // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11. Вып. 11. С. 11–19.

Тюльканова Е.И. Из истории частных периодических изданий г. Красноярска конца XIX – начала XX в. // Книжная культура Сибири: материалы региональной научно-практической конференции. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2006. С. 66–72.

Kiskidosova T.A. (2019) The materials of the local periodical as a source on the history of everyday life of the townspeople of the Yenisei province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Prirodno-geograficheskie factory* v *povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istotiya i sovremennost' (regional'nyj aspect) = Natural and geographical factors in the daily life of the population of Russia: history and modernity (regional aspect).* St. Petersburg: Cultural and educational partnership. P. 150–155. (In Russ.)

Kiskidosova T.A. (2012) The everyday life of citizens of the Yenisei province in the second half of the XIXth – early XX century. Abakan: Brigantina-Journalist. 312 p. (In Russ.)

Komleva E.V. (2016) "The corner is lifeless and gloomy": Turukhansk's daily life based on materials from periodicals in Eastern Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri:materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma = Economic development of Siberia: materials of the Siberian historical forum.* Krasnoyarsk: Resonance. P 112–117. (In Russ.)

Kytmanov A.I. (2016) Brief chronicle of the Yenisei district and Turuhansk region of the Yenisei province. 1594–1593. Krasnoyarsk: Publishing house of the Siberian Federal University. 888 p. (In Russ.)

Maximova I.V. (2019) Need jumps, need dances, need sing songs: coverage of the problem of poverty in the press of Tsaritsyn at the end of the XIX century. *Istoria: fakty i simvoly = History: facts and symbols.* No. 4 (21). P. 18–26. (In Russ).

Maximova I.V. (2018) Tsaritsyns slums and their inhabitants on pages of the newspaper «Volzhsko-Donskoj Listok» (Essays from nature). *Chastnoe i obshhestvennoe v povsednevnoj zhisni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspect) = Private and public in daily life of the population of Russia: history and present time (regional aspect).* St. Petersburg: Cultural-prosvet. tovarishhestvo. P. 197–202. (In Russ.)

Mihanev A.P. (2003) Krasnoyarsk – interesting history! Essays on everyday life. Krasnoyarsk: Sibir'-Media. 64 p. (In Russ.)

Mihanev A.P. (1999) The periodical press of Krasnoyarsk in social and political life of the second half of the XIXth – early XXth centuries. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 122 p. (In Russ.)

Simonova N.B. (2012) Formation of the information environment of Siberia in the second half of the XIX century. *Vestnik Novosibirskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State University.* Vol. 11 (11). P. 11–19. (In Russ.)

Tyl'kanova E.I. (2006) From the history of private periodicals in Krasnoyarsk at the end of the XIXth century. *Knizhnaya kul'tura Sibiri: materialy regional'noy nauchno-istoricheskoi konferentsii = Book culture of the Siberia: materials regional scientific and practical conference.* Krasnoyarsk: State Universal scientific library. P. 66–72. (In Russ.)

Храмцов А.Б. Особенности повседневной жизни сибирского населения в конце XIX – начале XX века (по публикациям газет региона) // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 147–151.

Чмыхало Б.А. К истории становления печати в Енисейской губернии // Из истории литературы Сибири. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1976. Вып. 1. С. 45–49.

Шевцов В.В. «Енисейские губернские ведомости» – забытая газета Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 1 (27). С. 41–49.

Шевцов В.В. Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории современности: методология, методика и практики исследования. Томск: Томский государственный университет, 2015. С. 131–142.

Khramtsov A.B. (2014) Features of everyday life of the Siberian population in the late XIX – early XX century (according to publications of Newspapers in the region). *Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of the Ugry Studies.* No. 2 (17). P. 147–151. (In Russ.)

Chmyhalo B.A. (1976) To history of periodical of the Yenisei province. *Is istorii literatury Sibir =. From history of literature of Siberia.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk book publishing house. Iss. 1. P. 45–49. (In Russ.)

Shevtsov V.V. (2014). "The Yenisei provincial sheets" – the forgotten newspaper of Eastern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta =* Bulletin of the Tomsk State University. No. 1 (27). P. 41–49. (In Russ.)

Shevtsov V.V. (2015) Siberia and Siberians on the pages of the provincial sheets. *Chelovek v menyaushchemsya mire. Problemy identichnosti v istorii I sovremennosti = The man in the change peace. The problems identification in the history of the modernity.* Tomsk: Tomsk State University. P. 131–142. (In Russ.)

Критерии авторства

Т.А. Кискидосова выполнила исследовательскую работу, основанную на изучении материалов региональной прессы, проанализировала их, осуществила обобщение и подготовила рукопись к печати. Имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

T.A. Kiskidosova has got the research work, based on the materials of local press, analyzed them, and made a compilation, prepared the manuscript for printing. She has copyrights on article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Кискидосова Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук, заведующая сектором истории,
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, Россия,
✉ e-mail: tak_74@mail.ru

Information about the author

Tatyana A. Kiskidosova,
Cand. Sci. (History), Head of Department of History,
Khakass research Institute of Language, Literature and History,
23, Shchetinkin street, Abakan, 655017, Russia,
✉ e-mail: tak_74@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 271.2(47)-86
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-207-219

Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и ее историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и др.)

© А.С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена концепции религиозного раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова, ее месту в отечественной историографии. В работе раскрывается теоретико-методологическая основа труда ученого, его формирование в ходе историографического исследования публикаций историков раскола Н.Ф. Каптерева, А.П. Щапова, И.И. Каблица (Юзова), П.С. Смирнова, Е.Е. Голубинского, Н.И. Костомарова, Н.Н. Фирсова, И.Н Харламова, А.И. Розова, и создание собственной доктрины старообрядчества. Плеханов, опираясь на марксистскую парадигму научного исследования, критиковал труды своих предшественников. Он отвергал клерикально-охранительную литературу, полемизировал с демократической концепцией А.П. Щапова, «культурологической» доктриной Н.И. Костомарова и др. Формируя новый взгляд на отечественную историю, философ, исповедовал материалистическое представление об историческом процессе, защищал тезис о первичности бытия и вторичности сознания, исходил из того основного положения исторического материализма, что «не сознание определяет бытие, а бытие сознание». Ученый строил новую концепцию истории отечественной мысли в процессе исследования путем введения доктрины Маркса в научный оборот. Оперируя марксизмом как теорией и методом, он раскрывал эвристическое значение обновленного методологического инструментария. Историк исторической науки показал предельные возможности раскола как демократического протеста и по-своему обосновывал принадлежность старообрядчества к «старой Руси». Теоретические установки Плеханова, метод изучения религиозной составляющей жизни социума, староверия уводили исследователя от внутренней истории раскольнической общины, ориентировали ученого на последовательное обличение старообрядчества, его носителей, их идеологии, критику научной историографии проблемы. Этот взгляд лег в основание одного из направлений советской школы раскола.

Ключевые слова: историография, раскол Русской православной церкви, клерикально-охранительная концепция, концепция государственной школы, демократическая концепция, марксистская парадигма, Г.В. Плеханов, Н.Ф. Каптерев, А.П. Щапов, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев

Информация о статье: поступила в редакцию 18 мая 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 15 июня 2020 г.; принята к публикации 6 июля 2020 г.

Для цитирования: Маджаров А.С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и ее историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и др.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 207–219. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-207-219

The doctrine of the split of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its historiographical sources (N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, etc.)

© Alexander S. Madzharov

Irkutsk state University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the concept of the religious schism of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its place in Russian historiography. The paper reveals the theoretical and methodological basis of the scientist's work, Its formation in the course of a historiographical study of the publications of the schism historians N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, I.I. Kablits (Yuzov), P.S. Smirnov, E.E. Golubinsky, N.I. Kostomarov, N.N. Firsov, I.N. Kharlamov, A.I. Rozov, and the creation of their own doctrine of the

old believers. Plekhanov, relying on the Marxist paradigm of scientific research, criticized the works of his predecessors. He rejected clerical and protective literature, polemicized with the democratic concept of A.P. Shchapov, the "cultural" doctrine of N.I. Kostomarov, and others. Forming a new view of Russian history, the philosopher professed a materialistic view of the historical process, defended the thesis of the primacy of being and the secondary nature of consciousness, proceeded from the basic position of historical materialism that "not consciousness determines being, but being consciousness". the Scientist built a new concept of the history of Russian thought in the process of research, by introducing the Marx doctrine into scientific circulation. Using Marxism as a theory and method, he revealed the heuristic value of the updated methodological tools. The historian of historical science showed the extreme possibilities of schism as a democratic protest, and in his own way justified the belonging of the old believers to "old Russia". Plekhanov's theoretical attitudes, the method of studying the religious component of social life, old believers, led the researcher away from the internal history of the schismatic community, oriented the scientist to a consistent denunciation of the old believers, their carriers, their ideology, and criticism of the scientific historiography of the problem. This view formed the basis of one of the directions of the Soviet school of schism.

Keywords: historiography, the Split of the Russian Orthodox Church, clerical and protective concept, public school concept, democratic concept, Marxist paradigm, G.V. Plekhanov, N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, S.M. Solovyov

Article info: received May 18, 2020; revised June 15, 2020; accepted July 6, 2020.

For citation: Madzharov A.S. (2020) The doctrine of the split of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its historiographical sources (N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, etc.). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 207–219. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-207-219

Проблема религиозного раскола в отечественной историографии

История религиозного раскола Русской православной церкви в отечественной историографии изучалась представителями разных научных направлений. В период возникновения старообрядчества были намечены главные черты клерикально-охранительной концепции событий. Эта доктрина раскола доминировала и в историографии XVIII – первой половины XIX в. (Маджаров, 2005 С. 48–52). Основы официального (охранительного) направления в историографии старообрядчества были заложены Василием Никитичем Татищевым (1686–1750). Он охарактеризовал начальный период раскола в «Истории Российской» и дал ряд оценок событиям и людям, причастным к протесту, в специальном исследовании (Татищев, 2016. С. 207; Татищев, 1979; Маджаров, 2019. С. 67–76). Официальной доктрины раскола придерживался Н.Г. Устрялов (Маджаров, 2005. 52–55).

В 60-е гг. XIX в. А.П. Щаповым была создана демократическая концепция старообрядчества (Маджаров, 2005. С. 55–68; 205–212).

В советский период особенно значимыми в теоретическом плане, на наш взгляд, были публикации А.И. Клибанова, Н.Н. Покровского и др. (Клибанов, 1978. С. 3–55).

Н.А. Бердяев исследовал старообрядчество в рамках экзистенциального (от лат. existentia – существование) направления философии истории, опираясь на традицию русской мысли XIX – начала XX в. (Маджаров, 2014. С. 32–43). Проблема раскола интересовала В.В. Зеньковского, который рассмотрел ее в первом томе «Истории русской философии», опубликованном в 1948 г. в Париже (Зеньковский, 1991. С. 52–54).

С марксистских позиций взглянул на раскол Русской православной церкви Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918). Его творческое наследие привлекало внимание ученых в дореволюционной, советской и постсоветской литературе. В новейшее время о нем писали историки, философы, экономисты, отечественные и зарубежные авторы Ю.М. Москаленко, С.В. Тютюкин А.А. Чернобаев, В.Н. Соколов, О.К. Цапиева, Ф.С. Коротаев, Т.И Филимонова, С.Х. Бэрон, И. Гетцлер и др.

Ученых интересовал вклад классика марксизма в изучение философии, истории, культуры, отечественной общественной мысли. При этом концепция религиозного раскола, созданная Плехановым, осталась за пределами специального изучения (Сибир-

кина, 1993. С. 4–11[1]; Тулякова, 2013. С. 4–6[2]; Покидченко, 2017). Она не рассматривалась в историографических обзорах монографий (Апанасенок, 2008; Апанасенок, 2010; Куприянова, 2010), научных статей (Бородкин, 2009; Кущенко, 2016) и диссертационных работ, посвященных старообрядчеству (Савенкова, 2004. С. 6–12[3]; Апанасенок, 2010. С. 9–14[4]; Егорова, 2012. С. 3–7[5]; Мельников, 2015. С. 4–6[6]; Куприянова, 2018. С. 3–32[7]).

А в исследованиях по историографии раскола и в отдельных работах по расколу лишь кратко упоминалась. (Быковская, Черных, Злобин, 2011; Кущенко, 2016; Хирьянова, 2009. С. 4[8]).

В отечественной историографии не было создано специального исследования, посвященного неотъемлемому факту истории исторической науки – взглядам историка и философа Плеханова на старообрядчество.

Отсутствие в современной литературе внимания к упомянутому сюжету творческого наследия ученого и общественного деятеля, избирательный интерес к его трудам, вели к изъятию марксистской системы взглядов на это явление из исторического контекста, к упрощению истории исторической мысли. За пределами исследования оставался процесс создания доктрины религиозного раскола Русской православной церкви ученого, ее содержание, связи с текущей литературой и влияние на будущую советскую историографию.

В данной работе предполагается рассмотреть становление концепции Плеханова в историографическом контексте, в диалоге с доктринами Каптерева, Щапова, Костомарова, а также высветить ее теоретико-методологические основы, заключения, оценки старообрядчества как исторического явления.

О происхождении труда Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли»

Г.В. Плеханов начал писать «Историю русской общественной мысли» в мае 1909 г., и работал над темой до Февральской революции 1917 г.

Трактат в виде отдельных томов публиковался в 1914–1916 гг. Исследование осталось незавершенным. Оно увидело свет и вошло в научный оборот уже при Советской власти. После смерти Плеханова, в 20-е годы XX в., «История» печаталась в его 24-томном собрании сочинений.

В новой работе ученый развивал марксистскую концепцию отечественной историографии, составной частью которой являлись его взгляды на религиозный раскол Русской православной церкви.

Теоретико-методологические основы исследования Г.В. Плеханова

Плеханов создавал историю отечественной исторической мысли как историограф, опираясь на труды предшественников – историков и обществоведов домарксистской школы, анализируя их, сравнивая с марксистской доктриной истории России, которую развивал сам, и выносил научный вердикт. Историографического подхода требовал предмет исследования – история науки, задача изысканий –

[1] Сибиркина И.Ю. Общественная мысль пореформенной России в оценке Г.В. Плеханова: автореф. дис. … на соискание степени канд. ист. наук. М., 1993. 18 с.

[2] Тулякова Е.В. Социально-философские проблемы в творчестве Г.В. Плеханова: автореф. дис. … на соискание учёной степени канд. философ. наук. М., 2013. 30 с.

[3] Савенкова С.Р. История развития правительственной и церковной политики по старообрядчеству в России с 1667 по 1800 гг.: автореф. дис. … на соискание степени канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. 24 с.

[4] Апанасенок А.В. Формирование и функционирование старообрядческих сообществ Центрально-Черноземного региона России : последняя треть XVII – начало XX века: автореф. дис. … на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Курск, 2010. 43 с.

[5] Егорова Г.С. Предпринимательская деятельность династий купцов-старообрядцев Владимирской губернии (вторая половина XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. … на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владимир, 2012. 26 с.

[6] Мельников И.А. Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества: автореф. дис. … на соискание ученой степени канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2015. 22 с.

[7] Куприянова И.В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. … на соискание степени д-ра ист. наук. Барнаул, 2018. 53 с.

[8] Хирьянова Л.В. Старообрядческая субкультура в современном российском обществе: автореф. дис. … на соискание ученой степени канд. филос. наук. Белгород, 2009. 18 с.

развенчание «идеалистов», и развитие марксистской концепции истории России. Соответствовали цели поиска и положенные в его основание историографические источники – труды ученых.

Формируя новый взгляд на отечественную историю, философ, исповедовал материалистическое представление об историческом процессе, защищал тезис о первичности бытия и вторичности сознания. «Я исходил из того основного положения исторического материализма, – разъяснял Плеханов свои теоретические постулаты, – что не сознание определяет бытие, а бытие сознание» (Плеханов, 1925. С. 9).

Ученый строил новую концепцию истории отечественной мысли в процессе исследования путем введения доктрины Маркса в научный оборот. Оперируя марксизмом как теорией и методом, он раскрывал эвристическое значение обновленного методологического инструментария. В предисловии к первой книге «Истории мысли» и в тексте работы ученый излагал и применял на практике основные положения материалистического теоретико-методологического подхода к анализу русской истории.

Конкретно-исторические основания для приложения нового взгляда к истории отечества Плеханов, вслед за Марксом, усматривал в факте существования капитализма в России. Законы «общества равных возможностей», по его мнению, подрывали утверждения «о самобытных путях нашего общественного развития», идеи «исторического идеализма» (Плеханов, 1925. С. 17). Напротив, авторитет материализма, как считал Плеханов, укреплялся. Историки, по его мнению, стали осознавать реальность существования причинной связи между «ходом вещей»… и «ходом идей» и переходить «на почву материализма» (Плеханов, 1925. С. 9, 257).

Философ-марксист отвергал религиозную идеологию. В своей публицистике и научных работах он критиковал религию и церковь. В частности, в небольшой заметке, увидевшей свет в 1907 г., с характерным названием «Ответ на анкету о будущности религии, проведенную журналом “Mercure de France”» один из основателей РСДРП утверждал: «Научное объяснение феноменов может быть только материалистическим … Религия … отживает. Что касается религиозного чувства, то…оно исчезает вместе с исчезновением религиозной идеи… Прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идеи и религиозному чувству» (Плеханов, 1957. С. 153).

Подлинно научный алгоритм изучения отечественной историографии историк-материалист, в противовес идеалистам, определял, как обнаружение в жизни, а затем и в предмете исследования взаимосвязи экономики, классовой борьбы и общественной мысли. Он и реализовывался в процессе научного поиска. «Экономическое развитие», при этом, рассматривалось ученым как первоэлемент, определявший «борьбу классов» в обществе, а классовая борьба, в свою очередь, виделась как катализатор движения мысли. Быстрое обновление экономики, по мнению Плеханова, способствовало развитию общественных идей, медленное – тормозило их «движение» (Плеханов, 1925. С. 136).

Историк мысли в ходе научных изысканий оценивал исторические взгляды своих предшественников – русских историков С.М. Соловьева, Н.П. Павлова-Сильванского, В.О. Ключевского, П.Н.Милюкова, М.Ф. Владимирского-Буданова, М.С. Грушевского, литературоведа В.А. Келтуялу, экономиста Н.И. Зибера и др., а также авторов литературных произведений по истории России – А. Курбского, И. Тимофеева, И. Пересветова и др. как «идеалистические».

Он доказывал, что теоретические представления историков государственной школы, славянофилов и тем более авторов литературных памятников, смотревших на жизнь с «религиозно-нравственной точки зрения», не учитывали основополагающей роли экономики в историческом процессе и не были в полной мере научными.

Плеханов создавал свою концепцию истории русской общественной мысли по канонам материалистической логики. Этой программой он руководствовался, интерпретируя и ее составную часть – историю и историографию религиозного раскола Русской православной церкви.

Цель исследования Г.В. Плехановым религиозного раскола Русской православной церкви

Теоретик марксизма не был историком раскола в узком смысле. Тема старообрядчества являлась фрагментом его обширного исследования по истории русской мысли и занимала ученого лишь как один из ее феноменов, и этапов на пути движения идей к «научному социализму».

Эти особенности происхождения исследования предопределили форму и содержание труда Плеханова о расколе.

Старообрядчеству как явлению русской жизни Плеханов посвятил XII главу «Истории», – поместив ее в раздел «Движение общественной мысли в допетровской Руси». Обществовед, в отличие от профессиональных историков раскола, не ставил своей задачей дать последовательное описание возникновения и развития движения. Об этом свидетельствует уже название главы о старообрядчестве – «Раскол как одно из выражений общественной мысли». В этом заголовке автор подчеркнул свое намерение разобрать не только сам феномен староверия, но и суждения о нем, представленные в исторической литературе.

Необходимость изучения старообрядчества в историографическом ключе, по мнению Плеханова, отразившемуся в содержании раздела, была вызвана теоретическими соображениями. Продолжать описательное повествование в духе традиционной историографии он не хотел. Философ, опираясь на труды предшественников, собирался высказать свои убеждения, показать, как он считал, слабость, ограниченность, историческую бесперспективность образа жизни и мысли, манифестируемую в староверии народом, преимущественно крестьянством.

Задача изучения раскола в контексте истории мысли, по мнению ученого, заключалась в том, чтобы вскрыть «тупики» идеалистической историографии, мешавшие, как он полагал, научно оценить это явление и представить в литературе марксистскую концепцию вопроса.

Во второй половине XIX века исследованием проблемы раскола с разных позиций занимались Н.Ф. Каптерев, А.П. Щапов, И.И. Каблиц (Юзов), П.С. Смирнов, Е.Е. Голубинский, Н.И. Костомаров, Н.Н. Фирсов, И.Н. Харламов, А.И. Розов и др.

Были изданы источники – «Житие протопопа Аввакума» и «Сборник правительственных сведений о раскольниках», составленный Ф. Кельсиевым.

Эти исторические и историографические источники легли в основание марксистской интерпретации раскола, представленной автором «Истории мысли».

Г.В. Плеханов о непосредственной причине возникновения раскола

Плеханов, как и его предшественники, прежде всего, высказался о непосредственных условиях возникновения религиозного движения. По этой теме существовала обширная клерикально-охранительная литература, представители которой видели причину раскола в «невежестве» старообрядцев, не желавших принять «истинный» обряд, установленный патриархом Никоном (Маджаров, 2005. С. 48–52).

Теоретик марксизма не пошел по пути клерикально-охранительной историографии и не вступал в прямую полемику по всему спектру теории раскола с историками этого направления. Однако он выделил важное обстоятельство, характеризующее не только форму, но и содержание протеста, отмеченное уже первыми исследователями религиозного движения. Речь шла о «формальном происхождение раскола», а именно о том факте, «что начало ему положено было исправлением религиозного обряда и некоторых богослужебных книг» (Плеханов, 1925. С. 332).

Опираясь на Каптерева, Плеханов констатировал, что «московский обряд был старше того обряда, во имя которого его отвергал Никон и который господствовал в XVII веке у православных греков» (Плеханов, 1925. С. 332).

Классик марксизма, поддерживая Каптерева, признал не только факт наличия формального основания начала раскола, ошибочность клерикально-охранительной, схоластической доктрины, но и, что важно отметить, соглашался с аргументацией раскольников.

Г.В. Плеханов о причинах раскола как проблеме

Пропагандист марксизма не был пионером темы старообрядчества. Критикуя ошибочные утверждения «идеалистов» и осваивая выработанные историками раскола представления, которые, по его мнению, намечали контуры правильной оценки процесса, он опирался на историографические источники.

Плеханов, вслед за демократической историографией, А.П. Щаповым, не сводил движение к внешней, обрядовой, схоластической стороне, а стремился раскрыть его суть, препарируя явление в марксистском контексте.

Историк мысли справедливо отвергал мнение историка церкви Н.Ф. Каптерева, который считал, что деятельность раскольников началась из-за «недоразумения и непонимания», и не имела серьезной почвы для продолжительного существования.

Многолетняя история жизни и полемики раскола действительно опровергала это заключение клерикальной литературы.

Он, вслед за демократической историографией, оспаривал тезис историка церкви и раскола П.С. Смирнова, считавшего, что в основании староверческого движения лежали только религиозные причины, а начал социальных, экономических не существовало.

Ученый не был согласен и с другими объяснениями причин появления раскола, в частности, такими, как тяга к «старине», «русская самобытность», полагая, что подобные доводы сами нуждаются в разъяснениях (Плеханов, 1925. С. 335).

Раскол как демократический протест: концепция А.П. Щапова

Формируя свой взгляд на старообрядчество, Плеханов обратил особое внимание на концепцию, принадлежащую, по словам самого теоретика марксизма, перу одного из основоположников народничества, историка демократического направления 50–70-х гг. XIX в. Афанасия Прокопьевича Щапова (1831–1876) (Плеханов, 1922).

Автор «Русского раскола» смотрел на жизнь «народа» изнутри, развивал демократический взгляд на потенциал и «механизм» отечественной истории. Он хотел высветить ее созидательные, федералистские начала и силы, проявившиеся в ходе колонизации, хотя видел и слабости демоса (Маджаров, 2005. С. 132–294).

Щапов, в отличие от предшествующей клерикально-охранительной и охранительной историографии, а также концепции раскола государственной школы С.М. Соловьева, впервые в отечественной исторической литературе поставил тему старообрядчества в реальные исторические рамки. Он рассмотрел ее преимущественно не как схоластическую, обрядовую, явление «консервативное» (по отношению к реформам Никона, Петра I), а как имеющую свою «правду» жизнь народа (религиозную и светскую), протест масс (Маджаров, 2005. С. 132–294).

Выпускник Иркутской семинарии и Казанской духовной академии в работе «Земство и раскол I» (1861) поставил вопрос об этом движении предельно широко, выявил и подчеркнул два его важнейших качества, и тем самым предопределил пути дальнейшего развития историографии проблемы.

Раскол, по определению Щапова, стал «*учением, толком согласием* земским, народным, **жизнью и историей массы народной**», основанными на старине религиозной и мирской (Щапов, 2001. С. 260) *(выделено автором – А.М.)*

Одновременно он представил старообрядчество как форму **народного протеста**, реализующего потребность сообщества в сохранении и защите религиозных и мирских ценностей, и раскрыл значение этой стороны движения (*выделено мной – А.М.*). Историк описал раскол как «могучую, страшную общинную оппозицию податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского», которая окормляла все народное недовольство, включая «стрельцов», «бунтовщиков Стеньки Разина» (Щапов, 2001. С. 258, 274).

Действительно у религиозных оппозиционеров и «светских» «бунтовщиков» второй половины XVII в. – выступавших с «мирными» и «революционными» требованиями к власти не было иной сравнительно доступной, и широко распространенной оппозиционной идеологии, на которую можно было опереться, кроме идеологии старообрядческой?

Противогосударственную суть старообрядчества подчеркивал и С.М. Соловьев. Но при этом он как проводник теоретической позиции государственной школы в историографии и собственных идеологических предпочтений не замечал интересов крестьян, а религиозных протестантов считал консерваторами (Маджаров, 2017).

Щапов, в противовес Соловьеву, интерпретировал старообрядчество как альтернативное, «созидательное движение народа» в XVII–XIX вв. – создание «новых общин, согласий, сходов, советов, соборов» – «федерации, союза общин» и осуществление новой колонизации, шедшее «помимо государева дела», – как государство в государстве (Щапов, 2001. С. 258, 259).

Плеханов апеллировал к сочинениям Щапова по расколу особенно часто. Его обращение было вызвано не только научными причинами. Теоретик марксизма, прибегая к трудам демократа XIX в., продолжал свое сражение с народнической идеологией. Предметом этого противоборства являлась, в частности, оценка потенциальных возможностей народных, преимущественно крестьянских масс как творцов истории.

Критическая оценка Г.В. Плехановым раскола как демократического протеста

Идеолог марксизма обращался к платформе демократической историографии раскола 60-х гг. XIX в. для того, чтобы дать ей материалистическую оценку, представить марксистское объяснение процесса.

Он сосредоточил внимание на одной стороне явления – расколе как оппозиции церкви и государству и с оговорками согласился с точкой зрения историка-демократа в квалификации староверия как демократического протеста, склонность к которому «трудящейся массы» порождалась «ее тяжелым положением» (Плеханов, 1925. С. 336).

Однако весь его последующий анализ заключался в том, чтобы развенчать народническую оценку этого процесса. Сторонник рабочего класса не разделял «народофильства» демократа XIX в., не видел в староверии позитивного потенциала, а также подлинных революционных ресурсов.

На выяснение слабостей раскола как протеста Плеханов и сосредоточился в своем исследовании. Нигилистическое отношение к селянам красной нитью проходило через все его размышления о старообрядчестве. Плеханов, многократно ссылаясь на исследования Щапова и на источники из его трудов, шел по пути планомерного развенчания народного движения и демократической концепции процесса.

Раскол как протест с точки зрения пролетарского революционера не был осмысленным, разумным выступлением народа. По его словам, опирающимся на установки марксизма, Щапов ошибался в том, что «взглянул на «вздохи» и «намеки» как на выражение *сознательного* демократического протеста, а между тем, *такого* протеста тогда не было и быть не могло» (Плеханов, 1925. С. 337).

Следуя по пути критики старообрядчества как протеста с позиций социал-демократии второго десятилетия XX века, историк-марксист дезавуировал и его «программу действий». Он подчеркнул, что раскол в своем перспективном плане «не нашел места … ни для чего, кроме старых обрядов», которые не имели ничего общего с демократизмом (Плеханов, 1925. С. 342).

Он соглашался со Щаповым, что под давлением государства крестьяне и посадские люди старались «избывать от тягла», «жить на воле» и «чиниться государеву указу непослушными». Но форма крестьянского сопротивления вызывала у Плеханова язвительную усмешку: люди податные, крепостные и служилые, вместо серьезной борьбы с режимом, «бежали … по белу свету» и собирались «в разные согласия». «В высшей степени замечательно, подчеркивал он, – что крайняя старообрядческая секта получила … название *странников,* или *бегунов»* (Плеханов, 1925. С. 354).

Носитель и пропагандист пролетарской идеологии критиковал раскольников-беспоповцев за непоследовательность, половинчатость их позиции в отношении царизма, а историков – демократов XIX в. – за ее одобрение. Ведь раскольники, по словам Плеханова, отказываясь молиться за царя, «отрицали не царизм, как учреждение, а только «неблагочестивых» царей», которые притесняли «правую веру» (Плеханов, 1925. С. 347). Такое «отрицание» иссле-

дователь, связывавший, в конечном счете, будущее страны с пролетарской революцией, естественно считал полумерой.

В чем же, по мнению Плеханова, заключалась истинная причина слабости религиозного протеста крестьянства в дореволюционной России? Марксистский, то есть, по убеждению исследователя, подлинно научный ответ на этот вопрос состоял в следующем: «Общественные условия не оставляли в Московском государстве никакого простора развитию общественного сознания» (Плеханов, 1925. С. 350). Они «заставляли оппозиционную мысль Московского государства смотреть *не вперед, а назад*»… Отнимали «у представителей оппозиции всякую возможность наметить для своей страны путь *поступательного, – а не попятного,–* движения» (Плеханов, 1925. С. 356).

В этом, на первый взгляд, справедливом марксистском заключении Плеханова, однако, не получал убедительного объяснения факт успешного экономического развития общины раскольников, отмеченный Щаповым, и подтвержденный самим Плехановым, а главное оставалось без комментариев противоречие между идеологией раскола, тянущей, по словам историка-марксиста «назад» и успешным капиталистическим движением общины раскольников «вперед»?

И.И. Костомаров: раскол как явление «новой Руси»

Плеханов не ставил задачей своего трактата рассмотреть весь спектр сочинений, представленный разными направлениями исследования раскола. Он обращался к полемике с «идеалистами» для продвижения своей концепции. С этой целью автор «монистического взгляда на историю» апеллировал к трудам историков церкви Каптерева, Смирнова, Голубинского, Н.Н. Фирсова, И.Н Харламова, А.И. Розова, историка Щапова и др.

Последовательно решая задачи своего исследования, коснулся он и публикаций Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). Этот историк и общественный деятель считал жизнь «народа», наряду с демократами 60-х гг. XIX в., его современниками Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, А.И Герценом, А.П. Щаповым важной составной частью истории России. Он, одновременно со Щаповым, выступал как федералист против централистского взгляда на историю России С.М. Соловьева.

Однако в литературе, общественном движении 60-х гг. XIX в. один из руководителей Кирилло-Мефодиевского братства не разделял позиции демократов, что подтверждал и самооценкой в «Автобиографии». В трудах о «народе» исследователь проявлял себя скорее как историк «повседневности», чем народофил, а в «Автобиографии» ругал «нигилизм» и «нигилистов».

В 1871 году в «Вестнике Европы» Костомаров опубликовал статью «История раскола у раскольников», в которой разобрал историческое сочинение старовера поморского согласия Павла Любопытного.

Задача, которую автор «Домашней жизни и нравов великорусского народа» ставил себе в этой работе, по его определению, заключалась в том, чтобы показать раскол как «своеобразную деятельность» русского народа «в области мысли и убеждения», раскрыть его как «явление народного умственного прогресса» (Костомаров, 1994. С. 265). Позже, в «Автобиографии» (1881) он писал о том, что хотел в исследовании «объяснить культурное значение великорусского раскола в духовной жизни русского народа» (Костомаров, 2008. С. 190).

Точку зрения историков клерикально-охранительного направления, согласно которой движение было проявлением «бессмысленной привязанности к букве», «к старине», порождением «невежества», Костомаров считал содержащей «долю правды». Однако он подчеркивал, что такой взгляд «односторонен и как все одностороннее несправедлив» (Костомаров, 1994. С. 265).

Механизм, породивший раскол, Костомаров видел в особенностях отечественной религиозности. Согласно его оценке, православие вошло в русскую жизнь не как учение, а как обычай. Со временем уклад религиозной и светской жизни, пришедший на смену язычеству, стал естественным и неизменным как восход солнца. Таким он воспринимался каждым новым поколением. Отцы и дети шли за дедами и прадедами, соблюдали и берегли обычай (Костомаров, 1994. С. 266).

Раскол, по мнению Костомарова, явился, как реакция на попытку вмиг разрушить привычный обиход религиозной и светской жизни.

Переворот совершила «новая», еще не «ознаменованная Божьей благодатью», церковь. Она разорвала связь с прошлым, предала анафеме «старую» церковь, которая проявляла «чудеса, святость».

Раскольники отвергли «новые книги» и обряды, сохранили верность «старой» церкви, и остались при своих исконных «формах жизни духовной и общественной» (Костомаров, 1994. С. 265, 286).

Костомаров, вслед за Щаповым утверждал, что народ вынужден был составить религиозную «оппозицию» властям под воздействием не только религиозных побуждений, но и «общественных условий века». Однако, в отличие от историка-демократа, не считал раскол связующей идейной нитью всех оппозиционных движений (Костомаров, 1994. С. 290).

Выпускник Харьковского университета рассматривал тему протеста как сопутствующую, а интересовался, прежде всего, старообрядчеством как показателем «народного умственного прогресса» (Костомаров, 1994. С. 265).

Он подчеркивал, что сторонники «старой веры» оказались в положении «протестантов, защищая привычный обряд. Необходимость охраны знакомого обихода потребовала от них учебы. Историк, вслед за Щаповым, доказывал, что раскол утверждался и сохранялся путем просвещения своих адептов и, по мнению ученого, на этом пути, многого достиг.

Автор «Русской истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей», ссылаясь на мнение оппонентов раскола – православных христиан, оставшихся в лоне официальной церкви, доказывал, что старообрядцы отличались от обычных поселян высокой нравственностью – честностью, добросердечностью, аккуратностью в делах; верностью своему слову, которое было тверже письменного договора (Костомаров, 1994. С. 291).

Потребность сохранить «дедовский обычай», подчеркивал Костомаров, «расшевелила спавший мозг русского человека», «расширила его кругозор» (Костомаров, 1994. С. 265). Он стал мыслить, обобщать, делать умозаключения. Эта умственная подготовка защитника «старины» сказалась на всех сферах его деятельности, в частности, отразилась в экономике. Раскольники успешно адаптировались к новым условиям, богатели (Костомаров, 1994. С. 290).

В результате сплоченности на почве религии и быта, умственного и нравственного саморазвития старообрядцы стали людьми «нового времени», в то время как носителями духа «старой Руси», ушедшей эпохи, по словам историка, остались «правоверные простолюдины», сторонники «никонианской» церкви. Раскол, заключал Костомаров, – был явлением «новым, чуждым старой Руси» (Костомаров, 1994. С. 291).

Г.В. Плеханов: раскол как явление «старой Руси»

Плеханов обратился к творчеству Костомарова в контексте развития темы и логики развенчания религиозного протеста, опираясь на марксистские теоретико-методологические постулаты и конкретно-исторические констатации, уже высказанные в своем исследовании. Продолжая собственные критические изыскания, он, вслед за опровержением построенной на вере в народ концепции Щапова, оспорил центральный тезис статьи Костомарова о расколе как феномене «новой Руси».

«Невозможно считать раскол, как это делает Костомаров, явлением, чуждым старой Руси, – подчеркнул Плеханов, – в нем лучше, выпуклее, ярче, нежели в чем-либо другом, выразила свою духовную природу именно *старая* Московская Русь» (Плеханов, 1925. С. 354).

Для доказательства этого утверждения историк-марксист повторил материалистическую оценку учения раскола. Он заметил, что, борьба «с общественным злом» предполагает уяснение его действительных источников. А «старообрядческая идеология», по его убеждению, не позволяла установить подлинные причины тяжелого положения народа (Плеханов, 1925. С. 353).

Свои заключения о концепции раскола Костомарова Плеханов строил, препарируя ее с помощью марксистской логики, опираясь на идею взаимосвязи экономики, политики и мысли. Он подчеркивал, что «общественное сознание определяется общественным бытием» (Плеханов, 1925. С. 353). Этот тезис

конкретизировался аналитиком применительно к теме исследования. По его словам, «социально-политические отношения Московского государства», московской «вотчинной монархии» ухудшали «общественные условия умственной деятельности народа», «обусловили «поразительную слабость общественного самосознания», которая проявилась в «борьбе масс за старую веру».

Поэтому раскол, резюмировал Плеханов, «являлся … органом народного застоя, а вовсе не прогресса». Невозможно его считать, как это делает Костомаров, «явлением, чуждым старой Руси; в нем лучше, выпуклее, ярче, нежели в чем-либо другом, выразила свою духовную природу именно *старая* Московская Русь…ярче всего выразилась националистическая реакция против поворота к Западу» (Плеханов, 1925. С. 353, 354, 332).

Г.В. Плеханов о расколе «как протесте»

Идейно-теоретические возможности русских книжников второй половины XVII–XIX вв. в деле осмысления религиозной, политической и экономической ситуации в стране, своего положения и возможных путей его улучшения, Плеханов считал неадекватными, а концепции историков раскола, своих предшественников, не дающими научного ответа о сути протеста и его месте в истории России.

Цель его штудий носила не только научный, но и политический характер – ученого интересовали практические возможности религиозной оппозиции режиму. Влияние политических, прикладных интересов вело исследователя к сужению фронта изысканий.

Историк общественной мысли, опираясь на постулаты марксистской доктрины, пытался углубить понимание причин раскола, дать анализ этого масштабного процесса. А главную задачу исследования он видел в оценке преимущественно одной стороны явления – протестной.

Исследователь старообрядчества стремился раскрыть данный исторический феномен в контексте «прогрессивного» следования страны по пути капитализма. Как апологет новой доктрины Плеханов прогнозировал рост числа рабочих в стране и развитие социалистического движения. Воплощением предельных демократических возможностей для него являлся революционный потенциал пролетариата. Он заключался как в характере объективных интересов трудящихся (нечего терять, кроме цепей), так и в наличие у рабочего класса «самой верной» общественной теории.

Указанный идеал выполнял в его исследовании критериальную функцию. Глядя в свете «научной» идеологии на религиозный протест крестьян второй половины XVII–XIX вв., ученый оценивал это идейное и колонизационное (освоение) движение как «тупую приверженность к старому обряду и букве» (Плеханов, 1925. С. 338).

В марксистском, материалистическом анализе Плеханова заключались теоретические возможности, отсутствовавшие в доктринах его предшественников. Этот потенциал позволил историку выяснить ресурсы данного религиозного движения крестьян как протеста, их предельные возможности. Полученные выводы имели и политическое значение – они склоняли ученого и политика к скептической оценке крестьянства как союзника рабочего класса.

Однако материалистическая, обличительная мерка, используемая мыслителем для исследования религиозного движения крестьян, была односторонней. Проблема движения – протеста, как тема прикладная, касалась одного аспекта явления. Протест направлялся вовне, характеризовал пограничную сторону жизни старообрядцев, его взаимодействие с «внешним миром», властью. Но такой подход к расколу не позволял видеть историку всех его граней. Критические замечания Плеханова о «качестве» религиозной оппозиции раскрывали ее внешнюю, «объективную» сторону, не касаясь внутреннего саморазвития раскольнической общины – носителя религиозных ценностей.

Действительно, раскольники не боролись, как этого требовала жизнь, с царизмом. Но верующие старообрядцы в силу своего религиозного мировоззрения не ставили и не могли ставить первоочередной задачей «протеста» улучшение «мирской» жизни, и тем более стремиться к ее революционному преобразованию, особенно путем насилия, кровопролития.

Первичными для них всегда были религиозные, обрядовые, наконец, нравственные требования, а мирские противоречия оставались вторичными, следствием нарушений нравственного закона.

Раскольники хотели жить и жили по своим религиозным и мирским понятиям. Отвергающий этот мир метод Плеханова лишал исследователя возможности понять его внутреннюю логику.

Г.В. Плеханов о расколе «как жизни» народа

Плеханов кратко затронул в исследовании и вопрос истории раскола как «жизни народа». Он коснулся эволюции крестьянского хозяйства староверов от московской «вотчинной монархии» до капитализма начала XX в. Ученый справедливо заметил, что оппозиционерам, поселившимся в «пустыне», «невозможно было довольствоваться приятным чистым воздухом и птичьим свистом, а нужно было жить». Историк констатировал вслед за Щаповым, и в его духе, что раскольники «на новых местах» образовали «большие поселки» и достигли «высокой степени благосостояния», «нажили свои, порой очень большие, капиталы» (Плеханов, 1925. С. 359, 360).

Что же, по мнению классика марксизма, помогло религиозным диссидентам добиться экономического успеха? Он считал, что их хозяйственные победы были обеспечены действием объективных факторов. «Естественные богатства «пустыни» и отсутствие государственного гнета, подчеркивал Плеханов, – помогали переселенцам достигать «на новых местах» гораздо более высокой степени благосостояния» (Плеханов, 1925. С. 359).

Но признание факта появления у раскольников «больших капиталов», в результате экономического развития страны, ставило под вопрос тезис марксиста о расколе – как «явлении старой Руси»? Очевидно, что достичь «высокой степени благосостояния», «нажить очень большие капиталы» раскольники могли только на пути «прогрессивного» (терминология Плеханова) экономического развития?

В свете сказанного закономерно возникал и вопрос о том, какую роль в экономическом успехе старообрядцев играли идеология, нравственные установки носителей старой веры?

Ученый вынес свое заключение о роли старой веры в развитии политического протеста. Он интерпретировал раскол «как «орган народного застоя», а его философию» XVII в. квалифицировал как «замороженную» в своем первозданном виде. «Старообрядство, по его словам, – так мало подвигалось вперед, что его идеологи в течение последующих столетий продолжали держаться в сущности той же самой точки зрения, на которую они встали в XVII веке» (Плеханов, 1925. С. 345).

А каким было влияние религиозных установок на экономическое развитие старообрядческой общины? Или уклад жизни старообрядцев не сказывался на их хозяйстве, его эволюции?

Ответ очевиден. Согласно всему строю доктрины Плеханова о расколе, старая вера, религиозная установка не могли играть позитивной роли в процессе экономической трансформации старообрядческой общины, а развитие шло вопреки «отсталой» идеологии, независимо от нее?

Однако прямого вопроса о характере конкретно-исторического взаимодействия идеологии и экономики в жизни раскольнической общины Плеханов не ставил и, соответственно, не дал не него ответа.

Историк и философ, вопреки собственной теоретической установке на корреляцию, разрывал взаимосвязь двух неразрывно связанных сторон эволюции раскольнической общины – идеологической и экономической. Негативно решая вопрос о роли религиозной позиции старообрядцев в экономической эволюции религиозной общины, исследователь фактически снимал его с научной повестки.

Заключение

Плеханов, опираясь на марксистские теоретико-методологические постулаты, подверг критике всю предшествующую «идеалистическую» литературу по расколу. Его теоретическая установка предопределила ракурс исследования. Он оставил за пределами историографического сочинения внутреннюю историю раскольнической общины, эволюцию ее идеологии, экономики, «повседневной» жизни.

Материализм пропагандиста марксизма, его атеизм, представления о «законах истории», имевшие сильные стороны при анализе экономики, клас-

совой структуры общества, в исследовании религиозной составляющей жизни социума, старообрядчества оборачивались критикой, отрицанием.

Они снижали возможность «объективно» исследовать «внутреннюю религиозную жизнь народа» – раскольников, не давали шанса даже предположить в ней наличие «здравого смысла», вели к последовательному обличению старообрядчества, что не способствовало раскрытие его сущности, было отступлением от лучших демократических традиций историографии раскола XIX в. В бескомпромиссной критике старой веры неожиданно сблизились два фланга исследования, находившиеся на противоположных полюсах – клерикально-охранительный и марксистский, представленный концепцией Плеханова. Доктрина Плеханова легла в основание одного из направлений советской школы религиозного раскола.

Библиографический список

Апанасенок А.В. Религиозные диссиденты в российской провинции: очерки истории духовных движений Курской губернии в конце XVIII – начале XX века. Курск: КГТУ, 2010. 200 с.

Апанасенок А.В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX века. Курск: КГТУ, 2008. 303 с.

Бородкин А.В. Общины старообрядцев-капитонов центральной России в 50–60-е гг. XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9. С. 103–108.

Быковская Г.А., Черных В.Д., Злобин А.Н. Проблемы взаимоотношений государства и церкви: историография церковного раскола XVII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 198–202.

Зеньковский В.В. История русской философии. Ленинград : Эго, 1991. 221 с.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М.: Наука, 1978. 343 с.

Костомаров Н.И. Автобиография // Домашняя жизнь русского народа. М.: Эксмо, 2008. С. 5–221.

Костомаров Н.И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. 608 с.

Куприянова И.В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX века / И.В. Куприянова. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010. 247 с.

Кущенко С.В. Из истории раннего старообрядчества // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 74–76.

Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В.М. Посохина, 2005. 528 с.

Маджаров А.С. История России в теории цивилизаций: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.

Маджаров А.С. Развитие концепции религиозного

References

Apanasenok A.V. (2010) Religious dissidents in the Russian province: essays on the history of the spiritual movements of the Kursk province in the late 18th – early 20th century. Kursk: KGTU. 200 p. (In Russ.)

Apanasenok A.V. (2008) “Old Faith” in the Central Black Earth Region: XVII – early XX century. Kursk: KGTU. 303 p. (In Russ.)

Borodkin A.V. (2009) Communities of Old Believers-Capitons of Central Russia in the 50–60s of XVII century. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Bulletin of Belgorod State University.* No. 9. P. 103–108. (In Russ.)

Bykovskaya G.A., Chernykh V.D., Zlobin A.N. (2011) Problems of the relationship between the state and the church: historiography of the church schism of the 17th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* Vol. 13. No. 3. P. 198–202. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. (1991) History of Russian philosophy. Leningrad: Ego. 221 p. (In Russ.)

Klibanov A.I. (1978) Popular social utopia in Russia. Moscow: Nauka. 343 p. (In Russ.)

Kostomarov N.I. (2008) Autobiography. *Domashnyaya zhizn' russkogo naroda = Home life of the Russian people.* Moscow: Eksmo. P. 5–221. (In Russ.)

Kostomarov N.I. (1994) Split. Historical monographs and research. Moscow: Charli. 608 p. (In Russ.)

Kupriyanova I.V. (2010) Old Believers of Altai in the first third of the XX century. Barnaul: AltGAKI. 247 p. (In Russ.)

Kushchenko S.V. (2016) From the history of the early Old Believers. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian Scientific Journal.* Vol. 5. No. 2 (15). P. 74–76. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2005) Afanasy Prokopyevich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of “History”. Irkutsk: Irkut. obl. tip. No. 1. im. V.M. Posokhina. 528 p. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2014) History of Russia in the theory of civilizations: monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 211 p. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2017) Development of the concept

раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, А.П. Щапов) // Известия Иркутского государственного университета, 2017. Т. 19. Сер. Политология. Религиоведение. С. 40–50.

Маджаров А.С. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В.Н. Татищев // Известия Иркутского государственного университета, 2019. Т. 27. Сер. Политология. Религиоведение. С. 67–77.

Плеханов Г.В. Афанасий Прокопьевич Щапов. Сочинение Н.Я. Аристова (Посмертное издание) С. Петербург. 1883. / Плеханов Г.В. Сочинения. М.: Государственное издательство. 1922. Т. II. С. 10–22.

Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Сочинения. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Т. XX. 363 с.

Плеханов Г.В. О религии и церкви. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 607 с.

Покидченко М.Г. Плеханов как историк общественно-экономической мысли // Историко-экономические исследования, 2017. Т. 18. № 4. С. 599–612.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. М. : Акад. проект, 2016. Т. 1. 676 с.

Татищев В.Н. Разговор дву(х) приятелей о пользе науки и училищах. Избр. произведения. Л.: Наука, 1979. С. 51–133.

Щапов А.П. Земство и раскол I. Избранное / Сост. А.С. Маджаров. Иркутск: Оттиск. 2001. С. 245–326.

Критерии авторства

А.С. Маджаров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: massa49@yandex.ru

of religious schism in the Russian Orthodox Church and the zemstvo in the second half of the 19th century. (S.M.Soloviev, A.P. Shchapov). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie = Bulletin of Irkutsk State University. Series Political science. Religious Studies.* Vol. 19. P. 40–50. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2019) Formation of the official doctrine of the religious schism of the Russian Orthodox Church in the works of V.N. Tatishchev. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie = Bulletin of Irkutsk State University. Series Political science. Religious Studies.* Vol. 27. P. 67–77. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1922) Afanasy Prokopyevich Shchapov. Composition by N.Ya. Aristova (Posthumous edition). S. Peterburg. 1883. Essays. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. II. P. 10–22. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1925) History of Russian social thought. Essays. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. XX. 363 p. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1957) About religion and church. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 607 p. (In Russ.)

Pokidchenko M.G. (2017) Plekhanov as a historian of social and economic thought. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and economic studies.* Vol. 18. No. 4. P. 599–612. (In Russ.)

Tatishchev V.N. (2016) Russian history from the earliest times. In 7 vol. Moscow: Akad. proekt. Vol. 1. 676 p. (In Russ.)

Tatishchev V.N. (1979) Conversation of two friends about the benefits of science and schools. Fav. works. Leningrad: Nauka. P. 51–133. (In Russ.)

Shchapov A.P. (2001) Zemstvo and schism I. Favorites. Irkutsk: Ottisk. P. 245–326. (In Russ.)

Attribution criteria

A.S. Madzharov completed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Alexander S. Madzharov,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian History, Faculty of History,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: massa49@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-220-229

Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века

© А.И. Бакшеев[a], О.М. Бобылева[b]

[a] Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Красноярск, Россия
[b] Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается преемственность отечественной государственной политики в вопросах заселения территории Сибири и Дальнего Востока в первые десятилетия XX века. Предметно на основе архивных документов (смет и отчетов) раскрыт механизм организации ссудной помощи переселенцам в период столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.). Приведены данные о динамике миграции, наиболее интенсивной с 1908 г. Показано, что колонизация была важным компонентом политики Российской империи, а крестьяне рассматривались как надежные проводники идеи «единой и неделимой» державы. В 1912 г. правительство пересматривает ссудную политику. Крестьянам, желающим переселиться в хорошо освоенные зоны, размер ссуды уменьшался. В прижелезнодорожных районах выдача ссуд отменялась. Одновременно значительно увеличивалась ссуда для переселенцев в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Приведено опубликованное в 1915 г. мнение начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина «О колонизационно-культурных задачах после войны». Первая мировая война стала масштабным испытанием для сельского хозяйства Сибири. Однако аграрное производство развивалось, посевы и поголовье скота росли. При нахождении Сибири под властью белых в 1918–1919 гг. эта тенденция сохранилась. На Сибирь меры военного коммунизма были распространены с августа 1919 г., будучи уже отработаны в Европейской России. Они включали предельную централизацию и милитаризацию органов власти, ставку на насильственные методы. Реализация таких мер наглядно продемонстрировала и военные возможности, и производственные ограничения. Первоначально большевики считали целесообразным вкладывать средства в старые индустриальные районы, где был возможен больший прирост производства, чем в Сибири. В 1926 г. Я.Б. Гамарник озвучил концепцию развития Дальневосточного края, которая частично совпадала с дореволюционными практиками. При отдельных различиях в форме прослеживается преемственность по содержанию государственных проектов заселения восточных районов России.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, ссуды, Переселенческое управление, государственная политика, П.А. Столыпин, Г.Ф. Чиркин, Я.Б. Гамарник, Российская империя, Союз Советских социалистических республик, Сибирь, Дальний Восток

Информация о статье: поступила в редакцию 1 июня 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 23 июня 2020 г.; принята к публикации 6 июля 2020 г.

Для цитирования: Бакшеев А.И., Бобылева О.М. Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 220–229. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-220-229

An experience of State assistance to migrants to Siberia in the first decades of the XX century

© Andrey I. Baksheev[a], Olga M. Bobyleva[b]

[a] Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia
[b] Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article examines the continuity of Russian State policy in the settlement of the territory of Siberia and the Far East in the first decades of the XX century. On the basis of archival documents (estimates and reports), the mechanism of organizing loan assistance to migrants during the Stolypin Agrarian Reform (1906–1916) is revealed. Data on the dynamics of migration, the most intensive since 1908, are presented. It is shown that colonization was an important component of the policy of the Russian Empire, and the peasants were considered as reliable conductors of the idea of a "single and indivisible" power. In 1912, the government revised its loan policy. For farmers who wanted to move to well-developed areas, the loan amount was reduced. Loans were canceled in near-road areas. At the same time, loans for immigrants to Eastern Siberia and the Far East were significantly increased. The article presents the opinion of the head of the Resettlement Department G.F. Chirkin published in 1915 "On colonization and cultural tasks after the war". The First World War was a major test for agriculture in Siberia. However, agricultural production is developed, the crops and livestock grow. When Siberia was under White Rule in 1918–1919, this trend continued. In Siberia, the measures of Military Communism were extended from August 1919, having already been worked out in European Russia. They included extreme centralization and militarization of government bodies, and a reliance on violent methods. The implementation of such measures has clearly demonstrated both military capabilities and production constraints. Initially, the Bolsheviks considered it expedient to invest in the old industrial areas where a greater increase in production was possible than in Siberia. In 1926, Ya.B. Gamarnik voiced the concept of development of the Far Eastern region, which partially coincided with pre-revolutionary practices. With some differences in the form, there is a continuity in the content of state projects for the settlement of the Eastern regions of Russia.

Keywords: Stolypin Agrarian Reform, loans, Resettlement management, State policy, P.A. Stolypin, G.F. Chirkin, Ya.B. Gamarnik, Russian Empire, Union of Soviet Socialist Republics, Siberia, Far East

Article info: received June 1, 2020; revised June 23, 2020; accepted July 6, 2020.

For citation: Baksheev A.I., Bobyleva O.M. (2020) An experience of state assistance to migrants to Siberia in the first decades of the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 220–229. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-220-229

Значимой научной проблемой, заслуживающей предметного рассмотрения, является сюжет преемственности государственной политики как в стабильных условиях, так и после революционной смены политических режимов. Например, в нашей стране в 1920–1930-е годы проявлялась прямая инерция дореволюционных (царских) промышленных, инфраструктурных и колонизационных (переселенческих) заделов. Причем такие заделы создавались по военным и геополитическим мотивам, что делало повторное обращение к их использованию неизбежным, вопреки всей прежней коммунистической критике.

Отметим, что обсуждение инфраструктурных проектов есть важный канал воздействия общества на государственный аппарат. В Российской империи широко практиковалась подготовка записок и «мнений» по различным вопросам, проводились разнообразные совещания и конкурсы.

Для регулирования и координирования миграции была создана специальная государственная структура – Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел (1896–1905 гг.), которое разослало губернаторам специальный циркуляр. Он предписывал всем местным государственным учреждениям всемерно способствовать успешному «ходу переселенческого дела» с целью ослабить «...аграрное движение среди сельского населения Европейской России за счет выселения излишков населения в азиатские окраины империи» (Белянин, 2011).

Расчеты численности переселенческого движения в государственной и земской статистике начального периода практически не велись, и исследователи могут рассчитывать только на цифровые данные, начиная с 1896 г., когда был налажен официальный централизованный учет переселенцев. Так, еще в 1859–1870 гг. в Сибирь и на Дальний Восток мигрировали 129,2 тыс. человек. Темпы переселения заметно возросли с постройкой Транссиба (1891–1916 гг.), оттеснившего от перевозок переселенцев морской и гужевой транспорт. Численность и темпы миграции позволяют выделить еще один этап в освоении сибирских земель, в котором особое место по массовости занимает так называемый столыпинский период, начавшийся

после 1906 г. Больше всего в Сибирь переселялись в период 1905–1914 гг. особенно интенсивно с 1908 г. Большинство исследователей в подсчетах численности переселенцев за Урал до Первой мировой войны сходятся на цифре в 2,5 млн человек (Давыдов, 2011; Белянин, 2019).

Колонизация стала важным компонентом имперской политики, а крестьяне должны были бы стать эффективными проводниками идеи «единой и неделимой России». Речь шла о том, чтобы совместить колонизацию Сибири с ее русификацией и таким образом укрепить военно-политическое присутствие в регионе (Бакшеев, 2020b. С. 137).

Именно в 1906 году правительство пересмотрело правила выдачи ссуд крестьянам, в сторону увеличения размера суммы и упрощения её получения, так как основной силой, стимулирующей переселенческий процесс в Сибирь всегда были льготы и ссуды, выдаваемые правительством. Ссуды давали возможность прочнее и быстрее закрепиться на новых землях и расширить круг желающих «попытать своё счастье», так как теперь не только зажиточные крестьяне могли позволить себе переезд в Сибирь (Захарова, 2005; Белянин, 2012).

Средства, выделяемые государством на организацию переселения в Сибирь, распределялись в смете по следующим статьям: ссуды переселенцам – 46 %; землеустройство – 18 %; врачебная помощь – 13 %; строительство дорог – 12 %; мелиорация – 7 %; все прочие нужды – 4 % (Винокуров, Суходолов 1996. С. 63). Иначе говоря, 64 % средств – это были ссуды переселенцам и их землеустройство. Ссуды переселенцам включали «домообзаводные ссуды», ссуды на общественно-полезные надобности и путевые ссуды.

Предельные нормы «домообзаводной ссуды», выдаваемой переселенцу, сохранялись до 1908 года и составляли 150 рублей в Приморье и 100 рублей во всех остальных районах. По новым «Правилам о переселении» сумма увеличилась – на Дальнем Востоке она выросла до 200 рублей, во всех остальных районах до 165 рублей на семью (Отчет за 1908 год…, 1909. С. 44–48)[1].

Механизм получения ссуды крестьянином-переселенцем теперь выглядел следующим образом: согласно смете Переселенческого управления ежегодно выделялись средства на выдачу «домообзаводных» ссуд новосёлам. Далее заведующие переселенческим делом в районах получали определённую сумму, согласно заранее составленным сметам и отчетам, и только после этого крестьянские начальники или заведующие подрайонами переселения выдавали ссуды переселенцам.

Реальность же вносила определённые коррективы в продуманный механизм получения ссуды. Заведующие переселенческим делом в районах отмечали, что в первые годы реформы ссудное дело в районах Восточной Сибири (Енисейском и Иркутском) следует признать «не нормальным» и «не рациональным». Чиновники были бы рады снять с себя эту обузу и передать выдачу денег в местные сберегательные кассы» (Переселенческое «способие», 1909. С. 13–14).

После поездки П.А. Столыпина в Сибирь в 1912 году правительство вновь пересматривает ссудную политику государства. Теперь размер ссуды зависит от многих составляющих – крестьянам, желающим переселиться в благоприятные зоны для земледелия (Степные и лесостепные зоны Западной Сибири) размер ссуды уменьшался. В районах, прилегающих к железной дороге, выдача ссуд и вовсе отменялась. В то же время, значительно увеличивался размер ссудной помощи для желающих осесть в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – её размер колебался от 100 до 250 рублей. В особо значимых для государства районах половина ссуды могла выдаваться как «безвозвратное пособие». Также с 1912 года, в целях более рационального расходования государственных средств, ссуды переселенцам выдавались двумя частями: первая выдавалась крестьянам сразу при прибытии на участок и оформлению документов, –

[1] Отчет за 1908 год по зачислению долей ходокам и водворению переселенцев в Азиатской России. Санкт-Петербург: Типография «Сельского вестника», 1909. 123 с.

вторая часть ссуды могла быть получена переселенцами только после соответствующего доклада чиновника переселенческой организации о том, что деньги, полученные новосёлами, израсходованы по назначению, то есть на хозяйственные нужды (Скляров, 1962. С. 353). Кроме денежных ссуд на «домообзаведение» выдавались и предметные ссуды, как правило, это был сельскохозяйственный инвентарь – плуги, сельскохозяйственные машины, семена.

Средний размер ссуды на семью возрастал, тем не менее он признавался недостаточным. С другой стороны, Переселенческое управление считало, что размер ссуды не должен полностью покрывать расходы на обзаведение хозяйством новосёла, поскольку это было бы «нецелесообразно», так как повлекло бы еще больший наплыв в Сибирь переселенцев, рассчитывающих достичь благосостояния не столько упорным трудом, предприимчивостью и собственными сбережениями, а с помощью правительственного пособия. В циркуляре Главного управления землеустройства и земледелия от 1908 года отмечалось, что заведующий районом переселения должен уяснить, что «центр тяжести при обзаведении хозяйства должен лежать в их (переселенцев) самостоятельности» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 32. Оп. 4. Д. 41. Л. 8). В этом же документе указывалось на то, что заведующие переселенческими районами должны знать о наличии средств на выдачу ссудных кредитов и своевременно запрашивать Переселенческое управление о переводе средств на ссуды, но при этом, не выходя за рамки сметы.

Кроме ссуд на «домообзаводство» в сметах Переселенческого управления значились и другие ссуды для переселенцев, так называемые – целевые, выдаваемые крестьянам по ходатайству на «открытие какого либо промысла». В ходатайстве крестьяне должны были доказать полезность и рентабельность задуманного предприятия. Чиновник, заведующий подрайоном, после получения подобного документа обязан был провести обследование крестьянского хозяйства на предмет его платежеспособности.

Целевые ссуды должны были способствовать развитию крестьянского предпринимательства, обеспечивать возможный дополнительный доход и рабочие места. Таким образом решалась задача развития многоукладности в сельском хозяйстве. Кроме дегтярных заводов крестьяне организовывали работу маслоделен, коптилен, мельниц и пр. Выдавая целевые ссуды, государство ставило обязательным условием, не только их возврат, ссуды должны были содействовать получению дополнительного дохода переселенцами, создавать рабочие места, тем самым обеспечивая развитие отдалённых регионов.

19 апреля 1909 года правительством был принят закон «О порядке выдачи ссуд на общественно-полезные надобности» переселенцев (ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 309. Л. 37). Они могли выдаваться не только сельским обществам, но и крестьянам и товариществам крестьян-домохозяев. Общественно-полезными надобностями считались следующие: строительство колодцев, запруд, канав, дорог, гатей, мостов, организация пожарной охраны, общественных зданий, сельскохозяйственных предприятий (мельницы, кирпичные заводы и пр.). Иногда такие ссуды могли стать безвозвратными пособиями, но только с разрешения Главноуправляющего землеустройством и земледелием. Процесс получения ссуды на общественно-полезные надобности был такой же, как и на «домообзаведение». Крестьянские начальники и чиновники, заведующие переселенческим делом в подрайоне в месячный срок должны были отправить крестьянское ходатайство в губернскую или областную переселенческую организацию, к нему в обязательном порядке прикреплялось «заключение» чиновников, а там уже принималось решение. Если запрашиваемая сумма превышала 2000 рублей, районные переселенческие организации переадресовывали решение вопроса в Главное управление землеустройства и земледелия. Ссуды на общественно-полезные надобности можно было погашать в рассрочку в течение 10 лет, иногда (в исключительных случаях) в течение 20 лет (ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 309. Л. 37). Крестьянские начальники или чиновники должны были следить за це-

левым использованием отпущенных средств. Уже в 1910 году в Енисейском переселенческом районе на общественно-полезные надобности было выдано 73 770,43 руб., в Иркутском – 27 436,81 руб., в Забайкальской области – 12 200 руб. (Государственный архив Челябинской области (ГАЧО). Ф. 52. Оп. 3. Д. 2207. Л. 166 об.). На эти средства строились школы и церкви. По заказу Переселенческого управления были разработаны типовые архитектурные проекты.

В особых случаях (недорода или неурожая в данном населенном пункте, недостатка хлеба, отсутствия натуральных запасов или капиталов), переселенцам выдавались ещё и дополнительные ссуды. Чиновники предварительно проверяли действительную нуждаемость, чтобы затем обсудить и принять решение на съезде крестьянских начальников и заведующих переселенческими подрайонами. Также важным каналом помощи переселенцам были общественные работы.

Отдельным вопросом в организации ссудной помощи переселенцам всегда был вопрос о путевых ссудах. Его приходилось согласовывать с Министерством путей сообщения. Для перевозки переселенцев по железной дороги были оборудованы специальные, так называемые «столыпинские вагоны», устанавливались очереди перевозки из центральных областей Российской империи и вводились специальные льготные тарифы для ходоков и переселенцев. После своей поездки в Сибирь П.А. Столыпин по вопросу о льготном проезде переселенцев к местам водворения писал следующее: «Переезд совершен раз – и забудется. Насущно важно в этом отношении сократить время переезда и сберечь денежные средства переселенческой семьи, чтобы не обессилить её ещё до прихода на новые места». В то же время он осознавал, что железные дороги несут убытки из-за действия льготного тарифа для ходоков и переселенцев, отмечая, что «дороги насчитывают 7,5 миллионов рублей убытков от льготного тарифа» (Столыпин, Кривошеин, 1910. С. 8)[2]. Было принято компромиссное решение – были изменены тарифные ставки и порядок пользования льготными тарифами. До этого также существовали определённые ограничения, согласно распоряжению Главного управления землеустройства и земледелия в 1907 году «просьбы о выдаче свидетельств на бесплатный проезд могут удовлетворяться лишь по особым ходатайствам губернаторов» (ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 10).

С 1909 по 1911 годы в землеустроительные комиссии 47 губерний Европейской России поступило 37403 ходатайства о бесплатном проезде, – 16415 были удовлетворены (Обзор деятельности землеустроительной комиссии…, 1912. С. 92–93)[3]. Теми, кто мог проехать бесплатно по железной дороге, чаще всего были следующие категории переселенцев: семейства нижних чинов, раненых или принимавших участие в Русско-японской войне, а также те, кому землеустроительная комиссия выдавала удостоверения, подтверждающие, что «переселение известной части хозяев, заведомо малосостоятельных, явно связано с улучшением землепользования остающихся» (ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 10). Возможность получить льготный проезд была у всех желающих переселиться за Урал, для этого необходимо было оформить специальные документы – проходное свидетельство или «ходаческое свидетельство», в котором указывались все члены семьи и станции прибытия. Безвозвратные ссуды для проезда по железной дороге ходокам и переселенцам в восточном районе передвижения составляли один рубль семьдесят одну копейку. Заведующий переселением Забайкальско-Манжурского района в 1906 году отмечал, что выделенных средств недостаточно. Смета на 1906 год составлялась в расчете на движение 10 000 переселенцев, а прошло их в два раза больше. Путевое пособие смогли получить около 400 семей, в среднем по 6 рублей на семью (ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 11).

[2] Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году: (приложение к всеподданнейшему докладу). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. 168 с.

[3] Обзор деятельности землеустроительной комиссии за 1907–1911 гг. Санкт-Петербург, 1912, 121 с.

Ссудная помощь переселенцам должна была сыграть важную роль в закреплении их на новых землях, помогала завести крепкое хозяйство, организовать собственное дело. Однако средств требовалось гораздо больше, не все прошения о ссудах удовлетворялись, а с началом Первой мировой войны последовали значительные сокращения. Тем не менее следует признать, что свою роль ссуды всё же сыграли. Большинству же крестьян удалось закрепиться в регионе, что внесло огромный вклад в его хозяйственного освоения.

Характерная оценка экономических перспектив Сибири содержит статья начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия Г.Ф. Чиркина «О колонизационно-культурных задачах после (*А.Б., О.Б. – Первой мировой*) войны». Разделы публикации вполне конкретны: «Согласование железнодорожных тарифов с новыми сельско-хозяйственными запросами колонизуемых районов», «О нашем укреплении на Персидском и Монгольском рынках», «Необходимость организации в заселяемых районах сельского кредита и мер содействия развитию обрабатывающей промышленности», «Меры по ограничению вывоза сельско-хозяйственных орудий и машин из-за границы», «Необходимость подготовки к воспринятию новых задач на востоке ввиду открытия Панамскаго канала» и т. д.

Показательны тезисы Г.Ф. Чиркина по эволюции аграрного производства: Вывоз зерновых хлебов из России 15 лет назад вдвое превосходил ее внутренний грузооборот по железным дорогам, 10 лет назад внутренний оборот сравнялся с внешним, а теперь опережает его, чем дальше, тем больше. «Данные железнодорожных перевозок наглядно свидетельствуют о том, как сельско-хозяйственные районы по избыткам главного нашего экспортного хлебного товара – пшеницы отходят все глубже и глубже на восток. И это обстоятельство в ближайшие годы будет ощущаться все с большей и большей силой и требовать приспособления тарифных ставок. Это большая очередная задача, диктуемая нуждами нашего экспорта и запросами внутреннего сельско-хозяйственного промысла, основы благосостояния страны, от которого зависит и военная мощь государства» (Чиркин, 1915. С. 32). Таким образом, практика тарифного регулирования была ключевым инструментом увеличения спроса, а соответственно и производства.

В тех случаях, где удобный в сельско-хозяйственном отношении заселяемый район рельсовым путем приобщается к рынкам сбыта, там, если у переселенца находятся оборотные средства, переселенческое хозяйство развивается также быстро, «как евангельское зерно, попавшее на плодородную почву» (Огановский, 1914. С. 139).

По мнению Г.Ф. Чиркина, именно от организации сельско-хозяйственного кредита во многом зависело развитие в Сибири и сельско-хозяйственной обрабатывающей промышленности. При неограниченных запасах дешевого сырья и топлива возникновению новых предприятий, ежегодно намечающихся сотнями, препятствует в Сибири отсутствие дешевого кредита. На месте, например, обрабатывается не более 25 % кож, остальные же 75 % идут на заводы иностранных государств… К переработке сырья в полуфабрикаты у Сибири неограниченная возможность. Сибирь еще долго будет развивать животноводческие возможности, так как обладает огромной площадью земель, в числе которых есть обширные солончаковые степи, мало пригодные для хлебопашества, но являющиеся прекрасными пастбищами. Сибирь, мясные продукты которой достигли уже 55–60 % на столичных рынках, не только не уменьшает своего скотоводства, но с каждым годом его увеличивает. Со скотоводством же связана кожевенная промышленность, шерстобитный промысел, шерстяные изделия. Со скотоводством и земледелием связана фабрично-заводская промышленность: мукомольная и маслобойная» (Чиркин, 1915. С. 40–42).

Первая мировая война 1914–1918 гг. стала масштабным испытанием для сельского хозяйства Сибири. Однако аграрное производство развивалось. Посевные площади выросли, но среднегодовой темп прироста снизился в 10 раз. Увеличилось поголовье продуктивного скота, но на треть сократилось производство сливочного масла.

При нахождении Сибири под властью белых в 1918–1919 гг. эта общая тенденция сохранилась.

Несмотря на формирование многочисленных войск, регион не испытывал дефицита продовольствия, а по представлениям большевиков, запасы продуктов были огромными. Местные крестьяне еще не были лишены стимулов к производству, как это произошло в Европейской России, где сельское население в ответ на продразверстку сокращало запашку (Бакшеев, 2020а. С. 70).

Современная историография определяет военный коммунизм, как комплекс военно-политических, социально-экономических и культурных преобразований, проводимых большевиками. На Сибирь меры были распространены с августа 1919 г. и внедрялись по мере разгрома колчаковских войск, будучи уже отработаны в Европейской России. Основные черты военного коммунизма включали в себя: предельную централизацию и милитаризацию (военизацию) органов власти, их ставку на чрезвычайные (насильственные) методы.

Причем сколько бы советская историография не сетовала на вынужденный тяжелыми условиями Гражданской войны характер военного коммунизма, невозможно игнорировать то, что в первую очередь он воплощал программные положения большевистской партии и взгляды ее лидеров. Сам В.И. Ленин в октябре 1919 г., оценивая современный экономический строй, определил его как «борьбу первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство» (Ленин, 1965. С. 357). Понятно, что военный коммунизм позволял большевикам как решать конкретные задачи, так и в условиях обострения классовых противоречий инициировать расширение своей социальной базы, необходимой для социалистического строительства (Бакшеев, 2020а. С. 61).

На 1920 г. зажиточные семьи составляли 13 % населения крестьян Сибири, а к 1922 г. доля уменьшилась более чем втрое. Также зажиточные крестьяне снизили мощность хозяйств вдвое. Наблюдалось обеднение и в других группах крестьянства.

Гражданская война и военный коммунизм оставили обширное наследие как идейное, так и материальное. Реализуемые большевиками чрезвычайные меры, до них не применявшиеся с таким размахом и системностью, наглядно продемонстрировали и свои военные возможности, и свои производственные ограничения. Фактический материал Сибири позволяет внести существенные корректировки в официальную интерпретацию экономической политики. Особо подчеркнем глубокую убежденность большевиков в предпочтительности методов военного коммунизма и рассмотрение отступлений, как вынужденных и непродолжительных.

Большевики подчеркивали необходимость первоначально вкладывать средства в старые индустриальные районы, где был возможен больший прирост производства, чем в Сибири или на Урале (Минеев, Колосовский, 1930. С. 245). Советские экономисты конца 1920-х гг. намечали для Сибири следующие перспективы:

1) Лесной экспорт в Западную Европу через Ледовитый океан;

2) Снабжение древесиной и древесным углем Урала, уже истощающего такие запасы, плюс снабжение древесиной Киргизского края и Туркестана;

3) Развитие, в целях экспорта, скотоводства и возделывания технических культур;

4) Развитие горной металлургической промышленности.

«Колонизационные перспективы Восточной Сибири весьма незначительны сравнительно с огромностью составляющей ее территории. Удаленность от рынка и непреоборимо конкурирующее положение прилегающих районов оставляют пока для сбыта продуктов массового производства лишь собственный внутренний, чрезвычайно малоёмкий рынок. Единственный пока путь развития Восточной Сибири – это увеличение емкости ее рынка посредством развития железнодорожного строительства, улучшения качества водных путей и уплотнения местного населения…» (Ямзин, Вощинин, 1926. С. 163–164, 177–178).

В мемуарной литературе, в воспоминаниях А.И. Микояна, В.М. Верховых, М.Б. Кузеница, М.И. Рачкова и А.Г. Якимова содержится информация о дальневосточном этапе деятельности Я.Б. Гамарника, который с 1923 по 1928 гг. после-

довательно занимал должности председателя Дальревкома, Дальневосточного крайисполкома и секретаря Далькрайкома партии большевиков. В 1926 г. в докладе на XV Всесоюзной партийной конференции Я.Б. Гамарник подготовил концепцию развития региона, которая, по мнению его биографов, частично совпадала с концепцией П.А. Столыпина (Ян Гамарник, 1978).

Главные тезисы доклада: 1) необходимы большие капиталовложения для индустриализации края, но при профессиональном распределении средств эти затраты окупаются в кратчайшие сроки. Прежде всего, речь шла о развитии государственной добычи золота, а также, учитывая потребности японцев, было предложено заключить соглашения об экспорте дальневосточных угля и нефти, для чего было необходимо увеличить их добычу;

2) развитие рисоводства. В то время рис закупали за границей, но на Дальнем Востоке, где до революции рис почти не выращивали, в 1926 г. было засеяно 14000 га этой культуры (Стасюкевич, 2013). Для удачного развития отрасли необходимо было выделить некоторые средства на строительство оросительной системы. Но в этом вопросе надо было поторопиться, чтобы опередить самих японцев, которые просили передать им дальневосточное рисоводство в концессию с последующим вывозом готового продукта в Японию;

3) Я.Б. Гамарник выступил с критикой наркоматов торговли, финансов и ВСНХ за отсутствие знаний по Дальнему Востоку, которое приводит к широкой передаче рыболовных участков в концессию и полному игнорированию развития отечественных предприятий;

4) было предложено организовать переселение на Дальний Восток жителей из других густонаселенных регионов, что позволило бы избежать безработицы в этих регионах и способствовало бы заселению малонаселенного Дальнего Востока (Бакшеев, 2013).

При развитии сельского хозяйства специалистами были проведены анализ почв, климата, традиционных культур в каждом районе края, в результате чего появились рекомендации, которые постепенно воплощались в жизнь. В восточном Забайкалье было предложено отказаться от товарного производства пшеницы и ржи, в связи с непригодностью земли для этой цели. Западная (Восточно-Забайкальская) часть края была переориентирована на скотоводство (мясное снабжение для всего Дальнего Востока). Приамурье, где хорошо вызревали пшеница, просо, гречка, стало надежной житницей Дальнего Востока. Приморье и Хабаровский округ занимались выращиванием риса, для чего был создан трест «Дальрис», который в дальнейшем стал снабжать рисом не только свой регион, но и центр СССР (Стасюкевич, 2013).

Из соседней Бурят-Монгольской республике также планировался товарный вывоз рогатого скота и лошадей на Дальний Восток, именно «в связи с усиленной его колонизацией», а также в другие районы Союза и заграницу. Считалось, что зерновые культуры здесь не дают транспортабельной продукции. Зерновое хозяйство должно ориентироваться лишь в пределах удовлетворения внутреннего рынка и производства пшеницы для экспорта в Монголию, Дальний Восток (где хлебный дефицит оценивался до 7 млн пудов) и Ленский золотопромышленный район, кормовых и технических культур (Перспективы…, 1927. С. 4).

Из статьи «Дальне-восточный край» в Сибирской Советской энциклопедии 1929 г.: «Весь край находиться в процессе еще не завершенной колонизации, и вопросы освоения и заселения являются одними из главнейших в хозяйственной и культурной жизни Дальнего Востока. Водворено плановых переселенцев: в 1925/26 – 11000 чел., с 1926/27 – 19000 чел.; не плановые переселенцы составляют 23 % прибывающих в край переселенцев. Обратников – до 15 %» (Дальне-восточный край, 1929. С. 775, 786). В том же издании намечалась статья «Колонизация», переименованная затем в «Переселение», но так и не изданная.

Перспективный план развития народного хозяйства Дальневосточного края на десятилетие (1927–1936) предусматривал крупные колонизационные мероприятия по подготовке земельного фонда для водворения свыше 1 млн плановых переселенцев и культурно-хозяйственное оборудование колонизируемых районов (агрономическая

помощь, здравоохранение, просвещение и прочее). Среди этих мероприятий особое внимание уделялось обеспечению посевов риса.

Таким образом при отдельных различиях в форме прослеживается преемственность по содержанию государственных проектов заселения восточных районов нашей страны.

Библиографический список

Бакшеев А.И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 102–110.

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны: монография. Красноярск: КрасГМУ, 2020a. 145 с.

Бакшеев А.И. Теория фронтира и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков // Известия Лаборатории древних технологий. № 2. 2020b. Т. 16. С. 130–140.

Белянин Д.Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 27–30.

Белянин Д.Н. Ссудная помощь сибирским переселенцам в конце XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3 (51). С. 36–40.

Белянин Д.Н. Этапы. Задачи и Итоги политики крестьянских переселений в Сибирь в 1861–1914 гг. // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом ВУЗе / Сборник научных статей под редакцией С.А. Ковалевского. Кемерово, 2019. С. 3–44.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928 гг. Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.

Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 56–72.

Дальне-восточный край // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 769–786.

Захарова Н.В. Организация государственной помощи переселенцам тобольской губернии в годы столыпинской аграрной реформы // Клио. 2005. № 3 (30). С. 151–159.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 51. Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. М., 1965. 573 с.

Минеев М., Колосовский Н. Индустриализация // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1930. Т. 2. С. 240–267.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Вып. 1. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Саратов, 1914. 335 с.

References

Baksheev A.I. (2013) Analysis of problems of determining the functions of the state during the NEP period. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin.* Vol. 4. No. 3. P. 102–110. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2020a) NEP in Siberia. Atmosphere and logic of war: a monograph. Krasnoyarsk: The Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2020b) Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 2. P. 130–140. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2011) Contradictions in the implementation of migration policy in Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian Sciences in Siberia.* No. 1. P. 27–30. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2012) Loan assistance to Siberian immigrants in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University.* No. 3 (51). P. 36–40. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2019) Stages tasks and outcomes of the Policy of Peasant Migration to Siberia in 1861–1914. *Aktual'nye voprosy fundamental'nykh nauk v tekhnicheskom VUZe. Sbornik nauchnykh statei = Actual questions of fundamental sciences in a technical university. Collection of scientific articles.* Kemerovo. P. 3–44. (In Russ.)

Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. (1996) Siberian Economy 1900–1928. Novosibirsk: Science. 320 p. (In Russ.)

Davydov M.A. (2011) Land management statistics during the Stolypin Agrarian Reform. *Rossiiskaya istoriya = Russian History.* No. 1. P. 56–72. (In Russ.)

(1929) Far Eastern region. Siberian Soviet encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 1. P. 769–786. (In Russ.)

Zakharova N.V. (2005) Organization of state assistance to the immigrants of the Tobolsk province during the Stolypin Agrarian Reform. *Klio = Clio*. No. 3 (30). P. 151–159. (In Russ.)

Lenin V.I. (1965) Complete works. T. 51. Letters. July 1919 – November 1920. Moscow. 573 p. (In Russ.)

Mineev M., Kolosovsky N. (1930) Industrialization. Siberian Soviet encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 2. P. 240–267. (In Russ.)

Oganovsky N.P. (1914) Regularity of agrarian evolution. Vol. 3. Iss. 1. Renewal of agricultural Russia and agrarian policy. Saratov. 335 p. (In Russ.)

Переселенческое «способие» // Сибирские вопросы. 1909. № 3. С. 11–17.

Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1927. 89 с.

Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Ленинград, 1962. 558 с.

Стасюкевич С.М. Продовольственная политика Советского государства на Дальнем Востоке в 1922–1928 гг.// Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 17–21.

Чиркин Г.Ф. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. 1915. № 18. С. 25–49.

Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 328 с.

Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников / сост. Л.В. Богомолова-Гамарник, Е.М. Борисов, В.Я. Кочнева, Г.С. Пуле. М.: Воениздат, 1978. 191 с.

(1909) The resettlement “ability”. *Sibirskie voprosy = Siberian issues*. No. 3. P. 11–17. (In Russ.)

(1927) Prospects and immediate tasks of economic construction in the Buryat-Mongolian ASSR. Verkhneudinsk. 89 p. (In Russ.)

Sklyarov L.F. (1962) Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin Agrarian Reform. Leningrad. 555 p. (In Russ.)

Stasyukevich S.M. (2013) Food policy of the Soviet State in the Far East in 1922–1928. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia.* No. 4. P. 17–21. (In Russ.)

Chirkin G.F. (1915) On colonization and cultural tasks after the war. *Voprosy kolonizatsii = Questions of colonization.* No. 18. P. 25–49. (In Russ.)

Yamzin I. L., Voshchinin V.P. (1926) The doctrine of colonization and resettlement. Moscow – Leningrad: State publishing house. 328 p. (In Russ.)

Jan Gamarnik. (1978) Memoirs of friends and associates. Moscow: Voenizdat. 191 p. (In Russ.)

Критерии авторства

А.И. Бакшеев, О.М. Бобылева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Baksheev A.I., Bobyleva O.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Бакшеев Андрей Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации,
660022, Красноярск, Красноярский край, ул. Партизана Железняка, 1, Россия,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Бобылева Ольга Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
✉ e-mail: chuolga@yandex.ru

Information about the authors

Andrey I. Baksheev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation,
1, Partizan Zheleznyak street, Krasnoyarsk 660022, Russia,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Olga M. Bobyleva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevsky street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: chuolga@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-230-241

Russia's "International" Civil War

© Kevin J. McNamara

Foreign Policy Research Institute, Philadelphia, USA

Abstract: Soviet leaders for decades complained about the inept and ill-fated Allied Intervention in the Russian Civil War, yet the Bolsheviks themselves deployed at least as many foreign troops in that conflict in the form of ex-POWs of the Central Powers, who were persuaded or coerced into joining their new Red Army. In fact, this practice led, in part, to the Intervention, though the Allies wrongly assumed the Central Powers – rather than the Bolsheviks – were arming these Austrian and Hungarian POWs. Indeed, a kind of civil war that could have played out inside the Austro-Hungarian Empire – were it not for World War One – between the Empire's restless Czech and Slovak minorities, on one hand, and the dominant Austrians and Hungarians, on the other hand, instead actually played out inside Russian during the Russian Civil War. Aside from three White armies, the principal fighting strength of the anti-Bolshevik forces derived from the Czecho-Slovak Legion, an ad hoc army of former Austro-Hungarian soldiers taken prisoner by Russia on the Eastern Front, then recruited by Czecho-Slovak independence leader Tomas G. Masaryk to trade sides and join the Allied armies on the Western Front. The Legion had more battle-field success against Moscow's Red Army than did any one of the three White armies. Moreover, the Red Army they faced initially consisted largely of Internationalist units consisting of Austrian and Hungarian ex-POWs. In this way, the Russian Civil War resembled a proxy fight between two sides of a civil war within the Austro-Hungarian Army.

Keywords: Allied Intervention, Bolsheviks, Central Powers, Ceska Druzina, Czecho-Slovak Legion, Internationalists Prisoners of War (POWs), Red Army, Russian Civil War, Russian Revolution, Trans-Siberian Railway, World War One

Article info: received September 2, 2020; revised September 12, 2020; accepted September 21, 2020.

For citation: McNamara K.J. (2020) Russia's "International" Civil War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 230–241. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-230-241

Русская «интернациональная» Гражданская война

© К.Дж. МакНамара

Институт исследований внешней политики, г. Филадельфия, США

Аннотация: Советские лидеры десятилетиями жаловались на неумелое и злополучное вмешательство стран Антанты в Гражданскую войну в России, однако сами большевики задействовали в этом конфликте не меньше войск из бывших военнопленных центральных держав, которых уговорили или которые вынуждены были присоединиться к Красной Армии. Фактически, эта практика отчасти привела к интервенции, хотя страны Антанты ошибочно считали, что австрийских и венгерских военнопленных вооружали центральные державы (Германия и ее союзники), а не большевики. Подобная Гражданская война вполне могла бы разыграться внутри Австро-Венгерской Империи между добивающимися национального освобождения чешскими и словацкими меньшинствами, с одной стороны, и господствующими австрийцами и венграми – с другой, если бы в 1914 г. не началась Первая мировая война. Вместо этого межнациональная война разыгралась внутри России в 1918 г. Помимо трех русских белых армий основную боевую силу антибольшевистских сил в России составлял Чехословацкий корпус. Это была особенная армия из бывших австро-венгерских солдат, взятых в плен Россией на Восточном фронте, а затем сагитированная влиться в армии Антанты на Западном фронте в обмен на реализацию чехо-словацкой независимости, воплощаемой Томашем Г. Масариком. Легион намного успешнее воевал против Красной армии, чем любая из русских белых армий. Более того, Красная Армия, с которой они столкнулись, первоначально состояла в основном из интернационалистских подразделений, в которую входили бывшие воен-

нопленные австрийцы и венгры. Таким образом, Гражданская война в России напоминала промежуточную (прокси) борьбу славян австро-венгерской армии против австрийцев и венгров той же армии.

Ключевые слова: интервенция союзников, большевики, центральные державы, Чешская дружина, Чехословацкий легион, военнопленные-интернационалисты, Красная Армия, Гражданская война в России, Русская революция, Транссибирская магистраль, Первая мировая война

Информация о статье: поступила в редакцию 2 сентября 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 12 сентября 2020 г.; принята к публикации 21 сентября 2020 г.

Для цитирования: МакНамара К.Дж. Русская «интернациональная» Гражданская война // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 230–241. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-230-241

Soviet leaders for decades complained about the inept and ill-fated Allied Intervention in the Russian Civil War, yet the Bolsheviks themselves deployed at least as many foreign troops in that conflict in the form of ex-POWs of the Central Powers, who were persuaded or coerced into joining their new Red Army. In fact, this practice led, in part, to the Intervention, though the Allies wrongly assumed the Central Powers – rather than the Bolsheviks – were arming these Austrian and Hungarian POWs.

Indeed, a kind of civil war that could have played out inside the Austro-Hungarian Empire – were it not for World War One – between the Empire's restless Czech and Slovak minorities, on one hand, and the dominant Austrians and Hungarians, on the other hand, instead actually played out inside Russian during the Russian Civil War.

A Czecho-Slovak Unit in the Tsar's Army

Before the outbreak of World War One, tens of thousands of Czech and Slovak émigrés lived in Russia as farmers, small-business owners, or skilled factory workers[1]. Encouraged by policies that encouraged immigration to help settle and cultivate Russia's vast untilled lands, almost 900,000 immigrants overall arrived from multinational Austria-Hungary between 1828 and 1915 (Eric Lohr, 2003. P. 5)[2]. Among them were tens of thousands of Czechs and Slovaks, who established influential colonies in St. Petersburg and Moscow. The largest numbers, however, resided in Ukraine and the vicinity of Kiev, where there was a Czech High School and a "Prague Hotel".

With the outbreak of a war that pitted Russia and Serbia against Austro-Hungarian and German armies on the Eastern Front, the émigrés volunteered to serve in the Russian Imperial Army, in part out of loyalty to Russia and their fellow Slavs, but also to avoid the sanctions or punishments most combatant nations reserved for citizens or subjects of each other's enemy nations; "enemy aliens" could be subject to internment, deportation, or expropriation of property. Leaders of the Czech and Slovak émigrés declared their loyalty and won approval to create a separate unit in the Russian Army, which became known as the *Ceska Druzina*. The government required that commanders of the *druzina* and at least a third of its officers be Russian, and that its recruits had to be – or become – Russian subjects[3]. The émigrés also founded a Union of Czecho-Slovak Organizations in Russia, with an Executive Committee in St. Petersburg and a Military Commission in Kiev, which helped organize the *druzina*.

[1] The Russian Census of 1897 counted more than 50,000 Czechs and Slovaks, but that number is thought to have grown significantly by 1914 (Richard Pipes, 1997. Pp. 300–301). Eric Lohr cites a figure of 200,000 Czechs and Slovaks – about 70,000 of them in Ukraine – with more than half immigrating in the final three decades of the Tsarist era (Eric Lohr, 2003. P. 224. Note 170). Other sources cite estimates of 60,000 – 120,000 Czechs and Slovaks living in Russia before the war. One Slovak legionnaire from Russia said there were 600 Slovaks living there prior to the war (Josef Orszagh, 1927. Pp. 11–12).

[2] Unless otherwise indicated, information about the Czech and Slovak émigrés and enemy aliens is from this source.

[3] For the early *Ceska Druzina*, see (Josef Kalvoda, 1986. Pp. 60–67; Josef Kalvoda, 1985. Pp. 419–422; Victor M. Fic, 1977. Pp. 1–51).

After their training, the first émigré volunteers were given their weapons – Russian rifles with long, thin bayonets – on August 28th, and by early September about 750 men – all Czech except for 16 Slovaks – were formed into the three companies that comprised the initial *Ceska Druzina*. They were sworn in on Sophia Square in Kiev on September 28th, and the unit left for the front October 22nd to serve with the Russian Third Army in Ukraine[4]. Given their knowledge of a few of the languages of Austria-Hungary, they served in small units for reconnaissance and intelligence work.

During the war, members of the *druzina* were credited with enticing Czechs and Slovaks in the Austro-Hungarian Army to defect to the Russian lines, and additional recruits for this unit came from these defectors and from Czech and Slovak POWs.

Russia's Austro-Hungarian POWs Take Sides

Shortly after the fall of the Tsarist regime in early 1917, Tomas G. Masaryk, a professor from Prague, arrived in Russia. A fugitive in exile for his efforts to win independence for his fellow Czechs and Slovaks, Masaryk secured financial support from France, and political support from Russia's Provisional Government, to recruit Czech and Slovak POWs for a new Allied army he would offer to France for combat on the Western Front. The nucleus of this army would be the *druzina*, which now consisted of 9,249 men, 7,273 of them former POWs. Masaryk and associates immediately began recruiting more men from Russia's 300 POW camps (Josef Kalvoda, 1983. P. 223). By March 1918, when Masaryk departed Russia to lobby the United States for support, this Czecho-Slovak Legion, as it came to be known, had grown to about 50,000 soldiers.

The Tsarist regime's embrace of Czechs and Slovaks, and its efforts to provide better treatment for Slavic POWs, angered Austrian and Hungarian POWs. This feeling only hardened after it became clear the Provisional Government supported Czecho-Slovak independence. In the eyes of Austrian and Hungarian POWS, of course, the Czechs and Slovaks were traitors determined to undermine their Austro-Hungarian homeland. After the Bolshevik *coup*, the new regime took control of the POW camps, and allowed thousands of Austrians and Hungarians – who were languishing in camps with few staff and meager supplies – to join the Red Army's Internationalist units.

There were many inducements to join the Red Army. Ideological sympathy was a factor for some, but generous pay (recruits were paid 150–200 rubles monthly), food and shelter, physical protection, escape from the camps, and promises they could go home – once Soviet rule was secure – were other reasons (Arnold Krammer, 1983. Pp. 242–247). "Men who had been exposed to socialist agitation for two or three years in prison camps", historian Rudolf L. Tokes said, "found it difficult to resist the incentives of food, drink, warm clothing, a new pair of boots, and freedom of movement within the confines of a city or district, especially with such incentives reinforced by popular political slogans" (Rudolf L. Tokes, 1967. P. 60). Moscow issued leaflets and newspapers in many languages and separated POWs from any hostile officers (Ivan Volgyes, 1973. Pp. 65–66). Resisters could face reprisals, especially where Internationalists served as camp commandants or guards. "Here the Hungarians in particular inaugurated a sheer reign of terror", said a nurse. "By humiliations of all kinds, by starvation and ill-treatment, they tried to force their comrades to adopt Bolshevism" (Elsa Brandstrom, 1929. Pp. 239–240).

Originally, says scholar Ivan Volgyes, there were 600,000 Hungarian POWS in Siberia (Ivan Volgyes, 1973. Pp. 59, 67). At least two of them would play historic roles in Hungary's communist future. Bela Kun, who would later try to establish the first communist regime in Budapest, first joined a Bolshevik cell in Tomsk in 1916. Already a socialist

[4] Dates in this paragraph are Old Style. Before February 1918, Russia followed the Julian (Old Style) calendar that in the twentieth century was 13 days behind the Gregorian (New Style) calendar used in the West. In January 1918, the Bolshevik government decreed that Russia would convert to the Gregorian calendar at the end of the month. Old Style dates are given for most events inside Russia prior to January 31, 1918, but they do not align with dates for contemporaneous simultaneous events outside of Russia.

when he was drafted and shipped to the Eastern Front in January 1915, Kun rose to the rank of reserve lieutenant. Captured by the Russians early in 1916, he found himself in a POW camp in Tomsk. After the February Revolution, Kun took a job outside the camp, and by April 1917 he was helping the Tomsk soviet. Kun later traveled to St. Petersburg to meet Soviet leaders, edited the first Hungarian-language newspaper for POWs, and was appointed the chief organizer of Hungarian POWs by January 1918 (Rudolf L. Tokes, 1967. Pp. 53–62; Ivan Volgyes, 1973. P. 69)[5].

Another Hungarian, Imre Nagy, who would become prime minister of Soviet Hungary, operated a machine-gun on the Eastern Front when he was wounded and taken prisoner by Russia in July 1916 during the Brusilov Offensive. Shipped to a POW camp near Lake Baikal, Nagy was introduced to Marxism in the camp, where he joined a Bolshevik group and, later, the Red Guards. Nagy fought against units of the Czecho-Slovak Legion, which took him prisoner in September 1918. Escaping from the Czechs, Nagy laid low until the Bolshevik uprising that seized Irkutsk early in 1920 – in which Nagy may have participated. He worked for the new Soviet regime for a year, including service with the Cheka, became an associate of Bela Kun, and returned to Hungary in 1921 to foment a communist revolution (Janos M. Rainer, 2009. Pp. 4–10[6]).

Yet another Internationalist was Josef Broz, a Habsburg subject who would one day rule communist Yugoslavia as Marshal Tito[7]. Born of a Croat father and Slovene mother in Croatia, Broz was a committed socialist before the war. Inducted into the Austro-Hungarian Army in 1913 at age 21 and trained as a non-commissioned officer, Broz and his Croatian infantry regiment took part in the invasions of Serbia, fighting people he would one day rule. Seriously wounded in hand-to-hand combat and captured in the Carpathian Mountains in early 1915, he was recruited into Bolshevik ranks in a Russian POW camp. Escaping from the camp after the February revolution, he made his way to St. Petersburg, where he took part in the riotous "July Demonstrations" during the Kerensky Offensive. Broz joined the Internationalists in Omsk, though he claimed his previous combat injury prevented him from fighting[8].

The Red Army's Internationalists

Moscow sponsored many conferences to recruit Internationalists in 1918, including a Conference of International Social Democratic Prisoners of War on March 14th, which was attended by Lenin. Other than Russian, the official languages of the All-Russian Congress of Prisoners of War in Moscow on April 13th were German and Hungarian – which must have sounded ominous to Czech and Slovak ears, since the vast majority of German-speaking POWs were Austrian[9]. POW recruitment was led by the Federation of Foreign Groups of the Russian Communist Party – forerunner of the Communist International – whose 1,791 delegates included 724 Hungarians, a plurality that may explain Kun's appointment as president of the Federation (Ivan Volgyes, 1973. Pp. 77–78).

Two scholars concluded that between 182,000 and 190,000 Hungarian ex-POWs fought for the Red Army in the Russian Civil War, and they lean toward the higher figure (Ivan Volgyes, 1973. P. 67; Rudolf L. Tokes, 1967. P. 70; Peter Pastor, 2012. P. 125). Yet if the representation of Hungarians among the Internationalists reflected the same proportion of the elected delegates to the Federation of Foreign Groups

[5] After the Hungarian Soviet Republic collapsed in August 1919, Kun returned to Russia. Arrested in 1937 during Stalin's purges, he perished in the Gulag.

[6] Nagy was Hungary's prime minister when its people rebelled in 1956 against communist rule. He was hanged in 1958 for his role in the rebellion.

[7] Information about Tito comes from (Fitzroy Maclean, 1957; Richard West, 1994; Phyllis Auty, 1970).

[8] In 1920, he returned home to the new Kingdom of the Serbs, Croats, and Slovenes (later, Yugoslavia), with a young Russian bride in tow. Just as Moscow had hoped, Broz was determined to impose communist rule in the Balkans.

[9] No doubt a few German POWs served as Internationalists, but the vast majority were subjects of the multi-national Austro-Hungarian Empire, whose Habsburg dynasty and Austrian leaders spoke German. Czechs and Slovaks were deeply aware of the German nature of the Austrian regime, and the Allies tended to see the enemy as "Germany," since very few, if any, Austro-Hungarian Army units fought on the Western Front. For all of these reasons, many Internationalist POWs are frequently referred to as "German."

of the Russian Community Party – 724 out of 1,791 delegates, or 40 percent – then the total number of Internationalists could easily have been 200,000.

Indeed, two scholars put the number of armed POW Internationalists at closer to 200,000. Krammer says "the accepted number" of Austrian and Hungarian POWs in the Internationalist Brigades was 190,000 – 100,000 Hungarians and 90,000 Austrians or Germans. He adds, "Most eventually fought on all of the internal fronts during the civil war" (Arnold Krammer, 1983. P. 247). Historian John Bradley estimates that the Internationalists consisted of 12 nationalities and 182,000 men (John Bradley, 1968. P. 62).

In what became a key battleground for the Legion – the Trans-Siberian Railway between Irkutsk and Vladivostok – Krammer says, "ex-prisoners of war constituted the bulk of the Red forces" (Arnold Krammer, 1983. P. 254). Internationalist units comprised of ex-POWs (at least in part) were established in more than 400 cities and towns, with units of at least 100 in 76 cities, and the vast majority of these soldiers were Austrian or Hungarian (Rudolf L. Tokes, 1967. Pp. 60–61). Krammer said they helped establish Soviet rule in 16 cities (Arnold Krammer, 1983. P. 244). Red Army officer Semyon M. Budyonny praised the skill and enthusiasm of these Internationalists in combat against Allied forces (Ivan Volgyes, 1973. P. 84). And Kun's biographer says, "During the first 10 months of 1918, Hungarian and other foreign socialist prisoner groups in Russia amply justified Bolshevik expectations of their immediate military value" (Rudolf L. Tokes, 1967. Pp. 75–79). "In fact", an historian notes, "Bolshevik power during the spring months of 1918 rested to a great extent upon the bayonets of prisoners of war of the Central Powers" (Victor M. Fic, 1977. P. 93).

Czecho-Slovak legionnaires, who could easily identify Austrians and Hungarians, encountered them often across Russia. A Czech officer on the first Legion train to cross Siberia, Capt. Vladimir S. Hurban, said in 1918, "In Siberia there are today some hundred thousand German and Hungarian prisoners, a great number of whom are armed. It is these men who offer considerable resistance to our army; the Russian Bolsheviks surrender after the first shot" (Vladimir S. Hurban, 1918. Pp. 508, 510).

Czecho-Slovaks vs. Czecho-Slovaks

More threatening was the fact that the Red Army also began recruiting Czechs and Slovaks. These men would bear much responsibility for the Legion's revolt in May 1918, as they represented the greatest threat to the Legion's unity and survival.

Hundreds, if not thousands, of Czechs and Slovaks supported the Bolsheviks and even fought and killed kindred legionnaires in the streets of Kiev in the fighting for Ukraine. After the Red Army seized Kiev on January 26th, 1918, Soviet General Mikhail A. Muravyov campaigned to recruit more Czechs and Slovaks. About 200 signed up from among the legionnaires, Masaryk later said, but "several of them came back the next day" (T.G. Masaryk, 1927. P. 171). Muravyov's own chief-of-staff was a Czech, one of about 5,000–10,000 Czechs and Slovak POWs throughout Russia who joined the Reds (Josef Kalvoda, 1986. Pp. 233, 241, 243–245; Josef Kalvoda, 1983. Pp. 225–227).

One Czech recruited by the Soviets was Jaroslav Hasek, who after the war achieved acclaim as the author of the classic anti-war novel, *The Good Soldier Svejk* (Cecil Parrott, 1978. Pp. 30–191)[10]. Born the son of an alcoholic father who died when Jaroslav was 13, Hasek was inducted into the 91st Regiment from Budweis (Ceske Budejovice) in Bohemia, in early 1915 and left for the front on June 30th. Hasek quickly saw intense fighting, his battalion was decimated, and he was taken prisoner. Wallowing in a disease-ridden Russian POW camp near Samara, he was visited by recruiters for the *druzina* in early 1916. Hasek volunteered, becoming a recruiter and a writer for a Legion newspaper, *Cechoslovan*.

Hasek leaned left in politics but preferred anarchism and so could not keep to a consistent course. The Russian Revolution threw him into a tailspin of political intrigues aimed against the *druzina*, where he became a pariah. Hasek redeemed himself by fighting bravely. He was awarded a medal,

[10] Unless otherwise noted, all information about Hasek comes from this source.

promoted to lance-corporal, and rejoined the staff of the *Cechoslovan* – where he quickly turned his pen against the Bolsheviks. Yet as the Legion evacuated Ukraine and commenced its journey into Russia and across Siberia in March 1918, Hasek performed another about-face. He again allied himself with the pro-Bolshevik Czechs, called for the arrest of the Legion's leaders, and became involved in a failed putsch against those leaders.

In the wake of the Bolshevik *coup*, a conference of Social Democrats was held in November in Kiev, where the Legion was represented by 27 of the 71 delegates[11]. In a sign of the growing fissure between the legionnaires and those who supported the Bolsheviks, however, 25 of the 27 Legion's delegates walked out of the conference.

Masaryk himself acknowledged that at least some of his soldiers in Russia were at each other's throats. In an article in another Legion newspaper, *Ceskoslovensky Vojak* (*The Czechoslovak Soldier*), on December 6th, 1917, he said, "the Bolsheviks have attacked us and by organizing their hostile activities declared war on us. We have the right to defend ourselves". Legionnaire Josef Kohak said, "The confusion and the class hatred that had ruled all around us began to seep even into our military, in which one could detect some seething" (Josef Kohak, 1927. Pp. 155–160). Events came to a head at a meeting on February 17th, 1918, which was demanded by the radicals, who suggested that the leaders of the Russian branch of Masaryk's National Czecho-Slovak Council resign and new leaders be elected, an election the radicals hoped to win. Mounting the rostrum and speaking with great passion and conviction, however, Masaryk won over most of the participants. While joining the Bolsheviks and remaining in Russia might never have been all that attractive to most legionnaires, what no doubt swayed a few votes were the advancing German troops, which prompted the urgent order for the Legion to evacuate Ukraine by February 21st. Masaryk boarded a train for Moscow the next day.

Czech and Slovak communists continued their campaign against the Czecho-Slovak Legion. On February 20th, 1918, a Congress of Prisoners of War Internationalists was held in St. Petersburg, which established the first Internationalist Brigade comprised of Czechs and Slovaks. These Czechs and Slovaks followed the Bolshevik regime to Moscow in March, where they began publishing a periodical, *Prukopnik* (*The Pioneer*), whose first issue contained an article by Jaroslav Hasek, who declared:

We shall not betray Russia. We shall not serve the imperialists. Nor shall we go to France. We are convinced that if each man in the Czecho-Slovak Army were informed about our attitudes, the whole army, as one man, would rise up against its treacherous leadership. We are sure that the army would then declare its readiness to fight on the side of the Russian revolution under all circumstances and to the very last man.

Not the most stalwart comrade, Hasek soon ran afoul of the Bolsheviks, too. "His criticism of its unfulfilled promises, brutal despotism, and wanton destruction and bloodshed made him a candidate for a purge", says historian Victor M. Fic. Hasek was suspended from the party at the First Congress of the Czecho-Slovak Bolsheviks in Moscow in May 1918.

The heated arguments sparked by the lobbying of the Internationalists created anxieties and fears among the legionnaires, which were exacerbated by the fact that most of their experienced Russian officers had been dismissed or had departed the Legion. Although Russians Mikhail K. Dieterichs and Vladimir N. Shokorov remained the top two commanders, the Legion was slowly coming under the leadership of Czechs in their late twenties or early thirties, such as Lt. Stanislav Cecek, Lt. Jan Syrovy, and Capt. Radola Gajda, the youngest and most daring of the three officers. While these young men would distinguish themselves in the fighting to come, they initially lacked command experience. "There was", according to historian Josef Kalvoda, "a serious morale problem in the Legion" (Josef Kalvoda, 1986. P. 244). Yet recruits were still joining the unit; news about its existence was still just reaching some POWs.

[11] Unless otherwise indicated, what follows is from (Victor M. Fic, 1977. Pp. 78–155).

Fleeing advancing Germans in Ukraine, the 70-odd trains of the legionnaires began crawling through eastern Ukraine toward Russia proper in March 1918. The Internationalists gathered in Penza, a city inside Russia which was a key junction through which the trains of the Legion would have to pass. They were determined, one said, "to prevent the 50,000 men from being dragged against their will, as cannon fodder, to France to be slaughtered in defending the interests of imperialists" (Victor M. Fic, 1977. P. 149).

Internationalists vs. Legionnaires

Indeed, the role of the Internationalists is important because it was largely these men who harassed and frightened the Czecho-Slovak legionnaires as they and their equipment journeyed from Kiev, Ukraine, to Vladivostok, in caravans of separate trains. Masaryk's plan was to have the men shipped from Vladivostok to France.

While the Bolshevik leaders, Vladimir Lenin and Josef Stalin among them, gave their explicit approval for the legionnaires to cross Siberia and exit the country at Vladivostok, local Soviets manned by vary large numbers of Internationalists repeatedly stopped the Legion's trains and demanded weapons and locomotives. At Penza, the Legion agreed to handle over a considerable arsenal of weapons packed into their trains. The Reds also swarmed trains and demanded that the Czechs and Slovaks join the revolution rather than fight for the Allies on the Western Front.

Czech Internationalists were placed in charge of decisions regarding all Czecho-Slovaks, and they advised Red Army Commander Leon Trotsky that there were 15,000 proletarian sympathizers in the Legion (Josef Kalvoda, 1983. P 230). These factors prompted Trotsky to halt the Legion's trains in April 1918. "The indignation against the Czech Red Guards grew a hundred times", said Czech legionnaire Josef Kyncl as their trains entered Russia. "Everyone knew that it was mainly them who set the soviets against us" (Josef Kyncl, 1927. Pp. 230–238).

Austrians and Hungarians in the Red Army were especially aggressive, since they saw the Czechs and Slovaks as "traitors" out to destroy their homeland, over and above any sense that the Czecho-Slovaks were anti-Bolshevik "counter-revolutionaries". The Internationalists constituted a force that was as large as – if not more than twice as large as – the entire Legion, and the presence of Austrians and Hungarians exacerbated reasonable fears among the legionnaires of collusion between Moscow and the Central Powers, who would execute the legionnaires if they were captured.

After all, Moscow had signed a peace treaty with the Central Powers and both sides quickly exchanged diplomats, which was the Bolsheviks' first diplomatic relations. The Czecho-Slovaks, notes John Erickson, "were increasingly convinced of German-Bolshevik collusion. Conspiracy theories were given added weight by the Bolshevik arming of prisoners of war in Siberia" (John Erickson, 2000. P. 130). The Internationalists posed a clear and present danger to the legionnaires, especially if the Legion resisted Moscow.

A Revolt and Allied Intervention

This growing threat – combined with an incident in which a Hungarian killed a Czech legionnaire at a train station in Chelyabinsk – led to the revolt of the Legion in late May 1918. Racing their trains back and forth across the Trans-Siberian Railway, the legionnaires met and defeated virtually every Red Army unit they encountered along more than 5,000 miles of the Trans-Siberian from Penza, where the last trains were located, to Vladivostok, where the first trains had arrived by April. By September 1, 1918, all of the various legionnaire units victoriously linked up across the entire Trans-Siberian Railway, clearing the entire railroad of Red Army units. By this time, the Legion had grown to about 65,000 men, as news of the fighting aided recruitment.

And this turn of events was important because it led to a confused and half-hearted Allied Intervention. Two principal reasons advanced for the Intervention were (1) the arming of POWs, which the Allies mistakenly thought was an effort by Berlin and Vienna to arm their POWs; and (2) the revolt of the Legion, which prompted U.S. President Woodrow Wilson to dispatch U.S. troops to Siberia in part to rescue the

legionnaires and in part to comply with demands by London and Paris that he take steps to reopen the Eastern Front, using the Legion. The fact that this army would never have been able to accomplish such a feat was obvious to too few people.

"Whatever be the truth as to the number of Austrian and German war prisoners armed by the Soviets", concludes historian James Bunyan, "there is no doubt that the belief in their menace to the Czechs contributed very largely to President Wilson's ultimate approval of intervention in Russia" (James Bunyan, 1936. P. 94)[12]. This is supported by a memo from U.S. Secretary of State Robert Lansing to Wilson showing how the role of the armed POWs in Russia – misunderstood as supporting the enemy Central Powers rather than the new Bolshevik regime – affected thinking inside the White House.

Well before the revolt of the Legion, Lansing warned Wilson in his memo of March 24th, 1918, that if reports of "German" POWs taking control of Irkutsk and other cities in Siberia are true, "we will have a new situation in Siberia which may cause a revision of our policy... With the actual control by the Germans of so important a place as Irkutsk, the question of the moral effect upon the Russian people of an expedition against the Germans is a very different thing from the occupation of the Siberian Railway in order to keep order between contending Russian factions. It would seem to be a legitimate operation against the common enemy. I do not see how we could refuse to sanction such a military step" (Arthur S. Link, et al., 1984. Pp. 131–132)[13]. If they were seen as Germans or Austro-Hungarians, they were "the enemy". The problem was that the POWs were serving the Bolsheviks, which Washington did yet view as an enemy.

Flawed Allied Fact-Finding

The Allies did try to get to the bottom of this issue, but their fact-finding effort was as half-hearted as every other effort they made in Russia. The Allies simply assumed that POWs were being armed either by, or with the approval of, Berlin and Vienna – both of which signed a peace treaty and exchanged diplomats with Moscow – for the purpose of giving the Central Powers access to the fuel and food resources of Russia.

When two Allied representatives in Moscow – American Red Cross official Col. Raymond Robins and British agent R.H. Bruce Lockhart – asked Trotsky about these reports, the Commissar lied. Denying that POWs were being armed, he suggested they send officials to Siberia to investigate (William B. Webster and W. L. Hicks, 1920. Pp. 165–186[14]; George F. Kennan, 1958. Pp. 75–82). Two hapless officers, British Capt. W. L. Hicks and American Capt. William B. Webster, were assigned the task. They left Moscow on March 19th in a private car arranged by Trotsky, accompanied by a Bolshevik official. Looking for POWs armed by Berlin or Vienna, they missed the scores of mostly Austro-Hungarian POWS armed by, and fighting for, Moscow.

On March 21st, they spent 40 minutes at Vologda, then traveled through Perm, Ekaterinburg, Omsk, Krasnoyarsk, and Irkutsk. In Omsk, on March 24th, Webster said, "Military prisoners in no way active in Perm or Ekaterinburg districts", though there is no evidence they left their train to find out. At Irkutsk, their main destination, the two men actually left their train to visit POW camps and talk to people. On their very first day, March 29th, they met and consulted with Major Walter S. Drysdale, the U.S. military attaché at Beijing, who said he had traveled some length of the Trans-Siberian east of Irkutsk and reported seeing no armed POWs.

[12] James Bunyan, ed., *Intervention, Civil War, and Communism in Russia, April—December, 1918: Documents and Materials*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins Press, 1936. Pp. xvi, 594.

[13] Arthur S. Link, et al., eds., *The Papers of Woodrow Wilson.* In 69 vols. Vol. 47: *March 13 – May 12, 1918.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. 680 p.

[14] William B. Webster and W. L. Hicks, "Report of English and American Officers in Regard to Arming of Prisoners of War in Siberia," April 26, 1918, along with contemporaneous telegrams, in *Russian-American Relations, March, 1917—March 1920: Documents and Papers*, eds. C.K. Cummings and Walter W. Pettit (New York: Harcourt, Brace and Howe, 1920. xxviii, 375 p.

This was enough for them to report that same day: "No prisoners in district from Vladivostok to Chita are armed, and all well-guarded". All three men were disturbed to learn that a train of 500 armed Hungarians had traveled through Irkutsk from Omsk on their way to fight anti-Bolshevik forces under Cossack leader Semyonov, but they were assured by Bolshevik authorities that these POWs had joined the Internationalists and, as a result, did not count as armed POWs. Webster and Hicks concluded about this group: "Exact figures later but number not large at present".

On March 31st, the two men interviewed members of the Irkutsk Soviet, they said, "all of whom were very friendly. They gave us full facts which confirmed our information and which we believe to be true. There are in all of Siberia not over 1,200 armed prisoners, most of whom are from Omsk. These men were selected with great care as being Social-Revolutionaries and Internationalists who have given up their old allegiances and have become citizens of the Russian Republic and [are] not intending to return home ... It is not intended to use them in the future for any military operations ... [and] that no more than a maximum of 1,500 prisoners will be armed in the whole of Siberia, and that these would always be kept under strict control and surveillance of Bolshevik officers and will never be allowed to act as an independent force". The Allied officers then asked how the Allies could assist Russia. They returned to Moscow and submitted their report on April 26th. Trotsky was pleased.

Throughout their fact-finding trip, Webster and Hicks no doubt saw large numbers of Red Army Internationalists. It did not occur to them that a plurality, if not a majority, of them were, in fact, ex-POWs who once served the Central Powers.

A source Webster and Hicks cited in support of their findings, Major Drysdale, later recanted, according to U.S. Admiral Austin M. Knight at Vladivostok, who reported on June 26th that Drysdale "fully confirmed" reports of 20,000–30,000 armed POWs fighting on behalf of the Bolsheviks. "Drysdale, who has heretofore minimized danger from war prisoners admits they have now gone beyond [the] control [of the] Soviets", Knight telegraphed Washington (Papers Relating…, 1932. Pp. 230–231). Yet the Webster-Hicks report became the standard response to claims that Moscow was arming POWs. The real threat posed by the Internationalists was relayed to Lansing by William G. Sharp, U.S. Ambassador to France, on April 11th, 1918. Yet, historian Donald F. Trask says, "The United States government tended to discount this argument after receiving reports from American observers in Russia, which indicated no immediate threat of such activity" (David F. Trask, 1961. P. 113). Indeed, U.S. Major General William S. Graves, the commander of all U.S. troops in Russia, was among those who believed the Webster-Hicks report (William S. Graves, 1941. P. 26).

The size, composition, and combat role of the Internationalists were not only underestimated by observers in Siberia, but even later by scholars like George F. Kennan. His otherwise highly valuable work on revolutionary Russia downplays the role of hundreds of thousands of Austrian, Hungarian, or German POWs fighting for Moscow – a result of his effort to dispel rumors that the POWs were being armed by Berlin (George F. Kennan, 1956. P. 283; George F. Kennan, 1958. Pp. 71–75). Kennan says, "there could not have been more than 10,000" armed Central Powers POWs, and he makes much of the fact that "there were relatively few Germans". Based on the flawed report by Hicks and Webster, Kennan concludes that "relatively few of these prisoners were ever armed and used", which has been thoroughly disproven by much original documentation and by many scholars.

Kennan's critique revealed the central weakness in the arguments that the POWs did not pose a threat: "Only a tiny proportion of these, if any, can have been German". This truth implies that Austrian and Hungarian POWs somehow did not count, despite their legal status as enemy soldiers allied with Germany, and despite their evident hostility toward the Legion, the most formidable Allied army in Russia. As already shown, Austrian and Hungarian POWs were no doubt more hostile than Germans to the legionnaires, given the Legion's political aims. Yet Kennan concludes, "Their influence on the course of

events in Siberia following the Bolshevik *coup* was not great". This conclusion is overwhelmed by evidence to the contrary.

To the legionnaires, however, it made little difference whether Berlin and Vienna were arming them, or whether the Bolshevik regime was doing so. The hostility Austrian and Hungarian POWs felt toward the Czechs and Slovaks preceded – by a few centuries – the hostilities that broke out between Moscow and the legionnaires. While the Internationalists were not under the Central Powers' command, significant numbers of German, Austrian, and Hungarian POWs did not merely threaten the legionnaires, but actually fought and killed them. By May 1918, it hardly mattered to the embattled legionnaires which government was arming their enemy combatants.

Also overlooked is the fact that Berlin could have armed its own POWs in Russia and could also have used food, clothes, or pay to lure other ex-POWs away from the Internationalist units. Through November 1918, the Bolshevik regime survived at the pleasure of Berlin. On June 25th, 1918, Germany's ambassador to Russia, Wilhelm von Mirbach – who would soon be killed by Russian revolutionaries – told Minister of Foreign Affairs Richard von Kuhlmann that if Moscow resisted or betrayed Berlin, its regime could be toppled. "In the event of a change of orientation here, we would not even have to apply a great deal of force, and we could, to some extent, keep up appearances in our relations with the Bolsheviks right to the last moment", Mirbach said, "and any military advance made by us on any considerable scale – and it would not even have to be directed against the two capitals [Moscow and St. Petersburg] – would automatically lead to the fall of Bolshevism, after which, equally automatically, the new organs of government, which we would be holding in readiness and which would be entirely at our service, would step into the ensuing gap" (The Minister in Moscow…, 1958. Pp. 137–139).

Despite the passing of more than 100 years, and despite the overwhelming historical importance of World War One, the Russian Revolution, and the Russian Civil War, key aspects of these historic events, especially the roles of the Czecho-Slovak Legion and the Red Army's Internationalist units, remain shrouded in misunderstanding.

References

Phyllis Auty, *Tito: A Biography.* New York: McGraw-Hill Book Company, 1970. 343 p.

John Bradley, *Allied Intervention in Russia.* London: Weidenfeld and Nicolson, 1968. xix + 251 s.

Elsa Brandstrom, *Among Prisoners of War in Russia and Siberia.* London: Hutchinson & Co. Publishers Ltd., 1929. 284 p.

John Erickson, "Red Internationalists on the March: The Military Dimension, 1918–1922", in *Russia and the Wider World in Historical Perspective*, ed. Cathryn Brennan and Murray Frame. New York: St. Martin's Press Inc., 2000. Pp. 126–152.

Victor M. Fic, *Revolutionary War for Independence and the Russian Question*: *Czechoslovak Army in Russia, 1914–1918*. New Delhi: Abhinav Publications, 1977. 270 p.

Vladimir S. Hurban, "The Czech Exodus: A Siberian Epic: How 50,000 Determined Men Fought their Way from Moscow to Vladivostok". *Current History* 9, no. 3 (December 1918). Pp. 507–511.

Josef Kalvoda, "Czech and Slovak Prisoners of War in Russia during the War and Revolution", in *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, ed. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor. New York: Brooklyn College Press, 1983. Pp. 215–238.

Библиографический список

Phyllis Auty, *Tito: A Biography.* New York: McGraw-Hill Book Company, 1970. 343 p.

John Bradley, *Allied Intervention in Russia.* London: Weidenfeld and Nicolson, 1968. xix + 251 s.

Elsa Brandstrom, *Among Prisoners of War in Russia and Siberia.* London: Hutchinson & Co. Publishers Ltd., 1929. 284 p.

John Erickson, "Red Internationalists on the March: The Military Dimension, 1918–1922", in *Russia and the Wider World in Historical Perspective*, ed. Cathryn Brennan and Murray Frame. New York: St. Martin's Press Inc., 2000. Pp. 126–152.

Victor M. Fic, *Revolutionary War for Independence and the Russian Question*: *Czechoslovak Army in Russia, 1914–1918*. New Delhi: Abhinav Publications, 1977. 270 p.

Vladimir S. Hurban, "The Czech Exodus: A Siberian Epic: How 50,000 Determined Men Fought their Way from Moscow to Vladivostok". *Current History* 9, no. 3 (December 1918). Pp. 507–511.

Josef Kalvoda, "Czech and Slovak Prisoners of War in Russia during the War and Revolution", in *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, ed. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor. New York: Brooklyn College Press, 1983. Pp. 215–238.

Josef Kalvoda, *The Genesis of Czechoslovakia.* Boulder, CO: East European Monographs, 1986. viii, 673 pp.

Josef Kalvoda, "The Origins of the Czechoslovak Army, 1914–18", in *War and Society in East Central Europe*, vol. 19, *East Central European Society in World War I*, ed. Bela K. Kiraly and Nandor F. Dreisziger. Boulder, CO: Social Science Monographs, 1985. Pp. 419–435.

George F. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917–1920. Vol. 1: Russia Leaves the War.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1956. Pp. xiii + 544.

George F. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917–1920. Vol. 2: The Decision to Intervene.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958. Pp. xii + 513.

Arnold Krammer, "Soviet Propaganda Among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921", in *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, ed. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor. New York: Brooklyn College Press, 1983. xviii, 264 p.

Josef Kohak, "Stories of the Second Regiment After Zborov", trans. Ivo Reznicek, in *The Road to Resistance: How the Czech Legion Lived and Fought*, ed. Adolf Zeman. Vol. 3: *Beginnings of Resistance.* Prague: Progress Publishing, 1927. Pp. 155–160.

Josef Kyncl, "From Bahkmach to the Disembarking", trans. Ivo Reznicek, in *The Road to Resistance: How the Czech Legion Lived and Fought*, ed. Adolf Zeman, vol. 3: *Beginnings of Resistance.* Prague: Progress Publishing, 1927. Pp. 230–239.

Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War 1* (Cambridge: Harvard University Press, 2003. xi–237 p.

Fitzroy Maclean, *The Heretic: The Life and Times of Josip Broz-Tito.* New York: Harper & Brothers, Publishers, 1957. 436 p.

T.G. Masaryk, *The Making of a State: Memories and Observations, 1914–1918.* London: George Allen & Unwin, Ltd., 1927. 461 p.

Josef Orszagh, "The Slovaks at the Cradle of the *Druzina*", trans. Ivo Reznicek, in *The Road to Resistance: How the Czech Legion Lived and Fought*, ed. Adolf Zeman, vol. 3: *Beginnings of Resistance.* Prague: Progress Publishing, 1927. Pp. 11–12.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia: Volume II. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1932. 754 p.

Cecil Parrott, *The Bad Bohemian: The Life of Jaroslav Hasek, Creator of the Good Soldier Svejk.* London: The Bodley Head, 1978. 296 p.

Peter Pastor, " Hungarian Prisoners of War in Siberia", in *Essays on World War I,* ed. Peter Pastor and Graydon A. Tunstall. New York: Columbia University Press, 2012. Pp. 111–129.

Richard Pipes, *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1997. 392 p.

Josef Kalvoda, *The Genesis of Czechoslovakia.* Boulder, CO: East European Monographs, 1986. viii, 673 pp.

Josef Kalvoda, "The Origins of the Czechoslovak Army, 1914–18", in *War and Society in East Central Europe*, vol. 19, *East Central European Society in World War I*, ed. Bela K. Kiraly and Nandor F. Dreisziger. Boulder, CO: Social Science Monographs, 1985. Pp. 419–435.

George F. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917–1920. Vol. 1: Russia Leaves the War.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1956. Pp. xiii + 544.

George F. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917–1920. Vol. 2: The Decision to Intervene.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958. Pp. xii + 513.

Arnold Krammer, "Soviet Propaganda Among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921", in *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, ed. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor. New York: Brooklyn College Press, 1983. xviii, 264 p.

Josef Kohak, "Stories of the Second Regiment After Zborov", trans. Ivo Reznicek, in *The Road to Resistance: How the Czech Legion Lived and Fought*, ed. Adolf Zeman. Vol. 3: *Beginnings of Resistance.* Prague: Progress Publishing, 1927. Pp. 155–160.

Josef Kyncl, "From Bahkmach to the Disembarking", trans. Ivo Reznicek, in *The Road to Resistance: How the Czech Legion Lived and Fought*, ed. Adolf Zeman, vol. 3: *Beginnings of Resistance.* Prague: Progress Publishing, 1927. Pp. 230–239.

Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War 1* (Cambridge: Harvard University Press, 2003. xi–237 p.

Fitzroy Maclean, *The Heretic: The Life and Times of Josip Broz-Tito.* New York: Harper & Brothers, Publishers, 1957. 436 p.

T.G. Masaryk, *The Making of a State: Memories and Observations, 1914–1918.* London: George Allen & Unwin, Ltd., 1927. 461 p.

Josef Orszagh, "The Slovaks at the Cradle of the *Druzina*", trans. Ivo Reznicek, in *The Road to Resistance: How the Czech Legion Lived and Fought*, ed. Adolf Zeman, vol. 3: *Beginnings of Resistance.* Prague: Progress Publishing, 1927. Pp. 11–12.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia: Volume II. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1932. 754 p.

Cecil Parrott, *The Bad Bohemian: The Life of Jaroslav Hasek, Creator of the Good Soldier Svejk.* London: The Bodley Head, 1978. 296 p.

Peter Pastor, " Hungarian Prisoners of War in Siberia", in *Essays on World War I,* ed. Peter Pastor and Graydon A. Tunstall. New York: Columbia University Press, 2012. Pp. 111–129.

Richard Pipes, *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1997. 392 p.

Janos M. Rainer, *Imre Nagy: A Biography*, trans. by Lyman H. Legters. London: I.B. Tauris & Co. Ltd., 2009. 288 p.

"The Minister in Moscow to the State Secretary", June 25th, 1918, in Z.A.B. Zeman, ed., *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918* (London: Oxford University Press, 1958), pp. 137–139.

Rudolf L. Tokes, *Bela Kun and the Hungarian Soviet Republic: The Origins and Role of the Communist Party of Hungary in the Revolutions of 1918–1919* (New York: Frederick A. Praeger, Publishers, 1967. xii, 292 pp.

David F. Trask, *The United States in the Supreme War Council: American War Aims and Inter-Allied Strategy, 1917–1918.* Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1961. xii + 244 pp.

Ivan Volgyes, "Hungarian Prisoners of War in Russia, 1916–1919", in *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, no. 14 (1973). Pp. 54–85.

William S. Graves, *America's Siberian Adventure, 1918–1920.* New York: Peter Smith, 1941. 363 p.

William B. Webster and W. L. Hicks, "Report of English and American Officers in Regard to Arming of Prisoners of War in Siberia", April 26, 1918, along with contemporaneous telegrams, in *Russian-American Relations, March, 1917—March 1920: Documents and Papers*, eds. C.K. Cummings and Walter W. Pettit (New York: Harcourt, Brace and Howe, 1920), pp. 165–186.

Richard West, *Tito and the Rise and Fall of Yugoslavia.* New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1994. 436 p.

Attribution criteria

K.J. McNamara carried out a research work, prepared the manuscript for publication, has copyrights for the article, and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Kevin J. McNamara,
Associate Scholar,
Foreign Policy Research Institute,
1528 Walnut Street, Suite 610,
Philadelphia, PA 19102,
✉ e-mail: greatsmallnation@gmail.com

Janos M. Rainer, *Imre Nagy: A Biography*, trans. by Lyman H. Legters. London: I.B. Tauris & Co. Ltd., 2009. 288 p.

"The Minister in Moscow to the State Secretary", June 25th, 1918, in Z.A.B. Zeman, ed., *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918* (London: Oxford University Press, 1958), pp. 137–139.

Rudolf L. Tokes, *Bela Kun and the Hungarian Soviet Republic: The Origins and Role of the Communist Party of Hungary in the Revolutions of 1918–1919* (New York: Frederick A. Praeger, Publishers, 1967. xii, 292 pp.

David F. Trask, *The United States in the Supreme War Council: American War Aims and Inter-Allied Strategy, 1917–1918.* Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1961. xii + 244 pp.

Ivan Volgyes, "Hungarian Prisoners of War in Russia, 1916–1919", in *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, no. 14 (1973). Pp. 54–85.

William S. Graves, *America's Siberian Adventure, 1918–1920.* New York: Peter Smith, 1941. 363 p.

William B. Webster and W. L. Hicks, "Report of English and American Officers in Regard to Arming of Prisoners of War in Siberia", April 26, 1918, along with contemporaneous telegrams, in *Russian-American Relations, March, 1917—March 1920: Documents and Papers*, eds. C.K. Cummings and Walter W. Pettit (New York: Harcourt, Brace and Howe, 1920), pp. 165–186.

Richard West, *Tito and the Rise and Fall of Yugoslavia.* New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1994. 436 p.

Критерии авторства

К.Дж. МакНамара выполнил исследовательскую работу, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

МакНамара Кевин Дж.,
младший научный сотрудник,
Институт исследований внешней политики,
Foreign Policy Research Institute,
1528 Walnut Street, Suite 610,
Philadelphia, PA 19102,
✉ e-mail: greatsmallnation@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(517)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-242-252

Последний бой генерала Левицкого (из истории Селенгинского похода Монголо-Бурятской конной бригады имени Зорикто Батора в январе 1920 г.)

© П.В. Кургузов

Независимый исследователь, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история боевых действий и последнего похода Монголо-Бурятской конной бригады имени Зорикто Батора зимой 1919–1920 гг. в дельте реки Селенги. Ввиду смешанного этнического состава и жестокого отношения к местному населению на захватываемых территориях, бригада получила в отечественной историографии название «Дикая дивизия». Автором подробно описаны маршруты передвижения, стоянки бригады, приведены цитаты из архивных документов – приказов, донесений, протоколов. Отдельное внимание уделено роли генерала П.П. Левицкого. Показаны позиции красных партизанских сил, описаны боевые действия против них и сочувствующих партизанам жителей приграничных городу Верхнеудинску местностей – ныне Тарбагатайского и Селенгинского районов Бурятии. В том числе приведено описание известного сражения в районе горы Омулевка Тарбагатайского района, состоявшегося в январе 1920 года и вошедшего в историю края как пример народного сопротивления, когда жители Тарбагатая вышли «всем миром» на защиту села в поддержку красных партизан против «Дикой дивизии». Последний поход бригады под руководством генерала П.П. Левицкого в составе вооруженных русско-монгольских формирований по маршруту Верхнеудинск – Кяхта (Монголия) состоялся в конце января 1920 года и фактически закончился предательством и вероломным уничтожением русской части бригады. Внезапное нападение и вынужденный неравный бой состоялись на льду озера Гусиное. От рук монгольских соратников по оружию, спешивших вернуться в Монголию с награбленным имуществом, погибло и было ранено более 100 человек, включая генерала П.П. Левицкого. Историческую ценность статьи представляет уточненный на основе ранее неопубликованных архивных материалов и сравнительной историографии маршрут следования «Дикой дивизии», включая место междоусобного боя 17 января 1920 года между монгольской и русской частью отряда генерала П.П. Левицкого, а также предполагаемое место захоронения убитых солдат и офицеров в районе Гусиного озера.

Ключевые слова: Азиатская конная дивизия, Отдельная Монголо-Бурятская конная бригада имени Зорикто Батора, генерал-майор П.П. Левицкий, «Дикая дивизия», военная администрация атамана Семенова, Прибайкальский подпольный комитет РКП(б), сражение при Омулевке, партизанское движение в Западном Прибайкалье, руководитель даурского правительства Великой Монголии Нейсе Геген, монголы чахары, монголы харачины, Гусиное озеро

Информация о статье: поступила в редакцию 8 апреля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 21 мая 2020 г.; принята к публикации 15 июня 2020 г.

Для цитирования: Кургузов П.В. Последний бой генерала Левицкого (из истории Селенгинского похода Монголо-Бурятской конной бригады имени Зорикто Батора в январе 1920 г.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 242–252. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-242-252

The last battle of General Levitsky (from the history of the Selenginsky campaign of Mongol-Buryat cavalry brigade named after Zorikto Bator in January 1920)

© Pavel V. Kurguzov

Independent researcher, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article discusses the history of the last military campaign of the Mongol-Buryat cavalry brigade named after Zorikto Bator in the winter of 1919–1920 in the Selenga River Delta. Due to the mixed ethnic composition and cruel behavior in the occupied territories, the brigade was called “Wild Division” in Russian historiography. The author describes in detail the

routes of the brigade, the parking spots. He quotes from archival documents – orders, reports, protocols. Special attention is paid to the role of General P.P. Levitsky. Moreover, he shows positions of the Red partisan forces, the fighting against them and pro-partisan locals from the areas bordering the city of Verkhneudinsk – now the Tarbagataiskii and Selenginskii districts of Buryatia. There is a description of the famous battle near the Omulevka mountain in the Tarbagataiskii district, which took place in January 2020, and went down in history as an example of public resistance, when the inhabitants of Tarbagatai came out "like the whole world" to defend a village in support of the Red partisans against the "Wild Division". The last brigade campaign led by General P.P. Levitsky, as part of the armed Russian-Mongolian formations, along the route Verkhneudinsk-Kyakhta (Mongolia) took place at the end of January 1920 and actually ended with the betrayal and brutal death of the Russian part of the army. A sudden attack and a forced unequal battle took place on the ice of Lake Gusinoe. More than 100 people, including General P.P. Levitsky, were wounded and died at the hands of the Mongolian arms comrades, trying in a hurry to return to Mongolia with the looted property. The historical value of the article is in clarified route of the Wild Division on the basis of previously unpublished archival materials and comparative historiography, including the place of the internecine battle on January 17, 1920 between the Mongolian and Russian parts of the detachment of General P.P. Levitsky, as well as the alleged burial place of killed soldiers and officers in the area of Lake Gusinoe.

Keywords: Asian Cavalry Division, Separate Mongol-Buryat Cavalry Brigade named after Zorikto Bator, Major General P.P. Levitsky, "Wild Division", the administration of Ataman Semenov, the Pribaikalsky underground committee of the RCP(b), the battle of Omulevka, partisan movement in the Western Baikal region, the head of the Daurian government of Great Mongolia Neise Gegen, the Chakhar Mongols, the Kharchin Mongols, Lake Gusinoe

Article info: received April 8, 2020; revised May 21, 2020; accepted June 15, 2020.

For citation: Kurguzov P.V. (2020) The last battle of General Levitsky (from the history of the Selenginsky campaign of Mongol-Buryat cavalry brigade named after Zorikto Bator in January 1920). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 242–252. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-242-252

В конце 1919 г. военно-политическая обстановка на территории восточного Прибайкалья вследствие поражения правительства А.В. Колчака приобрела характер глубокого кризиса всех органов государственной власти и военной администрации атамана Г.Семенова. Организованное Прибайкальским подпольным комитетом РКП(б) партизанское восстание в середине декабря 1919 г., приняло массовый характер и успешно развивалось на территории почти 40 тысяч квадратных километров, в долинах рек Селенги и Чикой, в центре Баргузинского уезда, на территории многочисленных деревень, непосредственно примыкающих к озеру Байкал, в целом охватив более 40 крупных и мелких поселений Восточной Бурятии (История Бурятской АССР…, 1959. С. 113). При этом главный административный центр восточного Прибайкалья – город Верхнеудинск и все станции железной дороги вплоть до Читы находились под контролем белогвардейцев и оккупационных японских и американских подразделений.

В состав Верхнеудинского гарнизона входила и наиболее боеспособная Отдельная Монголо-Бурятская конная бригада имени Зорикто Батора (Батуев, 1977. С. 196). Выделенная из состава Азиатской конной дивизии 11 октября 1919 г, и отправленная из Даурии в Верхнеудинск в начале ноября бригада состояла из двух конных полков: Даурского имени Чингисхана и Бурятского имени Доржи Банзарова (Романов, 2013. С. 237). Общее количество личного состава равнялось восьми сотням. Также в бригаду входил конноартиллерийский дивизион из двенадцати орудийных расчетов.

Большинство личного состава бригады, в основном из состава конницы, были выходцы из Маньчжурии и Внутренней Монголии харачины (харчины) и монголы чахары. Командирами и инструкторами в бригаде были русские и бурятские офицеры. Пулеметные команды и артиллерийские расчеты в бригаде состояли из русских военнослужащих. Младшие офицеры – прапорщики, как правило, были бурятами, выпускниками юнкерской Даурской школы атамана Г.С. Семенова. Командиром бригады был назначен преданный атаману Семенову генерал-майор Петр Петрович Левицкий, боевой соратник по Азиатской дивизии барона Р. Унгерна фон Штернберга (Касаточкин, 2014. С. 66).

Прибыв в Верхнеудинск в ноябре 1919 г., бригада расположилась в красных кирпичных казармах железнодорожного парка в городском районе под названием Зауда (ныне улица Боевая, г. Улан-Удэ). Штаб разместили в центре Верхнеудинска в Ломоносовском училище (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 302. Л. 1). Военный отдел под командованием прапорщика Гармаева – в помещениях 7 и 8-го приходских училищ (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 302. Л. 5). Согласно приказу по 2-му Военному району (центр – г. Верхнеудинск) от 16 декабря 1919 года № 142 генерал-майор с монгольским княжеским титулом Гун, Левицкий П.П., приступил к исполнению обязанностей начальника Верхнеудинского гарнизона (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 233. Л. 3).

В тот же период для борьбы с белогвардейцами партизанским штабом были отправлены небольшие отряды: первый – по направлению на Петровский завод, второй – по линии Гашей – Селенгинск с поворотом по левому берегу р. Селенги на Верхнеудинск, третий отряд должен был, организовывая штабы в селах Бичура и Малый Куналей, продвигаться в бассейне рек Хилок и Чикой. 29 декабря 1919 г., вышедший из села Подлопатки и далее двигавшийся с небольшим отрядом вверх по р. Селенге, партизанский отряд под руководством Е.В. Лебедева атаковал стратегически важный населенный пункт Новоселенгинск, стоящий на тракте Верхнеудинск – Троицкосавск, захватив его и тем самым перерезав сообщение семеновского военного центра в г. Верхнеудинске и приграничной Кяхты (Шишкин, 1957. С. 193).

Примерно в это же время, в последней декаде декабря 1920 года, в 45 километрах от Верхнеудинска, восстал старообрядческий Тарбагатай, центр одноименной волости. В ответ на действия партизанских отрядов из Верхнеудинска, 23 декабря, в Тарбагатай был отправлен карательный отряд под командой Жирнова, в 200 человек (100 сабель и 100 штыков). Отряд занял Тарбагатай без боя, так как партизаны покинули село накануне, отойдя в Бурнашево.

Преследуя партизан, конница Жирнова вступила в бой в районе высот местных Бурнашевских гор под названием Узкое место и Казанцево. После огневого столкновения белогвардейцы вернулись в Тарбагатай. 25 декабря в 3 часа ночи партизаны ударом с двух сторон начали штурм Тарбагатая. В результате неожиданной атаки белый отряд был частично уничтожен, частично пленен. Сам Жирнов, спрятавшись в погребе дома местного крестьянина З.Е. Медведева, был все же схвачен партизанами и после допроса на следующий день расстрелян (Партизаны Прибайкалья..., 1957. С. 93–94).

Известие о разгроме отряда вынудило руководство Верхнеудинского гарнизона организовать более масштабную операцию против тарбагатайских партизан. На этот раз 31 декабря 1919 г., в сторону Тарбагатая отправили части Монголо-Бурятской бригады («Дикой дивизии» генерала П. Левицкого). Отряд состоял, по одним данным, из 400 пехотинцев и 100 конников из монголов чахар, артиллерии в количестве 2 орудий и нескольких пулеметов, по другим сведениям – конницы было до 400 человек, и вместе с обозными солдатами в отряде было около 1000 человек, орудие было всего одно и пулеметов – 2 (Кузьмин, 2011. С. 137). Одновременно с этим отрядом в Новоселенгинск был отправлен отряд из 120 штыков 30-го Нерчинского полка. 1 января 1920 г., части бригады захватили села Иволгинского района: Вахмистрово, Шалуты, Колобки и Кордон. Последние две деревни были заняты с боем.

Двигающиеся по левобережью Селенги части 30-го Нерчинского полка днем 31 декабря захватили деревню Янгажинские ключи. Однако в 7 часов вечера этого же дня местные партизанские отряды из Нижнего Убукуна, Бабкина, Жирима и Шишкина, пользуясь тем, что большая часть солдат этой части была распропагандирована большевиками еще в Верхнеудинске, внезапным боевым налетом захватили это село. При этом личный состав белого отряда практически целиком сдался в плен, перейдя на сторону восставших (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 9).

Для противодействия силам «Дикой дивизии» партизанами был организован общий штаб в Тарбагатае с подчинением ему местных штабов в местных деревнях. Отошедшие красные части от Колобков и Кордона закрепились на выгодной в стра-

тегическом плане высоте в районе горы Омулевка, в 3 километрах севернее Тарбагатая. Оборона была организована таким образом, чтобы при атаке белых окружить их с трех сторон (Борьба за Советы…, 1940. С. 68).

2 января 1920 г. белогвардейцы подошли к Тарбагатаю по замерзшей р. Селенге со стороны деревни Кордон. Чахарские конники Монголо-Бурятской бригады начали наступление с правого фланга, стремясь совершить его обход. После нескольких часов боя, объединенная группа во главе с Мироновым отошла к Омулевским высотам, а центральные отряды К. Лощенкова и К. Думнова помогли отбить атаку чахар.

К концу дня, поддержанные артиллерийским огнем, белые заняли одну из высот правого фланга партизан. После 5 часов ожесточенного боя партизаны бросили в бой последний резерв – оставшиеся две роты из 100 человек. Командующий фронтом и боем К. Лощенков послал в деревню своего заместителя Ф. Чебунина и несколько ординарцев с просьбой к местным жителям выйти всей деревней в район боя. За несколько часов все взрослое население Тарбагатая было собраны в гигантскую колонну. Вооруженная дробовиками, топорами, вилами, пешнями, лопатами и пиками, а кто и просто жердями тысячная толпа народа ускоренным маршем начала приближаться к Омулевке.

Одновременно с этим действием один из отрядов под командованием Писарева (120 человек) из села Бар через деревню Пестерево начал движение в тыл белогвардейцев на линии Вахмистрово – Тарбагатай. Ганзуринский отряд начал заходить также в тыл белых с другой стороны. Увидев перед собой гигантскую людскую массу и испугавшись ударов в тыл и во фланги, бригада начала отступление. Закрепившись в районе с. Колобки и получив сообщение о сдаче в плен отряда 30-го Нерчинского полка в деревне Янгажинские ключи, 2–3 января подразделения бригады начали ускоренный отход в Верхнеудинск (Борьба за Советы…, 1940. С. 69).

Не дождавшись обещанного содействия союзников, в первую очередь американских войск, белогвардейцы приняли решение о вторичной отправке Монголо-Бурятской бригады П. Левицкого в дальний поход против партизан. Конечной точкой маршрута, по мнению главного штаба прибайкальских партизан, был Троицкосавск – Кяхта. По пути планировалось также освободить Новоселенгинск и встретиться с белогвардейцами из бывшего Ургинского отряда атамана Семенова, ставшего основным костяком Крымовского дивизиона полковника А. Львова (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 8).

8 января 1920 г. вышел последний приказ генерал-майора П. Левицкого по Верхнеудинскому гарнизону за № 17, первый параграф которого гласил: «Выезжая сего числа по делам службы из г. Верхнеудинска предлагаю Командиру местного батальона, полковнику Глухареву вступить во временно исполняющего делами Начальника Верхнеудинского гарнизона. Подлинный подписал: Начальник гарнизона, Генерал-Майор Гун Левицкий» (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 233. Л. 23).

Немногим ранее, 6 января 1920 г., передовой отряд «Дикой дивизии», пополненный отрядом русских казаков во главе с есаулом Верхнеудинской станицы полковником Измайловым, выступил из Верхнеудинска направлением на Мухино – Иволгинские ключи – Янгажинский дацан. Далее, общее руководство сводным отрядом взял на себя сам П. Левицкий. В состав отряда входили 400 штыков пехоты и 500 сабель харачино-чахарской конницы при 3 орудиях и нескольких пулеметах. Монгольское руководство в бригаде представлял руководитель даурского правительства Великой Монголии Нейсе Геген и его заместитель Норомпил Гун.

Основные партизанские силы и штаб располагались в селе Колобки. В Мухино стоял небольшой сводный отряд из местных деревень: Бабкино (ныне Краснояро́во), Шишкино (Каленово), Борисово. Вскоре передовые части бригады разбили партизанские дозоры в Мухино, там же был убит красный командир заградотряда, сам отряд был частично рассеян, частично уничтожен. После ухода белых из Мухино, село оказалось наполовину сожжено, наполовину разбито снарядами во время штурма (Бурят-Монголия в борьбе …, 1933. С. 105).

9 января бригада прошла через Вахмистрово и вечером захватила Иволгинские Ключи, остано-

вившись там на ночевку. Так как, белые обошли Колобки, то партизанские силы начали отход по Селенге по направлению к деревне Ганзурино, чтобы опередить силы Левицкого.

10 января, в 23 часа «Дикая дивизия» заняла Янгажинские Ключи и утром двинулась к одноименному дацану (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 8). Здесь П. Левицкий принял решение захватить село Ганзурино с последующим выходом на села Тарбагатай и Десятниково, чтобы уничтожить самых главных партизанских «смутьянов», которые в начале января устроили разгром передовых частей «Дикой дивизии» на Омулевке. Вскоре партизаны после небольшого боя начали организованный отход от деревни Ганзурино, (само село протянулось узкой лентой вдоль Селенги), и когда белые начали входить в село с одной стороны, то красные выходили из него в конце села. К вечеру все партизаны отошли на Тарбагатай практически без потерь.

Вечером на срочном заседании штаба партизанского фронта было принято решение отстоять Тарбагатай и в эту же ночь ударить по занявшим Ганзурино отрядам «Дикой дивизии». Но ночная атака была отбита. Потеряв всех командиров левого фланга, партизаны начали отступать, что послужило общим сигналом к отходу всех отрядов. На рассвете все партизанские соединения снова отошли в Тарбагатай. Благодаря хорошо организованной обороне, части Монголо-Бурятской бригады одержали фактическую победу. При этом надо отметить, что сильное сопротивление, оказанное тарбагатайскими партизанами, также сыграло свою роль. Дальнейший поход белых на Тарбагатай был отложен и «Дикая дивизия» начала отступление для выхода на Кяхтинский тракт.

Еще одним фактором, осложнившим дальнейшее продвижение «Дикой дивизии» в партизанский Тарбагатай, стало известие, прибывшее с вестовым из Верхнеудинска. Приехавший гонец доложил: «Весь гарнизон белых в Верхнеудинске разоружен чехами, отношение японцев к этому неопределенное». Эта новость шокировала командование бригады. Одни предлагали вернуться в Верхнеудинск, другие немедленно двигаться на Троицкосавск и Монголию, на чем настаивало харачино-чахарское командование бригады в лице Нейсе Гегена (Борьба за Советы…, 1940. С. 80).

16 января 1920 г., начальник Березовского и исполняющий делами Верхнеудинского гарнизона Генерал-майор А.В. Мисюра в своем приказе по гарнизону за № 20, уведомил: «1. Сего числа я, ввиду создавшегося неспокойного положения в связи с бывшим выступлением чехословаков вступил в исполнение делами Начальника Верхнеудинского гарнизона (включая и железнодорожный парк). Предлагаю более важные дела, впредь до возвращения Генерал-Майора Левицкого, докладывать мне немедленно. 2. Временно исполняющему делами Верхнеудинского гарнизона полковнику Глухареву обратиться к исполнению своих прямых обязанностей» (ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 233. Л. 13). С одной стороны, этот приказ констатировал окончание противостояния между чехами и администрацией атамана Г. Семенова, с другой – он четко указывает на временный характер командировки П. Левицкого.

Утром 13 января белые начали отход из села Ганзурино под определенным впечатлением от известий из Верхнеудинска. Монголо-Бурятская бригада П. Левицкого ускоренным маршем стала продвигаться вдоль реки Селенги, переночевав в Янгажинском дацане, направлением на Гусиноозерский дацан с обходом партизанского Новоселенгинска. Из дацана бригада отбыла 14 января. Местный ширетуй (руководитель) дацана сообщил в Селенгинск Лебедеву, что в дацане белыми был оставлен один убитый офицер. В окрестностях дацана, в селениях Янгажино и Наросу Тазига, семеновцы и монголы произвели очередные грабежи, отбирая коней, теплые вещи, продовольствие и фураж. При этом местное население не трогали, и на этот раз все обошлось без жертв (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 48).

Миновав Нижний Убукун, бригада сделала еще один привал, заночевав на подступах к Гусиному озеру, в Тохойском (Загустайском) дацане (он располагался в местности Тохой, на левом берегу реки Убукун, у нынешнего села Жаргаланта). Здесь произошел случай, благодаря которому руководство партизан узнало секретные данные о числен-

ности и вооружении «Дикой дивизии», оставшихся после большого сражения в Ганзурино. В село Арсентьево, где находились передовые части партизан, пришел семеновский солдат из отряда П. Левицкого. Будучи насильно мобилизованным уроженцем села Харитоново, он добровольно перешел на сторону партизан. Давая показания, он рассказал, что бригада ночью двинулась по направлению к Гусиному озеру, в ее составе было: 800 человек русских и монгол; вооружение – 4 артиллерийских орудия, к ним 80 снарядов, 12 пулеметов с боезапасом в 3000 патронов. Бригадой руководит генерал Левицкий, а также 4 полковника и много офицеров (ГАРБ. Р. 1401. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.).

Можно предположить, что в пути П. Левицкий узнал о разгроме Троицкосавского атамана Семенова конного дивизиона имени генерала Крымова в районе Окино-Ключей, произошедшего 8 декабря 1920 г., а также о подробностях кровопролитного сражении под Зардамой (Бичура) между сводным японо-белогвардейским отрядом под командованием подполковника В.А. Иеропеса, вышедшего из г. Петровский Завод 4 января 1920 г. и бичурскими партизанами (Новиков, 2005. С. 209).

Стала известна и информация о вводе по просьбе Троицкосавской Думы во главе с А. Эповым и И. Смолевым китайских оккупационных войск в Кяхту, Усть-Кяхту, Троицкосавск, а также в близлежащие деревни, вплоть до Кирана и Усть-Кирана. Это произошло 14 января 1920 г. (Кравцов, 1977. С. 120).

Достигнув Гусиноозерский дацан (в местности Тамча), бригада остановилась на отдых также 14 января. В Тамче, как предполагают многие исследователи, состоялся жесткий разговор между Левицким, Измайловым и другими русскими офицерами, с одной стороны, и Нейсе Гегеном и Гуном Норомпилом, представлявших монгольских конников, с другой. Спор касался нежелания монголов возвращаться в Верхнеудинск. Они предлагали двигаться в Монголию (Гирченко, 1940. С. 74). Набивши подводы награбленным имуществом, они хотели вернуться к себе на родину в Баргу, пройдя по югу русско-монгольской границы, заодно, возможно, попытавшись реализовать план восстания против китайцев, оккупировавших Внешнюю Монголию.

Утром 17 января отдохнувшая бригада начала возвращаться по льду Гусиного озера в направлении Верхнеудинска. Один из русских солдат, попавший в дальнейшем в плен к партизанам, рассказал следующее: «Въехали мы на Гусиное озеро. Чахары ехали впереди. Мы все сидели на подводах. Чахарские всадники понемножку начали отставать, охватывая наши подводы. Вдруг раздалась резкая команда на чахарском языке. Чахары карьером подлетели к подводам, засверкали шашки, началась рубка. В первую голову был зарублен командный состав, а затем рубили, кого попало. Мы бросились врассыпную. За нами охотились как за зайцами, и лед Гусиного озера был усыпан трупами. Спаслось немного. Всех убитых чахары раздели, стащили в кучи, а генерала Левицкого и его соратников голыми поставили на лед и приморозили» (Борьба за Советы…, 1940. С. 81). Современник барона Унгерна Н.М. Рябухин (Рябо), врач Азиатской дивизии в своей переписке с еще одним унгерновцем Б.Н. Волковым, указывал в составленной им анкете, как погиб генерал Левицкий, что последний был «бит, измучен, выпотрошен и набит соломой» (Соколов, 2006. С. 443).

Иркутский краевед и историк, А.Н. Адгоков (Турунов) описал это событие так: «…Левицкий повернул с Гусиноозерского дацана обратно, изменив первоначальный план движения. В рядах отряда росло недовольство, главным образом в рядах харшин (харачинов). По льду озера отряд подходил уже к Загустаю, здесь в местности Ашарун – Шегуй монголы, предводительствуемые князем Ничитоином (Нейсе Гегеном) и генералом Норомпылом, неожиданно напали на своих союзников и изрубили до ста русских семеновцев, в числе их погиб и генерал Левицкий. Отряд харшин возвратился в Гусиноозерский дацан, направляясь отсюда в Маймачен, продолжая громить и грабить встречное население. Покидая враждебно настроенный к ним край, семеновцы не стеснялись в средствах расправы, угонялись лошади и скот, отбирались шубы, обувь, ценные вещи, деньги – все, что только попа-

далось на глаза стяжательным монголам и что только можно было взять с собой» (Адгоков, 1923. С. 6).

Вопрос о численности погибших русских офицеров и солдат до сих пор остается дискуссионным, так как достоверное число убитых и раненных все еще неизвестно. Первым и наиболее достоверным источником является сообщение Бюллетеня военно-революционного штаба Прибайкалья от 23 января 1920 г., в котором говорится: «На Гусином Озере в бою 17 января между монголами и русскими убит генерал Левицкий и палач полковник Измайлов, насчитано 73 трупа убитых монголами русских семеновцев, есть раненые по сторонам (обоим), всего, наверное, до ста человек. Монголы своих убитых увезли с собой» (Борьба за Советы…, 1940. С. 258). Упоминавшийся уже А.Н. Адгоков, в 1923 г. говорит уже о 100 зарубленных семеновцах, П.Т. Хаптаев в своей монографии от 1967 г., пишет о 173 погибших, вероятно прибавив к убитым и раненых (Хаптаев, 1967. С. 146).

Изучая подробности этого боя, нельзя не вспомнить еще один факт, упоминаемый русским эмигрантом И.И. Серебренниковым: «Дикая бригада атамана Семенова, стоявшая в Верхнеудинске, в январе 1920 г. отправилась в глубь Селенгинского края в карательную экспедицию в составе монгольского конного полка, русской роты и батареи. Монгольский полк состоял преимущественно из внутренних монгол и харачин под командованием русских офицеров. При экспедиции находился и Нейсе-Гэгэн. На обратном ее пути монголы неожиданно окружили русскую роту и батарею и жестоким огнем уничтожили почти всех русских. Из огневого кольца смогло выбраться только около 50 человек, которые вышли затем к Байкалу, к городу Мысовску, где почти все, за исключением нескольких человек, попали в плен к красным» (Серебренников, 2003. С. 95).

В книге Б.В. Базарова, приводится показание одного из известных деятелей бурятской интеллигенции того периода, переводчика Ц.-Е. Цыдыпова, касающегося гусиноозерской трагедии: «Однажды монголы окружили русские части, уничтожили всех вместе с Левицким, оставив только несколько офицеров из батареи и двинулись в путь» (Базаров, 2002. С. 40).

Исходя, из перечисленных свидетельств можно предположить, что уничтожены были не все русские солдаты, а спаслось их достаточно большое количество. В воспоминаниях известного участника партизанского движения в Кабанском районе С. Горбова, командира Татауровского сторожевого отряда, есть описание эпизода с семеновцами из «Дикой дивизии». Он рассказывает: «Так были обезоружены остатки «дикой дивизии», около 100 человек, ехавшие из Мысовска, куда они бежали после поражения их монголами на Гусином озере. Произведенным у них обыском обнаружены у 20 человек награбленные вещи в мешках» (Бурят-Монголия в борьбе…, 1933. С. 94). В этом тексте указана цифра без малого в 100 человек русских семеновцев, бежавших после Гусиноозерского побоища через Удунгинский тракт на Байкал.

Кроме этого, показательно, что небольшая часть русских и бурятских солдат, избежав убийства, осталась в бригаде живыми и невредимыми. Далее, перейдя монгольскую границу, она продолжила участвовать в совместных грабительских налетах харачино-чахаров на русские, монгольские и китайские селения вдоль границы в районе Чикоя на монгольской стороне (ГАРБ. Р. 895. Оп. 1. Д. 5. Л. 14, 15). Несколько русских казаков бригады из Верхнеудинской станицы были даже взяты в плен в Джидинском районе возле Цаган-Усуна, в местечке Крепсово, перед выходом «Дикой дивизии» на территорию Монголии (Мельников, 2011. С. 237).

После окончания боя (а то что, это был, полноценный боевой конфликт, говорит тот факт, что были зафиксированы раненые и убитые с обеих сторон, и значит, часть русских семеновцев оказала сопротивление при нападении, хотя и вследствие внезапности потерпела полное поражение), монголы начали приводить в порядок свои сотни. При этом ими были брошены автомобиль, артиллерийские орудия и часть пулеметов, а также некоторое количество угнанных лошадей.

Одно из брошеных орудий оказалось бесполезным вследствие отсутствия замка (ГАРБ. Р. 713. Оп. 1. Д. 57. Л. 10), что также способствовало появ-

лению исторических данных о событии на Гусинном озере. 21 января в Селенгинский военно-революционный аймачный комитет поступило донесение, в котором говорилось: «Замок к трехдюймовому орудию Штабом получен. Доставил этот затвор гражданин Гунсын Абидуев, который заявил, что замок он столкнул, со своей телеги возвращаясь из Загустая в Дацан после расстрела монголами русских солдат. С целью доставить таковой (позже) в Селенгинский военно-революционный штаб после ухода монголов из Тамчина. Сомневаясь в правдивости заявления Абидуева ВР Штаб просил Аймачный Воен. Рев. Комитет выяснить и сообщить, когда и при каких обстоятельствах найден вышеозначенный замок. Подпись: Председатель ВРШ Рябов». Далее на обороте листа была сделана надпись: «Тамчинскому Сомонному Революционному Комитету. Предлагается дополнить в какое время гр. Абидуев бродил по Дацану, или после ухода монголов в Загустай или же после ухода их в сторону Думы. Января 22 дня 1920 г. № 1. За Председателя Селенгинского Аймачного Ревкомитета подписал Цыденов (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 134, 134 об.).

По сообщению А.Н. Адгокова после боя монголы отошли на стоянку в Гусиноозерский дацан. Но анализ переписки Селенгинского ВРШ с Аймревкомом (в том числе приведенный выше документ) позволяет утверждать, что остатки Монголо-Бурятской бригады прошли, не останавливаясь возле Гусиноозерского (Тамчинского) дацана, скорее всего 18 января (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 21).

Перед выходом на Селендумскую равнину монголы сделали стоянку недалеко от северо-западного берега Гусиного озера, вновь дойдя до Тахойского (Загустайского) дацана, то есть по направлению к Верхнеудинску. Помимо стоянки, видимо, был и ночной отдых с 17 на 18 января 1920 г. Затем ее части, развернувшись, ускоренным маршем двинулись в направлении бывшей Селенгинской Степной Думы в устье реки Темник при впадении ее в Селенгу (район Селендумы) мимо уже разграбленного Гусиноозерского дацана, преследуемые местными партизанами и ведя спорадические перестрелки и боевые столкновения. Затем, уйдя вправо через Сосновку, 20 января монголы прибыли в Джидинский район, остановившись в Дырестуйском дацане. По дороге проходя через Боргойские степи, они продолжили свою неизменную практику грабежей местных жителей, отбирая у джидинских бурят скот, лошадей, одежду и продовольствие.

Военным командованием партизан был организован особый Северо-Западный фронт против «Дикой дивизии» с центром в Селенгинске. Возглавил его один из соратников П.П. Смолина Я.Д. Антонов. Прибыв в Джидинский район, Я.Д. Антонов перенес свой оперативный штаб из Селенгинска в село Иннокентьевское. Под его командованием, помимо своего отряда, были сконцентрированы несколько партизанских соединений во главе со своими командирами Сотниковым, Бобылевым и А.И. Брютиковым, общей численностью около 300 человек. Вследствие недостатка боеприпасов и малочисленности сил Я.Д. Антонов перебросил с Иволгинского фронта еще 107 человек, включая 29 конников. В задачу последних входило оперативное снабжение войск патронами. Прибывший отряд был размещен в Билютае, через который проходило большое количество проселочных дорог (Партизанское движение…, 1965. С. 148).

Одновременно с организацией местного отряда Я.Д. Антонов принял меры для организации защитного кордона вокруг Дырестуйского дацана, где стояли монголы. По приезду в свой штаб в тот же день Антонов отправил своего заместителя Ковригина в станицу Цаган-Усун и деревню Енхор с целью организации обороны этих сел. Отряд А. Брютикова в 200 человек вечером двинулся в Зарубино, не дойдя до которого заночевал в Бутихе и Няньге. Отряд Сотникова занял Убур – Билютай, перекрыв проход непосредственно в стратегический пункт Билютай. Отряд Бобылева из Подлопаток занял Боргой, преграждая путь на Иннокентьевскую и угрожая ударом по монголам в тыл при выходе их из Дацана. Джидинский отряд А. Злыгостева из 130 человек также подошел в Зарубино, но при приближении монгольских застав отошел в Затон. В результате в ночь на 27 января чахары заняли Зарубино, ограбив половину его жи-

телей. Переночевав там, утром 28 января они двинулись по Селенге, не вступая в китайскую зону оккупации. Вечером они заняли Цаган-Усун, где по обыкновению предались грабежу, и после ночлега, 29 января в 11 часов утра, недалеко от поселка Наушки они перешли в Монголию, покинув территорию России (Партизанское движение…, 1965. С. 149–150).

Тела тех, кого конники из Внутренней Монголии считали до боя на Гусином озере своими боевыми товарищами, остались лежать на льду озера, сваленными в кучи. Только через несколько месяцев были погребены в братской могиле на берегу озера. Это было сделано лишь через 2 месяца после боя, что следует из сохранившейся переписки по поводу захоронения трупов убитых русских солдат и офицеров «Дикой дивизии». Так, 20 марта Административный отдел Временной Земской власти Прибайкалья отправил из Верхнеудинска в Оронгойский хошунный ревком директиву следующего содержания: «Предлагается Вам немедленно предать земле трупы убитых на Гусином озере Семеновских банд, за счет Совета. Заведующий админотдела Мальков» (ГАРБ. Р. 502. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). В это же время другой орган власти, Крестьянский комитет Прибайкалья (г. Верхнеудинск), 17 марта 1920 г., в своем письме на имя Селенгинского аймачного исполкома за № 702, указывал: «Трупы убитых во время прохода дикой дивизии предлагаем сжечь в самом непродолжительном времени. Об исполнении сообщить. Подпись: Председатель комитета М. Лощенков» (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 32). После двухнедельного молчания, Селенгинский Аймачный ревком 5 апреля 1920 г., в запросе под № 744, за подписью И.О.Председателя Буянтуева, потребовал донести: «сожжены ли трупы убитых на Гусином озере(?)» (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об.). За несколько дней до этого, 2 апреля 1920 г., в Загустайском ревкоме состоялось собрание, на котором было принято решение о захоронении и заключен подряд на его выполнение с местным жителем. В итоге, 10 апреля 1920 г., в Селенгинский аймачный ревком, за № 196, был отправлено последнее письмо на эту тему. «По предписанию вашему… о сжигании трупов убитых на Гусином озере во время прохода дикой дивизии нами было вырешено общим собранием от 2 апреля сего года, о зарытии вышеупомянутых трупов. Мы наняли обществом Бадму Будаева за цену 31 пуд круглого хлеба. На том же месте, где было собрано нами (видимо там же, куда их свезли ранее) в местности Ахуре (в современном звучании – Ахыр), от берега озера, в саженях около 40-ка (примерно, 80 метров), выкопана яма при присутствии члена ревкома Тугутова. Яма глубиной 9 четвертей (видимо, считается от 1 сажени, примерно 1 метр 80 см.), шириной (также) 9 четвертей, длиной 4 саженей (ок. 8 метров). Всего трупов оказалось 40 с лишком. Сверху трупы покрыты драньем (старыми досками) и зарыты землей, об этом доносим до вашего сведения. Подписи: За Председателя Загустайского ревкома Тугутов. Член ревкома Доржиев» (ГАРБ. Р. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 56, 56 об.).

Приведенный документ, с одной стороны, уточняет место захоронения и соответственно участок самого боя, с другой – ставит вопросы по поводу количества непосредственно убитых семеновских солдат и офицеров. Если их по данным центрального Военно-революционного штаба, было 73, то куда при захоронении исчезли еще 30 человек и были ли они вообще. Хотя существует еще одно свидетельство, которое открывает и эту тайну. Согласно воспоминаниям партизана из отряда А. Брютикова, бывшего рабочего кожевенного завода с. Ганзурино, Н.Н. Бадмаева, после обнаружения места побоища на Гусином озере, партизанами: «трупы их были сложены в юрту, около 70 человек, … пришлось некоторым родственникам едва узнать своих сыновей и везти домой, из числа которых многие были (мобилизованы) из ближайших деревень, таких как Подлопатки, Ключи и др. (ГАРБ. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 282. Л. 3, 4). Похоронен ли был в Загустае, П.П. Левицкий тоже доподлинно неизвестно, но является вполне возможным, так как оставшиеся похороненные на берегу Гусиного озера более 40 человек, не имели здесь ближайших родственников, которые могли забрать их тела, и остались лежать в общей братской могиле.

В своем историко-биографическом исследовании «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович, утвер-

ждает, что: «…харачины и чахары начали убивать спящих русских офицеров и казаков. Было вырезано около сотни человек, сам Левицкий пропал без вести. Одни утверждали, что он погиб, другие – что в темноте ему удалось бежать» (Юзефович, 2012. С. 182). А далее в примечаниях добавляет, что: «Последнее маловероятно, и его внучка С.А. Шерстенникова из Екатеринбурга, сообщила, что, по словам жившего в Австралии участника этих событий И.Е. Писарева, Левицкий в ту ночь был убит харачинами. Однако его жена, Лидия Ивановна (Левицкая) всю жизнь верила, что муж остался жив, хотя в дальнейшем от него не поступало никаких вестей» (Там же. С. 182).

И в советское, и в постперестроечное время история селенгинского рейда «Дикой дивизии» привлекала неизменный интерес. Не последнюю роль здесь играла связь «Дикой дивизии» с панмонгольским национальным проектом, а также трагические подробности обстоятельств смерти командира бригады П.П. Левицкого и его офицеров. Через год соратник атамана Г. Семенова, барон Р. Унгерн, захватив столицу Монголии Ургу, решил завершить неудачную попытку П. Левицкого, попытавшись соединить Восток и Запад, возродив поверженные империи России и Китая. Но, так или иначе, конец Азиатской дивизии Р. Унгерна и ее даурского осколка в виде Монголо-Бурятской бригады имени Зорикто Батора был предсказуемо похожим – в конце и того и другого ожидали предательство и смерть. Правы ли были те исследователи, которые утверждали, что Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и вместе им не быть? Вопрос этот по-прежнему волнует новые поколения историков и остается предельно дискуссионным.

Библиографический список

Адгоков А. Потери гражданской войны по Селенгинскому аймаку Бурят-Монгольской автономной области. Иркутск: Издание Селенгинского Аймачного Исполнительного комитета, 1923. 24 с.

Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 68 с.

Батуев Б.Б. Борьба за власть советов в Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1977. 224 с.

Борьба за Советы в Бурят-Монголии. (1918–1920 гг.) (Воспоминания и материалы) / под редакцией Г. Рейхберга. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 284 с.

Бурят-Монголия в борьбе за Советы (Сборник воспоминаний и документов) / под редакцией М. Гудошникова, И. Кузнецова, Ф. Шулунова. Иркутск: Партийное издательство. Восточносибирское краевое отделение, 1933. 216 с.

Гирченко В. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.). Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1940. 110 с.

История Бурятской АССР: в 2 т. Т. II. / под ред. П.Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. 644 с.

Касаточкин Д.Р. Отдельная Монголо-Бурятская конная бригада имени Зорикто Батора // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2014. № 1. С. 65–75.

Кравцов В.Т. Кяхта революционная. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1977. 240 с.

References

Adgokov A. (1923) Losses of the Civil War along the Selenginsky aimak of the Buryat-Mongol Autonomous Region. Irkutsk: Edition of the Selenginsky Aymachny Executive Committee. 24 p. (In Russ.)

Bazarov B.V. (2002) Unknown from the history of Pan-Mongolism. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 68 p. (In Russ.)

Batuev B.B. (1977) The struggle for power of Soviets in Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 224 p. (In Russ.)

Reikhberg G. (1940) The struggle for the Soviets in Buryat-Mongolia. (1918–1920) (Memoirs and materials). Moscow: Partiinoe izdatel'stvo. State Socio-Economic Publishing House. 284 p. (In Russ.)

Gudoshnikov M. (1933) Buryat-Mongolia in the struggle for the Soviets (Collection of memoirs and documents). Irkutsk: Party Publishing House. East Siberian Regional Branch. 216 p. (In Russ.)

Girchenko V. (1940) Imperialist intervention in Buryat-Mongolia (1918–1920 gg.). Ulan-Ude: Burmongiz. 110 p. (In Russ.)

Khaptaev P.T. (1959) The history of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic in two volumes. Vol. II. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 644 p. (In Russ.)

Kasatochkin D.R. (2014) Separate Mongolo-Buryat equestrian brigade named after Zorikto Bator. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. No. 1. P. 65–75. (In Russ.)

Kravtsov V.T. (1977) Kyakhta revolyutsionnaya. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 240 p. (In Russ.)

Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

Мельников И.Д. Гражданская война в Джиде. 1918–1921 гг. Сборник статей, воспоминаний и биографических сведений участников Гражданской войны. Улан-Удэ: Мельников И.Д., 2011. 397 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. Москва: Центрполиграф, 2005. 415 с.

Партизанское движение в Бурятии. Сборник документов / отв. ред. Б.Д. Цыбиков. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. 456 с.

Партизаны Прибайкалья (Воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии) / отв. ред. К.Е. Маслов. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное издательство, 1957. 270 с.

Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.

Серебренников И.И. Гражданская война в России: великий отход. Москва: АСТ. Ермак, 2003. 697 с.

Соколов Б.В. Барон Унгерн. Черный всадник. Москва: АСТ-Пресс книга, 2006. 448 с.

Хаптаев П.Т. Бурятия в годы Гражданской войны. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1967. 264 с.

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. Москва: Воениздат МО СССР, 1957. 268 с.

Юзефович Л. Самодержец пустыни. Барон Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2012. 672 с.

Kuz'min S.L. (2011) The Story of Baron Ungern: Experience of Reconstruction. Moscow: KMK Scientific Publishing Partnership. 659 p. (In Russ.)

Mel'nikov I.D. (2011) Jeda Civil War. 1918–1921 A collection of articles, memoirs and biographical information of participants in the Civil War. Ulan-Ude: Mel'nikov I.D. 397 p. (In Russ.)

Novikov P.A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Centerpoligraph. 415 p. (In Russ.)

Tsybikov B.D. (1965) Partisan movement in Buryatia. Collection of documents. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 456 p. (In Russ.)

Maslov K.E. (1957) Partisans of the Baikal region (Memoirs of participants in the Civil War in Buryat-Mongolia). Ulan-Ude: Buryat-Mongolian book publishing house. 270 p. (In Russ.)

Romanov A.M. (2013) Special Manchurian detachment of Ataman Semenov. Irkutsk: Ottisk. 308 p. (In Russ.)

Serebrennikov I.I. (2003) The Civil War in Russia: a great departure. Moscow: AST. Ermak. 697 p. (In Russ.)

Sokolov B.V. (2006) Baron Ungern. Black horseman. Moscow: AST-Press book. 448 p. (In Russ.)

Khaptaev P.T. (1967) Buryatia during the Civil War. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 264 p. (In Russ.)

Shishkin S.N. (1957) Civil War in the Far East 1918–1922 Moscow: Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR. 268 p. (In Russ.)

Yuzefovich L. (2012) Autocrat of the desert. Baron Ungern-Sternberg and the world in which he lived. Moscow: Ad Margin Press LLC. 672 p. (In Russ.)

Критерии авторства

П.В. Кургузов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

P.V. Kurguzov conducted a compilation, prepared the manuscript, documents and illustrations for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Кургузов Павел Владимирович,
независимый исследователь,
670047, г. Улан-Удэ, абонентский ящик 3904, Россия,
✉ e-mail: bpnf1968@bk.ru

Information about the author

Pavel V. Kurguzov,
Independent Researcher,
PO Box 3904, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: bpnf1968@bk.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 061.23:364(571.513)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-253-265

Советский опыт волонтёрского движения (на примере Хакасии)

© Н.Н. Медведева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

Аннотация: В статье рассматривается эволюция волонтёрского движения в РФ на примере отдельно взятого субъекта – Хакасии. В дореволюционной России волонтёрское движение было представлено скаутами, деятельность которых была непродолжительной. На смену скаутам пришли пионеры, отряды которых имелись во всех школах Советского Союза. Годы Великой Отечественной войны вызвали к жизни массовое детское движение, получившее название тимуровского по имени главного героя из повести детского писателя А. Гайдара «Тимур и его команда». Пионерское и тимуровское движения представляют собой советский опыт волонтёрского движения. Хакасия имела статус автономной области (ХАО) в составе Красноярского края. Первые пионерские отряды появились в области в 1920-е гг., в предвоенные годы отмечался рост численности пионеров. В военные годы в Хакасии, как и по всей стране, тимуровское движение стало необычайно популярным среди детей. Основная цель тимуровцев – оказание помощи семьям участников войны. Они рассматривали свою альтруистическую деятельность как способ борьбы с фашистской агрессией. В этом проявился патриотизм советских детей. В последующие годы спектр деятельности тимуровцев значительно расширился. Первоначально тимуровское движение развивалось независимо от пионерского, хотя среди тимуровцев было немало пионеров и октябрят. В послевоенный период изменился его статус: оно стало рассматриваться как составная часть пионерского движения. Несмотря на эти изменения, добровольцы по-прежнему оказывали помощь нуждающимся на безвозмездной основе. Их деятельность продолжалась до конца 1980-х гг. В настоящее время в связи с развитием волонтёрского движения советский опыт добровольчества является востребованным.

Ключевые слова: волонтёрство, добровольческое движение, скауты, пионерское движение, тимуровское движение, РКП(б) (Российская Коммунистическая партия (большевиков)), ВКП(б) (Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)), КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза), РКСМ (Российский Коммунистический Союз Молодёжи), ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи), ВПО (Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина), Хакасия

Информация о статье: поступила в редакцию 29 апреля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 14 мая 2020 г.; принята к публикации 1 июня 2020 г.

Для цитирования: Медведева Н.Н. Советский опыт волонтёрского движения (на примере Хакасии) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 253–265. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-253-265

Soviet experience of the volunteer movement (on the example of Khakassia)

© Nadezhda N. Medvedeva

Khakass State University named after N.F. Katanov, Abakan, Russia

Abstract: The article considers the evolution of the volunteer movement in the Russian Federation on the example of Khakassia. In pre-revolutionary Russia, the volunteer movement was represented by scouts, whose activities were short-lived. The scouts were replaced by pioneers, whose detachments were available in all schools of the Soviet Union. The years of the Great Patriotic War brought to life a mass children's movement, called Timurovsky after the main character from the story of the children's writer A. Gaidar “Timur and his team”. The Pioneer and Timur movement represent the Soviet experience of the volunteer movement. Khakassia had the status of an Autonomous region (KhAR) within the Krasnoyarsk territory. The first Pioneer detachments appeared in the region in the 1920s. in the pre-war years, there was an increase in the number of pioneers. During the war years in Khakassia, as well as throughout the country, the Timur movement became extremely popular among

children. The main goal of Timurovtsy members is to provide assistance to the families of war participants. They viewed their altruistic activities as a way of fighting fascist aggression. The patriotism of Soviet children was shown in this. In the following years, the range of activities of Timurovtsy members has expanded significantly. Initially, the Timurtsy movement developed independently of the Pioneer movement, although there were many pioneers and Octoberists among the Timurovtsy members. In the post-war period, its status changed: it was considered as an integral part of the Pioneer movement. Despite these changes, volunteers continued to provide free assistance to those in need. Their activities continued until the end of the 1980s. Currently, due to the development of the volunteer movement, the Soviet experience of volunteerism is in demand.

Keywords: volunteerism, voluntary movement, scouts, Pioneer movement, Timurovtsy movement, RCP (b) (Russian Communist party (Bolsheviks)), CPSU (all-Union Communist party (Bolsheviks)), CPSU (Communist party of the Soviet Union), RKSM (Russian Communist Youth Union), VLKSM (All-Union Leninist Communist Youth Union), VPO (all-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin), Khakassia

Article info: received April 29, 2020; revised May 14, 2020; accepted June 1, 2020.

For citation: Medvedeva N.N. (2020) Soviet experience of the volunteer movement (on the example of Khakassia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 253–265. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-253-265

Проблема нравственного воспитания подрастающего поколения во все времена являлась актуальной, её актуальность очевидна и в настоящее время. Воспитание патриотизма у молодых россиян, нравственное становление подростков вновь становятся приоритетными для современной системы образования, обратившейся к идейному наследию СССР. Советский опыт патриотического воспитания был представлен пионерскими и тимуровскими организациями, которые являются непосредственными предшественниками современных волонтёров.

Пионерская организация возникла на основе скаутского движения, существовавшего ещё в дореволюционной России. Скаутизм, по мнению большевиков, – буржуазное явление, неприемлемое для советских детей. Однако идеи скаутинга оказались настолько привлекательными для школьников страны Советов, что кардинально изменив его идеологию, партийное руководство рекомендовало использовать скаутские методы воспитания в форме пионерского движения. Как указывает один из современных исследователей данной проблематики В.А. Кудинов, внутри детского движения могли быть различные временные и ситуативные движения по интересам. В пионерской организации это было тимуровское движение (Кудинов, 1994. С. 6)[1].

Во всех школах Советского Союза существовали отряды тимуровцев, шефствовавших в первую очередь над ветеранами Великой Отечественной войны. Тимуровское движение, являясь частью пионерского движения, носило политизированный характер и было подчинено коммунистической идее, выразителем которой являлся ВЛКСМ (Медведева, Фёдоров, 2019. С. 4). Движение юных волонтёров, становление и бурное развитие которого пришлось на годы Великой Отечественной войны, просуществовало несколько десятилетий и прекратилось в конце 1980-х годов, когда рухнула вся советская система. Тимуровцы всего необъятного Советского Союза, в том числе и Хакасии, были романтиками, энтузиастами, альтруистами, нацеленными на оказание бескорыстной помощи всем людям, нуждавшимся в ней.

6 декабря 2017 г. Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Указ, который провозгласил 2018 год Годом добровольца (волонтёра). Президентский Указ стал точкой отсчёта в развитии массового волонтёрского движения в новейшей истории России. Вслед за президентским Указом Государственная Дума РФ 26 января 2018 г. приняла Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

[1] Кудинов В.А. Общественные организации детей и молодёжи в России в XX веке: дис. … на соискание учёной степени доктора исторических наук. Кострома, 1994. 367 с.

рации по вопросам добровольчества (волонтёрства)».

Ещё ранее, в 2014 г., была утверждена концепция «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В Хакасии была принята аналогичная программа «Молодежь Хакасии (2015–2020 годы)». Наличие разработанных программ свидетельствует о том, что государственные структуры разных уровней намерены всемерно поддерживать волонтёрское движение в стране и регионе и, следовательно, у него есть перспектива дальнейшего развития.

Французское слово «volontaire» дословно обозначает лицо, добровольно поступившее на военную службу. В настоящее время термин используется в более широком смысле: волонтёр – это доброволец, человек, добровольно занимающийся безвозмездной общественной деятельностью, альтруист.

Тема волонтёрства как научная проблема оказалась недостаточно теоретически разработанной. В отечественной историографии представлены его отдельные эпизоды на примере скаутских организаций, пионерских и тимуровских отрядов. Их деятельность анализировалась преимущественно с точки зрения педагогической науки, что вполне оправданно, но часто без исторического контекста.

История российского волонтёрства или добровольчества относится к началу XX столетия. В царской России среди подростков были необычайно популярны скаутские организации, их история отражена в немногочисленных публикациях дореволюционных авторов (Жуков, 1918). Детскому и молодежному движению в Советской России посвящено небольшое количество исследований, написанных с точки зрения марксистско-ленинской идеологии (Дружины идут по «ступеням», 1960; Ухъянкин, 1961; Яковлев, 1962; Эстафета пионерских поколений, 1972; Фурин, Симонова, 1977; История ВЛКСМ…, 1978 и др.). Детское движение, представленное пионерскими дружинами и отрядами, рассматривалось партийными идеологами как единственно возможное в условиях советской тоталитарной системы.

Перестройка 1980-х гг. завела Советский Союз в глубокий системный кризис, в таком же кризисе оказалась и Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. В условиях развернувшейся гласности в 1987 г. в стране прошла общесоюзная дискуссия по теме «Какой быть пионерской организации?». Результаты дискуссии поразили руководителей ВПО: 90 % пионеров не чувствовали себя хозяевами своей организации, они были подчинены чужой воле – воле взрослых («Эй, кто с нами?!», 1990. С. 3). И это стало одной из причин, наряду с другими, ликвидации пионерской организации.

В 1990-е – начале 2000-х гг. с учётом изменившихся методологических подходов в исторической науке детское движение вновь привлекло внимание исследователей из Костромы В.А. Кудинова[1] и Улан-Удэ А.Н. Балакирева[2]. Они проследили эволюцию детского движения в СССР, начиная со скаутов до пионеров эпохи перестройки, не обошли вниманием и тимуровцев.

В начале 2000-х гг. педагогическая наука вновь обратилась к проблеме волонтёрского движения, рассматривая его как один из методов нравственного воспитания подростков (Паршина, 2009; Паршина, Трофимова, 2011 и др.), активизировались социологические исследования этого молодёжного феномена (Сычёва, 2017[3] и др.). По мнению Ю.В. Паршиной, «добровольчество – общечеловеческая ценность, показатель социального здоровья общества» (Паршина, 2009. С. 108).

На региональном уровне аналитических работ по рассматриваемой проблематике крайне мало. В советский период в Хакасии изучалась преимущественно история пионерской организации с позиций классового подхода (Полетаева, 1972; Ануфриев, Сухих, 1982 и др.). В последние годы в регионе много внимания стало уделяться волонтёрству,

[2] Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991 гг.): автореф. дис. ... на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2006. 23 с.

[3] Сычёва А.В. Добровольческое движение современной российской молодёжи как фактор развития гражданского общества: автореф. дис. ... на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Тула, 2017. 286 с.

свидетельством тому являются многочисленные публикации в местной периодике, научно-практические конференции («Система патриотического воспитания в Республике Хакасия: проблемы, традиции, потенциал, перспективы», 2012 и др.). Результаты деятельности советских и современных волонтёров представлены в научно-популярном издании «Волонтёрство в Хакасии: история и современность», которое в систематизированном виде представило этапы развития и формы волонтёрского движения в отдельно взятом регионе РФ (Медведева, Фёдоров, 2019).

Первыми волонтёрами в дореволюционной России являлись скауты, идеология которых оформилась в начале XX века. В «Педагогической энциклопедии» этому термину даётся следующее определение: «скаутизм (от англ. scout – разведчик) – одна из самых распространённых форм буржуазного детского и юношеского движения, основанная на специально разработанной системе воспитания, получившей название "скаутинг"»[4]. Главная цель скаутского движения – воспитать у подрастающего поколения преданность своей стране. Основателем нового движения, принявшего массовый характер, стал британский полковник Р. Баден-Поуэлл, который на основе практического опыта сформулировал основные принципы и законы скаутов. Программа их патриотического воспитания была выражена в лозунге «Всегда и везде помогать людям», подкреплявшемся клятвой: «Во всякое время помогать ближним» (Баден-Поуэлл, 1918. С. 53).

Скаутское движение просуществовало в России сравнительно недолго: с 1909 по 1926 гг. Уже в 1917 г. в рядах российских скаутов, организации которых существовали в 143 городах с общей численностью 50 тыс. человек[4], произошёл идейный раскол: значительная часть скаутов выступила на стороне контрреволюции – это были «белые» скауты, другая часть поддержала большевиков, соответственно, их стали называть «красными» скаутами.

В годы Гражданской войны российские скауты помогали разыскивать бездомных детей, организовывали отряды детской милиции и оказывали помощь нуждающимся на безвозмездной основе. Однако скаутское движение, несмотря на несомненную пользу для страны, ещё не оправившейся от разрухи, голода и военных потерь, при новой власти было обречено на уход с исторической арены: в постмонархической России скауты победившей партией рассматривались как оппозиционное движение.

Большевистское руководство страны проявляло беспокойство о своей будущей смене, которую должна была представлять принципиально новая детская организация. У истоков нового движения стояли видный партийный деятель, педагог-марксист Надежда Константиновна Крупская и один из идеологов русского скаутизма, поддержавший РКП(б) Иннокентий Николаевич Жуков. Н.К. Крупская, внимательно изучив систему воспитания английских скаутов, предложила создать детскую организацию «скаутскую по форме и коммунистическую по содержанию» (Крупская, 1959. С. 48). Ярым противником этой идеи выступил историк-марксист М.Н. Покровский, однако большинство коммунистов поддержало Крупскую. Концепция, разработанная Н.К. Крупской и И.Н. Жуковым, составила теоретическую основу нового движения в Советской России – пионерского, объединявшего подростков рабоче-крестьянского происхождения.

Первые пионерские отряды появились в феврале – апреле 1922 г. в разных промышленных районах Москвы. 19 мая 1922 г. II Всероссийская конференция РКСМ приняла решение о повсеместном создании пионерских отрядов. Этот день стал отмечаться советскими детьми как день рождения пионерской организации (История ВЛКСМ …, 1978. С. 118). В первые годы её существования пионеры совместно с комсомольцами боролись с беспризорностью, участвовали в коммунистических субботниках, помогали в уборке урожая, собирали средства на строительство детских домов (Яковлев, 1962).

[4] Педагогическая энциклопедия. В 4-х т. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. С. 854.

В 1920–1930-е гг., когда СССР приступил к модернизации промышленности, сельского хозяйства, духовной сферы, в обществе отмечались небывалый подъём, энтузиазм, молодое поколение не могло оставаться в стороне от решения глобальных задач Советского государства. Страна нуждалась в добровольных помощниках и ВКП(б) совместно с ВЛКСМ сумели мобилизовать школьников, реализуя тем самым принципы патриотического и трудового воспитания советской школы. Это был новый этап в развитии добровольчества в Советской России.

Дальнейшая эволюция добровольческого (волонтёрского) движения в Советском Союзе связана с массовым патриотическим детским движением, получившем название «тимуровского». Оно оформилось в 1941 г. как самостоятельное, независимое от пионерского движения. Большую роль в формировании тимуровского движения сыграла повесть детского писателя Аркадия Петровича Гайдара «Тимур и его команда» (Гайдар, 1940), ставшая широко известной во многих странах мира. «В сущности, Гайдар написал нечто большее, чем киносценарий, чем детская повесть. Он придумал для ребят новую игру, увлекательную, трогательную, основанную на наших лучших чувствах – любви к Родине, любви к советскому человеку, на самом крепком товариществе, игру, воспитывающую в участниках правдивость, смелость, изобретательность, физическую ловкость и выносливость, душевную чуткость и стойкость – качества, которые мы так хотим видеть в наших детях» (Эстафета пионерских поколений, 1972. С. 225).

После выхода в свет книги, радиотрансляций и одноимённого фильма главный герой повести Тимур Гараев – благородный, честный, справедливый пионер стал примером для подражания для многих советских школьников. Важно было использовать этот стереотип в воспитательных целях: для строительства коммунистического общества стране нужны были высоконравственные люди – честные, порядочные, трудолюбивые, справедливые, бескорыстные, с повышенным чувством ответственности (Медведева, Фёдоров, 2019. С. 17). Пример детской самоорганизации, без участия и контроля со стороны взрослых положил начало массовому патриотическому движению. Его целью являлось оказание помощи людям, нуждавшимся в ней, на безвозмездной основе.

Длительное время в общественном сознании советских людей понятие «тимуровец» ассоциировалось с понятием «пионер», а тимуровское движение отождествлялось с пионерским. У тимуровцев не было своей атрибутики, они широко использовали пионерскую атрибутику: красные звёзды, пионерские галстуки, это привело к ошибочным заключениям об идентичности пионеров и тимуровцев. В одной из школ Костромской области была предпринята попытка создания особого логотипа – значка тимуровцев: красный кружок, в центре которого зелёная буква «Т». Но идея костромских школьников не получила поддержки, по мнению руководства ЦК ВЛКСМ в этом не было необходимости: есть красный галстук и пионерский значок, которые и являются символами пионеров-тимуровцев (Дружины идут по «ступеням», 1960. С. 21).

По версии современных историков, у руководства партии и страны появились серьёзные опасения по поводу того, что тимуровцы станут популярнее пионеров, что с идеологической точки зрения было недопустимо. Доктор исторических наук, профессор В.А. Кудинов в своей диссертации «Общественные организации детей и молодежи в России в XX веке» доказывает, что, хотя тимуровское движение и называлось пионерским, пионером-тимуровцем к началу войны был лишь каждый четвертый из 20 миллионов детей пионерского возраста. Владимир Андреевич приводит данные о том, что из-за формализма в организации работы школьники массово выходили из рядов пионерии, но вместе с тем продолжали участвовать в тимуровском движении. К 1945 г., по его данным, тимуровцами в СССР были порядка 3 миллионов детей (Кудинов, 1994. С. 172)[1].

Другой исследователь А.Н. Балакирев в своей работе «Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991)» приводит статистику, характеризующую отношение детей к пионерии и тимуровцам на примере Бурятии: там за военные

годы количество пионеров сократилось в 5 раз, но при этом численность тимуровских организаций, напротив, увеличилась в 3 раза и достигла 25 тысяч человек (Балакирев, 2006. С. 21)[2]. Такое положение дел отмечалось не только в Бурятии, но и по всей стране.

В Хакасии, которая в дореволюционный период входила в состав Минусинского уезда Енисейской губернии, скаутского движения не существовало, о скаутах, вероятнее всего, значительная часть местного населения и не знала. Причины тому были разные: отдалённость от центра страны, малочисленность населения, низкий уровень образования.

По мере укрепления Советской власти на местах происходили серьёзные изменения в русле большевистской идеологии. 24 июля 1925 г. ЦК РКП(б) принял специальное постановление «О пионерском движении», призванное активизировать создание детских политизированных организаций, которые, по мнению Советского руководства, должны были укрепить завоевания Октября. Коммунистам и комсомольцам рекомендовалось развивать пионерское движение, «продолжая планомерное расширение организаций преимущественно за счёт деревни и детей коренных национальностей нацобластей»[5]. Указанное постановление способствовало быстрому росту пионеров во всех национальных регионах СССР, в том числе и в отдалённой Хакасии.

Отряды местных пионеров оформились в начале 1920-х гг. Например, первый отряд численностью в 15 человек был организован в июне 1922 г. в Черногорских копях (Полетаева, 1972. С. 210). В с. Чебаки Ширинского района отряд юных пионеров с общим числом 60 человек был создан в 1925 г. (Государственное Казённое Учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее: ГКУ РХ «НА»). П-12. Оп. 62. Д. 39. Л. 9.). В январе 1927 г. в Хакасии уже насчитывалось 45 пионерских отрядов, которые объединяли 1146 пионеров (Ануфриев, Сухих, 1982. С. 32). В предвоенные годы «юные помощники строительства социализма» в Абакане безвозмездно трудились на закладке парка, на строительстве железнодорожного клуба, выезжали на уборку урожая, вели атеистическую работу, т. е., как и все добровольцы страны, проводили большую общественно полезную работу.

С началом Великой Отечественной войны тимуровские команды создавались в каждой пионерской дружине, отряде школ Хакасской автономной области. Среди активных тимуровских команд выделялись абаканские школы № 1, 2, 10, 11, 30 (Полетаева В. Тимуровцы в годы войны // Советская Хакасия. 1972. 11 января). Все они рассматривали тимуровскую работу как свой личный вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

В Хакасии тимуровское движение приобрело невиданные масштабы, все дети, независимо от возраста, хотели стать добровольцами. В военные годы в области было немало известных лидеров местных тимуровцев: Валя Михайловский, Валя Похотина, Саша Гетц и многие другие (Полетаева В. Тимуровцы в годы войны // Советская Хакасия. 1972. 11 января). Добровольцами руководил Абаканский городской комитет комсомола, который ежедневно предоставлял им адреса фронтовиков. С тимуровцами 5 «а» класса школы № 1 г. Абакана работу проводила классный руководитель, комсомолка В.А. Устинова (Полетаева В. Тимуровцы в годы войны // Советская Хакасия. 1972. 11 января). На этом примере необходимо сделать особый акцент: в военные годы деятельностью школьников-тимуровцев в разных уголках страны руководили комсомольские активисты. Несмотря на стремление тимуровцев к самостоятельности, всё-таки необходимы были руководство и контроль со стороны старших товарищей и эту роль взяли на себя комсомольцы, опекавшие школьников.

Абакан военных лет – маленький провинциальный городок, находившийся в глубоком тылу, но военное время заставило местных жителей: и взрослых, и детей, ощутить дыхание страшной войны. Как свидетельствуют архивные материалы, когда на железнодорожную станцию Абакан (предположительно, конец 1941 – начало 1942 г.) прибыл состав с детьми из блокадного Ленинграда

[5] Директивы и постановления по вопросам пионерского движения. Изд. Академии педагогических наук. М., 1959. С. 13.

(411 человек), одними из первых юных ленинградцев встречали местные тимуровцы, оказавшие им радушный приём. Несмотря на трудные условия жизни, скудное питание самих юных волонтёров, они преподнесли детям героического Ленинграда специально собранные для них продукты и овощи (ГКУ РХ «НА». П-12. Оп. 11. Д. 7. Л. 67).

Дела местных тимуровских команд в условиях военного времени стали более разнообразными: искали квартиру для эвакуированной женщины с детьми, писали под диктовку письма на фронт, нянчили маленьких детей в семьях фронтовиков, ходили пилить и колоть дрова семьям воинов Красной Армии. Для пожилой больной женщины, которую надо было обеспечить топливом на зиму, одна из тимуровских команд Абакана отправилась разгружать вагоны на железную дорогу. «Работали весело, дружно. Утром перебрали уголь, погрузили его в короб, поставленный в санки, а через час из трубы знакомого домика вился веселый дымок» (Полетаева В. Тимуровцы в годы войны // Советская Хакасия. 1972. 11 января).

Тимуровцы 7«в» класса абаканской школы № 11 во главе с Павликом Клименко взяли шефство над семьей фронтовика Лябишева, жена и сын которого были больны. Ребята оказали им большую помощь: привезли уголь, принесли дров, замазали щели в стенах, засыпали завалинки. Из школьной столовой тимуровцы стали ежедневно приносить семье фронтовика хлеб. Для детей фронтовиков абаканские тимуровцы собрали перед началом очередного учебного года (1942/1943) большое количество школьных учебников и детских книг. Добровольцы абаканских школ № 2 и 30 оказывали постоянную помощь нескольким семьям фронтовиков.

Образцовым тимуровцем являлся абаканский школьник Миша Рузанов. В своей заметке в местную газету «Советская Хакасия» он написал: «Я, тимуровец 7 класса школы № 10, вместе с другими ребятами участвую в сборе металлолома, местного удобрения и семян для посева. Нынешней весной я обязуюсь помочь двум семьям красноармейцев: вскопаю им огороды, посажу картошку, прополю её. Кроме того, я буду помогать им заготавливать топливо к зиме. Призываю всех тимуровцев взять на себя высокое обязательство и с честью его выполнить» (Тимуровцы в годы войны // Советская Хакасия. 1942. 7 апреля). Эта инициатива с большим энтузиазмом была подхвачена и другими тимуровцами области.

В начальной школе № 1 г. Черногорска активно вели работу 45 тимуровцев, оказавшие помощь 20 семьям красноармейцев. Кроме этого, за год они собрали 21 килограмм цветного и 1080 килограммов черного металла, послали подарки бойцам Красной Армии на фронт.

Во всех сельских школах Хакасии тоже создавались тимуровские отряды. Интересные сведения об их деятельности представлены в рубрике «Из истории тимуровского движения», посвящённой тимуровцам 1942–1944 гг. Автор публикации В. Рацлаф, заведующий архивом Боградского района, убедительно доказывал, что сельские тимуровцы ничуть не отставали от своих городских сверстников, а, возможно, выполняли более значимые народнохозяйственные задачи.

Учащиеся Боградской средней школы оказали большую помощь колхозу имени Богада. В дни подготовки к весеннему севу они во внеурочное время (уроки шли по расписанию) помогли колхозу отсортировать семена, собрать в качестве удобрения золу и навоз. На заготовке зерна работало 8 ученических бригад, ими было засыпано в амбары 1171 центнер зерна, за что правление колхоза вынесло тимуровцам благодарность за добросовестный труд. Отличились учащиеся Боградской школы в сборе колосьев, собрав 20 центнеров (Рацлаф В. Оглянемся назад… // Знамя Советов. 1987. 24 сентября).

Ценную инициативу проявили пионеры Уйбатской школы Хакасии. Они призвали школьников Красноярского края выкармливать для Красной Армии домашних птиц, поросят, кроликов, овец. И всюду инициатива нашла горячий отклик. Только в Хакасии за 1941–1942 гг. школьники выкормили 15 400 кур и гусей, 213 кроликов, 301 поросёнка, 11 телят, 23 овцы (Ануфриев, Сухих, 1982. С. 75).

В тимуровском движении принимали участие и учащиеся младших классов – октябрята, которые

под руководством учителей выполняли посильную для их возраста работу: занимались починкой одежды школьников, вооружившись молотками, щипцами и гвоздями, укрепляли разболтавшиеся шарниры у парт, дверей, налаживали к дверям крючки (Рацлаф В. Оглянемся назад… // Знамя Советов. 1987. 24 сентября).

В годы войны весь советский народ, следуя призыву партии о единстве фронта и тыла, оказывал помощь Красной Армии, участвуя в сборе средств на постройку военной техники: танков, самолётов. Местные тимуровцы Боградской средней школы на постройку танковой колонны «Красный колхозник» внесли 4498 рублей, учащиеся Сонской школы – 7900, Знаменской начальной сельской школы – 2713 рублей.

Важным моментом в военно-патриотическом воспитании советских школьников являлась пропагандистская работа о сущности германского фашизма. Так, в 1942 г. среди 17 тимуровских команд учителями Сонской средней школы была проведена беседа по поводу зверств фашистских захватчиков, вызвавшая бурную дискуссию (Рацлаф В. Оглянемся назад… // Знамя Советов. 1987. 24 сентября).

Партийные и комсомольские органы уже тогда взяли под строгий контроль работу местных тимуровских отрядов. Так, в отчёте за 1941/1942 учебный год отмечалось, что хорошо работали тимуровские команды многих школ области, но особенно – тимуровцы Балахчинской средней школы Ширинского района. Они систематически обслуживали 12 семей красноармейцев, заготовив для них на зиму 94 куб. дров (ГКУ РХ «НА». П-12. Оп. 11. Д. 7. Л. 91об.).

В военное время во много раз возросла потребность в лекарственно-техническом сырье – это стало ещё одним направлением работы тимуровцев Сибири. Только в 1942–1943 гг. пионерами Красноярского края было собрано и сдано 14 тонн 719 кг лекарственных растений, 126 тонн 418 кг ягод и грибов, 7 тонн шиповника, 3 тонны 600 кг почек берёзы (Народное образование…, 1970. С. 58–59). Тимуровцы Хакасии тоже внесли свою лепту: добровольцами Ширинского района было собрано 850 кг лекарственных трав, тимуровцы Июской школы собрали 9 пудов пьяной травы (научное название Термóпсис ланцéтный) и 15 кг полевого лука (ГКУ РХ «НА». П-12. Оп. 11. Д. 7. Л. 136).

В тыловом Абакане под госпитали были отведены школы № 1, 3, 10, 30, фельдшерско-акушерская школа, педагогическое училище (учебный корпус и общежитие), учительский институт, а также здание «Хакасзолота». В г. Черногорске под госпитали приспосабливались здания средней и неполной средней школ, гостиница треста «Хакасуголь». Кроме того, госпиталями стали хирургические отделения больниц городов Абакана и Черногорска, а также лесозавода пос. Усть-Абакан. Профсоюзная организация предоставила для больных и раненых воинов курорт «Озеро Шира», где потом разместился эвакогоспиталь № 2511 на 800 коек (Чебодаев, 2005. С. 55).

Вместе со взрослыми заботу о раненых воинах проявляли школьники-тимуровцы Хакасии. Они помогали убирать палаты, писали по просьбам раненых письма их родственникам и близким, подавали больным воду, лекарства, мыли посуду и многое другое, считая своим долгом оказать посильную помощь раненым фронтовикам.

Таким образом, тимуровцы Хакасии, как и всей страны, в военные годы оказывали неоценимую помощь советским гражданам в тылу и на фронте. Это был их трудовой фронт. В условиях острого дефицита рабочих рук, вызванного мобилизацией взрослого населения на фронты войны, детская инициатива оказалась очень своевременной. А само тимуровское движение, возникшее стихийно, рассматривалось в обществе как проявление патриотизма детей в военных условиях, когда весь советский народ поднялся на борьбу с фашистскими захватчиками. Неслучайно историк А.Н. Балакирев назвал тимуровцев военного времени «маленькими волонтёрами Великой войны» (Балакирев, 2015. С. 19).

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в обстановке усилившегося культа личности Сталина, возобновившихся репрессий работа пионерских организаций замкнулась рамками школы, пионерская работа рассматривалась как часть учебной работы,

что снижало интерес пионеров к общественно полезной деятельности. Произошли кардинальные изменения в статусе тимуровцев: их движение было официально объявлено «подвидом» пионерской деятельности и больше никогда не упоминалось как самостоятельное детское движение. Отныне деятельность тимуровского движения регламентировалась «Положением о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина», тимуровцы руководствовались инструкциями, указаниями, решениями пленумов и съездов ЦК ВЛКСМ (Теория и методика…, 1979). В последующие годы тимуровское движение становилось всё более массовым, широким и по форме, и по содержанию.

В послевоенные годы тимуровцы Хакасии работали по разным направлениям. Об этом свидетельствуют материалы сохранившегося, красочно оформленного отрядного дневника 5 «Г» класса за 1975 г. школы № 7 из г.Черногорска. Они действовали под девизом «Если галстук горит на груди, будь всегда и во всём впереди!». Черногорские тимуровцы участвовали во всех Всесоюзных акциях: «Пионерские рельсы – БАМу!» (сбор металлолома), «Поиск-75» – акция, приуроченная к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне и др. Тимуровцы шефствовали над тремя детскими садами Черногорска: разучивали с детьми песни, стихи, танцы, игры, готовили к праздникам костюмы. 36 пионеров-тимуровцев собрали 180 кг макулатуры. За активную работу они были удостоены Почётной грамоты, в их адрес звучали слова благодарности от граждан, которым они помогали (ГКУ РХ «НА». П-12. Оп. 45. Д. 93. Л. 25).

Руководитель Всесоюзного штаба Тимура, созданного в 1972 г. при редакции журнала «Пионер», С.А. Фурин и Л.С. Симонова на общесоюзном уровне отметили образцовые тимуровские отряды страны, в их числе была указана средняя школа № 16 г. Черногорска (Фурин, Симонова, 1977. С. 84). Это событие стало предметом особой гордости тимуровцев Хакасской автономной области.

Монопольно правившей партией в стране был выдвинут новый лозунг «Каждый пионер – тимуровец!». На практике это означало, что все пионеры, независимо от их желания, обязаны были стать членами тимуровских отрядов. К примеру, в 1978–1979 г. в Аскизском районе существовала 31 пионерская дружина, объединявшая 222 пионерских отряда и 4642 пионера (ГКУ РХ «НА». Ф. 23. Оп. 35. Д. 16. Л. 43), насчитывалось 147 тимуровских команд (ГКУ РХ «НА». Ф. 23. Оп. 33. Д. 31. Л. 36). Эти данные только по одному, отдельно взятому району Хакасии демонстрировали полную реализацию партийного лозунга «Каждый пионер – тимуровец!». Дружина имени Зои Космодемьянской Лесоперевалочной средней школы брала на себя обязательство «Боремся за звание каждого отряда быть тимуровским» и такое обязательство брали все пионерские дружины района. Отчёты о работе тимуровцев заслушивались на педагогических советах Усть-Камыштинской средней школы, директор которой Н.И. Медведев считал, что работа тимуровцев является важным элементом учебной и воспитательной работы.

В конце 1970-х гг. в районах области проводились слёты добровольцев, проходившие в торжественной обстановке с выносом пионерского знамени, сдачей рапортов. Открытие и закрытие слётов сопровождалось коллективным исполнением гимна тимуровцев «Гайдар шагает впереди!» На этих мероприятиях подводились итоги тимуровской работы, лучшим отрядам вручались грамоты. Показательным является «Обращение» делегатов районного слета тимуровцев ко всем пионерам района», подготовленное тимуровцами Боградского района: «Юные ленинцы! Мы, делегаты II районного слета тимуровцев Боградского района, мы все из разных школ, но дела у нас одинаковые! Мы шефствуем над обелисками памяти павших, над престарелыми и ветеранами войны, помогаем тем, кто нуждается в нашей помощи. Мы стараемся учиться так, чтобы школа гордилась нашими успехами, оказывали помощь тем, кто учится слабо.

Мы обращаемся к вам:

– не оставляйте без внимания тех, кому нужна ваша помощь. С каждым годом ветеранов войны становится все меньше и меньше, а вашего внимания к ним должно быть все больше и больше;

– не проходите мимо нарушителей общественного порядка, нарушителей школьной дисциплины. Давайте им решительный бой;

– будьте как Тимур, честными, смелыми, всегда говорите правду в глаза, смело критикуйте свои недостатки и недостатки товарищей;

– пусть всегда ведут нас по жизни "Тимуровец сегодня, тимуровец завтра, тимуровец всегда"» (ГКУ РХ «НА». Ф. 25. Оп. 36. Д. 15. Л. 4).

Всесоюзный марш «Всегда готов!», начавшийся в 1970 г., включал разные маршруты, в том числе маршрут «Тимуровец». Перед пионерами Советского Союза была поставлена задача: «Выразить сыновью благодарность, долг старшему поколению, которое в лихую годину испытаний защитило Советское Отечество». Тимуровская работа всей советской пионерии велась под девизом «Салют, Победа!». Все тимуровские команды школ Аскизского района готовили операцию «Красные звёзды Тимура», приуроченную к 25-летию Победы над фашистской Германией. Кроме этой масштабной акции, был разработан цикл праздничных мероприятий во всех школах района.

Пионерская дружина имени Володи Дубинина Аскизской средней школы в течение учебного года вела поисковую работу по выявлению ветеранов Великой Отечественной войны, тимуровцы собирали сведения об их боевом пути, их фотографии. К 9 мая добровольцы разнесли 85 пригласительных билетов на праздничные мероприятия (ГКУ РХ «НА». Ф. 23. Оп. 35. Д. 16. Л. 50, 93). Волонтёры Вершино-Тейской 8-летней школы оформили стенд «Равнение на подвиг», организовали совместные мероприятия по проведению смотра песни и строя, военно-патриотической игры «Зарница», где консультантом был В.А. Белокрылов, встретивший День Победы в 1945 г. в поверженном Берлине (ГКУ РХ «НА». Ф. 23. Оп. 33. Д. 31. Л. 33–35).

В Аскизском районе, одном из первых в Хакасии, был открыт мемориальный комплекс, посвящённый павшим землякам в Великой Отечественной войне. Там установлены памятники Героям Советского Союза М.И. Чебодаеву и П.Ф. Попову. На строительство памятника в районе был объявлен сбор средств, не остались в стороне и тимуровцы Вершино-Тёйской школы, перечислившие 40 рублей.

Волонтёры 1970-х гг. проявляли изобретательность, проводя нестандартные мероприятия. Так, тимуровцы указанной школы установили шефство над поселковой библиотекой, где они ремонтировали книги, разносили книги по квартирам, привлекали новых читателей и беседовали с нарушителями правил пользования книгами. Ещё одним объектом шефства «тимуров», как их называли местные жители, являлся книжный магазин, продукцию которого – книги, открытки и сувениры – распространяли среди населения. Тимуровцы отчитались о собранной сумме почти в 100 рублей. Остальные «тимуры» школы помогали по хозяйству ветеранам и престарелым жителям посёлка: заготавливали дрова, мыли полы, расчищали дворы от снега.

Участница анкетирования Светлана Александровна Болганова, работавшая после окончания Абаканского пединститута старшей пионервожатой в 1982–1986 гг., отмечает, что все пионеры дружины считали себя тимуровцами. С азартом выполняли любую работу в домах ветеранов войны и труда, о чём с гордостью отчитывались на классных сборах и сборах дружины. В начале 1970-х гг. она сама, будучи школьницей, принимала участие в тимуровском движении, вместе с другими добровольцами ухаживала за больной женщиной, проживавшей на территории их зоны пионерского действия. У С.А. Болгановой была хорошая возможность сравнить тимуровцев 1970-х и 1980-х гг., по её наблюдениям, принципиальной разницы не было. Тимуровцы искренне считали, что они обязаны помочь тем людям, которым эта помощь была необходима. Откладывая свои детские дела, после школьных уроков, они направлялись туда, где их уже ждали. Случаев отказа не было, напротив, пионеры-тимуровцы гордились тем, что им доверяли ответственные поручения.

Перечисление разнообразных видов работы показывает, насколько был широк диапазон деятельности тимуровских отрядов в послевоенный период: это и экологическое направление, и поисковая работа, и благоустройство населённых пунк-

тов, и помощь народному хозяйству. Однако приоритетными в работе советских волонтёров и в стране, и в регионе являлись забота и оказание помощи ветеранам Великой Отечественной войны. В этом проявился феномен Гайдара, идеи которого о принципах безвозмездности и добровольности в детском движении были поддержаны школьниками всей страны. Советские пионеры и тимуровцы предвосхитили деятельность современных волонтёров по многим направлениям.

Проведённое в 2019 г. среди жителей Республики Хакасия анкетирование, охватившее 150 человек разных социальных слоёв, разных возрастных групп населения: от школьников до пенсионеров, показало, что все участники положительно оценивают тимуровское движение, считая, что его нужно возрождать. Типичными ответами анкетируемых были: «Тимуровцы – волонтёры из СССР», «Тимуровцы – образцовые пионеры», «Тимуровцы – участники детского патриотического движения по оказанию помощи семьям участников Великой Отечественной войны», «Движение во многом похожее на скаутское движение». Большинство респондентов верно уловили главный смысл тимуровского движения – это форма волонтёрского движения.

Однако при всех положительных отзывах несколько человек из числа студентов дали неожиданный для их возраста ответ: «Тимуровцев заставляла работать система» и этот вывод подтверждается заключениями учёных. В настоящее время, когда в исторической науке произошёл отказ от партийных стереотипов в отношении детского тимуровского движения, изменились его оценки: от восторженного до критического. На опредёлённом этапе началась эксплуатация Советским государством детского энтузиазма. Как справедливо пишет доктор исторических наук В.А. Кудинов: «… на заводах и фабриках работало свыше 3-х млн детей школьного возраста, в сельском хозяйстве – примерно 6 млн, в общей сложности 9 млн детей. На детей не распространялись положения о социальной защите: оплата больничных, увечье на производстве, выдача трудовых книжек» (Кудинов, 1994. С. 15)[1]. В годы тяжелейшей войны привлечение школьников порой к очень тяжелому труду было распространённым явлением и в какой-то степени было оправданно. Но в послевоенный период пионеры и тимуровцы собирали металлолом, макулатуру, помогали с уборкой урожая и многое другое, по сути выполняли народнохозяйственный план. Колоссальное сокращение рабочих рук, вызванное массовыми репрессиями, людскими потерями в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, вынуждало Советское правительство искать источники бесплатной рабочей силы. «Поэтому обращались к энтузиазму молодёжи, романтизируя трудные условия неквалифицированного труда. На бесплатный труд нацеливали и пионеров» (Там же. С. 196)[1]. Учитывая просчёты в развитии тимуровского и пионерского движения, нельзя допустить, чтобы добровольный труд современных волонтёров был превращён в рутинную обязанность на безвозмездной основе, как это произошло с пионерами-тимуровцами.

В условиях новой политической реальности и создания гражданского общества в современной России вновь появилась возможность использования позитивного опыта советских волонтёров. Как указывает в автореферате диссертации исследователь А.В. Сычёва: «Добровольческое движение выступает наиболее привлекательной и эффективной формой вовлечения молодежи в решение социальных задач» (Сычёва, 2017. С. 3)[3].

Библиографический список

Ануфриев А.М., Сухих М.Ф. Пионерский салют. Страницы истории Красноярской краевой пионерской организации 1922–1982 гг. Красноярск: Книжное изд-во, 1982. 160 с.

Баден-Поуэлл Р. Юный разведчик / пер. с англ., 3 изд. Петроград: Изд-во Т-ва В.А. Березовского, 1918. 334 с.

References

Anufriev A.M., Sukhikh M.F. (1982) The pioneer salute. Pages of the history of the Krasnoyarsk Regional Pioneer Organization 1922–1982 gg. Krasnoyarsk: publishing House. 160 p. (In Russ.)

Baden-Powell R. (1918) The Young Scout, TRANS. from English. Petrograd: Ed. V.A. Berezovsky. 334 p. (In Russ.)

Балакирев А.Н. Тимуровцы: маленькие волонтёры Великой войны // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 7. С. 19–22.

Гайдар А.П. Тимур и его команда. М., 1940. 89 с.

Дружины идут по «ступеням». М. : Молодая гвардия, 1960. 176 с.

Жуков И.Н. Искусство скаута-разведчика. Петроград: Изд-во Т-ва В.А. Березовского, 1918. 122 с.

История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. М., Просвещение, 1978. 352 с.

Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 11-ти т. Т. 5. М.: Академия пед. наук РСФСР, 1959. 688 с.

Медведева Н.Н., Фёдоров И.В. Волонтёрство в Хакасии: история и современность. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2019. 100 с.

Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти. Изд-во Красноярского пед. института, 1970. 198 с.

Паршина Ю.В. Волонтерское движение и его истоки в России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Педагогические науки. 2009. № 9(43). С. 106–109.

Паршина Ю.В., Трофимова Н.М. Воспитание подростков в волонтерской организации // Воспитание школьников. 2011. № 5. С. 46–49.

Полетаева В.А. Первые отряды юных ленинцев в Хакасии // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Сер. История. 1972. С. 209–222.

Теория и методика пионерской работы. М.: Просвещение, 1979. 272 с.

Ухъянкин С.П. Пионеры-тимуровцы. М.: Знание, 1961. (Сер. 11. Педагогика. 20). 32 с.

Фурин С., Симонова Л. Юным тимуровцам. М. : Молодая гвардия, 1977. 112 с.

Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Абакан: Кооператив «Журналист», 2005. 168 с.

«Эй, кто с нами?!» М.: Молодая гвардия, 1990. 112 с.

Эстафета пионерских поколений. М. : Молодая гвардия, 1972. 559 с.

Яковлев В.Г. Рождение пионерской организации им. В. И. Ленина. М., 1962. 64 с.

Balakirev A.N. (2015). Young volunteers: young volunteers of the great war. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya = Bulletin of the Buryat state University. Ser. Pedagogy. Philology. Philosophy.* No.7. P. 19–22. (In Russ.)

Gaidar A. (1940) Timur and his team. Moscow. 89 p. (In Russ.)

(1960) Squads go on “steps”. M.: “Young guard”. 176 p. (In Russ.)

Zhukov I.N. (1918) Art of the scout-scout. Petrograd: Ed. V.A. Berezovsky. 122 p. (In Russ.)

(1978) History of the Komsomol and the all-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin. Moscow: Enlightenment. 352 p. (In Russ.)

Krupskaya N.K. (1959) Pedagogical essays: In 11 vol. Moscow: Academy of pedagogical Sciences of the RSFSR. Vol. 5. 688 p. (In Russ.)

Medvedeva N.N., Fedorov I.V. (2019) Volunteering in the Republic of Khakassia, history and modernity. Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov. 100 p. (In Russ.)

(1970) Popular education in the Krasnoyarsk territory during the years of Soviet Power. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk pedagogical Institute. 198 p. (In Russ.)

Parshina Y.V. (2009) The Volunteer movement and its origins in Russia. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogicheskie nauki = Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical Sciences series.* No. 9 (43). P. 106–109. (In Russ.)

Parshina Yu.V., Trofimova N.M. (2011) Education of teenagers in a volunteer organization. *Vospitanie shkol'nikov = Education of school children.* No. 5. P. 46–49. (In Russ.)

Poletaeva V.A. (1972) The First detachments of young Leninists in Khakassia. *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. Ser. Istoriya = Scientific Notes of Khakass Research Institute of Language, Literature and History. Ser. History.* P. 209–222. (In Russ.)

(1979) Theory and methods of pioneer work. Moscow: Prosveshchenie. 272 p. (In Russ.)

Ukhyankin S.P. (1961) Pioneers-Timurovtsy. Moscow: Knowledge. (Ser. 11. Pedagogy. 20). 32 p. (In Russ.)

Furin S., Simonova L. (1977) To Young Timurovtsy. Moscow: “Young guard”. 112 p. (In Russ.)

Chebodaev P.I. (2005) Military contribution of Khakassia to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Abakan: Cooperative “Journalist” LLC. 168 p. (In Russ.)

(1990) “Hey, who's with us?!” Moscow: “Young guard”. 112 p. (In Russ.)

(1972) Relay of Pioneer generations. Moscow: “Young guard”. 559 p. (In Russ.)

Yakovlev V.G. (1962) The Birth of the Pioneer Organization named after V.I. Lenin. Moscow. 64 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Н.Н. Медведева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Медведева Надежда Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Хакасский Государственный Университет им. Н.Ф. Катанова,
655017, г. Абакан, проспект Ленина, 90, Россия,
✉ e-mail: medvedevann18@mail.ru

Attribution criteria

N.N. Medvedeva completed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Nadezhda N. Medvedeva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian history,
Khakass state University named after N.F. Katanov,
90, Lenin Avenue, Abakan 655017, Russia,
✉ e-mail: medvedevann18@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-266-278

Подготовка кадров монгольского здравоохранения (на примере биографии первой женщины-министра МНР Д. Пунцаг)

© С.Б. Миягашева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Статья посвящена аспектам политики кадровой подготовки в области здравоохранения в начале XX в. в МНР. Сквозь призму биографии первого министра здравоохранения Долгорын Пунцаг прослеживается социокультурная трансформация в традиционном монгольском обществе, раскрываются особенности становления политических ресурсов нового монгольского правительства. Анализируется специфика подготовки квалифицированного медицинского персонала внутри страны и в СССР. Выявлено, что подготовка национальных кадров здравоохранения носила политический характер и продвигалась представителями правого уклона Монгольской народной партии, которые сохраняли крепкие позиции в начале 1920-х гг. В последующие годы в связи с усилением левосторонних настроений, пропагандирующих социалистическую идеологию по шаблону Советского Союза, произошел переход к подготовке кадров в СССР. Если ранее ключевые вопросы по комплектации и кадровой подготовке решались Министерством просвещения МНР, то с начала 1930-х гг. общее руководство было возложено на Наркомат просвещения по делам обучения монгольских учащихся в РСФСР. Для реализации программы академической мобильности в Восточной Сибири были созданы Монголкурсы и Монголрабфак, ставшие трамплином для подготовки специалистов во многих областях, в том числе и здравоохранении. Установлено, что кадровая политика МНР прошла несколько этапов развития – от попытки создания национального резерва с привлечением эмчи-лам до квалифицированной подготовки врачей и медперсонала в учебных заведениях СССР. В целом исследование показало, что становление государственной медицинской системы МНР имело историко-культурный контекст, выраженный в борьбе идеологий тибетской медицины с европейской, с полной советизацией монгольского общества.

Ключевые слова: история здравоохранения, кадровая политика, медицинские работники, монголрабфак, монголкурсы, тибетская медицина, эмчи-ламы, медико-санитарные экспедиции, комитет монгольских женщин

Благодарности: Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00031.

Информация о статье: поступила в редакцию 2 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 14 августа 2020 г.; принята к публикации 31 августа 2020 г.

Для цитирования: Миягашева С.Б. Подготовка кадров монгольского здравоохранения (на примере биографии первой женщины-министра МНР Д. Пунцаг) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 266–278. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-266-278

Training of Mongolian medical personnel (on the example of the biography of the first female minister D. Puntsag)

© Surjana B. Miyagasheva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article is devoted to the aspects of personnel training policy in the field of health in the early XX century. Through the prism of the biography of the first Minister of Health, Dolgoryn Puntsag, the socio-cultural transformation in the traditional Mongolian society is traced, and the features of the formation of political resources of the new Mongolian government are

revealed. The paper also analyzes the specifics of training qualified medical personnel in the country and in the USSR. It is revealed that the training of national health personnel was of a political nature and was promoted by representatives of the right-wing bias of the Mongolian People's Party, who maintained a strong position in the early 1920s. In the following years, due to the strengthening of left-wing sentiments that propagated socialist ideology based on the template of the Soviet Union, there was a transition to training personnel in the USSR. If earlier the key issues for equipment and personnel training were decided by the Ministry of Education of the MPR, since the beginning of the 1930s. general management was entrusted to the people's Commissariat of Education for the education of Mongolian students in the Soviet Union. To implement the academic mobility program in Eastern Siberia, Mongol Courses and Mongol Faculty were created, which became a springboard for training specialists in many areas, including healthcare. It is established that the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs has passed several stages of development – from the attempt to create a national reserve with the involvement of emchi-lamas to the qualified training of doctors and medical staff in educational institutions of the USSR. In General, the study showed that the formation of the state medical system of the MPR had a historical and cultural context, expressed in the struggle between the ideologies of Tibetan medicine and European, with the complete Sovietization of Mongolian society.

Keywords: history of health care, personnel policy, medical workers, Mongolian workers' faculty, Mongol courses, Tibetan medicine, emchi-lamas, medical and sanitary expeditions, Mongolian Women's Committee

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation in the framework of project no. 19-18-00031.

Article info: received August 2, 2020; revised August 14, 2020; accepted August 31, 2020.

For citation: Miyagasheva S.B. (2020) Training of Mongolian medical personnel (on the example of the biography of the first female minister D. Puntsag). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 266–278. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-266-278

В первой половине XX в. перед Монголией были поставлены колоссальные задачи формирования нового социалистического общества и внедрения кадровых специалистов во всех областях, начиная с экономики, заканчивая здравоохранением. В начале XX в. медицинское обслуживание монгольского населения находилось в крайне зачаточном состоянии. Суровые климатические условия, низкая медицинская культура населения, массовое распространение социальных болезней в Монголии определяли первоочередную задачу в деле организации медицинской помощи. После победы революции в стране не было ни одного медицинского учреждения, ни одного квалифицированного врача. В подобных условиях 25 марта 1921 г. Монгольской народной партией было принято решение «О создании при военном ведомстве комитета по лечению больных» (История Монгольской Народной Республики, 1983. С. 421).

15 августа того же года главнокомандующий Д. Сухе-Батор подписал постановление Совета обороны страны об организации в Улан-Баторе госпиталя для оказания бесплатной медицинской помощи военному и гражданскому населению. Этот день принято считать официальной датой основания народного здравоохранения в Монголии (Болдбаатар, Моисеева, 2019. С. 27).

Вопросы здравоохранения были объявлены в приоритетах Первой Конституции Монгольской Народной Республики, принятой на I заседании Великого Хурала (Улсын Их Хурал) от 26 ноября 1924 г. В последующем в июле 1925 г. было учреждено управление народного здравоохранения МНР, целью которого стало развитие государственной медицинской системы (БНМАУ-ын, 1977. С. 17).

Испокон веков в Монголии лечением занимались разного рода знахари, практиковавшие народно-бытовую медицину, и буддийские ламы, применявшие методы лечения по канонам тибетско-монгольской медицинской системы. Однако они оказались бессильны перед насущными проблемами и социальными болезнями, такими как венерические болезни, высокой детской смертности, эпидемий чумы, оспы, дизентерии (Башкуев, 2017. С. 158). В подобной ситуации огромную помощь Монголии в развитии здравоохранения оказали первые советские медико-санитарные экспе-

диции от Наркомздрава РСФСР. За период деятельности четырех медико-санитарных экспедиций по аймакам Монголии (1926 г., сентябрь 1927 – октябрь 1928 г., октябрь 1929 – 1931 гг., май 1933 – февраль 1936 гг.) была развернута масштабная медицинская помощь монгольским аратам. Советские врачи проводили научно-медицинское изучение коренного населения, содействовали организации в худонах сети амбулаторий и стационаров, организовывая и внедряя медицинскую инфраструктуру.

Одним из итогов успешной работы медико-санитарных экспедиций и роста доверия к методам европейской системы здравоохранения стало оттеснение тибетской медицины на задний план. В итоге в 1930 г. после принятия решения VIII съезда МНРП и Великого хурала, тибетская медицина была снята с государственного обеспечения, в результате чего ситуация резко изменилась в пользу социалистического здравоохранения. Данное обстоятельство позволило взять новый курс развития современной национальной медицины по шаблону системы здравоохранения западного образца.

Для проведения успешной работы по расширению и развитию медицинской помощи, в том же 1930 г. на заседании Их хурала было принято решение о реорганизации ведомства здравоохранения при Министерстве внутренних дел в Министерство народного здравоохранения МНР (История Монгольской Народной Республики, 1983. С. 422). Во главе новообразованного министерства указом Председателя Совета Министров МНР Цэнгэлтийн Жигжиджава[1] впервые в истории Монголии была назначена женщина по имени Долгорын Пунцаг (Цолмон)[2].

Министр Пунцаг и ее деятельность

Путь к становлению первого министра-женщины в государстве с феодально-патриархальными устоями, какой являлась Монголия до 1920-х гг., ярко отражает новый виток развития страны и активный ход строительства новой социалистической жизни.

Первая монгольская Конституция 1924 г. предоставила монгольской женщине совершенно иное социально-правовое положение, при котором она получила равноправие во всех областях хозяйственной, культурной и общественной жизни. Немаловажным явилась возможность принимать участие в государственной деятельности (Цыпилова, 2012а. С. 181).

19 марта 1924 г. группа инициативных женщин при содействии МНРП организовала отдел по работе среди женщин, в задачу которого входило активное вовлечение женщин в культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность Монголии. Во главе женского отдела, позднее реорганизованного в Комитет монгольских женщин, стояла Д. Пагмадулам (Мэндсайхан, 2014. С. 14).

Дамдины Пагмадулам (1905–1938 гг.) являлась первой супругой Дашдоржийн Нацагдоржа – выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля (рис. 1). Д. Нацагдорж (1906–1937 гг.) трудился в 1918–1921 гг. писарем в Военном министерстве, в 1923 г. секретарем ЦК Монгольской народной партии, в 1924–1925 гг. секретарем Военного совета, с 1931 г. работал в Комитете наук МНР (Яцковская, 2007. С. 12). Д. Нацагдоржа называли «монгольским Пушкиным», именно он стоял у истоков современной монгольской литературы.

Супруги Пагмадулам и Нацагдорж были образованными людьми своего времени и являлись представителями зарождающейся монгольской интеллигенции. В рамках политики создания трудовой интеллигенции они числились в составе «первопроходцев» от монгольской молодежи и получили европейское образование. В 1925 г. они учились в Ленинграде – Нацагдорж учился в Военно-политической академии, а Пагмадулам прохо-

[1] Цэнгэлтийн Жигжиджав (1894–1933 гг.) – монгольский политик, премьер-министр Монголии (монг. Монгол Улсын Ерөнхий Сайд) с 1930 по 1932 г.

[2] Цолмон Ж. Эрүүл мэнд, анагаах ухааны салбарын түүхийг бүтээлцсэн эмэгтэйчүүд // Сайт «Zindaa» [Электронный ресурс]. URL: https://zindaa.mn/351e (Дата обращения 8.07.2020)

Рис. 1. Дамдины Пагмадулам
Fig. 1. Damdiny Pagmadulam

дила обучение в Ленинградском институте живых восточных языков (Петрова, 2019. С. 91).

Прошедшая отбор монгольская молодежь также направлялась в Германию и Францию. В 1926 г. на учебу в Германию было направлено 30 монгольских студентов, среди которых были супруги Пагмадулам и Нацагдорж. Они провели четыре года с 1926 по 1929 гг. в Германии, обучаясь в университетах Берлина и Лейпцига (Гэрэлсурэн, Алтай, 2008. С. 66) (рис. 2).

Вернувшись на родину, Пагмадулам продолжила активную деятельность женского комитета. Учитывая, что в дореволюционной Монголии уровень грамотности среди женщин был очень низким, при женотделах организовывались кратковременные образовательные курсы для женщин. Также женский отдел выполнял важные функции пропагандиста, доведения партийных, государственных задач до женской части населения, призывая женщин к вступлению в партию и профсоюзы Монголии (Цыпилова, 2012b. С. 68–69). Ярким примером является Д. Пунцаг, которая прошла тернистый путь становления простой аратки из монгольской глубинки в первую женщину-министра Монголии.

Долгорын Пунцаг родилась в 1900 году в Восточном аймаке, сомоне Хулунбуир в местности Баянхан уул в семье простого арата (Эрүүл мэндийн салбарыг…)[3] (рис. 3). В беседе, записанной Д. Нямаа – автором книги «Жизнь и деятельность супруги великого Д. Нацагдоржа Пагмадулам» в 1972 г., госпожа Д. Пунцаг, поделилась непростой судьбой монгольской женщины.

Согласно ее рассказу, будучи молодой девушкой, она оказалась при смерти в результате недуга, случившегося с ней. Не найдя способа излечить дочь, ее мать отправила юную Пунцаг в Хурээ (г. Улан-Батор), чтобы та могла поклониться Богдогэгэну VIII[4] и вымолить для себя здоровье.

Прибыв в столицу, Пунцаг, у которой здесь не имелось знакомых и родственников, была вынуждена работать во дворе у госпожи Өлзийнамсрай, супруги Эрдэнэ далай вана. Устроившись на наемную работу, она возила лед с реки Толы, пасла коз, ухаживала за лошадьми и выполняла домашние дела по хозяйству. Ежемесячно 25-го числа по лунному календарю, в день, называемый у монголов Зулын өдөр, Пунцаг ходила поклониться Богдогэгэну в монастырь Гандан. Так в молитвах прошел целый год (Нямаа, 2009. С. 9).

20 мая 1924 г. Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта скончался. Узнав о смерти духовного лидера, к монастырю потянулись верующие. Оплакивая монарха, монголы совершали *гороо* – ритуальный

[3] Эрүүл мэндийн салбарыг удирдаж байсан үе үеийн сайдууд // Сайт «Mass.mn» [Электронный ресурс]. URL: https://mass.mn/n/32285 (Дата обращения 19.07.2020)

[44]Богдо-гэгэн VIII – восьмой Халха-Джебцзундамба-хутухта, глава буддистов Монголии, теократический правитель Монголии (1911–1921), монарх Монголии с ограниченными правами (1921–1924).

Рис. 2. Д. Пагмадулам и Д. Нацагдорж в Германии. Конец 1920-х гг.
Fig. 2. D. Pagmadulam and D. Natsagdorj in Germany. The end of the 1920s.

обход восточного дворца, в котором поместили тело Богдо-гэгэна (Кузьмин, 2016. С. 255). Пунцаг, как и многие верующие, отправилась в Гандан для участия в траурных мероприятиях. Тот день стал поворотным в ее жизни.

Д. Пунцаг вспоминает: «Проходя мимо молельного домика Гэсэр хана, я случайно встретилась со своим земляком по имени Омбын Жамсран.

– Пунцаг, – произнес он, народная власть одержала победу, пришел конец несправедливости, а ты ходишь здесь молишься. Обувь у тебя вся порвана, ты чуть ли не босиком. Пойдем-ка со мной.

Земляк привел молодую Пунцаг в дом Д. Нацагдоржа и его супруги Пагмадулам. Именно они

Рис. 3. Д. Пунцаг. 1920-е гг.
Fig. 3. D. Puntsag. 1920s

сыграли в ее судьбе значительную роль. Пагмадулам сразу заприметила молодую девушку и решила оказать ей помощь, так Пунцаг стала обучаться грамоте у самого Нацагдоржа и вскоре смогла поступить на кратковременные женские курсы при партийной школе (Нямаа, 2009. С. 9).

Из воспоминаний госпожи Пунцаг можно отметить интересный факт о том, что при заполнении анкеты Пунцаг указала имя своей матери Долгор, вместо имени отца, и была записана как Долгорын Пунцаг. Подобная смена имен находит объяснение монгольским обычаем избегать упоминания имени умерших родителей, дабы не осквернить их память.

Пройдя начальные подготовительные курсы, 15 июня 1924 г. Пунцаг вступила в члены МНРП и начала вести активную общественную деятельность. От партии она была делегирована на 3-е заседание Великого Хурала, на котором имели честь присутствовать только четыре женщины, в том числе сама Д. Пагмадулам, выступившая с докладом о необходимости женского движения. В том же 1924 г. Пунцаг начала трудиться на предприятии военного производства, занимавшегося пошивом военных шинелей, костюмов для комсомольцев, располагавшегося на правом берегу Сельбы (Там же. С. 10).

В последующем Д. Пунцаг была направлена на учебу в начальную женскую школу в Хэнтейском аймаке, которую окончила в марте 1927 г. После она работала писарем при администрации Хэнтейского аймака, а также преподавала при военном отделе. Д. Пунцаг принимала активное участие в деятельности партийной ячейки аймака, поэтому в 1929 г. она была направлена в поселок Жаргалант Чандмань сомона Говь-Алтай аймака в качестве основателя женского общества. Проработав в сомоне один год, Пунцаг была назначена министром здравоохранения МНР. В последующие годы Д. Пунцаг трудилась председателем сельскохозяйственных кооперацией, председателем сомона Баян Хэнтэйского аймака, председателем бага. В 1958 г. она стала членом коммуны «Бат өрнөл» Хэнтейского аймака. Она являлась депутатом 3, 7 созывов Великого Хурала, неоднократно избиралась депутатом Малого хурала (Цолмон Ж. Эрүүл мэнд)[5].

Долгорын Пунцаг прослужила на своем высоком посту министра здравоохранения с 1930 по 1933 гг. (рис. 4). За время своей деятельности в качестве министра здравоохранения она не раз поднимала вопросы по решению острых проблем и предпринимала меры по развитию медицины, охраны материнства и младенчества, проблемам гигиены и многих других.

Стоит отметить, что начало 1930-х гг. стало основополагающим для активного развития государственного здравоохранения МНР. В первую очередь советскими специалистами разрабатывались вопросы для развития бактериологической службы в стране – в 1929 г. в Улан-Баторе были основаны

Рис. 4. Министр здравоохранения МНР Д. Пунцаг
Fig. 4. Minister of health of the MNR D. Puntsag

[5] Цолмон Ж. Эрүүл мэнд, анагаах ухааны салбарын түүхийг бүтээлцсэн эмэгтэйчүүд // Сайт «Zindaa» [Электронный ресурс]. URL: https://zindaa.mn/351e (Дата обращения 8.07.2020)

бактериологическая станция, в 1931 г. противочумная станция. Благодаря совместной работе советских и монгольских экспедиций в начале 1930-х гг. было покончено с чумой, введено обязательное оспопрививание. Так, в 1930 г. около 20 прививочных отрядов провели вакцинацию в центральных районах Монголии. Особое внимание уделялось организации санитарного надзора в Улан-Баторе – открывались санитарные городские, районные и поселковые советы, которые работали под руководством врачей, были приняты правительственные санитарные законоположения и обязательные постановления (Филин, 2017. С. 57). В архивных документах сохранилось множество указов и предписаний, связанных с работой по эпидемиологической обстановке в стране.

ВСЕМ ЗАВЕДУЮЩИМ АЙМАЧНЫМИ МЕДПУНКТАМИ

Впоследствии множественного распространения среди населения заболеваний натуральной оспой, Совет Министров постановил провести в течение месяца обязательное, поголовное оспопрививание. Всем аймачным ямынам Советов министров дано специальное распоряжение об оказании максимальной помощи мед. пунктам как людьми, так и денежными средствами, так особенно и транспортом.

Вам предлагается подсчитать, сколько имеется неиспользованных по аймаку денежных средств. и использовать их на оспопрививательную компанию.

Необходимо выделить необходимое количество людей, обученных технике оспопрививания и с получением от нас оспенного детрита. Перед посылкой людей от парткомитета должны быть посланы специальные товарищи для проведения разъяснительной работы среди населения.

В качестве оспопрививателей привлекайте сомонных и баговых дарг, заинтересовав их денежной компенсацией, примерно три мунгу за каждого привитого человека. Нужно, чтобы оспопрививатели объезжали все юрты, вели точный учет привитых, выявляли больных оспой и срочно об этом сообщали вам. Всем привитым нужно выдавать справки об оспопрививании (эти справки заготовьте заранее, чтобы оспопрививатель только вписывал имя привитого и свою фамилию). Вам лично предлагается объезжать сомоны, проверять ход оспопрививания, инструктировать, не затягивать окончания всей работы и одновременно проверить принимаемость.

В тех местах, где имеются монастыри, необходимо договориться с руководителями о даче ими распоряжений об обязательности прививок всех лам, как это сделано в Улан-Баторе. Ламам надо рассказать насколько оспа заразительна и опасна для жизни, и какая польза от оспопрививания. В первую очередь все сотрудники медпунктов сами должны быть привиты.

Начальник департамента здравоохранения
Д. Пунцаг. 1931 год.
(Монгольский национальный архив. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 33).

В 1930 г. в Монголии была организована служба «Скорой помощи». Наряду с оказанием медицинской помощи в стране проводилась работа по внедрению в жизнь санитарии и гигиены. Осуществлялись различные мероприятия, направленные на профилактику инфекционных и профессиональных заболеваний (Отгонмандах, 2019. С. 74).

В стране расширилась сеть современных медицинских учреждений, увеличились государственные ассигнования на нужды здравоохранения. Одновременно с развитием медицинских учреждений в МНР стали создаваться профилактические учреждения и проводиться мероприятия по предупреждению заболевания, по охране здоровья матери и детей; открылся ряд родильных домов, яслей, детских и женских консультаций. Таким образом, органами здравоохранения МНР под руководством советских специалистов была проделана большая работа по развитию системы монгольского государственного здравоохранения.

Кадровый вопрос

Предпринятые меры позволили создать сеть лечебных учреждений в Монголии. Массовое открытие медицинских учреждений и лечебных структур требовало внедрения подготовленных специалистов. В связи с этим, кадровая политика Монгольской народной партии и правительства, которая сводилась к комплексу мер, направленных на привлечение медицинских специалистов и обеспечение их рациональной расстановки, являлась одной из наиболее сложных задач деятельности комитета по здравоохранению МНР.

Во время работы советских медико-санитарных экспедиций было предписано расширять и перестраивать сеть медицинских учреждений – в спешном порядке открывались медпункты в худонах. Однако данные лечебные учреждения после отбытия советских специалистов часто оставались без врачей. Вместо них работать оставались лекпомы и медсестры (Башкуев, 2016a. С. 324).

Стоит отметить, что временный медицинский персонал не способствовал организации эффективной работы по оказанию медицинской помощи населению. МНР в срочном порядке требовались кадры, не только постоянно проживающие на территории, но и знакомые с особенностями хозяйственного уклада населения, быта. В связи с этим Министерство здравоохранения МНР считало необходимым внедрять подготовку собственного национального кадрового резерва.

Также необходимость подготовки национальных кадров имела сугубо политическую подоплеку – 1926–1928 гг. известны как период «правого уклона» в МНР, где многие ключевые позиции в МНР занимали националисты, выступавшие за равноправные, а не за покровительственные отношения со стороны СССР. Они пытались отстаивать равноправие МНР в ключевых для социокультурной трансформации вопросах – науке, просвещении и здравоохранении. Успешная деятельность советских медико-санитарных экспедиций вызывала у правых болезненную реакцию и ревностное отношение к европейской медицине – монгольское правительство опасалось потерять самостоятельность в политике здравоохранения (Башкуев, 2016b. С. 46). Поэтому проблему нехватки медицинских кадров правительство МНР стремилось решить профессиональной подготовкой внутри страны. Для этого националисты пытались привлечь эмчи-лам, что являлось вполне обоснованным, учитывая, что в период «правого уклона» к буддизму в целом декларировалась лояльность.

В начале 1920-х гг. МНП, придя к власти, санкционировала наличие в войсках буддийских лам в качестве лекарей эмчи и воздерживалась проводить антирелигиозную работу (Кузьмин, 2016. С. 258). Большое количество эмчи-лам числилось на военно-медицинской службе в приграничных постах Монголии. За успешное лечение военных многие лекари удостаивались государственных наград (Энхбаатор, 2014. С. 19–20). При гражданской больнице Улан-Батора, открытой в 1925 г., функционировало два отделения – европейской и тибетской медицины, где лечение проводили русские врачи и монгольские эмчи-ламы (БНМАУ-ын, 1977. С. 17).

В 1928 г. ЦК Монгольской народно-революционной партии издал постановление о том, что молодых лам необходимо официально регистрировать, учить монгольской грамоте, ставить на военный учет, переводить в мирское состояние и т. д. (Кузьмин, 2016. С. 276). Государственная пропаганда предполагала принятие ряда положений и постановлений о мобилизации лам на медицинские курсы и открытие медицинских стационаров при буддийских монастырях. Согласно распоряжению Совета министров эмчи-ламам была предоставлена возможность изучения европейской медицинской теории и практики в лечебных заведениях с последующим предоставлением рабочих мест (Миягашева, 2019. С. 127).

В рамках осуществления данной программы в 1926 г. комитетом здравоохранения МНР было организовано обучение при подготовительных медицинских курсах длительностью четыре месяца (История Монгольской Народной Республики, 1983. С. 408). Первоначально было отобрано 30 тибетских лекарей моложе 35 лет. Проведение обучения азам медицины молодым ламам из буддийских монастырей было поручено П.Н. Шастину. Доктор

Шастин преподавал им основы европейской медицины, в программу входило обучение латыни, физиологии человеческого тела и другое. В силу разных обстоятельств большинство лам оставили учебу, среди дошедших до конца значились эмчи Ш. Шарху, Д. Рэгзэн, З. Базар и А. Чултумбаяр. В последующем Шарху, Рэгзэн и Базар были назначены младшими врачами Уланбаторской больницы, Чултумбаяр работал старшим врачом стационара на минеральных источниках в г. Улан-Батор (Болд, 2006. С. 311).

Активная работа по пропаганде обучения шла в худонах – для привлечения большого количества учащихся при всех медицинских аймачных стационарах была налажена работа по подготовке практикантов из числа местной аратской молодежи. Под руководством советских медработников учащиеся проходили практический курс медицинских сотрудников, получая за обучение стипендию (Башкуев, 2016а. С. 327). В пример можно привести эмчи-ламу Рэгзэн Оцолсонсора, который добровольно решил пройти медицинское обучение от аймака. Прибыв в столицу, он поступил на медицинские курсы и по окончании работал фармацевтом в тибетской аптеке. В 1926 г. он был отправлен в Германию в качестве личного врача вместе с монгольскими курсантами, проходившими стажировку. Пробыв заграницей два года, Рэгзэн вернулся на родину в 1929 г. и стал работать в тибетском отделении здравоохранения, а после его закрытия перевелся в кожно-венерологическую больницу, где трудился с врачом А.В. Ильиным. В 1931 г. он поступил в медицинский техникум и получил медицинский диплом (Энхбаатор, 2014. С. 118–119).

Несмотря на тщетные попытки монгольского правительства, стратегия привлечения буддийских эмчи-лам в вопросах кадрового комплектования зарождавшегося здравоохранения МНР не имела повального успеха. Во-первых, аратское население перестало слепо доверять тибетской лечебной системе, так как она оказалась не конкурентоспособной перед европейской. К тому же в 1928–1932 гг. на смену «правому уклону» в Монгольской народной республике пришел «левый уклон». Начиная с 1928 г., начался новый этап развития страны, который означал полный разворот народного здравоохранения в сторону западной медицинской системы. Феодалы, реакционное чиновничество, буддийские ламы были объявлены классовыми врагами, их имущество конфисковали и реквизировали. Борьба с ламством стала определяться как одна из основных задач. Лам заставляли отказаться от духовного звания и стать мирянами, почти во всех аймаках проводилось административное выселение ламской молодежи из монастырей (Кузьмин, 2016. С. 291).

21 февраля – 3 апреля 1930 г. состоялся VIII съезд МНРП, итоги которого имели решающее заключение для буддийской церкви. На нем правительство МНР и делегаты МНРП приняли резолюцию по «ламскому вопросу», ужесточавшую политику в отношении религии. Как итог, в области здравоохранения страны был взят курс на полное замещение тибетской медицины европейской.

Во-вторых, небольшое количество эмчи-лам, прошедших обучение, отказались от традиционных методов тибетской медицины, признав преимущество западной. Именно они стали проводниками в деле продвижения и популяризации советской системы здравоохранения, т. к. после обучения они отправлялись в качестве передвижных врачей в отдаленные худоны, где активно проводили лечение местных аратов, которые оказывали им большое расположение. Как отмечает В.Ю. Башкуев, привлечение представителей коренного населения позволило, с одной стороны, значительно сэкономить финансовые средства на приглашение медперсонала из СССР, и с другой – монгольские медработники могли сделать европейскую медицину близкой и понятной широким слоям монгольского народа (Башкуев, 2016а. С. 307).

В 1929 г. в центральной уланбаторской больнице для подготовки медперсонала среднего звена были открыты двухгодичные курсы медицинских сестер, где преподаванием занимались врачи из состава 3-й медико-санитарной экспедиции (БНМАУ-ын, 1977. С. 36). Этому способствовал тот факт, что советские медицинские работники в Монголии, особенно врачи из состава медицинских экспедиций, как правило, имели высокую

профессиональную квалификацию и могли преподавать специальные предметы по программе медтехникума (Башкуев, 2016а. С. 326). Через год в 1930 г. на базе медицинских курсов был открыт медицинский техникум сроком обучения в три года. Монгольский медицинский техникум выпускал квалифицированных акушерок, медицинских сестер и сестер охраны материнства и младенчества. Выпуск 1933 г. этого техникума дал стране первых фельдшеров-монголов (БНМАУ-ын, 1977. С. 36).

Тем не менее подобные учебные заведения не могли подготовить необходимое количество специалистов, учитывая, что согласно пятилетнему плану строительства здравоохранения МНР (1930–1935 гг.), принятому на VIII Съезде МНРП, во всех лечебных и санитарно-профилактических учреждениях должно было работать около 130 врачей, свыше 100 фельдшеров и фельдшериц-акушерок и свыше 300 сестер по охране материнства и младенчества (Башкуев, 2016а. С. 307–308). Принимая во внимание необходимость массовой подготовки специалистов, Советский Союз предоставил возможность монгольской молодежи, прошедшей специальный отбор, выезжать на учебу в советские медтехникумы и вузы. Таким образом, если ранее обучением и подготовкой врачей и фельдшеров руководило Министерство просвещения МНР, то с начала 1930-х гг. общее руководство было возложено на Наркомат просвещения РСФСР по делам обучения монгольских учащихся в РСФСР.

В подготовке медицинских кадров особое место занимали Москва и Ленинград, а в Восточной Сибири важное место подготовки медицинских кадров занимал г. Иркутск. В начале 1930-х гг. в Иркутске действовали двухгодичные общеобразовательные так называемые Монгол-курсы. Подготовкой медперсонала занимался медицинский техникум Иркутска, подготовкой врачей занимался Иркутский медицинский университет (Крупская, Кукушкина, Файзуллина, 2016. С. 33). Уже в 1926 г. в Иркутске обучались свыше 150 чел., а к 1940 г. число учащихся выросло до 739 чел. Они стали первыми монгольскими врачами и ветеринарами (История Монголии, 2007. С. 74).

Если в 1925–1932 гг. подготовка граждан МНР осуществлялась в Иркутске, а в последующем центр общеобразовательного обучения был перенесен в г. Верхнеудинск (Улан-Удэ) (Крупская, Кукушкина, Файзуллина, 2016. С. 33). Передислокация в г. Верхнеудинск БМАССР была вызвана открытием в конце 1929 г. монгольского рабочего факультета (Монголрабфак), чья деятельность была инициирована правительством СССР для подготовки монгольских учащихся к поступлению в другие учебные заведения Советского Союза.

Монголрабфак готовил работников средней квалификации для практической работы в различных отраслях народного хозяйства, народного просвещения, медицины и сельского хозяйства. На рабфак поступали учащиеся, получившие начальное и неполное среднее образование в школах Монголии или прошедшие специальные курсы Улан-Баторской подготовительной школы (Филин, 2017. С. 58).

Обучение на факультете подразумевало период шесть лет, из них два года проходило на подготовительном отделении, еще четыре года на основных курсах. Программа обучения сводилась к тому, чтобы выпускники, окончившие рабфак, могли выдержать испытания в любой вуз СССР. Сложность обучения монгольских учащихся усугублялась еще и тем, что большинство из них прибывали из далеких уголков Монголии и не были знакомы с городской жизнью и среди них почти не было знающих хоть немного русский язык, не говоря уже о письменности (Шойдонова, 2015. С. 260). В целом Монголрабфак сыграл большую роль для подготовки специалистов-врачей и медицинских работников для МНР (Филин, 2017. С. 58).

Подводя итоги, следует отметить, что кадровое обеспечение строящейся отрасли здравоохранения МНР в 1920–1930-х гг. представляло собой длительный и сложный социально-политический процесс. Организация медицинской системы Монгольской Народной Республики имела элементы политизации, так как служила геополитическим инструментом «мягкой силы» СССР и представляла собой калькирование советской медицинской системы. Выдвижение на должность министра здра-

воохранения женщины являлось весьма показательным образцом внедрения новых социальных трансформаций и демонстрировало открытость нового монгольского правительства.

Здравоохранение Монгольской народной республики стало доступным, бесплатным, медицинская помощь населению стала квалифицированной, расширилась и улучшилась сеть лечебно-профилактических учреждений, были успешно организованы специализированные санитарные и медицинские службы, обеспеченные подготовленными медицинскими кадрами. Важным событием в поиске оптимальных методов подготовки кадров явилась деятельность Наркомздрава РСФСР, которая позволила подготовить медицинский персонал МНР. В целом кадровая политика МНР прошла несколько этапов развития – от привлечения эмчилам, прошедших базовые курсы под руководством советских врачей до квалифицированной подготовки врачей и медперсонала в учебных заведениях СССР.

Библиографический список

Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX в.). Иркутск: Оттиск, 2016a. 436 с.

Башкуев В.Ю. Роль медицины в советско-монгольских отношениях в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016b. № 408. С. 42–48.

Башкуев В.Ю. Противостояние советской и тибетской медицины Монголии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Власть. . М.: 2017. Т. 25. № 2. С. 157–162.

Болдбаатар Б.А., Моисеева С.А. Особенности развития здравоохранения в Монголии // Известия Российской военно-медицинской академии. 2019. Том 38. № 1. Прил. 1 (часть. 3). С. 27–30.

История Монголии. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.

История Монгольской Народной Республики. М.: Наука. 1983. 661 с.

Крупская Т.С., Кукушкина И.Н., Файзуллина Н.И. Роль Иркутского государственного медицинского университета // Роль медицинских вузов в подготовке медицинских кадров: исторические аспекты: всеросс. научн. конф., посвященная открытию музея истории Иркутского государственного медицинского университета, в рамках празднования 355-летия города Иркутска. Иркутск, 2016: программы и тезисы. Иркутск: ИНЦХТ, 2016. С. 32–38.

Кузьмин С.Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.

References

Bashkuev V.Yu (2016a) Russian medicine and Mongolian world: historical experience of interaction (late XIX–first half of the XX centuries). Irkutsk: Ottisk. 436 p. (In Russ.)

Bashkuev V.Yu. (2016b) The role of medicine in Soviet-Mongolian relations in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University.* Tomsk. No. 408. P. 42–48. (In Russ.)

Bashkuev V.Yu. (2017) The confrontation between Soviet and Tibetan medicine in Mongolia in the late 1920s and early 1930s. *Vlast' = The Authority.* Moscow. Vol. 25. No. 2. P. 157–162. (In Russ.)

Boldbaatar B.A., Moiseeva S.A. (2019) Features of health care development in Mongolia. *Izvestiya Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii = The News of the Russian Military Medical Academy.* Vol. 38. No. 1. App. 1 (Pt. 3). P. 27–30. (In Russ.)

(2007) History of Mongolia. XX c. Moscow. Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. 448 p. (In Russ.)

(1983) History of the Mongolian People's Republic. Moscow. Nauka. 661 p. (In Russ.)

Krupskaya T.S., Kukushkina I.N., Faizullina N.I. (2016) Role of Irkutsk State Medical University. *Rol' meditsinskikh vuzov v podgotovke meditsinskikh kadrov*: *istoricheskie aspekty: vseross. nauchn. konf., posvyashchennya otkrytiyu muzeya istorii Irkutskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, v ramkakh prazdnovaniya 355-letitya goroda Irkutska. Irkutsk, 2016. Programmy i tezisy = The role of medical universities in the training of medical personnel: historical aspects: All-Russian Scientific Conference dedicated to the opening of the Museum of History of Irkutsk State Medical University, as part of the celebration of the 355th anniversary of the city of Irkutsk. Irkutsk, 2016: program and abstracts.* Irkutsk: Irkutsk Scientific Center of Surgery and Traumatology. P. 32–38. (In Russ.)

Kuz'min S.L. (2016) Theocratic state and the Buddhist Church of Mongolia in the early twentieth century. Moscow: KMK Scientific Press. 496 p. (In Russ.)

Миягашева С.Б. Монгольские эмчи-ламы: от традиционного лечения к европейской медицине (1920–1930-е гг.) // Манускрипт. Тамбов, 2019. Вып. 12. Т. 12. С. 123–129.
https://doi.orq/10.30853/manuscript.2019.12.23

Отгонмандах М. Об истории советско-монгольского взаимодействия в сфере здравоохранения (1921–1940) // Проблемы и перспективы развития экономики и образования в Монголии и России: междунар. научн. конф., Улан-Батор, 26 апреля 2019 г.: программа и тезисы. Чебоксары: Среда, 2019. С. 71–80.

Петрова М.П. Архивные материалы о монгольских студентах в Ленинграде в 20–е г. XX в. из ЦГА // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. СПб–Улан-Батор, 2019. С. 91–106. DOI 10.25882/nmzc-d868

Филин С.А. Формирование европейских систем здравоохранения и ветеринарии в Монголии в XIX–XX вв. // История медицины. 2017. Т. 4. № 1. С. 52–61.

Цыпилова С.С. Конституционные права женщин в социалистической и современной Монголии // Гуманитарный вектор. Сер. История, политология. Чита, 2012a. № 2 (30). С. 179–184.

Цыпилова С.С. К истории женского движения в Монголии (советский период) // Мир Центральной Азии–3: междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 18–22 сентября 2012 г.: программа и тезисы. Улан-Удэ: Оттиск, 2012b. С. 68–72.

Шойдонова А.М. Монголрабфак в деле просвещения монголов (1930–1940 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Педагогика. Филология. Философия. Улан-Удэ, 2015. Вып. 7. С. 259–262.

Яцковская К.Н. Из рода «хранителей тайны огня» // Mongolica. СПб., 2007. С. 10–19.

БНМАУ-ын эрүүлийг хамгаалахын 55 жил (1921–1976 гг.) Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1977. 367 х.

Болд Ш. Монгол уламжлалт анагаах ухааны туух. Улаанбаатар: Адмон, 2006. 380 х.

Гэрэлсурэн Н., Алтай Д. Монголын эмэгтэйчүүдийн байгууллага. Туухэн товчоон 1924–2008. Улаанбаатар, 2008. 282 х.

Miyagasheva S.B. (2019) Mongolian emchi-lamas: from traditional therapy to European medicine (the 1920–1930s). *Manuskript = Manuscript.* Iss. 12. Vol. 12. Tambov. P. 123–129. (In Russ.) https://doi.orq/10.30853/manuscript.2019.12.23

Otgonmandakh M. (2019) About the history of Soviet-Mongolian cooperation in the field of healthcare (1921–1940)]. *Problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki i obrazovaniya v Mongolii i Rossii: mezhdunar. nauch. konf., Ulan-Bator, 26 aprelya 2019 g.*: *programmy i tezisy = Problems and prospects of economic and educational development in Mongolia and Russia: International Scientific Conference, Ulaanbaatar, April, 26, 2019: program and abstracts.* Cheboksary: Sreda. P. 71–80. (In Russ.)

Petrova M.P. (2019) Archival materials about Mongolian students in Leningrad in the 20th century from the Central state archive. *Kul'turnoe nasledie mongolov: kollektsii rukopisei i arkhivnykh dokumentov = Cultural heritage of the Mongols: collections of manuscripts and archival documents.* St. Petersburg – Ulan-Bator. P. 91–106. (In Russ.) DOI 10.25882/nmzc-d868

Filin S.A. (2017) Formation of European health care and veterinary systems in Mongolia in the XIX–XX centuries. *Istoriya meditsiny = History of medicine.* Vol. 4. No. 1. P. 52–61. (In Russ.)

Tsypilova S.S. (2012a) Constitutional rights of women in socialist and modern Mongolia. *Gumanitarnyi vektor. Ser. Istoriya, politologiya = Humanitarian vector. Ser. History, political science*. Chita. No. 2 (30). P. 179–184. (In Russ.)

Tsypilova S.S. (2012b) On the history of the women's movement in Mongolia (Soviet period). *Mir Tsentral'noi Azii–3: mezhdunar. nauch. konf., Ulan-Ude, 18–22 sentyabrya 2012 g.: programma i tezisy = World of Central Asia-3: International Scientific Conference, Ulan-Ude, September, 18–22, 2012: program and abstracts.* Ulan-Ude: Ottisk. P. 68–72. (In Russ.)

Shoidonova A.M. (2015) Mongolian workers' faculty in the education of the Mongols (1930–1940). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University.* Ser. Pedagogy. Philology. Philosophy. Ulan-Ude. Iss. 7. P. 259–262. (In Russ.)

Yatskovskaya K.N. (2007) From the “keepers of the secret of fire”. *Mongolica = Mongolica.* St. Petersburg. P. 10–19. (In Russ.)

BNMAU-yn erүүliig khamgaalakhyn 55 zhil (1921–1976 gg.) [55 years since the Foundation of the Mongolian People's Republic health service]. Ulaanbaatar: National press office Publ., 1977. 367 p. (In Mongolian)

Bold Sh. *Mongol ulamzhlalt anagaakh ukhaany tuukh* [History of the Mongolian traditional medicine]. Ulaanbaatar: Admon Publ., 2006. 380 p. (In Mongolian)

Gerelsuren N., Altai D. *Mongolyn emegteichuudiin baiguullaga. Tuukhen tovchoon 1924–2008* [Mongolian women's committee. Brief history 1924–2008]. Ulaanbaatar, 2008. 282 p. (In Mongolian)

Мэндсайхан Х. Монголын төр, нийгмийн зүтгэлтэн Нэмэндэйн Янжма (1893–1962). Улаанбаатар: ТЭПЭ, 2014. 192 х.

Нямаа Д. Их Д. Нацагдоржийн гэргий Пагмадуламын амьдрал, аж төрөл. Улаанбаатар: Бемби сан, 2009. 68 х.

Энхбаатор Л. Доктор Шастин. Улаанбаатар: Адмон, 2014. 322 х.

Критерии авторства

С.Б. Миягашева провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Миягашева Суржана Борисовна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Mendsaikhan Kh. *Mongolyn tөr, niigmiin zүtgelten Nemendein Yanzhma (1893–1962)* [Political and public figure of Mongolia Nemendein Yanzhma (1893–1962)]. Ulaanbaatar: TEPE Publ., 2014. 192 p. (In Mongolian)

Nyamaa D. *Ikh D. Natsagdorzhiin gergii Pagmadulamyn am'dral, azh tөrөl* [The life and work of the wife of great D. Natsagdorj Pagmadulam]. Ulaanbaatar: Bembi san Publ., 2009. 68 p. (In Mongolian)

Enkhbaator L. *Doktor Shastin* [Doktor Shastin]. Ulaanbaatar: Admon Publ., 2014. 322 p. (In Mongolian)

Attribution criteria

S.B. Miyagasheva conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Surjana B. Miyagasheva,
Cand. Sci. (History), research officer, Center of Oriental manuscripts,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: surjana.miyagasheva@imbt.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-279-289

Перспективы ввода китайских войск в Корею в 1970-е годы

© И.А. Топчий

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Настоящая работа посвящена вопросам оценки перспектив ввода китайских войск в КНДР (Корейскую Народно-Демократическую Республику) в 1970-е годы в случае повторения сценария Корейской войны 1950–1953 гг. Проведен краткий анализ международной обстановки, формальной (дипломатической) основы участия китайских Вооруженных сил в гипотетическом конфликте в Корее. Главное внимание уделено рассмотрению состояния китайских Вооруженных сил, возможностей НОАК (Народно-Освободительной Армии Китая) по военной помощи КНДР в рассматриваемый промежуток времени. На базе прежде всего зарубежной исследовательской литературы сделан вывод о слабой организации и технической оснащенности НОАК, превосходстве американских Вооруженных сил в возможностях по переброске войск на Корейский полуостров. Ценность работы – в привлечении преимущественно китайских источников. После окончания Корейской войны в 1953 году в Корее продолжала сохраняться напряженность. Новая война могла вспыхнуть в любой момент. Гарантия СССР и Китая уберегла США и Республику Корея от нового нападения на КНДР. В данной статье исследуются перспективы военной помощи Китая КНДР в 1970-х годах. Содержатся выводы об общих организационных и технических слабостях НОАК в этот период. Приводятся примеры из Китайско-вьетнамской войны 1979 года. Анализируются международная ситуация и формальные (дипломатические) основания для участия НОАК в гипотетическом конфликте в Корее. Затронут вопрос наличия американского ядерного оружия на Корейском полуострове – фактора, влияющего на оперативную, стратегическую и политическую ситуацию в регионе. По итогам сделаны выводы, приведенные в конце статьи.

Ключевые слова: КНДР, КНР, РК, китайские народные добровольцы, НОАК, войска, война, Северная Корея, Южная Корея, СССР, США

Информация о статье: поступила в редакцию 2 июля 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 22 июля 2020 г.; принята к публикации 10 августа 2020 г.

Для цитирования: Топчий И.А. Перспективы ввода китайских войск в Корею в 1970-е годы // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 279–289. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-279-289

Prospects for the entry of Chinese troops into Korea in the 1970s

© Ilya A. Topchiy

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: This work is devoted to the assessment of the prospects for the entry of Chinese troops into the DPRK (Democratic People's Republic of Korea) in the 1970s in the event of a repeat of the scenario of the Korean War of 1950–1953. A brief analysis of the international situation, the formal (diplomatic) basis for the participation of the Chinese armed forces in the hypothetical conflict in Korea is carried out. The main attention is paid to examining the state of the Chinese armed forces, the capabilities of the PLA (People's Liberation Army of China) for military assistance to the DPRK in the period under review. On the basis of previously foreign research literature, a conclusion was made about the weak organization and technical equipment of the PLA, the superiority of the American armed forces in the ability to transfer troops to the Korean Peninsula. The value of the work lies in attracting mainly Chinese sources. Tension in Korea continued after the end of the Korean War in 1953. A new war could erupt at any moment. The guarantee of the USSR and China kept the United States and the Republic of Korea from new attack on DPRK. This article is a private study of the prospects for China's military assistance to the DPRK in the 1970s. It contains conclusions about the general organizational and technical weaknesses of the PLA in this period. Examples

are given from the Sino-Vietnamese War of 1979. The international situation and the formal (diplomatic) basis for the participation of the PLA in a hypothetical conflict in Korea are analyzed. It touched upon the issue of the presence of American nuclear weapons on the Korean Peninsula – a factor influencing the operational, strategic and political situation in the region. Based on the results, the conclusions are drawn at the end of the article.

Keywords: DPRK, PRC, RK, Chinese people's volunteers, PLA, troops, war, North Korea, South Korea, USSR, USA

Article info: received July 2, 2020; revised July 22, 2020; accepted August 10, 2020.

For citation: Topchiy I.A. (2020) Prospects for the entry of Chinese troops into Korea in the 1970s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 279–289. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-279-289

Вступление

В октябре 1958 года последний китайский солдат покинул территорию Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Им оказался военнослужащий 1-го корпуса Народно-освободительной Армии Китая (НОАК), которая восемь лет присутствовала на территории Кореи в качестве «китайских народных добровольцев» (КНД; кит. 中国人民志愿军 – «чжунго жэньминь чжиюаньцзюнь») (Тянь Юсун, 2014; Ху Гуан Чжэн, Ма Шань Ин, 1987).

Теперь в КНДР полностью отсутствовали иностранные контингенты. Однако Китай продолжал держать вдоль границы с Кореей четыре корпуса – прообраз четырех армейских групп НОАК – сегодня там же. В Пхеньяне по-прежнему действовало представительство КНДР (оказалось закрыто в 1994 году), а в китайских официальных военных документах сохранялась категория «китайские военные добровольцы» (Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена…)[1].

В Пекине готовились ввести войска в КНДР в любой момент.

Такое положение вещей оставалось связано с тем, что Северная Корея как союзник Китая на Корейском полуострове (пусть и не всегда стабильный) постоянно жила под перспективой вторжения коалиционных сил Запада – США, Южной Кореи и возможного ряда иных государств. Падение КНДР, объединение Кореи под эгидой Вашингтона могло повлечь за собой угрозу уже для жизненно важных промышленных центров КНР, расположенных в Южной Манчжурии.

Напряженность сохранялась постоянно.

Например, в 1958–1961 годах, в связи с выводом китайских войск КНДР, лишенная союзных договорных обязательств со стороны СССР и КНР, оказалась в одном из самых угрожаемых периодов в своей истории. Американское присутствие в Южной Корее продолжало сохраняться. Более того в январе 1958 года Белый Дом ввез и разместил на территории Корейского полуострова ядерное оружие, нацеленное на Северную Корею (Lee Jae-Bong, 2009).

Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, содержавшие, в том числе, пункты о вступлении в войну в случае нападения на одну из договаривающихся сторон, подписанные с Москвой и Пекином в 1961 году, уменьшили вероятность новой войны, но не исключили её совсем. Шанс на новую эскалацию на Корейском полуострове сохранялся (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи…[2]; «11 июля 1961 года в Пекине был подписан…»[3]).

[1] Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена (на китайском) / 「志願軍」名義參戰至今未解散. Эппл Дэйли, 2018.

[2] Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР от 6 июля 1961 г. [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20420/volume-420-I-6045-Other.pdf (дата обращения 20.01.2020).

[3] «11 июля 1961 года в Пекине был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР» (на китайском) / 1961年7月11日《中朝友好合作互助條約》在北京簽訂. [Электронный ресурс]. URL:

Формально КНДР и РК находились в состоянии войны. В 1953 году было подписано только перемирие (соглашение о прекращении огня). К тому же ни Северная, ни Южная Корея не признавали факт существования друг друга (Text of the Korean war armistice agreement…)[4].

В 1966–1969 годах КНДР оказалась в ситуации нового кризиса в своей истории.

Во-первых, наяву встал вопрос о новом вторжении со стороны США и РК. Эта ситуация, получившая наименование «Конфликта на демилитаризованной зоне (ДМЗ»), в иных источниках именовалась «Второй корейской войной» (из-за большого количества вооруженных столкновений и различных пограничных инцидентов между противниками) (Bolger Daniel, 1991).

Во-вторых, такое положение вещей совпало с рядом столкновений между КНДР и КНР в конце 1960-х годов, связанных со старыми пограничными спорами и ухудшением отношений между двумя странами. В конфликте между СССР и КНР официальный Пхеньян придерживался скорее позиции Москвы (как более сильного «старшего брата»), что также не способствовало сближению со старым северо-западным союзником (Забровская, 2015).

Ситуация была стабилизирована к 1970-м годам. Статус нахождения КНДР «между молотом и наковальней» не устраивал ни СССР, ни КНР.

Перспективы китайской военной помощи КНДР в 1970-е годы

Относительно малые, компактные размеры Корейского полуострова (в азиатских масштабах) обеспечивали скорость продвижения по его территории, сокращая плечо подвоза. Сложный рельеф Кореи, климатические особенности (наличие длительного периода муссонных дождей), насыщенность войсками и плотность оперативных построений наоборот снижали такие темпы.

В комплексе эти причины приводили к скоротечности периода активной кампании в Корее в 1970-е годы. После чего (и после того, как стороны успевали отмобилизоваться и подтянуть подкрепления) неизбежно наступала пассивная фаза и оперативный тупик.

Соответственно, у обеих сторон конфликта сохранялся ограниченный промежуток времени для того, чтобы вступить в конфликт. У нападавших этот период определялся тем моментом, до которого они могли разгромить военный потенциал противника, а также занять его территорию. У оборонявшихся – той временной точкой, к моменту которой они могли стабилизировать ситуацию на стадии позиционного тупика и, возможно, перейти в контрнаступление.

НОАК 1970-х годов представляла собой не лучший образец для поддержки КНДР в возможной новой корейской войне. Раздутые организационно-штатные расписания, слабая и устаревшая материальная часть – вот признаки китайских войск в указанный период. И хотя НОАК к 1975 году достигла очередного (после 1951 года) пика своей численности в 6,1 млн человек, реальный её потенциал оставался ограничен (Сюн Цзянь. Краткая история сокращений китайских войск…)[5].

Лучшие кадровые части отвлекали южное (вьетнамское) и северное (советское) направления.

В 1973 году закончилась кровопролитная война во Вьетнаме 1964–1973 годов, хотя поддержка Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) продолжалась до 1976 года. А в 1979 году былые союзники столкнулись уже между собой. Началась китайско-вьетнамская война 1979 года.

Последняя наглядно показала состояние китайских Вооруженных сил. Для задействованной 600-тысячной группировки, включая ополчение (из которой на территорию Вьетнама ввели только

http://cpc.people.com.cn/GB/4162/64165/67447/67825/4577963.html

[4] Text of the Korean war armistice agreement [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20140305164517/http://news.findlaw.com/cnn/docs/korea/kwarmagr072753.html (дата обращения 20.01.2020).

[5] Сюнь Цзянь. Краткая история сокращений китайских войск (на китайском) / 熊建.中国军队历次裁军数据. [Электронный ресурс]. URL: http://politics.people.com.cn/n/2015/0903/c1001-27543904.html (29.09.2019).

200–250 тысяч человек и 550–600 танков), пришлось собирать боеспособные дивизии и отдельные полковые группы по всей стране (даже из состава войск, стоявших на китайско-корейской границе) (Чжицзюнь Ван, 2008; Zhang Xiaoming, 2005).

Причем качественно НОАК показала далеко не лучшие темпы ввода в бой и оперативного развертывания. Китайцы, конечно, добились определенных успехов в продвижении на приморском направлении в войне с вьетнамцами. Однако войска вводились в бой поэтапно, сильно дозированно, коммуникации оставались перегружены (особенно в горах), и Вооруженные силы (ВС) КНР добились лишь частных успехов.

Следует признать, что НОАК образца 1970-х годов переживала сложный переходный период и не вполне отвечала вызовам времени.

Краткая характеристика военно-оперативной обстановки на Корейском полуострове

1970-е годы стали временем заметного потепления отношений между КНДР и КНР. Начиная с 1978 года, новый лидер Китая Дэн Сяопин (кит. 邓先圣) неоднократно посещал Пхеньян. А в 1981 году стороны продлили совместный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1961 года ещё на 20 лет (Ahn Byung-Joon, 1992).

Китайское правительство активизировало поставки Северной Корее в рассматриваемый период. Многие образцы вооружения передавались даже в ущерб собственной обороноспособности.

Страдая от нехватки современной бронетехники (в силу слабости производственной базы, неспособной быстро насытить свои же войска), Пекин в первой половине 1970-х годов передал Пхеньяну от 50 до 175 танков Тип 59 (копий советских машин Т-54), некоторое количество танков Тип 62 (облегченных версий Т-54) и 100 легких плавающих танков Тип 63 (Stockholm Internation Peace Research Institute, 2017)[6].

Это было связано с постоянной угрозой со стороны США и Южной Кореи. И хотя американское правительство вывело в 1970–1971 годы треть своих войск с Корейского полуострова (7-ю пехотную дивизию, 20000 из 61500 военнослужащих здесь), вероятность новой войны сохранялась (Manny Seck, 2011).

1976 год стал годом нового кризиса, известного, как «Инцидент с убийством топором в Пханмунджоме» в КНДР (кор. 판문점 도끼살인사건); «Убийство топором 18 августа» в РК (кор. 8.18 도끼만행) и «Случай в Пханмунчжоме» в Китае (кит. 板门店事件). Гибель двух американских офицеров в пограничном инциденте привела к эскалации. Она же чуть не стала причиной новой региональной войны, способной перерасти в мировую и ядерную (Корейская ассоциация культурного наследия…)[7].

К тому же США обладали арсеналом из примерно 10 000 зарядов тактического ядерного оружия непосредственно на Корейском полуострове. Этого потенциала было достаточно, чтобы равномерно выжечь всю территорию КНДР, составлявшую чуть больше 121 тысячи км^2 (Lee Jae-Bong, 2009).

Вашингтон обладал потенциалом развернуть полумиллионную группировку против КНДР в двухмесячный срок. Ориентировочно эти силы должны были включать в себя 7 авианосных групп, 1500–2000 самолетов (в том числе палубная авиация), несколько сотен танков. Вместе с прошедшими мобилизацию южнокорейскими войсками, численно превосходившими КНА (Корейскую Народную армию – Вооруженные силы КНДР) дисбаланс сил оказался бы катастрофическим (Richard Winship Stewart, 2005; Действовал единый план…[8]).

[6] Stockholm Internation Peace Research Institute – Arms Transfers Database. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (дата обращения 20.01.2020).

[7] Корейская ассоциация культурного наследия. Инцидент войны топоров. 1996 (на корейском) / 한국 민족문화 대백과 - 팔 일팔 도끼 만행 사건, 한국학 중앙연구원. 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Index?contents_id=E0059772 (дата обращения 20.01.2020).

[8] Действовал единый план по сокращению сил США и РК во Вьетнаме. 2014 (на корейском) / 진짜 배후는 주한미군 · 한국군 동시 감축 계획 이었나. 2014. URL:

В такой ситуации возможность сохранения паритета в Корее, путем возможного быстрого броска войск НОАК на юг, в сердце Корейского полуострова, оставалась для КНР насущной необходимостью.

Китайский Генеральный штаб НОАК (кит. 中国人民解放军 总参谋部 – «чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзун цаньмоу бу», основан в октябре 1954 года) как профильная структура имел планы войны на территории всех сопредельных государств. Не являлась исключением и Северная Корея, выступавшая к тому же важнейшим стратегическим плацдармом, союзником и буфером во взаимоотношениях между Китаем и Западом (История Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, 2007).

По сути, способы войны китайских войск на территории КНДР сводились к следующим нескольким вариантам (последовательность приведения примеров случайная, перечень неполный):

– 1-й. Совместная (с США и РК) атака КНДР, блицкриг захват максимума территории КНДР, раздел Северной Кореи с коалицией западных и прозападных сил во главе с США.

– 2-й. Блицкриг в отношении КНДР, стремление занять территорию республики целиком. Был мало возможен в силу неспособности НОАК решить проблему в считанные дни и неизбежного вступления в войну США и Южной Кореи, с их многочисленными сухопутными войсками.

– 3-й. Атака КНДР коалицией западных и прозападных сил во главе с США, приход НОАК на помощь КНА в качестве официального военного союзника (стандартный и наиболее вероятный вариант).

– 4-й. Атака КНДР коалицией западных и прозападных сил во главе с США, крах государственности Северной Кореи и, соответственно, занятие НОАК остаточных (и лишенных государственности) территорий КНДР, с дальнейшим противоборством с США –РК (либо с заключением соглашения о разграничении). Нечто подобное тому, что произошло во время кампании советских войск в фактически прекратившей существовать Польше, начиная с 17 сентября 1939 года.

– 5-й. Ввод китайских войск в качестве новых КНД без официального вступления Китая в войну по образцу, как это было сделано в 1950 году (Юаньчжан Ли, 2003; Топчий, 2018).

В комплексе в наши дни такой набор вариаций в американской военной доктрине получил пышное наименование «операции полного спектра» (образа действий «на все случаи жизни») (Fontenot Gregory, Degen E.J., Tohn David, 2005).

Следует отметить, что несмотря на некоторое потепление отношений с США, начиная с конца 1960-х годов (связанное прежде всего с конфронтацией с СССР и некоторыми экономическими преференциями, предоставленными Западом), в Пекине по-прежнему рассматривали Вашингтон как одного из важнейших военных противников (Юаньчжан Ли, 2003).

Потенциал НОАК для возможной новой войны в Корее в 1970-е годы

Для целей возможной операции планировалось задействовать приграничную группировку войск Шэньянского военного округа, усилив её войсками из Пекинского военного округа и Северным флотом ВМС НОАК.

Состав сил вдоль китайско-корейской границы практически не менялся с 1967–1969 годов. Войска включали в основном второразрядные дивизии категории «Б», в то время как во Вьетнам входили качественно лучшие части с новейшей бронетехникой – танками Тип 59, Тип 62 и Тип 63) (Развитие пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая…[9]; Положения Центральной военной комиссии…[10]).

http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/619248.html (дата обращения 20.01.2020).

[9] Развитие пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая с момента основания Китайской Народной республики. 2011.(на китайском) / 建国后中国人民解放军步兵师的发展（2011年版）. 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://club.xilu.com/zgjsyj/msgview-819697-74513.html (дата обращения 20.01.2020).

[10] Положения Центральной военной комиссии по объединению, организации и численности войск. 2017. (на китайском) / 中央军委关于统一全军组织及部队番号

К тому же ситуация 1970-х годов в значительной мере отличалась от ситуации осени 1950 года (когда состоялось вступление КНД в Корейскую войну 1950–1953 годов):

1. Изменился облик китайских Вооруженных сил. Если в 1950 году это была легкая пехота, с минимумом вооружения, не требовавшая значительного снабжения (и парка техники для обеспечения такого снабжения), способная быстро наступать через горы, то спустя 20–30 лет китайские войска прошли значительную механизацию («утяжелились»). Так, например, китайская моторизованная дивизия в конце 1970-х годов могла иметь в своем составе до 850–900 грузовиков и прочей автотехники, 110 артиллерийских систем, свыше 230 танков и САУ. Танковая дивизия могла иметь от 240 до 320 танков и САУ. Такому громоздкому формированию уже требовались дороги для беспрепятственного движения и большое количество воинского довольствия (прежде всего, топлива, ГСМ и боеприпасов, как лидирующих позиций в номенклатуре снабжения) (Историческая эволюция отдельных подразделений (дивизий)…, 2000).

2. В кампанию 1950 года КНД противостояли западные и южнокорейские войска, с растянутыми линиями снабжения, часто лишенные местного, портового, обеспечения. Пройдя через горные массивы, китайцы расклинили силы неприятеля, наступавшие по расходящимся направлениям вдоль побережий. Местами легкая китайская пехота вышла на сообщения, местами – столкнулась во фронтальных боях с передовыми частями западных войск (коалиции ОНН во главе с США). В гипотетической ситуации нового корейского конфликта 1970-х годов ожидались лобовые сражения с главными силами противника, имевшими все необходимое вблизи линии фронта на местности, лишенной возможности для маневрирования.

3. Танковые войска НОАК, плохо оснащенные новыми ОБТ второго поколения (основными боевыми танками; Т-54/55 и их китайскими клонами), состояли большей частью из морально устаревших Т-34-85, КВ и ИС). Тем самым китайцы проигрывали в танках как основном средстве прорыва и, следовательно, со стороны КНР вперед опять выходило стандартное артиллерийское наступление со сбережением ресурса танков (а не мобильная война) (Краткая история 5-й танковой дивизии…, 2016; История 3-й танковой дивизии…[11]; История 4-й танковой дивизии…, 2009).

Китайский первый эшелон вторжения (войска, уже находившиеся в приграничной зоне) включал прежний наряд сил (как и в 1960-е годы). Туда входили: 16-й, 39-й, 40-й и 64-й армейские корпуса, 5 дивизий ВВС, 2-3 отдельные артиллерийские дивизии, 2–3 дивизии ПВО, 2–3 дивизии инженерных войск, части в ведении Министерства внутренней безопасности КНР (кит. 公安部 – пограничные и внутренние войска, около 50 тысяч человек). Эти войска также подкреплялись китайским территориальным ополчением в южной Манчжурии.

При этом часть потенциала ВВС предполагалось оставить на аэродромах в резерве (из-за угрозы с севера, со стороны СССР). Оставшуюся часть предполагалось применять дозировано (хотя потенциал ПВО КНДР оценивался слабее, чем возможности ПВО Вьетнама).

В 1979 году практически все дивизии перспективного «корейского театра военных действий» (из Шэньянского военного округа) были ослаблены выделением полковых групп для войны во Вьетнаме (имели в основе двухполковую структуру). 192-я дивизия 64-го корпуса выдвинулась на китайско-вьетнамский фронт целиком. Отдельные части (как правило, разведывательные роты, артиллерийские батареи и дивизионы ПВО) «корейских» дивизий также оказались передислоцированы на север, против СССР.

213-я дивизия (предназначенная для действий в районе горы Пэктусан), которую китайцы называли «горной пехотой», по факту вообще представ-

的 规定》. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/reference/23742767/9b9bwhjhmgdoLGk-qjI-FebH94yXKTnhq2Qj7TtsF0MUSMktNzu-sQ0k0MvJzL8kjUUDLhRr217VYgo7Jcb29Z225gcWDISXEj9Gu8-mrSKx3T9sq6sAG7c (дата обращения 20.01.2020).

[11] История 3-й танковой дивизии. 2009. (на китайском) / 坦克 第 3 师 历史. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://club.xilu.com/zgjsyj/msgview-819697-65739.html (дата обращения 20.01.2020).

ляла собой гарнизонную стационарную часть, неспособную к стремительным действиям. Предполагалось, что в случае открытия военных действий данная дивизия окажется способна выставить в горах в лучшем случае ПТГ (полковую тактическую группу) на базе собственного танкового полка (два батальона, 80 Т-34-85 по штату) (Историческая эволюция отдельных подразделений (дивизий)…, 2000).

Всего для кампании имелось 13–14 дивизий первого эшелона (частью второразрядные; без артиллерийских дивизий и дивизий ПВО): 4-я и 5-я танковые, 46-я, 48-я, 115-я, 116-я, 117-я, 118-я, 119-я, 120-я, 190-я, 191-я, а также 192-я (кроме 1979 года) дивизии прочих типов (в основном пехотные; в рассматриваемый период все они именовались «армейскими»), 213-я горная или гарнизонная дивизия.

Они подкреплялись 5 дивизиями ВВС (1-й, 4-й, 30-й истребительными, 11-й и 21-й смешанными авиационными), а также спецназом и полумиллионным Народным ополчением Китая (кит. 解放军民兵), которое предполагалось собрать в Южной Манчжурии. 21-ю авиационную дивизию (место дислокации Муданьцзян, кит. 牡丹江), стоит отметить, предполагалось также задействовать против СССР, поэтому её участие в кампании в Корее минимизировалось.

Эти силы предполагалось подкрепить войсками второго эшелона из-под Пекина и Тяньзиня. Они включали в себя 5 дивизий трех корпусов (24-го, 65-го и 66-го): 1-ю танковую, 70-й, 71-й, 194-й и 197-й армейские дивизии.

Поддержку второй волны наступления должны были осуществлять 1 артиллерийская и 1 инженерная (железнодорожная) дивизии, а также (весьма ограниченно, из-за необходимости прикрытия столичного региона) 2 авиационные дивизии: 12-я и 24-я истребительные (Железнодорожные войска…[12]; Развитие пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая…[13]; Историческая эволюция отдельных подразделений (дивизий)…, 2000; Положения Центральной военной комиссии…[14]).

Флот ВМФ Китая в рассматриваемый период насчитывал 360 тысяч человек (в том числе 38 тысяч морских пехотинцев). Личный состав оставался совершенно избыточным относительно корабельного. 11 эсминцев (7 «Тип-051», четыре класса «Аншан», 2040–3570 тонн водоизмещения), 14 фрегатов (по советской классификации БПК – больших противолодочных кораблей), 92 субмарины (в том числе одна атомная), 160 ракетных и торпедных катеров, 20 тральщиков, 31 десантное судно и прочие суда не оправдывали такого количества моряков.

Только часть этих сил входила в состав Северного флота ВМС НОАК и могла быть использована против КНДР. К тому же большая часть флота оставалась сидеть на основной базе в Циндао в связи с тем, что целесообразность её применения против берега отсутствовала. Тем не менее это было ещё несколько десятков тысяч офицеров, матросов и морских пехотинцев (Cheung Tai Ming, 1990).

В сумме это давало примерно миллионную группировку против КНДР (50 % регулярных войск, 50 % ополчения). Из них реально в первой и второй линиях могло войти на территорию Северной Кореи не более 250 тысяч активных штыков (25 % от общего числа).

[12] Железнодорожные войска в истории нашей армии (на китайском) / 我军 历史 上 短暂 的 铁道 公安 部队 史 [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_61822ca80102dv9t.html (дата обращения 20.01.2020).

[13] Развитие пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая с момента основания Китайской Народной республики. 2011 (на китайском) / 建国 后 中国人民解放军 步兵 师 的 发展 （2011 年 版） [Электронный ресурс]. URL: http://club.xilu.com/zgjsyj/msgview-819697-74513.html (дата обращения 20.01.2020).

[14] Положения Центральной военной комиссии по объединению, организации и численности войск). 2017 (на китайском) / 中央军委 关于 统一 全军 组织 及 部队 番号 的 规定》. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/reference/23742767/9b9bwhjhmgdoLGk-qjI-FebH94yXKTnhq2Qj7TtsF0MUSMktNzu-sQ0k0MvJzL8kjUUDLhRr217VYgo7Jcb29Z225gcWDISXEj9Gu8-mrSKx3T9sq6sAG7c (дата обращения 20.01.2020).

Авиационная группировка насчитывала порядка 500 самолетов (преимущественно истребителей). Танковый парк «новых КНД» располагал 2000 танками разной степени готовности. Артиллерия включала в себя 2500–2800 орудий и РСЗО, без ракетных установок (в составе отдельных подразделений НОАК) и минометов.

Китайские копии советских Т-54/55 – Тип 59 и Тип 62, – составляли не более 10 % данного парка. Основную массу – до 90 %, – бронетехники представляли старые советские танки Т-34-85, ИС-2, КВ, а также САУ Су-76 и Су-100) (Железнодорожные войска…[15]; Развитие пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая…[16]; Историческая эволюция отдельных подразделений (дивизий)…, 2000; Положения Центральной военной комиссии…[17]).

Для сравнения: в кампанию 1950 года для операций в Северной Корее в Манчжурии была собрана 640-тысячная армия (236 тысяч регулярных войск, 374 тысячи ополченцев и 30 тысяч корейских новобранцев). Из них на территорию Кореи в трехнедельный промежуток времени смогло войти меньше трети (203 тысячи штыков, 32 %) (История войны против американской агрессии и помощи Корее, 2000).

Сроки ввода войск НОАК в 1970-е годы оставляли желать лучшего. С 1969 года между Китаем и КНДР отсутствовали приграничные столкновения, и потому войска на юго-востоке Манчжурии, как полагали в Пекине, «расслабились». Темпы же переброски новых частей и соединений из глубины страны (в основном с юга и запада) исчислялись неделями, и, соответственно, подкрепления заметно отставали от вступления в войну войск первой и второй волн поддержки Северной Кореи (История Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, 2007; Chin O. Chung, 1978).

Беря пример с Китайско-вьетнамской войны: в 1979 году НОАК потребовалось три недели, чтобы ввести на территорию ДРВ от 200 до 250 тысяч человек (значение, сопоставимое с оценками подкрепления для КНДР). Эти сроки не включали в себя довольно значительное время на приведение в боевую готовность, переброску и сосредоточение войск в приграничной полосе (Чжицзюнь Ван, 2008; Zhang Xiaoming, 2005).

Ориентировочно 250-тысячная китайская армия (две первых волны подкрепления) могла прийти на помощь Северной Корее в течение первых полутора – двух месяцев. Данный показатель зависел даже не столько от состояния железнодорожных путей (они позволяли перевозить больше), сколько от фактора наличия доступных сил. Прибытие третьего эшелона (войск из глубины страны) предполагалось только по истечении указанного периода (Железнодорожные войска…[18]; История Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, 2007).

Выводы

1. КНР (и группировка войск в северо-восточном Китае) в 1970-е годы не имела достаточного потенциала для быстрого прихода на помощь КНДР. Дивизии НОАК в Шэньянском и Пекинском военных округах технологически остались на

[15] Железнодорожные войска в истории нашей армии) (на китайском) / 我军历史上短暂的铁道公安部队史. [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_61822ca80102dv9t.html (дата обращения 20.01.2020).

[16] Развитие пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая с момента основания Китайской Народной республики. 2011 (на китайском) / 建国后中国人民解放军步兵师的发展（2011年版）[Электронный ресурс]. URL: http://club.xilu.com/zgjsyj/msgview-819697-74513.html (дата обращения 20.01.2020).

[17] Положения Центральной военной комиссии по объединению, организации и численности войск. 2017 (на китайском) / 中央军委关于统一全军组织及部队番号的规定》. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/reference/23742767/9b9bwhjhmgdoLGk-qjI-FebH94yXKTnhq2Qj7TtsF0MUSMktNzu-sQ0k0MvJzL8kjUUDLhRr217VYgo7Jcb29Z225gcWDISXEj9Gu8-mrSKx3T9sq6sAG7c (дата обращения 20.01.2020).

[18] Железнодорожные войска в истории нашей армии (на китайском) / 我军历史上短暂的铁道公安部队史. [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_61822ca80102dv9t.html (дата обращения 20.01.2020).

уровне Второй мировой войны, за редким исключением (а все самое современное развернули против СССР и Вьетнама). Большой процент войск составляли гарнизонные и прочие тыловые части.

2. Западные страны (во главе с США) явно превосходили КНР по темпам развертывания на территории Кореи. Пентагон мог доставить воздухом и морем в два раза больше войск в двухмесячный срок, чем Китай по суше; качественно соотношение оставалось ещё более не в пользу НОАК. К тому же американцы располагали большими запасами вооружений прямо на территории РК, что заметно облегчало логистику. А наличие у Вашингтона большого количества ТЯО в регионе делало данное превосходство катастрофическим.

3. Возможность массового применения группировки НОАК на ТВД ограничивалось слабостью военной и транспортной инфраструктуры Китая, низким технологическим уровнем его армии. Парадокс: КНР имела много войск (больше всех на планете), но мало действительно качественных войск. Именно потому Пекин теоретически имел возможность ввести до 40–50 расчетных дивизий (400–500 тысяч солдат) в двухнедельный срок на территорию КНДР и снабжать их, в основном посредством железных дорог (для перевозки дивизии требовалось минимум 20–25 эшелонов; с учетом худшего состояния подвижного состава ещё больше). Однако реально китайцы могли задействовать 250 тысяч «активных штыков» из миллионной группировки в течение полутора – двух месяцев (остальные три четверти составили бы ополченцы, снабженцы, тыловики, пограничники, моряки и так далее). На большее попросту не было нужных ресурсов под рукой (дивизий категории «А»). Прибытие же дополнительных частей и соединений из глубины страны (третьего эшелона) откладывалось на двухмесячный срок.

4. НОАК образца 1970-х годов патологически была не способна на фронтовую операцию на большую глубину, с серьезной маневренной войной на уровне корпус и выше (с способностью окружать дивизии-корпуса противника). Для этого у неё не было достаточного материально-технического обеспечения. Кроме того, специфика местности в Корее не способствовала маневрированию.

5. Многомиллионное китайское территориальное ополчение являлось оборонительным, а не атакующим фактором. Концепция «народной войны», принятая в Китае, не работала при наступлении. Поэтому в возможной «братской помощи» КНДР народные ополченцы Китая особой роли не играли (и заместить собой ударные части не могли).

6. Основным «аргументом» НОАК в 1970-е годы продолжала оставаться артиллерия. Её было много, китайцы умели её массировать и грамотно использовать. Град осколков и разрывов снарядов, сплошное море огня – вот те обстоятельства, которые могли остановить контрудары качественно превосходивших танков и пехоты противника.

7. Основными сдерживающими факторами от начала новой войны против КНДР в 1970-е годы оставались: ядерная гарантия Москвы и перспектива начать новую мировую войну (с применением атомного оружия), психологический надлом американского общества и элиты от недавней не слишком удачной войны во Вьетнаме (в 1964–1973 годах) и сложность рельефа самого Корейского полуострова, не позволявшего быстро добиться победы.

8. Для более полноценного и эффективного столкновения со странами Запада (прежде всего, США) Китаю требовались коренная реформа вооруженных сил, с обновлением парка вооружений, для чего следовало модернизировать экономику, создав сильный экономический базис для армии и флота. Чем лидеры КНР с успехом занялись в дальнейшем и занимаются в наши дни.

Библиографический список

Забровская Л.В. Решение пограничных вопросов между КНР и КНДР // Общество и государство в Китае, 2015. Т. 45. № 2. С. 539–545.

References

Zabrovskaya L.V. (2015) The solution of border issues between the PRC and the DPRK. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye = Society and State in China.* Vol. 45. No. 2. P. 539–545. (In Russ.)

Топчий И.А. Процесс военного строительства на Корейском полуострове. Иркутск: Форвард, 2018. Т. I. 352 с.

Ahn Byung-Joon. Prospects for Sino-South Korean relations: a Korean perspective, The Journal of East Asian Affairs, 1992. Vol. 6, No. 1, pp. 51–65. (на английском).

Bolger Daniel. Scenes from an Unfinished War: Low intensity conflict in Korea 1966–1969. DIANE Publishing Company. 1991. 180 p. (на английском).

Cheung Tai Ming. Growth of Chinese Naval Power: Priorities, Goals, Missions, and Regional Implications. Singapore: Institute of Southeast Asian. 1990. 64 p. (на английском).

Chin O. Chung. Pyongyang Between Peking and Moscow: North Korea's Involvement in the Sino-Soviet Dispute, 1958–1975. University, Ala.: University of Alabama Press, 1978. Pp. x + 230. (на английском).

Fontenot Gregory, Degen E.J., Tohn David. On Point: The United States Army in Operation Iraqi Freedom. Annapolis, Md.: Naval Institute Press. 2005. 539 pp. (на английском).

Lee Jae-Bong. US Deployment of Nuclear Weapons in 1950s South Korea & North Korea's Nuclear Development: Toward Denuclearization of the Korean Peninsula. The Asia-Pacific Journal / Japan Focus. 2009. Vol. 7. Iss. 8. No. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://apjjf.org/-Lee-Jae-Bong/3053/article.html (дата обращения 20.01.2020). (на английском).

Manny Seck. The Quiet War: the US Army in the Korean Demilitarized Zone, 1953–2004. Charles Town: American Public University System. 2011. 103 p. (на английском).

Richard Winship Stewart. American Military History Volume II: The United States Army in a Global Era, 1917–2003. Department of the Army. 2005. 542 p. (на английском).

Zhang Xiaoming. China's 1979 War with Vietnam: A Reassessment. China Quarterly. Iss. 8. No. 184, 2005, pp. 851–874. (на английском).

Краткая история 5-й танковой дивизии НОАК // Гуманитарная история. 2016. (на китайском) / 【人文历史】坦克 第五 师 简史 （装甲 第五 旅） _ 铁军 部落 _ 职场 _ 西祠胡同 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xici.net/d147785023.htm (дата обращения 20.01.2020).

Историческая эволюция отдельных подразделений (дивизий) в военных округах Китая). 2000. (на китайском) / 中国 各省 军区 独立 师 的 历史 沿革.

История войны против американской агрессии и помощи Корее. Пекин: Издательство военной научной академии Китая, в 3 томах, 2000. (на китайском) /抗美援朝战争史.

Topchiy I.A. (2018) The process of military construction on the Korean Peninsula. Irkutsk: Forward. Vol. I. 352 p. (In Russ.)

Ahn Byung-Joon. Prospects for Sino-South Korean relations: a Korean perspective, The Journal of East Asian Affairs, 1992. Vol. 6. No. 1, pp. 51–65 (In Eng.)

Bolger Daniel. Scenes from an Unfinished War: Low intensity conflict in Korea 1966–1969. DIANE Publishing Company. 1991. 180 p. (In Eng.)

Cheung Tai Ming. Growth of Chinese Naval Power: Priorities, Goals, Missions, and Regional Implications. Singapore: Institute of Southeast Asian. 1990. 64 p. (In Eng.)

Chin O. Chung, Pyongyang Between Peking and Moscow: North Korea's Involvement in the Sino-Soviet Dispute, 1958–1975. University, Ala.: University of Alabama Press, 1978. Pp. x + 230. (In Eng.)

Fontenot, Gregory, E. J. Degen, Tohn David. On Point: The United States Army in Operation Iraqi Freedom. Annapolis, Md.: Naval Institute Press. 2005. 539 pp. Annapolis, Md.: Naval Institute Press. 2005. 539 pp. (In Eng.)

Jae-Bong Lee. US Deployment of Nuclear Weapons in 1950s South Korea & North Korea's Nuclear Development: Toward Denuclearization of the Korean Peninsula. The Asia-Pacific Journal / Japan Focus. 2009. Available from: https://apjjf.org/-Lee-Jae-Bong/3053/article.html (Accessed 20.01.2020). (In Eng.)

Seck Manny. The Quiet War: the US Army in the Korean Demilitarized Zone, 1953–2004. Charles Town: American Public University System. 2011. 103 p. (In Eng.)

Stewart Richard Winship. American Military History Volume II: The United States Army in a Global Era, 1917–2003. Department of the Army. 2005. 542 p. (In Eng.)

Zhang Xiaoming. China's 1979 War with Vietnam: A Reassessment. China Quarterly. Iss. 8. No. 184, 2005, pp. 851–874. (In Eng.)

【人文 历史】坦克 第五 师 简史 （装甲 第五 旅） _ 铁军 部落 _ 职场 _ 西祠胡同 [A brief history of the 5th PLA Armored Division], 2016. Available from: http://www.xici.net/d147785023.htm (Accessed 20.01.2020). (In Chinese)

中国 各省 军区 独立 师 的 历史 沿革 [The historical evolution of individual units (divisions) in the military districts of China] (In Chinese)

抗美援朝战争史 [History of War to Resist America and Aid Korea in 3 Volumes]. Beijing: Chinese Military Science Academy Publishing House, 2000 (In Chinese)

История Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая. 2007. (на китайском) / 中国人民解放军 总参谋部 沿革.

История 4-й танковой дивизии НОАК. 2009. (на китайском) / 装甲 4 师 沿革 史.

Тянь Юсун. Разные намерения, звучащие в один голос: предопределение необходимости вывода китайских войск из КНДР в 1958. // Журнал Ляочэнского университета (Издание по социальным наукам). 2014. Выпуск 163. 15 с. (на китайском) / 同声异汽：中国1958年从朝鲜全部退军方案的形成 [Электронный ресурс]. URL: https://harvard-yenching.org/features/hyi-working-paper-series-tian-wuxiong (дата обращения 20.01.2020).

Ху Гуан Чжэн, Ма Шань Ин. Расписание войск китайских народных добровольцев. Пекин: Издательство Китайской Народно-Освободительной Армии, 1987. (на китайском) / 胡光正, 马善营. 中国人民志愿军序列.

Чжицзюнь Ван. История войны во Вьетнаме в 1979 году. Гонконг: Starker Publishing (Hong Kong) Co., Ltd., 2008. (на китайском) / 王志军：《1979 对 越 战争 亲历记》，2008 年 12 月 星 克尔 出版 （香港） 有限公司.

Юаньчжан Ли. Эволюция политики на Корейском полуострове между Китаем и Соединенными Штатами: от конфронтации к координации. Гонконг: Гонконгская социальная научная пресса, 2003. (на китайском) / 李元烨: 中美 两国 的 朝鲜 半岛 政策 演进 历程 研 究: 从 对抗 走向 协调.

中国人民解放军 总参谋部 沿革 [History of the General Staff of the People's Liberation Army of China] (In Chinese)

装甲 4 师 沿革 史 [History of the 4th PLA Armored Division] (In Chinese)

同声异汽：中国1958年从朝鲜全部退军方案的形成 [Tian Wuxiong. Different Intentions with One Voice: The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958 // Journal of Liaocheng University (Social Science Edition)]. 2014. Iss. 163. 15 p. Available from: https://harvard-yenching.org/features/hyi-working-paper-series-tian-wuxiong (Accessed 20.01.2020). (In Chinese)

胡光正, 马善营. 中国人民志愿军序列 [Chinese People's Volunteer Army Order of Battle]. Beijing: Chinese People's Liberation Army Publishing House, 1987. (In Chinese)

王志军：《1979 对 越 战争 亲历记》，2008 年 12 月 星 克尔 出版 （香港） 有限公司 [The history of the Vietnam War in 1979]. Starker Publishing (Hong Kong) Co., Ltd., 2008 (In Chinese)

李元 烨: 中美 两国 的 朝鲜 半岛 政策 演进 历程 研 究: 从 对抗 走向 协调 [The evolution of politics on the Korean Peninsula between China and the United States: from confrontation to coordination]. Hong Kong Social Science Press, 2003 (In Chinese)

Критерии авторства

И.А. Топчий выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

I.A. Topchiy performed research work, based on the results obtained and generalized, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article, and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Топчий Илья Альбертович,
аспирант кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: authoranalitic@rambler.ru

Information about the author

Ilya A. Topchiy,
Graduate student of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: authoranalitic@rambler.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–2500 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 200–2500 words, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (36) 2020

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.09.20. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 37,25.
Тираж 500 экз. Заказ 197. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83